This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

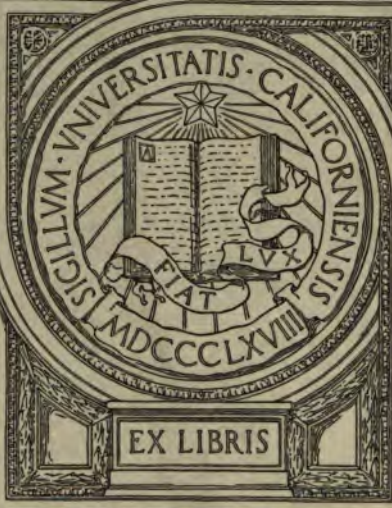
+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

UC-NRLF
$B 189 314

·FROM·THE·LIBRARY·OF·
·PAUL N·MILIUKOV·



·FROM·THE·LIBRARY·OF·
·PAUL N·MILIUKOV·

SIGILLVM·VNIVERSITATIS·CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII

EX LIBRIS

ГЕНРИХЪ ГЕЙНЕ.

(По портрету Кица 1851 г.).

Артистич. зав. А. Ф. Маркса. Спб. Измайл. пр. 22

Polnoe Sobranie

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

Sochinenii

СОЧИНЕНІЙ

Genrikha Geine

ГЕНРИХА ГЕЙНЕ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

Подъ редакціею и съ біографическимъ очеркомъ

Петра Вейнберга.

Съ приложеніемъ двухъ портретовъ Гейне.

Tom IV

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1904 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.

1904.

Артистич. заведеніе А. Ф. Маркса, Измайл. пр., № 29.

WILLIAMS LIBRARY

PT2320
R6A1
1904
v.4

ФРАНЦУЗСКІЯ ДѢЛА.

(1832 г.).

M304440

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ПРЕДИСЛОВІЮ.

Какъ я слышу, мое предисловіе къ «Французскимъ Дѣламъ» появилось въ печати въ такомъ искаженномъ видѣ, что я считаю своей обязанностью издать его въ его первоначальной цѣлости. Прилагая при семъ отдѣльный оттискъ съ него, прошу отнюдь не приписывать мнѣ желанія нарочно раздражить или обидѣть лицъ, пользующихся нынѣ властью въ Германіи. Напротивъ, насколько позволяла истина, я старался смягчить свои выраженія. Поэтому я былъ немало удивленъ, когда увидѣлъ, что въ Германіи находятъ это предисловіе все еще слишкомъ ѣдкимъ. Боже милостивый! Что же это будетъ, если я, давъ волю своему сердцу, позволю ему откровенно высказаться въ выпущенной на свободу рѣчи! А это можетъ случиться! Отвратительныя извѣстія, которыя, какъ вздохи, доносятся къ намъ ежедневно изъ-за Рейна, въ состояніи понудить меня къ этому. Напрасно стараетесь вы уронить въ общественномъ мнѣніи друзей отечества и ихъ принципы, выдавая эти послѣднія за «французскія революціонныя ученія», а первыхъ за «французскую партію въ Германіи»; вѣдь вы всегда спекулируете на всемъ, что есть дурного въ нѣмецкомъ народѣ, на національной ненависти, на религіозныхъ и политическихъ суевѣріяхъ, и вообще на глупости. Но вы не знаете, что и Германію уже больше не обманешь старыми уловками, что даже нѣмцы замѣтили, что національная ненависть служитъ только средствомъ для порабощенія одной націи другою, и что вообще въ Европѣ нѣтъ больше націй, а есть только двѣ партіи, изъ которыхъ одна, называемая аристократіей, воображаетъ себя привилегированной по рожденію и завладѣла всѣми благами гражданскаго общества, тогда какъ другая, называемая демократіей, требуетъ признанія своихъ неотъемлемыхъ человѣческихъ правъ и

уничтоженія всякой привилегіи рожденія во имя разума. По настоящему вы должны были бы называть насъ небесной, а не французской партіей, ибо эта декларація человѣческихъ правъ, на которой основана вся наша государственная наука, пришла не изъ Франціи, хотя, правда, тамъ она была провозглашена всего торжественнѣе, и даже не изъ Америки, откуда вывезъ ее Лафайетъ, а съ неба, вѣчной отчизны разума.

Какое это для васъ фатальное слово: «разумъ»! Конечно, для васъ столь же фатальное, какъ и для наслѣдственныхъ враговъ разума, нашихъ клерикаловъ, царству которыхъ онъ также положилъ конецъ, и которые, въ виду общей бѣды, вступили съ вами въ союзъ.

Выраженіе «французская партія въ Германіи» особенно сегодня не выходитъ у меня изъ головы, потому что утромъ, въ послѣдней книжкѣ «Edinburgh Review» оно особенно поразило меня. Тамъ была характеристика стиховъ Уланда, добраго ребенка, и мопхъ, злого ребенка, котораго выставили какъ главу «французской партіи въ Германіи». Все это, повидимому, только отклики нѣмецкихъ журналовъ, которыхъ, къ сожалѣнію, я здѣсь не вижу. Впрочемъ, если я не могу оцѣнить ихъ по достоинству въ настоящую минуту, то сдѣлаю это какъ-нибудь въ другой разъ, ко всеобщему благу. Будучи въ продолженіе десяти лѣтъ постояннымъ предметомъ современной критики, обсуждавшей то pro, то contra, но всегда со страстностью, все, что я писалъ, я, полагаю, въ достаточной мѣрѣ доказалъ свое равнодушіе къ печатнымъ отзывамъ обо мнѣ; поэтому, если я теперь буду иногда упоминать объ этихъ отзывахъ, чего до сихъ поръ никогда не дѣлалъ, то всякій, надѣюсь, пойметъ, что не личная обидчивость писателя, а общіе интересы гражданина вызываютъ слово съ моей стороны. Къ сожалѣнію, какъ уже было сказано, теперь въ Парижѣ, помимо политическихъ газетъ, попадается очень мало современныхъ нѣмецкимъ произведеній. Отсутствіе ихъ непріятно мнѣ во всѣхъ отношеніяхъ. По правдѣ сказать, въ этомъ грандіозномъ городѣ, гдѣ каждый день разыгрывается кусочекъ всемірно-исторической трагедіи, было бы пикантно позаняться иногда для контраста нашими домашними друзьями. Одинъ молодой человѣкъ недавно писалъ мнѣ, что въ прошломъ году онъ напечаталъ нѣсколько ругательствъ на меня, и просилъ меня не сердиться на него за это, такъ какъ мои антинаціональныя идеи вызвали въ его душѣ бурю, и онъ,

въ порывѣ патріотическаго негодованія, былъ не въ силахъ сдержать свои слова; этому молодому человѣку слѣдовало довести свою любезность до конца и уже за разъ прислать мнѣ и экземплярчикъ своего творенія. Онъ принадлежитъ, повидимому, къ бэотійской партіи въ Германіи, негодованіе которой на «французскую партію» весьма простительно, и я отъ души прощаю ему. Но, право, мнѣ было бы очень пріятно, если бы онъ прислалъ мнѣ свое произведеніе. Въ этомъ отношеніи я долженъ съ похвальбой отозваться о содомитской партіи въ Германіи, которая всегда сама присылаетъ мнѣ свои ругательныя статьи, иногда даже красиво переписанныя, и, что̀ всего похвальнѣе, всегда оплаченныя. Этимъ людямъ, однако, не было надобности принимать столько предосторожностей для сохраненія своей анонимности. Несмотря на видоизмѣненную манеру писать, я все-таки всегда узнаю безымённыхъ авторовъ этихъ, не имѣющихъ названія, подлостей, я узнаю этихъ людей по стилю.—«Cognosco stilum curiae romanae!»—воскликнулъ благородный историкъ тридентскаго собора, когда подлый убійца нанесъ ему сзади ударъ кинжаломъ.

Но кромѣ содомитской и бэотійской партій, въ Германіи возстаетъ противъ меня еще и партія абдеритская. Тутъ ужъ не одни мои французскіе принципы распаляютъ противъ меня большинство ея членовъ. Иногда имѣются тутъ и болѣе благородные мотивы. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ вождей абдеритской партіи, который уже много лѣтъ неустанно громитъ и ругаетъ меня, оказывается не болѣе, какъ защитникомъ своей супруги, которая считаетъ себя обиженною мной и поклялась погубить меня. Такая смертельная ненависть очень огорчаетъ меня, потому что дама эта чрезвычайно мила. У нея большое сходство съ Венерой Медицейской, а именно она такъ же, какъ и та, очень стара, и такъ же не имѣетъ зубовъ; ея подбородокъ, когда онъ выбритъ, такъ же гладокъ, какъ подбородокъ мраморной богини, и ходитъ она почти такою же нагой, какъ и та, конечно для того, чтобы показать, что ея кожа не вся сплошь желтая, но что на ней кое-гдѣ есть и бѣлыя пятна. Напрасно говорилъ я этой милой дамѣ разныя любезности въ самомъ примирительномъ духѣ, напримѣръ, что я ей завидую, потому что она можетъ бриться всего два раза въ недѣлю, тогда какъ мнѣ приходится выносить эту операцію каждый день; что я считаю ее самой добродѣтельной изъ всѣхъ женщинъ, не имѣющихъ зубовъ; что я желалъ бы

обладать ея сердцемъ въ золотомъ футлярѣ—все было тщетно, никакія задабриванія не помогали! Непримиримая слишкомъ ненавидитъ меня, и какъ нѣкогда Изабелла Кастильская дала обѣтъ не мѣнять рубашки до тѣхъ поръ, пока не падетъ Гренада, такъ и эта дама тоже поклялась не надѣвать чистой рубашки до тѣхъ поръ, пока я, ея врагъ, не буду поверженъ въ прахъ. Вотъ она и натравляетъ на меня всѣхъ писакъ, и прежде всего—своего бѣднаго супруга, которому рубашка цвѣта Изабеллы, его дражайшей половины, доставляетъ поистинѣ немалое неудобство, особенно лѣтомъ, когда, благодаря этому обстоятельству, прекрасная дама благоухаетъ еще пріятнѣе, чѣмъ обыкновенно, такъ что иногда онъ, какъ сумасшедшій, вскакиваетъ съ постели, и бросается къ письменному столу, чтобы какъ можно скорѣе погубить меня своими писаніями.

Лѣтомъ брокгаузскій «Conversationsblatt» содержитъ всегда гораздо больше пасквильныхъ статей противъ меня, чѣмъ зимой.

Прости, любезный читатель, если эти строки не совсѣмъ соотвѣтствуютъ серьезности настоящаго времени. Но мои враги слишкомъ смѣшны! Говоря враги, я даю имъ этотъ титулъ изъ любезности; большею частью они мои клеветники. Это мелкіе людишки, и ненависть ихъ не достигаетъ даже до моихъ икръ. Тупыми зубами грызутъ они мои сапоги. До изнеможенія лаютъ они тамъ внизу.

Гораздо хуже, когда друзья несправедливо судятъ обо мнѣ. Это можетъ огорчить меня, и дѣйствительно огорчаетъ. Но я не хочу скрывать этого, и самъ довожу до общаго свѣдѣнія, что со стороны небесной партіи моя добрая слава также подвергается нападкамъ. Но у этой партіи есть хоть фантазія, и ея инсинуаціи не такъ плоско прозаичны, какъ инсинуаціи бэотійской, содомитской и абдеритской партій. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не нужно имѣть огромную фантазію, чтобы обвинить меня, какъ это случилось недавно, въ самыхъ антилиберальныхъ стремленіяхъ и считать меня измѣнникомъ дѣлу свободы? Печатно выраженное обвиненіе въ этой измѣнѣ я нашелъ на-дняхъ въ одной книгѣ, озаглавленной «Письма дурака къ дурѣ». За многое хорошее и остроумное, заключающееся въ ней, и за благородный образъ мыслей ея автора вообще я охотно прощаю ему его злобныя нападки на меня; я знаю, съ какой стороны онѣ навѣяны ему, знаю, откуда вѣтеръ дулъ. Дѣло въ томъ, что среди нашихъ исистовыхъ якобинцевъ, такъ громко

заявляющихъ о себѣ со времени іюльскихъ дней, явилось нѣсколько подражателей той полемики, которую въ періодъ реставраціи я велъ съ твердой безпощадностью, но вмѣстѣ съ тѣмъ, и съ благоразумной осторожностью. Они же повели дѣло очень плохо, и вмѣсто того, чтобы приписать происшедшія для нихъ отъ этого личныя непріятности своей собственной неловкости, обратили свой гнѣвъ на пишущаго эти строки, видя, что онъ остался невредимъ. Съ ними случилось то же, что съ обезьяной, видѣвшей, какъ человѣкъ брился. Когда онъ вышелъ изъ комнаты, обезьяна пришла, вынула снова изъ ящика бритвенный приборъ, намылилась, и затѣмъ перерѣзала себѣ горло. Не знаю, въ какой мѣрѣ перерѣзали себѣ горло эти нѣмецкіе якобинцы; но вижу, что они сильно истекаютъ кровью. Вотъ они и бранятъ меня. Смотрите, восклицаютъ они, мы честно намылились и истекаемъ кровью за правое дѣло, Гейне же поступаетъ нечестно въ дѣлѣ бритья, въ немъ нѣтъ настоящей серьезности при употребленіи бритвы, онъ никогда не порѣжется; онъ спокойно вытираетъ мыло съ щекъ, и при этомъ беззаботно посвистываетъ и смѣется надъ кровавыми ранами перерѣзывателей горла, честно относящихся къ этому дѣлу.

Успокойтесь; на этотъ разъ я порѣзался.

Парижъ, конецъ ноября 1832.

Генрихъ Гейне.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

«Тѣ, кто умѣетъ читать, сами замѣтятъ, что самыхъ крупныхъ недостатковъ этой книги нельзя ставить въ вину мнѣ, тѣ же, кто не умѣетъ читать, ровно ничего не замѣтятъ». Эти простыя умозаключенія, которыми старикъ Скарронъ начинаетъ свой «Комическій Романъ», могу и я предпослать этимъ, болѣе серьезнымъ страницамъ.

Я даю здѣсь рядъ статей и корреспонденцій, которыя, сообразуясь съ требованіями минуты, среди бурныхъ обстоятельствъ всякаго рода, съ цѣлью, которую не трудно отгадать, и подъ давленіемъ стѣснительныхъ условій, которыя отгадать еще легче, я писалъ для аугсбургской «Allgemeine Zeitung». Эти летучіе, анонимные листки я издаю теперь подъ своимъ именемъ, соединивъ ихъ въ отдѣльную книгу для того, чтобы никто другой — въ чемъ мнѣ уже грозила опасность — не могъ собрать ихъ по собственной прихоти и исказить по своему произволу, или даже примѣшать къ нимъ тѣ чужія произведенія, которыя ошибочно приписываются мнѣ.

Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы объявить самымъ опредѣленнымъ образомъ, что въ продолженіе послѣднихъ двухъ лѣтъ я ни въ одной политической газетѣ Германіи, за исключеніемъ «Всеобщей Газеты», не напечаталъ ни единой строки. Эта газета, заслуживающая въ такой высокой степени свой всемірно признанный авторитетъ и могущая по праву называться «всеобщей газетой» Европы, казалась мнѣ, именно въ виду ея значенія и ея неслыханно большого распространенія, наиболѣе пригодной для сообщеній, имѣющихъ единственной цѣлью уясненіе настоящихъ порядковъ. Когда мы достигнемъ того, что масса будетъ понимать современное положеніе, тогда народы не будутъ больше позволять наемнымъ писакамъ аристократіи на-

травлять ихъ на ненависть и войну, тогда осуществится великій союзъ народовъ, священное единеніе націй; намъ уже не нужно будетъ, вслѣдствіе взаимнаго недовѣрія, прокармливать многія сотни тысячъ солдатъ, мы воспользуемся ихъ мечами и лошадьми для обработки земли и достигнемъ мира, и благосостоянія, и свободы! Этой дѣятельности попрежнему будетъ посвящена моя жизнь; это моя служба. Ненависть моихъ враговъ можетъ быть ручательствомъ за то, что до сихъ поръ я исполнялъ эту службу вполнѣ честно и добросовѣстно. Этой ненависти я буду и впредь всегда достоинъ. Мои враги никогда не будутъ несправедливы ко мнѣ, даже если бы друзья, въ пылу разгорѣвшихся страстей, приняли мое благоразумное спокойствіе за вялость. Теперь, въ настоящія минуты, они, конечно, оцѣнятъ меня лучше, чѣмъ въ то время, когда они воображали, что достигли цѣли своихъ желаній, и когда надежда на побѣду вздувала паруса ихъ мыслей; въ ихъ безуміи я не принималъ участія, но ихъ несчастіе раздѣлю всегда. Я не вернусь на родину до тѣхъ поръ, пока на чужбинѣ будетъ томиться въ бѣдствіи хоть одинъ изъ тѣхъ благородныхъ изгнанниковъ, которые въ пылу слишкомъ сильнаго энтузіазма были не въ силахъ внимать голосу разсудка. Я предпочелъ бы выпрашивать, какъ милостыню, корку хлѣба у бѣднѣйшаго француза, чѣмъ принять мѣсто на нашей нѣмецкой родинѣ у кого-нибудь изъ тѣхъ знатныхъ милостивцевъ, которые принимаютъ всякую сдержанность силы за трусость, или даже за подготовительный переходъ къ рабству, и для которыхъ наше лучшее качество—вѣра въ добросовѣстность противника, есть не что иное, какъ наслѣдственная плебейская глупость. Я никогда не буду стыдиться того, что былъ обманутъ тѣми, которые вливали въ наше сердце такія прекрасныя надежды: «Все-де обойдется самымъ мирнымъ образомъ, только бы мы оставались умѣренны, чтобы уступки не были вынуждены и черезъ это безуспѣшны; вѣдь они-де — сами видятъ, что небезопасно лишать насъ долѣе свободы...» Да, мы опять остались въ дуракахъ, и мы должны сознаться, что ложь вновь одержала большую побѣду, пожала новые лавры. Въ самомъ дѣлѣ, мы—побѣжденные, и съ тѣхъ поръ, какъ героическое перехитреніе было засвидѣтельствовано офиціально, со времени обнародованія злополучныхъ постановленій сейма отъ 28-го іюня, наше сердце хвораетъ въ груди отъ скорби и гнѣва.

Бѣдная, несчастная родина! Какой позоръ предстоитъ

тебѣ впереди, если ты перенесешь это поруганіе! Какія страданія, если ты не перенесешь его!

Никогда ни одинъ народъ не подвергался болѣе жестокому осмѣянію со стороны своихъ властителей. Мало того, что эти постановленія сейма предполагаютъ, что мы будемъ на все согласны, но при этомъ насъ хотятъ еще увѣрить, что въ сущности мы не терпимъ никакой обиды или несправедливости. Однако, если вы и могли съ увѣренностью разсчитывать на нашу робкую покорность, то все же вы не имѣли никакого права считать насъ за дураковъ. Какая-то кучка дворянчиковъ, ничему не учившихся и умѣющихъ только барышничать лошадьми, дѣлать вольты, играть стаканами и показывать другіе, тому подобные, грубые мошенническіе фокусы, на которые можно поддѣть развѣ только мужиковъ на ярмаркахъ—она вообразила, что ей удастся одурачить ими цѣлый народъ, да еще народъ, который изобрѣлъ порохъ, и книгопечатанье, и «Критику чистаго разума». Это незаслуженное оскорбленіе, что вы считаете насъ даже глупѣе себя и воображаете, что можете провести насъ—для насъ самое обидное оскорбленіе, которое вы нанесли намъ въ присутствіи всѣхъ собравшихся кругомъ народовъ, смотрящихъ на насъ и ожидающихъ съ нетерпѣніемъ, что̀ мы сдѣлаемъ. Теперь, говорятъ они, дѣло идетъ уже не о свободѣ, дѣло идетъ о чести.

Я не стану обвинять конституціонныхъ нѣмецкихъ государей; я знаю ихъ бѣдственное положеніе, знаю, что они томятся въ цѣпяхъ своихъ мелкихъ камарилій и невмѣняемы. Къ тому же они дѣйствовали подъ давленіемъ Австріи и Пруссіи. Не будемъ ихъ бранить, а пожалѣемъ ихъ. Рано или поздно они пожнутъ горькіе плоды посѣяннаго зла. Бѣдные, они еще завидуютъ другъ другу, и въ то время, когда всякому ясно видно, что, въ концѣ концовъ, Австрія и Пруссія присоединятъ ихъ къ себѣ, всѣ ихъ помышленія и дѣйствія направлены только на то, чтобы отхватить у сосѣда кусочекъ его землицы. Право, они похожи на тѣхъ воровъ, которые обворовываютъ другъ у друга карманы въ то время, когда ихъ ведутъ на висѣлицу.

Въ великихъ дѣяніяхъ союзнаго сейма мы можемъ безусловно обвинить только двѣ державы: Австрію и Пруссію. Въ какой мѣрѣ онѣ обѣ сообща могутъ имѣть притязаніе на нашу признательность, я не могу опредѣлить въ точности. Только думается мнѣ, что Австрія опять сумѣла взвалить всѣ гнусности этихъ великихъ дѣяній на плечи своего мудраго союзника.

И въ самомъ дѣлѣ, мы можемъ бороться противъ Австріи, и бороться на смерть, съ мечомъ въ рукѣ; но въ глубинѣ души мы чувствуемъ, что не имѣемъ права осыпать эту державу бранью. Австрія была всегда открытымъ честнымъ врагомъ, который никогда не отрицалъ своей борьбы съ либерализмомъ и никогда не прекращалъ ея даже на короткое время. Меттернихъ никогда не любезничалъ съ богиней свободы, никогда въ сердечной тревогѣ не разыгрывалъ демагога, никогда не пѣлъ арндтовскихъ пѣсенъ, запивая ихъ бѣлымъ пивомъ, никогда не продѣлывалъ гимнастическихъ упражненій на Заячьемъ полѣ, никогда не напускалъ на себя піетистской набожности, никогда не плакалъ съ крѣпостными арестантами въ то время, когда держалъ ихъ въ цѣпяхъ; всѣ всегда знали, какъ себя держать съ нимъ, знали, что его нужно остерегаться, и остерегались. Онъ былъ всегда вѣрнымъ человѣкомъ, который не обманывалъ насъ никакими милостивыми взглядами и не возмущалъ никакими подпольными хитростями. Всѣ знали, что имъ не руководила ни любовь, ни мелкая ненависть, что онъ дѣйствовалъ грандіозно, въ духѣ системы, которой Австрія оставалась неизмѣнно вѣрна въ продолженіе трехъ столѣтій. Это та самая система, за которую Австрія боролась съ реформаціей; это та самая система, за которую она вступила въ борьбу съ революціей. За эту систему сражались не только мужчины, но и дочери Габсбургскаго дома. За сохраненіе этой системы Марія Антуанета въ Тюильрійскомъ дворцѣ взялась за оружіе и вступила въ отважнѣйшій бой; за сохраненіе этой системы Марія Луиза въ томъ же Тюильрійскомъ дворцѣ отказалась отъ борьбы и сложила оружіе, несмотря на то, что, будучи объявлена регентшей, должна была бы отстаивать права мужа и ребенка. Императоръ Францъ ради сохраненія этой системы подавилъ въ себѣ самыя дорогія чувства и причинилъ своему сердцу невыразимыя страданія, и именно въ настоящую минуту онъ въ траурѣ по возлюбленномъ внукѣ, цвѣтущемъ юношѣ, котораго онъ принесъ въ жертву этой системѣ; подъ тяжестью этого новаго горя низко склонилась сѣдая голова, нѣкогда носившая германскую императорскую корону! Этотъ бѣдный императоръ и до сихъ поръ остается истиннымъ представителемъ несчастной Германіи!

О Пруссіи мы можемъ говорить въ другомъ тонѣ. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, насъ не удерживаютъ никакія почтительныя чувства относительно святости германской император-

ской головы. Пусть себѣ ученые холопы на берегахъ Шпре продолжаютъ мечтать о какомъ-то великомъ императорѣ бо русскаго царства и провозглашаютъ гегемонію и верховное покровительство Пруссіи. Но до сихъ поръ длиннымъ паль цамъ Гогенцоллерновъ еще не удалось схватить корону Карла Великаго и сунуть ее въ мѣшокъ вмѣстѣ съ такимъ мно жествомъ драгоцѣнностей, награбленныхъ ими въ Польш и Саксоніи. Корона Карла Великаго виситъ еще слишкомъ высоко, и я очень сомнѣваюсь, чтобы она когда-либо спу стилась на остроумную голову того государя съ золотыми шпорами, которому его бароны уже теперь поклоняются какъ будущему возстановителю рыцарства. Я думаю скорѣе что его королевское высочество, вмѣсто того, чтобы быт преемникомъ Карла Великаго, будетъ всего только наслѣд никомъ Карла X и Карла Брауншвейгскаго.

Правда, еще недавно многіе друзья отечества желали расширенія Пруссіи и надѣялись увидѣть въ ея королях верховныхъ владыкъ объединенной Германіи; эту любовь к родинѣ сумѣли поймать на удочку, и явился прусскій ли берализмъ, и друзья свободы взирали уже съ довѣріемъ на берлинскія Липы. Что касается меня, я никогда не раздѣ лялъ этого довѣрія. Напротивъ, я смотрѣлъ съ безпокой ствомъ на прусскаго орла, и между тѣмъ, какъ другіе вос хищались тѣмъ, какъ смѣло онъ глядитъ на солнце, я тѣм болѣе останавливалъ свое вниманіе на его когтяхъ. Не до вѣрялъ я этому пруссаку, этому долговязому ханжествую щему герою въ штиблетахъ, съ огромнымъ желудкомъ огромною пастью, и съ капральской палкой въ рукахъ, ко торую онъ обмакиваетъ въ святую воду, прежде чѣмъ уда рить ею. Не нравилась мнѣ эта философско-христіанска солдатчина, эта смѣсь бѣлаго пива, лжи и песка. Противн глубоко противна была мнѣ эта Пруссія, эта чопорная, ли цемѣрная, ханжествующая Пруссія, этотъ Тартюфъ меж государствами.

Наконецъ, когда Варшава пала, упала и мантія мягкос и набожности, въ которую такъ хорошо умѣла драпировать Пруссія, и при этомъ даже самые близорукіе увидѣли ж лѣзныя латы деспотизма, которыя были скрыты подъ не

...Вся кровь трепещетъ у меня въ жилахъ, когда я дум о томъ, какъ поступила Пруссія въ отношеніи поляков Историкъ, которому придется повѣствовать о томъ, что п исходило въ Фишау, отъ внутренняго отвращенія не найде словъ; для описанія этихъ подвиговъ понадобится ско

палатъ. Я уже слышу шипѣніе раскаленнаго желѣза на тощей спинѣ Пруссіи.

Недавно я прочелъ въ «Allgemeine Zeitung», что на тайнаго совѣтника Фридриха фонъ-Раумера, стяжавшаго себѣ недавно репутацію прусскаго королевскаго революціонера тѣмъ, что будучи членомъ цензурной комиссіи, онъ возсталъ противъ ея черезчуръ строгихъ притѣсненій, возложено нынѣ порученіе написать оправданіе образа дѣйствія прусскаго правительства относительно поляковъ. Сочиненіе окончено, и авторъ уже получилъ за него свои 200 талеровъ прусской ходячей монетой. Между тѣмъ, насколько я слышалъ, укермаркская камарилья находитъ, что оно все еще недостаточно раболѣпно написано. Какъ ни маловажно это маленькое обстоятельство, оно все-таки достаточно велико для того, чтобы характеризовать духъ какъ нашихъ правителей, такъ и ихъ подчиненныхъ. Я случайно знаю бѣднаго Фридриха фонъ-Раумера, мнѣ случалось встрѣчать его гуляющимъ «подъ Липами» въ своемъ синевато-сѣромъ сюртучкѣ и сѣровато-синей военной фуражечкѣ; я разъ видѣлъ его и на каѳедрѣ, когда онъ разсказывалъ о французской революціи и при этомъ пролилъ нѣсколько королевско-прусскихъ чиновничьихъ слезъ; затѣмъ я читалъ въ какомъ-то дамскомъ альманахѣ его «Исторію Гогенштауфеновъ»; знаю также его «Письма изъ Парижа», въ которыхъ онъ сообщаетъ г-жѣ Крелингеръ и ея супругу свои взгляды на здѣшнюю политику и на здѣшній театръ. Это безусловно миролюбивый человѣкъ, который спокойно стоитъ въ «хвостѣ». Изъ всѣхъ посредственныхъ писателей онъ еще самый лучшій, и при этомъ онъ не лишенъ нѣкоторой соли и обладаетъ извѣстной внѣшней эрудиціей, а потому похожъ на старую сухую селедку, обернутую въ ученые макулатурные листы. Повторяю, онъ самое миролюбивое существо, которое всегда спокойно позволяло своему начальству навьючивать на него мѣшки и поспѣшно трусило съ ними на служебную мельницу, останавливаясь только тамъ и сямъ, когда слышало музыку. Въ какой же степени должно было прусское правительство проявлять свои притѣснительныя склонности, если даже такой Фридрихъ фонъ-Раумеръ потерялъ терпѣніе и, вставъ на дыбы, не захотѣлъ тащиться дальше со своими мѣшками, и даже началъ говорить человѣческимъ языкомъ! Ужъ не увидѣлъ ли онъ ангела съ мечомъ, стоящаго на пути, и котораго берлинскіе Валаамы, эти ослѣпленные, еще не видятъ? Ахъ, они награждали это бѣдное

созданіе самыми благонамѣренными пинками, и кололи его своими золотыми шпорами, и теперь били его уже въ третій разъ. Но зато борусскій народъ—и по этому можно составить себѣ понятіе о его положеніи — прославилъ своего Фридриха фонъ-Раумера, какъ Аякса свободы.

На этого королевско-прусскаго революціонера возлагаютъ теперь сочиненіе апологіи дѣйствій Пруссіи относительно поляковъ и возстановленіе чести берлинскаго кабинета въ общественномъ мнѣніи.

О, эта Пруссія, какъ умѣетъ она пользоваться своими людьми! Она умѣетъ извлекать выгоду даже изъ своихъ революціонеровъ. Въ ея государственныхъ комедіяхъ ей нужны фигуранты всѣхъ цвѣтовъ. Даже трехцвѣтные полосатые зебры, и тѣ идутъ у нея въ дѣло. Такъ, въ послѣдніе годы, она употребляла своихъ самыхъ бѣшеныхъ демагоговъ на то, чтобы всюду проповѣдывать, что вся Германія должна сдѣлаться прусской. Гегель долженъ былъ оправдывать рабство, существующій порядокъ, какъ разумное. Шлейермахеръ долженъ былъ протестовать противъ свободы и преподавать безропотную покорность волѣ начальства. Возмутительно и нечестиво это пользованіе философами и теологами, вліяніемъ которыхъ хотятъ и дѣйствовать на простой народъ, и которыхъ заставляютъ публично безчестить себя измѣной разуму и Богу. Сколько славныхъ именъ, сколько прекрасныхъ талантовъ губятъ они такимъ образомъ ради самыхъ недостойныхъ цѣлей! Какъ прекрасно было имя Арндта, пока онъ, по приказанію свыше, не написалъ паршивой книжонки, въ которой онъ, какъ собака, виляетъ хвостомъ и по-собачьи, какъ вендская собака, лаетъ на іюльское солнце! А Штегеманъ, одно изъ лучшихъ именъ, какъ низко упалъ онъ съ тѣхъ поръ, какъ сочинилъ свои реакціонныя пѣсни! Да проститъ ему муза, напечатлѣвшая нѣкогда свой священный поцѣлуй на его устахъ для извлеченія изъ нихъ лучшихъ пѣсенъ! Что мнѣ сказать о Шлейермахерѣ, кавалерѣ ордена Краснаго Орла третьей степени! Когда-то онъ былъ болѣе доблестнымъ кавалеромъ, и самъ былъ орломъ, и состоялъ въ первой степени. Компрометируются, однако, не одни только крупныя, но и мелкія имена. Вотъ, напримѣръ, бѣдный Ранке, путешествовавшій нѣкоторое время на счетъ прусскаго правительства; у него прекрасная способность вырѣзывать маленькія историческія фигурки и живописно приклеивать ихъ одну около другой; это добрая душа, безобидная, какъ жареная баранина съ

тельтовской рѣпой, невинный человѣкъ, котораго я избралъ бы своимъ другомъ дома, если бы когда-нибудь женился, и ко всему тому еще либералъ—и этотъ-то человѣкъ долженъ былъ на-дняхъ напечатать въ правительственной газетѣ апологію постановленій союзнаго сейма. Другіе стипендіаты, которыхъ я не хочу называть, должны были дѣлать то же самое, а между тѣмъ это все самые либеральные люди.

О, я знаю ихъ, этихъ сѣверныхъ іезуитовъ! Кто когда-либо по нуждѣ, или изъ легкомыслія, принялъ отъ нихъ хоть самую маленькую подачку, тотъ уже навѣки остается у нихъ во власти. Какъ адъ не выпускалъ Прозерпину, потому что она съѣла тамъ гранатное зерно, такъ и эти іезуиты не выпускаютъ ни одного человѣка, который хоть чѣмъ-нибудь пользовался отъ нихъ, будь это хоть единое зернышко золотого яблока, или, говоря прозаически, одинъ луидоръ; еле-еле позволяютъ они ему, какъ адъ Прозерпинѣ, хоть полгода проводить въ надземномъ мірѣ; въ эти періоды они являются людьми свѣта, и возсѣдаютъ между нами, олимпійцами, и въ ихъ рѣчахъ и писаніяхъ струится амброзія либерализма; но въ урочный срокъ они снова спускаются въ адскую тьму, въ царство обскурантизма, и пишутъ прусскія апологіи, статьи противъ «Messager», проекты цензурныхъ постановленій или даже оправданія постановленій сейма.

Послѣднія, т. е. постановленія сейма, я не могу обойти молчаніемъ. Не стану опровергать ихъ защитниковъ по должности, ни еще менѣе, какъ это неоднократно дѣлалось, доказывать ихъ незаконность. Такъ какъ я хорошо знаю, какими людьми былъ изготовленъ тотъ документъ, на который ссылаются эти постановленія, то нисколько не сомнѣваюсь, что этотъ документъ, а именно «вѣнскій союзный актъ», содержитъ самыя законныя основанія для всякихъ деспотическихъ вожделѣній. До сихъ поръ мало пользовались этимъ образцовымъ произведеніемъ благороднаго юнкерства, и его содержаніе могло быть безразлично для народа. Но теперь, когда это образцовое произведеніе выставили на яркій дневной свѣтъ, когда выступили наружу всѣ его характерныя прелести, тайныя пружины, скрытыя звенья, къ которымъ можно прикрѣпить какую угодно цѣпь, капканы, спрятанные ошейники, застѣночные хомуты, однимъ словомъ, вся искусная и хитрая работа—теперь всякій видитъ, что нѣмецкій народъ, послѣ того, какъ онъ пожертвовалъ за своихъ князей и кровью, и имуществомъ, и дол-

женъ былъ въ благодарность за это получить обѣщанную награду, вмѣсто того былъ обманутъ самымъ безбожнымъ образомъ; что съ нами разыграли наглую фокусническую комедію; что вмѣсто обѣщанной «великой хартіи» свободы намъ изготовили только письменно утвержденное рабство.

Въ силу моей академической компетентности въ качествѣ доктора обоихъ правъ, я торжественно объявляю, что этотъ актъ, изготовленный измѣнниками-уполномоченными, не имѣетъ никакого значенія; въ силу моего долга, какъ гражданина, протестую противъ всѣхъ заключеній, какія вывели изъ этого недѣйствительнаго акта постановленія союзнаго сейма 28 іюня; въ силу моихъ полномочій, какъ говорящаго публично человѣка, подымаю голосъ противъ составителей этого акта и обвиняю ихъ въ злоупотребленіи довѣріемъ народа, обвиняю ихъ въ lèse-majesté народа, обвиняю ихъ въ государственной измѣнѣ нѣмецкому народу— я обвиняю ихъ.

Бѣдный нѣмецкій народъ! Въ то время, когда вы отдыхали отъ боя за вашихъ князей и хоронили вашихъ братьевъ, павшихъ въ этомъ бою, и перевязывали другъ другу честныя раны, и съ улыбкой смотрѣли на кровь, струившуюся еще изъ груди, переполненной радостью и довѣріемъ, радостью по случаю спасенія любимыхъ князей, довѣріемъ къ человѣчески священнѣйшему чувству благодарности — въ это самое время, тамъ, внизу въ Вѣнѣ, въ старинныхъ мастерскихъ аристократіи, ковали акты союза!

Странное дѣло! Именно тотъ государь, который былъ наиболѣе обязанъ благодарностью своему народу и вслѣдствіе этого въ ту годину бѣдствія обѣщалъ своему народу представительное правленіе, національную конституцію, обѣщалъ письменно и въ самыхъ опредѣленныхъ выраженіяхъ—этотъ именно государь сумѣлъ теперь соблазнить на такую же измѣну данному слову прочихъ нѣмецкихъ властителей, считавшихъ себя обязанными дать своимъ подданнымъ свободное устройство, и теперь онъ опирается на вѣнскій союзный актъ, чтобы уничтожить только-что расцвѣтшія нѣмецкія конституціи!..

Я говорю о Фридрихѣ Вильгельмѣ, третьемъ этого имени, королѣ Пруссіи.

При томъ монархическомъ образѣ мыслей, какимъ я всегда отличался и отличаюсь до сихъ поръ, было бы противно моимъ правиламъ и моимъ чувствамъ подвергать по-

рицанію самую личность государей. Напротивъ, я гораздо болѣе склоненъ прославлять ихъ за добрыя качества. Поэтому я охотно буду хвалить личныя добродѣтели монарха, правительственную систему котораго, или, лучше сказать, кабинетъ котораго я только-что такъ откровенно осуждалъ. Я съ удовольствіемъ потверждаю, что Фридрихъ Вильгельмъ III, какъ человѣкъ, заслуживаетъ то высокое уваженіе и ту любовь, которыми такъ щедро надѣляетъ его прусскій народъ. Онъ добръ и храбръ. Онъ показалъ себя стойкимъ въ несчастьѣ и, что̀ бываетъ гораздо рѣже, кроткимъ въ счастьѣ. Онъ цѣломудренъ сердцемъ, трогательно скроменъ, бюргерски чуждъ пышности, отличается добрыми семейными нравами, нѣжный отецъ, особенно нѣжный къ прекрасной царевнѣ... Кромѣ того, король прусскій очень религіозный человѣкъ; онъ строго стоитъ за религію, онъ хорошій христіанинъ, твердо придерживается евангелическаго исповѣданія, онъ самъ написалъ литургію... Ахъ! я желалъ бы, чтобы онъ, при своихъ добрыхъ свойствахъ, вспоминалъ иногда о Юпитерѣ, отцѣ боговъ, мстящемъ за клятвонарушеніе, и даровалъ бы намъ, наконецъ, обѣщанную конституцію.

Развѣ слово короля не такъ же свято, какъ клятва?

Изъ всѣхъ добродѣтелей Фридриха Вильгельма болѣе всего восхваляютъ, однако, его любовь къ справедливости. На этотъ счетъ разсказываютъ самыя трогательныя исторіи. Недавно еще онъ пожертвовалъ 11.227 талеровъ, 13 добрыхъ грошей изъ своей личной кассы, чтобы удовлетворить законную претензію одного кирицкаго обывателя. Разсказываютъ, что сынъ мельника въ Санъ-Суси, нуждаясь въ деньгахъ, хотѣлъ продать знаменитую вѣтряную мельницу, изъ-за которой его отецъ велъ тяжбу съ Фридрихомъ Великимъ. Но теперешній король велѣлъ выдать нуждавшемуся мельнику крупную сумму денегъ, чтобы знаменитая вѣтряная мельница осталась въ своемъ прежнемъ видѣ, какъ памятникъ прусской любви къ справедливости. Все это очень хорошо и похвально—но куда же дѣвалась обѣщанная конституція, на которую прусскій народъ, по божескимъ и человѣческимъ законамъ имѣетъ самое неотъемлемое право? До тѣхъ поръ, пока прусскій король не исполнитъ этой священнѣйшей «obligatio» своей, пока онъ не дастъ своему народу обѣщаннаго имъ государственнаго устройства, я не могу назвать его справедливымъ, и при видѣ вѣтряной мельницы въ Санъ-Суси мнѣ приходитъ на

мысль не прусская любовь къ справедливости, а прусская вѣтренность.

Я отлично знаю, что литературные лон-лакеи утверждаютъ, будто прусскій король обѣщалъ конституцію исключительно по своей доброй волѣ, будто это обѣщаніе совершенно не зависѣло ни отъ какихъ современныхъ обстоятельствъ. Глупцы! Лишенные сердца, они не понимаютъ, что̀ люди чувствуютъ себя гораздо менѣе оскорбленными, когда ихъ лишаютъ того, что̀ по праву принадлежитъ имъ, чѣмъ когда имъ отказываютъ въ томъ, что̀ было обѣщано просто изъ любви; ибо въ подобныхъ случаяхъ страдаетъ также и наше самолюбіе—отъ сознанія, что тотъ, кто добровольно обѣщалъ намъ то или другое, теперь уже больше не дорожитъ нами.

Или, быть-можетъ, въ самомъ дѣлѣ только собственный капризъ, совершенно не зависѣвшій ни отъ какихъ обстоятельствъ времени, побудилъ нѣкогда короля прусскаго пообѣщать своему народу свободную конституцію? Стало-быть, онъ даже и тогда не имѣлъ намѣренія показать себя благодарнымъ? А между тѣмъ, у него было̀ такъ много основаній быть благодарнымъ, потому что никогда еще ни одинъ государь не находился въ болѣе жалкомъ положеніи, чѣмъ король прусскій послѣ битвы при Іенѣ—положеніи, изъ котораго его спасъ народъ. Не явись тогда въ его распоряженіе утѣшенія религіи, онъ впалъ бы въ отчаяніе отъ того высокомѣрія, съ какимъ третировалъ его императоръ Наполеонъ. Но, какъ уже сказано, онъ нашелъ утѣшеніе въ христіанскомъ ученіи... Его подкрѣпилъ примѣръ Спасителя; онъ также могъ тогда сказать: «Царство мое не отъ міра сего!» И онъ простилъ своимъ врагамъ, которые занимали всю Пруссію своей четырехсоттысячной арміей. Если бы Наполеонъ не былъ тогда занятъ гораздо болѣе важными вопросами, не позволявшими ему слишкомъ много думать о его величествѣ Фридрихѣ Вильгельмѣ III, онъ навѣрно уволилъ бы его совершенно въ отставку. Впослѣдствіи, когда всѣ монархи Европы сплотились противъ Наполеона, и человѣкъ изъ народа палъ въ этомъ союзѣ, прусскій оселъ напослѣдокъ еще лягнулъ умирающаго льва. Онъ пожалѣлъ—но слишкомъ поздно—объ этомъ упущеніи, расхаживая взадъ и впередъ по своей деревянной клѣткѣ на св. Еленѣ, и вспоминая, что онъ ласкалъ папу и позабылъ раздавить Пруссію, онъ скрежеталъ зубами, и если въ ту минуту ему попадалась подъ ноги крыса, онъ давилъ бѣдную крысу.

Наполеонъ теперь умеръ и покоится въ своемъ плотно закрытомъ свинцовомъ гробу подъ пескомъ Лонгвуда, на на островѣ св. Елены. Кругомъ море. Стало-быть, его вамъ бояться нечего... Вамъ вообще нечего бояться, потому что вы могущественны и мудры. У васъ есть золото и ружья, все, что продается, вы можете купить, и все, что смертно, вы можете убить. Съ вашей мудростью точно также невозможно бороться. Каждый изъ васъ—Соломонъ, и жаль, что красавица царица Сабы уже не жива, вы бы разгадали ее до самой рубашки. Есть у васъ также и желѣзные горшки, куда вы можете запирать тѣхъ, кто задаетъ вамъ загадки, о которыхъ вы не хотите ничего знать, и вы можете запечатывать ихъ и погружать въ море забвенія; все, какъ царь Соломонъ. Подобно ему вы понимаете также языкъ птицъ. Вы знаете все, о чемъ щебечутъ и насвистываютъ въ странѣ, и когда вамъ не нравится пѣніе какой-нибудь птицы, то у васъ есть большія ножницы, которыми вы тотчасъ же подрѣзываете ей клювъ, и какъ я слышалъ, вы хотите завести ножницы еще побольше для тѣхъ, которые поютъ свыше чѣмъ на двадцать листовъ. При этомъ самыя умныя птицы состоятъ у васъ на службѣ: всѣ благородные соколы, всѣ вороны, именно черные, всѣ павлины, всѣ совы. Живъ еще также и старый Симургъ, и онъ вашъ великій визирь, и это самая умная птица на свѣтѣ. Онъ хочетъ возстановить государство совершенно въ томъ видѣ, въ какомъ оно было при султанахъ доадамовскихъ временъ и поэтому онъ неустанно, день и ночь, несетъ яйца, а во Франкфуртѣ ихъ высиживаютъ. А въ это время гудъ-гудъ, аккредитованный удодъ, бѣгаетъ по бранденбургскимъ пескамъ съ самыми хитрѣйшими депешами въ клювѣ. Вамъ нечего бояться.

Одного только совѣтую вамъ остерегаться, а именно «Монитера» 1793 г. Это «Адскій Ключъ», который нельзя сковать никакими цѣпями; и въ немъ есть такія слова заклинанія, которыя гораздо могущественнѣе золота и ружей, слова, которыми мертвыхъ вызываютъ изъ ихъ могилъ, а живыхъ посылаютъ на смерть, слова, которыя обращаютъ карликовъ въ великановъ, а великановъ повергаютъ въ прахъ, слова, которыя разсѣкаютъ все ваше могущество, какъ топоръ гильотины разсѣкаетъ всякія шеи.

Я скажу вамъ всю правду. Есть люди, у которыхъ хватило бы мужества произнести эти заклинанія и которые не испугались бы самыхъ страшныхъ привидѣній; но они

не умѣли найти въ книгѣ настоящаго слова, да и не могли бы выговорить его своими толстыми губами; они не колдуны. Другіе же, тѣ, что умѣютъ обращаться съ таинственнымъ волшебнымъ жезломъ и сумѣли бы найти настоящее слово и произнести его на своемъ чародѣйномъ языкѣ, они оказались робки сердцемъ и побоялись тѣхъ духовъ, которыхъ должны были вызвать своими заклинаніями; ибо, увы, мы не знаемъ того словечка, которымъ можно укрощать духовъ, когда они уже слишкомъ разбѣснуются; мы не знаемъ, какъ привести расходившіяся метлы въ ихъ прежній деревянный покой, если онѣ слишкомъ уже наводнятъ нашъ домъ красной водой; мы не знаемъ, какъ заговорить огонь, если пламя начнетъ слишкомъ ужъ бѣшено лизать все въ домѣ; мы побоялись.

Но не разсчитывайте на безсиліе и страхъ съ нашей стороны. Замаскированный человѣкъ, въ которомъ нуждается наше время, который обладаетъ столько же отважнымъ сердцемъ, сколько и вѣщимъ языкомъ, и знаетъ великое заклинательное слово, и сумѣетъ тоже произнести его—этотъ человѣкъ, можетъ-быть, уже стоитъ около васъ.

Можетъ-быть, онъ въ ливреи лакея, или, пожалуй даже, въ шутовскомъ нарядѣ, и вы и не подозрѣваете, что въ этомъ человѣкѣ, покорно снимающемъ съ васъ сапоги, или потрясающемъ ваши смѣхотворные нервы своими шуточками, таится ваша погибель. Неужели вамъ не становится жутко подчасъ, когда эти раболѣпныя фигуры виляютъ около васъ хвостомъ почти съ ироническимъ смиреніемъ и вамъ вдругъ приходитъ на мысль: да не хитрость ли это? Этотъ жалкій рабъ, который ведетъ себя такъ идіотски безсловесно, такъ скотски покорно, не тайный ли Брутъ? Неужели по ночамъ вамъ никогда не снятся сны, предостерегающіе васъ отъ самыхъ маленькихъ, самыхъ ничтожныхъ червячковъ, которыхъ вы случайно видѣли днемъ ползающими у вашихъ ногъ? Не бойтесь! Я только шучу, вы въ полной безопасности. Наши дурачье-рабы ничуть не притворяются. Даже Ярке не опасенъ. Не безпокойтесь также и относительно тѣхъ мелкихъ шутовъ, которыми по временамъ кривляются передъ вами съ опасными шутками. Большой шутъ защититъ васъ отъ мелкихъ. Большой шутъ—очень большой шутъ, онъ исполински великъ, и онъ называетъ себя—нѣмецкій народъ.

О, это очень большой шутъ! Его пестрая дурацкая куртка состоитъ изъ тридцати шести лоскутковъ. Его кол

пакъ увѣшенъ, вмѣсто бубенчиковъ, тяжеловѣсными колоколами, и въ рукахъ у него огромная желѣзная палка. Но грудь его полна страданій. Только онъ не хочетъ думать объ этихъ страданіяхъ, и потому выдѣлываетъ тѣмъ болѣе забавныя штучки, и иногда смѣется, чтобы не плакать. Когда ощущеніе страданій становится для его души слишкомъ жгучимъ, онъ начинаетъ, какъ помѣшанный, трясти головой и оглушаетъ себя колокольнымъ гуломъ своего колпака. Если же какой-нибудь добрый другъ вздумаетъ участливо поговорить съ нимъ о его страданіяхъ, или даже посовѣтовать ему противъ нихъ какое-нибудь домашнее средство, онъ ужъ совсѣмъ приходитъ въ бѣшенство и начинаетъ бить друга своей желѣзной палкой. Вообще его приводитъ въ ярость всякій, желающій ему добра. Онъ злѣйшій врагъ своихъ друзей и лучшій другъ своихъ враговъ. О, большой шутъ останется всегда вѣренъ и покоренъ вамъ; онъ будетъ всегда забавлять вашихъ дворянчиковъ своими великанскими шуточками, онъ будетъ каждый день продѣлывать для вашего удовольствія свои старые фокусы и балансировать на носу безчисленнымъ количествомъ тяжестей, и заставлять многія сотни тысячъ солдатъ маршировать у него на брюхѣ. Но неужели вы совсѣмъ не боитесь, что, наконецъ, все это бремя станетъ шуту не подъ силу, и онъ стряхнетъ съ себя его...

Не бойтесь, я только шучу. Большой шутъ пребываетъ у васъ въ непоколебимой покорности, и если кто-нибудь изъ мелкихъ шутовъ захочетъ васъ обидѣть, большой шутъ убьетъ его.

Написано въ Парижѣ 18-го октября 1832.

Генрихъ Гейне.

Vive la France! quand même...

I.

Парижъ, 28-го декабря 1831 г.

Наслѣдственные пэры произнесли теперь свои last speeches и были настолько умны, что сами объявили себя мертвыми, не дожидаясь, чтобы народъ умертвилъ ихъ. Этотъ шагъ внушенъ имъ съ особенною настойчивостью Казимиромъ Перье. Такимъ образомъ, съ этой стороны нѣтъ больше повода къ возмущеніямъ. Между тѣмъ, положеніе низшихъ классовъ въ Парижѣ, какъ говорятъ, настолько безотрадно, что при малѣйшемъ поводѣ извнѣ можетъ вспыхнуть болѣе грозное, чѣмъ когда-либо, возстаніе. Однако, я все-таки не думаю, чтобы мы были такъ близки къ подобнымъ взрывамъ, какъ увѣряютъ въ настоящую минуту. Не потому, чтобы я считалъ правительство особенно сильнымъ, или оппозиціонныя партіи черезчуръ слабыми — напротивъ; правительство обнаруживаетъ свое безсиліе при всякомъ случаѣ, такъ было именно во время ліонскихъ смутъ; что же касается оппозиціонныхъ партій, то онѣ въ достаточной мѣрѣ раздражены и, сверхъ того, могутъ разсчитывать на самую отчаянную смѣлую поддержку со стороны многихъ тысячъ несчастныхъ, умирающихъ отъ нищеты... Но теперь на дворѣ стоитъ холодная, туманная зима...

«Сегодня вечеромъ они не придутъ, потому что идетъ дождь»,—сказалъ Петіонъ, отворивъ окно и затѣмъ спокойно затворивъ его, въ то время, какъ его друзья жирондисты ожидали нападенія со стороны народа, натравлявшагося монтаньярами. Этотъ анекдотъ приводится въ исторіяхъ революціи для характеристики флегматичности Петіона. Но съ тѣхъ поръ, какъ я собственными глазами изучилъ характеръ парижскихъ народныхъ возстаній, для меня ясно,

что эти слова истолковывали совершенно превратно. Для хорошихъ возстаній дѣйствительно нужны хорошая погода, ласкающій солнечный свѣтъ и пріятно теплый день, и потому-то они всегда лучше всего удавались въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ.—При этомъ также не должно быть дождя, ибо парижане ничего такъ не боятся, какъ дождя, и дождь разгоняетъ стотысячную толпу мужчинъ, женщинъ и дѣтей, которая, большею частью расфранченная и со смѣхомъ, идетъ на мѣста побоища и своей многочисленностью придаетъ мужество агитаторамъ. Не должно быть также и тумана, потому что тогда нельзя вѣдь разобрать большихъ объявленій, которыя правительство прибиваетъ на всѣхъ углахъ улицъ, а между тѣмъ это чтеніе необходимо, чтобы привлекать массы людей въ опредѣленные пункты, гдѣ всего удобнѣе имъ толкаться и бунтовать. Гизо, этотъ почти нѣмецкій педантъ, въ бытность свою конректоромъ Франціи, старался выложить въ этихъ объявленіяхъ всѣ свои философско-историческія знанія, и увѣряютъ, что именно вслѣдствіе того, что столпившемуся народу было не такъ-то легко справиться съ этимъ чтеніемъ и число тѣснившихся на перекресткахъ все увеличивалось, возстаніе и приняло настолько серьезный характеръ, что бѣдный доктринеръ, жертва собственной учености, долженъ былъ покинуть свой постъ. Но самое главное, можетъ-быть, то, что въ холодную погоду нельзя читать газетъ въ Пале-Роялѣ, а между тѣмъ, именно здѣсь, подъ прекрасными деревьями собираются самые рьяные политики, здѣсь читаются вслухъ газетные листки, ведутся дебаты въ неистовствующихъ группахъ, и распространяются почерпаемыя изъ чтенія вдохновенія по всѣмъ направленіямъ.

Теперь стало ясно, какъ несправедливо относились къ бывшему герцогу Орлеанскому, Филиппу Эгалитэ, когда обвиняли его въ томъ, что онъ будто бы стоялъ во главѣ бо́льшей части народныхъ возстаній, на томъ основаніи, что всѣ они, какъ оказалось тогда, сосредотачивались въ Пале-Роялѣ, въ которомъ онъ жилъ. Въ нынѣшнемъ году Пале-Рояль являлся попрежнему такимъ центромъ; онъ попрежнему былъ сборный пунктъ всѣхъ безпокойныхъ головъ; онъ попрежнему оставался главною квартирой недовольныхъ—а вѣдь теперешній его владѣлецъ ужъ конечно не созывалъ и не оплачивалъ всей этой публики. Духъ революціи не хотѣлъ покинуть Пале-Рояля, несмотря на то, что его владѣлецъ сталъ королемъ, и потому этотъ послѣдній

принужденъ былъ выѣхать изъ своего прежняго жилища. Ходили слухи о какихъ-то особенныхъ опасеніяхъ, вызвавшихъ, яко бы, эту перемѣну квартиры; такъ, напримѣръ, говорили, будто бы боялись французскаго порохового заговора. Конечно, такъ какъ нижній этажъ той части дворца, въ верхнемъ этажѣ которой жилъ король, отданъ внаймы подъ лавки, то было бы легко перенести туда бочки съ порохомъ и безъ всякихъ неудобствъ взорвать короля на воздухъ. Другіе находили неприличнымъ, чтобы Людовикъ Филиппъ царствовалъ въ верхнемъ этажѣ въ то время, какъ въ нижнемъ г. Шеве продавалъ бы свои колбасы. Это послѣднее занятіе, однако, совершенно честное, и королю-буржуа не зачѣмъ было бы именно изъ-за этого переѣзжать, а тѣмъ болѣе—Людовику Филиппу, который еще въ прошломъ году смѣялся надъ всякими феодальными и королевскими обычаями и костюмами и высказывалъ нѣкоторымъ молодымъ республиканцамъ свое мнѣніе, что «въ золотой коронѣ слишкомъ холодно зимой и слишкомъ жарко лѣтомъ, что скипетръ слишкомъ тупъ, чтобы служить оружіемъ, и слишкомъ коротокъ, чтобы служить опорой, и что круглая войлочная шляпа и хорошій дождевой зонтикъ по нынѣшнимъ временамъ гораздо полезнѣе».

Не знаю, помнитъ ли еще Людовикъ Филиппъ эти слова, ибо уже много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ послѣдній разъ гулялъ по улицамъ Парижа въ круглой шляпѣ и съ зонтикомъ и, какъ настоящій іезуитъ-буржуа, съ изысканнымъ чистосердечіемъ разыгрывалъ роль честнаго, простого отца семейства. Въ то время онъ жалъ руку всякому лавочнику, всякому ремесленнику, и съ этой цѣлью, говорятъ, носилъ особую засаленную перчатку, которую снималъ и замѣнялъ чистой лайковой всякій разъ, когда подымался снова въ свои болѣе высокія сферы, къ своимъ старымъ дворянамъ, банкирамъ-министрамъ, интриганамъ и лакеямъ въ амаранто-красныхъ ливреяхъ. Когда я видѣлъ его въ послѣдній разъ, онъ ходилъ взадъ и впередъ между золотыми башенками, мраморными вазами и цвѣтами на террасѣ орлеанской галлереи. На немъ былъ черный сюртукъ, а на его широкомъ лицѣ прогуливалась такая беззаботность, что становится почти страшно, когда подумаешь о головокружительномъ положеніи этого человѣка. Говорятъ, однако, что душа у него совсѣмъ не такъ беззаботна, какъ лицо.

Конечно, достойно порицанія, что лицо короля сдѣлалось предметомъ бо̀льшей части остротъ и что оно вывѣшивается,

какъ мишень для насмѣшекъ, во всѣхъ магазинахъ карикатуръ. Когда же судъ пытается положить конецъ такому безчинству, то обыкновенно зло еще увеличивается. Такъ, напримѣръ, на-дняхъ мы видѣли, какъ изъ подобнаго процесса возникъ другой процессъ, который только еще болѣе скомпрометировалъ короля. А именно, Филиппонъ, издатель одного карикатурнаго журнала, защищался слѣдующимъ образомъ. Если въ какой-нибудь карикатурной фигурѣ хотятъ видѣть сходство съ лицомъ короля, то при желаніи его можно вѣдь найти въ любомъ, ничего общаго съ нимъ не имѣющемъ изображеніи, такъ что, въ концѣ концовъ, никто не будетъ застрахованъ отъ обвиненія въ оскорбленіи величества. Въ доказательство своихъ словъ онъ нарисовалъ на листѣ бумаги нѣсколько карикатурныхъ лицъ, изъ коихъ первое разительно походило на короля, второе, будучи похожимъ на первое, уже не имѣло такого замѣтнаго сходства съ королемъ, такимъ же образомъ третье походило на второе, а четвертое на третье, но такъ, что это четвертое лицо имѣло совершенно видъ груши и тѣмъ не менѣе представляло отдаленное, и однако еще тѣмъ болѣе забавное, сходство съ чертами возлюбленнаго монарха. Но такъ какъ, несмотря на это, Филиппонъ былъ осужденъ присяжными, то онъ напечаталъ въ своемъ журналѣ свою защитительную рѣчь и въ видѣ оправдательнаго документа приложилъ къ ней листъ съ четырьмя литографированными карикатурами. За эту литографію, извѣстную подъ названіемъ «груши», талантливый художникъ былъ снова привлеченъ къ отвѣтственности, и теперь отъ этого процесса ожидаютъ самыхъ забавныхъ усложненій. Но болѣе, чѣмъ всѣ карикатуры и процессы изъ-за карикатуръ, компрометируетъ самымъ плачевнымъ образомъ короля въ настоящую минуту знаменитый процессъ о наслѣдствѣ Бурбоновъ-Конде, затѣянный фамиліей Рогановъ. Это обстоятельство настолько ужасно, что даже самыя рѣзкія оппозиціонныя газеты боятся обсуждать его во всей его страшной истинѣ. На публику это дѣйствуетъ самымъ удручающимъ образомъ; въ гостиныхъ объ этомъ говорятъ потихоньку, шопотомъ и подъ секретомъ, и молчаніе со стороны лицъ, являющихся обыкновенно защитниками королевскаго дома, кажется еще болѣе удручающимъ обстоятельствомъ, чѣмъ громкій обвинительный приговоръ толпы. Это—повтореніе исторіи съ ожерельемъ въ младшей линіи, съ той только разницей, что здѣсь въ ходу уже не легкіе придворные нравы и не подлогъ, а нѣчто

болѣе низкое—именно вымогательство наслѣдства и (совершенное одной изъ участницъ) тайное убійство. Имя Роганъ, замѣшанное и здѣсь, къ сожалѣнію, слишкомъ напоминаетъ старыя исторіи. Кажется, будто слышишь шипѣніе змѣй Эвменидъ и будто суровыя богини не хотятъ дѣлать никакой разницы между старшей и младшей линіями осужденнаго рода. Но было бы несправедливо, если бы и люди не признали этой разницы.

Я не думаю, чтобы Людовикъ Филиппъ былъ неблагородный человѣкъ; онъ навѣрно не желаетъ ничего дурного и грѣшитъ только тѣмъ, что поддается прирожденнымъ стремленіямъ своихъ товарищей по рожденію и не понимаетъ своего главнаго жизненнаго принципа. Черезъ это онъ можетъ погибнуть. Ибо, какъ глубокомысленно замѣчаетъ Саллюстій, «правительства могутъ держаться только тѣмъ, съ помощью чего они возникли»; такъ, напримѣръ, правительство, созданное насиліемъ, удерживается тоже посредствомъ насилія, а не хитрости, и обратно. Людовикъ Филиппъ забылъ, что его царствованіе возникло изъ принципа власти народа, и въ плачевнѣйшемъ ослѣпленіи старается поддержать свою власть quasi-легитимизмомъ и продолженіемъ періода реставраціи. Вотъ почему духи революціи теперь гнѣваются на него и ведутъ съ нимъ войну во всѣхъ видахъ. Эта война во всякомъ случаѣ еще справедливѣе, чѣмъ война противъ прежняго правительства, которое ничѣмъ не было обязано народу и съ самаго начала поставило себя въ открыто враждебныя отношенія къ нему. Людовикъ Филиппъ, обязанный своей короной народу и іюльскимъ мостовымъ плитамъ—человѣкъ неблагодарный, измѣна котораго тѣмъ прискорбнѣе, что съ каждымъ днемъ становится все яснѣе, какъ грубо были имъ обмануты. Да, каждый день дѣлаются явные шаги назадъ, и какъ камни мостовой, служившіе во время іюльскихъ дней оружіемъ и съ тѣхъ поръ лежавшіе еще кое-гдѣ въ кучахъ, теперь спокойно вбиваютъ снова въ мостовую, чтобы не осталось никакихъ наружныхъ слѣдовъ революціи, такъ же точно оттѣсняютъ теперь и народъ на его прежнее мѣсто, вколачивая его въ землю, какъ камни мостовой, и попрежнему топча его ногами.

Я забылъ упомянуть выше вотъ о чемъ. Въ числѣ побудительныхъ причинъ, заставившихъ короля покинуть Пале-Рояль и переѣхать въ Тюильри, былъ слухъ, что онъ будто бы принялъ корону только для видимости, что въ сердцѣ своемъ онъ остался вѣренъ своему законному государю,

Карлу X, что онъ втайнѣ подготовляетъ его возвращеніе, а потому и не переѣзжаетъ въ Тюильри. Карлисты выкопали этотъ слухъ, и онъ былъ достаточно нелѣпъ для того, чтобы найти себѣ доступъ въ народѣ. И вотъ теперь онъ фактически опровергнутъ: сынъ Эгалитэ въѣхалъ наконецъ, какъ побѣдитель, черезъ тріумфальныя ворота Каруселя и разгуливаетъ нынѣ со своимъ беззаботнымъ лицомъ, въ шляпѣ и съ дождевымъ зонтикомъ, по всемірноисторическимъ покоямъ Тюильрійскаго дворца. Говорятъ, королева сильно противилась переселенію въ этотъ «домъ несчастія». О королѣ же разсказываютъ, что первую ночь, проведенную тамъ, онъ спалъ не такъ хорошо, какъ обыкновенно, и что его посѣщали всяческія видѣнія; такъ, напримѣръ, онъ видѣлъ Марію Антуанету, бѣгавшую по комнатамъ, какъ нѣкогда въ день 10-го августа, съ гнѣвно раздувающимися ноздрями; затѣмъ онъ слышалъ злобный смѣхъ краснаго человѣчка, смѣхъ, который подчасъ раздавался явственно даже за спиной Наполеона, именно въ тѣ минуты, когда онъ въ аудіенцъ-залѣ раздавалъ свои самыя гордыя повелѣнія; подъ конецъ же явился ему св. Дени и именемъ Людовика XVI звалъ его на эшафотъ. Св. Дени, какъ всякому извѣстно, его патронъ французскихъ королей и изображается держащимъ въ рукѣ собственную голову.

Но опаснѣе всѣхъ привидѣній, кроющихся во внутреннихъ покояхъ дворца, тѣ нелѣпости, которыя надѣланы у него снаружи. Я говорю о пресловутыхъ fossés des Tuileries. Они долгое время служили главнымъ предметомъ разговоровъ, какъ въ гостиныхъ, такъ и на уличныхъ перекресткахъ, и до сихъ поръ еще подвергаются самымъ язвительнымъ и непріязненнымъ обсужденіямъ. Еще въ то время, когда передъ садовымъ фасадомъ Тюильри стояли высокіе дощатые заборы, скрывавшіе отъ взоровъ публики происходившія за ними вышеупомянутыя работы, на этотъ счетъ ходили самыя нелѣпыя предположенія. Большинство полагало, что король желаетъ укрѣпить дворецъ, и притомъ со стороны сада, откуда однажды уже, 10-го августа, народъ могъ такъ легко проникнуть въ него Говорили даже, что для этого сломаютъ мостъ Pont Royal. Другіе были того мнѣнія, что король хочетъ только воздвигнуть длинную стѣну которая закрывала бы ему самому видъ на площадь Согласія, и дѣлаетъ это не изъ ребяческаго страха, а изъ чувства деликатности; ибо его отецъ умеръ на Гревской площади, площадь же Согласія служила мѣстомъ казни старшей линіи.

На самомъ же дѣлѣ, въ этомъ случаѣ къ бѣдному Людовику Филиппу были несправедливы такъ же, какъ и во многихъ другихъ. Когда сняли передъ дворцомъ эти таинственные дощатые заборы, за ними не оказалось ни укрѣпленій, ни стѣнъ, ни рвовъ, ни бастіоновъ, а однѣ только глупости и цвѣты. Именно, королю, при его страсти къ постройкамъ, попросту пришла фантазія отдѣлить отъ большого публичнаго сада маленькій садикъ передъ дворцомъ для себя и своей семьи; это отдѣленіе было произведено посредствомъ обыкновеннаго рва и проволочной рѣшетки въ нѣсколько футовъ вышины, а въ разбитыхъ клумбахъ уже помѣщались цвѣты, такіе же невинные, какъ и эта садовая идея короля.

Но Казимира Перье, говорятъ, очень разсердила эта невинная идея, выполненная безъ его вѣдома. Потому что во всякомъ случаѣ она вызываетъ справедливое неудовольствіе публики обезображеніемъ сада, этого превосходнаго произведенія Ле-Нотра, поражающаго именно своимъ грандіознымъ цѣлымъ. Это совершенно то же, что выкинуть нѣсколько сценъ изъ Расиновской трагедіи. Англійскіе сады и романтическія драмы можно всегда урѣзывать безъ всякаго вреда, а иногда даже съ пользою для нихъ; но поэтическіе сады Расина, съ ихъ великолѣпно скучными единствами, патетическими мраморными изваяніями, размѣренными выходами и прочими строгостями построенія, нельзя, точно такъ же, какъ зеленую трагедію Ле-Нотра, начинающуюся такъ величественно широкой Тюильрійской экспозиціей и оканчивающуюся возвышенной террасой, съ которой открывается катастрофа площади Согласія—нельзя измѣнить ни на іоту, не нарушая ихъ симметріи, а стало-быть, и того, что̀ составляетъ собственно ихъ красоту. Кромѣ того, эти несвоевременныя передѣлки въ саду вредятъ королю еще и по другимъ причинамъ. Во-первыхъ, благодаря имъ, о немъ чаще упоминается въ разговорахъ, что̀ въ настоящую минуту для него не особенно выгодно; во-вторыхъ, онѣ заставляютъ постоянно собираться въ его непосредственномъ сосѣдствѣ множество ротозѣевъ, дѣлающихъ всякаго рода опасные комментаріи, старающихся, можетъ-быть, заглушить пріятнымъ зрѣлищемъ свой голодъ, но во всякомъ случаѣ имѣющихъ длинныя, праздныя руки. Въ этой толпѣ слышатся злобно рѣзкія замѣчанія и красныя остроты, напоминающія девяностые годы. Съ одной стороны у входа въ новый садъ стоитъ металлическій снимокъ съ точильщика,

оригиналъ котораго находится во Флоренціи, въ Трибунѣ, и относительно значенія котораго существуютъ различныя мнѣнія. Здѣсь же, въ Тюильрійскомъ саду, я слышалъ насчетъ смысла этой статуи такія новѣйшія толкованія, которыя вызвали бы улыбку сожалѣнія у многихъ антикваріевъ и тайный трепетъ въ сердцахъ многихъ аристократовъ.

Несомнѣнно, эти садовыя постройки — колоссальная глупость и даютъ поводъ къ самымъ отвратительнымъ обвиненіямъ противъ короля. Имъ можно даже придать символическое толкованіе. Людовикъ Филиппъ вырываетъ ровъ между собой и народомъ, онъ и наглядно отдѣляетъ себя отъ него. Или же онъ такъ близоруко понялъ сущность конституціонной монархіи, что полагаетъ, что предоставивъ народу большую часть сада, онъ тѣмъ исключительнѣе имѣетъ право пользованья меньшей частью, какъ своимъ частнымъ садикомъ?

Нѣтъ, абсолютная монархія со своимъ грандіозно-эгоистическимъ Людовикомъ XIV, который, вмѣсто своего «L'état c'est moi», могъ бы также сказать «Les Tuileries c'est moi», въ такомъ случаѣ гораздо величественнѣе конституціоннаго главенства народа съ его Людовикомъ Филиппомъ I, который робко отгораживаетъ себѣ маленькій садикъ, опираясь на какое-то жалкое chacun chez soi. Говорятъ, что всѣ работы будутъ окончены весной. Къ тому времени, вѣроятно, и новая монархія, которая покамѣстъ еще далеко недостроена и на которой еще свѣжа известь, будетъ имѣть болѣе законченный видъ. Въ теперешнемъ своемъ состояніи она въ высшей степени неудобна для житья. И въ самомъ дѣлѣ, если смотришь на Тюильри со стороны сада и видишь все это копаніе и перекапываніе, перемѣщеніе статуй, посадку безлистныхъ деревьевъ, старый каменный мусоръ, новые строительные матеріалы, весь этотъ ремонтъ, при которомъ столько стучатъ, кричатъ, смѣются и шумятъ, то кажется, что видишь передъ собой символическій образъ новой недодѣланной монархіи.

II.

Парижъ, 19 января 1832.

Газета «Temps» замѣчаетъ сегодня, что «Allgemeine Zeitung» стала теперь помѣщать статьи, относящіяся къ королевской фамиліи и что нѣмецкая цензура, не позволяющая ни малѣйшей выходки противъ абсолютныхъ государей,

нисколько не щадитъ короля-буржуа. «Temps», однако, самая умная газета въ свѣтѣ! Нѣсколькими спокойными словами она достигаетъ своей цѣли гораздо скорѣе, чѣмъ другія — самой громкой полемикой. Ея хитрый намекъ былъ понятъ, какъ слѣдуетъ, и я знаю по крайней мѣрѣ одного либеральнаго писателя, который считаетъ отнынѣ противнымъ своей чести, пользуясь покровительствомъ цензуры, печатать противъ короля-буржуа враждебныя статьи, которыхъ ему не разрѣшили бы относительно другихъ государей. Но зато пусть же и Людовикъ Филиппъ сдѣлаетъ намъ единственное удовольствіе — оставаться дѣйствительно королемъ-буржуа. Если мы нападаемъ на него, то именно потому, что онъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе утрачиваетъ этотъ характеръ. Какъ человѣкъ, онъ, безъ сомнѣнія, вполнѣ честенъ, почтенный отецъ семейства, нѣжный супругъ и хорошій хозяинъ; но насъ сердитъ, что онъ приказываетъ рубить всѣ деревья свободы, срываетъ съ нихъ ихъ красивый лиственный уборъ, чтобы дѣлать изъ нихъ подпорки для шаткаго Орлеанскаго дома. За это, и только за это гнѣвается на него либеральная пресса, и духи истины не пренебрегаютъ даже ложью, чтобы посредствомъ ея воевать съ нимъ. Очень грустно, достойно сожалѣнія, что, благодаря этой тактикѣ, приходится страдать даже семьѣ короля, которая столько же неповинна, сколько симпатична. Съ этой стороны нѣмецкая либеральная пресса, менѣе остроумная, но болѣе сердечная, чѣмъ ея французская старшая сестра, никогда не дастъ повода къ обвиненію ея въ жестокости. «Вы должны по крайней мѣрѣ имѣть состраданіе къ королю!» восклицалъ на дняхъ кроткій «Journal des Débats». — «Состраданіе къ Людовику Филиппу! — возражала «Tribune»:—этотъ человѣкъ требуетъ отъ насъ пятнадцать милліоновъ, и сверхъ того состраданія! А выказалъ онъ состраданіе къ Италіи!..» и т. д.—На этихъ дняхъ я видѣлъ малолѣтнюю сиротку того Менотти, котораго повѣсили въ Моденѣ. Видѣлъ я также недавно синьору Луизу-де-Торрихосъ, несчастную, мертвенно блѣдную даму, поспѣшно вернувшуюся въ Парижъ съ испанской границы, когда до нея дошло извѣстіе о казни ея мужа и его пятидесяти двухъ товарищей по несчастью. Ахъ, право, я чувствую состраданіе къ Людовику Филиппу!

«Tribune», органъ открыто республиканской партіи, неумолима по отношенію къ своему царственному врагу и ежедневно проповѣдуетъ республику. «National», самая без-

пощадная и самая независимая газета во Франціи, недавно страннымъ образомъ заговорила въ томъ же духѣ. Страшно, какъ эхо самыхъ кровавыхъ дней Конвента, звучали рѣчи тѣхъ вождей Société des amis du peuple, которые предстали на прошлой недѣлѣ передъ судомъ присяжныхъ по обвиненію въ «заговорѣ противъ существующаго правительства съ цѣлью свергнуть его и основать республику». Присяжные оправдали ихъ, ибо они доказали, что отнюдь не составляли заговора, а высказывали свои мнѣнія передъ лицомъ всей публики. «Да, мы желаемъ ниспроверженія этого слабаго правительства, мы желаемъ республики», таковъ былъ припѣвъ всѣхъ ихъ рѣчей передъ судомъ.

Въ то время, какъ съ одной стороны серьезные республиканцы обнажаютъ мечъ и извергаютъ громоносныя слова, «Figaro» блещетъ и смѣется, и вліятельнѣе, чѣмъ всѣ остальные, пощелкиваетъ своимъ легкимъ бичомъ. Онъ неистощимъ въ остротахъ насчетъ «лучшей республики» — выраженіе, которымъ дразнятъ также и бѣднаго Лафайета, потому что, какъ извѣстно, онъ однажды передъ городской ратушей обнялъ Людовика Филиппа и воскликнулъ: «Vous êtes la meilleure république!» На-дняхъ «Фигаро» замѣтилъ, что съ тѣхъ поръ, какъ увидѣли лучшую республику, никто уже не требуетъ никакой. Также безпощадно выразился онъ по поводу преній о государственной росписи: «La meilleure république coûte quinze millions».

Республиканская партія никогда не проститъ Лафайету его промаха въ дѣлѣ рекомендаціи короля. Она упрекаетъ его въ томъ, что, будучи довольно давно знакомъ съ Людовикомъ Филиппомъ, онъ долженъ былъ напередъ знать, чего можно было ожидать отъ него. Лафайетъ теперь боленъ, боленъ съ горя. Ахъ, какъ мучительно должно быть это разочарованіе въ королѣ для величайшаго сердца стараго и новаго свѣта! Напрасно первое время онъ постоянно напоминалъ о «Programme de l'Hôtel de ville», о республиканскихъ учрежденіяхъ, которыми должна была окружить себя королевская власть, и о тому подобныхъ обѣщаніяхъ. Но его перекричали тѣ доктринеры болтуны, которые, на основаніи англійской исторіи 1688 г., доказываютъ, что въ іюлѣ 1830 г. въ Парижѣ бились только за сохраненіе хартіи, и что всѣ жертвы и битвы имѣли единственной цѣлью возведеніе на престолъ младшей линіи Бурбоновъ вмѣсто старшей, подобно тому, какъ нѣкогда въ Англіи все дѣло свелось къ замѣнѣ Стюартовъ Оранскимъ домомъ. Тьеръ, хотя

и держится другихъ взглядовъ, чѣмъ доктринеры, но въ настоящую минуту говоритъ въ духѣ этой партіи; въ послѣднее время онъ оказалъ ей довольно значительную поддержку. Этотъ глубочайшій индиферентистъ, обладающій такимъ удивительнымъ чувствомъ мѣры и такой ясностью, удобопонятностью и образностью въ манерѣ писанія, этотъ Гёте политики, въ настоящую минуту является, безъ сомнѣнія, самымъ могущественнымъ поборникомъ системы Перье; и въ самомъ дѣлѣ, своей брошюрой противъ Шатобріана онъ почти совсѣмъ уничтожилъ этого донъ-Кихота легитимизма, который возсѣдалъ съ такимъ паѳосомъ на своемъ крылатомъ Россинантѣ, котораго мечъ не столько остеръ, сколько блестящъ, и который стрѣлялъ только драгоцѣнными жемчужинами вмѣсто хорошихъ, убѣдительныхъ свинцовыхъ пуль.

Въ негодованіи на плачевный поворотъ дѣлъ, многіе энтузіасты свободы доходятъ даже до того, что клевещутъ на Лафайета. Какъ далеко можно погрѣшать въ этомъ отношеніи, видно изъ сочиненія Бельмонта, также направленнаго противъ извѣстной брошюры Шатобріана и въ которомъ съ достохвальной откровенностью проповѣдуется республика. Я бы выписалъ здѣсь цѣликомъ тѣ язвительные отзывы о Лафайетѣ, которые попадаются въ этомъ сочиненіи, если бы, съ одной стороны, они не были слишкомъ гнусны, а съ другой—не стояли бы въ связи съ неумѣстной на этихъ страницахъ апологіей республики. Но я отсылаю въ этомъ отношеніи читателя къ самому сочиненію, и именно къ той главѣ его, которая озаглавлена «Республика». Тутъ видно, какъ даже самыхъ благородныхъ людей несчастье дѣлаетъ несправедливыми. Блестящую мечту о возможности республики во Франціи я не стану здѣсь оспаривать. Будучи роялистомъ по врожденной склонности, я во Франціи становлюсь имъ по убѣжденію. Я убѣжденъ, что французы не могли бы ужиться ни съ какой республикой — ни съ аѳинскимъ устройствомъ, ни со спартанскимъ, и менѣе всего съ сѣверо-американскимъ. Аѳиняне были учащейся молодежью человѣчества, государственное устройство Аѳинъ было своего рода академической свободой, и было бы безуміемъ желать снова ввести ее въ нашу взрослую эпоху, въ нашей сѣдой Европѣ. А еще невыносимѣе для насъ оказался бы государственный строй Спарты, этой огромной скучной фабрики патріотизма, этой казармы республиканской добродѣтели, этой возвышенно скверной кухни равен-

ства, въ которой такъ скверно приготовляли черные супы, что аттическіе остряки утверждали, будто лакедемоняне оттого и относятся къ жизни съ такимъ презрѣніемъ и въ битвахъ встрѣчаютъ смерть съ такимъ геройскимъ мужествомъ. Какъ могло подобное устройство процвѣтать въ разсадникѣ гастрономовъ, въ отчизнѣ Вери, Вефуровъ, Каремовъ. Этотъ послѣдній, навѣрно, бросился бы, подобно Вателю, на свой мечъ, какъ Брутъ кулинарнаго искусства, какъ послѣдній гастрономъ! Право, введи только Робеспьеръ спартанскую кухню, гильотина оказалась бы совершенно излишней; ибо послѣдніе аристократы тотчасъ же умерли бы отъ испуга, или поспѣшили бы эмигрировать. Бѣдный Робеспьеръ, ты хотѣлъ ввести республиканскую строгость въ Парижѣ, въ городѣ, гдѣ 150.000 модистокъ и 150.000 парикмахеровъ и парфюмеровъ занимаются своимъ улыбающимся, завивающимъ и благоухающимъ ремесломъ!..

Американская жизнь, съ ея однообразіемъ, безцвѣтностью и торгашествомъ, была бы еще невыносимѣе въ отчизнѣ увеселительныхъ зрѣлищъ, тщеславія, модъ и новинокъ. Право, нигдѣ на свѣтѣ недугъ страсти къ внѣшнему блеску не свирѣпствуетъ съ такой силой, какъ во Франціи. Въ Германіи не найдется ни одной женщины, за исключеніемъ развѣ Августа Вильгельма Шлегеля, которая была бы такъ рада пестрой ленточкѣ, какъ французы; даже іюльскіе герои, бившіеся вѣдь за свободу и равенство, и тѣ согласились потомъ получить въ награду за это голубыя ленточки, чтобы такимъ образомъ отличаться отъ остального народа. Но если въ виду этого я сомнѣваюсь, чтобы во Франціи республика могла имѣть успѣхъ, то, съ другой стороны, не могу отрицать, что все клонится къ республикѣ, что въ лучшихъ людяхъ республиканское уваженіе къ закону заступило мѣсто роялистскаго уваженія къ лицамъ, и что оппозиція, нѣкогда въ продолженіе пятнадцати лѣтъ игравшая комедію съ королемъ, теперь продолжаетъ играть ту же самую комедію съ самой монархіей, и что такимъ образомъ вся эта пѣсня можетъ, хотя бы на короткое время, окончиться республикой. Карлисты работаютъ въ пользу такой развязки, потому что смотрятъ на нее, какъ на неизбѣжный фазисъ, черезъ который надо пройти, чтобы снова возстановить абсолютную монархію старшей линіи. Вотъ почему они притворяются теперь самыми ревностными республиканцами; даже самъ Шатобріанъ восхваляетъ республику, называетъ себя республиканцемъ по влеченію, братается съ

Марра и принимаетъ посвященіе въ рыцари отъ Беранже. «Gazette», эта лицемѣрная «Gazette de France» жаждетъ теперь республиканскихъ формъ правленія, всеобщей подачи голосовъ и т. д. Забавно смотрѣть, какъ замаскированные священники разглагольствуютъ теперь на языкѣ санкюлотства, какъ они яростно кокетничаютъ краснымъ якобинскимъ колпакомъ, какъ, однако, порой на нихъ вдругъ находитъ страхъ—не надѣли ли они по разсѣянности, вмѣсто него, красной епископской шапочки, и какъ въ этомъ случаѣ они на мгновеніе снимаютъ съ головы взятый на прокатъ уборъ, и весь свѣтъ замѣчаетъ ихъ тонзуру. Подобные люди тоже считаютъ себя въ правѣ ругать Лафайета, и въ этомъ они находятъ сладкій отдыхъ отъ кислаго республиканства, отъ насильственной свободы, которую они принуждены были наложить на себя.

Но что̀ бы ни говорили ослѣпленные друзья и лицемѣрные враги, Лафайетъ остается послѣ Робеспьера все-таки самымъ чистымъ характеромъ французской революціи, а послѣ Наполеона онъ ея самый популярный герой. Наполеонъ и Лафайетъ—два имени, которыя теперь во Франціи цвѣтутъ пышнѣе всѣхъ. Разумѣется, слава ихъ различнаго рода; Лафайетъ воевалъ не столько ради побѣдъ, сколько ради мира, Наполеонъ сражался болѣе за лавры, чѣмъ за дубовый вѣнокъ. Разумѣется, было бы смѣшно измѣрять величіе обоихъ героевъ однимъ и тѣмъ же масштабомъ и возводить одного на пьедесталъ другого. Было бы смѣшно водрузить статую Лафайета на Вандомскую колонну, вылитую изъ добытыхъ въ столькихъ сраженіяхъ пушекъ, и видъ которой, какъ поетъ Барбье, не можетъ вынести ни одна француженка-мать. На этотъ желѣзный столбъ поставьте Наполеона, желѣзнаго человѣка, чтобы здѣсь, какъ и въ жизни, онъ опирался на свою пушечную славу и, въ страшной изолированности возвышался до облаковъ, и чтобы такимъ образомъ у всякаго честолюбиваго солдата,. при созерцаніи его, недосягаемаго на этой высотѣ, излѣчивалось смирившееся сердце отъ суетной жажды славы; тогда этотъ колоссальный металлическій столбъ, служа громоотводомъ воинственнаго героизма, основалъ бы самый полезный миръ въ Европѣ.

Лафайетъ создалъ себѣ памятникъ лучше того, что̀ стоитъ на Вандомской площади, и статую лучше той, которая сдѣлана изъ металла или мрамора. Гдѣ вы найдете мраморъ, столь чистый, какъ сердце старика Лафайета, и металлъ,

столь твердый, какъ его вѣрность? Правда, онъ былъ всегда односторонен, но одностороненъ, какъ магнитная стрѣлка, которая постоянно указываетъ на сѣверъ, и ни разу, хотя бы для разнообразія, на югъ или на востокъ. Такъ и Лафайетъ въ продолженіе сорока лѣтъ каждый день говоритъ одно и то же и постоянно указываетъ на Сѣверную Америку; это онъ открылъ революцію провозглашеніемъ правъ человѣка, и по сей день твердо стоитъ на этомъ провозглашеніи, безъ котораго нѣтъ спасенія, этотъ односторонній человѣкъ, съ его одностороннимъ горизонтомъ свободы! Конечно, онъ не геній, какимъ былъ Наполеонъ, у котораго въ головѣ гнѣздились орлы вдохновенія, между тѣмъ какъ въ сердцѣ извивались змѣи расчета; но зато никогда никакіе орлы не могли запугать его и никакія змѣи соблазнить. Юношей—мудрый, какъ старикъ, старикомъ—пламенный, какъ юноша, защитникъ народа отъ козней великихъ міра сего, защитникъ великихъ міра отъ ярости народа, полный состраданія и неутомимый борецъ, никогда не заносчивый и никогда не падавшій духомъ, въ мѣру строгій и въ мѣру милостивый — таковъ былъ Лафайетъ, всегда оставаясь вѣрнымъ себѣ; и такимъ образомъ, въ своей односторонности и ровности, онъ со временъ Маріи Антуанетты и до сихъ поръ остается на томъ же посту; вѣрный Эккартъ свободы, онъ все еще стоитъ, опершись на свою шпагу и предостерегая желающихъ войти въ Тюильри, въ эту предательскую Венерину гору, откуда раздаются такъ соблазнительно волшебные звуки и изъ сладостныхъ сѣтей которой бѣдные, запутавшіеся въ нихъ люди никогда уже не могутъ вырваться.

Надо, однако, сказать, что умершаго Наполеона французы все-таки больше любятъ, чѣмъ живого Лафайета. Можетъ-быть, именно потому, что онъ умеръ; мнѣ по крайней мѣрѣ это обстоятельство болѣе всего нравится въ Наполеонѣ, потому что, живи онъ, мнѣ вѣдь пришлось бы бороться противъ него. За предѣлами Франціи не имѣютъ и понятія о томъ, какъ сильно французскій народъ до сихъ поръ привязанъ къ Наполеону. Поэтому, если недовольные когда-нибудь отважатся на какой-нибудь рѣшительный шагъ, то прежде всего провозгласятъ молодого Наполеона, чтобы обезпечить себѣ сочувствіе массъ. «Наполеонъ» для французовъ магическое слово, которое электризируетъ и ошеломляетъ ихъ. Въ этомъ имени спятъ тысячи пушекъ, точно такъ же, какъ въ Вандомской колоннѣ, и задрожитъ Тюильрійскій дворецъ, если когда-нибудь эти пушки проснутся. Подобно тому, какъ

евреи не произносили всуе имени своего Бога, такъ и Наполеона здѣсь рѣдко называютъ по имени, и всегдашнее названіе ему «человѣкъ», «l'homme». Но изображенія его попадаются всюду, въ гравюрѣ и гипсѣ, въ металлѣ и деревѣ, и во всевозможныхъ положеніяхъ. На всѣхъ бульварахъ, на всѣхъ перекресткахъ стоятъ ораторы, восхваляющіе его, «человѣка», народные пѣвцы, воспѣвающіе его подвиги. Вчера вечеромъ, возвращаясь домой, я попалъ въ уединенный, темный переулочекъ; тамъ передъ воткнутымъ въ землю сальнымъ огаркомъ стоялъ ребенокъ лѣтъ трехъ, не больше, и лепеталъ какую-то пѣсенку во славу великаго императора. Когда я бросилъ ему на разостланный платокъ одинъ су, возлѣ меня зашевелилось что-то и также попросило су. Это былъ старый солдатъ, который тоже могъ бы пропѣть пѣсенку во славу великаго императора, потому что эта слава стоила ему обѣихъ ногъ. Бѣдный калѣка просилъ меня подать не ради Бога, а съ набожнѣйшей искренностью произнесъ: «Au nom de Napoléon donnez moi un sou». Такимъ образомъ это имя служитъ у народа и высшимъ заклинательнымъ словомъ. Наполеонъ его богъ, его культъ, его религія; и это поклоненіе, какъ всякое ему подобное, въ концѣ концовъ становится скучно. Лафайета, напротивъ, чтутъ больше какъ человѣка, или какъ ангела-хранителя. Онъ тоже живетъ на картинахъ и въ пѣсняхъ, но не столь героически, и сказать правду, на меня произвело даже комическое впечатлѣніе, когда въ прошломъ году, 28-го іюля, я услышалъ въ пѣснѣ La Parisienne слова «Lafayette aux cheveux blancs», между тѣмъ какъ онъ самъ стоялъ тутъ же, возлѣ меня, въ своемъ темноволосомъ парикѣ. Это происходило на площади Бастиліи, онъ былъ тутъ совсѣмъ на своемъ мѣстѣ, а тѣмъ не менѣе я не могъ удержаться отъ внутренняго смѣха. Можетъ-быть, именно такая примѣсь комическаго и дѣлаетъ его болѣе человѣчески близкимъ нашему сердцу. Его добродушіе дѣйствуетъ даже на дѣтей, и они понимаютъ его величіе, пожалуй, даже лучше, чѣмъ взрослые. На этотъ счетъ я могу опять разсказать маленькій анекдотъ съ нищимъ, но такой, который характеризуетъ различіе славы Лафайета отъ славы Наполеона. Какъ-то на-дняхъ я стоялъ на углу улицы противъ Пантеона и, по обыкновенію любуясь этимъ прекраснымъ зданіемъ, погрузился въ размышленія; тутъ какой-то маленькій савояръ попросилъ у меня милостыни, и я, чтобы скорѣе отдѣлаться отъ него, далъ ему десять су. Но послѣ

этого онъ еще довѣрчивѣе приблизился ко мнѣ и спросилъ: «Est-ce que vous connaissez le général Lafayette?» — И когда я отвѣтилъ утвердительно на этотъ странный вопросъ, на наивно грязномъ лицѣ хорошенькаго мальчишки выразилось самое гордое удовольствіе, и онъ произнесъ съ забавной серьезностью: «Il est de mon pays». Онъ навѣрно думалъ, что человѣкъ, давшій ему десять су, долженъ быть тоже поклонникомъ Лафайета, и потому счелъ меня заслуживающимъ того, чтобы отрекомендоваться мнѣ въ качествѣ земляка генерала.

Такимъ образомъ, и сельское населеніе питаетъ къ Лафайету самое нѣжное уваженіе, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время онъ самъ посвящаетъ себя главнымъ образомъ сельскому хозяйству. Благодаря этому занятію, онъ сохраняетъ свою простоту и свѣжесть, которыя могъ бы утратить въ постоянной городской сутолокѣ. Въ этомъ отношеніи онъ тоже похожъ на тѣхъ великихъ республиканцевъ прежнихъ временъ, которые также собственноручно сажали свою капусту, въ дни бѣдствія спѣшили отъ плуга въ битву или на трибуну, а одержавъ побѣду, снова возвращались къ своимъ земледѣльческимъ работамъ. Въ деревнѣ, гдѣ Лафайетъ проводитъ теплое время года, онъ обыкновенно окруженъ энергическими юношами и красивыми дѣвушками; тамъ господствуетъ гостепріимство стола и сердца, тамъ много смѣются и много танцуютъ, тамъ дворъ царствующаго народа, тамъ имѣетъ пріѣздъ ко двору всякій, кто сынъ своихъ собственныхъ дѣлъ и не вступилъ въ недостойный союзъ съ ложью, и Лафайетъ—церемоніймейстеръ этого двора; Лагранжъ—названіе этого помѣстья, и прелестнѣйшее зрѣлище представляетъ герой Стараго и Новаго Свѣта, когда онъ разсказываетъ молодежи свои исторіи; тутъ онъ является какъ бы эпосомъ, окруженнымъ гирляндами идилліи.

Но еще болѣе, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ классѣ народа, чтутъ Лафайета въ собственно среднемъ сословіи, среди ремесленниковъ и мелкихъ торговцевъ. Эти боготворятъ его. Лафайетъ, устанавливающій порядокъ, кумиръ этихъ людей. Они преклоняются передъ нимъ, какъ передъ какимъ-то божествомъ на конѣ, какъ передъ вооруженнымъ патрономъ-защитникомъ общественной безопасности, какъ передъ геніемъ свободы, который вмѣстѣ съ тѣмъ заботится, чтобы во время борьбы за свободу ничто не было украдено и всякій сохранилъ свою собственность. Великая армія

общественнаго порядка, какъ назвалъ національную гвардію Казимиръ Перье, эти откормленные герои въ большихъ шапкахъ, надѣтыхъ на головы лавочниковъ, внѣ себя отъ восторга, когда говорятъ о Лафайетѣ, своемъ старомъ генералѣ, своемъ Наполеонѣ мира. Да, онъ Наполеонъ petite bourgeoisie, этихъ честныхъ состоятельныхъ людей, этихъ портныхъ и перчаточниковъ, которые, правда, весь день слишкомъ заняты, чтобы думать о Лафайетѣ, но зато вечеромъ восхваляютъ его съ удвоеннымъ энтузіазмомъ, такъ что можно положительно утверждать, что въ одиннадцать часовъ, когда большинство лавокъ закрыто, слава Лафайета достигаетъ самаго пышнаго расцвѣта.

Я употребилъ выше слово «церемоніймейстеръ». Теперь я припоминаю, что Вольфгангъ Менцель, описывая какъ-то въ «Литературномъ Листкѣ» тріумфальное шествіе Лафайета по Соединеннымъ Штатамъ и всѣ депутаціи, адресы и торжественныя рѣчи, которыя имѣли мѣсто при этомъ, назвалъ его, со своею остроумною фривольностью, «церемоніймейстеръ свободы». И другіе, менѣе остроумные люди раздѣляютъ заблужденіе, будто Лафайетъ не болѣе, какъ старикъ, котораго выставляютъ на показъ, или употребляютъ, какъ машину. Между тѣмъ, если бы эти люди хоть разъ увидѣли его на ораторской трибунѣ, они бы легко убѣдились, что онъ не просто знамя, за которымъ слѣдуютъ, или которому присягаютъ, но что онъ самъ является до сихъ поръ гонфалоньеромъ, въ рукахъ котораго священное знамя, золотая хоругвь народовъ. Лафайетъ едва ли не самый выдающійся ораторъ въ теперешней палатѣ депутатовъ. Когда онъ говоритъ, то попадаетъ всегда не въ бровь, а прямо въ глазъ, и разбиваетъ своихъ враговъ. Когда рѣчь заходитъ о какихъ-нибудь изъ великихъ вопросовъ человѣчества, Лафайетъ всякій разъ встаетъ, воинственный, какъ юноша. Только тѣло въ немъ слабо и немощно, надломлено жизнью и жизненными битвами, какъ изрубленная и разбитая старая желѣзная броня, и трогательно видѣть, какъ онъ съ трудомъ тащитъ это бренное тѣло на трибуну и, достигнувъ ея, очутившись на этомъ старомъ посту, тяжело переводитъ духъ и улыбается. Эта улыбка, рѣчь и весь обликъ этого человѣка въ то время, когда онъ говоритъ на трибунѣ, не поддаются описанію. Во всемъ этомъ столько милаго благодушія и вмѣстѣ съ тѣмъ столько тонкой ироніи, что чувствуешь себя скованнымъ какимъ-то удивительнымъ любопытствомъ, какою-то чудесной загадкой. Не знаешь, что

это — утонченныя ли манеры французскаго маркиза, или откровенная прямота американскаго гражданина? Все, что было лучшаго въ старомъ режимѣ, рыцарственность, учтивость, тактъ, удивительно сочетаются въ немъ со всѣмъ, что есть лучшаго въ новомъ буржуазномъ режимѣ—любовью къ равенству, отсутствіемъ внѣшняго блеска и честностью. Въ высшей степени интересно, когда въ палатѣ заговорятъ о первыхъ временахъ революціи, и при этомъ кто-нибудь доктринерски выхватитъ историческій фактъ изъ дѣйствительной связи этихъ фактовъ и пользуется имъ для своихъ доводовъ. Тогда Лафайетъ немногими словами разбиваетъ ложные выводы, приводитъ всѣ, относящіяся сюда, обстоятельства, и такимъ образомъ иллюстрируетъ или возстановляетъ истинный смыслъ цитированнаго факта. Самъ Тьеръ въ подобныхъ случаяхъ принужденъ опускать паруса, и великій исторіографъ революціи склоняется передъ свидѣтельствомъ ея великаго живого памятника, ея генерала Лафайета.

Въ палатѣ, противъ ораторской трибуны, сидитъ очень старый человѣкъ съ блестящими серебристыми волосами, низко спускающимися на его черное платье, вокругъ его таліи обмотанъ очень широкій трехцвѣтный шарфъ; это тотъ старый messager, который еще въ началѣ революціи исполнялъ эту должность въ палатѣ, и съ тѣхъ поръ, въ этомъ положеніи, былъ свидѣтелемъ всей всемірной исторіи, начиная съ перваго національнаго собранія вплоть до juste milieu. Мнѣ говорили, что онъ до сихъ поръ часто вспоминаетъ Робеспьера, котораго называетъ «le bon monsieur Robespierre». Въ періодъ реставраціи старикъ страдалъ коликами, но съ тѣхъ поръ, какъ онъ снова опоясался трехцвѣтнымъ шарфомъ, онъ чувствуетъ себя опять здоровымъ. Только сонливость его одолѣваетъ въ эту скучную пору juste milieu. Разъ, даже въ то время, когда говорилъ Могенъ, я видѣлъ, какъ онъ заснулъ. Старикъ, конечно, слыхалъ и не такихъ, какъ Могенъ, хотя это одинъ изъ лучшихъ ораторовъ оппозиціи, и можетъ-быть даже, онъ находитъ его совсѣмъ не рѣзкимъ, онъ, qui a beaucoup connu le bon monsieur de Robespierre. Но когда говоритъ Лафайетъ, старый messager выходитъ изъ этого состоянія вялой сонливости, онъ оживляется, какъ старая полковая лошадь, заслышавшая трубу, его какъ будто охватываютъ сладкія воспоминанія юности, и онъ радостно киваетъ серебристо бѣлой головой.

III.

Парижъ, 10 февраля.

Авторомъ предыдущей статьи руководилъ вѣрный тактъ, когда, порицая страсть къ отличіямъ, которою французы заражены сильнѣе, чѣмъ нѣмецкія женщины, онъ упомянулъ въ числѣ этихъ послѣднихъ, въ видѣ исключенія, одного нѣмецкаго писателя, прославившагося, какъ художественный критикъ и переводчикъ. Этотъ писатель—исключеніе, эмигрировавшій сюда въ прошломъ году вслѣдствіе нѣмецкихъ смутъ, которыя вызвалъ онъ самъ нѣкоторыми изъ своихъ альманаховскихъ ксеній, и получившій съ тѣхъ поръ отъ его величества короля Людовика Филиппа I орденъ Почетнаго Легіона, къ сожалѣнію, обратилъ на себя своей ревностной погоней за знаками отличія такое вниманіе многихъ французовъ, что указаніемъ на него они могутъ ослаблять всякое обвиненіе въ суетности, раздающееся противъ нихъ изъ-за Рейна. По свойственному имъ коварству они даже не опубликовали пожалованія этого ордена во французскихъ газетахъ; а такъ какъ нѣмцы чувствовали, что въ лицѣ ихъ соотечественника оказана честь и имъ самимъ, и изъ скромности неохотно говорили объ этомъ, то это, одинаково важное для обѣихъ странъ событіе оставалось до сихъ поръ мало извѣстнымъ. Такое упущеніе и замалчиваніе было новому кавалеру ордена тѣмъ непріятнѣе, что въ его присутствіи громко шептали, что орденъ, хотя и полученный имъ изъ собственныхъ рукъ королевы, не имѣетъ никакого значенія до тѣхъ поръ, пока объ этомъ не будетъ объявлено въ «Монитерѣ». Новый кавалеръ старался, чтобъ помогли этому горю, но тутъ явилось еще болѣе серьезное возраженіе, именно, что патентъ на орденъ, пожалованный королемъ, не имѣетъ никакой силы, если онъ не скрѣпленъ подписью министра. Нашъ кавалеръ получилъ свой орденъ отъ короля при посредствѣ нѣсколькихъ доктринеровъ, родственниковъ одной очень знаменитой дамы, которая одно время носилась съ нимъ какъ съ «писанной торбой», и говорятъ, что король нашелъ во всемъ его существѣ разительное сходство со своей покойной воспитательницей, мадамъ де-Жанлисъ, и захотѣлъ почтить ее и послѣ ея смерти въ лицѣ ея двойника. Но министры, которые при взглядѣ на него не ощущаютъ никакого душевнаго умиленія и ошибочно считаютъ его за нѣмецкаго либерала, боятся скрѣпленіемъ патента оскорбить абсолютныя правительства

Впрочемъ, по этому вопросу ожидаютъ вскорѣ надлежащаго соглашенія, а пока, чтобы обезпечить согласіе континентальныхъ державъ, ведутся съ сенъ-джемскимъ кабинетомъ переговоры, имѣющіе цѣлью склонить его къ такому же пожалованію ордена, и для этого проситель самолично отправится въ Англію съ древне-индѣйской поэмой, посвященной его величеству королю Вильгельму IV. Здѣшнимъ нѣмцамъ, однако, весьма прискорбно видѣть, какъ, вслѣдствіе такого рода проволочекъ, ихъ высокоуважаемый, слабодушный соотечественникъ бѣгаетъ отъ Понтія къ Пилату, въ грязь и въ холодъ, снѣдаемый нетерпѣніемъ, которое тѣмъ болѣе непостижимо, что въ его распоряженіи всѣ утѣшительнѣйшіе примѣры индѣйскаго невозмутимаго спокойствія,—вся «Рамайяна» и вся «Магабарата».

Насмѣшливое легкомысліе, съ которымъ французы относятся къ самымъ важнымъ предметамъ, проявляется также и въ разговорахъ по поводу послѣднихъ заговоровъ. Тотъ, что разыгрался на башняхъ Notre Dame, повидимому, былъ не что иное, какъ полицейская интрига. Говорили шутя, что это классики, изъ ненависти къ романтическому роману Виктора Гюго «Notre Dame de Paris», хотѣли сжечь самую церковь. Остроты Раблэ насчетъ ея колоколовъ снова всплыли наружу. Появились также шутливые варіянты извѣстной поговорки «Si l'on m'accusait d'avoir volé les cloches de Notre Dame, je commencerais par prendre la fuite», когда вслѣдствіе этого событія нѣкоторые карлисты обратились въ бѣгство. Послѣдній заговоръ въ ночь на второе февраля большею частью приписываютъ тоже махинаціямъ полиціи. Говорятъ, будто они заказали себѣ въ одномъ ресторанѣ улицы des Prouvaires великолѣпный заговоръ на двѣсти кувертовъ и пригласили въ гости нѣсколькихъ тупоумныхъ карлистовъ, которымъ, разумѣется, пришлось заплатить за угощеніе. Они при этомъ не жалѣли денегъ, и въ сапогахъ одного изъ арестованныхъ заговорщиковъ было найдено 27 т. франковъ. Съ этой суммой можно было сдѣлать кое-что хорошее. Въ «Мемуарахъ» Мармонтеля я прочелъ какъ-то замѣчаніе Шамфора, что съ тысячью луидорами въ Парижѣ легко надѣлать порядочнаго шуму, и при послѣднихъ смутахъ эти слова постоянно приходили мнѣ на память. Не могу умолчать—и имѣю на то важныя причины—что для всякой революціи всегда необходимы деньги. Даже великолѣпная іюльская революція обошлась ужъ не такъ на даровщинку, какъ обыкновенно думаютъ. Это зрѣ-

лище для боговъ стоило, все-таки; нѣсколькихъ милліоновъ, несмотря на то, что дѣйствительные актеры, парижскій народъ, старались превзойти другъ друга въ героизмѣ и безкорыстіи. Дѣло совершается не изъ-за денегъ, но деньги нужны для того, чтобы пустить его въ ходъ. Глупые же карлисты воображаютъ, что все должно идти само собой, лишь бы у нихъ были деньги въ сапогахъ. Республиканцы, конечно, совершенно неповинны въ томъ, что̀ произошло въ ночь на 2-е февраля, ибо, какъ говорилъ мнѣ недавно одинъ изъ нихъ: «если ты услышишь, что при какомъ-нибудь заговорѣ раздавали деньги, то можешь быть увѣренъ, что ни одного республиканца при этомъ не было». И дѣйствительно, у этой партіи мало денегъ, такъ какъ по большей части она состоитъ изъ честныхъ и безкорыстныхъ людей. Достигнувъ власти, они запятнаютъ руки кровью, но не деньгами. Это знаютъ, и потому менѣе боятся интригановъ, которыхъ прельщаютъ больше деньги, чѣмъ кровь.

Та гильотиноманія, которую мы встрѣчаемъ у республиканцевъ, была, можетъ-быть, вызвана писателями и ораторами, впервые употребившими выраженіе «система террора» для охарактеризованія дѣятельности того правительства, которое въ 1793 году прибѣгло къ самымъ крайнимъ мѣрамъ для спасенія Франціи. Однако, развившійся тогда терроризмъ былъ скорѣе явленіемъ, чѣмъ системой, и терроръ жилъ въ душѣ правителей въ такой же степени, какъ и въ душѣ народа. Въ настоящее время глупо выставлять на показъ бюстъ Робеспьера, чтобы подстрекать къ подражанію ему. Глупо воскрешать снова языкъ 1793 года, какъ дѣлаютъ Amis du peuple, которые, сами того не подозрѣвая, дѣйствуютъ такъ же ретроградно, какъ самые рьяные приверженцы стараго режима. Тотъ, кто старается прилѣпить воскомъ къ деревьямъ красные цвѣты, опавшіе съ нихъ весной, поступаетъ такъ же глупо, какъ и тотъ, кто сажаетъ въ песокъ срѣзанныя завядшія лиліи. Республиканцы и карлисты суть плагіаторы прошлаго, и когда они соединяются, то это напоминаетъ самые забавные союзы въ домѣ умалишенныхъ, гдѣ общій гнетъ порождаетъ дружескія отношенія между самыми разнородными безумцами... Такъ, на этой недѣлѣ мы видѣли передъ судомъ присяжныхъ Женуда и Турэ, редактора «Gazette» и редактора «Révolution», привлеченныхъ, какъ сообщники, а сзади нихъ, въ видѣ хора, стояли Фицъ-Джемсъ со своими карлистами и Кавеньякъ со своими республиканцами. Бываютъ ли болѣе отвратитель-

ные контрасты?! Несмотря на мое полное несочувствіе къ республиканству, я, все-таки, скорблю въ душѣ, когда вижу республиканцевъ въ такомъ недостойномъ сообществѣ. Съ этими господами они могли бы встрѣчаться развѣ только на эшафотѣ, но отнюдь не передъ однимъ и тѣмъ же судомъ присяжныхъ. И какъ они становятся смѣшны, благодаря такого рода союзамъ! Ничего не можетъ быть комичнѣе того факта, что между заговорщиками 2-го февраля газеты назвали рядомъ четверыхъ бывшихъ поваровъ Карла X и четверыхъ республиканцевъ, членовъ общества Amis du peuple.

Мнѣ дѣйствительно не вѣрится, чтобы эти послѣдніе были замѣшаны въ эту глупую исторію. Я самъ случайно находился въ тотъ вечеръ въ собраніи Amis du peuple и на основаніи многихъ данныхъ считаю себя въ правѣ заключить, что тамъ думали гораздо болѣе о самозащитѣ, чѣмъ о нападеніи. Въ узкой залѣ, похожей на театръ, было скучено болѣе полуторы тысячъ человѣкъ. Гражданинъ Бланки, сынъ одного изъ членовъ Конвента, держалъ длинную рѣчь, полную насмѣшекъ надъ буржуазіей, надъ лавочниками, избравшими королемъ какого-то Людовика Филиппа, la boutique incarnée, и притомъ — въ своихъ личныхъ интересахъ, а не въ интересѣ народа, du peuple qui n'était pas complice d'une si indigne usurpation. Это была рѣчь полная ума, искренности и гнѣва, но проповѣди свободы не доставало свободы изложенія. Несмотря на всю республиканскую строгость, прежняя свѣтская утонченность не утратила своихъ правъ, и лучшія мѣста около ораторской трибуны были съ истинно французскимъ вниманіемъ предоставлены дамамъ, «гражданкамъ». Отъ собранія пахло совсѣмъ какъ отъ зачитаннаго, замусленнаго экземпляра «Монитера» 1793 года. Оно состояло большею частью изъ очень юныхъ и совсѣмъ старыхъ людей. Во время первой революціи восторженное увлеченіе свободой встрѣчалось больше у людей среднихъ лѣтъ, которые соединяли въ себѣ юношеское негодованіе противъ обмановъ духовенства и нахальнаго высокомѣрія дворянства съ ясными воззрѣніями зрѣлаго возраста; люди помоложе и совсѣмъ старики были сторонниками отжившаго режима, послѣдніе, т. е. сѣдовласые старцы—по привычкѣ, а первые, la jeunesse dorée—изъ недовольства мѣщанской простотой республиканскихъ нравовъ. Теперь же, наоборотъ, восторженными приверженцами свободы являются совсѣмъ юные и совсѣмъ старые

люди. Эти послѣдніе по собственному опыту знакомы со всѣми гнусностями стараго порядка, и съ восторгомъ вспоминаютъ они времена первой революціи, когда сами они были такими сильными и такими великими. Первые же — молодежь — любятъ тѣ времена оттого, что они вообще геройски настроены, полны жажды самопожертвованія, и алчутъ великихъ подвиговъ, и презираютъ скаредное малодушіе и лавочническій эгоизмъ теперешнихъ властителей. Люди среднихъ лѣтъ большею частью утомлены изнурительной оппозиціонной работой въ періодъ реставраціи, или развращены имперіей, которая своей шумной погоней за славой и своей блистательной солдатчиной убила всякую гражданскую простоту и любовь къ свободѣ. Кромѣ того, этотъ героическій періодъ имперіи стоилъ жизни очень многимъ юношамъ, которые были бы теперь зрѣлыми мужами, вслѣдствіе чего среди этихъ послѣднихъ сохранилось вообще отъ многихъ годовыхъ сборниковъ очень мало полныхъ экземпляровъ.

Но въ залѣ Amis du peuple, среди какъ молодыхъ, такъ и старыхъ, царила та исполненная достоинства серьезность, которая всегда встрѣчается у людей, чувствующихъ себя сильными. Только глаза ихъ блестѣли, и только порой, когда ораторъ приводилъ какой-нибудь фактъ, они восклицали: c'est vrai! c'est vrai! Когда гражданинъ Кавеньякъ въ своей рѣчи, которую я не могъ хорошенько понять, потому что онъ говоритъ отрывистыми, небрежно бросаемыми фразами, упомянулъ о судебныхъ преслѣдованіяхъ, коимъ до сихъ поръ еще подвергаются писатели, мой сосѣдъ, отъ внутренняго волненія, крѣпко схатился за меня и до крови закусилъ себѣ губы, чтобы самому не заговорить. Это былъ молодой энтузіастъ, съ глазами, похожими на двѣ гнѣвныя звѣзды, и на немъ была низкая широкополая шляпа изъ черной клеенки, отличительный признакъ республиканцевъ. Вѣдь не правда ли—сказалъ онъ наконецъ, обращаясь ко мнѣ, — это преслѣдованіе писателей судомъ есть косвенная цензура? Все, что можно сказать, можно и напечатать, а говорить можно все. Маратъ утверждалъ, что всякій вызовъ гражданина въ судъ за высказанное имъ мнѣніе есть несправедливость, и что за высказываемыя мнѣнія гражданинъ отвѣтственъ только передъ публикой (Toute citation devant cn tribunal pour une opinion est une injustice, on ne peut uiter en ce cas un citoyen que devant le public). Все, что человѣкъ говоритъ, есть не болѣе, какъ его мнѣніе. Камиллъ

Демуленъ также справедливо замѣчаетъ: «Какъ только децемвиры включили въ собраніе законовъ, вывезенное ими изъ Греціи, законъ противъ клеветы, сейчасъ же обнаружилось, что они имѣли тайное намѣреніе уничтожить свободу и сдѣлать свой децемвиратъ постояннымъ. Точно такъ же, когда четыресто лѣтъ спустя, Октавій снова вызвалъ къ жизни этотъ законъ децемвировъ противъ письменнаго и устнаго слова и прибавилъ новый параграфъ къ Lex Julia laesae majestatis, можно было сказать, что римская свобода испустила послѣдній вздохъ».

Я привелъ здѣсь эту цитату, чтобы показать, какіе авторы цитируются у Amis du peuple. Послѣдняя рѣчь Робеспьера отъ 8-го термидора для нихъ свята. Тѣмъ не менѣе, однако, смѣшно было слушать, какъ эти люди жаловались на притѣсненія, между тѣмъ, какъ имъ позволяется такъ открыто соединяться противъ правительства и говорить такія вещи, десятой доли которыхъ было бы въ сѣверной Германіи достаточно, чтобы осудить человѣка на пожизненное судебное слѣдствіе. Впрочемъ, въ тотъ же вечеръ было объявлено, что такому неприличію будетъ положенъ конецъ, и что зала Amis du peuple будетъ закрыта. «Я думаю, національная гвардія и линейные полки окружатъ насъ сегодня, — замѣтилъ мой сосѣдъ — при себѣ ли ваши пистолеты, на этотъ случай?» — «Я сейчасъ схожу за ними», — отвѣтилъ я, вышелъ изъ залы и поѣхалъ на вечеръ въ Faubourg St.-Germain. Тамъ свѣчи, зеркала, цвѣты, обнаженныя плечи, сладкія прохладительныя, желтыя лайковыя перчатки, пошлости — и ничего больше. При этомъ на всѣхъ лицахъ покоилась такая торжествующая радость, какъ будто побѣда стараго режима была совсѣмъ рѣшена, и въ то время какъ у меня въ ушахъ раздавалось еще «Vive la république» улицы Grenelle, мнѣ приходилось выслушивать положительныя увѣренія въ томъ, что возвращеніе чуда-ребенка со всей его чудомъ-родней не подлежитъ никакому сомнѣнію. Не могу не выдать, что видѣлъ тамъ двухъ доктринеровъ, танцующихъ англійскій кадриль; они танцуютъ только англійскіе кадрили. Одна дама въ бѣломъ платьѣ съ зелеными пчелами, похожими на лиліи, спросила меня, можно ли разсчитывать навѣрное на поддержку нѣмцевъ и казаковъ? «Мы опять сочтемъ за величайшую честь, — отвѣчалъ я, — пожертвовать своимъ имуществомъ и своей кровью для возстановленія на тронѣ старшихъ Бурбоновъ». — «А знаете ли вы, — прибавила дама: — что сегодня какъ разъ тотъ день,

въ который Генрихъ V въ первый разъ причастился св. Тайнъ, какъ герцогъ Бордосскій?»—«Какой важный день!— отвѣтилъ я:—священный день, достойный, чтобъ его воспѣлъ це-Ламартинъ!»

Ночь этого прекраснаго дня слѣдовало бы отмѣтить красной краской въ календарѣ Франціи, и на другое утро весь Парижъ только и говорилъ, что о ходившихъ по этому поводу слухахъ. Самыя нелѣпыя противорѣчія передавались изъ устъ въ уста и, какъ уже было замѣчено выше, какая-то таинственность лежитъ и по сіе время на всей этой исторіи заговора. Разсказывали, что заговорщики замышляли убить всю королевскую семью вмѣстѣ со всѣмъ многочисленнымъ обществомъ, собравшимся въ Тюильри, что привратникъ Лувра былъ подкупленъ, чтобы можно было черезъ большую луврскую галлерею проникнуть непосредственно въ большую залу Тюильрійскаго дворца, что тамъ былъ сдѣланъ выстрѣлъ, направленный въ короля, но не попавшій въ него, что нѣсколько сотъ человѣкъ арестованы и т. д. Послѣ обѣда я засталъ еще передъ Тюильри, со стороны сада, большую толпу людей, глазѣвшую въ окна, точно они ожидали увидѣть разразившійся тамъ выстрѣлъ. Кто-то разсказывалъ, что въ прошлую ночь Перье сѣлъ на лошадь и сейчасъ же поскакалъ въ Пруверскую улицу, какъ только узналъ, что тамъ арестованы заговорщики и убитъ одинъ полицейскій агентъ. Хотѣли, будто бы, поджечь павильонъ Флоры, а павильонъ Марсанъ атаковать снаружи. Король, какъ говорили, очень опечаленъ. Женщины жалѣли его, мужчины съ неудовольствіемъ качали головой. Французы чувствуютъ отвращеніе ко всякимъ ночнымъ убійствамъ. Въ бурныя революціонныя времена самыя ужасныя дѣла совершались открыто и среди бѣла дня. Что же касается ужасовъ Варѳоломеевской ночи, то они были скорѣе дѣломъ римско-католическихъ священниковъ.

Насколько замѣшанъ луврскій привратникъ въ заговорѣ 2-го февраля, я еще не могъ узнать положительно. Одни говорятъ, что онъ сейчасъ же извѣстилъ полицію о томъ, что ему предлагали денегъ, чтобы онъ отдалъ ключи отъ Лувра. Другіе полагаютъ, что онъ дѣйствительно отдалъ ихъ и теперь арестованъ. Какъ бы то ни было, такого рода происшествія обнаруживаютъ, что самые важные посты въ Парижѣ ввѣряются безъ всякихъ особенныхъ мѣръ предосторожности самымъ ненадежнымъ личностямъ. Такъ даже государственная казна долгое время находилась въ рукахъ

биржевого спекулянта, нѣкоего г. Кеснера, которому государство должно бы было присудить дубовый вѣнокъ въ награду за то, что онъ проигралъ на биржѣ всего только шесть милліоновъ, а не сто. Такъ луврская картинная галлерея, составляющая собственность скорѣе всего человѣчества, чѣмъ французовъ, могла бы сдѣлаться ареной ночного злодѣянія и при этомъ погибнуть. Такъ кабинетъ медалей сдѣлался добычей воровъ, похитившихъ его сокровище, конечно не изъ страсти къ нумизматикѣ, а для того, чтобы отправить ихъ непосредственно въ плавильную печь. Какая потеря для науки, ибо между украденными древностями были не только самыя рѣдкія монеты, но, можетъ-быть, даже единственно уцѣлѣвшіе экземпляры ихъ! Гибель этихъ древнихъ монетъ невознаградима, такъ какъ вѣдь не могутъ же древніе народы снова приняться за ихъ фабрикацію. Впрочемъ, это потеря не для одной только науки; вслѣдствіе уничтоженія этихъ маленькихъ памятниковъ изъ золота и серебра сама жизнь теряетъ печать своей реальности. Древняя исторія звучала бы какъ сказка, если бы не осталось тогдашнихъ денегъ, самаго реальнаго продукта тѣхъ временъ, чтобы убѣждать насъ, что древніе народы и цари, о которыхъ мы читаемъ столько удивительныхъ вещей, дѣйствительно существовали, что они не созданія праздной фантазіи, не вымыслы поэтовъ, какъ утверждаютъ многіе писатели, старающіеся увѣрить насъ, что вся исторія древности, всѣ ея письменные памятники фабрикованы въ средніе вѣка монахами. Противъ такого рода утвержденій здѣшній кабинетъ медалей могъ выставить самыя звучныя опроверженія. Но теперь эти доказательства безвозвратно погибли; часть всемірной исторіи украдена и расплавлена, и самые могущественные народы и цари древности обратились теперь въ басни, которымъ не стоитъ вѣрить.

Забавно, что къ окнамъ кабинета медалей придѣлываютъ теперь желѣзныя рѣшетки, хотя ужъ никакъ нельзя ожидать, чтобы воры ночью принесли обратно все накраденное добро. Эти желѣзныя рѣшетки окрашиваются въ красный цвѣтъ, что̀ выходитъ очень красиво. Всякій прохожій вскидываетъ на нихъ глаза и смѣется. Г. Рауль Рошеттъ, смотритель украденныхъ медалей, le conservateur des médailles, вѣроятно очень удивленъ тѣмъ, что воры не украли его самого, такъ какъ онъ всегда придавалъ себѣ гораздо больше важности, чѣмъ медалямъ, и во всякомъ случаѣ считалъ ихъ совершенно ни на что негодными, если при показыва-

ніи ихъ обходилось безъ его устныхъ разъясненій. Теперь онъ расхаживаетъ безъ дѣла и посмѣивается, какъ наша кухарка, когда кошка стащила изъ кухни кусокъ сырого мяса; она вѣдь не знаетъ, какъ нужно варить мясо, говорила наша кухарка, и посмѣивалась.

Однако, какъ ни прискорбна эта покража медалей для древней исторіи, но Кеснеровскій недочетъ въ кассѣ, повидимому, еще болѣе раздражаетъ умы. Онъ для современной исторіи важнѣе. Въ то время, когда я пишу эти строки, ходятъ слухи, что недочетъ этотъ не въ шесть милліоновъ, а въ десять. Поговариваютъ даже, что въ концѣ концовъ онъ опредѣлится суммой въ двѣнадцать милліоновъ. Это, разумѣется, умаляетъ заслугу Кеснера, и я уже не могу присудить ему дубовый вѣнокъ. Этотъ недочетъ въ кассѣ, вызвавшій не мало трогательныхъ сценъ во вкусѣ Иффланда, ставитъ прежде всего въ большое затрудненіе барона Луи. Пожалуй, ему придется самому заплатить залогъ, котораго не потребовали отъ Кеснера. Впрочемъ, онъ легко перенесетъ этотъ ущербъ, такъ какъ онъ страшно богатъ, получаетъ 200.000 франковъ чистаго дохода и при этомъ онъ старый аббатъ, не имѣющій семьи.

Перье эта исторія сердитъ болѣе, чѣмъ думаютъ, потому что она касается денегъ, а деньги — это его сила и его слабость; какъ мало щадитъ его въ этомъ случаѣ оппозиція, извѣстно по газетамъ. Онѣ достаточно подробно передаютъ всѣ скверныя дѣла, происходящія въ палатѣ, такъ что мнѣ незачѣмъ особенно останавливаться на нихъ. Дѣйствительно, оппозиція ведетъ себя такъ же дрянно, какъ и министерство, и представляетъ столь же отвратительное зрѣлище. Среди лучшихъ людей царитъ несогласіе. Одильонъ-Барро, этотъ хитрецъ съ угрюмо вкрадчивымъ взглядомъ, не хочетъ слишкомъ удаляться отъ желаннаго портфеля и остается позади своей партіи. Напротивъ того, Могенъ слишкомъ уже опередилъ своихъ коллегъ. Они думаютъ, что онъ сбился съ пути, потому что они больше не видятъ его. И онъ тоже не видитъ ихъ больше, и притомъ въ буквальномъ смыслѣ слова. Именно, Могенъ каждый вторникъ даетъ вечеръ для демагоговъ, и одинъ изъ моихъ друзей, посѣтившій его на этой недѣлѣ, не встрѣтилъ тамъ ни одного депутата. Одинъ бывшій членъ Конвента, присутствовавшій на этомъ вечерѣ, хвалилъ Могена за то, что онъ такъ энергично стремится впередъ; Могенъ же скромно отвѣчалъ, что онъ не выдерживаетъ въ этомъ отношеніи никакого

сравненія съ богатырями стараго Конвента, что, впрочемъ, въ политикѣ онъ пошелъ дальше своихъ коллегъ по оппозиціи, и что они, какъ видите, покинули его.

Но въ то время, какъ всякаго рода затрудненія и напасти терзаютъ государство внутри, а внѣшнія дѣла, послѣ событій въ Италіи и экспедиціи донъ-Педро значительно запутываются; въ то время, какъ всѣ учрежденія, даже высшее изъ нихъ, королевская власть, находится въ опасности; въ то время, какъ политическая неурядица угрожаетъ существованію всѣхъ и каждаго—Парижъ этой зимой остается попрежнему старымъ Парижемъ, прекраснымъ волшебнымъ городомъ, который такъ привѣтливо улыбается юношѣ, такъ полно воодушевляетъ зрѣлаго человѣка и такъ ласково утѣшаетъ старика. «Здѣсь можно обойтись безъ счастья», сказала однажды мадамъ Сталь,—мѣткое слово, но не имѣвшее смысла именно въ ея устахъ, такъ какъ долгое время она была несчастна только потому, что не имѣла права жить въ Парижѣ, и, стало-быть, Парижъ и былъ ея счастьемъ. Вообще, въ основаніи патріотизма французовъ въ большинствѣ случаевъ лежитъ пристрастіе къ Парижу, и если Дантонъ отказался бѣжать потому, что «отечество не унесешь съ собой на подошвахъ своихъ башмаковъ», то это должно было означать, что за границей пришлось бы отказаться отъ прелестей прекраснаго Парижа. Но Парижъ есть собственно Франція; она не болѣе, какъ его окрестности. Если не считать красивыхъ пейзажей и симпатичнаго характера народа вообще, то Франція оказывается совершенно пустынной; во всякомъ случаѣ, она пустынна въ умственномъ отношеніи, такъ какъ все, что есть въ провинціи выдающагося, равно уходитъ въ столицу, очагъ всякаго свѣта и всякаго блеска. Франція похожа на садъ, въ которомъ сорвали всѣ лучшіе цвѣты, чтобы сдѣлать изъ нихъ букетъ, и этотъ букетъ называется Парижъ. Правда, онъ теперь уже не пахнетъ такъ сильно, какъ послѣ цвѣтущихъ іюльскихъ дней, когда всѣ народы были опьянены его благоуханіемъ. Но онъ все еще достаточно прекрасенъ, чтобы красоваться, какъ свадебный букетъ, на груди Европы. Парижъ столица не только Франціи, но всего цивилизованнаго міра, и сборный пунктъ его умственныхъ авторитетовъ. Здѣсь собрано все, что велико, въ любви или ненависти, въ чувствованіи или мышленіи, въ знаніи или силѣ, въ счастіи или несчастіи, въ будущемъ или прошедшемъ. Когда смотришь на это собраніе знаменитыхъ или

выдающихся личностей, соединенныхъ здѣсь, Парижъ представляется какимъ-то Пантеономъ живыхъ людей. Новое искусство, новая религія, новая жизнь созидаются здѣсь, и весело толпятся тутъ творцы новаго міра. Лица, стоящія у власти, мелочны, но народъ великъ и чувствуетъ свое высокое назначеніе. Сыновья вступаютъ въ соревнованіе съ отцами, которые съ такой славой и такъ свято сошли въ могилу. Въ неясныхъ очертаніяхъ уже видятся мощные подвиги и невѣдомые боги собираются явиться міру. И при этомъ всюду смѣются и танцуютъ, всюду процвѣтаетъ легкая шутка, самая веселая насмѣшка, и такъ какъ теперь карнавалъ, то многіе костюмируются доктринерами, и строятъ комично педантичныя физіономіи, и увѣряютъ, что боятся Пруссіи.

IV.

Парижъ, 1 марта.

Съ нѣкоторыхъ поръ то, что происходитъ въ Англіи, обращаетъ на себя наше вниманіе болѣе, чѣмъ когда-либо. Мы должны наконецъ сознаться, что открытая враждебность абсолютныхъ монарховъ для насъ менѣе опасна, чѣмъ двусмысленная дружба конституціоннаго Джона Булля. Предательскіе происки англійской аристократіи противъ народа довольно грозно выступаютъ на свѣтъ офиціальной гласности, и лондонскій туманъ уже плохо прикрываетъ всѣ тѣ тоненькіе петельки и узелки, которые связываютъ сѣть протоколовъ конференцій съ парламентскими хитросплетеніями. Тамошняя дипломатія при этомъ дѣятельнѣе, чѣмъ когда-либо, охраняла свои прирожденные интересы, и ревностнѣе, чѣмъ когда-либо, плела самую пагубную паутину, а г. Талейранъ является, повидимому, въ одно и то же время и паукомъ, и мухой. Или старый дипломатъ теперь уже не такъ хитеръ, какъ прежде, когда онъ, второй Гефестъ, сумѣлъ поймать въ свои искусно выкованныя сѣти даже самаго могущественнаго бога войны? Или на этотъ разъ съ нимъ случилось то же, что съ мудрѣйшимъ чародѣемъ Мерлиномъ, который самъ запутался въ своемъ колдовствѣ, и со скованнымъ языкомъ, лишенный движенія, лежитъ въ могилѣ? Но зачѣмъ же именно г. Талейрана назначили на постъ, самый важный для интересовъ іюльской революціи, и на которомъ, напротивъ, нужна была непреклонная прямота безупречнаго гражданина? Этимъ я не хочу сказать положительно, чтобы старый, гладкій эксъ-епископъ Отенскій

былъ нечестенъ. Напротивъ, нѣтъ сомнѣнія, что присягѣ, которую онъ принялъ теперь, онъ не измѣнитъ, потому что она тринадцатая. Правда, другой гарантіи его честности у насъ нѣтъ, но и этой достаточно, ибо никогда еще ни одинъ честный человѣкъ не нарушалъ присяги въ тринадцатый разъ. Кромѣ того, увѣряютъ, что во время прощальной аудіенціи Людовикъ Филиппъ изъ предосторожности сказалъ ему: «Г. Талейранъ, что̀ бы вамъ ни предлагали, я всегда дамъ вамъ вдвое». Но съ вѣроломными людьми и это не можетъ служить ручательствомъ, потому что по самой природѣ своей, вѣроломство не можетъ оставаться вѣрнымъ даже самому себѣ, и даже удовлетворяя его корыстолюбію, на него нельзя положиться.

Хуже всего то, что французы воображаютъ, что Лондонъ—второй Парижъ, а его West-end—второй сенъ-жерменскій кварталъ; что британскихъ реформеровъ они считаютъ за своихъ братьевъ-либераловъ, а парламентъ — за палату пэровъ и палату депутатовъ; однимъ словомъ, что всѣ англійскія учрежденія они мѣряютъ и судятъ по французскому масштабу. Изъ этого вытекаютъ заблужденія, за которыя впослѣдствіи имъ придется, можетъ-быть, тяжко поплатиться. У обоихъ народовъ слишкомъ рѣзко противоположные характеры для того, чтобы они могли понять другъ друга, и всѣ отношенія въ обѣихъ странахъ слишкомъ различны въ самомъ корнѣ для того, чтобы ихъ можно было сравнивать между собой. А въ политическомъ отношеніи и подавно. Въ моихъ «Дополненіяхъ» къ «Путевымъ Картинамъ» содержится на этотъ счетъ много поучительнаго, почерпнутаго изъ непосредственнаго наблюденія, и во избѣжаніе повтореній я принужденъ отослать къ нимъ моихъ читателей. Укажу здѣсь также еще разъ на превосходныя «Письма умершаго», хотя поэтическая душа ихъ автора открыла въ застывшемъ британствѣ больше умственнаго движенія, чѣмъ можно его найти въ немъ на самомъ дѣлѣ. Англію слѣдовало бы собственно описывать въ стилѣ учебника высшей механики, какъ чудовищно-сложную фабрику, какъ какой-нибудь свистящій, шумящій, останавливающійся, топающій и сердито ворчащій механизмъ, въ которомъ ярко отполированныя колеса утилитаризма вертятся вокругъ старыхъ заржавленныхъ историческихъ цифръ годовъ. Правы сенъ-симонисты, говоря, что Англія рука, а Франція сердце вселенной. Ахъ, этому великому міровому сердцу пришлось бы изойти кровью, если бы, разсчитывая на британское вели-

кодушіе, оно когда-нибудь обратилось за помощью къ холодной, деревянной рукѣ своей сосѣдки. Я представляю себѣ эгоистическую Англію не въ видѣ жирнаго, зажиточнаго пивовара съ толстымъ брюхомъ, какимъ изображаютъ ее на карикатурахъ, а согласно описанію одного сатирическаго писателя, въ образѣ долговязаго, тощаго, костляваго холостяка, который пришиваетъ себѣ къ панталонамъ оторвавшуюся пуговицу, при чемъ на концѣ его нитки, въ видѣ клубка, виситъ земной шаръ; но онъ спокойно обрѣзаетъ нитку, когда она ему больше не нужна, не безпокоясь о томъ, что вся вселенная летитъ въ пропасть.

Французы думаютъ, что англійскій народъ лелѣетъ стремленія къ свободѣ, подобныя ихъ собственнымъ, что онъ борется такъ же, какъ и они, противъ захватовъ аристократіи, и что поэтому не только многіе внѣшніе интересы, но и множество внутреннихъ являются ручательствомъ за тѣсный союзъ. Но они не знаютъ, что англійскій народъ самъ безусловно аристократиченъ, что онъ требуетъ свободы, или, лучше сказать, своихъ письменно утвержденныхъ преимуществъ и вольностей только въ узко корпоративномъ смыслѣ, и что французская общечеловѣческая свобода, которая по требованіямъ разума должна сдѣлаться достояніемъ всего міра, по самому коренному существу своему англичанамъ ненавистна. Они знаютъ только одну англійскую свободу, исторически англійскую свободу, на которую королевскимъ подданнымъ Великобританіи выданъ патентъ, или которая зиждется на старомъ законѣ чуть не временъ королевы Анны. Боркъ, старавшійся «бёрковать» умы и запродавшій самую жизнь въ анатомическій театръ исторіи, укорялъ французскую революцію главнымъ образомъ въ томъ, что она не развилась, подобно англійской, изъ старинныхъ учрежденій; и онъ не могъ понять, какъ государство можетъ существовать безъ «Nobility». Но вѣдь англійская Nobility совсѣмъ не то, что французская Noblesse, и заслуживаетъ, чтобъ я ей воздалъ похвалу въ отличіе отъ французской. Англійское дворянство всегда возставало противъ абсолютизма королей и сообща съ народомъ ратовало какъ за его права, такъ и за свои; французское дворянство, напротивъ, отдавало себя всецѣло на благоусмотрѣніе королей; со временъ Мазарини оно уже больше не противилось ихъ власти, оно старалось только путемъ ловкой службы при дворѣ заполучить и въ свои руки частичку этой власти, и сообразно такому образу дѣйствій притѣсняло и предавало народъ.

Само того не сознавая, французское дворянство мстило королямъ за прежнее свое угнетеніе тѣмъ, что теперь увлекло ихъ на путь разслабляющаго разврата и своей лестью довело ихъ почти до идіотизма. Правда, и оно само, обезсиленное и расшатанное умственно должно было погибнуть вмѣстѣ съ прежней монархіей; 10-е августа застало въ Тюильри только старчески отжившихъ людей съ тоненькими салонными шпагами въ рукахъ, и среди нихъ не нашлось даже ни одного мужчины, который оказалъ бы мужественное и сильное сопротивленіе—это сдѣлала женщина; но и этой послѣдней дамѣ французскаго рыцарства, послѣдней представительницѣ умирающаго стараго режима, и ей не суждено было сойти въ могилу съ этимъ прекраснымъ юношескимъ обликомъ, и въ одну ночь бѣлокурые локоны прекрасной Антуанетты сдѣлались бѣлыми, какъ снѣгъ.

Иначе повело себя англійское дворянство. Оно сохранило свою силу; оно коренится въ народѣ, здоровой почвѣ, воспринимающей въ свое лоно младшихъ сыновей Nobility, какъ благородныхъ отпрысковъ, и черезъ нихъ, черезъ эту gentry въ собственномъ смыслѣ сохраняющей связь съ самимъ дворянствомъ, Nobility. При этомъ англійское дворянство полно патріотизма; оно было до сихъ поръ истиннымъ и непритворно ревностнымъ представителемъ старой Англіи, и эти лорды, стоющіе такъ дорого, умѣли, въ свою очередь, когда было нужно, приносить жертвы отечеству. Правда, они надменны, еще надменнѣе, чѣмъ дворянство на материкѣ, которое выставляетъ свое высокомѣріе на показъ и старается наружно отличаться отъ народа платьемъ, ленточками, скверным французскимъ языкомъ, гербами, звѣздами и тому подобными игрушками; англійское дворянство слишкомъ презираетъ буржуазію, чтобы стараться импонировать ей внѣшними знаками отличія, и открыто носитъ пестрыя эмблемы власти; напротивъ, англійскіе аристократы, какъ какіе-нибудь боги, желающіе сохранить инкогнито, одѣваются скромно, какъ простые граждане, и вслѣдствіе этого проходятъ незамѣченными на улицахъ, раутахъ и въ театрахъ Лондона; въ свои феодальныя украшенія и прочую парадную мишуру они облекаются только во время придворныхъ празднествъ и традиціонныхъ придворныхъ церемоній. Вотъ почему народъ уважаетъ ихъ болѣе, чѣмъ нашихъ континентальныхъ боговъ, которые со всѣми своими аттрибутами такъ хорошо извѣстны всѣмъ и каждому. Однажды въ Лондонѣ, на Ватерлооскомъ мосту, я слышалъ,

какъ одинъ мальчишка спрашивалъ другого: Have you ever seen a nobleman? (Видѣлъ ли ты когда-нибудь дворянина?) на что тотъ отвѣчалъ: No, but J have seen the coach of the Lord Mayor (Нѣтъ, но я видѣлъ карету лорда-мера). Эта карета представляетъ собой огромный ящикъ причудливой формы, весьма богато вызолоченный, баснословно пестро-разрисованный, на козлахъ котораго топорщится кучеръ въ краснозолотомъ бархатномъ кафтанѣ и парикѣ съ косою, а сзади на запяткахъ помѣщаются три такихъ же лакея въ такихъ же парикахъ съ косами. Если англійскій народъ ссорится теперь со своимъ дворянствомъ, то это происходитъ не изъ-за гражданскаго равенства, о которомъ онъ и не думаетъ, и еще менѣе изъ-за гражданской свободы, которою онъ пользуется вполнѣ, а только изъ-за денежныхъ интересовъ, потому что дворянство, обладая всѣми синекурами, церковными доходами и доходнѣйшими должностями, нагло и широко соритъ деньгами, тогда какъ большая часть народа, обремененная налогами, томится и голодаетъ въ глубочайшей нищетѣ. Вотъ почему онъ требуетъ парламентской реформы, и дворяне, ратующіе за нее, конечно и въ помыслахъ не имѣютъ воспользоваться ею для чего-либо другого, кромѣ матеріальныхъ улучшеній.

Да, дворянство Англіи и до сихъ поръ еще тѣснѣе связано съ народомъ, чѣмъ съ королями, относительно которыхъ оно всегда умѣло держаться независимо, въ противоположность французскому дворянству. Оно служило королямъ мечомъ и словомъ, но въ ихъ частной жизни, въ ихъ забавахъ и наслажденіяхъ, принимало лишь равнодушно интимное участіе. Это справедливо даже относительно самыхъ развратныхъ эпохъ. Гамильтонъ въ своихъ «Мемуарахъ герцога де-Граммонъ» даетъ наглядную картину этого положенія вещей. Такимъ образомъ, вплоть до нашихъ дней англійское дворянство, хотя согласно этикету цѣловало руку своимъ монархамъ и преклоняло предъ ними колѣни, но фактически оставалось съ ними на равной ногѣ и возставало противъ нихъ довольно серьезно всякій разъ, когда они посягали на его привилегіи, или старались освободиться отъ его вліянія. Послѣднее произошло особенно явно нѣсколько лѣтъ назадъ, когда Каннингъ былъ назначенъ министромъ: въ средніе вѣка въ подобномъ случаѣ англійскіе бароны, надѣвъ шлемъ и латы, съ мечомъ въ рукѣ, въ сопровожденіи своихъ вассаловъ явились бы въ замокъ короля и съ иронической покорностью и вооруженной по-

чтительностью настояли бы на своемъ. Въ нашъ вѣкъ имъ пришлось прибѣгнуть къ менѣе рыцарскимъ средствамъ; какъ всѣмъ извѣстно, дворяне, составлявшіе тогда министерство, попробовали воздѣйствовать на короля тѣмъ, что, коварно сговорившись между собой, неожиданно всѣ сразу подали въ отставку. Послѣдствія этого также достаточно извѣстны. Георгъ IV искалъ тогда опоры въ Георгѣ Каннингѣ, этомъ Георгіи Побѣдоносцѣ Англіи, который чуть было не сокрушилъ самаго мощнаго дракона на землѣ. Послѣ него явился лордъ Годерихъ со своимъ краснощекимъ довольнымъ лицомъ и аффектированно рѣзкимъ адвокатскимъ тономъ; но вскорѣ ввѣренное ему копье выпало изъ его слабыхъ рукъ, такъ что бѣдный король долженъ былъ опять безусловно покориться своимъ баронамъ, и полководецъ Священнаго Союза снова получилъ жезлъ главнокомандующаго. Въ другомъ мѣстѣ я доказалъ, почему въ Англіи ни одинъ либеральный министръ не въ состояніи сдѣлать ничего особенно хорошаго и всегда принужденъ отступить, чтобы очистить мѣсто тѣмъ торіямъ, которымъ, разумѣется, тѣмъ легче провести всякій крупный билль объ улучшеніяхъ, что имъ не приходится бороться въ парламентѣ противъ своего собственнаго упрямства... Веллингтонъ добился освобожденія, за которое тщетно ратовалъ Каннингъ, и, можетъ-быть, онъ-то именно и предназначенъ провести тотъ билль о реформѣ, съ которымъ, по всей вѣроятности, провалится лордъ Грей. Я думаю, этотъ послѣдній вскорѣ падетъ, и тогда у кормила правленія станутъ опять тѣ непримиримѣйшіе аристократы, которые вотъ уже сорокъ лѣтъ враждуютъ не на животъ, а на смерть, съ французскимъ народомъ, какъ съ представителемъ демократическихъ идей. На этотъ разъ старинная злоба умолкнетъ передъ матеріальными интересами, а французскому оружію охотно предоставятъ бороться съ опаснѣйшимъ врагомъ на востокѣ и его приверженцами. И это тѣмъ скорѣе, что тутъ враги будутъ взаимно ослаблять другъ друга. Да, англичане будутъ еще особенно подзадоривать галльскаго пѣтуха къ единоборству съ самодержавными орлами, а сами будутъ съ любопытствомъ вытягивать свои длинныя шеи за каналъ, рукоплескать какъ въ cockpit, проигрывая на пари за исходъ борьбы многія тысячи гиней.

Будутъ ли боги тамъ наверху, въ своемъ лазурномъ шатрѣ, такъ же равнодушно взирать на это зрѣлище? Будутъ ли они, эти англичане елисейскихъ полей, безсердечно и

свинцовымъ взглядомъ смотрѣть на смертельную борьбу народовъ, не обращая вниманія на наши крики о помощи и нашу струящуюся кровь? Или правъ поэтъ, утверждавшій, что какъ мы ненавидимъ обезьянъ, потому что изъ всѣхъ млекопитающихъ онѣ болѣе всего похожи на насъ и тѣмъ оскорбляютъ нашу гордость, такъ и люди ненавистны богамъ, потому что имѣютъ съ ними такъ много оскорбительнаго сходства; такъ что, чѣмъ крупнѣе, прекраснѣе, богоподобнѣе человѣкъ, тѣмъ озлобленнѣе преслѣдуютъ его боги всякими несчастьями и губятъ, тогда какъ мелкихъ, безобразныхъ, наиболѣе приближающихся къ млекопитающимъ животнымъ людей они милостиво щадятъ и позволяютъ имъ благоденствовать. Если это мнѣніе справедливо, то французы, разумѣется, ближе къ погибели, чѣмъ кто-либо! Ахъ, если бы кончина императора французовъ могла еще во-время вразумить ихъ, чего слѣдуетъ ожидать отъ великодушія Англіи! Неужели «Беллерофонъ» не разсѣялъ давнымъ-давно этой химеры? Пусть Франція никогда не разсчитываетъ на Англію, какъ Польша на Францію!

Но если бы совершилось ужасное дѣло, и легкомысліе и предательство погубили Францію, родину цивилизаціи и свободы, если бы картавый говоръ потсдамскихъ дворянчиковъ снова раздался на улицахъ Парижа, и грязные тевтонскіе сапоги снова осквернили бы священную землю бульваровъ, а въ Пале-Роялѣ снова запахло бы юфтью — тогда очутился бы на свѣтѣ человѣкъ, столь несчастный, что до сихъ поръ еще не было никого несчастнѣе его, человѣкъ, который своимъ жалкимъ торгашескимъ скудоуміемъ погубилъ бы свое отечество и носилъ бы въ сердцѣ всѣхъ змѣй раскаянія и на головѣ — всѣ проклятія человѣчества. Обреченные на вѣчныя муки въ аду стали бы тогда разсказывать другъ другу въ утѣшеніе о терзаніяхъ этого человѣка, терзаніяхъ Казимира Перье.

Какая страшная отвѣтственность тяготѣетъ на этомъ одномъ человѣкѣ! Ужасъ овладѣваетъ мной всякій разъ, когда я нахожусь около него. Точно прикованный какими-то зловѣщими чарами, простоялъ я на-дняхъ цѣлый часъ рядомъ съ нимъ и разсматривалъ эту мрачную фигуру, такъ дерзновенно ставшую между народами и іюльскимъ солнцемъ. Если этотъ человѣкъ падетъ, думалъ я, то прекратится великое солнечное затменіе, и трехцвѣтное знамя снова восторженно заблеститъ надъ Пантеономъ, и деревья свободы снова зацвѣтутъ! Этотъ человѣкъ—Атлантъ, кото-

рый держитъ на своихъ плечахъ и биржу, и Орлеанскій домъ, и все государственное зданіе Европы; и если онъ падетъ, то рушится и вся лавочка, въ которой торговали благороднѣйшими надеждами человѣчества, рушатся мѣняльные столы, и курсы, и своекорыстіе, и пошлость!

Нельзя сказать, чтобы названіе Атлантъ совсѣмъ не подходило къ нему; Перье необычайно огромный, широкоплечій человѣкъ крѣпкаго сложенія, и очень сильный на видъ. О его наружности составляютъ себѣ обыкновенно ложное представленіе, отчасти оттого, что газеты, желая раздражить его, постоянно толкуютъ о его болѣзненности, хотя онъ совершенно здоровъ и вовсе не желаетъ оставлять предсѣдательство въ совѣтѣ; отчасти же и оттого, что о его раздражительности разсказываются самые преувеличенные анекдоты, и страстность, съ которой онъ говоритъ на ораторской трибунѣ, принимаютъ за его обыкновенное состояніе.

Между тѣмъ, въ домашнемъ кругу, въ обществѣ, вообще въ мирномъ состояніи духа это совсѣмъ другой человѣкъ. Тогда его лицо, вмѣсто вдохновенно возвышеннаго или приниженнаго выраженія, которое придаетъ ему трибуна, принимаетъ поистинѣ внушительное, исполненное достоинства выраженіе, его фигура кажется еще болѣе мужественно красивой и благородной, и смотрѣть на него — большое удовольствіе, въ особенности, пока онъ не заговоритъ. Въ этомъ отношеніи онъ составляетъ прямую противоположность кассиршѣ въ кафе Кольберъ, которая кажется почти некрасивой, пока молчитъ, но лицо которой преображается и сіяетъ прелестью, какъ только она откроетъ ротъ, чтобы заговорить. Только Перье, когда онъ долго молчитъ и внимательно слушаетъ другихъ, втягиваетъ внутрь свои тонкія губы, вслѣдствіе чего его ротъ образуетъ какъ бы яму на его лицѣ. Затѣмъ онъ имѣетъ обыкновеніе слушать, склонивъ голову и тихо кивая ею, какъ бы говоря: «это все устроится». У него высокій лобъ, который кажется высокимъ особенно благодаря тому, что на передней части головы у него очень мало волосъ. Волосы эти, сѣдые, почти бѣлые, гладко прилизаны и скудно прикрываютъ остальную часть головы, имѣющую красивую, пропорціонально округленную форму, и маленькія уши, которыя можно назвать почти прелестными. Зато подбородокъ коротокъ и ординаренъ. Дико и взъерошенно свѣшивается кустарникъ его черныхъ бровей на глубокія глазныя впа-

дины, въ которыхъ всегда на стражѣ глубоко спрятанные маленькіе, темные глазки; только изрѣдка заблестятъ они, какъ стилетъ. Цвѣтъ лица сѣро-желтоватый, обычный колоритъ заботы и раздраженія, и по немъ ходятъ всякаго рода странныя складки, правда, не вульгарныя, но и не благородныя, можетъ-быть, складки juste-milieu, прилично скорбныя juste milieu складки. Въ этомъ человѣкѣ находятъ что-то банкирообразное, даже въ его манерѣ себя держать что-то купеческое; одинъ изъ моихъ друзей увѣряетъ, что ему постоянно хочется спросить Перье о теперешнихъ цѣнахъ на кофе или о положеніи дисконта. «Но когда о комъ-нибудь знаешь, что онъ слѣпъ, — говоритъ Лихтенбергъ:—то кажется, что замѣчаешь это, даже глядя на него сзади». Во всемъ внѣшнемъ обликѣ Казимира Перье я, правда, не нахожу ничего, что̀ свидѣтельствовало бы объ аристократическомъ происхожденіи, но зато во всемъ его существѣ видно прекрасное усовершенствованіе буржуазной натуры, какое встрѣчается у людей, обремененныхъ фактическими государственными заботами и не имѣющихъ времени думать о рыцарскихъ манерахъ и всякихъ другихъ вопросахъ туалета.

Лучше всего можно судить о Перье по его рѣчамъ, да въ нихъ онъ и выступаетъ со своей лучшей стороны, по крайней мѣрѣ такъ было въ періодъ реставраціи, когда онъ, одинъ изъ лучшихъ ораторовъ оппозиціи, велъ благороднѣйшую войну противъ легкомысленныхъ притязаній духовенства и знатныхъ паразитовъ. Не знаю, былъ ли онъ уже и въ то время такъ же несдержанъ въ движеніяхъ, какъ теперь; тогда я только читалъ его рѣчи, которыя, будучи образцомъ сдержанности и достоинства, были въ то же время такъ спокойны и такъ разсудительны, что я считалъ его совсѣмъ пожилымъ человѣкомъ. Въ этихъ рѣчахъ господствовала самая строгая логика, что-то незыблемо твердое, незыблемые доводы разума, поставленные прямо одинъ возлѣ другого, подобно несокрушимымъ желѣзнымъ шестамъ, изъ-за которыхъ проглядывала иногда тихая скорбь, какъ блѣдная монахиня изъ-за монастырской рѣшетки. Твердые доводы разума, желѣзные шесты въ его рѣчахъ, остались, но теперь изъ-за нихъ проглядываетъ только безсильный гнѣвъ, который прыгаетъ взадъ и впередъ, какъ дикій звѣрь въ клѣткѣ.

Многія изъ послѣднихъ рѣчей Перье, въ которыхъ обсуждаются новые законопроекты, какъ, напр., законъ о пэр-

ствѣ, составлены не имъ самимъ; для такихъ большихъ работъ у министра слишкомъ мало времени. Въ его собственныхъ рѣчахъ теперь съ каждымъ днемъ должно проявляться все больше раздражительности, мелочности и страстности, по мѣрѣ того, какъ система, которую ему приходится защищать, становится все болѣе сомнительной, лишенной достоинства и благородства. Болѣе всего благопріятствуетъ ему въ общественномъ мнѣніи то, что рядомъ съ нимъ стоитъ г. Себастіани, кокетливый старикъ съ пепельно-сѣрымъ сердцемъ и желтымъ лицомъ, на которомъ кое-гдѣ видны еще красноватыя пятна, подобно тому, какъ на осеннихъ деревьяхъ среди желтой листвы сверкаютъ иногда ярко-красные листья. Да, нѣтъ ничего отвратительнѣе этого вздувшагося ничтожества, которое, хотя и объявлено больнымъ, все-таки часто является въ палату и садится на министерскую скамью, съ пошлой улыбочкой на губахъ и какой-нибудь глупостью на языкѣ. Для меня почти непостижимо, чтобы этотъ тщедушный человѣчекъ, изящно обутый и въ красивыхъ перчаткахъ, съ слезливыми безцвѣтными глазками, могъ когда-нибудь совершать крупныя дѣла на полѣ брани и въ совѣтѣ, какъ о томъ повѣствуютъ люди, описывавшіе отступленіе изъ Россіи и посольство въ Турцію. Вся его наука сводится теперь къ нѣсколькимъ избитымъ дипломатическимъ штучкамъ, которыя постоянно звенятъ въ его жестяномъ мозгу. Его собственно политическія идеи похожи на тотъ большой ремень, который карѳагенская царица велѣла вырѣзать изъ коровьей кожи и которымъ она охватила цѣлую страну; кругъ идей почтеннаго человѣка обширенъ, обхватываетъ большое пространство, но тѣмъ не менѣе онъ кожаный. Перье однажды сказалъ про него: «Онъ очень высокаго понятія о самомъ себѣ, и это—единственное понятіе, которое у него есть».

Я поставилъ рядомъ купидона императорскаго періода, какъ прозвали Себастіани, съ Геркулесомъ эпохи juste-milieu, какъ опредѣляютъ Казимира Перье, только для того, чтобы Перье предсталъ во всемъ своемъ величіи. Дѣйствительно, я готовъ скорѣе преувеличить, чѣмъ умалить его достоинства, и, тѣмъ не менѣе, не могу не сознаться, что при взглядѣ на него у меня въ памяти встаетъ образъ, передъ которымъ онъ кажется такимъ же маленькимъ, какъ Себастіани передъ нимъ самимъ. Не духъ ли сатиры вызываетъ въ памяти такіе контрасты? Или въ самомъ дѣлѣ

Казимиръ Перье имѣетъ сходство съ величайшимъ министромъ, который когда-либо правилъ Англіею—съ Георгомъ Каннингомъ? Впрочемъ, и другіе люди признаютъ, что онъ страннымъ образомъ напоминаетъ этого послѣдняго, и что между ними есть какое-то тайное сродство.

Можетъ-быть, это сходство между Перье и Каннингомъ заключается въ ихъ мѣщанскомъ происхожденіи и мѣщанской наружности, въ трудности положенія, въ непоколебимой энергіи и въ противодѣйствіи феодально аристократическому натиску. Но отнюдь не въ ихъ карьерѣ и не въ обнаруженномъ ими образѣ мыслей. Первый, рожденный и воспитанный на мягкихъ подушкахъ богатства, могъ спокойно развивать свои лучшія стремленія и спокойно примкнуть къ той зажиточной оппозиціи, которую въ періодъ реставраціи вела буржуазія по отношенію къ аристократіи и іезуитамъ. Наоборотъ, Георгъ Каннингъ, рожденный отъ несчастныхъ родителей, былъ бѣднымъ ребенкомъ бѣдной матери, которая въ продолженіе дня печально и со слезами ухаживала за нимъ, а вечеромъ, чтобы заработать для него кусокъ хлѣба, должна была выступать на театральныхъ подмосткахъ, играть комедію и смѣяться; впослѣдствіи, перейдя отъ мелкихъ страданій бѣдности къ болѣе тяжелымъ страданіямъ блестящей зависимости, онъ терпѣлъ поддержку богатаго дяди и покровительство знатнаго дворянства.

Но если были различны положенія, въ которыя судьба поставила этихъ двухъ людей и долгое время держала ихъ, то еще болѣе различенъ былъ тотъ образъ мыслей, который они обнаружили, когда достигли вершины власти, когда, наконецъ, свободные отъ всякаго принужденія, они могли высказать великое слово жизни. Казимиръ Перье, который не былъ никогда въ зависимомъ положеніи, который всегда обладалъ золотыми средствами, чтобы сохранять, развивать и возвышать въ себѣ чувство свободы—онъ сдѣлался вдругъ мелочнымъ и торгашески настроеннымъ; не понимая своей собственной силы, онъ склонился передъ тѣми властелинами, которыхъ могъ бы уничтожить, и просилъ у нихъ, какъ милостыни, того мира, который могъ самъ даровать не иначе, какъ въ видѣ милости; въ настоящее время онъ нарушаетъ гостепріимство и оскорбляетъ самое священное несчастіе и, Прометей навыворотъ, крадетъ свѣтъ у людей, чтобы возвратить его снова богамъ. Совершенно наоборотъ поступилъ Георгъ Каннингъ, нѣкогда гладіаторъ на службѣ

у торіевъ; какъ только явилась у него, наконецъ, возможность стряхнуть съ себя оковы духовнаго рабства, онъ всталъ во всемъ величіи своихъ прирожденныхъ правъ гражданина и къ ужасу своихъ прежнихъ покровителей, Спартакомъ изъ Доунингъ-Стрита, провозгласилъ гражданскую и церковную свободу для всѣхъ народовъ и привлекъ къ Англіи всѣ либеральныя сердца, и черезъ это—главенство въ Европѣ.

То было мрачное время въ Германіи; ничего, кромѣ совъ, цензурныхъ указовъ, тюремнаго запаха, романовъ, проповѣдывавшихъ самоотреченіе, вахтпарадовъ, ханжества и тупоумія; и вотъ, когда отблескъ Каннинговскихъ словъ, какъ свѣтлый лучъ, пробился къ намъ, возликовали тѣ немногія сердца, въ которыхъ еще ощущалась надежда, а что касается автора этихъ страницъ, то онъ простился со всѣми близкими и дорогими, и сѣлъ на корабль, и поплылъ въ Лондонъ, чтобы увидѣть и услышать Каннинга. И цѣлые дни просиживалъ я на галлереѣ капеллы св. Стефана, и жилъ въ созерцаніи его, и пилъ каждое слово съ его устъ, и сердце мое было въ упоеніи. Это былъ средняго роста, красивый человѣкъ, съ благороднымъ яснымъ лицомъ, очень высокимъ лбомъ, небольшой лысиной, съ доброжелательно округленными губами, съ кроткими убѣждающими глазами, довольно рѣзкій въ движеніяхъ, когда онъ ударялъ по жестяному ящику, стоявшему передъ нимъ на столѣ съ документами, но и въ пылу страсти всегда пристойный, полный достоинства, gentleman-like. Въ чемъ же заключалось сходство его внѣшняго облика съ Казимиромъ Перье? Не знаю, но мнѣ сдается, будто голова Перье по своему строенію поразительно похожа на голову Каннинга, хотя гораздо грубѣе и больше ея. Нѣкоторая болѣзненность, раздражительность и утомленіе, замѣчавшіяся въ Каннингѣ, поражаютъ также и въ Перье, и это-то именно и напоминаетъ въ немъ англійскаго министра. Что касается таланта, то они могли бы поспорить другъ съ другомъ. Только Каннингъ преодолѣвалъ самыя большія трудности съ извѣстной легкостью, подобно Одиссею, который натягивалъ тугой лукъ такъ легко, какъ будто это были струны лиры; Перье, наоборотъ, проявляетъ во всякомъ, самомъ пустяшномъ дѣйствіи извѣстную тяжеловѣсность, при всякомъ, самомъ незначительномъ мѣропріятіи онъ пускаетъ въ ходъ всѣ свои силы, всю свою духовную и свѣтскую кавалерію и инфантерію и, натягивая самыя мягкія струны, употребляетъ такія

усилія, какъ будто имѣетъ дѣло съ Одиссевымъ лукомъ. Его рѣчи я охарактеризовалъ выше. Каннингъ былъ также однимъ изъ величайшихъ ораторовъ своего времени. Его упрекали только въ томъ, что онъ говорилъ слишкомъ цвѣтисто, слишкомъ вычурно. Но этотъ упрекъ онъ, безъ сомнѣнія, заслуживалъ только въ первый періодъ своей дѣятельности, когда, находясь еще въ зависимомъ положеніи, не смѣлъ высказывать собственное мнѣніе и поэтому вмѣсто того могъ сыпать только цвѣтами краснорѣчія, умственными арабесками и блестящими оборотами. Его рѣчь въ то время была не мечомъ, а лишь ножнами меча, правда, очень дорогими ножнами, блиставшими богатѣйшей отдѣлкой изъ золотыхъ цвѣтовъ и драгоцѣнныхъ каменьевъ. Изъ этихъ ноженъ онъ вытащилъ впослѣдствіи прямой, лишенный всякихъ украшеній, стальной клинокъ, и клинокъ блестѣлъ еще великолѣпнѣе, и былъ, однако, достаточно остеръ и безпощаденъ. До сихъ поръ еще я вижу плаксивыя физіономіи, сидѣвшія противъ него, въ особенности смѣшного сэра Томаса Летбриджа, спросившаго его съ большимъ паѳосомъ: выбралъ ли онъ себѣ уже сочленовъ въ свое министерство?— въ отвѣтъ на что Георгъ Каннингъ спокойно поднялся со своего мѣста, какъ будто собирался держать длинную рѣчь, и, съ пародированнымъ паѳосомъ сказавъ Yes! сейчасъ же опять сѣлъ, а вся зала разразилась неудержимымъ хохотомъ. Курьезное это было зрѣлище, какъ сзади министра возсѣдала почти вся прежняя оппозиція, честный Руссель, неустрашимый Брумъ, ученый Макинтомъ, Кэмъ Гобгоузъ съ носящимъ глубокіе слѣды бурь лицомъ, благородный востроносый Робертъ Вильсонъ, и даже Френсисъ Бердеттъ, восторженная, долговязая донкихотская фигура, любящее сердце котораго есть неувядаемый цвѣтникъ либеральныхъ идей и тощія колѣни котораго, какъ сказалъ Коббетъ, касались тогда спины Каннинга. Это время останется мнѣ навѣки памятно, и никогда не забуду я тѣхъ часовъ, когда я слушалъ Георга Каннинга, говорившаго о правахъ народовъ, и внималъ тѣмъ освободительнымъ словамъ, которыя, какъ священный громъ, прокатились по всей землѣ и отдались утѣшительнымъ эхомъ въ хижинѣ и мексиканца, и индуса.

That is my thunder, могъ тогда сказать Каннингъ. Его прекрасный, низкій, глубокомысленный голосъ звучалъ мощной скорбью, вылетая изъ больной груди, и то были ясныя, ничѣмъ не прикрытыя, закрѣпленныя печатью смерти,

прощальныя слова умирающаго. За нѣсколько дней передъ тѣмъ умерла его мать, и траурное платье, которое онъ носилъ вслѣдствіе этого, придавало его фигурѣ еще больше торжественности. Я все еще вижу его въ черномъ сюртукѣ и черныхъ перчаткахъ. Во время своей рѣчи онъ иногда посматривалъ на нихъ, и когда его взоръ при этомъ становился особенно задумчивъ, я говорилъ себѣ: теперь, можетъ-быть, онъ думаетъ о своей покойной матери и о ея долгой страдальческой жизни, и о страданіяхъ всего остального бѣднаго народа, умирающаго съ голода въ богатой Англіи, и эти перчатки—гарантія того, что Каннингъ знаетъ, каково на душѣ у этого народа, и хочетъ помочь ему. Въ пылу своей рѣчи онъ какъ-то сорвалъ съ руки одну изъ этихъ перчатокъ, и мнѣ показалось, что онъ собирается бросить ее къ ногамъ всей знатной аристократіи Англіи, какъ черный вызовъ оскорбленнаго человѣчества.

Если эта аристократія и не убила его прямо, какъ не убила и узника на св. Еленѣ, умершаго отъ рака въ желудкѣ, зато вонзила она много маленькихъ отравленныхъ иголокъ въ его сердце. Такъ, напримѣръ, мнѣ разсказывали, что однажды, въ ту самую минуту, когда Каннингъ отправлялся въ парламентъ, ему подали письмо, запечатанное хорошо извѣстнымъ гербомъ, которое онъ вскрылъ, сидя уже въ залѣ засѣданія, и гдѣ нашелъ старую театральную афишу, на которой въ числѣ актеровъ было напечатано имя его покойной матери. Вскорѣ послѣ того Каннингъ умеръ, и теперь онъ уже пять лѣтъ покоится въ Вестминстерѣ рядомъ съ Фоксомъ и Шериданомъ, и, можетъ-быть, на тѣхъ устахъ, которыя произносили такія могучія слова, паукъ плететъ свою безсмысленно безмолвную паутину. И Георгъ IV также спитъ теперь въ ряду своихъ отцовъ и предковъ, лежащихъ въ видѣ каменныхъ изваяній на своихъ гробницахъ, положивъ каменныя головы на каменныя подушки, съ земнымъ шаромъ и скипетромъ въ рукахъ, а вокругъ нихъ въ высокихъ гробахъ покоится англійская аристократія, знатные герцоги и епископы, лорды и бароны, которые и послѣ смерти, какъ и при жизни, тѣснятся около королей; и кто хочетъ видѣть ихъ въ Вестминстерѣ, платитъ шиллингъ и шесть пенсовъ. Эти деньги принимаетъ бѣдный маленькій сторожъ, для котораго показываніе умершихъ знатныхъ господъ есть средство пропитанія, при чемъ онъ скороговоркой объясняетъ ихъ имена и дѣянія, точно показывая кабинетъ восковыхъ фигуръ. Я охотно дѣлаю такого

рода осмотры, потому что убѣждаюсь тогда воочію, что великіе міра сего не безсмертны, мнѣ не жаль моего шиллинга и шести пенсовъ, и, выходя изъ Вестминстера, я сказалъ сторожу: «я доволенъ твоей выставкой, но я охотно заплатилъ бы тебѣ вдвое, если бы коллекція была полная».

Все дѣло въ этомъ. Пока англійскіе аристократы не отошли къ праотцамъ, пока вестминстерская коллекція неполна, борьба народовъ противъ привилегій рожденія остается все еще нерѣшенной, и гражданскій союзъ Франціи съ Англіей не перестаетъ быть сомнительнымъ.

V.

Парижъ, 25 марта 1832.

Походъ въ Бельгію, блокада Лиссабона и взятіе Анконы суть три характеристичныхъ подвига, которыми правительство juste-milieu доказало за границей свою силу, свою мудрость и свое великолѣпіе; внутри оно тоже стяжало себѣ похвальные лавры подъ колоннадой Пале-Рояла, въ Ліонѣ и въ Греноблѣ. Никогда еще Франція не стояла такъ низко въ глазахъ другихъ странъ, даже во времена Помпадуръ и Дюбарри. Теперь всѣ видятъ, что есть еще нѣчто болѣе жалкое, чѣмъ торжество фаворитокъ. Въ будуарѣ куртизанки можно найти все-таки еще больше чести, чѣмъ въ конторѣ банкира. Даже въ молельнѣ Карла X не забывали до такой степени о національномъ достоинствѣ, и оттуда былъ завоеванъ Алжиръ. Нынѣ же, чтобы уничиженіе было совсѣмъ полное, хотятъ отказаться и отъ этого завоеванія. Этотъ послѣдній лоскутокъ чести Франціи приносится въ жертву какому-то призрачному союзу съ Англіей. Какъ будто фантастическая надежда на этотъ союзъ еще не довольно стоила! Ради него французамъ придется покрыть себя позоромъ и на Анконской цитадели, и на равнинахъ Бельгіи, и подъ стѣнами Лиссабона. Какъ только падетъ лордъ Грей, англичане потребуютъ еще больше; но тогда падетъ и Казимиръ Перье. Оба министра держатся только благодаря своей взаимной поддержкѣ, въ родѣ того, какъ два пьяныхъ остаются на ногахъ только потому, что постоянно наваливаются другъ на друга.

Внутри государства стѣсненія и растерзанность сдѣлались невыносимы настолько, что даже нѣмецъ могъ бы потерять терпѣніе. Французы походятъ теперь на тѣхъ осужденныхъ въ Дантовскомъ аду, которымъ ихъ положеніе тамъ сдѣлалось до того невыносимо, что они желаютъ только одного —

выйти именно изъ него, хотя бы черезъ это имъ пришлось попасть въ еще худшее. Этимъ объясняется, что республиканцамъ легитимная монархія, а легитимистамъ республика представляются гораздо желательнѣе того болота, которое лежитъ по серединѣ между тѣмъ и другимъ и въ которомъ они въ настоящее время завязли. Общее страданіе объединило ихъ. У нихъ не одно и то же небо, но одинъ и тотъ же адъ, и въ немъ слышенъ вой и скрежетъ зубовный—Vive la république! Vive Henry V!

Сторонники министерства, т. е. чиновники, банкиры, помѣщики и лавочники еще усиливаютъ всеобщее недовольство своими улыбающимися увѣреніями, будто мы всѣ живемъ въ самомъ спокойномъ состояніи, что термометръ народнаго счастья — курсъ государственныхъ бумагъ, повысился, и что нынѣшней зимой въ Парижѣ было столько баловъ, какъ никогда, а опера достигла наибольшаго процвѣтанія. Дѣйствительно, это такъ и было, потому что у этихъ людей вѣдь есть средства, чтобы доказывать, что Франція счастлива; они танцовали ради своей системы, ради мира, ради спокойствія Европы, они хотѣли вытанцовать повышеніе курса, они танцовали à la hausse. Правда, иногда, во время самыхъ веселыхъ антрша, получались черезъ дипломатическій корпусъ всяческія печальныя депеши изъ Бельгіи, Испаніи, Англіи и Италіи; но тѣ господа не проявляли никакого безпокойства и съ отчаянной веселостью продолжали танцовать, почти подобно тому, какъ Алина, царица Голконды, продолжаетъ свою притворно веселую пляску, несмотря на то, что хоръ евнуховъ пискливо доноситъ ей одну страшную новость за другой. Какъ сказано, эти люди танцовали ради своихъ рентъ; чѣмъ умѣреннѣе былъ ихъ образъ мыслей, тѣмъ страстнѣе они танцовали, а самые толстые, нравственнѣйшіе банкиры отплясывали нечестивый вальсъ монахинь изъ знаменитой оперы «Робертъ-Дьяволъ».—Мейерберъ достигъ неслыханнаго, сумѣвъ держать вѣтреныхъ парижанъ въ своихъ оковахъ въ продолженіе цѣлой зимы; и теперь еще всѣ стремятся въ Académie de musique, чтобы посмотрѣть «Роберта-Дьявола»; но да простятъ мнѣ восторженные мейерберіанцы, если я думаю, что многихъ изъ нихъ притягиваетъ не только музыка, но и политическое значеніе оперы! Робертъ-Дьяволъ, сынъ дьявола, столь же нечестиваго, какъ Филиппъ Эгалитэ, и принцессы, столь же набожной, какъ дочь герцога де-Пентіевръ, духомъ своего отца влечется къ злу, къ революціи,

духомъ матери—къ добру, къ старому режиму: въ его душѣ борются двѣ прирожденныя ему натуры, онъ носится въ серединѣ между этими двумя принципами, онъ—juste-milieu; напрасно адскіе голоса, раздающіеся изъ Волчьяго ущелья, стараются втянуть его въ движеніе, тщетно соблазняютъ его духи Конвента, которые въ видѣ монахинь встаютъ изъ гроба, напрасно Робеспьеръ въ образѣ дѣвицы Таліони заключаетъ его въ свои царскія объятія—онъ противостоитъ всѣмъ нападеніямъ, всѣмъ соблазнамъ; имъ руководитъ любовь къ принцессѣ обѣихъ Сицилій, очень набожной, благодаря чему и онъ становится набоженъ и, въ концѣ концовъ, мы видимъ его въ лонѣ церкви, окруженнаго жужжаніемъ монаховъ и обкуриваемаго ладаномъ. Не могу не замѣтить, что при первомъ представленіи этой оперы подъемная доска, на которой отецъ-дьяволъ былъ спущенъ въ адъ, по недосмотру машиниста не была задвинута, какъ слѣдуетъ, такъ что дьяволъ-сынъ, случайно наступивъ на нее, провалился туда же. Такъ какъ объ этой оперѣ было много говорено въ палатѣ депутатовъ, то упоминаніе о ней на этихъ страницахъ ни въ какомъ случаѣ нельзя считать неумѣстнымъ. Явленія общественной жизни далеко не лишены здѣсь политической важности, и я теперь понимаю, что Наполеонъ могъ заниматься въ Москвѣ составленіемъ устава для парижскихъ театровъ. На эти послѣдніе было особенно обращено вниманіе правительства во время истекшей масляницы, которая, впрочемъ, требовала вообще усиленнаго вниманія съ его стороны, потому что даже маскарадныя вольности внушали ему опасенія, и оно ожидало возмущенія преимущественно въ Mardi gras. Какъ легко маскарадъ можетъ подать поводъ къ возмущенію, доказалъ Гренобль. Въ прошломъ году Mardi gras былъ отпразднованъ разрушеніемъ архіепископскаго дворца.

Такъ какъ эта зима была первая, которую я провелъ въ Парижѣ, то не могу рѣшить, былъ ли карнавалъ въ этомъ году такъ блестящъ, какъ хвастливо увѣряетъ правительство, или такъ плачевенъ, какъ жалуется оппозиція. Даже въ такихъ чисто внѣшнихъ вещахъ здѣсь не добьешься правды. Всѣ партіи стараются обмануть, и даже собственнымъ глазамъ нельзя довѣрять. Одинъ изъ моихъ друзей, juste-millionaire, былъ такъ любезенъ, что въ послѣдній Mardi gras водилъ меня по Парижу, чтобы воочію убѣдить меня, какъ счастливъ и веселъ народъ. Въ этотъ день онъ отпустилъ также всю свою прислугу и приказалъ ей весе-

литься какъ можно больше. Радостно взялъ онъ меня подъ руку и радостно бѣгалъ со мной по улицамъ, и по временамъ очень громко смѣялся. Около Porte St. Martin, на сырой мостовой, лежалъ, хрипя, мертвенно блѣдный человѣкъ, а собравшіеся кругомъ зѣваки утверждали, что онъ умираетъ съ голоду. Но мой спутникъ увѣряетъ меня, что этотъ человѣкъ каждый день умираетъ съ голоду на какой-нибудь новой улицѣ, и что онъ этимъ живетъ, такъ какъ карлисты платятъ ему за то, чтобы онъ этимъ зрѣлищемъ травилъ народъ противъ правительства. Однако, это ремесло, должно-быть, плохо оплачивается, потому что многіе, занимающіеся имъ, дѣйствительно умираютъ съ голоду. Странная вещь это голоданіе: многія тысячи людей можно было бы ежедневно видѣть здѣсь въ этомъ состояніи, если бы только они могли дольше выдержать его. Теперь же, обыкновенно послѣ трехъ дней, проведенныхъ безъ пищи, бѣдные голодающіе умираютъ одинъ за другимъ, и ихъ тихонько зарываютъ въ землю и почти не замѣчаютъ ихъ.

«Вотъ видите, какъ народъ счастливъ»,—сказалъ мой спутникъ, показывая мнѣ множество телѣжекъ, наполненныхъ масками, которыя громко ликовали и продѣлывали самыя веселыя дурачества. Бульвары дѣйствительно представляли необычайно забавное пестрое зрѣлище, и мнѣ припомнилась старая пословица: «Когда богамъ становится скучно на небѣ, они открываютъ окошечко и смотрятъ на парижскіе бульвары». Только показалось мнѣ, что жандармовъ было выставлено тутъ больше, чѣмъ того требовало невинное увеселеніе. Попавшійся мнѣ навстрѣчу республиканецъ испортилъ мнѣ все удовольствіе, увѣривъ меня, что большинство масокъ, наивеселѣе дурачившихся, спеціально наняты для этого полиціей, чтобы нельзя было жаловаться, что народъ уже не веселится. Насколько это можетъ быть вѣрно, не берусь рѣшать; замаскированные мужчины и женщины, повидимому, веселились отъ души, а если полиція сверхъ того еще платила имъ за это, то это со стороны полиціи было очень мило. Главное, что выдавало ея вмѣшательство, были разговоры замаскированныхъ простолюдиновъ и публичныхъ женщинъ, которые, въ рыночныхъ придворныхъ костюмахъ, съ мушками на нарумяненныхъ и набѣленныхъ лицахъ, подражали аристократичности предшествовавшаго правительства, титуловали другъ друга карлистскими именами и при этомъ такъ важно обмахивались вѣерами и топорщились, что мнѣ невольно при-

помнились высокоторжественныя празднества, которыми я имѣлъ честь любоваться съ хоровъ; только парижскія торговки говорили по-французски лучше, чѣмъ кавалеры и барышни моего отечества.

Отдавая должную справедливость этому послѣднему, я долженъ признаться, что Boeuf gras нынѣшняго года не произвелъ бы въ Германіи никакого эффекта. Нѣмецъ улыбнулся бы при видѣ этого зауряднаго быка, величина котораго особенно приводила здѣсь всѣхъ въ изумленіе. Намеками на этого бѣднаго быка въ продолженіе цѣлой недѣли были наполнены мелкія газеты; что онъ былъ gros, gras et bête, это было постоянной остротой, и въ карикатурахъ пародировалось въ самомъ непристойномъ видѣ шествіе этого quasi-жирнаго быка. Поговаривали уже, что въ этомъ году шествіе будетъ запрещено; но потомъ передумали. Изъ всего множества традиціонныхъ народныхъ забавъ, почти одно только шествіе Boeuf gras и сохранилось во Франціи. Прежнюю форму правленія, Parc des cerfs, Бастилію и прочія тому подобныя учрежденія добраго стараго времени революція низвергла; одинъ быкъ остался. Поэтому-то его и водятъ въ тріумфѣ по городу, украшеннаго цвѣтами и окруженнаго мясниками, облеченными большею частью въ шлемы и латы, и унаслѣдовавшими эту желѣзную ветошь отъ умершихъ рыцарей, какъ ихъ ближайшихъ родственниковъ. Понять значеніе публичныхъ маскарадовъ очень легко. Труднѣе разгадать тотъ тайный маскарадъ, который встрѣчаешь здѣсь во всѣхъ дѣлахъ. Этотъ болѣе крупный карнавалъ начинается перваго января и оканчивается тридцать перваго декабря. Самыя блестящія представленія его происходятъ въ Palais Bourbon, въ Люксамбургѣ и въ Тюильри. Не только въ палатѣ депутатовъ, но также и въ палатѣ пэровъ и въ кабинетѣ короля разыгрывается въ настоящую минуту гадкая комедія, которая, можетъ-быть, окончится трагически. Люди оппозиціи, которые только продолжаютъ комедію эпохи реставраціи,—замаскированные республиканцы, съ явной ироніей или съ очевиднымъ отвращеніемъ исполняющіе роль статистовъ монархіи. Пэры играютъ теперь роль сановниковъ, призванныхъ къ управленію не въ силу наслѣдственныхъ правъ, а благодаря заслугамъ; но если заглянуть имъ подъ маски, то увидишь по большей части хорошо знакомыя аристократическія лица; и какъ бы ни старались они костюмироваться по новѣйшей модѣ, они все-таки остаются наслѣдниками

прежней аристократіи и даже носятъ имена, напоминающія ихъ жалкую родовитость, такъ что между ними можно даже найти одного Dreux-Brézé, о которомъ «National» говоритъ, что онъ только тѣмъ и замѣчателенъ, что однажды одинъ изъ его предковъ получилъ хорошій отвѣтъ. Что же касается Людовика Филиппа, то онъ все еще играетъ свою роль roi citoyen и все еще носитъ соотвѣтствующій ей костюмъ; однакоже, какъ всѣмъ извѣстно, подъ своей скромной войлочной шляпой онъ носитъ совсѣмъ неподходящую сюда корону обыкновеннаго образца, а въ своемъ дождевомъ зонтикѣ скрываетъ самый абсолютный скипетръ. Только тогда, когда затрагиваются самые близкіе сердцу интересы, или когда кто-нибудь мѣткимъ словечкомъ распалитъ страсти, эти господа забываютъ заученныя роли и обнаруживаютъ свою личность. Эти интересы прежде всего денежные, и передъ ними стушевываются всѣ остальные, какъ можно было убѣдиться во время преній о бюджетѣ... Предательскія «словечки», заставившія прорваться наружу республиканскіе взгляды въ палатѣ депутатовъ, всѣмъ извѣстны. Далеко не такъ незначительны и не такъ случайны, какъ воображаютъ въ Германіи, были споры изъ-за слова sujet. Еще въ началѣ французской революціи это слово дало поводъ къ разнымъ разсужденіямъ, при чемъ обнаружилась республиканская тенденція времени. Какая буря страстей поднялась изъ-за того, что однажды, въ какой-то рѣчи, у бѣднаго Людовика XVI соскользнуло съ языка это слово! Для сравненія съ настоящимъ временемъ я прочелъ въ газетахъ той эпохи то, что относилось къ этому вопросу; тонъ 1790 г. не замолкъ, а только облагородился. Филипписты совсѣмъ не кротки и добродушны, когда вышеупомянутыми словечками разжигаютъ страсти въ оппозиціи. Въ прошломъ году тщательно остерегались называть Тюильри château и «Монитеру» было строго приказано употреблять слово palais. Впослѣдствіи перестали строго держаться этого. Въ настоящее время отваживаются на большее, и «Débats» говорятъ о «дворѣ», «la cour»! «Мы идемъ большими шагами назадъ къ реставраціи!»—жаловался мнѣ одинъ слишкомъ опасливый пріятель мой, послѣ того, какъ прочелъ, что сестрѣ короля предоставленъ титулъ «Madame». Эта подозрительность доходитъ почти до смѣшного. «Мы пойдемъ назадъ еще дальше реставраціи!»—восклицалъ на-дняхъ тотъ же самый пріятель, блѣднѣя отъ страха. Онъ видѣлъ на одномъ вечерѣ нѣчто ужасное, именно красивую моло-

дую даму съ напудренными волосами. Правду говоря, это было очень красиво; бѣлокурые локоны, казалось, были слегка подернуты морозомъ, и теплые, свѣжіе цвѣты выглядывали изъ нихъ тѣмъ трогательно милѣе.

Подобнымъ же образомъ «21-е января» явилось словомъ, при которомъ въ палатѣ пэровъ спадала личина съ замаскированныхъ наслѣдственныхъ страстей и самаго циническаго аристократизма. Случилось то, что̀ я давно предвидѣлъ: аристократія и въ парламентѣ держала себя такъ, какъ будто ей по преимуществу принадлежала привилегія оплакивать смерть Людовика XVI, и она надругалась надъ французскимъ народомъ утвержденіемъ того закона о днѣ покаянія, которымъ Людовикъ XVIII, этотъ намѣстникъ, назначенный Священнымъ Союзомъ, наложилъ эпитемію на весь французскій народъ, какъ на преступника. 21-е января былъ день, назначенный для этого покаянія... Справедливо настаивали депутаты на отмѣнѣ закона, который могъ скорѣе служить къ униженію французовъ, чѣмъ къ утѣшенію ихъ въ національномъ бѣдствіи, обрушившемся на нихъ 21 января 1793 г. Но палата пэровъ, отклонивъ отмѣну этого закона, обнаружила тѣмъ свою непримиримую вражду къ новой Франціи и изобличила свою аристократическую vendetta сынамъ революціи. Не столько ради ближайшихъ интересовъ дня, сколько противъ принциповъ революціи борются теперь пожизненные господа Люксамбурга. Потому-то они и не отклонили закона, предложеннаго Бриквилемъ; они отреклись отъ своей чести и подавили въ себѣ самое озлобленное отвращеніе. Этотъ предложенный законъ не имѣлъ вѣдь ни малѣйшаго отношенія къ принципамъ революціи. Но вотъ законъ о разводѣ никакимъ образомъ не можетъ быть принятъ; ибо онъ несомнѣнно революціоннаго характера, что̀ пойметъ всякій христіанско-католическій дворянинъ.

Расколъ, происшедшій по этому случаю между палатой депутатовъ и палатой пэровъ, повлечетъ за собой самыя печальныя явленія. Говорятъ, король начинаетъ уже понимать значеніе этого раскола во всей его безотрадности. Это—прямое послѣдствіе постоянныхъ полумѣръ, колебанія между небомъ и адомъ, Робертъ-Дьявольской системы juste-milieu. Людовику Филиппу слѣдовало бы остерегаться, чтобы и ему какъ-нибудь нечаянно не ступить на люкъ. Онъ стоитъ на очень шаткой почвѣ. Онъ потерялъ по собственной винѣ свою лучшую опору. Онъ впалъ въ обычную

ошибку нерѣшительныхъ людей, которые желаютъ сохранить хорошія отношенія съ врагами, и черезъ это теряютъ расположеніе своихъ людей. Онъ любезничалъ съ аристократіей, которая его ненавидитъ, и оскорблялъ народъ, бывшій его лучшей опорой. Его сочувственное отношеніе къ наслѣдственности пэровъ отвратило отъ него сердца многихъ, жаждущихъ равенства, французовъ, и его теперешнія затрудненія съ пожизненными пэрами доставляютъ имъ злорадное наслажденіе. Только тогда, когда выдвигаютъ вопросъ: «что̀ же означала іюльская революція?» пропадаетъ тонъ шутливаго недовольства, и мрачное озлобленіе прорывается наружу въ грозныхъ рѣчахъ. Это самое могучее изъ тѣхъ «словечекъ», которыя вызываютъ на свѣтъ Божій скрытыя страсти и заставляютъ партіи окончательно сбрасывать маски. Я думаю, что даже убитые во время великой недѣли, погребенные подъ Луврскими стѣнами, пробудились бы отъ своего сна, если бы ихъ спросили: дѣйствительно ли люди іюльской революціи не хотѣли ничего, кромѣ того, что̀ было высказано оппозиціей въ палатѣ въ періодъ реставраціи? Таково именно было опредѣленіе іюльской революціи, сдѣланное министерствами во время послѣднихъ преній. Какъ это жалкое опредѣленіе распадается само собой, видно уже изъ того, что оппозиція потомъ призналась, что во время всего періода реставраціи она играла комедію. Какая же тутъ можетъ быть рѣчь о какихъ-нибудь положительныхъ манифестаціяхъ? Да и то, что̀ кричалъ народъ въ теченіе трехъ дней пушечнаго грома, не было положительнымъ выраженіемъ его воли, какъ утверждали впослѣдствіи филиппистыи. Крикъ «vive la charte», который потомъ истолковали въ смыслѣ всеобщаго желанія сохранить хартію, былъ въ то время не чѣмъ инымъ, какъ лозунгомъ, паролемъ того дня, служившимъ только signe de ralliement. Выраженіямъ, которыя народъ употребляетъ въ подобныхъ случаяхъ, нельзя придавать слишкомъ опредѣленное значеніе. Это относится ко всѣмъ революціямъ, производимымъ народомъ. «Люди завтрашняго дня» всегда являются вслѣдъ затѣмъ и подыскиваютъ слова. Они находятъ мертвящее слово, а не животворящій духъ. А доискиваться надо именно духа, а не слова. Ибо народъ такъ же мало понимаетъ слова, какъ мало умѣетъ словами заставить понять себя. Онъ понимаетъ только дѣла, факты, и говоритъ только ими. Такимъ фактомъ была іюльская революція, и заключается она не въ томъ только, что Карлъ X былъ прогнанъ изъ

Тюильри въ Голирудъ, а Людовикъ Филиппъ поселился тамъ вмѣсто него; подобная простая перемѣна квартиранта была бы важна развѣ только для привратника этого дворца. Народъ, изгоняя Карла X, видѣлъ въ немъ только представителя аристократіи, какимъ онъ и выказывалъ себя всю свою жизнь, начиная съ 1788 года, когда, представляясь Людовику XVI въ качествѣ принца крови, онъ формально заявилъ, что всякій государь прежде всего дворянинъ, какъ таковой принадлежитъ естественно къ корпораціи дворянства, и слѣдовательно обязанъ защищать его права преимущественно передъ всѣми другими интересами. Что же касается Людовика Филиппа, то въ немъ народъ видѣлъ человѣка, уже отецъ котораго даже въ своемъ прозвищѣ призналъ гражданское равенство людей, человѣка, который самъ сражался за свободу при Вальми и Жемаппѣ; который съ самой юности и по сей день постоянно имѣлъ на устахъ слова—свобода и равенство и, въ оппозиціи собственной роднѣ, всегда выдавалъ себя за представителя демократіи.

Какъ чудно сіялъ этотъ человѣкъ въ блескѣ іюльскаго солнца, окружавшаго его голову ореоломъ и проливавшаго даже на самые недостатки его столько веселаго свѣта, что они казались еще ослѣпительнѣе, чѣмъ его добродѣтели. Вальми и Жемаппъ! то былъ тогда патріотическій припѣвъ всѣхъ его рѣчей; онъ ласкалъ трехцвѣтное знамя, какъ вновь обрѣтенную возлюбленную; онъ стоялъ на балконѣ Пале-Рояля и отбивалъ рукой тактъ Марсельезы, которую внизу распѣвалъ ликующій народъ; и онъ былъ въ полномъ смыслѣ сыномъ равенства, fils d'Egalité, soldat tricolore свободы, какимъ воспѣлъ его Делавинь въ своей Parisienne и какимъ изобразилъ его Орасъ Верне на тѣхъ картинахъ, которыя были столь знаменательно выставлены на показъ въ залахъ Пале-Рояля. Въ эти залы, во время реставраціи, народъ имѣлъ всегда свободный доступъ; и тутъ онъ расхаживалъ по воскресеньямъ, и любовался, какъ буржуазно просто было все въ этомъ дворцѣ, въ противоположность Тюильри, куда не такъ легко было проникнуть бѣдному, и съ особенной любовью останавливались всѣ передъ картиной, изображавшей, какъ Людовикъ Филиппъ, школьнымъ учителемъ въ Швейцаріи, стоитъ передъ глобусомъ и обучаетъ дѣтей географіи. Добрые люди дивились: чему только, значитъ, не пришлось научиться ему самому! Теперь говорятъ, будто Людовикъ Филиппъ въ то время научился только одному: faire bonne mine à mauvais jeu

и чрезмѣрно цѣнить деньги. Сіяніе, окружавшее его голову, исчезло, и недовольные не видятъ въ ней ничего, кромѣ груши.

Груша все еще продолжаетъ служить постояннымъ предметомъ остротъ въ юмористическихъ листкахъ и въ карикатурахъ. Эти листки, а именно: «Le Revenant», «Les Cancans», «Le Brid'Oison», «La Mode» и всѣ прочія карлистскія насѣкомыя нападаютъ на короля съ безстыдствомъ, которое тѣмъ болѣе противно, что всѣмъ хорошо извѣстно, что аристократическое предмѣстье оплачиваетъ эти газетки. Говорятъ, королева часто читаетъ ихъ и при этомъ плачетъ; бѣдной женщинѣ доставляетъ эти листки неутомимая услужливость тѣхъ злѣйшихъ враговъ, которыхъ, подъ названіемъ «добрыхъ друзей», можно встрѣтить во всякомъ знатномъ домѣ. Груша, какъ уже сказано, сдѣлалась постояннымъ предметомъ остротъ, и всюду вывѣшены сотни карикатуръ, на которыхъ она изображена. Здѣсь представленъ Казимиръ Перье на ораторской трибунѣ, съ грушей въ рукѣ, которую онъ расхваливаетъ всей, сидящей вокругъ, публикѣ, и, наконецъ, отдаетъ за 18 милліоновъ тому, кто предложилъ высшую цѣну. Тамъ опять необычайно огромная груша лежитъ, какъ кошмаръ, на груди спящаго Лафайета, которому, какъ значится на стѣнѣ комнаты, снится лучшая республика. Или изображены вмѣстѣ Перье и Себастіани, первый въ костюмѣ Пьеро, второй—трехцвѣтнаго арлекина, они шлепаютъ по глубокой грязи, а на плечахъ держатъ палку, на которой виситъ громадная груша. Юнаго Генриха изображаютъ въ видѣ благочестиваго странника въ одеждѣ пилигрима, въ шляпѣ съ раковинами и съ посохомъ, на верхнемъ концѣ котораго болтается груша, подобно отрубленной головѣ.

Я, конечно, не хочу защищать непристойность этихъ карикатуръ, въ особенности тѣхъ, которыя затрагиваютъ личность самого государя. Но ихъ безчисленное количество есть, все-таки, гласъ народа и что-нибудь значитъ. До извѣстной степени подобныя карикатуры можно извинить, если, не имѣя въ виду оскорбленія личности, онѣ порицали только тѣ надувательства, которымъ подвергается народъ. Тогда и вліяніе ихъ не имѣетъ границъ. Съ тѣхъ поръ, какъ появилась карикатура, изображающая трехцвѣтнаго попугая, который, на всякій предложенный ему вопросъ, отвѣчаетъ поочередно «Вальми» или «Жемаппъ»,—съ тѣхъ поръ Людовикъ Филиппъ остерегается повторять эти слова

такъ часто, какъ прежде. Онъ хорошо чувствуетъ, что въ этихъ словахъ всегда заключалось обѣщаніе, и что тому, у кого они были на устахъ, не слѣдовало добиваться какого-то quasi-легитимизма, не слѣдовало сохранять аристократическія учрежденія, не слѣдовало вымаливать миръ такимъ путемъ, не слѣдовало позволять безнаказанно оскорблять Францію, не слѣдовало отдавать свободу всего остального міра на произволъ ея палачей. Людовикъ Филиппъ долженъ былъ скорѣе искать въ довѣріи народа опоры для своего трона, которымъ онъ былъ обязанъ довѣрію народа. Онъ долженъ былъ окружить свой тронъ республиканскими учрежденіями согласно своему обѣщанію, засвидѣтельствованному безупречнѣйшимъ гражданиномъ Стараго и Новаго свѣта. Все, что было лживаго въ хартіи, надо было уничтожить, Вальми же и Жемаппъ должны были стать правдой, Людовикъ Филиппъ долженъ былъ исполнить то, что обѣщала символически вся жизнь его. Онъ долженъ былъ снова, какъ нѣкогда въ Швейцаріи, стать, въ качествѣ школьнаго учителя, передъ глобусомъ и объявить во всеуслышаніе: «взгляните на эти прекрасныя страны, всѣ люди въ нихъ свободны, всѣ равны, и если вы, дѣтки, не будете этого помнить, то получите розги». Да, Людовикъ Филиппъ долженъ былъ стать во главѣ европейской свободы, неразрывно слить ея интересы со своими собственными, отождествить себя со свободой, и какъ одинъ изъ его предковъ изрекъ смѣлое «l'état, c'est moi!»—такъ онъ долженъ былъ съ еще бо́льшимъ самосознаніемъ воскликнуть: «la liberté, c'est moi!»

Онъ этого не сдѣлалъ. Посмотримъ, каковы будутъ послѣдствія. Они неизбѣжны, и только относительно времени наступленія ихъ нельзя сказать напередъ ничего опредѣленнаго. Предостерегаютъ отъ прекрасныхъ весеннихъ дней. Карлисты полагаютъ, что новый тронъ рушится не ранѣе осени; если же этого не случится, то онъ простоитъ еще года четыре-пять. Республиканцы не хотятъ больше вѣрить никакимъ положительнымъ предсказаніямъ; «довольно того,—говорятъ они,—что будущее принадлежитъ намъ». И въ этомъ они, можетъ-быть, правы. Хотя до сихъ поръ они и были постоянно обманываемы карлистами и бонапартистами, однако со временемъ, можетъ-быть, окажется, что дѣятельность этихъ обѣихъ партій служила только интересамъ республиканцевъ. На эту дѣятельность карлистовъ и бонапартистовъ они разсчитываютъ тѣмъ болѣе, что сами

не могутъ ни деньгами, ни сочувствіемъ къ себѣ возбудить движеніе въ народѣ. Деньги же льются теперь золотыми потоками изъ сенъ-жерменскаго предмѣстья, и все, что можетъ быть куплено, покупается. Къ сожалѣнію, продажнаго товара на базарѣ въ Парижѣ всегда много, и полагаютъ, что карлисты сдѣлали въ этомъ мѣсяцѣ большіе успѣхи. Говорятъ, будто бы ими подкуплено многъ лицъ, имѣвшихъ всегда большое вліяніе на народъ. Благочестивые происки католическихъ священниковъ въ провинціи извѣстны; они всюду проползаютъ, и шипятъ, и лгутъ во имя Божіе. Всюду выставлены портреты чудеснаго отрока, изображаемаго въ самыхъ сентиментальныхъ позахъ. Тутъ онъ стоитъ на колѣняхъ и очень трогательно молится за спасеніе Франціи и своихъ несчастныхъ подданныхъ; тамъ онъ взбирается по горамъ Шотландіи, въ костюмѣ горца, безъ панталонъ. «Matin!—сказалъ одинъ рабочій, разсматривавшій вмѣстѣ со мною эту картину въ витринѣ магазина гравюръ:—on le représente sans culotte, mais nous savons bien qu'il est jésuite». На другой подобной картинѣ онъ представленъ плачущимъ вмѣстѣ со своей маленькой сестренкой, а внизу подписаны трогательные стихи: «Oh! que j'ai douce souvenance du beau pays de mon enfance!» etc. Пѣсни и стихи, прославляющіе юнаго Генриха, распространены въ большомъ количествѣ и хорошо оплачиваются. Какъ нѣкогда въ Англіи существовала якобистская поэзія, такъ нынѣ существуетъ здѣсь поэзія карлистская.

Однако, бонапартистская поэзія имѣетъ гораздо больше значенія, гораздо важнѣе и опаснѣе для правительства. Въ Парижѣ нѣтъ ни одной гризетки, которая бы не пѣла и не чувствовала пѣсенъ Беранже. Народъ лучше всего понимаетъ эту бонапартистскую поэзію, и на это-то и спекулируютъ поэты, а на поэтовъ, въ свою очередь, спекулируютъ другіе люди.

Викторъ Гюго пишетъ теперь большую героическую поэму, гдѣ героемъ старый Наполеонъ, а родственники молодого Наполеона со стороны отца состоятъ въ перепискѣ именно съ такими народными поэтами, извѣстными какъ Тиртеи бонапартизма, и воодушевляющею лирою которыхъ надѣятся воспользоваться въ нужную минуту. Здѣсь именно того мнѣнія, что сыну великаго человѣка достаточно только появиться, чтобы положить конецъ теперешнему правленію. Знаютъ, что имя Наполеонъ увлекаетъ за собой народъ и обезоруживаетъ армію. Разсудительные, истые демократы,

однако, ничуть не расположены вторить этому общему поклоненію. Имя Наполеона, разумѣется, мило и дорого имъ, потому что оно сдѣлалось почти синонимомъ славы Франціи и побѣды трехцвѣтнаго знамени. Въ Наполеонѣ они видятъ сына революціи, въ молодомъ же Рейхштадтѣ они видятъ только сына императора, признаніемъ котораго они признали бы принципъ легитимизма. Это было бы во всякомъ случаѣ смѣшной непослѣдовательностью. Также смѣшно мнѣніе, что если сынъ и не столь великъ, какъ отецъ, то все же онъ сдѣланъ не изъ совсѣмъ другого матеріала и все-таки онъ маленькій Наполеонъ. Маленькій Наполеонъ! Какъ будто Вандомская колонна поражаетъ чѣмъ-нибудь инымъ, кромѣ именно своей величины! Именно потому, что она такъ громадна и такъ крѣпка, народъ и хочетъ опираться на нее въ это смутное, шаткое время, когда Вандомская колонна единственное, что стоитъ крѣпко во Франціи.

Вокругъ этой колонны вертятся всѣ мысли народа, она для него несокрушимая желѣзная книга исторіи, и онъ читаетъ въ ней о своихъ собственныхъ геройскихъ подвигахъ. Но особенно живо въ немъ воспоминаніе о томъ поруганіи, которому нѣмцы такъ гнусно подвергли статую на этой колоннѣ, о томъ, какъ у бѣднаго императора отпилили ноги, какъ ему, точно какому-нибудь вору, обвязали шею веревкой и стащили его съ его высоты. Добрые нѣмцы исполнили свой долгъ. Всякій имѣетъ здѣсь на землѣ свое назначеніе; безсознательно осуществляетъ онъ его и оставляетъ послѣ себя символъ этого осуществленія. Такъ Наполеону было предназначено силой оружія доставить во всѣхъ странахъ побѣду революціи; но онъ, позабывъ эту миссію, захотѣлъ побѣдами возвеличить самого себя и величественно эгоистически поставилъ собственное изображеніе на трофеи, завоеванные революціей, на слитыя воедино пушки Вандомской колонны. Миссія же нѣмцевъ состояла въ томъ, чтобы отомстить за революцію и свергнуть императора съ самовольно занятой имъ высоты, съ высоты Вандомской колонны. Только трехцвѣтному знамени подобаетъ это мѣсто, и со времени іюльскихъ дней оно развѣвается тамъ, побѣдоносное и многообѣщающее. Если съ теченіемъ времени Наполеона снова подымутъ на Вандомскую колонну, то онъ будетъ стоять на ней уже не какъ императоръ, не какъ цезарь, но какъ искупившій несчастіемъ свою вину и очищенный смертью представитель революціи, какъ эмблема побѣдоносной силы народа.

Такъ какъ я только-что говорилъ о молодомъ Наполеонѣ и о молодомъ Генрихѣ, то долженъ также упомянуть о молодомъ герцогѣ Орлеанскомъ. Въ магазинахъ эстамповъ всѣ три портрета висятъ обыкновенно рядомъ, и наши памфлетисты постоянно разбираютъ права этихъ трехъ странныхъ представителей легитимизма. Что и въ публикѣ это составляетъ главный предметъ разговоровъ, разумѣется само собой. Разговоры эти слишкомъ обширны и слишкомъ безплодны, чтобы приводить ихъ здѣсь. Всякое свѣдѣніе о личныхъ качествахъ герцога Орлеанскаго, по моему мнѣнію, гораздо важнѣе, такъ какъ съ личностью молодого принца связано такъ много интересовъ ближайшей дѣйствительности. Практическій вопросъ заключается не въ томъ, имѣетъ ли онъ право вступить на престолъ, а въ томъ, имѣетъ ли онъ достаточно силы для этого, можетъ ли его партія положиться на эту силу, и такъ какъ онъ во всякомъ случаѣ предназначенъ играть важную роль, то чего можно ждать отъ его характера. Относительно этого послѣдняго мнѣнія различны и даже противоположны. Одни говорятъ, что герцогъ Орлеанскій человѣкъ совершенно ограниченный, слабоумный, тупой, что даже въ своей семьѣ его зовутъ grand poulot, но при этомъ онъ надѣленъ абсолютическими склонностями, и подчасъ на него находятъ даже припадки бѣшенаго властолюбія; такъ, напримѣръ, говорятъ, онъ упорно добивался, чтобы отецъ послалъ его въ Ліонъ во время возмущенія рабочихъ, потому что иначе герцогъ Рейхштадтскій могъ опередить его, и т. д. Другіе же увѣряютъ, наоборотъ, что его королевское высочество наслѣдный принцъ—олицетвореніе доброты, благонамѣренности и скромности; что онъ очень умный молодой человѣкъ, получившій самое надлежащее воспитаніе и отличное образованіе; что онъ полонъ мужества, чувства чести и любви къ свободѣ, въ силу которой онъ часто и настоятельно совѣтуетъ отцу держаться либеральной системы; что въ немъ нѣтъ ни малѣйшей фальши и злобы; что онъ сама ласковость и привѣтливость, и мститъ своимъ врагамъ всего охотнѣе тѣмъ, что на балахъ отбиваетъ у нихъ самыхъ хорошенькихъ дѣвушекъ. Мнѣ нечего, конечно, говорить, что это благопріятное мнѣніе исходитъ отъ приверженцевъ династіи, а непріятное—отъ ея противниковъ. Какъ тѣмъ, такъ и другимъ, нельзя вѣрить.

Такимъ образомъ, я не могу сообщить о молодомъ принцѣ ничего положительнаго, кромѣ того, что самъ видѣлъ, а

именно—о его наружности. Тутъ, въ интересахъ истины, я долженъ сознаться, что онъ красивъ. Нѣсколько длинная, не особенно тощая, а скорѣе тонкая фигура; продолговатая, узкая голова на длинной шеѣ; черты лица также продолговатыя, но совершенно правильныя, благородныя; славный, открытый лобъ; прямой, правильный носъ; прекрасный, свѣжій ротъ съ мягко округленными, просящими губами; маленькіе, голубоватые, странно безсодержательные, лишенные мысли, глаза въ формѣ маленькихъ треугольниковъ; темные волосы и свѣтлобѣлокурые бакенбарды, продолжающіяся подъ подбородкомъ и окружающіе какъ бы золотой рамкой румяно здоровое, цвѣтущее юношеское лицо. Въ очертаніяхъ этой фигуры мнѣ читается много залоговъ будущаго, но будущаго не слишкомъ радостнаго. Въ лучшемъ случаѣ этому молодому человѣку предстоитъ великое мученичество: онъ долженъ сдѣлаться королемъ. Если онъ многаго не понимаетъ умомъ, то повидимому, чувствуетъ инстинктомъ; животная природа, такъ сказать, плоть, охвачена, кажется, мрачнымъ предчувствіемъ, и потому въ его наружности проглядываетъ что-то меланхолическое. Въ мрачной задумчивости свѣшивается иногда его узкая, продолговатая голова съ длинной шеи. Походка сонливая и медлительная, какъ у человѣка, который все боится придти слишкомъ рано. Говоритъ онъ, растягивая слова, или отрывисто, короткими звуками, точно въ полуснѣ. Въ этомъ сказывается вышеупомянутая меланхолія, или, лучше сказать, меланхолическая печать будущаго. За всѣмъ тѣмъ въ его внѣшности есть что-то совсѣмъ буржуазно простое. Эта особенность, можетъ-быть, выступаетъ тѣмъ болѣе рельефно, что въ братѣ его, герцогѣ Немурскомъ, замѣчается какъ разъ обратное. Это красивый, очень умный юноша; стройный, но небольшого роста, въ высшей степени нѣжнаго сложенія; бѣлое, хорошенькое личико; умный, длинный взглядъ, нѣсколько бурбонски изогнутый носъ; въ общемъ изящный блондинъ, староаристократическаго вида. Это не высокомѣрныя черты какого-нибудь ганноверскаго дворянчика, но какая-то особенная аристократичность въ фигурѣ и въ манерахъ, которую можно встрѣтить только въ самомъ образованномъ высшемъ дворянствѣ. Такъ какъ люди этой породы съ каждымъ днемъ убываютъ, или вырождаются вслѣдствіе неравныхъ браковъ, то аристократическая внѣшность герцога Немурскаго очень бросается въ глаза. Однажды я слышалъ, какъ при видѣ его кто-то сказалъ: «Черезъ нѣсколько

лѣтъ это лицо будетъ возбуждать большую сенсацію въ Америкѣ».

VI.

Парижъ, 19 апрѣля 1832 г.

Не въ мастерскихъ различныхъ партій стану я заимствовать ихъ банальный масштабъ для оцѣнки людей и событій, а тѣмъ менѣе буду опредѣлять ихъ достоинство и величіе по смутнымъ личнымъ ощущеніямъ; постараюсь, насколько возможно безпристрастно, содѣйствовать пониманію настоящаго, и ключъ къ шумнымъ загадкамъ дня буду прежде всего искать въ прошедшемъ. Салоны лгутъ, могилы правдивы. Но—ахъ!—мертвые, говорящіе холоднымъ языкомъ исторіи, напрасно взываютъ къ шумящей толпѣ, понимающей только языкъ страстей.

Разумѣется, салоны лгутъ неумышленно. Здѣшняя правительственная сфера въ самомъ дѣлѣ воображаетъ, что ея власть будетъ продолжаться вѣчно, хотя и лѣтописи всемірной исторіи, и огненныя «мене-текель-фаресъ», и даже громкій голосъ народа на улицахъ должны бы служить имъ предостереженіемъ. Оппозиціонныя группы тоже въ сущности лгутъ неумышленно, онѣ твердо вѣрятъ, что побѣдятъ, какъ вообще люди всегда вѣрятъ въ то, чего желаютъ; они упиваются шампанскимъ ихъ собственныхъ надеждъ; всякую свою неудачу они объясняютъ, какъ неизбѣжный результатъ, только приближающій ихъ къ цѣли; наканунѣ окончательнаго паденія ихъ увѣренность сіяетъ наиболѣе ярко, и лицо, офиціально, отъ имени суда возвѣщающее имъ объ ихъ пораженіи, застаетъ ихъ обыкновенно спорящими, какъ раздѣлить между собой шкуру медвѣдя. Отсюда одностороннія заблужденія, отъ которыхъ не убережешься, если стоишь близко къ той или другой партіи; всякая изъ нихъ, не желая того, обманываетъ насъ, а мы охотнѣе всего вѣримъ нашимъ друзьямъ-единомышленникамъ. Если же мы настолько равнодушны по натурѣ, что поддерживаемъ постоянныя сношенія со всѣми партіями, не отдавая предпочтенія ни одной, то насъ сбиваетъ съ толку самонадѣянная увѣренность, присущая имъ всѣмъ, и наше сужденіе нейтрализуется самымъ печальнымъ образомъ. Есть и такіе индиферентисты, которые сами не имѣютъ никакого собственнаго мнѣнія, не принимаютъ участія въ интересахъ настоящаго времени, а только хотятъ вывѣдать, что собственно происходитъ, и поэтому

прислушиваются ко всему, что болтается въ разныхъ салонахъ, и собираютъ скандальную хронику всякой партіи со словъ партіи противной; съ такими индиферентистами часто случается, что они видятъ всюду только лица, а не вещи, или, лучше сказать, въ вещахъ усматриваютъ только лицъ, предсказываютъ гибель первымъ, потому что убѣдились въ несостоятельности послѣднихъ, и черезъ это вводятъ своихъ довѣрителей въ опаснѣйшія заблужденія и промахи.

Не могу не обратить здѣсь особеннаго вниманія читателя на несоотвѣтствіе, существующее нынѣ во Франціи между вещами (то-есть духовными и матеріальными интересами) и лицами (то-есть представителями этихъ интересовъ). Совершенно иначе было въ концѣ прошлаго столѣтія, когда люди стояли, какъ колонны, на высотѣ событій, такъ что въ исторіи революціи они образуютъ какъ бы героическій вѣкъ, и какъ таковой, теперь пользуются уваженіемъ и любовью нашей республиканской молодежи. Или не впадемъ ли мы въ этомъ отношеніи въ ту же ошибку, которую находимъ у г-жи Роланъ, горько жалующейся въ своихъ «Мемуарахъ», что между ея современниками нѣтъ ни одного выдающагося человѣка? Бѣдная женщина не знала, насколько сама она была велика, и потому не замѣчала, что ея современники были уже достаточно велики, если своимъ духовнымъ ростомъ были нисколько не ниже ея. Весь французскій народъ такъ сильно выросъ за это время, что мы, можетъ-быть, несправедливы къ его офиціальнымъ представителямъ, которые, хотя и не выдаются особенно изъ толпы, но тѣмъ не менѣе не могутъ назваться мелкими. Изъ-за лѣсу теперь деревьевъ не видать. Въ Германіи мы видимъ обратное—безчисленное количество кривыхъ зарослей и крошечныхъ елочекъ, между которыми кое-гдѣ возвышается дубъ-великанъ, уходящій въ облака головой, тогда какъ внизу его стволъ точатъ черви.

Нынѣшній день есть результатъ вчерашняго. Если мы хотимъ знать, чего хочетъ первый, то должны изслѣдовать, чего хотѣлъ послѣдній. Революція всегда одна и та же; не за хартію дрались во время великой недѣли, какъ стараются убѣдить насъ доктринеры, а за тѣ же революціонные интересы, въ жертву которымъ въ теченіе сорока лѣтъ приносится лучшая кровь французовъ. Но чтобы автора этихъ страницъ не приняли за одного изъ тѣхъ проповѣдниковъ, которые понимаютъ подъ революціей только пере-

воротъ, и снова переворотъ, и считаютъ случайныя явленія самой сущностью революцій, то я постараюсь какъ можно точнѣе установить это понятіе.

Когда умственное развитіе и вытекающіе отсюда нравы и потребности народа не согласуются болѣе со старыми государственными учрежденіями, то онъ неизбѣжно вступаетъ съ ними въ борьбу, которая имѣетъ результатомъ преобразованіе этихъ послѣднихъ и называется революціей. До тѣхъ поръ, пока революція не окончена, пока это преобразованіе учрежденій не будетъ вполнѣ соотвѣтствовать умственному развитію и порожденнымъ имъ нравамъ и потребностямъ народа—до тѣхъ поръ болѣзнь государства не вполнѣ излѣчена; правда, народъ, въ своемъ болѣзненномъ раздраженіи, будетъ по временамъ впадать въ апатичный покой изнеможенія, но затѣмъ снова, въ припадкѣ лихорадочнаго жара онъ начнетъ срывать самыя крѣпкія перевязки и самую благодатную корпію со старыхъ ранъ, начнетъ выбрасывать въ окна самыхъ благородныхъ сидѣлокъ и до тѣхъ поръ будетъ болѣзненно и безпокойно метаться изъ стороны въ сторону, пока, наконецъ, самъ собой не очутится среди соотвѣтственныхъ учрежденій. Вопросы, достигла ли теперь Франція спокойствія, или ей предстоятъ новыя государственныя перемѣны, и, наконецъ, чѣмъ все это разрѣшится—эти вопросы слѣдовало бы, собственно говоря, формулировать такъ: что побудило французовъ начать революцію, и достигли ли они того, что имъ было нужно? Чтобы облегчить отвѣтъ на этотъ вопросъ, я въ послѣдующихъ статьяхъ буду говорить о началѣ революціи. Такая работа имѣетъ двойную пользу, потому что, стараясь прошедшимъ объяснить настоящее, мы въ то же время усматриваемъ, что оно, прошедшее, въ свою очередь выясняется окончательно только настоящимъ и что каждый новый день бросаетъ на него новый свѣтъ, о которомъ наши составители руководствъ до сихъ поръ не имѣли никакого представленія. Они воображали, что лѣтопись исторіи революціи окончена, и уже изрекли окончательный приговоръ надъ людьми и событіями—какъ вдругъ загрохотали пушки великой недѣли, и геттингенскій факультетъ увидѣлъ, что на академическій приговоръ его членовъ подана апелляція въ высшую инстанцію, и что не только французская, спеціальная революція еще не кончена, но что тутъ только начало несравненно болѣе обширной всемірной революціи. Какъ должны были испугаться эти мирные люди, когда

однажды утромъ, высунувъ голову въ окно, увидѣли, что государственное зданіе рухнуло, а вмѣстѣ съ нимъ и всѣ ихъ учебники, и когда, несмотря на ночные колпаки, до слуха ихъ достигли звуки марсельскаго гимна. То обстоятельство, что трехцвѣтный флагъ развѣвался въ 1830 г. въ теченіе нѣсколькихъ дней на башняхъ Геттингена, было конечно школьнической выходкой, которую всемірная исторія позволила себѣ относительно высокоученаго филистерства Georgia Augusta. Въ наше черезчуръ серьезное время нужны иногда такія забавныя явленія.

Вотъ что я хотѣлъ сказать въ видѣ предисловія къ статьѣ, посвящаемой разъясненію прошлаго. Въ эту минуту настоящее важнѣе, и тема, которую оно предлагаетъ мнѣ на обсужденіе, такого рода, что отъ нея вообще зависитъ всякое дальнѣйшее писаніе.

(Отрывокъ статьи, о которой я здѣсь говорю, я помѣщу въ приложеніи. Въ одной изъ слѣдующихъ книгъ появится остальная ея часть, написанная позднѣе. Я не могъ спокойно отдаться этой работѣ, особенно мѣшали мнѣ ужасные крики моего сосѣда, умиравшаго отъ холеры. Вообще я долженъ замѣтить, что тогдашнія обстоятельства дурно отразились и на послѣдующихъ страницахъ; правда, я не помню, чтобы я ощущалъ отъ этого малѣйшую тревогу, но все-таки весьма непріятно, если слышишь постоянно явственный лязгъ косы смерти. Это ощущеніе, испытанное нестолько нравственно, сколько физически, и отъ котораго никакъ нельзя отдѣлаться, заставило бы меня такъ же, какъ и другихъ иностранцевъ, уѣхать отсюда, если бы не лежалъ здѣсь больнымъ мой лучшій другъ. Я упоминаю объ этомъ для того, чтобы мое рѣшеніе остаться въ Парижѣ не сочли за хвастливую храбрость. Только дураку могло доставить удовольствіе идти наперекоръ холерѣ. Это было время террора, несравненно болѣе страшнаго, чѣмъ прежній, потому что казни производились съ необычайной быстротой и таинственностью. Точно какой-то замаскированный палачъ ходилъ по Парижу съ невидимой guillotine ambulante. «Всѣхъ насъ, одного за другимъ, засунутъ въ мѣшокъ!»—говорилъ каждое утро со вздохомъ

мой слуга, докладывая мнѣ, сколько человѣкъ умерло, или что скончался какой-нибудь знакомый. Выраженіе «засунутъ въ мѣшокъ» не было вовсе фигуральнымъ оборотомъ рѣчи; вскорѣ не стало хватать гробовъ, и большею частью покойниковъ хоронили въ мѣшкахъ. На прошлой недѣлѣ я проходилъ мимо одного общественнаго зданія, и при видѣ веселой толпы, наполнявшей просторныя залы, этихъ оживленныхъ подвижныхъ французиковъ, хорошенькихъ болтушекъ-француженокъ, которыя, смѣясь и балагуря, дѣлали свои закупки, мнѣ невольно вспомнилось, что во время холеры здѣсь возвышались цѣлыя сотни высоко нагроможденныхъ другъ на друга бѣлыхъ мѣшковъ, въ которыхъ были исключительно покойники; въ ту пору здѣсь раздавались рѣдкіе, но тѣмъ болѣе зловѣщіе голоса—голоса сторожей съ ужасающимъ равнодушіемъ сдававшихъ по счету свои мѣшки могильщикамъ, которые въ свою очередь, нагружая ихъ на телѣги, глухо повторяли цифру, или пронзительно кричали, что имъ не додали одного мѣшка, при чемъ нерѣдко подымалась очень странная перебранка. Я помню двухъ маленькихъ мальчугановъ, стоявшихъ возлѣ меня съ опечаленными личиками, и изъ которыхъ одинъ спросилъ меня, не могу ли я указать ему, въ какомъ мѣшкѣ находится его отецъ.

Нижеслѣдующее изложеніе представляетъ, можетъ-быть, то достоинство, что является чѣмъ-то въ родѣ бюллетеня, писаннаго на самомъ полѣ битвы и въ самомъ пылу сраженія, а потому вѣрно передающаго колоритъ минуты. Историкъ Фукидидъ и новеллистъ Боккачіо, конечно, оставили намъ лучшія описанія такого рода, однако, я сомнѣваюсь, хватило ли бы у нихъ достаточно спокойствія духа, чтобы въ то самое время, какъ холера яростно свирѣпствовала вокругъ нихъ, такъ же красиво и мастерски описывать ее тутъ же, въ бѣглой корреспонденціи для какой-нибудь «Всеобщей Газеты» Коринфа или Пизы.

Въ послѣдующихъ страницахъ я буду вѣренъ одному основному правилу, котораго придержи-

ваюсь и во всей этой книгѣ, а именно, ничего не измѣнять въ этихъ статьяхъ, перепечатывать ихъ совершенно въ томъ видѣ, какъ онѣ были первоначально написаны, только кое-гдѣ вставляя или вычеркивая какое-нибудь слово, если по моимъ воспоминаніямъ это соотвѣтствуетъ первоначальной рукописи. Отъ такихъ маленькихъ поправокъ по памяти я не могу воздержаться, но онѣ очень рѣдки, очень незначительны и никогда не касаются дѣйствительныхъ ошибокъ, ложныхъ предсказаній и превратныхъ воззрѣній, въ которыхъ здѣсь не должно быть недостатка, такъ какъ они составляютъ принадлежность исторіи эпохи. Сами событія являются всегда лучшей поправкой).

Я говорю о холерѣ, которая теперь господствуетъ здѣсь и, не обращая вниманія ни на положеніе въ свѣтѣ, ни на образъ мыслей, тысячами уноситъ свои жертвы.

Къ этой заразѣ, до ея прихода сюда, относились тѣмъ беззаботнѣе, что по извѣстіямъ изъ Лондона число тамошнихъ жертвъ было относительно невелико. Сначала даже старались надъ нѣй какъ будто подсмѣиваться, и говорили, что холера, подобно всѣмъ другимъ большимъ знаменитостямъ, не въ состояніи будетъ поддержать здѣсь свою репутацію. Поэтому нельзя быть на эту добрую холеру въ претензіи за то, что она, боясь очутиться въ смѣшномъ положеніи, схватилась за средство, испытанное уже Робеспьеромъ и Наполеономъ, а именно, стала, чтобы внушить почтеніе къ себѣ, косить народъ. При той огромной нищетѣ, которая царствуетъ здѣсь, при колоссальной нечистоплотности, встрѣчающейся не исключительно среди бѣднѣйшихъ классовъ населенія, при воспріимчивости народа вообще ко всему, при его безграничномъ легкомысліи, при полномъ отсутствіи всякихъ приготовленій и мѣръ предосторожности, холера должна была произвести здѣсь болѣе быстрыя и болѣе страшныя опустошенія, чѣмъ гдѣ-либо. Ея появленіе было офиціально объявлено 29-го марта, а такъ какъ это былъ день Mi-carême и погода стояла солнечная и пріятная, то парижане тѣмъ веселѣе кишѣли на бульварахъ, и кое-гдѣ даже появлялись маски, изображавшія въ карикатурномъ видѣ блѣдныя, искаженныя холерой лица, издѣвавшіяся надъ самой болѣзнью. Вечеромъ этого дня маскарады были многолюднѣе, чѣмъ когда-либо;

дерзкій смѣхъ почти заглушалъ самую громкую музыку, публика горячилась, танцуя chahut—танецъ совсѣмъ недвусмысленный, при этомъ глотала всякія мороженыя и разные холодные напитки,—какъ вдругъ самый веселый арлекинъ ощутилъ слишкомъ чувствительный холодъ въ ногахъ и, снявъ маску, ко всеобщему удивленію обнаружилъ фіолетово-синее лицо. Вскорѣ увидѣли, что это не шутка, и смѣхъ замолкъ, и нѣсколько фургоновъ, наполненныхъ людьми, было отправлено прямо съ маскарада въ Hôtel Dieu, центральный госпиталь, гдѣ сейчасъ же по прибытіи всѣ они, какъ были въ своихъ причудливыхъ маскарадныхъ костюмахъ, такъ и умерли. Такъ какъ въ первую минуту и слуги думали, что это заразительно, и такъ какъ прежніе жители Hôtel Dieu въ ужасѣ подняли неистовый вопль, то этихъ покойниковъ, говорятъ, такъ поторопились похоронить, что даже не сняли съ нихъ ихъ пестрыхъ шутовскихъ нарядовъ, и теперь они лежатъ въ могилѣ такіе же веселые, какими жили на землѣ.

Ничто не можетъ сравниться съ той сумятицей, которая поднялась теперь при принятіи мѣръ безопасности. Образовалась commission sanitaire, всюду были учреждены bureaux de secours, и распоряженія касательно salubrité publique должны были немедленно приводиться въ исполненіе. Тутъ прежде всего столкнулись съ интересами нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, смотрѣвшихъ на общественную грязь, какъ на свою собственность. Это такъ-называемые тряпичники, извлекающіе средства для своего существованія изъ тѣхъ грудъ мусора, которыя накапливаются за день въ грязныхъ закоулкахъ около домовъ. Съ большой остроконечной корзиной за спиной и съ крючковатой палкой въ рукахъ бродятъ эти люди, эти блѣдныя, выпачканныя фигуры, по улицамъ и умудряются вытаскивать изъ мусора и продавать разныя разности, еще годныя для употребленія. Когда же полиція отдала очистку улицъ на подрядъ для того, чтобы грязь не залеживалась на нихъ слишкомъ долго, и когда мусоръ, нагруженный на телѣги, стали непосредственно вывозить за городъ, въ открытое поле, гдѣ тряпичникамъ было предоставлено копаться въ немъ, сколько ихъ душѣ угодно, тогда со стороны этихъ людей начались жалобы, что они, если не оставлены совсѣмъ безъ куска хлѣба, то во всякомъ случаѣ, стѣснены въ своемъ ремеслѣ, что это ремесло есть купленное годами право ихъ, какъ бы ихъ собственность, которая не можетъ быть отнята у нихъ

по произволу. Любопытно, что доказательства, которыя они приводили въ свою пользу, совершенно тѣ же, что приводятъ обыкновенно наши помѣстные дворяне, цеховые, гильдейскіе мастера, проповѣдники десятиннаго налога, члены факультета и прочіе привилегированные господа, когда дѣлаются попытки уничтожить старыя злоупотребленія, изъ которыхъ они извлекаютъ для себя пользу, убрать, наконецъ, этотъ средневѣковый мусоръ, чтобы застарѣлая плѣсень своими испареніями не заражала нашей теперешней жизни. Видя, что ихъ протестъ ни къ чему не ведетъ, тряпичники рѣшились силой воспротивиться реформѣ очистки города; они попробовали устроить маленькую контръ-революцію, и притомъ въ союзѣ со старыми торговками, такъ-называемыми revendeuses, которымъ было запрещено выставлять на продажу вдоль набережныхъ свой вонючій товаръ, скупаемый ими большею частью у тряпичниковъ. Тутъ мы увидимъ самое отвратительное возстаніе; новыя телѣги для очистки были разломаны и сброшены въ Сену, тряпичники окружили себя баррикадами около Porte St. Denis, старыя торговки, вооруженныя своими огромными дождевыми зонтами, дрались на площади Шатле. Забили тревогу; Казимиръ Перье вызвалъ барабаннымъ боемъ своихъ мирмидоновъ изъ ихъ лавокъ; тронъ буржуазной монархій задрожалъ; рента упала; карлисты возликовали. Они нашли, наконецъ, своихъ естественныхъ союзниковъ-тряпичниковъ и старыхъ торговокъ, которые теперь выступили во имя тѣхъ же принциповъ, какъ поборники старыхъ обычаевъ, традиціонныхъ наслѣдственныхъ мусорныхъ интересовъ, всякаго рода гнили.

Когда возмущеніе тряпичниковъ было подавлено вооруженной силой, а холера свирѣпствовала все еще не настолько сильно, какъ бы того желали нѣкоторые люди, которые при всякомъ народномъ бѣдствіи и всякомъ народномъ волненіи надѣются если не на торжество своего собственнаго дѣла, то, по крайней мѣрѣ, на паденіе нынѣшняго правительства,—вдругъ распространился слухъ, будто всѣ эти люди, предаваемые землѣ съ такой поспѣшностью, умираютъ не отъ болѣзни, а отъ яду. Ядъ, такъ увѣряла молва, сумѣли подмѣшивать во всѣ жизненные припасы, на рынкахъ овощей, у булочниковъ, у мясниковъ, у виноторговцевъ. Чѣмъ невѣроятнѣе были разсказы, тѣмъ съ большею жадностью подхватывалъ ихъ народъ, а когда появилось увѣдомленіе префекта полиціи, то даже покачи-

вавшіе головами скептики принуждены были повѣрить имъ. Полиція, которая здѣсь, какъ и всюду, заботится не столько о томъ, чтобы пресѣкать преступленія, сколько о томъ, чтобы показывать, что она знаетъ о нихъ, захотѣла ли она похвастать своимъ всевѣдѣніемъ, или рѣшила, что вѣрны ли, или ложны эти слухи объ отравленіи, важно, во всякомъ случаѣ, отклонить всякое подозрѣніе отъ правительства,—какъ бы то ни было, но благодаря ея злополучному объявленію, въ которомъ она категорически говорила, что напала на слѣдъ отравителей, эти злостные слухи были офиціально подтвержены, и весь Парижъ былъ объятъ самымъ паническимъ страхомъ смерти.

«Это неслыханно!» — кричали старики, которые даже въ самыя мрачныя эпохи революціи не слыхивали о такихъ преступленіяхъ. «Французы, мы обезчещены!»—восклицали мужчины и хлопали себя по лбу. Женщины, въ испугѣ прижимая къ груди своихъ маленькихъ дѣтей, горько плакали и жаловались, что эти невинныя малютки умирали у нихъ на рукахъ, бѣдный людъ не смѣлъ ни ѣсть, ни пить и ломалъ руки отъ горя и бѣшенства. Казалось, будто міръ погибаетъ. Главнымъ образомъ народъ собирался въ группы и совѣщался на тѣхъ углахъ улицъ, гдѣ стоятъ выкрашенныя въ красный цвѣтъ винныя лавки, и здѣсь же большею частью обыскивали людей, возбуждавшихъ подозрѣніе, и горе имъ, если въ ихъ карманахъ находили что-нибудь подозрительное! Какъ дикіе звѣри, какъ одержимые бѣшенствомъ, набрасывался на нихъ народъ. Очень многихъ спасло присутствіе духа; многіе избѣгли опасности, благодаря рѣшительному вмѣшательству городской стражи, которая въ этотъ день ходила по всему городу отдѣльными патрулями; немало было тяжело раненыхъ и изувѣченныхъ; шесть человѣкъ было убито самымъ безчеловѣчнымъ образомъ. Нѣтъ ничего отвратительнѣе зрѣлища подобной народной ярости, когда толпа жаждетъ крови и умерщвляетъ своихъ беззащитныхъ жертвъ. По улицамъ катится въ это время темное море людей, въ которомъ тамъ и сямъ бѣлѣются, какъ пѣнящіеся гребни волнъ, рубашки мастеровыхъ, и все это воетъ и бушуетъ, безпощадное, языческое, демоническое. Близъ улицы St. Denis я услышалъ старый пресловутый крикъ «A la lanterne!» и нѣсколько голосовъ съ яростью сообщили мнѣ, что тамъ вѣшаютъ отравителя. Одни говорили, что это карлистъ, что въ его карманѣ была найдена бумага, brevet du lis; другіе увѣряли, что это свя-

щенникъ. На улицѣ Вожираръ убили двухъ человѣкъ, у которыхъ нашли какой-то бѣлый порошокъ, я видѣлъ одного изъ этихъ несчастныхъ, когда онъ еще немного хрипѣлъ, и стоявшія тутъ старухи, снявъ свои деревянные башмаки, принялись колотить его по головѣ, пока онъ не умеръ. Онъ былъ совсѣмъ нагой, весь окровавленный и растерзанный; съ него сорвали не только одежду, но вырвали даже волосы, дѣтородныя части, губы и носъ, а какой-то остервенѣлый человѣкъ обвязалъ веревкой ноги трупа и потащилъ его по улицамъ, выкрикивая поминутно: «Voilà le choléra-morbus!» Тутъ же стояла женщина удивительной красоты, съ блѣднымъ отъ злобы лицомъ, съ обнаженной грудью и покрытыми кровью руками, и когда трупъ поровнялся съ ней, она дала ему пинка ногой. Потомъ она засмѣялась и попросила меня дать ей нѣсколько франковъ за ея нѣжное ремесло, чтобы она могла купить себѣ черное траурное платье, такъ какъ нѣсколько часовъ тому назадъ ея мать умерла отъ отравы.

На другой день оказалось изъ газетъ, что несчастные, которыхъ умертвили съ такой жестокостью, были ни въ чемъ не виноваты, что найденные у нихъ подозрительные порошки состояли изъ камфоры или хлора или другихъ тому подобныхъ средствъ противъ холеры, и что всѣ мнимо отравленные умерли совершенно естественной смертью отъ свирѣпствующей эпидеміи. Здѣшній народъ, который, какъ и всюду народъ, быстро воспламеняется и подъ вліяніемъ разгорѣвшихся страстей способенъ на всякія звѣрства, однако такъ же быстро, внявъ голосу благоразумія, переходитъ къ состраданію и съ трогательнымъ сокрушеніемъ раскаивается въ своихъ злодѣяніяхъ. Такимъ голосомъ благоразумія старались газеты на слѣдующее же утро успокоить и усмирить народъ, и то обстоятельство, что имъ удалось такъ скоро прекратить учиненное полиціей бѣдствіе, слѣдуетъ отмѣтить, какъ торжество прессы. Не могу не высказать здѣсь порицанія нѣкоторымъ людямъ, которые, хотя и не принадлежали къ низшимъ классамъ, тѣмъ не менѣе настолько поддались своему озлобленію, что открыто обвиняли карлистскую партію въ отравленіи народа. Такъ далеко страсть никогда не должна завлекать насъ; право, я бы сильно призадумался, прежде чѣмъ рѣшился бы взвести такое отвратительное обвиненіе на моего злѣйшаго врага. Совершенно справедливы были жалобы карлистовъ по этому поводу. Одно только могло бы возбудить во мнѣ подозрѣніе—

слишкомъ ужъ они громко и сильно бранились; не таковъ обыкновенно языкъ невинности. Но по свидѣтельству лицъ, хорошо освѣдомленныхъ въ этомъ дѣлѣ, отравленія тутъ не было никакого. Можетъ-быть, были попытки мнимаго отравленія, можетъ-быть, дѣйствительно было подкуплено нѣсколько негодяевъ, которые посыпали жизненные продукты какими-нибудь безвредными порошками, чтобы волновать народъ и подстрекать его къ мятежу; если это правда, то нельзя ставить народу въ большую вину его безчинства, тѣмъ болѣе что возникли они не изъ какой-либо личной ненависти, а «въ интересахъ общаго блага, совершенно согласно съ принципами теоріи устрашенія». Да, карлисты попали, можетъ-быть, въ ту яму, которую они вырыли правительству; не правительство, а еще менѣе республиканцевъ, обвиняла общая молва въ отравленіи, а ту партію, которая всегда терпѣла пораженіе въ открытомъ бою, затѣмъ всегда подымалась снова всякими подлыми средствами, постоянно достигала благополучія и власти цѣною несчастья Франціи, и теперь, лишенная поддержки иноземныхъ войскъ, легко могла прибѣгнуть къ помощи обыкновеннаго яда. Въ этихъ приблизительно выраженіяхъ высказался «Constitutionnel».

Что касается моего личнаго мнѣнія, вынесеннаго въ этотъ день, ознаменованный вышеописанными убійствами, то я убѣдился, что никогда больше власть старшихъ Бурбоновъ не будетъ процвѣтать во Франціи. Въ различныхъ группахъ я слышалъ въ тотъ день въ высшей степени знаменательныя слова; я глубоко заглянулъ въ сердце народа; онъ знаетъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло.

Съ тѣхъ поръ здѣсь все спокойно, l'ordre règne à Paris, сказалъ бы Горацій Себастіани. Мертвая тишина воцарилась во всемъ Парижѣ. Каменная серьезность лежитъ на всѣхъ лицахъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ вечеровъ даже на бульварахъ было видно мало людей, да и тѣ торопливо проходили мимо другъ друга, закрывая ротъ рукой или платкомъ. Театры точно вымерли. Когда я вхожу въ какую-нибудь гостиную, на меня смотрятъ съ удивленіемъ, какъ это я все еще остаюсь въ Парижѣ, не будучи связанъ никакими нужными дѣлами. Большинство иностранцевъ, особенно мои соотечественники, сейчасъ же выѣхали. Послушные родители получали отъ своихъ дѣтей приказаніе немедленно возвратиться домой. Богобоязненные сыновья тотчасъ же исполняли нѣжную просьбу своихъ дражайшихъ

родителей, желавшихъ ихъ возвращенія на родину; чти отца твоего и матерь твою, да долголѣтенъ будеши на землѣ! У другихъ внезапно проснулась безпредѣльная тоска по дорогой родинѣ, по романтическимъ берегамъ почтеннаго Рейна, по возлюбленнымъ горамъ, по блаженной Швабіи, странѣ благочестивой любви, женской вѣрности, задушевныхъ пѣсенъ и болѣе здороваго воздуха. Говорятъ, въ Hôtel de Ville выдано за этотъ промежутокъ времени болѣе 120.000 паспортовъ. Хотя холера видимо бросилась прежде всего на бѣднѣйшій классъ народа, тѣмъ не менѣе богатые сейчасъ же пустились въ бѣгство. Нѣкоторыхъ parvenus нельзя и судить очень строго за то, что они бѣжали: они, вѣрно, подумали, что холера, пришедшая къ намъ издалека, изъ Азіи, не знаетъ вѣдь, что въ послѣднее время мы заработали на биржѣ много денегъ, пожалуй, будетъ продолжать принимать насъ за бѣдныхъ оборванцевъ и загонитъ въ могилу. Г. Агуадо, одинъ изъ богатѣйшихъ банкировъ и кавалеръ Почетнаго Легіона, былъ фельдмаршаломъ въ этомъ великомъ отступленіи. Говорятъ, этотъ кавалеръ, обезумѣвъ отъ страха, безпрестанно высовывалъ голову въ окно кареты, и своего синяго лакея, стоявшаго на запяткахъ, принималъ за воплощенную смерть, за холеру-морбусъ.

Народъ горько роптал, видя, что богатые убѣгали и, окруженные докторами и аптеками, спасались въ болѣе здоровыя мѣстности. Съ негодованіемъ видѣли бѣдняки, что деньги сдѣлались средствомъ защиты даже противъ смерти. Большая часть сановниковъ juste-milieu и haute finance тоже покинули городъ и съ тѣхъ поръ живутъ въ своихъ замкахъ. Однако, самые настоящіе представители богатства, господа Ротшильды, спокойно остались въ Парижѣ, доказывая этимъ, что не въ однихъ только денежныхъ дѣлахъ они дѣйствуютъ грандіозно и смѣло. Казимиръ Перье тоже выказалъ грандіозность и смѣлость тѣмъ, что посѣтилъ послѣ появленія холеры госпиталь Hôtel Dieu; даже враговъ его должно было смутить извѣстіе, что вслѣдствіе этого посѣщенія онъ самъ, при его извѣстной воспріимчивости, заболѣлъ холерой, но она не одолѣла его, потому что самъ онъ еще худшая болѣзнь. И наслѣдный принцъ, герцогъ Орлеанскій, посѣтившій госпиталь въ сопровожденіи Перье, тоже заслуживаетъ полнѣйшаго одобренія. Вообще вся королевская фамилія выказала себя въ это безотрадное время съ самой похвальной стороны. Когда появилась холера, добрая королева собрала своихъ друзей и слугъ и одѣлила ихъ всѣхъ

фланелевыми бинтами, изготовленными большею частью ею самой. Старинные рыцарскіе нравы не исчезли, они только обуржуазились; знатныя дамы снабжаютъ теперь своихъ бойцовъ менѣе поэтичными, зато болѣе здоровыми перевязями. Вѣдь мы живемъ уже не въ старыя времена шлема и панцыря воинственнаго рыцарства, а въ мирный буржуазный періодъ теплыхъ бинтовъ и фуфаекъ; мы живемъ уже не въ желѣзномъ вѣкѣ, а въ фланелевомъ. Фланель дѣйствительно является теперь лучшимъ панцыремъ противъ ударовъ опаснѣйшаго врага, противъ холеры. «По нынѣшнимъ временамъ,—говоритъ «Фигаро»:—Венера носила бы фланелевый поясъ. Я самъ закутанъ въ фланель по шею и, благодаря этому, считаю себя застрахованнымъ отъ холеры». Король тоже носитъ теперь на желудкѣ бинтъ изъ самой лучшей мѣщанской фланели.

Не могу не упомянуть, что онъ, этотъ король-буржуа, во время общаго бѣдствія роздалъ много денегъ бѣднымъ гражданамъ и велъ себя съ участіемъ и благородствомъ истиннаго гражданина. Кстати ужъ долженъ я похвалить и архіепископа парижскаго, который тоже ѣздилъ въ Hôtel Dieu утѣшать больныхъ послѣ того, какъ тамъ побывали Перье съ наслѣднымъ принцемъ. Онъ уже давно предсказывалъ, что Богъ пошлетъ холеру, чтобы покарать народъ, «изгнавшій самаго христіаннѣйшаго короля и уничтожившій въ въ хартіи привилегіи католической религіи». Теперь, когда гнѣвъ Божій обрушился на грѣшниковъ, г-нъ де-Келенъ будетъ возносить молитвы къ небесамъ и вымаливать помилованіе, по крайней мѣрѣ для невинныхъ, такъ какъ умираетъ также много карлистовъ. Кромѣ того, г. де-Келенъ, архіепископъ, предложилъ свой замокъ Конфланъ для устройства въ немъ госпиталя. Но правительство отклонило это предложеніе, потому что замокъ этотъ находится въ запущенномъ и разоренномъ состояніи, и поправка его стоила бы слишкомъ дорого. Къ тому же архіепископъ требовалъ, чтобы ему предоставили въ этомъ госпиталѣ полную свободу дѣйствій. Нельзя же было, однако, бѣдныхъ больныхъ, и безъ того уже страдавшихъ отъ ужаснаго тѣлеснаго недуга, подвергать еще нравственнымъ мукамъ душеспасительныхъ наставленій, которыя имѣли въ виду архіепископъ и его помощникъ изъ духовенства; поэтому предпочли, чтобы закоснѣлые революціонеры-грѣшники умирали ужъ лучше просто отъ холеры, безъ всякихъ напоминаній о вѣчной погибели и адскихъ мученіяхъ... Хотя и утверждаютъ, что католи-

цизмъ подходящая религія для такого злополучнаго времени, какъ нынѣшнее, французы все-таки не хотятъ больше подчиняться ей, изъ боязни, что въ такомъ случаѣ имъ придется удержать эту религію болѣзни и въ болѣе счастливые дни.

Въ настоящее время среди народа ходитъ много переодѣтыхъ католическихъ священниковъ, которые увѣряютъ, что священныя четки спасаютъ отъ холеры. Сенъ-симонисты выставляютъ, какъ одно изъ преимуществъ своего ученія, то, что ни одинъ сенъ-симонистъ не можетъ умереть отъ господствующей нынѣ болѣзни; ибо, такъ какъ прогрессъ есть законъ природы, а соціальный прогрессъ заключается въ сенъ-симонизмѣ, то до тѣхъ поръ, пока число его приверженцевъ еще недостаточно, ни единый изъ нихъ не можетъ умереть. Бонапартисты утверждаютъ, что какъ только почувствуешь въ себѣ первые признаки холеры, надо сейчасъ же посмотрѣть на Вандомскую колонну и тогда останешься живъ. Такимъ образомъ, у всякаго въ эту минуту испытанія своя вѣра. Что касается меня, то я вѣрю въ фланель. Хорошая діэта тоже не можетъ повредить, только не слѣдуетъ опять-таки слишкомъ мало ѣсть, какъ дѣлаютъ нѣкоторые люди, которые особенно по ночамъ принимаютъ боли въ желудкѣ отъ голода за холеру. Забавно смотрѣть, съ какой трусостью люди садятся теперь за столъ, съ какимъ недовѣріемъ они осматриваютъ самыя невинныя кушанья и съ какими глубокими вздохами проглатываютъ лучшіе куски. Доктора сказали имъ, что не надо ничего бояться и слѣдуетъ избѣгать всякаго раздраженія; ну, они и боятся какъ-нибудь нечаянно раздражиться, и раздражаются оттого, что боятся этого. Они теперь сама любовь, часто употребляютъ слова mon Dieu, и голосъ ихъ сдѣлался чуть слышенъ и мягокъ, какъ у родильницы. При этомъ отъ нихъ идетъ запахъ, точно изъ амбулаторной аптеки, они часто щупаютъ себѣ животъ и съ трепетомъ во взорахъ справляются каждый часъ о числѣ умершихъ. То обстоятельство, что это число никогда не было извѣстно съ точностью, или, вѣрнѣе сказать, то, что всѣ были убѣждены въ невѣрности офиціальной цифры, наполняло умы смутнымъ страхомъ и усиливало панику до невообразимыхъ размѣровъ. Дѣйствительно, газеты послѣ того признались, что въ одинъ день, а именно десятаго апрѣля, умерло до двухъ тысячъ человѣкъ. Народъ не поддавался офиціальному обману и постоянно жаловался, что умираетъ больше людей, чѣмъ сколько показываютъ. Мой цырюльникъ раз-

сказывалъ мнѣ, что одна старуха въ Монмартрскомъ предместьѣ просидѣла цѣлую ночь у окна, считая покойниковъ, которыхъ проносили мимо нея; она насчитала ихъ триста, послѣ чего, когда стало свѣтать, сама почувствовала ознобъ и судороги холеры и вскорѣ скончалась. Куда бы ни посмотрѣлъ на улицѣ, всюду были видны похоронныя процессіи, или—зрѣлище еще болѣе грустное—дроги съ покойникомъ, за которыми не шелъ никто. Такъ какъ имѣвшихся на-лицо дрогъ было недостаточно, то приходилось пользоваться всякими другими экипажами; обтянутые чернымъ сукномъ, они имѣли довольно причудливый видъ. Подъ конецъ и ихъ не хватило, и я видѣлъ, какъ гробы перевозили въ извозчичьихъ фіакрахъ; ихъ ставили въ середину, такъ что изъ растворенныхъ дверецъ съ обѣихъ сторонъ торчали оба конца. Отвратительное зрѣлище представляли огромныя повозки, употребляемыя для перевозки мебели, и теперь разъѣзжавшія подобно какимъ-то дилижансамъ мертвецовъ, omnibus mortuis, забирая на разныхъ улицахъ гробы и отвозя ихъ дюжинами на мѣсто упокоенія.

Но самая безотрадная картина открывалась около кладбища, гдѣ съѣзжались различныя похоронныя процессіи. Я вздумалъ какъ-то навѣстить одного моего хорошаго знакомаго, и такъ какъ попалъ къ нему какъ разъ въ то время, когда его тѣло ставили на дроги, то мнѣ пришла въ голову мрачная фантазія отплатить ему за честь, которую онъ когда-то оказалъ мнѣ, и я взялъ карету и проводилъ его до Пэръ-Лашеза. Здѣсь, передъ самимъ кладбищемъ, мой кучеръ вдругъ остановился, и когда я, очнувшись отъ своихъ грёзъ, оглянулся кругомъ, то увидѣлъ одни лишь гробы да небо. Я очутился между нѣсколькихъ сотенъ дрогъ съ покойниками, которыя образовали какъ бы «хвостъ» передъ узкими кладбищенскими воротами, и среди этой обстановки, не имѣя возможности выбраться, я долженъ былъ провести нѣсколько часовъ. Отъ скуки я освѣдомился у кучера объ имени моего сосѣда-покойника, и—печальное совпаденіе!—онъ назвалъ мнѣ одну молодую женщину, съ которой нѣсколько мѣсяцевъ назадъ я столкнулся подобнымъ же образомъ, ѣдучи на балъ къ Луантье, когда такъ же, какъ теперь, ея карета должна была нѣкоторое время простоять рядомъ съ моей; только тогда молодая женщина часто высовывала изъ окна свою нетерпѣливую, украшенную цвѣтами головку и оживленное, точно освѣщенное луной личико, и выражала прелестнѣйшее неудовольствіе на это проме-

дленіе. Теперь она лежала очень спокойно и, можетъ-быть, была совсѣмъ синяя. По временамъ, однако, когда запряженныя въ дроги траурныя лошади вздрагивали и дѣлали безпокойное движеніе, мнѣ чудилось, будто сами покойники приходятъ въ нетерпѣніе, будто они устали ждать, будто имъ хочется поскорѣе лечь въ могилу; и когда тутъ же, при въѣздѣ въ кладбищенскія ворота, какой-то кучеръ вздумалъ обогнать другого, и весь поѣздъ пришелъ въ безпорядокъ, жандармы съ саблями на-голо вмѣшались въ толпу, то тамъ, то сямъ стали раздаваться крики и ругань, нѣкоторыя дроги опрокинулись, гробы раскрылись, покойники показались наружу, — мнѣ почудилось, что я вижу передъ собой самое ужасное изъ всѣхъ возстаній — возстаніе мертвецовъ.

Щадя нервы моихъ читателей, я не стану разсказывать все, что я видѣлъ на Пэръ-Лашезѣ. Довольно сказать, что я, человѣкъ закаленный, не могъ подавить въ себѣ глубочайшаго ужаса. Можно узнать умираніе у постелей умирающихъ и затѣмъ съ яснымъ спокойствіемъ ожидать смерти; но привыкнуть къ мысли быть погребеннымъ среди холерныхъ труповъ, въ обсыпанныхъ известью могилахъ—невозможно. Я постарался какъ можно скорѣе добраться до самаго высокаго пригорка на кладбищѣ, откуда открывается такой красивый видъ на весь городъ. Солнце только-что зашло, его послѣдніе лучи, казалось, грустно прощались съ землей, туманъ сумерекъ окутывалъ точно бѣлой простыней больной Парижъ, и я горько плакалъ надъ несчастнымъ городомъ, городомъ свободы, энтузіазма и мученичества, который такъ много уже выстрадалъ за освобожденіе человѣчества!

VII.

Парижъ, 12 мая 1832.

Историческіе очерки прошлаго, обѣщанные мною въ предыдущей статьѣ, должны быть отсрочены. Настоящее въ этотъ промежутокъ времени заявило себя такъ рѣзко, что нельзя было много заниматься прошлымъ. Великое всеобщее бѣдствіе—холера, затихаетъ, правда, понемногу, но оно оставляетъ за собой много горя и тревогъ. Солнце, правда, опять весело сіяетъ, люди опять весело идутъ гулять, и болтаютъ, и смѣются; но множество черныхъ траурныхъ одеждъ, встрѣчаемыхъ всюду, не позволяютъ ощущать въ душѣ истинно радостнаго чувства. Какая-то болѣзненная

скорбь царитъ во всемъ народѣ, какъ у людей, вынесшихъ тяжелую болѣзнь. Не только на правительствѣ, но даже и на оппозиціи лежитъ какая-то почти сентиментальная усталость. Воодушевленіе ненависти угасаетъ, сердца притупились, мысли въ мозгу поблѣднѣли, всѣ смотрятъ другъ на друга съ добродушнымъ позѣвываніемъ, люди не озлоблены больше одинъ на другого, всѣ сдѣлались сговорчивыми, любящими, примиренными, христіански настроенными; нѣмецкіе піанисты могли бы теперь дѣлать здѣсь хорошія дѣла.

Прежде почему-то воображали, что все положеніе вещей сразу измѣнится, какъ только Казимиръ Перье перестанетъ руководить дѣлами. Но, повидимому, зло сдѣлалось съ тѣхъ поръ неизлѣчимымъ; даже смерть Перье не даетъ возможности государству выздоровѣть.

Что Перье сраженъ холерой, міровымъ бѣдствіемъ, противъ котораго нельзя бороться ни умомъ, ни силой — это должно опечалить даже его самыхъ непримиримыхъ противниковъ. Общій врагъ насильно вступилъ съ ними въ союзъ, а съ этой стороны даже самая дѣйствительная помощь не можетъ быть особенно пріятна. Перье, напротивъ того, пріобрѣлъ черезъ это расположеніе массы, которая вдругъ убѣдилась, что онъ былъ великій человѣкъ. Теперь, когда его приходится замѣнять другими, это величіе сдѣлалось особенно замѣтно. Если онъ и не могъ натянуть лукъ Одиссея, то все же, въ случаѣ нужды, понатужившись изо всѣхъ силъ, можетъ-быть, и достигъ бы цѣли. По крайней мѣрѣ теперь его друзья могутъ хвастать, что не вмѣшайся въ дѣло холера, онъ осуществилъ бы всѣ свои намѣренія. Но что же станется съ Франціей? Да, Франція подобна той ожидающей своего мужа Пенелопѣ, которая цѣлый день ткетъ, и каждый день распускаетъ свою работу, чтобы только выиграть время до возвращенія того человѣка, который нуженъ. Кто этотъ человѣкъ? Не знаю. Но знаю, что онъ сумѣетъ натянуть огромный лукъ, онъ отобьетъ у наглыхъ жениховъ охоту пировать, онъ угоститъ ихъ смертоносными стрѣлами, онъ перевѣшаетъ доктринерствующихъ служанокъ, которыя были со всѣми ими въ связи, онъ очиститъ домъ отъ всей этой неурядицы и съ помощью мудрой богини заведетъ лучшій порядокъ. Наше теперешнее положеніе, когда царитъ слабость, вполнѣ сходно съ періодомъ директоріи, и намъ придется также пережить свое 18-е брюмера, и внезапно явится нужный человѣкъ среди

поблѣднѣвшихъ властителей, и объявить имъ, что царству ихъ пришелъ конецъ. Тогда начнутъ кричать о нарушеніи конституціи, какъ нѣкогда кричали въ совѣтѣ старѣйшихъ, когда тоже явился нужный человѣкъ, очистившій домъ. Но какъ онъ, возмущенный, воскликнулъ: «Конституція! И вы еще смѣете ссылаться на конституцію, вы, которые сами нарушили ее 18-го фруктидора, нарушили 22-го флореаля, нарушили 30-го преріаля!» — такъ и теперь нужный человѣкъ сумѣетъ назвать тѣ дни и числа, когда министерства juste-milieu нарушали конституцію.

Какъ мало проникла конституція въ образъ мыслей не только правительства, но и народа, это обнаруживается здѣсь всякій разъ, когда подымаются важнѣйшіе конституціонные вопросы. Оба, и народъ, и правительство, стараются истолковать конституцію и воспользоваться ею сообразно со своими личными чувствами. Народъ въ этомъ случаѣ сбиваютъ съ толку его публицисты и ораторы, которые или по невѣжеству, или изъ партійнаго духа, пытаются извратить понятія; правительство же сбиваетъ та фракція аристократіи, которая, держа его сторону изъ личныхъ своихъ интересовъ, составляетъ теперешній дворъ и по сей день, такъ же, какъ во время реставраціи, смотритъ на представительный образъ правленія, какъ на новѣйшее суевѣріе, за которое народъ, однако, крѣпко стоитъ, котораго у него и не слѣдуетъ отнимать силой, но которое можно сдѣлать совершенно безвреднымъ, если, сохраняя новыя названія и новыя формы, подсунуть въ нихъ прежнихъ людей и прежнія желанія такъ, чтобы масса этого не замѣтила. По понятіямъ такихъ господъ, величайшій министръ тотъ, который умѣетъ съ помощью новыхъ конституціонныхъ формулъ достигать тѣхъ же результатовъ, какихъ достигали старыми формулами стараго режима. Такимъ министромъ былъ Виллель, о которомъ, однако, когда заболѣлъ Перье, никто не посмѣлъ и подумать. Хватило, однако, достаточно мужества, чтобы вспомнить о Деказѣ. Онъ бы и сдѣлался министромъ, если бы новый дворъ не побоялся, что въ этомъ случаѣ онъ будетъ вытѣсненъ членами стараго двора. Боялись, что Деказъ потянетъ за собой въ министерство всю реставрацію. Послѣ Деказа имѣли особенно въ виду г. Гизо. На этого тоже возлагаютъ большія надежды, какъ на человѣка, который сумѣетъ въ случаѣ надобности прикрывать новыми конституціонными именами и формами самыя противоположныя вожделѣнія. Ибо этотъ quasi-отецъ современныхъ

доктринеровъ, этотъ авторъ исторіи Англіи и французской синонимики, мастерски умѣетъ тоже примѣрами изъ парламентской исторіи Англіи облекать самыя беззаконныя дѣйствія въ какой-то ordre légal и тяжеловѣсно ученымъ словомъ сковывать высоко парящій духъ французовъ. Но говорятъ, что во время бесѣды съ королемъ, предлагавшимъ ему министерскій портфель, онъ немного погорячился и, вдругъ почувствовавъ самые гнусные симптомы холеры, круто оборвалъ свою рѣчь и поспѣшилъ откланяться, заявивъ, что не въ силахъ бороться съ напоромъ времени. Другіе разсказываютъ неудачу Гизо при выборѣ новаго министра въ еще болѣе комичномъ видѣ. Теперь начались переговоры съ Дюпеномъ, на котораго смотрѣли всегда, какъ на преемника Перье, и въ которомъ предполагаютъ много мужества и силы. Но и тутъ послѣдовала неудача, такъ какъ Дюпенъ не согласился на нѣкоторыя ограниченія, касавшіяся главнымъ образомъ предсѣдательства въ совѣтѣ. Съ этимъ предсѣдательствомъ въ совѣтѣ связано особаго рода обстоятельство. Именно, король часто самъ предсѣдательствовалъ, особенно въ началѣ своего царствованія; это было всегда фатальнымъ обстоятельствомъ для министровъ, и тогдашнія пререканія возникали большею частью изъ-за этого. Только Перье всегда умѣлъ противиться такому посягательству на свои права, и этимъ устранилъ слишкомъ большое вліяніе на текущія дѣла здѣшняго двора, который руководитъ дѣйствіями всѣхъ королей; говорятъ даже, будто вѣсть о болѣзни Перье была не непріятна приближеннымъ Тюильрійскаго дворца. Теперь король, казалось, имѣлъ полное основаніе принять на себя предсѣдательство въ совѣтѣ. Когда это было офиціально обнародовано, въ салонахъ и въ газетахъ поднялась самая страстная полемика по вопросу, имѣетъ ли король право предсѣдательствовать въ совѣтѣ?

При этомъ обнаружилось много ябеднической придирчивости и еще больше невѣжества. Люди болтали все, что они когда-нибудь слышали однимъ ухомъ и совсѣмъ не поняли, и все это съ шумомъ и брызгами вылетало изъ ихъ устъ, какъ политическій каскадъ. Мнѣнія большей части журналовъ были тоже не изъ блестящихъ. Только «National» выдѣлялся изъ нихъ. Снова выступила впередъ старая боевая формула, провозглашенная имъ въ послѣднее время реставраціи: «Le roi régne, mais ne gouverne pas». Тѣ три съ половиной человѣка, которые занимались въ то время политикой въ Германіи, перевели эту фразу, если не оши-

Они не что иное, какъ его подчиненные помощники, его вѣрные слуги, и должны повиноваться ему безусловно. Ихъ контрассигнированіе служитъ только удостовѣреніемъ подлинности документа и монаршей подписи. Правда, послѣ смерти государя нерѣдко обвиняли и подвергали наказанію многихъ такихъ министровъ, но всегда несправедливо. Энгеррандъ де-Мираньи въ подобномъ случаѣ защищался слѣдующими трогательными словами: «Мы, какъ министры, представляемъ собой только руки и ноги, мы должны повиноваться головѣ, королю; она теперь мертва и ея мысли покоятся вмѣстѣ съ ней въ могилѣ; мы не можемъ и не смѣемъ говорить».

Послѣ этихъ краткихъ указаній на различіе между двумя формами власти, абсолютной и конституціонной, всякому будетъ ясно, что споръ о предсѣдательствѣ, при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ онъ возникъ здѣсь, долженъ былъ бы касаться не столько вопроса, имѣетъ ли право король предсѣдательствовать въ совѣтѣ, сколько того, въ какой мѣрѣ можетъ онъ предсѣдательствовать. Дѣло не въ томъ, что хартія не запрещаетъ ему предсѣдательствовать, а одинъ изъ параграфовъ какъ будто даже положительно разрѣшаетъ это; но дѣло въ томъ, предсѣдательствуетъ ли онъ только honoris causa, для собственнаго развлеченія, совершенно пассивно, не принимая активнаго участія, или же онъ, какъ президентъ, обуславливаетъ и направляетъ личною волею ходъ государственныхъ дѣлъ. Въ первомъ случаѣ можно ему и впредь позволять ежедневно скучать нѣсколько часовъ въ обществѣ господъ Барте, Луи, Себастіани и т. д.; въ послѣднемъ же слѣдовало бы ему строго запретить это удовольствіе. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ онъ, управляя по своей личной волѣ, приближался бы къ абсолютной монархіи, по крайней мѣрѣ на него самого можно было бы смотрѣть, какъ на отвѣтственнаго министра. Совершенно вѣрно утверждали нѣкоторыя газеты, что было бы несправедливо человѣка, лежащаго, какъ Перье, на смертномъ одрѣ, или какъ Себастіани, не умѣющаго даже управлять мускулами собственнаго лица, заставлять нести отвѣтственность за самовольныя правительственныя распоряженія короля. Во всякомъ случаѣ это непріятный спорный вопросъ, имѣющій достаточно острое значеніе, такъ какъ многіе при этомъ невольно вспоминаютъ изреченіе террористовъ: «la responsabilité c'est la mort». По этому случаю «National» съ неофиціозностью, которую я одобрить не могу, отстаи-

вастъ отвѣтственность короля и въ силу этого отрицаетъ его неприкосновенность. Для Людовика Филиппа это все-таки предостереженіе, довольно непріятное, которое должно было бы породить въ его головѣ кое-какія размышленія. По мнѣнію его друзей, было бы желательно, чтобы онъ не дѣлалъ ничего такого, что могло бы дать малѣйшій поводъ обсуждать принципъ неприкосновенности и черезъ это поколебать его въ общественномъ мнѣніи. Но если правильно взвѣсить положеніе Людовика Филиппа, то его нельзя безусловно осуждать за то, что онъ старается немножко пособить въ дѣлѣ управленія государствомъ. Онъ знаетъ, что его министры не геніи; плоть готова служить, духъ немощенъ. Фактически сохранить власть кажется ему самымъ важнымъ. Принципъ неприкосновенности долженъ представлять для него лишь второстепенный интересъ. Онъ знаетъ, что печальной памяти Людовикъ XVI тоже былъ неприкосновененъ. Вообще, неприкосновенность во Франціи имѣетъ оригинальный характеръ. Принципъ неприкосновенности положительно ненарушимъ. Онъ подобенъ драгоцѣнному камню въ кольцѣ дона Луи Фернандо Перецъ Акаиба, обладавшему удивительнымъ свойствомъ: человѣкъ, носившій это кольцо на пальцѣ, могъ упасть съ высочайшей колокольни, а камень, все-таки, оставался цѣлъ.

Чтобы, однако, ослабить до нѣкоторой степени это роковое зло, Людовикъ Филиппъ учредилъ временное предсѣдательство и назначилъ на этотъ постъ г. Монталиве. Послѣдній занялъ въ настоящее время также и постъ министра внутреннихъ дѣлъ, а на его мѣсто министромъ вѣроисповѣданій сдѣланъ Жиро де-Лэнъ. Довольно взглянуть на этихъ обоихъ людей, чтобы сказать съ увѣренностью, что они не обладаютъ никакой самостоятельностью и играютъ роль простыхъ маріонетокъ, скрѣпляющихъ своей подписью бумаги. Одинъ изъ нихъ, monsieur le comte de Montalivet — статный молодой человѣкъ, почти похожій на хорошенькаго школьника, котораго стали бы разсматривать въ увеличительное стекло. Другой, г. Жиро де-Лэнъ, достаточно извѣстный какъ президентъ палаты депутатовъ, гдѣ онъ всегда умѣлъ продлить или сократить засѣданіе согласно интересамъ короля—олицетворенная преданность. Это мужчина коренастый, мягкотѣлый, съ порядочнымъ брюшкомъ, короткими ножками и сердцемъ изъ пальe-маше, и онъ похожъ на брауншвейгца, изъ тѣхъ, что торгуютъ на базарахъ трубками, или на друга дома, приносящаго дѣтямъ кренделькн и ласкающаго собакъ.

О маршалѣ Сультѣ, военномъ министрѣ, увѣряютъ, или, лучше сказать, достовѣрно знаютъ, что онъ все время интригуетъ, чтобы попасть въ предсѣдатели совѣта. Это мѣсто вообще служитъ цѣлью многихъ стремленій въ самомъ министерствѣ, и различные происки, которые перекрещиваются при этомъ, нерѣдко парализуютъ лучшія распоряженія и порождаютъ соперничества, раздоры и распри, источникъ которыхъ, повидимому, въ разногласіи мнѣній, на самомъ же дѣлѣ, въ одинаково присущемъ всѣмъ тщеславномъ честолюбіи. Всякій добивается предсѣдательскаго мѣста. Предсѣдатель совѣта — опредѣленный титулъ, ужъ черезчуръ рѣзко отличающійся отъ прочихъ министровъ. Такъ, напримѣръ, въ вопросѣ объ отвѣтственности министровъ здѣсь держатся того мнѣнія, что предсѣдатель отвѣчаетъ за ошибки въ общемъ направленіи министерства, тогда какъ всякій другой министръ — только за ошибки своего департамента. Это различіе и вообще офиціальное назначеніе президента совѣта есть недостатокъ, который только тормозитъ и сбиваетъ всѣхъ съ толку. Мы не встрѣчаемъ его у англичанъ, конституціонныя формы которыхъ все-таки и понынѣ служатъ образцомъ; президентство, если не ошибаюсь, существуетъ у нихъ отнюдь не какъ офиціальное званіе. «Старшій лордъ казначейства» обыкновенно въ то же время и президентъ, но не какъ таковой. Естественный, хотя и не опредѣленный никакимъ закономъ, президентъ — всегда тотъ изъ министровъ, которому король поручилъ составить министерство, т. е. изъ среды своихъ друзей и знакомыхъ выбрать на должности министровъ тѣхъ лицъ, которыя раздѣляютъ его политическіе взгляды и вмѣстѣ съ тѣмъ могутъ разсчитывать на большинство въ парламентѣ. — Это порученіе возложено теперь на герцога Веллингтона; лордъ Грей со своими вигами побѣжденъ—покамѣстъ.

VIII.

Парижъ, 27 мая 1832 г.

Казимиръ Перье унизилъ Францію, чтобы поднять биржевой курсъ. Онъ хотѣлъ продать свободу Европы за короткій, позорный для Франціи, миръ. Онъ оказывалъ помощь сбирамъ рабства и тому, что есть въ насъ самаго худшаго—своекорыстію, такъ что тысячи благороднѣйшихъ людей погибли отъ горя и нищеты, и позора, и презрѣнія къ самимъ себѣ. Онъ сдѣлалъ смѣшными мертвецовъ іюль-

скихъ могилъ, этихъ бѣдныхъ мертвецовъ великой недѣли, которые дрались не за младшую линію Бурбоновъ, а живымъ онъ такъ ужасно испортилъ жизнь, что они завидуютъ даже этимъ мертвецамъ. Онъ погасилъ священный огонь, закрылъ храмы, оскорбилъ боговъ, разбилъ сердца; онъ духовно обезоружилъ Францію, давая въ то же время возможность ея врагамъ вооружиться въ десять разъ сильнѣе матеріальнымъ оружіемъ и принять самое угрожающее положеніе. И тѣмъ не менѣе, я бы, все-таки, подалъ голосъ за то, чтобы Казимиръ Перье былъ похороненъ въ Пантеонѣ, въ великомъ храмѣ чести, на которомъ золотая надпись: «великимъ людямъ благодарное отечество». Ибо Казимиръ Перье былъ великій человѣкъ, онъ обладалъ рѣдкими способностями и рѣдкой силой воли, и все, что онъ ни дѣлалъ, дѣлалъ онъ съ твердой вѣрой, что это полезно отечеству, жертвуя своимъ спокойствіемъ, счастьемъ и жизнью. Въ томъ-то и дѣло, что отечество должно быть благодарно своимъ великимъ людямъ не за пользу и успѣхъ ихъ дѣяній, а за добрыя желанія и самопожертвованіе, которыя они при этомъ выказываютъ. Даже если бы великіе люди ничего не желали и не сдѣлали для отечества, то и тогда оно было бы обязано воздавать имъ почести послѣ ихъ смерти, потому что они прославили его своимъ величіемъ. Какъ звѣзды составляютъ украшеніе неба, такъ и великіе люди служатъ украшеніемъ своей родины, да и всей земли. Но сердца великихъ людей суть звѣзды земли, и мнѣ кажется, что если бы взглянуть сверху на нашу планету, то эти сердца блеснули бы передъ нами яркими свѣточами, подобно небеснымъ звѣздамъ. Можетъ-быть, съ такой высокой точки зрѣнія стало бы видно, какъ много чудныхъ звѣздъ разсѣяно по землѣ, сколько изъ нихъ сіяютъ одиноко, никому неизвѣстныя въ глухихъ пустыняхъ, какъ много прекрасныхъ звѣздъ въ нашей нѣмецкой родинѣ, какъ лучезарна Франція, этотъ млечный путь великихъ человѣческихъ сердецъ! Въ лицѣ Казимира Перье угасла большая звѣзда. Да, хотя эта звѣзда, за которой съ такой вѣрой шли финансовые цари востока, возвѣщала спасеніе не для бѣдныхъ, а для богатыхъ, и оказалась несчастной звѣздой для сыновъ свободы, мы все-таки, по чувству справедливости, должны признать и засвидѣтельствовать ея величіе.

Въ послѣднее время Франція потеряла много звѣздъ первой величины. Много героевъ эпохъ революціи и имперіи

унесла холера. Многіе значительные государственные люди, изъ коихъ самый выдающійся Мартиньякъ, умерли отъ другихъ болѣзней. Друзья науки особенно оплакивали смерть Шамполіона, который изобрѣлъ столькихъ египетскихъ царей, и смерть Кювье, который открылъ такъ много большихъ звѣрей, уже не существующихъ, и доказалъ нашей матери-землѣ самымъ нелюбезнымъ образомъ, что она на много тысячъ лѣтъ старше, чѣмъ выдавала себя до сихъ поръ. «Лээ тээтъ заннъ вонъ» (Les têtes s'en vont), проквакалъ г. Себастіани, узнавъ о смерти Перье, и вдобавокъ проквакалъ, что и онъ тоже скоро умретъ.

Смерть Перье произвела здѣсь меньшую сенсацію, чѣмъ можно было ожидать. Даже на биржѣ. Я не могъ удержаться, чтобы въ тотъ день, когда умеръ Перье, не пойти на Place de la Bourse. Тамъ возвышался огромный мраморный храмъ, въ которомъ Перье почитали, какъ божество, всякое его слово какъ изреченіе оракула; и я дотронулся до его колоннъ, окружающихъ его снаружи, и всѣ онѣ были неподвижны и холодны, какъ сердца тѣхъ людей, для которыхъ Перье сдѣлалъ такъ много. О, жалкіе карлики! Никогда больше ни одинъ великанъ не пожертвуетъ собой ради васъ и не оставитъ своихъ огромныхъ братьевъ для того, чтобы служить вашимъ карликовскимъ интересамъ! Пусть себѣ эти карлики издѣваются надъ бѣдными, неуклюжими великанами, сидящими на горахъ, тогда какъ они, маленькіе, благодаря своему росту, проползаютъ въ тѣсныя горныя пещеры и извлекаютъ оттуда, или отнимаютъ у еще болѣе мелкихъ гномовъ, металларіевъ, благородный металлъ. Спускайтесь, спускайтесь все ниже и ниже въ ваши шахты, только держитесь крѣпче за лѣстницу и не смущайтесь тѣмъ, что ступеньки все становятся тѣмъ грязнѣе, чѣмъ глубже вы спускаетесь въ самыя драгоцѣнныя залежи богатства.

Я всякій разъ злюсь, когда вхожу на биржу, въ это прекрасное мраморное зданіе, выстроенное въ благороднѣйшемъ греческомъ стилѣ и посвященное самому презрѣнному дѣлу— барышничанью государственными бумагами. Это — самое красивое зданіе Парижа; выстроилъ его Наполеонъ. Въ томъ же стилѣ и масштабѣ сталъ онъ строить храмъ славы. Ахъ, храмъ славы не былъ оконченъ; Бурбоны превратили его въ церковь и посвятили ее кающейся Магдалинѣ; но биржа стоитъ совсѣмъ готовая, въ ея полномъ блескѣ, и ея вліянію слѣдуетъ, конечно, приписать то, что ея благо-

родный соперникъ, храмъ славы, остается попрежнему недостроеннымъ... Здѣсь-то, въ огромной биржевой залѣ съ высокими сводами, торгъ государственными бумагами, со всѣми его рѣзкими фигурами, дисгармоническими звуками, движется, шумя и волнуясь, какъ море корысти, гдѣ среди взбаломученныхъ человѣческихъ волнъ тамъ и сямъ мелькаютъ, подобно акуламъ, крупные банкиры, гдѣ одно чудовище поглощаетъ другое, и гдѣ на галлереѣ вверху, подобно подкарауливающимъ добычу на морскомъ утесѣ хищнымъ птицамъ, виднѣются даже занимающіяся спекуляціями дамы. А между тѣмъ, именно здѣсь обитаютъ интересы, рѣшающіе въ настоящее время, быть войнѣ или миру.

Поэтому-то биржа и имѣетъ для насъ, публицистовъ, такое важное значеніе. Не легко, однако, составить себѣ точное понятіе о характерѣ этихъ интересовъ на основаніи всякаго вліяющаго на нихъ событія и, согласно съ этимъ, оцѣнивать ихъ послѣдствія. Курсъ государственныхъ бумагъ и дисконта служитъ, конечно, политическимъ термометромъ, но было бы ошибочно думать, что этотъ термометръ показываетъ степень побѣды того или другого изъ великихъ вопросовъ, волнующихъ въ настоящее время человѣчество. Повышеніе или пониженіе курса не доказываетъ подъема или паденія либеральной или рабской партіи, а указываетъ лишь на увеличеніе или уменьшеніе надежды на замиреніе Европы, на сохраненіе существующаго порядка, или, вѣрнѣе, на гарантіи существующихъ отношеній, отъ которыхъ зависитъ уплата процентовъ государственнаго долга.

Въ этомъ ограниченномъ смыслѣ биржевые спекулянты достойны удивленія при всевозможныхъ обстоятельствахъ. Несмущаемые никакими духовными интересами, они обратили свой умъ исключительно на все фактическое и съ почти животнымъ чутьемъ, какъ лягушки относительно погоды, узнаютъ они, не сдѣлается ли то или другое событіе, имѣющее на видъ успокоительный характеръ, источникомъ бурь въ будущемъ, или наоборотъ, то или другое большое несчастье не послужитъ ли въ концѣ концовъ къ упроченію спокойствія? Послѣ паденія Варшавы не спрашивали: сколько зла произойдетъ отсюда для человѣчества? а только— обезкуражитъ ли это событіе мятежниковъ? Утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ вызвалъ повышеніе курса. Если бы сегодня на биржѣ получилось вдругъ по телеграфу извѣстіе, что г. Таллейранъ вѣритъ въ возмездіе послѣ смерти, то французскія государственныя бумаги сейчасъ же упали бы

на десять процентовъ; потому что въ такомъ случаѣ можно было бы опасаться, что онъ постарается примириться съ небомъ и отречется и отъ Людовика Филиппа, и отъ всего juste-milieu, и принесетъ ихъ въ жертву, и поставитъ на карту драгоцѣнное спокойствіе, которымъ наслаждаемся мы теперь. Ни быть и ни не быть, а спокойствіе или смута— вотъ великій вопросъ биржи. Отъ него зависитъ и дисконтъ. Въ безпокойное время деньги боязливы, прячутся въ сундуки богатыхъ, какъ въ крѣпость, и не выходятъ оттуда— дисконтъ подымается. Въ спокойное время деньги становятся опять беззаботны, предлагаютъ себя дешево, показываются открыто, и очень нетребовательны — дисконтъ стоитъ низко. Какой-нибудь старый луидоръ умнѣе человѣка и лучше всѣхъ знаетъ, будетъ ли война, или миръ. Можетъ-быть, благодаря этимъ сношеніямъ съ деньгами и биржевики также пріобрѣли нѣчто въ родѣ политическаго инстинкта, и, между тѣмъ, какъ въ послѣднее время глубочайшіе мыслители ожидали только войны, они оставались совершенно спокойными и вѣрили въ сохраненіе мира. Если кого-нибудь изъ нихъ спрашивали, какія онъ имѣетъ на это основанія, то онъ, какъ сэръ Джонъ, не приводилъ никакихъ, а только все повторялъ: «это моя идея».

Въ этой идеѣ биржа очень укрѣпилась съ тѣхъ поръ, и даже смерть Перье не могла навести ее на другую идею. Правда, она была уже давно подготовлена къ этому событію, и къ тому же всѣ воображаютъ, что его система мира переживетъ его и будетъ стоять твердо, благодаря волѣ короля. Но это полнѣйшее равнодушіе при извѣстіи о смерти Перье непріятно поразило меня. Ужъ ради приличія биржа должна была бы по крайней мѣрѣ хоть маленькимъ пониженіемъ курса выразить свою печаль. Но нѣтъ, даже и на одну восьмую процента, одну восьмую траурнаго процента не упали государственныя бумаги послѣ смерти Казимира Перье, великаго банкира-министра!

На похоронахъ Перье, какъ и при извѣстіи о его смерти, проявилось самое холодное равнодушіе. Это было зрѣлище, какъ и всякое другое, погода была очень хорошая, и сотни тысячъ людей были на ногахъ, чтобы посмотрѣть на похоронную процессію, длинно и равнодушно тянувшуюся по бульварамъ къ Пэръ-Лашезу. На многихъ лицахъ улыбка, на другихъ самое равнодушное будничное выраженіе, на большей части одна скука. Безчисленное множество военныхъ, что̀ было едва ли умѣстно относительно мирнаго героя

системы разоруженія. Много національной гвардіи и жандармовъ. Были также и канонеры со своими пушками, которые имѣли полное основаніе скорбѣть, такъ какъ имъ хорошо жилось при Перье, ихъ служба была какъ бы синекура. Народъ смотрѣлъ на все это съ странной апатіей; онъ не выказывалъ ни ненависти, ни любви: хоронили врага воодушевленія, и равнодушіе составляло похоронную процессію. Единственными дѣйствительно опечаленными изъ всѣхъ, сопровождавшихъ гробъ, были два сына умершаго, шедшихъ за колесницею въ длинныхъ траурныхъ плащахъ и съ блѣдными лицами. Это два молодыхъ человѣка, лѣтъ около двадцати, коренастые, нѣсколько полноватые, съ наружностью, изобличающею скорѣе матеріальное благосостояніе, чѣмъ умъ; я видѣлъ ихъ этой зимой на всѣхъ балахъ, веселыми и краснощекими. На гробу лежали трехцвѣтныя знамена, обтянутыя чернымъ крепомъ. А между тѣмъ, именно трехцвѣтному знамени и не зачѣмъ было оплакивать смерть Казимира Перье. Какъ молчаливый упрекъ, печально лежало на его гробѣ это знамя свободы, претерпѣвшее по его винѣ столько оскорбленій. Такъ же, какъ видъ этого знамени, тронулъ меня и видъ старика Лафайета, явившагося на похороны Перье, отступника, нѣкогда такъ славно сражавшагося вмѣстѣ съ нимъ подъ этимъ знаменемъ.

Мои сосѣди, смотрѣвшіе на процессію рядомъ со мной, разговаривали о похоронахъ Бенжамена Констана. Такъ какъ я въ Парижѣ всего только годъ, то о печали, проявленной народомъ тогда, знаю лишь по описаніямъ. Однако, я могу составить себѣ понятіе о такой народной скорби, такъ какъ вскорѣ послѣ того видѣлъ похороны бывшаго епископа округа Блуа, члена Конвента, Грегуара. Тамъ не было никакихъ высокопоставленныхъ чиновниковъ, никакой инфантеріи и кавалеріи, никакихъ пустыхъ траурныхъ каретъ, наполненныхъ придворными лакеями, никакихъ пушекъ, никакихъ посланниковъ съ пестрыми ливреями, никакой офиціальной торжественности. Но народъ плакалъ, скорбь лежала на всѣхъ лицахъ, и хотя сильный дождь лилъ съ неба, какъ изъ ведра, всѣ головы были обнажены, и народъ впрягся самъ въ траурную колесницу, и собственноручно везъ ее до Монъ-Парнаса. Грегуаръ, истинный пастырь, всю свою жизнь боролся за свободу и равенство людей всѣхъ оттѣнковъ и всѣхъ исповѣданій; его всегда ненавидѣли и преслѣдовали враги народа, и народъ любилъ его и плакалъ, когда онъ умеръ.

Между двумя и тремя часами похоронная процессія Перье проходила по бульварамъ; въ половинѣ восьмого, когда я снова вышелъ на улицу послѣ обѣда, я встрѣтилъ солдатъ и кареты, возвращавшіяся съ кладбища. Теперь кареты катились быстро и весело; трауръ былъ снятъ съ трехцвѣтнаго знамени; это знамя и латы кирасиръ блестѣли въ самыхъ веселыхъ солнечныхъ лучахъ, красные трубачи, труся рысью на своихъ бѣлыхъ лошадяхъ, весело играли Марсельѣзу; народъ, пестро разряженный и смѣющійся, бѣжалъ въ театры; небо, передъ тѣмъ долгое время покрытое тучами, было теперь такое мило голубое, такое лучезарно ароматическое; деревья блестѣли такою радостною зеленью; холера и Казимиръ Перье были забыты, и царила весна.

Итакъ, тѣло погребено, но система еще жива. Или дѣйствительно правда, что эта система—изобрѣтеніе не Перье, а короля? Нѣкоторые филипписты впервые высказали это мнѣніе, чтобы возбудить довѣріе къ самостоятельной силѣ короля; чтобы не подумали, что онъ безпомощно стоитъ около могилы своего защитника; чтобы не сомнѣвались въ томъ, что система, господствовавшая доселѣ, не поколеблется. Многіе враги короля ухватились теперь за это мнѣніе; имъ какъ нельзя болѣе на руку, что начало этой непопулярной системы относятъ ко времени раньше 13 марта и приписываютъ ее высочайшему автору, на котораго такимъ образомъ падаетъ высочайшая отвѣтственность. Друзья и враги соединяются здѣсь подчасъ, чтобы искажать правду. Они или обрубаютъ ей ноги, или вытягиваютъ ее въ длину настолько, что она становится тонкой, какъ ложь. Партійный духъ—Прокрустъ, на ложѣ котораго правдѣ лежать очень неудобно. Я не думаю, чтобы такъ-называемой системѣ 13 марта Перье принесъ въ видѣ жертвеннаго дара только свое честное имя, а чтобы настоящимъ ея отцомъ былъ Людовикъ Филиппъ. Можетъ-быть, онъ отрицаетъ свои отцовскія отношенія къ этому опасному чаду такъ же, какъ тотъ мужичокъ, который наивно прибавлялъ: «Mais pour dire la vérité, je n'y ai pas mui». Всѣ оскорбленія, какія Франціи пришлось претерпѣть до сихъ поръ, засчитываются теперь королю. Послѣдній пинокъ, который больной левъ получилъ еще недавно въ Римѣ отъ ослицы Господней, нестерпимѣйшимъ образомъ раздражаетъ французовъ. Однако, къ Людовику Филиппу несправедливы; онъ неохотно оставляетъ оскорбленіе безнаказаннымъ и радъ былъ бы драться, только не со всякимъ; напримѣръ, онъ неохотно сталъ бы драться

съ Россіей, но очень охотно съ Пруссіей, съ которою онъ уже дрался при Вальми и которую онъ поэтому, кажется, не очень боится. По крайней мѣрѣ увѣряютъ, что въ немъ никогда не замѣчается боязни, когда рѣчь идетъ о Пруссіи и объ ея угрожающемъ рыцарствѣ. Людовикъ Филиппъ Орлеанскій, правнукъ Людовика Святого, отпрыскъ древнѣйшаго королевскаго рода, самый знатный дворянинъ христіанскаго міра, въ такихъ случаяхъ обыкновенно пускается, какъ весельчакъ-буржуа, въ шуточки насчетъ того, что какъ это грустно, что укермаркская камарилья смотритъ такъ пренебрежительно и дворянски высокомѣрно на него, бѣднаго короля-буржуа.

Не могу не упомянуть здѣсь, что въ Людовикѣ Филиппѣ никогда не проглядываетъ grand seigneur и что дѣйствительно французскій народъ не могъ выбрать себѣ въ короли человѣка болѣе буржуазнаго. Также мало стоитъ онъ и за то, чтобы быть легитимнымъ государемъ, и говорятъ, что изобрѣтенная Гизо quasi-легитимность ему совсѣмъ не по вкусу. Онъ нисколько не завидуетъ Генриху V, съ его преимуществомъ легитимности, и отнюдь не расположенъ входить съ нимъ изъ-за этого въ переговоры, а тѣмъ болѣе, предлагать ему за это деньги; но Людовикъ Филиппъ того мнѣнія, что это онъ изобрѣлъ буржуазную монархію, онъ получилъ патентъ на это изобрѣтеніе, этотъ патентъ даетъ ему ежегодно 18 милліоновъ, сумму, почти превосходящую доходы парижскихъ игорныхъ домовъ, и онъ желалъ бы сохранить монополію на столь выгодное предпріятіе для себя и своего потомства. Уже въ прошлой статьѣ я замѣтилъ, насколько сохраненіе этой королевской монополіи для Людовика Филиппа важнѣе всего остального и въ какой мѣрѣ, принимая во вниманіе такой естественный образъ мыслей, извинительна его узурпація предсѣдательства въ совѣтѣ. Въ дѣйствительности онъ все еще не вошелъ въ надлежащія границы своихъ конституціонныхъ правъ, хотя формально и не рѣшается уже больше предсѣдательствовать. Настоящій спорный вопросъ все еще не улаженъ и вѣроятно протянется до образованія новаго министерства. Но болѣе всего изобличаетъ немощность правительства именно то, что сохраненіе, возобновленіе или преобразованіе французскаго министерства обуславливаются не внутренними потребностями страны, а заграничными событіями. Такая зависимость отъ иностранныхъ интересовъ достаточно явно и прискорбно обнаружилась во время послѣднихъ проис-

шествій въ Англіи. Всякій слухъ, доходившій къ намъ въ послѣднее время оттуда, вызывалъ здѣсь предложенія и совѣщанія о новыхъ министерскихъ комбинаціяхъ. Сильно подумывали объ Одилонъ-Барро и недалеки были даже отъ мысли о Могенѣ. Когда британское кормило правленія увидѣли въ рукахъ Веллингтона, то совсѣмъ потеряли голову и уже готовы были, въ видахъ военнаго равновѣсія, сдѣлать первымъ министромъ маршала Сульта.

Въ этомъ случаѣ свобода Англіи и Франціи очутилась бы подъ командою двухъ старыхъ солдатъ, которые, будучи чужды или даже враждебны всякой самостоятельной гражданственности, весь свой вѣкъ умѣли только рабски повиноваться или деспотически повелѣвать. Сультъ и Веллингтонъ, по характеру своему, простые кондотьери, съ той только разницей, что первый обучался военному ремеслу въ болѣе благородной школѣ и жаждетъ столько же славы, сколько вознагражденія. Онъ мечталъ когда-то ни больше, ни меньше, какъ о коронѣ, и, какъ меня увѣряли, въ продолженіе нѣсколькихъ дней Сультъ былъ королемъ Португаліи подъ именемъ Николо I, короля альгарвовъ. Капризъ его строгаго повелителя не позволилъ ему разыграть долѣе эту королевскую шутку. Но онъ, конечно, не можетъ это забыть; онъ нѣкогда упивался досыта сладостнымъ для слуха титуломъ величества; опьяненнымъ взоромъ онъ видѣлъ вѣрноподданнѣйше колѣнопреклоненныхъ передъ собой людей; на своихъ всемилостивѣйшихъ рукахъ онъ до сихъ поръ еще чувствуетъ жгучее прикосновеніе португальскихъ губъ—и ему-то хотѣли довѣрить свободу Франціи! Относительно другого, относительно милорда Веллингтона, мнѣ нѣтъ надобности ничего говорить. Послѣднія событія доказали, что въ моихъ предыдущихъ сочиненіяхъ я отзывался о немъ еще слишкомъ мягко.

Ослѣпленный его неуклюжими побѣдами міръ никогда не думалъ, что онъ собственно человѣкъ ограниченный; но и въ этомъ убѣдили недавнія событія. Онъ глупъ, какъ всѣ люди, не имѣющіе сердца. Ибо мысли исходятъ не изъ головы, а изъ сердца. Продолжайте восхвалять его, продажные придворные поэты и риѳмоплетущіе льстецы торійскаго высокомѣрія! Продолжай воспѣвать его, каледонскій бардъ, обанкрутившееся привидѣніе съ жестяной арфой, струны которой изъ паутины! Воспѣвайте его, набожные лауреаты, оплаченные пѣвцы героевъ, и особенно воспойте его послѣдніе геройскіе подвиги! Никогда еще ни одинъ смертный не по-

казывался передъ глазами цѣлаго свѣта въ такой жалкой наготѣ. Почти единогласно произнесла вся Англія, судъ присяжныхъ изъ двадцати милліоновъ свободныхъ гражданъ, свое «виновенъ» надъ этимъ бѣднымъ грѣшникомъ, который, какъ дюжиный воръ, подъ покровомъ ночи и съ помощью хитрыхъ пособницъ, хотѣлъ похитить коронныя сокровища державнаго народа, его свободу и его права. Прочтите «Morning Chronicle», «Times» и даже тѣхъ парламентскихъ ораторовъ, которые обыкновенно столь умѣренны, и подивитесь тѣмъ безпощаднымъ словамъ, которыми они, какъ палачъ, отхлестали и заклеймили побѣдителя при Ватерлоо. Его имя обратилось въ ругательство. Путемъ самыхъ подлыхъ придворныхъ интригъ, утверждаютъ его обвинители, удалось отдать ему въ руки власть, которою онъ, однако, не посмѣлъ воспользоваться. Ли Гентъ сравниваетъ его поэтому съ старымъ развратникомъ, захотѣвшимъ соблазнить дѣвушку, которая въ своемъ бѣдственномъ положеніи обратилась за совѣтомъ къ подругѣ и получила въ отвѣтъ: «Предоставь ему дѣйствовать, и помимо грѣха своего злого умысла, онъ еще покроетъ себя позоромъ своей немощи».

Я всегда ненавидѣлъ этого человѣка, но я никогда не думалъ, чтобы онъ въ такой степени заслуживалъ презрѣнія. Вообще о тѣхъ, кого я ненавижу, я былъ всегда болѣе высокаго мнѣнія, чѣмъ они того стоили. И сознаюсь, что въ англійскихъ торіяхъ я предполагалъ больше мужества, и силы, и великодушнаго самопожертвованія, чѣмъ обнаружено ими теперь, въ минуту нужды. Да, я ошибся въ этомъ высшемъ дворянствѣ Англіи, я думалъ, что они, какъ гордые римляне, не продадутъ за болѣе дешевую цѣну, чѣмъ прежде, тѣхъ полей, на которыхъ расположился лагеремъ врагъ, что они будутъ ждать враговъ, сидя въ своихъ курульныхъ креслахъ—нѣтъ! паническій страхъ овладѣлъ ими, когда они увидѣли, что Джонъ Булль замышляетъ что-то серьезное, и теперь поля, вмѣстѣ съ rotten boroughs, продаются по болѣе дешевой цѣнѣ, и число курульныхъ креселъ увеличивается, чтобы и враги, если соблаговолятъ, могли занять на нихъ мѣсто. Торіи не довѣряютъ болѣе своей собственной силѣ; они уже больше не вѣрятъ въ себя, ихъ власть сокрушена. Правда, виги также аристократы, лордъ Грей такъ же честолюбивъ, какъ и лордъ Веллингтонъ, но съ англійской аристократіей случится то же, что съ французской—одна рука отрубитъ другую.

Непостижимо, почему торіи, разсчитывавшіе на ночную

продѣлку своей королевы, такъ испугались, когда эта штука удалась и народъ поднялъ всюду громкій протестъ противъ нея? Вѣдь это можно было предвидѣть, если принять во вниманіе характеръ англичанъ и ихъ законныя средства къ сопротивленію. Мнѣніе относительно билля и реформы было твердо установлено въ народѣ. Всякія размышленія о немъ сдѣлались фактомъ. Вообще, когда приходится дѣйствовать, англичане имѣютъ то преимущество, что какъ люди свободные, они всегда имѣютъ право свободно высказываться, имѣть наготовѣ свое сужденіе о всякомъ вопросѣ. Они, такъ сказать, судятъ больше, чѣмъ думаютъ. Мы же, нѣмцы, напротивъ, постоянно думаемъ, и отъ слишкомъ многаго думанія не можемъ составить никакого сужденія; впрочемъ не всегда бываетъ удобно высказываться; одного удерживаетъ отъ высказыванія сужденія боязнь навлечь на себя неудовольствіе г. директора полиціи, другого—скромность, или даже тупоуміе; многіе нѣмецкіе мыслители сошли въ могилу, не высказавъ собственнаго сужденія ни объ одномъ великомъ вопросѣ. Англичане, наоборотъ, положительны, практичны, все духовное становится у нихъ осязаемымъ, такъ что ихъ мышленіе, ихъ жизнь и они сами составляютъ единый фактъ, права котораго неоспоримы. Да, они «грубы, какъ факты», и борются матеріальными своими средствами. Нѣмецъ со своимъ мышленіемъ, своими идеями, столь же мягкими, какъ мозгъ, породившій ихъ, есть самъ только какъ бы идея, и когда эта идея не нравится правительству, ее отправляютъ въ крѣпость. Такимъ образомъ, въ Кёпеникѣ сидѣли взаперти шестьдесятъ идей, и никто не замѣтилъ ихъ отсутствія; пивовары попрежнему варили свое пиво, альманахи попрежнему печатали свои художественныя повѣсти. Къ этой прирожденной фактической способности сопротивленія англичанъ, къ этому непреклонному упрямству ихъ въ рѣшаемыхъ вопросахъ присоединяется еще предоставляемая закономъ увѣренность, съ которой они могутъ дѣйствовать. Мы не можемъ составить себѣ понятія о томъ, какъ далеко можетъ идти впередъ на законномъ основаніи англійская оппозиція въ противодѣйствіи правительству, какъ въ стѣнахъ парламента, такъ и внѣ его. Дни Вилькса можно только тогда понять, когда собственными глазами увидишь Англію. Путешественники, желающіе представить намъ картину англійской свободы, даютъ намъ съ этой цѣлью перечень законовъ. Но вѣдь законы не сама свобода, а только ея границы. На материкѣ не имѣютъ

понятія о томъ, какъ много внутренней мощной свободы включено иногда въ эти границы, а еще менѣе имѣютъ понятія о лѣности и сонливости пограничныхъ сторожей. Только тамъ, гдѣ эти границы должны служить защитой противъ произвола властей, эти границы охраняются твердо и бдительно. Когда власти тамъ переступаютъ за нихъ, то вся Англія подымается, какъ одинъ человѣкъ, и оттѣсняетъ произволъ. Да, эти люди даже и не ждутъ, чтобы свобода была нарушена; чуть только ей начинаетъ грозить хоть малѣйшая опасность, они мощно ополчаются и словами, и ружьями. Іюльскіе французы возстали только тогда, когда на ихъ головы обрушились первые удары палицы произвола—ордонансы. Англичане нынѣшняго мая мѣсяца не дождались перваго удара; съ нихъ было довольно и того, что мечъ былъ отданъ въ руки знаменитаго палача, совершившаго уже въ другихъ странахъ казнь надъ свободой.

Удивительные чудаки эти англичане! Я ихъ терпѣть не могу. Во-первыхъ, они скучны, а затѣмъ необщительны, эгоистичны, квакаютъ, какъ лягушки, они природные враги всякой хорошей музыки, они ходятъ въ церковь съ позолоченными молитвенниками и презираютъ насъ, нѣмцевъ, за то, что мы ѣдимъ кислую капусту. Но когда англійской аристократіи удалось, при помощи придворной незаконнорожденной знати, втянуть въ свои интересы «нѣмецкую женщину» (the nasty german frow); когда король Вильгельмъ, еще наканунѣ вечеромъ обѣщавшій лорду Грею назначить столько новыхъ пэровъ, сколько ихъ нужно для проведенія билля о реформѣ, на другое утро измѣнилъ своему слову, потому что за ночь былъ настроенъ королевой иначе; когда Веллингтонъ и его торіи схватили государственную власть въ свои свободо-убійственныя руки—тогда англичане вдругъ перестали быть скучными и сдѣлались очень интересными; они перестали быть необщительными, а напротивъ, соединялись сотнями тысячъ; для нихъ сдѣлались дороги общинные интересы, слова ихъ уже не были кваканьемъ, а наполнились самымъ смѣлымъ благозвучіемъ; они говорили вещи, звучавшія увлекательнѣе, чѣмъ мелодіи Россини и Мейербера, и о своемъ духовенствѣ не разсуждали съ набожностью, вычитанной изъ молитвенниковъ, а съ полнымъ свободомысліемъ совѣщались насчетъ того, «не прогнать ли епископовъ и не отправить ли короля Вильгельма со всей его кисло-капустной родней назадъ въ Ганноверъ?»

Я, когда былъ въ Англіи, надо многимъ смѣялся, но всего искреннѣе надъ лордомъ-мэромъ, этимъ собственно бургомистромъ Лондона, который сохранился во всемъ величіи своего парика и своемъ цеховомъ достоинствѣ, какъ развалина средневѣкового общиннаго устройства. Я видѣлъ его въ компаніи его альдермэновъ; это величаво держащіе себя представители мѣщанскаго общества, почтенные портные и перчаточники, большею частью толстые торговцы, съ красными бифштексными лицами, портерныя кружки во плоти, но трезвые и очень богатые, благодаря своему трудолюбію и бережливости, такъ даже, что многіе изъ нихъ, какъ меня увѣряли, имѣютъ въ англійскомъ банкѣ болѣе милліона фунтовъ стерлинговъ. Англійскій банкъ—огромное зданіе въ улицѣ Thread-needle-street, и если бы въ Англіи вспыхнула революція, то банкъ очутился бы въ величайшей опасности, и богатые граждане Лондона могли бы потерять все свое состояніе и въ теченіе одного часа сдѣлаться нищими. Тѣмъ не менѣе, когда король Вильгельмъ измѣнилъ своему слову, и свободѣ Англіи грозила опасность, тогда лордъ-мэръ Лондона надѣлъ свой большой парикъ, и пустился въ путь со своими толстыми альдермэнами, и при этомъ у нихъ былъ такой бодро-увѣренный, служебно-спокойный видъ, какъ будто они шли на торжественный обѣдъ въ Гильдголлѣ; шли они, однако, въ палату общинъ, и выразили тамъ самый рѣшительный протестъ противъ новаго правленія, и заявляли, что пойдутъ наперекоръ королю, если онъ не измѣнитъ его, и готовы скорѣе вызвать революцію и тѣмъ поставить на карту жизнь и имущество, чѣмъ допустить гибель англійской свободы. Удивительные чудаки эти англичане!

Я никогда не забуду одного человѣка, котораго видѣлъ по лѣвую руку оратора въ англійской нижней палатѣ, потому что никогда еще ни одинъ человѣкъ не производилъ на меня такого непріятнаго впечатлѣнія. Онъ и теперь засѣдаетъ тамъ. Это коренастая плотная фигура съ большой четырехугольной головой, покрытой непріятно взъерошенными, рыжеватыми волосами. Широкоскулое, очень и очень румяное лицо ординарно привильно, вульгарно; сухіе дешевые глаза; скудно отмѣренный носъ, отдѣленный длиннымъ пространствомъ отъ рта, который не можетъ произнести трехъ словъ, чтобы между ними не попала какая-нибудь цифра, или по крайней мѣрѣ не было рѣчи о деньгахъ. На всемъ его существѣ лежитъ что-то скряжническое, ска-

редное, заскорузлое; однимъ словомъ, это истый сынъ Шотландіи, г. Іосифъ Юмъ. Эту фигуру слѣдовало бы выгравировать для приложенія ко всякому учебнику ариѳметики. Онъ всегда принадлежалъ къ оппозиціи, англійскіе министры всегда особенно боятся его, когда обсуждаются денежныя суммы. Даже въ то время, когда министромъ былъ Каннингъ, онъ оставался на оппозиціонной скамьѣ, и когда Каннингу приходилось въ своихъ рѣчахъ назвать какую-нибудь цифру, онъ всегда тихонько спрашивалъ сидѣвшаго рядомъ съ нимъ Гескиссона: «How much?» и когда тотъ подсказывалъ ему цифру, онъ выговаривалъ ее громко, и при этомъ почти съ улыбкой смотрѣлъ на Іосифа Юма; никогда ни одинъ человѣкъ не былъ мнѣ такъ непріятенъ, какъ этотъ. Но когда король Вильгельмъ измѣнилъ своему слову, Іосифъ Юмъ поднялся со своего мѣста съ геройскимъ мужествомъ, какъ богъ свободы, и произнесъ слова, прозвучавшія такъ же мощно и величественно, какъ колоколъ церкви св. Павла, и разумѣется, рѣчь шла опять о деньгахъ, и онъ объявилъ, что «не слѣдуетъ платить никакихъ податей», и парламентъ согласился съ предложеніемъ своего великаго гражданина.

Это и рѣшило дѣло; законный отказъ въ платежѣ податей испугалъ враговъ свободы. Они уже не отваживались вступать въ борьбу съ такимъ страннымъ народомъ, ставившимъ на карту жизнь и имущество. Правда, они все еще имѣли въ своемъ распоряженіи своихъ солдатъ и свои гинеи. Но красные рабы уже не внушали прежняго довѣрія, хотя они до сихъ поръ и повиновались такъ холопски безпрекословно палкѣ Веллингтона. Не вѣрили уже больше въ преданность подкупленныхъ ораторовъ; ибо даже англійская Nobility замѣтила теперь, что «не все на свѣтѣ продажно, и что въ концѣ-концовъ не хватитъ денегъ, чтобы все купить». Торіи уступили. И въ самомъ дѣлѣ, это было самое трусливое, но и самое умное, что они могли сдѣлать. Но какъ же случилось, что они это поняли? Ужъ не нашли ли они между камнями которыми бросали имъ въ окна, камня мудрости?

IX.

Парижъ, 16 іюня 1832.

Джонъ Булль требуетъ теперь дешеваго правительства и дешевой религіи (cheap government, cheap religion), и не хочетъ больше отдавать плоды своихъ трудовъ на то, чтобы

вся родня этихъ господъ, управляющихъ его государственными интересами, или проповѣдующихъ ему христіанское смиреніе, утопала въ самой гордой роскоши. Передъ нхъ властью онъ уже не благоговѣетъ, и даже Джонъ Булль замѣтилъ, что «la force des grands n'est que dans la tête des petits». Чары разрушены съ тѣхъ поръ, какъ англійская Nobility сама обнаружила свою слабость. Ее больше не боятся, потому что видятъ, что она состоитъ изъ такихъ же слабыхъ людей, какъ и всѣ мы. Когда упалъ первый испанецъ, и мексиканцы увидѣли, что бѣлые боги, которыхъ они видѣли вооруженными молніей и громомъ, тоже смертны, то этимъ богамъ пришлось бы въ бою плохо, если бы огнестрѣльное оружіе не рѣшило дѣла. Но у нашихъ враговъ нѣтъ этого преимущества; Бартольдъ Шварцъ изобрѣлъ порохъ для всѣхъ насъ...

Съ тѣхъ поръ, какъ билль о реформѣ возведенъ въ законъ, аристократы сдѣлались вдругъ такъ великодушны, что утверждаютъ, что не только тотъ, кто платитъ десять фунтовъ стерлинговъ податей, но и всякій англичанинъ, даже самый бѣднѣйшій, имѣетъ право голоса при выборѣ депутата въ парламентъ. Имъ желательнѣе зависѣть отъ самыхъ послѣднихъ нищихъ и самаго низшаго отребья, чѣмъ отъ зажиточнаго средняго сословія, которое не такъ легко подкупить и которое, впрочемъ, тоже не чувствуетъ къ нимъ такой глубокой симпатіи, какую они находятъ въ черни. Между этой послѣдней и высокородной знатью есть по крайней мѣрѣ избирательное сродство; обѣ онѣ, и дворянство, и чернь, питаютъ сильнѣйшее отвращеніе къ трудолюбивой ремесленной дѣятельности; онѣ стремятся скорѣе къ присвоенію чужой собственности, или къ подаркамъ и подачкамъ на чай за случайныя лакейскія услуги; дѣлать долги онѣ отнюдь не считаютъ ниже своего достоинства; и нищій, и лордъ презираютъ мѣщанскую честь; они проявляютъ одинаковое безстыдство, когда голодны, и совершенно сходятся въ своей ненависти къ зажиточному среднему сословію. Въ одной баснѣ разсказывается: верхнія ступеньки переносной лѣстницы однажды высокомѣрно говорили нижнимъ: «не думайте, что вы равны намъ, вы вязнете внизу, въ грязи, тогда какъ мы свободно воздымаемся вверху; іерархія ступеней установлена природой, освящена временемъ, она законна»; проходившій мимо философъ, услышавъ эти аристократическія рѣчи, улыбнулся и перевернулъ лѣстницу другимъ концомъ внизъ. Это случается очень часто

и въ жизни, и тогда оказывается, что верхнія и нижнія ступеньки общественной лѣстницы, будучи поставлены въ одинаковое положеніе, обнаруживаютъ одинаковый образъ мыслей. Знатные эмигранты, очутившись за границей въ бѣдственномъ матеріальномъ положеніи, обратились въ самыхъ обыкновенныхъ нищихъ по чувствамъ и по образу мыслей, тогда какъ корсиканскіе оборванцы, занявшіе во Франціи ихъ мѣсто, такъ дерзко задирали носъ и такъ важничали, какъ будто принадлежали къ стариннѣйшей аристократіи.

Какъ опасенъ этотъ союзъ знати съ чернью для друзей свободы, обнаруживается теперь самымъ отвратительнымъ образомъ на Пиринейскомъ полуостровѣ. Здѣсь, какъ и въ нѣкоторыхъ провинціяхъ западной Франціи и южной Германіи, католическое духовенство благословляетъ этотъ священный союзъ. Точно такъ же и пастыри протестантской церкви всюду стараются содѣйствовать хорошимъ отношеніямъ между народомъ и власть имущими (т. е. между чернью и аристократіей) для того, чтобы безбожники (либералы) не взяли верхъ. Они разсуждаютъ съ своей точки зрѣнія очень правильно...

Аристократы же со своей стороны увидѣли, что католичество очень полезная для нихъ религія... Правда, эти знатные люди были когда-то и сами большими безбожниками и распущенностью своихъ нравовъ способствовали паденію стараго порядка. Но они исправились и поняли, по крайней мѣрѣ, что народу надо подавать хорошій примѣръ. Послѣ того, какъ прежняя оргія окончилась такъ плохо, и на смѣну сладостному опьянѣнію грѣхомъ пришли самыя горькія бѣдствія, высокородные господа замѣнили свои скандальные романы поучительными книжками, и сдѣлались очень набожны и цѣломудренны, и хотятъ подавать народу хорошій примѣръ. Также благородныя дамы, стеревъ съ лица румяны, поднялись съ паркета грѣха, и снова приводятъ въ порядокъ свои растрепанныя прически и измятыя юбки, и проповѣдуютъ добродѣтель, благопристойность и религіозность, и хотятъ подавать народу хорошій примѣръ.

(Я долженъ былъ выпустить здѣсь нѣсколько мѣстъ, написанныхъ въ слишкомъ ужъ умѣренномъ духѣ, который въ наше реакціонное время уже и непохваленъ, и неумѣстенъ. Вмѣсто того я прилагаю въ концѣ этой статьи дополнительное, написанное послѣ, примѣчаніе).

Мнѣ пріятно воспоминаніе о первыхъ революціонныхъ битвахъ и сражавшихся въ нихъ герояхъ, я питаю къ нимъ такое высокое уваженіе, какое только можетъ чувствовать французская молодежь; да, еще до іюльскихъ дней я восхищался Робеспьеромъ и Сенъ-Жюстомъ, и великой Горой, но тѣмъ не менѣе я бы не хотѣлъ жить подъ властью правительства, составленнаго изъ столь возвышенныхъ характеровъ, я бы не могъ вынести, чтобы меня каждый день гильотинировали: да и никто не могъ это вынести, и французская республика могла только побѣдить и, побѣждая, изойти кровью. Съ моей стороны нѣтъ непослѣдовательности въ томъ, что восторженно любя эту республику, я въ то же время вовсе не желаю возстановленія во Франціи этой формы правленія, а еще менѣе — перевода ея на нѣмецкій языкъ. Можно было бы даже, не будучи непослѣдовательнымъ, желать, чтобы во Франціи была опять введена республика, а въ Германіи, напротивъ, сохранился монархизмъ. Дѣйствительно, тотъ, кому упроченіе побѣдъ, одержанныхъ во имя демократическаго принципа, дороже всякихъ другихъ интересовъ, легко могъ бы очутиться въ такомъ положеніи.

Здѣсь я касаюсь великаго спорнаго вопроса, изъ-за котораго идетъ теперь во Франціи такой кровавый и ожесточенный споръ, и долженъ объяснить причины, почему столь многіе друзья свободы все еще придерживаются теперешняго правительства, и почему другіе требуютъ его низверженія и введенія республики. Первые, филипписты, говорятъ: Франція, которая можетъ управляться только монархически, имѣетъ въ лицѣ Людовика Филиппа самаго подходящаго короля; онъ надежный защитникъ достигнутыхъ свободы и равенства, потому что самъ, въ своихъ воззрѣніяхъ и нравахъ, человѣкъ разсудительный и истинный буржуа; онъ не можетъ, какъ прежняя династія, таить въ сердцѣ злобу противъ революціи, такъ какъ и отецъ его, и онъ самъ принимали въ ней участіе; онъ не можетъ предать народъ въ руки прежней династіи, потому что, какъ родственникъ ея, долженъ ненавидѣть ее сильнѣе, чѣмъ кто бы то ни было; онъ можетъ сохранять миръ со всѣми остальными государями, потому что ради его высокаго рожденія они готовы смотрѣть сквозь пальцы на его иллегитимность, тогда какъ, будь возведенъ на французскій престолъ какой-нибудь roturier, или будь провозглашена республика, они сейчасъ же объявили бы войну, а между тѣмъ миръ необходимъ для счастья Франціи. На это республиканцы возражаютъ: Тихое

счастье мира, безъ сомнѣнія, великое благо, но безъ свободы оно не имѣетъ цѣны; этой мыслью руководствовались ихъ отцы, когда взяли приступомъ Бастилію и отрубили голову Людовику Капету, и вступили въ войну со всей аристократіей Европы; эта война еще не кончилась, теперь только перемиріе, европейская аристократія все еще питаетъ къ Франціи глубочайшую непріязнь; это кровная вражда, которая прекратится только съ уничтоженіемъ одной изъ этихъ двухъ силъ; что же касается Людовика Филиппа, то онъ вѣдь король, и сохраненіе короны для него самое главное; при этомъ онъ, благодаря различнымъ семейнымъ отношеніямъ, бросается то въ одну, то въ другую сторону и обреченъ на самую жалкую нерѣшительность въ дѣйствіяхъ, вслѣдствіе чего онъ непригодный представитель тѣхъ священнѣйшихъ интересовъ, которые нѣкогда только республика могла защищать съ такой силой и ради которыхъ возстановленіе республики является теперь необходимостью.

Кто во Франціи не владѣетъ дорогими имѣніями, которыя могли бы погибнуть вслѣдствіе войны, можетъ легко проникнуться сочувствіемъ къ этимъ воинственнымъ борцамъ, которые приносятъ въ жертву демократическому принципу тихое счастье жизни, не жалѣютъ ни имущества, ни крови, и хотятъ сражаться до тѣхъ поръ, пока во всей Европѣ не будетъ уничтожена аристократія. Такъ какъ къ Европѣ принадлежитъ и Германія, то многіе нѣмцы сочувствуютъ этимъ французскимъ республиканцамъ; но такъ какъ въ этихъ случаяхъ часто заходятъ уже слишкомъ далеко, то у многихъ это сочувствіе переходитъ въ пристрастіе къ самой формѣ республики, и тутъ мы видимъ явленіе почти непостижимое, а именно, нѣмецкихъ республиканцевъ. Что поляки и итальянцы, ожидающіе такъ же, какъ и нѣмецкіе друзья свободы, больше пользы отъ французскихъ республиканцевъ, чѣмъ отъ juste-milieu, и потому болѣе расположенные къ первымъ, чувствуютъ теперь тоже склонность къ республиканской, не совсѣмъ чуждой имъ формѣ правленія — это весьма естественно. Но нѣмецкіе республиканцы! Едва вѣришь собственнымъ ушамъ и собственнымъ глазамъ, а между тѣмъ таковыхъ встрѣчаешь и здѣсь, и въ Германіи.

До сихъ поръ еще, когда я встрѣчаю моихъ нѣмецкихъ республиканцевъ, я протираю глаза и говорю себѣ: ужъ не во снѣ ли ты это видишь! А когда я еще читаю «Нѣмецкую Трибуну» и тому подобныя газеты, то спрашиваю себя: кто же тотъ великій поэтъ, который сочиняетъ все это? Суще-

ствуетъ ли еще докторъ Виртъ со своимъ сверкающимъ мечомъ чести? Или онъ только созданіе фантазіи Тика и Иммермана? Но я сознаю, что поэзія не можетъ подняться такъ высоко, что наши великіе поэты все-таки не въ силахъ изображать такіе крупные характеры, и что докторъ Виртъ на самомъ дѣлѣ живетъ, какъ странствующій, правда, но храбрый рыцарь свободы, какихъ Германія немного видѣла со временъ Ульриха фонъ-Гуттена.

Неужели тихая страна грёзъ ожила, пришла въ движеніе? Кто могъ бы это подумать до іюля 1830 г.! Гёте своимъ баюшки-баю, піетисты своимъ скучнымъ назидательнымъ тономъ, мистики своимъ магнетизмомъ совсѣмъ усыпили Германію, и на далекое пространство все кругомъ лежало недвижимо и спало. Но сномъ были объяты только тѣла; заключенныя въ нихъ души сохранили удивительное самосознаніе. Авторъ этихъ страницъ, въ то время молодой человѣкъ, странствовалъ по нѣмецкимъ землямъ и наблюдалъ спящихъ людей; я видѣлъ скорбь на ихъ лицахъ, я изучалъ ихъ физіономіи, я прикладывалъ руку къ ихъ сердцу, и они начали, подобно лунатикамъ, говорить во снѣ странно отрывистыя рѣчи, раскрывавшія ихъ затаеннѣйшія мысли. Стражи народа, натянувъ низко на уши свои золотые ночные колпаки и закутавшись въ горностаевые халаты, сидѣли на красныхъ мягкихъ креслахъ и тоже спали, и даже храпѣли. Странствуя такимъ образомъ съ котомкой и палкой, я громко говорилъ или пѣлъ о томъ, что вычиталъ на лицахъ спящихъ людей, или подслушалъ въ ихъ вздыхающихъ сердцахъ; вокругъ меня было очень тихо, и я слышалъ только эхо моихъ собственныхъ словъ. Съ тѣхъ поръ Германія, разбуженная громомъ пушекъ великой недѣли, проснулась, и всякій, молчавшій до сихъ поръ, хочетъ теперь поскорѣе наверстать потерянное, и вотъ поднялась оглушительная болтовня и трескотня, и при этомъ курятъ табакъ, и изъ темныхъ облаковъ дыма надвигается страшная гроза. Это точно взволновавшееся море, и выдающихся изъ него утесахъ стоятъ вожаки ораторы; одни, оттопыривъ щеки, изо всей силы дуютъ на волны, и воображаютъ, что это они подняли бурю и что чѣмъ сильнѣе они дуютъ, тѣмъ яростнѣе реветъ ураганъ; другіе робѣютъ, они слышатъ, какъ трещатъ государственные корабли, они съ ужасомъ смотрятъ на дикія волны, и такъ какъ имъ извѣстно изъ учебниковъ, что деревяннымъ масломъ можно усмирить море, то они и выливаютъ свои кабинетныя лампочки въ бу-

шующее море людей, или, говоря прозаически, пишутъ брошюрочки въ примирительномъ духѣ, и удивляются, что средство это не помогаетъ, и вздыхаютъ: «Oleum perdidi!»

Не трудно предвидѣть, что идея республики, какъ понимаютъ ее нынѣ многіе нѣмецкіе умы, отнюдь не есть мимолетная мечта. И доктора Вирта, и Зибенпфейфера, и г. Шарпфа, и Георга Фейна изъ Брауншвейга, и Гроссе, и Шюлера, и Савуа можно засадить, и ихъ засадятъ; но мысли ихъ остаются свободны и свободно, какъ птицы, летаютъ въ воздухѣ. Какъ птицы, вьютъ онѣ гнѣзда въ верхушкахъ нѣмецкихъ дубовъ и, можетъ-быть, въ продолженіе цѣлаго полувѣка ихъ не будетъ ни видно, ни слышно, пока, наконецъ, въ одно прекрасное лѣтнее утро, они не появятся на публичномъ рынкѣ, выросшія, возмужалыя, подобно орлу отца боговъ, съ молніями въ когтяхъ. Что значитъ какихъ-нибудь полстолѣтія, или даже цѣлое столѣтіе? У народовъ много времени, они вѣчны...

Я не вѣрю въ близость нѣмецкой революціи, а еще менѣе—въ нѣмецкую республику; до этой послѣдней я во всякомъ случаѣ не доживу; но я убѣжденъ, что когда мы давно уже спокойно истлѣемъ въ нашихъ гробахъ, въ Германіи будутъ словомъ и мечомъ сражаться за республику. Ибо республика есть идея, а никогда еще нѣмцы не отказывались отъ идеи, не отстоявъ ее до конца, со всѣми вытекающими изъ нея послѣдствіями. Мы, нѣмцы, во времена нашего художественнаго періода исчерпывавшіе до послѣдняго основанія малѣйшій спорный вопросъ эстетики, какъ, напримѣръ, вопросъ о сонетѣ, какъ можемъ мы теперь, когда начинается нашъ политическій періодъ, оставить невыясненнымъ этотъ болѣе важный вопросъ?

Для этой полемики снабдили насъ совершенно особымъ оружіемъ французы; ибо въ послѣднее время оба народа, и французы, и нѣмцы, многому научились другъ отъ друга; первые восприняли много нѣмецкой философіи и поэзіи, мы же—много политической опытности и практическаго смысла французовъ; оба народа похожи на тѣхъ Гомеровскихъ героевъ, которые въ знакъ дружбы мѣняются на полѣ битвы оружіемъ. Отсюда вообще та большая перемѣна, которая происходитъ въ настоящее время съ нѣмецкими писателями. Въ прежнія времена они были либо фактическими учеными, либо поэтами; они мало заботились о народѣ, для него не писали ни тѣ, ни другіе, и въ философской поэтической Германіи народъ оставался въ оковахъ самаго неповоротливаго

его. Да, съ тѣхъ поръ, какъ я изучаю французскихъ республиканцевъ, какъ въ ихъ писаніяхъ, такъ и въ жизни, я всюду встрѣчаю, какъ характерный признакъ, это недовѣріе къ лицу, эту ненависть къ авторитету имени. Не изъ мелочной жажды равенства ненавидятъ эти люди великія имена, нѣтъ, они боятся, чтобы лица, носящія такія имена, не воспользовались ими во вредъ свободѣ, или, быть-можетъ, по слабости и уступчивости не позволили другимъ злоупотреблять ихъ именемъ тоже въ ущербъ свободѣ. Именно потому во время революціи было казнено такъ много великихъ популярныхъ героевъ свободы, что боялись, чтобы въ критическую минуту ихъ авторитетъ не оказалъ вреднаго вліянія. Вотъ почему и теперь еще мнѣ случается отъ многихъ слышать республиканское ученіе, что надо губить всѣ либеральныя репутаціи, потому что въ рѣшительныя минуты онѣ оказываютъ всегда самое вредное вліяніе, какъ еще недавно доказалъ примѣръ Лафайета, которому обязаны «лучшей республикой».

Можетъ-быть, я указалъ здѣсь мимоходомъ причину, почему теперь во Франціи такъ мало выдающихся репутацій: онѣ большею частью уже уничтожены. Начиная отъ самыхъ высшихъ лицъ и кончая самыми низшими, здѣсь не существуетъ больше авторитетовъ. Отъ Людовика Филиппа I до Александра, chef des claqueurs, отъ великаго Талейрана до Видока, отъ Гаспара Дебюро, знаменитаго Пьеро въ театрѣ Funambules, до Гіацинта де-Келена, архіепископа парижскаго, отъ monsieur Штауба, maître tailleur, до благочестиваго барашка, де-Ламартина, отъ Гизо до Поль де-Кока, отъ Керубини до Биффи, отъ Россини до самаго мелкаго музыканта—ни одинъ человѣкъ, каково бы ни было его ремесло, не пользуется здѣсь неоспоримымъ значеніемъ. Впрочемъ, здѣсь уничтожена не только вѣра въ лица, но вообще вѣра во все существующее. Въ большинствѣ случаевъ даже и не сомнѣваются, ибо сомнѣніе само по себѣ уже предполагаетъ вѣру; здѣсь нѣтъ атеистовъ, даже старая религія окончательно умерла и уже начала разлагаться; «большинство французовъ» не хочетъ больше ничего слышать объ этомъ трупѣ, и затыкаетъ носъ платкомъ, когда заходитъ рѣчь о католицизмѣ. Старая мораль также умерла, или лучше сказать, онъ теперь только привидѣніе, которое не показывается даже и ночью. Право, когда я наблюдаю этотъ народъ, какъ онъ иногда обрушивается на алтарь и тронъ, какъ постоянно требуетъ новаго хлѣба и новыхъ

игръ, и забавляется, глядя, какъ изъ ранъ его собственнаго сердца ключомъ бьетъ дерзкая кровь жизни, то мнѣ сдается, что этотъ народъ не вѣритъ даже въ смерть.

У такихъ невѣрующихъ монархія коренится еще только въ мелочныхъ потребностяхъ тщеславія; но болѣе могущественная сила влечетъ ихъ противъ воли къ республикѣ. Присущей этимъ людямъ потребности въ отличіяхъ и блескѣ соотвѣтствуетъ только монархическая форма правленія, и тѣмъ не менѣе, благодаря несогласимости своей натуры съ условіями роялизма, они обречены на республику. Но нѣмцы пока еще не въ такомъ положеніи, вѣра въ авторитеты въ нихъ еще не угасла, и ничто существенное не побуждаетъ ихъ къ республиканской формѣ правленія. Они не переросли еще роялизма, уваженіе къ князьямъ насильственно не поколеблено въ нихъ, они не пережили бѣдствіе 21-го января, они вѣрятъ еще въ лицъ, вѣрятъ въ авторитеты, въ высокопоставленное начальство, въ полицію, въ «Галлэскую Литературную Газету», въ пропускную и въ оберточную бумагу, а пуще всего въ пергаменты.

Писатель, желающій содѣйствовать соціальной революціи, долженъ всегда опережать свое время на столѣтіе; трибунъ же, имѣющій въ виду политическую революцію, наоборотъ, не долженъ слишкомъ удаляться отъ массъ. Вообще, въ политикѣ, какъ и въ жизни, слѣдуетъ желать только достижимаго.

Говоря выше о республиканизмѣ французовъ, я имѣлъ въ виду, какъ уже было упомянуто, скорѣе непроизвольное стремленіе народа, чѣмъ его ясно выраженную волю. Какъ мало выраженная воля народа благопріятствуетъ въ данную минуту республиканцамъ, обнаружилось 5-го и 6-го іюня. Я уже сообщилъ достаточно горестныхъ свѣдѣній объ этихъ достопамятныхъ дняхъ, чтобы не имѣть надобности входить въ болѣе подробное обсужденіе ихъ. Къ тому же судебное слѣдствіе еще не закончено; можетъ-быть, показанія передъ военнымъ судомъ прольютъ на эти дѣла больше свѣта, чѣмъ сколько можно было добыть ихъ до сихъ поръ. Покамѣстъ еще неизвѣстно, изъ-за чего собственно началась драка, и еще менѣе, какъ велико было число сражавшихся. Въ интересахъ филиппистовъ представлять все дѣло, какъ заранѣе подготовленный заговоръ, и преувеличивать число своихъ враговъ. Этимъ они оправдываютъ теперешнія насильственныя мѣры правительства и пріобрѣтаютъ славу, какъ люди, совершившіе великій военный подвигъ. Оппозиція же,

наоборотъ, утверждаетъ, что это возстаніе отнюдь не было подготовлено заранѣе, что число республиканцевъ было очень ограничено, и что у нихъ совсѣмъ не было вождей. Это, кажется, правда. Во всякомъ случаѣ, однако, для оппозиціи большое счастье, что эта неудавшаяся попытка революціи произошла какъ разъ въ то время, когда оппозиція была собрана in corpore и какъ бы стояла въ боевомъ порядкѣ. Но если оппозиція утратила черезъ это часть значенія, которымъ пользовалась, то правительство потеряло въ этомъ отношеніи еще больше, благодаря своему необдуманному объявленію état de siège. Оно какъ будто хотѣло показать, что если на то пойдетъ, то оно сумѣетъ осрамить себя еще больше, чѣмъ оппозиція. Я въ самомъ дѣлѣ думаю, что дни 5-го и 6-го іюня слѣдуетъ считать простымъ событіемъ, которое не было особенно подготовлено. Похороны Ламарка должны были служить не болѣе, какъ большимъ военнымъ смотромъ оппозиціи. Но собраніе столькихъ враждебно настроенныхъ и воинственныхъ людей внезапно было охвачено непреодолимымъ энтузіазмомъ, вдохновеніе свыше сошло на нихъ не во-время, они начали не во-время пророчествовать, а видъ краснаго знамени, вѣроятно, подѣйствовалъ на нихъ магически и совсѣмъ лишилъ ихъ разсудка.

Есть что-то мистическое въ этомъ красномъ, съ черной каймой, знамени, на которомъ написаны черными буквами слова «la liberté ou la mort!», и которое, подобно хоругви смерти, высоко развѣвалось надъ всѣми головами на Аустерлицкомъ мосту. Многіе, видѣвшіе своими глазами таинственнаго знаменоносца, увѣряютъ, что это былъ высокій, худощавый человѣкъ, съ длиннымъ мертвеннымъ лицомъ, неподвижными глазами, сжатымъ ртомъ, надъ которымъ съ обѣихъ сторонъ торчали черные староиспанскіе усы съ длинными заостренными концами, и эта страшная фигура сидѣла неподвижная, какъ привидѣніе, на большомъ ворономъ клеперѣ, въ то время, какъ кругомъ яростно кипѣла битва.

Слухи, которые въ настоящее время ходятъ насчетъ Лафайета, въ связи съ этимъ знаменемъ, старательнѣйше опровергаются его друзьями. По ихъ словамъ, онъ не возлагалъ вѣнка ни на красное знамя, ни на красный колпакъ. Бѣдный генералъ сидитъ дома и плачетъ о печальномъ исходѣ этого торжества, въ которомъ, какъ въ большинствѣ народныхъ возстаній съ самаго начала революціи, онъ опять

игралъ роль, какъ всегда, невольно увлеченный общимъ движеніемъ и съ добрымъ намѣреніемъ—своимъ личнымъ присутствіемъ воздержать народъ отъ слишкомъ крайнихъ увлеченій. Онъ похожъ на того гувернера, который сопровождалъ своего питомца въ публичный домъ, чтобы онъ тамъ не напивался, и ходилъ съ нимъ въ трактиры, чтобы онъ тамъ по крайней мѣрѣ не игралъ, и слѣдовалъ за нимъ въ игорные дома, чтобъ уберечь его тамъ отъ дуэлей; но когда дѣло дошло до настоящей дуэли, старикъ самъ былъ секундантомъ.

Хотя можно было заранѣе предвидѣть, что на похоронахъ Ламарка, гдѣ собралась цѣлая толпа недовольныхъ, должны произойти нѣкоторые безпорядки, но все же никто не думалъ, что можетъ вспыхнуть настоящее возстаніе. Можетъ-быть, именно мысль, что теперь всѣ въ такомъ прекрасномъ сборѣ, и побудила нѣсколькихъ республиканцевъ устроить импровизированное возстаніе. Минута во всякомъ случаѣ была выбрана благопріятная для того, чтобы вызвать всеобщее одушевленіе и воспламенить даже колеблющихся. По крайней мѣрѣ то была минута, которая сильно взволновала умы и изгнала изъ нихъ обыкновенное будничное настроеніе и всякія мелкія заботы и опасенія. Даже на спокойнаго зрителя эти похороны не могли не произвести сильнаго впечатлѣнія, какъ по числу шедшихъ за гробомъ, достигавшему болѣе ста тысячъ, такъ и по той мрачной отвагѣ, которую обнаруживали ихъ лица и жесты. Особенно возвышалъ душу, но въ то же время внушалъ и страхъ, видъ молодежи всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній Парижа, Amis du peuple и множества другихъ республиканцевъ всѣхъ слоевъ общества, которые, оглашая воздухъ страшнымъ ликованіемъ, проходили, подобно вакханкамъ свободы, съ обвитыми зеленью палками въ рукахъ, которыми они потрясали, какъ тирсами, съ зелеными ивовыми вѣнками вокругъ маленькихъ шапочекъ, одѣтые съ братской простотой, съ глазами, опьяненными жаждой подвиговъ, съ ярко пылающими шеями и щеками. Ахъ, на многихъ изъ этихъ лицъ я замѣтилъ меланхолическую тѣнь близкой смерти, которую вѣдь очень легко предсказать молодымъ героямъ. Кто видѣлъ этихъ юношей въ ихъ гордомъ упоеніи свободой, тотъ ясно чувствовалъ, что многимъ изъ нихъ не долго суждено прожить. Печальнымъ предзнаменованьемъ было и то, что побѣдная колесница, за которой слѣдовала съ ликованьемъ эта вакхическая молодежь, везла не живого, а мертваго тріумфатора.

Несчастный Ламаркъ! Сколько крови стоили твои похороны! И то не были подневольные, или наемные гладіаторы, рубившіе другъ друга для того, чтобы воинственной игрой придать больше суетнаго блеска погребальному торжеству. То была цвѣтущая, полная одушевленія молодежь, отдававшая свою кровь за самыя святыя чувства, за самую благородную мечту своей души. Кровь, пролитая въ улицы Сенъ-Мартенъ, была лучшей кровью Франціи, и я не думаю, чтобы при Фермопилахъ дрались храбрѣе, чѣмъ при въѣздѣ въ переулки Сенъ-Мери и Обри-де-Буше, гдѣ подъ конецъ горсть республиканцевъ въ какихъ-нибудь шестьдесятъ человѣкъ защищались противъ 60.000 линейныхъ войскъ и національной гвардіи и дважды отбивала ихъ. Старые солдаты Наполеона, знающіе толкъ въ военномъ дѣлѣ не хуже, чѣмъ мы въ католической догматикѣ, въ посредничествѣ между крайними мнѣніями или въ дарованіи актрисы, утверждаютъ, что битва въ улицѣ Сенъ-Мартенъ принадлежитъ къ величайшимъ геройскимъ подвигамъ новѣйшей исторіи. Республиканцы показали чудеса храбрости, и тѣ немногіе, которые остались въ живыхъ, и не думали просить пощады. Это потверждается всѣми моими разслѣдованіями, которыя я, какъ того требуетъ моя служба, произвелъ добросовѣстно. Большинство изъ нихъ были заколоты штыками національныхъ гвардейцевъ. Когда всякое сопротивленіе стало безполезно, нѣкоторые республиканцы подставили свою обнаженную грудь врагамъ и пали подъ ихъ выстрѣлами. Послѣ того, какъ угловой домъ въ улицѣ Сенъ-Мери былъ взятъ, одинъ изъ воспитанниковъ Ecole d'Alfort взобрался на крышу со знаменемъ въ рукахъ, прокричалъ свое: «Vive la république!» и полетѣлъ внизъ, пронзенный пулями. Въ одинъ домъ, гдѣ въ первомъ этажѣ еще держались республиканцы, ворвались солдаты и сломали лѣстницу; но тѣ, не желая даться живыми въ руки своихъ враговъ, сами покончили съ собой, и побѣдители овладѣли лишь комнатой, наполненной трупами. Эту исторію мнѣ разсказали въ церкви Сенъ-Мери, и я долженъ былъ прислониться къ статуи св. Себастіана, чтобы не упасть отъ внутренняго волненія, и заплакалъ, какъ дитя. Всѣ героическіе разсказы, надъ которыми я такъ много плакалъ, будучи еще мальчикомъ, воскресли при этомъ въ моей памяти, но больше всего я думалъ о Клеоменѣ, спартанскомъ царѣ, и о его двѣнадцати спутникахъ, которые бѣгали по улицамъ Александріи, и возбуждали народъ къ борьбѣ за

свободу, и не находили единомышленныхъ сердецъ, и не желая попасть въ руки слугъ тирана, сами убили себя; прекрасный Антей остался послѣднимъ, еще разъ наклонился онъ надъ мертвымъ Клеоменомъ, своимъ возлюбленнымъ другомъ, и поцѣловалъ еще разъ дорогія уста, и ринулся затѣмъ на свой мечь.

Относительно числа сражавшихся въ улицѣ Сенъ-Мартенъ еще не выяснено ничего положительнаго. Я полагаю, что въ началѣ тамъ было собрано около двухсотъ республиканцевъ, но, какъ сказано выше, въ теченіе дня 6-го іюня это число сократилось до шестидесяти. Между ними не было ни одного человѣка съ громкимъ именемъ, или такого, который былъ бы раньше извѣстенъ, какъ выдающійся защитникъ республиканизма. Это опять-таки показываетъ, что если въ настоящее время во Франціи не слышно особенно громкихъ именъ героевъ, то виною этому никакъ не недостатокъ въ герояхъ. Вообще, повидимому, миновалъ тотъ періодъ міровой исторіи, когда на первый планъ выступали подвиги отдѣльныхъ личностей; народы, партіи, массы—сами герои новаго времени; новая трагедія отличается отъ древней тѣмъ, что теперь хоры дѣйствуютъ и исполняютъ собственно главныя роли, тогда какъ боги, герои и тираны, бывшіе прежде дѣйствующими лицами, снизошли теперь на степень умѣренныхъ представителей воли партій и дѣяній народа, и фигурируютъ въ видѣ болтающей обстановки, какъ тронные ораторы, президенты банкетовъ, выборные ландтага, министры трибуны и т. д. Весь «круглый столъ» великаго Людовика Филиппа, вся оппозиція со своими comptes rendus, своими депутаціями, господами Одиллонъ Барро, Лафитомъ и Араго, всѣ эти обветшалыя знаменитости, эти мнимые столпы—какими пассивными и мизерными кажутся они въ сравненіи съ героями улицы Сенъ-Мартенъ, имена которыхъ никому неизвѣстны, которые умерли, такъ сказать, анонимно.

Скромная смерть этихъ великихъ неизвѣстныхъ не только возбуждаетъ въ насъ скорбное сожалѣніе, но въ то же время и ободряетъ насъ, какъ доказательство, что есть много тысячъ совсѣмъ неизвѣстныхъ намъ людей, которые готовы жертвовать жизнью за святое дѣло свободы. Но деспотовъ долженъ охватить тайный ужасъ при мысли, что они постоянно окружены такой незнакомой толпой жаждущихъ смерти людей, точно замаскированными членами священнаго тайнаго суда. Справедливо боятся они Франціи, красной земли свободы!

Ошибочно было бы думать, что герои улицы Сенъ-Мартенъ принадлежали къ низшимъ классамъ народа, или даже къ черни, какъ принято выражаться; нѣтъ, это были большею частью студенты, прекрасные юноши изъ Ecole d'Alfort, художники, журналисты, вообще передовые люди, и среди нихъ и нѣсколько рабочихъ, у которыхъ подъ грубыми куртками бились очень тонкія сердца. Около монастыря Сенъ-Мери, повидимому, сражались только молодые люди; въ другихъ мѣстахъ дрались также и люди пожилые. Между плѣнными, которыхъ на моихъ глазахъ вели по городу, были даже и старики, и особенно поразило меня лицо одного старика, котораго, вмѣстѣ съ нѣсколькими учениками Ecole Polytechnique, вели въ Conciergerie. Молодые люди шли съ опущенными головами, мрачные и растрепанные, съ душой, растерзанной такъ же, какъ и ихъ платье; старикъ же, напротивъ, былъ одѣтъ хотя бѣдно и старомодно, но аккуратно, въ поношенномъ соломенножелтомъ фракѣ, такихъ же жилеткѣ и панталонахъ, самаго новѣйшаго покроя 1793 г., съ большою трехугольною шляпой на старой напудренной головкѣ и лицомъ такимъ беззаботнымъ, почти радостнымъ, точно онъ шелъ на свадьбу; за нимъ бѣжала старая женщина съ дождевымъ зонтикомъ въ рукахъ, который она, повидимому, захватила для него, и во всякой складкѣ ея лица выражался смертельный ужасъ, какой только можно испытывать, зная, что кто-нибудь изъ нашихъ близкихъ долженъ предстать передъ военнымъ судомъ и будетъ разстрѣлянъ въ двадцать четыре часа. Я никакъ не могу забыть лицо этого старика. Въ моргѣ я видѣлъ 8-го іюня также одного старика, покрытаго ранами, и, какъ увѣрялъ меня стоявшій около меня національный гвардеецъ, такъ же сильно скомпрометированнаго, какъ республиканецъ. Но онъ лежалъ на скамьѣ въ моргѣ. Морга—зданіе, куда переносятъ и гдѣ выставляютъ трупы, найденные на улицѣ, или въ Сенѣ, и куда, слѣдовательно, приходятъ обыкновенно родственники разыскивать своихъ покойниковъ.

Въ вышеупомянутый день 8-го іюня около морги столпилось столько людей, что образовался «хвостъ», какъ передъ Grand Opéra, когда даютъ «Роберта Дьявола». Мнѣ пришлось дожидаться почти часъ, пока меня впустили, и я имѣлъ довольно времени, чтобы подробно разглядѣть этотъ мрачный домъ, похожій скорѣе на огромную каменную глыбу. Не знаю, что означаетъ висячій надъ входомъ желтый деревянный кругъ съ голубой серединой, похожій на большую

бразильскую кокарду. Номеръ дома 21, vingt un. Внутри грустно было смотрѣть, какъ тревожно нѣкоторые люди всматривались въ выставленныхъ покойниковъ, постоянно боясь найти того, кого искали. Было тамъ двѣ ужасныхъ сцены: маленькій мальчикъ увидѣлъ своего мертваго брата и остановился молча, точно приросъ къ землѣ; молодая дѣвушка нашла своего мертваго возлюбленнаго и съ крикомъ лишилась чувствъ. Такъ какъ я ее зналъ, то на мою долю выпала печальная забота отвезти безутѣшную домой. Она была мастерица въ одномъ модномъ магазинѣ по сосѣдству со мною, гдѣ работаютъ восемь молодыхъ женщинъ—все республиканки. Ихъ возлюбленные тоже всѣ молодые республиканцы. Я въ этомъ домѣ былъ всегда единственнымъ роялистомъ.

ВСТАВКА КЪ СТАТЬѢ IX.

(Написано 1-го октября 1832 года).

Выпущенное въ предыдущей корреспонденціи мѣсто касалось главнымъ образомъ нѣмецкаго дворянства. Но чѣмъ больше я размышляю о послѣднихъ событіяхъ, тѣмъ важнѣе кажется мнѣ эта тема, и я долженъ рѣшиться поскорѣе основательно потолковать о ней. Вѣрьте, мною руководятъ при этомъ не какія-нибудь личныя чувства; я, кажется, доказалъ въ послѣднее время, что моя борьба ведется противъ принциповъ, а не непосредственно противъ самой личности моихъ противниковъ. Теперешніе enragés въ послѣднее время прославили меня вслѣдствіе этого за тайнаго союзника аристократовъ, и если бы возстаніе 5-го іюня не окончилось неудачей, имъ было бы легко приговорить меня къ тому роду смерти, который они придумали для меня. Я охотно прощаю имъ эту глупость; и только въ моей корреспонденціи 7-го іюня у меня проскользнуло словечко на этотъ счетъ.—Духъ партій настолько же слѣпой, насколько бѣшеный звѣрь.

Съ нѣмецкимъ дворянствомъ дѣло, однако, стоитъ очень плохо. Никакая конституція, даже самая лучшая, не въ состояніи помочь намъ до тѣхъ поръ, пока все нѣмецкое дворянство не будетъ уничтожено въ самомъ корнѣ. Бѣдные нѣмецкіе государи сами въ величайшемъ затрудненіи, ихъ лучшія намѣренія безплодны, имъ приходится дѣйствовать вопреки своимъ священнѣйшимъ клятвамъ, они принуждены наносить вредъ дѣлу народа, однимъ словомъ, они не могутъ оставаться вѣрными конституціямъ, которымъ прися-

гали, до тѣхъ поръ, пока не будутъ освобождены отъ тѣхъ болѣе древнихъ конституцій, которыя сумѣло вынудить у нихъ дворянство тонкими происками куртизанства въ ту пору, когда оно лишилось своей блестящей вооруженной независимости; конституцій, которыя, какъ написанное обычное право, коренятся глубже всякихъ напечатанныхъ клякспапирныхъ установленій; конституцій, кодексъ которыхъ всякій мелкій дворянчикъ знаетъ наизусть, и исполненіе которыхъ находится подъ особымъ покровительствомъ каждаго стараго придворнаго; конституцій, въ которыхъ даже самый абсолютнѣйшій монархъ не рѣшится нарушить ни малѣйшей іоты; я говорю объ этикетѣ.

Благодаря этикету, нѣмецкіе государи находятся вполнѣ во власти дворянства, они несвободны, они невмѣняемы, и вѣроломство, проявленное нѣкоторыми изъ нихъ въ послѣднихъ постановленіяхъ союзнаго сейма, слѣдуетъ, если справедливо разсудить, приписать не столько ихъ собственной волѣ, сколько условіямъ, въ которыя они поставлены. Никакая конституція не можетъ обезпечить права народа до тѣхъ поръ, пока государи окованы этикетными цѣпями дворянства, которое, какъ только затрагиваются кастовые интересы, оставляетъ въ сторонѣ всякія личныя распри и дѣйствуетъ дружно, какъ одно цѣлое. Что же можетъ подѣлать единичный человѣкъ, король, противъ этой корпораціи, искусной въ интригахъ, знающей всѣ слабости государя, считающей въ числѣ своихъ сочленовъ его ближайшихъ родственниковъ, пользующейся исключительнымъ правомъ находиться возлѣ его особы, такимъ образомъ, что государь, если даже онъ ненавидитъ своихъ дворянъ, не можетъ отстранить ихъ отъ себя, и долженъ выносить ихъ милый видъ, позволять имъ одѣвать его, умывать и цѣловать его руки, долженъ съ ними пить, ѣсть и разговаривать—потому что они приняты ко двору, потому что, благодаря своимъ наслѣдственнымъ правамъ, они имѣютъ привилегію на всѣ придворныя должности, и потому что всѣ придворныя дамы возмутились бы и отравили бы бѣдному королю существованіе въ его собственномъ домѣ, если бы онъ вздумалъ дѣйствовать согласно внушеніямъ своего сердца, а не по предписаніямъ этикета. Вотъ почему англійскій король Вильгельмъ, честный и добрый государь, благодаря проискамъ своего высокороднаго штата, былъ вынужденъ самымъ жалкимъ образомъ измѣнить своему слову, и пожертвовать своимъ честнымъ именемъ, и навсегда лишиться уваженія и довѣрія своего на-

рода. Вотъ почему одинъ изъ благороднѣйшихъ и умнѣйшихъ государей, когда-либо украшавшихъ тронъ, Людовикъ Баварскій, который три года тому назадъ былъ такъ горячо преданъ дѣлу народа, и такъ твердо противостоялъ всѣмъ поработительнымъ попыткамъ своего дворянство, и съ такимъ геройскимъ мужествомъ переносилъ ихъ фрондирующее нахальство и клеветы—вотъ почему и онъ, усталый и обезсиленный, падаетъ теперь въ ихъ измѣнническія объятія и измѣняетъ самому себѣ! Бѣдное сердце, нѣкогда столь жаждавшее славы и столь гордое, какъ же, значитъ, ты упало духомъ, если ради того, чтобы не безпокоить себя противорѣчіями нѣкоторыхъ надоѣдливыхъ подданныхъ, ты отказалось отъ независимой верховной власти и обратилось само въ подданнаго вассала, вассала твоихъ природныхъ враговъ, вассала твоихъ свойственниковъ!

Повторяю, никакія написанныя конституціи не могутъ намъ помочь до тѣхъ поръ, пока мы съ корнемъ не вырвемъ наше нѣмецкое дворянство. Для этого недостаточно еще уничтожить его привилегіи посредствомъ обсужденій, вотированій, и утвержденій, и обнародованій различныхъ законовъ; все это дѣлалось не разъ въ разныхъ мѣстностяхъ, и тѣмъ не менѣе, въ нихъ попрежнему господствуютъ только дворянскіе интересы. Мы должны уничтожить традиціонныя злоупотребленія въ придворномъ домашнемъ быту, ввести новые порядки въ этой средѣ, сломить этикетъ, и для того, чтобы самимъ сдѣлаться свободными, начать дѣло съ освобожденія нашихъ государей, съ эмансипаціи нашихъ королей. Надо прогнать старыхъ драконовъ отъ источника власти. Когда вы этого достигнете, то будьте настороже, чтобы они какъ-нибудь ночью не подползли опять къ источнику и не отравили его... Въ нашихъ конституціонныхъ государствахъ мы должны сами воспитывать принцевъ, а не предоставлять этого дѣла тѣмъ высокороднымъ гувернерамъ, которые воспитываютъ ихъ въ интересахъ своей касты и уродуютъ ихъ тѣло и душу. Нѣтъ ничего болѣе опаснаго для нашего народа, какъ это раннее вселеніе «юнкерскаго» духа въ наслѣдныхъ принцевъ. Пусть воспитателемъ принца будетъ лучшій гражданинъ по выбору народа, лица же съ дурной репутаціей, или хоть мало-мальски запятнанные, должны быть силой закона удаляемы отъ особы молодого принца. Если же, несмотря на это, который-нибудь изъ нихъ, съ наглой навязчивостью, свойственной въ такихъ случаяхъ этимъ людямъ, сумѣетъ протискаться впередъ, то

пусть его высѣкутъ на базарной площади самымъ прекраснымъ размѣромъ и пусть раскаленнымъ желѣзомъ выжгутъ у него на плечѣ этотъ размѣръ. Если же онъ станетъ утверждать, что протѣснился къ особѣ молодого принца только для того, чтобы прослыть за умнаго и остроумнаго человѣка, и если при этомъ у него толстое брюхо, какъ у сэра Джона, то пусть его посадятъ просто въ смирительный домъ, только въ то отдѣленіе, гдѣ сидятъ женщины.

Впрочемъ, бываютъ также и бѣлые вороны. Какъ я уже обѣщалъ въ предисловіи къ «Письмамъ Кальдорфа къ графу Мольтке», объ этомъ предметѣ я поговорю подробнѣе впослѣдствіи; при этомъ особенно интересна будетъ статистика дипломатическаго корпуса, которому ввѣрены интересы нашего народа. Къ ней будутъ приложены таблицы съ списками различныхъ добродѣтелей этихъ господъ въ различныхъ столицахъ. Изъ нихъ можно будетъ усмотрѣть, напримѣръ, что въ одномъ изъ этихъ городовъ каждый третій человѣкъ этой благородной компаніи либо игрокъ, либо не имѣющій родины наемникъ, либо мошенникъ, либо сводникъ своей собственной жены, либо супругъ своего жокея, либо всесвѣтный шпіонъ, либо какой-нибудь другой знатный негодяй. Ради этой статистики я предпринялъ очень основательное изученіе источниковъ, а именно за столами царя Фараона и другихъ царей востока, на вечерахъ прекраснѣйшихъ богинь танцевъ и пѣнія, въ храмахъ обжорства и волокитства, словомъ, въ самыхъ знатнѣйшихъ домахъ Европы.

Относительно графа Мольтке я долженъ еще упомянуть, что въ іюнѣ прошлаго года онъ былъ здѣсь въ Парижѣ и старался втянуть меня въ полемику по вопросу о дворянствѣ, съ цѣлью показать публикѣ, что я не понялъ его принциповъ, или произвольно исказилъ ихъ. Но мнѣ казалось весьма опаснымъ именно тогда публично разбирать моею обычною манерой вопросъ, который долженъ былъ такъ страшно интересовать современныя страсти. Я сообщилъ графу мои опасенія, и онъ былъ настолько благоразуменъ, что не сталъ ничего писать противъ меня. Такъ какъ я первый задѣлъ его, то не могъ бы игнорировать его отвѣтъ, и съ моей стороны должно было бы опять послѣдовать возраженіе. За такое благоразуміе графъ заслуживаетъ величайшей похвалы, которую я и воздаю ему здѣсь, и тѣмъ охотнѣе, что нашелъ въ немъ лично умнаго и, что еще важнѣе, благомыслящаго человѣка, вполнѣ заслуживающаго, чтобы въ предисловіи къ

«Кальдорфовскимъ Письмамъ» я отнесся къ нему не какъ къ заурядному дворянину. Послѣ того я прочелъ его сочиненіе о свободѣ ремеслъ, въ которомъ онъ, какъ и во многихъ другихъ вопросахъ, придерживается самыхъ либеральныхъ принциповъ.

Странные люди эти нѣмецкіе дворяне! Самые лучшіе изъ нихъ не могутъ никакъ отречься отъ своихъ сословныхъ интересовъ. Въ большинствѣ случаевъ они могутъ либерально мыслить, пожалуй, даже, независимо либеральнѣе людей низшихъ сословій, могутъ, пожалуй, любить свободу больше, чѣмъ эти послѣдніе, и приносить ей больше жертвъ, но къ гражданскому равенству они весьма невоспріимчивы. Въ сущности ни одинъ отдѣльный человѣкъ не вполнѣ либераленъ; только все человѣчество либерально вполнѣ, потому что одинъ обладаетъ частичкой либерализма, не достающей другому, и такимъ образомъ люди во всей совокупности лучше всего дополняютъ другъ друга. Графъ Мольтке навѣрно очень твердо убѣжденъ, что торгъ невольниками есть нѣчто противозаконное и позорное, и, конечно, ратуетъ за его уничтоженіе. Напротивъ того, мингеръ фанъ-деръ-Нулль, торговецъ невольниками, съ которымъ я познакомился въ Роттердамѣ, вполнѣ убѣжденъ, что торговля невольниками нѣчто совершенно естественное и приличное, но что преимущества рожденія, наслѣдственныя привилегіи дворянства, являются чѣмъ-то несправедливымъ и безсмысленнымъ, и должны поэтому быть уничтожены во всякомъ честномъ государствѣ.

Тотъ фактъ, что въ іюлѣ 1831 г. я не захотѣлъ вести письменную войну съ графомъ Мольтке, защитникомъ дворянства, сумѣетъ оцѣнить всякій благоразумно чувствующій человѣкъ, если онъ взвѣситъ характеръ тѣхъ грозныхъ предостереженій, которыя въ ту пору стали громко раздаваться въ Германіи.

Страсти бушевали тогда яростнѣе, чѣмъ когда-либо, и необходимо было вступить въ борьбу съ якобинствомъ, такъ же смѣло, какъ нѣкогда съ абсолютизмомъ. Я былъ непоколебимъ въ моихъ принципахъ, и даже происки якобинства не смогли втянуть меня въ тотъ темный водоворотъ, гдѣ нѣмецкое неразуміе соперничало съ французскимъ легкомысліемъ. Я не принималъ никакого участія въ здѣшней нѣмецкой ассоціаціи, кромѣ того, что разъ, при какой-то подпискѣ на поддержаніе свободной прессы, пожертвовалъ нѣсколько франковъ; задолго еще до іюньскихъ дней, я са-

мымъ положительнымъ образомъ заявилъ вождямъ этой ассоціаціи, что не имѣю болѣе никакой связи съ нею. Поэтому я могу только съ состраданіемъ пожимать плечами, когда слышу, что іезуитски-аристократическая партія въ Германіи употребляла въ то время всевозможныя усилія, чтобы выставить меня, какъ одного изъ современныхъ enragés, и такимъ образомъ навязать мнѣ компрометирующую солидарность съ ними въ совершаемыхъ ими безчинствахъ.

То было сумасшедшее время, и много тревогъ доставили мнѣ лучшіе друзья, и я очень безпокоился за моихъ злѣйшихъ враговъ. Да, дорогіе враги, вы не знаете, сколько страху я натерпѣлся за васъ! Поговаривали уже о томъ, чтобы перевѣшать въ Германіи всѣхъ дворянчиковъ-измѣнниковъ, всѣхъ клеветниковъ изъ духовенства и тому подобныхъ негодяевъ. Какъ могъ я стерпѣть это? Если бы дѣло шло только о томъ, чтобы васъ немножко наказать, слегка потрепать васъ розгами на дворцовой площади въ Берлинѣ, или на хлѣбномъ рынкѣ въ Мюнхенѣ, или пригвоздить къ вашей тонзурѣ трехцвѣтную кокарду, или сыграть съ вами какую-нибудь другую штучку—съ этимъ я бы помирился. Но васъ хотѣли прямо-таки лишить жизни, и этого я не могъ вынести. Вѣдь ваша смерть была бы для меня величайшей потерей! Мнѣ пришлось бы пріобрѣтать себѣ новыхъ враговъ, можетъ-быть, въ средѣ честныхъ людей, что очень вредитъ писателю въ глазахъ публики. Для насъ нѣтъ ничего выгоднѣе, какъ имѣть своими врагами только дрянныхъ людей. Господь несказанно щедро наградилъ меня этой породой, и я радуюсь, что они теперь въ безопасности. Да, дорогіе враги, споемте: te, Metternich, laudamus! Вамъ грозила величайшая опасность быть повѣшенными, и тогда я бы навѣки потерялъ васъ! Теперь опять все тихо, все улажено или прочно опредѣлено закономъ, союзный сеймъ распущенъ, и патріоты заключены въ тюрьмы, и мы предвкушаемъ долгій, сладкій, вѣрный миръ. Теперь мы можемъ опять спокойно наслаждаться прежними прекрасными порядками: я буду попрежнему бичевать васъ, и вы будете попрежнему клеветать на меня. Какъ я радъ, что васъ еще не повѣсили! Ваша жизнь мнѣ дороже, чѣмъ когда-нибудь. При видѣ васъ я не могу подавить въ себѣ трогательнаго волненія. Прошу васъ, берегите свое здоровье, не проглотите собственнаго яда, лучше ужъ лгите и клевещите, если возможно, еще больше, чѣмъ обыкновенно, это облегчаетъ благочестивыя сердца; не ходите такими согбенными и сгор-

бленными, это вредно для груди; сходите какъ-нибудь въ театръ, когда будутъ давать Раупаховскую трагедію, это васъ развеселитъ; попробуйте ввести разнообразіе въ ваши частныя удовольствія, иногда сходите въ гости къ какой-нибудь хорошенькой дѣвушкѣ, только берегитесь дочки канатнаго мастера!

Вы теперь опять летаете на длинной ниткѣ; но кто знаетъ, въ одно прекрасное утро вы, можетъ-быть, повиснете на короткой веревкѣ!

ЕЖЕДНЕВНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Въ видѣ вступленія.

О неудавшемся возстаніи 5-го и 6-го іюня, объ этомъ столь важномъ и богатомъ послѣдствіями явленіи, никогда не узнается ничего истиннаго и правильнаго, потому что обѣ партіи были одинаково заинтересованы въ томъ, чтобы извѣстные факты искажать, а неизвѣстные скрывать. Слѣдующія замѣтки, писанныя предъ лицомъ событій, подъ шумъ партійной борьбы и всегда передъ самымъ отходомъ почты, со всею возможной поспѣшностью, дабы корреспонденты побѣждающаго juste milieu не опередили меня—эти летучія страницы я предлагаю здѣсь, ничего не измѣняя въ нихъ во всемъ, что касается возстанія 5-го и 6-го іюня. Историкъ, можетъ-быть, когда-нибудь воспользуется ими; онъ можетъ сдѣлать это тѣмъ добросовѣстнѣе, что будетъ по крайней мѣрѣ увѣренъ, что онѣ не изготовлены сообразно съ позднѣйшими интересами.

Хотя многія ошибочныя предположенія, встрѣчающіяся на этихъ страницахъ, и не требуютъ никакого особаго опроверженія, я, однакоже, не могу не исправить одного изъ нихъ. Именно, генералъ Лафайетъ съ тѣхъ поръ публично объявилъ, что это не онъ украсилъ 5-го іюня вѣнкомъ красное знамя и якобинскую шапку. Какъ я узналъ послѣ, нашъ старый генералъ показалъ себя въ этотъ день вполнѣ достойнымъ себя. Легко понятная деликатность не позволяетъ мнѣ разсказать въ настоящую минуту нѣкоторыя, относящіяся сюда, обстоятельства, которыя должны бы были наполнить умиленіемъ и благоговѣніемъ къ Лафайету даже самыхъ завзятыхъ якобинцевъ.

Въ этихъ листкахъ, какъ и во всей книгѣ, читатель встрѣтитъ много противорѣчивыхъ замѣчаній, но они никогда не

касаются событій, а всегда только лицъ. Относительно первыхъ наше сужденіе должно быть твердо установлено, относительно же послѣднихъ оно можетъ ежедневно мѣняться. Такъ, о той скверной системѣ, въ которой Людовикъ Филиппъ завязъ, какъ въ болотѣ, я высказывалъ всегда одно и то же мнѣніе, но о его личности я не всегда судилъ въ одномъ и томъ же тонѣ. Сначала я былъ настроенъ противъ него, потому что считалъ его за аристократа; впослѣдствіи, убѣдившись въ его истинной буржуазности, я отзывался о немъ уже гораздо лучше; когда онъ испугалъ насъ своимъ état de siège, я былъ снова очень возстановленъ противъ него, но это чувство опять улеглось послѣ первыхъ дней, когда мы увидѣли, что бѣдный Людовикъ Филиппъ сдѣлалъ этотъ промахъ только въ ошеломленіи собственнымъ страхомъ; но съ тѣхъ поръ карлисты своими ругательствами внушали мнѣ истинную любовь къ личности этого короля, и я бы могъ еще усилить это чувство въ своемъ сердцѣ, если бы захотѣлъ сравнить его съ. . . . . .

ДОПОЛНЕНІЕ КЪ СТАТЬѢ VI.

«Смотрите, самые подонки лихоимства, воровства и грабительства—вотъ что такое наши великіе міра и господа; они обращаютъ въ свою собственность всякую тварь; рыбы въ водѣ, птицы въ воздухѣ, растенія на землѣ, все должно принадлежать имъ (Іезек. V). Они распространяютъ среди бѣдныхъ Божью заповѣдь и говорятъ: «Господь повелѣлъ: не укради»; но это имъ самимъ не служитъ въ пользу. Такимъ образомъ, они отягощаютъ всѣхъ людей, бѣднаго земледѣльца, ремесленника, и все, что только живетъ, обдираютъ и обчищаютъ (Мих. III); если же бѣднякъ согрѣшитъ передъ Всесвятѣйшимъ, то онъ долженъ быть повѣшенъ. А докторъ Лгунъ говоритъ тогда: «аминь». Господа сами дѣлаютъ такъ, что бѣдный человѣкъ становится ихъ врагомъ. Устранить причину возстанія они не хотятъ, какъ же это можетъ продолжаться? И я, говорящій это, тоже возстану».

Такъ говорилъ тристо лѣтъ назадъ Томасъ Мюнцеръ, одинъ изъ самыхъ геройскихъ и самыхъ несчастныхъ сыновъ нѣмецкаго отечества, проповѣдывавшій Евангеліе, которое, по его мнѣнію, не только обѣщало блаженство на небесахъ, но повелѣвало также равенство и братство людей на землѣ. Докторъ Мартинъ Лютеръ былъ другого мнѣнія и проклиналъ подобныя мятежныя ученія, которыя грозили опасностью его собственному дѣлу—отдѣленію отъ Рима и

установленію новаго исповѣданія; можетъ-быть, и свою непохвальную книгу противъ несчастныхъ крестьянъ онъ написалъ не столько изъ злостнаго усердія, сколько вслѣдствіе своей житейской разсудительности. Піетисты и раболѣпные хитрецы въ послѣднее время снова вызвали къ жизни эту книгу и распространили по всей странѣ ея новыя изданія, съ одной стороны, чтобы показать высокопоставленнымъ покровителямъ, на сколько чистое Лютеровское ученіе поддерживаетъ ихъ власть, а съ другой стороны, чтобы при помощи авторитета Лютера подавить въ Германіи энтузіазмъ свободы. Но болѣе священное свидѣтельство, кровью истекающее изъ Евангелія, противорѣчитъ этому раболѣпному толкованію и уничтожаетъ ложный авторитетъ; Христосъ умеръ за равенство и братство людей, и Лютеръ былъ неправъ, а Томасъ Мюнцеръ правъ. Онъ былъ обезглавленъ въ Мёдлинѣ. Его послѣдователи тоже были правы, и ихъ частью казнили мечомъ, частью повѣсили, смотря по тому, были ли они благороднаго, или мѣщанскаго происхожденія. Маркграфъ Казимиръ фонъ-Ансбахъ, сверхъ такого рода казней, велѣлъ еще выколоть глаза восьмидесяти пяти крестьянамъ, которые послѣ того скитались по странѣ, прося милостыню, и которые тоже были правы. Что пришлось претерпѣть бѣднымъ крестьянамъ въ Верхней Австріи и Швабіи, и какъ вообще въ Германіи сотни тысячъ крестьянъ, не требовавшихъ ничего, кромѣ человѣческихъ правъ и христіанскаго милосердія, были изрублены и удушены своими свѣтскими и духовными властями—это всѣмъ извѣстно. Но и эти послѣдніе были тоже правы, такъ какъ находились тогда еще въ полномъ цвѣтѣ своей силы, а крестьяне иногда сами впадали въ заблужденіе, будучи сбиваемы съ толку авторитетомъ Лютера и другихъ духовныхъ лицъ, державшихъ сторону свѣтской власти, и несвоевременными диспутами о неясныхъ мѣстахъ Библіи, да еще тѣмъ, что иногда они вмѣсто того, чтобы сражаться, пѣли псалмы.

Въ 1789 году во Франціи началась также борьба за равенство и братство, по тѣмъ же причинамъ, противъ тѣхъ же притѣснителей, съ той только разницей, что эти послѣдніе за этотъ промежутокъ времени утратили свою силу, а народъ пріобрѣлъ ее и черпалъ свои законныя требованія человѣческихъ правъ уже изъ философіи. Феодальныя и іерархическія учрежденія, основанныя Карломъ Великимъ въ его обширной монархіи и разносторонне развившіяся въ возникшихъ изъ нея государствахъ, пустили во Франціи мощные

корни, въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ крѣпко держались въ ней и, наконецъ, какъ и все на свѣтѣ, потеряли свою силу. Короли Франціи, тяготясь своей зависимостью отъ дворянства и духовенства, изъ которыхъ первое мнило себя равнымъ имъ, а послѣднее имѣло надъ народомъ еще больше власти, чѣмъ они сами, сумѣли постепенно уничтожить самостоятельность обѣихъ этихъ силъ, и при Людовикѣ XIV это гордое дѣло было закончено. Вмѣсто воинственнаго феодальнаго дворянства, нѣкогда господствовавшаго надъ королями и охранявшаго ихъ, теперь на ступенькахъ трона пресмыкалось тщедушное придворное дворянство, которому придавало значеніе число не его замковъ и ратниковъ, а только его предковъ; вмѣсто непреклонныхъ ультрамонтанскихъ пастырей, угрожавшихъ даже королямъ покаяніемъ и отлученіемъ, но зато державшихъ въ уздѣ и народъ, появилась теперь галликанская, такъ сказать медіатизированная церковь, духовныя должности которой добывались посредствомъ всякихъ лазеекъ въ версальскомъ Oeil de Boeuf, или въ будуарахъ фаворитокъ, а высшіе представители которой принадлежали къ тѣмъ же аристократамъ, которые парадировали въ качествѣ придворныхъ лакеевъ; такъ что священническое и епископское одѣяніе, паллій и митра были въ сущности только другимъ видомъ придворной ливреи. И все-таки, несмотря на это превращеніе, дворянство сохранило за собой тѣ преимущества передъ народомъ, которыми оно нѣкогда пользовалось; мало того, его высокомѣріе по отношенію къ народу даже увеличивалось по мѣрѣ того, какъ возрастало его собственное уничиженіе передъ его царственными владыками; оно попрежнему несправедливо пользовалось всѣми благами, попрежнему притѣсняло и наносило обиды; и такъ же поступало и духовенство, давно уже потерявшее свою власть надъ умами, но все еще сохранявшее свой десятинный доходъ, свою привилегію на порабощеніе духа и на всякія козни. То, чего пытались достигнуть нѣкогда, въ крестьянской войнѣ, проповѣдники Евангелія, совершили теперь философы, и притомъ съ большимъ успѣхомъ; они разъяснили народу несправедливые захваты дворянства и католической церкви; они показали ему, что какъ то, такъ и другая сдѣлались безсильными; и народъ возликовалъ, а такъ какъ 14-го іюня 1789 г. погода была очень благопріятная, то народъ и принялся за дѣло своего освобожденія, и тотъ, кто посѣтилъ 14-го іюня 1790 г. мѣсто, гдѣ стояла старая, безмолвная, угрюмо непріятная

Бастилія, увидѣлъ вмѣсто нея воздушное веселое зданіе съ смѣющейся надписью: Ici on danse.

Вотъ уже семнадцать лѣтъ, какъ многіе европейскіе писатели неустанно стараются освободить французскихъ ученыхъ отъ упрека въ томъ, будто они были главной причиной вспыхнувшей во Франціи революціи. Нынѣшніе ученые захотѣли снова войти въ милость у великихъ міра сего, снова стали домогаться своего мягкаго мѣстечка у ногъ власти, и при этомъ держали себя съ такой раболѣпной невинностью, что на нихъ стали смотрѣть уже не какъ на змѣй, а какъ на обыкновенныхъ червяковъ. Въ интересахъ истины я не могу, однако, не сказать, что именно ученые прошлаго столѣтія наиболѣе содѣйствовали взрыву революціи и опредѣлили ея характеръ. Я хвалю ихъ за это, какъ хвалятъ доктора, вызвавшаго быстрый кризисъ и своимъ искусствомъ ослабившаго болѣзнь, которая могла сдѣлаться смертельной. Не скажи ученые своего слова, болѣзненное состояніе Франціи безотрадно продолжалось бы еще дольше, и революція, которая, въ концѣ-концовъ, все-таки должна была разразиться, вылилась бы въ менѣе благородной формѣ; она явилась бы низкой и жестокой, тогда какъ теперь была только трагичной и кровопролитной; и что еще хуже, она, пожалуй, выродилась бы въ смѣшную и глупую, если бы матеріальныя нужды не нашли себѣ идеальнаго выраженія, чего, къ сожалѣнію, нѣтъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ не писатели понуждаютъ народъ требовать провозглашенія человѣческихъ правъ, и гдѣ производятъ революцію ради того, чтобы не платить за право въѣзда въ городъ, или чтобы отдѣлаться отъ какой-нибудь королевской фаворитки, и т. д. Вольтеръ и Руссо — два писателя, болѣе всѣхъ другихъ подготовившіе революцію, опредѣлившіе ея дальнѣйшіе пути, и теперь еще умственно руководящіе и господствующіе надъ французскимъ народомъ. Даже самая вражда обоихъ этихъ писателей имѣла удивительныя послѣдствія; можетъ-быть, вся партійная борьба среди самихъ революціонеровъ вплоть до сегодняшняго дня была не чѣмъ инымъ, какъ продолженіемъ этой вражды.

Примѣчаніе. Борьба революціонеровъ Конвента была не что иное, какъ тайное негодованіе ригоризма Руссо противъ légereté Вольтера. Истые монтаньяры вполнѣ раздѣляли образъ мыслей и чувства Руссо, и если они гильотинировали одновременно и Дантонистовъ, и Гебертистовъ, то сдѣлали это вовсе не потому, что первые

слишкомъ усердно проповѣдывали разслабляющій модерантизмъ, а послѣдніе, напротивъ, вдались въ черезчуръ необузданный санкюлотизмъ; какъ мнѣ недавно сказалъ одинъ старый членъ Горы, это произошло, parcequ'ils étaient tous des hommes pourris, frivoles, sans croyance et sans vertu. При разрушеніи стараго порядка самые свирѣпые революціонеры были довольно единодушны, но когда пришлось сооружать нѣчто новое, когда на очередь стало самое положительное, тогда тотчасъ же проснулись природныя антипатіи. Серьезный мечтатель въ духѣ Руссо, Сенъ-Жюстъ, возненавидѣлъ веселаго, остроумнаго фанфарона Демулена. Нравственно чистый, неподкупный Робеспьеръ возненавидѣлъ чувственнаго, запятнаннаго деньгами Дантона. Максимиліанъ Робеспьеръ былъ воплощеніемъ Руссо; онъ былъ глубоко религіозенъ, онъ вѣрилъ въ Бога и безсмертіе, онъ ненавидѣлъ насмѣшки Вольтера надъ религіей, недостойные фарсы какого-нибудь Гобеля, оргіи атеистовъ и разнузданность «esprits», онъ ненавидѣлъ, можетъ-быть, всякаго, кто былъ остроуменъ и любилъ посмѣяться.

19 термидора побѣдила подавленная незадолго передъ тѣмъ Вольтеровская партія; во времена Директоріи она произвела реакціонное движеніе противъ Горы; позднѣе, во время героической драмы эпохи имперіи и во время смиренно католической комедіи реставраціи, она могла выступать лишь во второстепенныхъ роляхъ; но мы, все-таки, видѣли ее все время, вплоть до нынѣшняго дня, болѣе или менѣе дѣятельною у кормила правленія, и притомъ въ лицѣ бывшаго епископа отенскаго, Шарля Мориса Талейрана. Партія Руссо, подавленная со времени того злополучнаго дня термидора, живетъ въ бѣдности, но здоровая тѣломъ и духомъ, въ предмѣстьяхъ Сентъ-Антуанъ и Сенъ-Марсо; она живетъ въ образѣ Гарнье Пажеса, Кавеньяка и столькихъ другихъ благородныхъ республиканцевъ, которые отъ поры до времени выступаютъ, какъ мученики за дѣло свободы. Я недостаточно добродѣтеленъ, чтобы когда-нибудь примкнуть къ этой партіи; но я слишкомъ ненавижу порокъ, чтобы когда-нибудь начать воевать противъ нея.

Къ Вольтеру, однако, несправедливы, когда утверждаютъ,

что въ немъ не было такого воодушевленія, какъ въ Руссо; онъ былъ только немного умнѣе и ловче. Безпомощность всегда ищетъ убѣжище въ стоицизмѣ и лаконически негодуетъ при видѣ чужой ловкости. Альфьери дѣлаетъ Вольтеру упрекъ, что онъ, какъ философъ, писалъ противъ знати, а какъ камергеръ, несъ передъ ней свѣтильникъ. Мрачный пьемонтецъ не замѣчалъ, что Вольтеръ, такъ услужливо несшій свѣтильникъ предъ великими міра, въ то же время освѣщалъ ихъ наготу. Я, однако, вовсе не хочу снимать съ Вольтера упрекъ въ лести; онъ и большинство французскихъ ученыхъ ползали, какъ маленькія собачонки, у ногъ знати, и лизали ея золотыя шпоры, и улыбались, когда царапали себѣ о нихъ языкъ, и позволяли топтать себя ногами. Но когда маленькихъ собачонокъ топчутъ ногами, то имъ бываетъ такъ же больно, какъ и большимъ собакамъ. Тайная ненависть французскихъ ученыхъ къ знати должна была быть тѣмъ ужаснѣе, что сверхъ достававшихся имъ по временамъ пинковъ ногой, они получали отъ нихъ и много дѣйствительныхъ благодѣяній. Гара разсказываетъ о Шамфорѣ, что когда въ началѣ революціи стали собирать деньги на какое-то революціонное дѣло, онъ вытащилъ изъ старой кожаной сумки тысячу талеровъ, сбереженіе цѣлой трудовой жизни, и радостно отдалъ ихъ. А Шамфоръ былъ скупъ и всегда пользовался покровительствомъ знати.

Но еще болѣе, чѣмъ люди науки, способствовали паденію стараго режима люди промысла. Если первые, ученые, думали, что вмѣсто прежняго порядка начнется царство умственныхъ дарованій, то послѣдніе, люди промысла, думали, что, являясь фактически самой могущественной и самой дѣятельной частью народа, они имѣютъ право на то, чтобы и закономъ было признано ихъ высокое значеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ, разумѣется, право и на полное гражданское уравненіе въ правахъ и на участіе въ государственныхъ дѣлахъ. И дѣйствительно, какъ прежнія учрежденія покоились на старомъ военномъ строѣ и на вѣрѣ въ католицизмъ, утратившихъ уже всякую жизненность, такъ теперь необходимо было построить общество на двухъ новыхъ силахъ, заключавшихъ въ себѣ именно самый богатый источникъ жизни. Духовенство, отставшее въ умственномъ отношеніи со времени изобрѣтенія книгопечатанія, и дворянство, уничтоженное изобрѣтеніемъ пороха, должны были бы понять теперь, что власть, которою они пользовались въ продолженіе тысячи лѣтъ, ускользаетъ изъ ихъ гордыхъ, но слабыхъ рукъ

и переходитъ въ презираемыя, по сильныя руки ученыхъ людей и трудолюбивыхъ ремесленниковъ; они должны были бы понять, что могутъ вновь получить утраченную власть не иначе, какъ соединившись именно съ этими учеными и ремесленниками; но они не поняли этого, они глупо ополчились противъ неизбѣжнаго, началась мучительная безсмысленная борьба, пронырливая, извивающаяся ложь и дряхлая больная гордость боролись противъ желѣзной необходимости, противъ гильотины и правды, противъ жизни и энтузіазма, и мы до сихъ поръ еще стоимъ на полѣ битвы.

Былъ одинъ плачевный министръ, почтенный банкиръ, хорошій отецъ семейства, хорошій христіанинъ, хорошій счетчикъ, Панталоне революціи, который твердо и упорно вѣрилъ, что истинной причиной всего зла и всѣхъ споровъ былъ дефицитъ въ бюджетѣ; и онъ день и ночь высчитывалъ, какъ бы устранить дефицитъ, и изъ-за этой массы цифръ не видѣлъ ни людей, ни ихъ угрожающихъ взглядовъ; однако, при всей его глупости, ему пришла въ голову прекрасная мысль, именно созвать нотаблей. Я говорю, прекрасная мысль, потому что она послужила на пользу свободѣ; безъ этого дефицита Франція еще дольше оставалась бы въ своемъ тягостно болѣзненномъ состояніи; дѣйствительно, этотъ дефицитъ нельзя было уплатить деньгами, именно потому, что онъ вызвалъ болѣзнь наружу; созваніе нотаблей ускорило кризисъ, а такимъ образомъ и будущее выздоровленіе; и если когда-нибудь бюстъ Неккера будетъ поставленъ въ Пантеонѣ свободы, то мы надѣнемъ ему на голову дурацкій колпакъ, украшенный вѣнкомъ изъ патріотическихъ дубовыхъ листьевъ. Въ самомъ дѣлѣ, если глупо видѣть въ событіяхъ только людей, то еще глупѣе не видѣть въ нихъ ничего, кромѣ цифръ. Находятся, однако, ограниченные умы, старающіеся всякими хитросплетеніями слить воедино оба эти заблужденія, даже ищущіе въ лицахъ цифры, которыми они объясняютъ событія. Они не довольствуются тѣмъ, что считаютъ Юлія Цезаря причиной гибели римской свободы, но утверждаютъ еще, будто геніальный Юлій былъ такъ обремененъ долгами, что увидѣлъ себя въ необходимости весь міръ, вмѣстѣ со своими кредиторами, засадить въ тюрьму, чтобы не быть посаженнымъ самому. Если не ошибаюсь, то основаніемъ для такого разсужденія служитъ одно мѣсто у Плутарха, гдѣ онъ говоритъ о долгахъ Цезаря.

Бурьеннъ, мелкій Бурьеннъ, продажный крупье въ азартной игрѣ Наполеоновской имперіи, жалкая душонка, намекаетъ гдѣ-то въ своихъ «Мемуарахъ», что по всей вѣроятности денежныя затрудненія подвинули Наполеона Бонапарте въ началѣ его карьеры на великія предпріятія. Такимъ же образомъ нѣкоторые глубокіе мыслители не только считаютъ графа Мирабо причиной гибели французской монархіи, но даже увѣряютъ, что онъ былъ такъ обремененъ долгами и такъ нуждался въ деньгахъ, что могъ выйти изъ затрудненія, только опрокинувъ весь существующій строй. Я не стану долѣе распространяться объ этихъ нелѣпостяхъ, но не упомянуть о нихъ не могъ, потому что именно въ послѣднее время они могли расцвѣсть особенно пышно, такъ какъ на Мирабо смотрятъ теперь, какъ на истиннаго представителя перваго фазиса революціи, начинающагося и заканчивающагося вмѣстѣ съ Національнымъ Собраніемъ. Какъ таковой, онъ сдѣлался народнымъ героемъ, о немъ говорятъ ежедневно, его встрѣчаешь на каждомъ шагу въ рисункахъ или въ изваяніяхъ, его изображаютъ на всѣхъ французскихъ театрахъ во всѣхъ его видахъ: бѣднымъ и необузданнымъ, любящимъ и ненавидящимъ, смѣющимся и скрежещущимъ зубами, беззаботно заваленнымъ долгами богомъ, которому принадлежали небо и земля и который былъ способенъ проиграть въ фараонъ свою послѣднюю звѣзду и свой послѣдній луидоръ; Самсономъ, низвергающимъ столбы государства, чтобы похоронить подъ развалинами рухнувшаго зданія требующихъ съ него уплаты долга филистимлянъ; Геркулесомъ, на перепутьи поладившимъ съ обѣими дамами и сумѣвшимъ въ объятіяхъ порока найти отдохновеніе отъ требуемаго добродѣтелью напряженія; Аріель-Калибаномъ, «сіяющимъ геніальностью и безобразіемъ», котораго отрезвляла проза любви отъ опьянѣнія поэзіей ума; просвѣтленнымъ, достойнымъ поклоненія развратникомъ свободы; гермафродитомъ, котораго могъ описать только Жюль Жаненъ.

Именно благодаря этимъ нравственнымъ противорѣчіямъ въ характерѣ и жизни, Мирабо и является истиннымъ представителемъ своего времени, которое было такъ же распутно и возвышенно, такъ же въ долгахъ и богато, которое, такъ же сидя въ тюрьмѣ, писало самые скабрезные романы, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самыя благородныя освободительныя сочиненія, и которое затѣмъ, хотя и обремененное еще напудреннымъ парикомъ и обрывкомъ старой позорной

цѣпи, выступило провозвѣстникомъ новой весны міра и бросило поблѣднѣвшему церемоніймейстеру прошедшаго смѣлый вызовъ: «Allez dire à votre maître, que nous sommes ici par la puissance du peuple et qu'on ne nous en arrachera que par la force des baïonnettes». Этими словами начинается французская революція; ни у одного буржуа не хватило бы духу произнести ихъ, языкъ roturiers и vilains былъ еще связанъ нѣмыми чарами старой покорности, и именно только во французскомъ дворянствѣ, въ этой безмѣрно дерзкой кастѣ, никогда не чувствовавшей истиннаго почтенія къ королямъ, нашло новое время свой первый органъ.

Не могу не упомянуть, что меня недавно увѣряли, будто эти всемірнознаменитыя слова Мирабо принадлежали собственно графу Вольней, сидѣвшему рядомъ съ нимъ и подсказавшему ихъ ему. Я не думаю, чтобы эта легенда была совершенно лишена основанія, она отнюдь не противорѣчитъ характеру Мирабо, который такъ же охотно заимствовалъ у своихъ друзей ихъ мысли, какъ занималъ у нихъ деньги, и котораго за это страшно ругаютъ во многихъ мемуарахъ, какъ, напримѣръ, Бриссо, и въ недавно вышедшихъ Дюмона. Вслѣдствіе этого многіе изъ его современниковъ сомнѣвались въ силѣ его ораторскаго таланта и признавали за нимъ только нѣкоторыя удачныя остроты и театральные эффекты на трибунѣ. Въ настоящее время трудно судить о немъ въ этомъ отношеніи. По свидѣтельству его живыхъ современниковъ, которыхъ можно еще разспросить о немъ, обаяніе его рѣчи заключалось не столько въ его словахъ, сколько въ его личности вообще. Въ особенности, когда онъ говорилъ тихо, удивительный звукъ его голоса вызывалъ трепетъ; въ немъ слышалось шипѣніе змѣй, невидимо ползавшихъ подъ ораторскими цвѣтами. Если же имъ овладѣвала страсть, онъ становился неотразимъ. О г-жѣ Сталь разсказываютъ, что она сидѣла на хорахъ въ Національномъ Собраніи, когда Мирабо вошелъ на трибуну, чтобы говорить противъ Неккера. Само собой разумѣется, что дочь, такъ благоговѣвшая, какъ она, передъ своимъ отцомъ, была полна бѣшенства и негодованія противъ Мирабо; но эти непріязненныя чувства исчезали по мѣрѣ того, какъ она его слушала, и наконецъ, когда гроза его рѣчи разразилась въ самомъ ужасающемъ великолѣпіи, когда ядовитыя молніи сверкнули изъ его глазъ, когда изъ его души грянули потрясающіе міръ рас-

каты грома, г-жа Сталь высунулась далеко впередъ черезъ балюстраду и аплодировала, какъ сумасшедшая.

Но еще значительнѣе ораторскаго таланта этого человѣка было то, что онъ говорилъ. Объ этомъ мы можемъ теперь судить наиболѣе безпристрастно, и тутъ мы видимъ, что Мирабо всего глубже понималъ свое время, что онъ умѣлъ не только разрушать, но еще болѣе созидать, и созидать умѣлъ лучше, чѣмъ тѣ великіе мастера, которые и по сей день трудятся надъ этой великой задачей. Въ сочиненіяхъ Мирабо мы находимъ главныя идеи конституціонной монархіи, какая нужна была Франціи; передъ нами открывается ея общій очеркъ, набросанный, впрочемъ, бѣгло и блѣдными линіями; и право, всѣмъ мудрымъ и боязливымъ правителямъ Европы рекомендую я заняться изученіемъ этихъ линій, этихъ государственновспомогательныхъ линій, набросанныхъ величайшимъ политическимъ геніемъ нашего времени съ пророческою предусмотрительностью и математической вѣрностью. Было бы не лишено важности, если бы кто-нибудь постарался съ этой цѣлью разработать сочиненія Мирабо спеціально и для Германіи. Его революціонныя, отрицательныя идеи были легко поняты и возымѣли быстрое дѣйствіе. Его столь же мощныя положительныя, созидающія идеи встрѣтили меньше пониманія и имѣли меньше вліянія.

Менѣе всего понимали пристрастіе Мирабо къ монархіи. Отнимая у нея абсолютную власть, онъ думалъ вознаградить ее за это конституціонными гарантіями; мало того, онъ даже думалъ увеличить и усилить еще королевскую власть, насильственно вырвавъ короля изъ рукъ высшихъ сословій, фактически властвовавшихъ надъ нимъ посредствомъ придворныхъ интригъ и козней духовенства, и толкнувъ его въ объятія третьяго сословія. Мирабо былъ именно провозвѣстникомъ той конституціонной монархіи, которая, какъ мнѣ кажется, была желаніемъ того времени и къ которой, въ болѣе или менѣе демократической формулировкѣ, стремится и настоящее время, стремимся и мы въ Германіи.

Этотъ-то конституціонный роялизмъ болѣе всего и повредилъ репутаціи графа, потому что революціонеры, не понимавшіе его, видѣли въ этомъ измѣну и думали, что онъ продалъ революцію. Тогда они стали поносить его наперерывъ съ аристократами, ненавидѣвшими его именно потому, что они его понимали, ибо они знали, что уничто-

женіемъ режима привилегій Мирабо хотѣлъ спасти и обновить монархію на ихъ счетъ. Но насколько противна была ему дрянность привилегированныхъ, настолько же отталкивала его грубость большинства демагоговъ, тѣмъ болѣе, что они уже проповѣдывали республику въ томъ сумасбродно разнузданномъ тонѣ, который намъ хорошо знакомъ. Интересно видѣть въ тогдашнихъ газетахъ, къ какимъ страннымъ средствамъ эти демагоги, не дерзавшіе еще открыто выступать противъ популярности Мирабо, прибѣгали, чтобы лишить вліянія монархическую тенденцію великаго трибуна. Такъ, напримѣръ, когда однажды Мирабо опредѣленно высказался въ роялистскомъ духѣ, эти люди ничего лучше не придумали въ свою пользу, какъ распустить про него, что такъ какъ Мирабо часто не самъ сочинялъ свои рѣчи, то на этотъ разъ, будто бы, онъ случайно позабылъ прочесть заранѣе рѣчь, полученную имъ отъ одного пріятеля, и уже только на трибунѣ замѣтилъ, что этотъ другъ предательски подсунулъ ему рѣчь совершенно роялистскую.

Удалось ли бы Мирабо спасти монархію и утвердить ее на новыхъ основаніяхъ—объ этомъ спорятъ до сихъ поръ. Одни говорятъ, что онъ умеръ слишкомъ рано; другіе говорятъ, что онъ умеръ именно во-время. Умеръ онъ не отъ яда, потому что для аристократіи онъ былъ нуженъ какъ разъ въ ту пору, а люди народа не отравляютъ. Мирабо умеръ потому, что вдоволь насладился двумя танцовщицами, Гелисбергъ и Коломбъ, а за часъ до того черезъ мѣру поѣлъ паштета съ трюфелями.

Парижъ, 5-го іюня.

Похоронная процессія генерала Ламарка, un convoi d'opposition, какъ говорятъ филипписты, только-что двинулась отъ Мадлены къ площади Бастиліи; число шедшихъ за гробомъ и зрителей было больше, чѣмъ на похоронахъ Казимира Перье. Народъ самъ везъ траурную колесницу. Особенно поражали въ шествіи иностранные патріоты, которые несли свои національныя знамена въ одномъ ряду. Между ними я замѣтилъ знамя, цвѣта котораго состояло изъ чернаго, ярко-краснаго и золотого. Въ часъ пополудни пошелъ сильный дождь, продолжавшійся болѣе получаса; несмотря на это, необозримая толпа народа оставалась на бульварахъ, большинство съ непокрытыми головами. Когда процессія достигла театра Variétés, и въ то время, как

она проходила мимо отряда Друзей Народа, нѣкоторые изъ этихъ послѣднихъ закричали: «Vive la république!» Какой-то полицейскій сержантъ вздумалъ-было вмѣшаться; на него набросились, сломали его шпагу, и началась отвратительная свалка; лишь съ трудомъ удалось усмирить ее. Однако, зрѣлище такой сумятицы, приведшей въ движеніе нѣсколько сотенъ тысячъ человѣкъ, было, все-таки, достаточно замѣчательно и знаменательно. Въ Тюильри увѣряли, что герцогиня Беррійская арестована въ Нантѣ. Если это правда, то Людовикъ Филиппъ окажется въ большомъ затрудненіи, такъ какъ онъ не можетъ предать суду племянницу королевы, слыша горькія жалобы этой послѣдней, а между тѣмъ, долженъ отклонить отъ себя подозрѣніе, будто онъ состоитъ въ дружественныхъ отношеніяхъ со своими родственниками въ Голирудѣ. О маршалѣ Бурмонѣ увѣряютъ положительно, что его поймали. Если его предадутъ военному суду, онъ умретъ, какъ Ней, только съ меньшей славой, и оставитъ послѣ себя меньше сожалѣній.

Парижъ, 6-го іюня.

Не знаю, упомянулъ ли я въ моемъ вчерашнемъ письмѣ, что на вечеръ было назначено возстаніе. Когда похоронная процессія Ламарка проходила по бульварамъ, и произошла свалка около театра Variétés, то уже можно было ожидать недобраго. Которая изъ сторонъ виновата въ томъ, что страсти вспыхнули такъ ужасно, это трудно выяснить. Самые противорѣчивые слухи ходятъ еще до сихъ поръ относительно начала враждебныхъ дѣйствій, событій этой ночи и вообще всего положенія вещей. Я упомяну здѣсь только объ одномъ случаѣ, который мнѣ подтвердили съ разныхъ сторонъ и самымъ достовѣрнымъ образомъ. Когда Лафайетъ, присутствіе котораго на похоронахъ возбуждало всеобщій энтузіазмъ, окончилъ свою надгробную рѣчь на площади близъ Аустерлицкаго моста, гдѣ происходило поминальное торжество, то ему надѣли на голову вѣнокъ изъ иммортелей. Въ то же время надѣли красный фригійскій колпакъ на красное знамя, обращавшее на себя уже раньше общее вниманіе, а одинъ воспитанникъ политехнической школы вскарабкался на плечи своихъ сосѣдей, взмахнулъ своей сверкающей шпагой надъ этой красной шапкой и воскликнулъ: «Vive la liberté!» а по другой версіи: «Vive la république!» Тогда Лафайетъ надѣлъ, будто бы, свой

иммортелевый вѣнокъ на красную шапку свободы; многіе достойные вѣры люди увѣряютъ, что видѣли это собственными глазами. Возможно, что онъ и совершилъ это символическое дѣйствіе по принужденію, или застигнутый врасплохъ; но возможно также, что при этомъ играла роль какая-нибудь третья рука, которой нельзя было замѣтить въ огромной толпѣ. Послѣ этой манифестаціи, по словамъ нѣкоторыхъ, хотѣли торжественно пронести украшенную вѣнкомъ красную шапку по всему городу, и когда муниципальная гвардія и городскіе сержанты оказали вооруженное сопротивленіе, то началась драка. Несомнѣнно одно, что когда Лафайетъ, утомленный четырехчасовой ходьбой, сѣлъ въ фіакръ, то народъ выпрягъ лошадей и собственноручно повезъ по бульварамъ, при оглушительнѣйшихъ крикахъ одобренія, своего стараго и самаго вѣрнаго друга. Многіе рабочіе выдернули изъ земли молодыя деревца и бѣжали съ ними, точно дикіе, рядомъ съ экипажемъ, которому каждую минуту грозила, повидимому, опасность быть опрокинутымъ безпорядочно тѣснившейся толпой. Говорятъ, будто бы въ фіакръ было сдѣлано два выстрѣла, но объ этомъ странномъ обстоятельствѣ я не могу сообщить ничего положительнаго.

Многіе, которыхъ я разспрашивалъ о началѣ непріязненныхъ дѣйствій, утверждаютъ, что кровавая ссора началась у Аустерлицкаго моста изъ-за трупа умершаго героя, такъ какъ одна часть «патріотовъ» хотѣла отвезти гробъ въ Пантеонъ, а другая желала проводить его далѣе, до слѣдующей деревни, но городскіе сержанты и муниципальная гвардія воспротивились такого рода намѣреніямъ. Тогда стали драться съ большимъ ожесточеніемъ, какъ нѣкогда передъ Скэйскими воротами дрались изъ-за трупа Патрокла. На площади Бастиліи было пролито много крови. Въ половинѣ седьмого дрались уже возлѣ Porte St. Denis, гдѣ народъ выстроилъ баррикады. Многіе важные посты были взяты, національная гвардія, занимавшая ихъ, сопротивлялась слабо и отдавала свое оружіе. Такимъ образомъ въ рукахъ народа очутилось много ружей. На площади Notre Dame des Victoires я засталъ бой въ полномъ разгарѣ, «патріоты» заняли постъ возлѣ банка. Повернувъ на бульвары, я нашелъ тамъ всѣ лавки запертыми, народу было мало, и среди него даже мало женщинъ, хотя обыкновенно при мятежахъ онѣ весьма безстрашно удовлетворяютъ своей страсти къ зрѣлищамъ; все имѣло очень серьезный видъ.

Линейныя войска и кирасиры двигались въ ту и другую сторону, ординарцы съ озабоченными лицами пролетали мимо; вдалекѣ выстрѣлы и пороховой дымъ. Погода разгулялась и къ вечеру стала весьма благопріятной. Положеніе вещей казалось весьма опаснымъ для правительства, когда вдругъ разнеслось, что національная гвардія перешла на сторону народа. Этотъ ложный слухъ возникъ изъ того, что вчера многіе «патріоты» были въ формѣ національныхъ гвардейцевъ, и національная гвардія дѣйствительно нѣкоторое время была въ нерѣшимости, какую партію поддерживать. За эту ночь жены, вѣроятно, доказали своимъ мужьямъ, что поддерживать слѣдуетъ только ту партію, которая представляетъ наибольшую гарантію жизни и имущества, а такую гарантію Людовикъ Филиппъ представляетъ въ гораздо большей степени, чѣмъ республиканцы, которые очень бѣдны и вообще приносятъ большой вредъ всякой торговлѣ и промышленности; сегодня поэтому національная гвардія вся противъ республиканцевъ; дѣло рѣшено. «C'est un coup manqué!»—говоритъ народъ. Со всѣхъ сторонъ въ Парижъ стекаются линейныя войска. На площади de la Concorde стоитъ очень много заряженныхъ пушекъ, равно какъ и съ другой стороны Тюильри, на площади Каруселя. Буржуа-король окружонъ буржуазными пушками; oú peut-fon être mieux qu'au sein de sa famille? Теперь 4 часа и идетъ сильный дождь. Это весьма неблагопріятно для «патріотовъ», большею частью укрывшихся за баррикадами въ кварталѣ Сенъ-Мартенъ и получающихъ мало подкрѣпленій. Они окружены со всѣхъ сторонъ, и въ эту минуту я слышу сильнѣйшую пушечную пальбу. Мнѣ говорили, что два часа назадъ народъ еще очень надѣялся побѣдить, но теперь ему остается только геройски умереть. Многіе такъ и сдѣлаютъ. Такъ какъ я живу возлѣ Porte St. Denis, то всю ночь провелъ безъ сна; перестрѣлка продолжалась почти безъ перерыва. Пушечный громъ находитъ теперь въ моемъ сердцѣ самый горестный отголосокъ. Это—злополучное происшествіе, которое повлечетъ за собой еще болѣе злополучныя послѣдствія.

Парижъ, 7-го іюня.

Вчера, когда я пришелъ на биржу, чтобы опустить въ почтовый ящикъ мое письмо, тамъ, подъ колоннами, передъ широкой биржевой лѣстницей, стояла вся толпа спекулянтовъ. Такъ какъ только-что передъ тѣмъ пришло извѣстіе,

что пораженіе «патріотовъ» достовѣрно, то на всѣхъ лицахъ плавало выраженіе сладчайшаго довольства; можно было бы сказать, что вся биржа улыбалась. Подъ громъ пушекъ фонды поднялись на десять су. Стрѣляли еще до пяти часовъ; въ шесть часовъ вся попытка революціи была уже подавлена. Такимъ образомъ газеты могли уже сегодня сообщить о ней столько назидательнаго, сколько считали нужнымъ. «Constitutionnel» и «Débats», повидимому, до извѣстной степени вѣрно передаютъ главныя черты событій. Только колоритъ и масштабъ невѣрны. Я только-что вернулся съ мѣста вчерашней битвы, гдѣ убѣдился, какъ трудно было бы узнать всю истину. Дѣло въ томъ, что это мѣсто—одна изъ самыхъ большихъ и многолюднѣйшихъ улицъ Парижа, улица Сенъ-Мартенъ, начинающаяся на бульварѣ, отъ воротъ того же имени, и оканчивающаяся лишь на берегу Сены, около моста Notre Dame. На обоихъ концахъ улицы я слышалъ, что число бывшихъ въ ней «патріотовъ», или, какъ ихъ называютъ сегодня, «мятежниковъ», простиралось отъ пятисотъ до тысячи человѣкъ; но по мѣрѣ приближенія къ серединѣ улицы это число въ показаніяхъ все уменьшалось и, наконецъ, сократилось до пятидесяти. «Что есть истина!»—говоритъ Понтій Пилатъ.

Число линейныхъ войскъ опредѣлить легче; вчера (даже по показанію «Journal des Débats») въ Парижѣ стояло подъ ружьемъ сорокъ тысячъ. Если прибавить сюда по крайней мѣрѣ двадцать тысячъ національной гвардіи, то выходитъ, что вышеупомянутая горсть дралась противъ шестидесяти тысячъ человѣкъ. Геройское мужество этихъ безумныхъ смѣльчаковъ восхваляется единогласно; говорятъ, они выказали чудеса храбрости. Они восклицали ежеминутно: «Vive la république!» и не встрѣчали отклика въ груди народа. Если бы вмѣсто того они кричали «Vive Napoleon!», то, какъ утверждаютъ сегодня во всѣхъ народныхъ группахъ, линейное войско врядъ ли стало бы въ нихъ стрѣлять, и вся масса рабочихъ пришла бы имъ на помощь. Но они съ презрѣніемъ отвергли ложь. То были самые чистые, но отнюдь не самые благоразумные друзья свободы. И тѣмъ не менѣе, находятся нелѣпые люди, обвиняющіе ихъ въ сообщничествѣ съ карлистами! Нѣтъ, кто съ такимъ мужествомъ умираетъ за святое заблужденіе своего сердца, за прекрасную мечту объ идеальномъ будущемъ, тотъ не станетъ вступать въ союзъ съ трусливою грязью, завѣщенною

намъ прошлымъ подъ именемъ «карлистовъ». Я, ей-Богу, не республиканецъ, я знаю, что если республиканцы побѣдятъ, то они перерѣжутъ мнѣ горло, и это потому, что я не восхищаюсь всѣмъ тѣмъ, чѣмъ восхищаются они — и все-таки слезы выступили у меня на глазахъ сегодня, когда я увидѣлъ мѣста, еще обагренныя ихъ кровью. Я бы предпочелъ, чтобы я самъ и всѣ мои умѣренные единомышленники умерли вмѣсто этихъ республиканцевъ.

Національная гвардія очень радуется своей побѣдѣ. Вчера вечеромъ, опьяненные этой побѣдой, они чуть-было не всадили и мнѣ въ тѣло самой нездоровой пули, хотя я и принадлежу къ ихъ партіи; дѣло въ томъ, что они геройски стрѣляли во всякаго, кто только подходилъ слишкомъ близко къ ихъ посту. То былъ дождливый, беззвѣздный, отвратительный вечеръ. На улицахъ было мало свѣту, потому что почти всѣ магазины, какъ и въ продолженіе всего дня, были закрыты. Сегодня всюду опять пестрое движеніе, и можно бы подумать, что ничего не произошло. Даже на улицѣ Сенъ-Мартенъ всѣ магазины открыты. Несмотря на то, что, благодаря разрытой мостовой и остаткамъ баррикадъ, тамъ трудно пройти, огромная толпа людей снуетъ теперь изъ любопытства по этой улицѣ, очень длинной и довольно узкой, дома которой необычайно высоки. Пушечный громъ разбилъ почти всюду въ ней окна, и вездѣ виднѣются свѣжіе слѣды пуль; ибо въ нее стрѣляли изъ пушекъ съ обѣихъ концовъ до тѣхъ поръ, пока республиканцы не были оттѣснены въ самую середину ея. Вчера говорили, что ихъ, наконецъ, заперли со всѣхъ сторонъ въ церкви Сенъ-Мери. Но на мѣстѣ я слышалъ опроверженіе этого слуха. Главной квартирой республиканцевъ былъ, повидимому, нѣсколько выступающій впередъ домъ, называющійся Café Leclerque и расположенный на углу переулка Сенъ-Мери. Здѣсь они держались дольше всего, здѣсь они оказали послѣднее сопротивленіе. Они не просили никакой пощады, и ихъ большею частью выгнали штыками. Здѣсь пали воспитанники Альфортской школы. Здѣсь текла самая пламенная кровь Франціи. Однако, очень ошибаются думающіе, что республиканцы состояли изъ однихъ только юныхъ горячихъ головъ. Многіе пожилые люди сражались вмѣстѣ съ ними. Одна молодая женщина, съ которой я разговаривалъ около церкви Сенъ-Мери, оплакивала смерть своего дѣдушки; онъ жилъ всегда такъ мирно, но когда увидѣлъ красное знамя и услышалъ крикъ: «Vive la répub-

lique!», то побѣжалъ со старой пикой къ молодымъ людямъ и умеръ вмѣстѣ съ ними. Бѣдный старикъ! Онъ услышалъ родную пѣснь «Горы», и въ немъ проснулось воспоминаніе его первой любви къ свободѣ, и ему захотѣлось еще разъ пережить вмѣстѣ съ этой молодежью грёзу юности. Спите спокойно!

Послѣдствія этой неудавшейся революціи можно заранѣе предвидѣть. Болѣе тысячи человѣкъ арестовано, и между ними, какъ говорятъ, одинъ депутатъ, Гарнье-Пажесъ. Либеральныя газеты запрещаются. Лавочничество ликуетъ, эгоизмъ процвѣтаетъ, и многіе лучшіе люди должны надѣть трауръ. Теорія устрашенія потребуетъ еще больше жертвъ. Національная гвардія уже боится своей собственной силы; эти герои пугаются, когда видятъ самихъ себя въ зеркалѣ. Король, великій, сильный, могущественный Людовикъ Филиппъ раздастъ много почетныхъ крестовъ. Наемный остословъ будетъ поносить друзей свободы и въ ихъ гробу, и ихъ теперь называютъ врагами общественнаго спокойствія, убійцами и т. д.

Одинъ портной, осмѣлившійся сегодня утромъ заикнуться на Вандомской площади о добрыхъ намѣреніяхъ республиканцевъ, былъ избитъ здоровенной женщиной, вѣроятно его собственной супругой. Это контръ-революція.

Парижъ, 8-го іюня.

Знамя, которое Лафайетъ на похоронахъ Ламарка увѣнчалъ иммортелями, было, говорятъ, не совсѣмъ красное, а красно-черно-золотое. Это баснословное знамя, котораго никто не зналъ, многіе приняли за республиканское... Ахъ, я зналъ его очень хорошо, я сейчасъ же подумалъ: Боже мой! да вѣдь это наши старые студенческіе цвѣта! Сегодня случится либо несчастье, либо какая-нибудь глупость. Къ сожалѣнію, случилось и то, и другое. Когда при началѣ враждебныхъ дѣйствій драгуны ударили также и на нѣмцевъ, слѣдовавшихъ за этимъ знаменемъ, то эти послѣдніе баррикадировались за большими деревянными бревнами во дворѣ. Немного спустя они ретировались въ Jardin des Plantes, и знамя, хотя и въ очень поврежденномъ состояніи, спасено. Французамъ, разспрашивавшимъ меня о значеніи этого красно-черно-золотого знамени, я добросовѣстно отвѣчалъ, что императоръ Барбаросса, который уже много вѣковъ живетъ въ Кифгейзерѣ, прислалъ намъ это знамя въ знакъ того, что великое старое царство грёзъ еще суще-

ствуетъ, и что онъ самъ придетъ со скипетромъ и мечомъ. Что до меня касается, то я не вѣрю, чтобы это сбылось скоро; вокругъ горы летаетъ еще слишкомъ много черныхъ вороновъ.

Здѣсь, въ Парижѣ, обстоятельства принимаютъ менѣе мечтательный оборотъ; на всѣхъ улицахъ штыки и бодрыя лица военныхъ. То, что Парижъ былъ объявленъ въ осадномъ положеніи, я счелъ сначала за холостой выстрѣлъ, не имѣющій никакого значенія; говорили, что это объявленіе будетъ сейчасъ же отмѣнено. Но когда я увидѣлъ вчера послѣ обѣда, что по улицѣ Ришелье везутъ все больше и больше пушекъ, то понялъ, что пораженіемъ республиканцевъ хотятъ воспользоваться, чтобы расправиться съ другими противниками правительства, а именно съ журналистами. Вопросъ теперь въ томъ, соединена ли въ данномъ случаѣ «добрая воля» съ достаточной силой. Теперь эксплуатируютъ ошеломленіе своею побѣдой національной гвардіи, которая принимала участіе въ насильственныхъ мѣрахъ противъ республиканцевъ и которой Людовикъ Филиппъ опять по-товарищески жметъ руку. Такъ какъ карлистовъ ненавидятъ, а республиканцевъ осуждаютъ, то народъ поддерживаетъ короля, какъ охранителя порядка, и онъ такъ же популяренъ, какъ неустранимая необходимость. Да, я слышалъ, какъ кричали: «vive le roi!», когда онъ проѣзжалъ верхомъ по бульварамъ; но я видѣлъ также высокую фигуру, которая недалеко отъ предмѣстья Монмартра смѣло выступила ему навстрѣчу съ крикомъ: «à bas Louis Philippe!» Нѣсколько всадниковъ изъ королевской свиты сейчасъ же соскочили съ лошадей, схватили этого протестанта и потащили его за собой.

Я никогда не видѣлъ въ Парижѣ такой странной духоты, какъ вчера вечеромъ. Несмотря на дурную погоду, публичныя мѣста были переполнены народомъ. Въ саду Пале-Рояля тѣснились группы политиковъ, тихо разговаривавшихъ, въ самомъ дѣлѣ очень тихо, потому что теперь васъ могутъ тутъ же на мѣстѣ предать военному суду и разстрѣлять въ двадцать четыре часа. Я начинаю томиться и тосковать по медлительности судебной процедуры въ моей Германіи. Положеніе внѣ закона, въ которомъ мы находимся здѣсь въ настоящую минуту, отвратительно; это зло хуже холеры. Какъ прежде, когда свирѣпствовала холера, всѣ были напуганы преувеличенными слухами о числѣ умершихъ, такъ же точно теперь пугаешься, когда слышишь объ

огромномъ числѣ арестовъ, о тайныхъ разстрѣливаньяхъ, когда тысячи различныхъ мрачныхъ слуховъ носятся во тьмѣ, какъ было вчера вечеромъ. Сегодня, при дневномъ свѣтѣ, мы стали спокойнѣе. Мы сознаемся, что вчера оробѣли, и чувствуемъ теперь скорѣе досаду, чѣмъ страхъ. Царствуетъ терроръ juste-milieu!

Газеты умѣрены въ выраженіи своего протеста, но отнюдь не трусливы. «National» и «Temps» говорятъ безстрашно, какъ подобаетъ свободнымъ людямъ. О новѣйшихъ происшествіяхъ я не могу сообщить ничего болѣе того, что напечатано сегодня въ газетахъ. Публика спокойна и спокойно ждетъ дальнѣйшаго хода событій. Правительство, можетъ-быть, испугано той огромной властью, которую оно видитъ въ собственныхъ рукахъ. Оно стало выше закона — положеніе опасное, потому что справедливо сказано: qui est audessus de la loi, est hors de la loi. Единственное, чѣмъ многіе истинные друзья свободы оправдываютъ теперешнія насильственныя мѣропріятія — необходимость для royauté démocratique окрѣпнуть для того, чтобы мощнѣе дѣйствовать во внѣшней политикѣ.

Парижъ, 10-го іюня.

Вчера Парижъ былъ совершенно спокоенъ. Слухи о многочисленныхъ разстрѣляніяхъ, которые еще третьяго дня вечеромъ распространялись людьми, наиболѣе заслуживающими довѣрія, были опровергнуты самымъ успокоительнымъ образомъ лицами, ближе всѣхъ стоящими къ правительству. Сознались только въ большомъ числѣ арестовъ. Впрочемъ, въ этомъ можно было убѣдиться и собственными глазами; вчера, а еще болѣе третьяго дня, всюду были видны арестованные, которыхъ вели линейные солдаты или комунальные гвардейцы. Минутами это было похоже на процессію: старые и молодые люди, въ самыхъ жалкихъ костюмахъ, сопровождаемые плачущими родственниками. Думали вѣдь, что всѣ они будутъ сейчасъ же преданы военному суду и разстрѣляны въ теченіе двадцати четырехъ часовъ въ Венсеннѣ. Передъ домами, гдѣ производили обыскъ, всюду толпился народъ. Это происходило главнымъ образомъ на тѣхъ улицахъ, которыя были театромъ войны, и гдѣ многіе изъ сражавшихся, отчаявшись въ успѣхѣ своего дѣла, скрывались до тѣхъ поръ, пока какой-нибудь предатель не выслѣживалъ ихъ. Вдоль набережныхъ было больше всего народа, пришедшаго поглазѣть и поболтать, въ особенности

много толпилось вблизи улицы Сенъ-Мартенъ, которая все еще наполнена любопытными, и вокругъ Palais de Justice, куда приводили многихъ арестованныхъ. Около морги тоже тѣснились, чтобы посмотрѣть выставленныхъ въ немъ покойниковъ; тутъ происходили самыя раздирательныя сцены. Городъ представлялъ поистинѣ скорбное зрѣлище; всюду кучки народа съ выраженіемъ горести на лицахъ, патрули солдатъ и похоронныя процессіи павшихъ въ бою національныхъ гвардейцевъ.

Въ обществѣ, однако, не замѣчается съ третьяго дня ни малѣйшей тревоги; оно хорошо знаетъ своихъ людей и знаетъ, что juste-milieu чувствуетъ само себя весьма непріятно въ теперешнемъ своемъ апогеѣ власти. Великій мечъ правосудія принадлежитъ теперь ему, но нѣтъ у него сильной руки, которая умѣла бы обращаться съ этимъ мечомъ. При малѣйшемъ движеніи оно боится поранить себя. Опьяненные побѣдой, которая была одержана главнымъ образомъ благодаря маршалу Сульту, они позволили склонить себя на тѣ важныя мѣропріятія, которыя, какъ говорятъ, предложилъ этотъ старый солдатъ, полный еще закваски эпохи имперіи. И этотъ человѣкъ стоитъ теперь фактически во главѣ совѣта министровъ, и его коллеги и прочіе люди juste-milieu боятся, чтобы и предсѣдательство, котораго онъ такъ ревностно домогается, не перешло къ нему. Поэтому стараются потихоньку повернуть и снова высвободиться изъ героизма; на это-то и бьютъ тѣ дополнительныя мягкія разъясненія, которыя посылаются теперь въ догонку приказу объ осадномъ положеніи. Нетрудно разглядѣть, что juste-milieu боится теперь собственной власти, и отъ страха судорожно сжимаетъ ее въ рукахъ, и, быть-можетъ, не выпуститъ ее до тѣхъ поръ, пока ему не обѣщаютъ прощенія. Можетъ-быть, съ отчаянія оно погубитъ нѣсколько неважныхъ жертвъ; можетъ-быть, напуститъ на себя самый смѣхотворный гнѣвъ, чтобы испугать своихъ враговъ; надѣлаетъ страшнѣйшихъ глупостей, будетъ... невозможно предвидѣть все, на что способенъ страхъ, когда онъ засѣлъ за баррикады въ сердцахъ властителей и видитъ себя окруженнымъ со всѣхъ сторонъ смертью и насмѣшкой. Дѣйствія человѣка, одержимаго страхомъ, такъ же, какъ и дѣйствія генія, находятся внѣ всякихъ расчетовъ. Между тѣмъ высшая публика чувствуетъ здѣсь, что то положеніе внѣ закона, въ которое ее ставятъ, есть не болѣе, какъ формула. Тамъ, гдѣ законы живутъ въ сознаніи народа, правительство не

въ силахъ уничтожить ихъ въ одну минуту какимъ-нибудь приказомъ. De facto жизнь и имущество гарантированы здѣсь все еще больше, чѣмъ во всей остальной Европѣ, за исключеніемъ Англіи и Голландіи. Несмотря на учрежденіе военныхъ судовъ, здѣсь, все-таки, царитъ фактическая свобода печати, и журналисты пишутъ здѣсь о мѣропріятіяхъ правительства все-таки гораздо свободнѣе, чѣмъ во многихъ государствахъ материка, гдѣ свобода прессы санкціонирована бумажными законами.

Такъ какъ сегодня, въ воскресенье, почта отходитъ уже въ полдень, то я не могу ничего сообщить о нынѣшнемъ днѣ. Мнѣ приходится только сослаться на газеты. Ихъ тонъ гораздо важнѣе того, что̀ они говорятъ. Впрочемъ, онѣ навѣрно опять полны вранья. Съ самаго ранняго утра безостановочно бьютъ въ барабаны. Сегодня большой смотръ войскамъ. Мой слуга говоритъ, что бульвары, вообще все пространство отъ Barrière du Trône до Barrière de l'Etoile сплошь покрыто линейными войсками и національной гвардіей. Людовикъ Филиппъ, отецъ отечества, побѣдитель Катилинъ 5-го іюня, Цицеронъ на конѣ, врагъ гильотины и бумажныхъ денегъ, спаситель жизни и лавокъ, буржуа-король черезъ нѣсколько часовъ покажется своему народу; громкое «ура» встрѣтитъ его; онъ будетъ очень растроганъ; онъ будетъ многимъ пожимать руку, а полиція уже позаботится о томъ, чтобы не было недостатка въ особыхъ мѣрахъ предосторожности и въ экстра-энтузіазмѣ.

Парижъ, 11-го іюня.

Чудная погода благопріятствовала вчерашнему смотру. На бульварахъ, отъ Barrière du Trône до Barrière de l'Etoile стояло, можетъ-быть, тысячъ до пятидесяти національной гвардіи и линейныхъ войскъ; и несмѣтное множество зрителей стояло на улицѣ, или смотрѣло изъ оконъ, ожидая съ любопытствомъ, какой видъ будетъ у короля, и какъ народъ приметъ его послѣ столь необычайныхъ событій. Въ часъ его величество изволили прибыть со своимъ генеральнымъ штабомъ къ Porte St. Denis, гдѣ я стоялъ на опрокинутой коллонѣ, чтобы имѣть возможность лучше видѣть. Король ѣхалъ не по серединѣ, а съ правой стороны, гдѣ стояла національная гвардія; и всю дорогу онъ сидѣлъ на лошади, наклонившись на одинъ бокъ, чтобы постоянно пожимать руки національнымъ гвардейцамъ; когда, два часа спустя, онъ ѣхалъ обратно по той же дорогѣ, то держался

лѣвой стороны, продѣлывая тотъ же маневръ, такъ что я не удивлюсь, если вслѣдствіе такого искривленнаго положенія онъ будетъ чувствовать сегодня сильнѣйшую боль въ груди, или если даже онъ вывихнулъ себѣ ребро. Такое необычайное терпѣніе короля было въ самомъ дѣлѣ непостижимо. При этомъ онъ долженъ былъ постоянно улыбаться. Но подъ толстою привѣтливостью этого лица скрывалось, думаю, много горя и заботъ. Видъ этого человѣка внушилъ мнѣ глубокое состраданіе. Онъ очень перемѣнился съ тѣхъ поръ, какъ я его видѣлъ этой зимой, на балу въ Тюильри. Мясо его щекъ, въ то время румяное и пухлое, вчера было обвислое и желтое, его черные бакенбарды совсѣмъ посѣдѣли, такъ что кажется, будто самыя его щеки исполнились съ тѣхъ поръ страха передъ настоящими и будущими ударами судьбы; по крайней мѣрѣ, признакомъ горя было то, что онъ не позаботился выкрасить свои бакенбарды въ черный цвѣтъ. При этомъ еще треугольная шляпа, надвинутая низко на лобъ во всю ширину своей передней стороны, придавала ему очень несчастный видъ. Онъ точно просилъ глазами благосклонности и прощенія. Право, глядя на этого человѣка, нельзя было сказать, что это онъ объявилъ всѣхъ насъ въ осадномъ положеніи. Потому-то онъ и не возбуждалъ противъ себя ни малѣйшаго неудовольствія, и я долженъ засвидѣтельствовать, что его всюду встрѣчали громкими привѣтственными кликами; особенно неистовое ура кричали ему вслѣдъ тѣ, которымъ онъ пожималъ руки, и изъ тысячи женскихъ глотокъ раздавалось пронзительное: «vive le roi!» Я видѣлъ одну старую женщину, толкнувшую своего мужа въ бокъ за то, что онъ недостаточно громко кричалъ. Горькое чувство охватило меня, когда я подумалъ, что народъ, ликующій теперь вокругъ бѣднаго, пожимающаго руки Людовика Филиппа, тѣ же самые французы, которые такъ часто видѣли проѣзжающаго на конѣ Наполеона Бонапарте съ его мраморнымъ лицомъ Цезаря, и неподвижными очами, и «недоступными» руками.

Послѣ того, какъ Людовикъ Филиппъ окончилъ смотръ войскъ, или, лучше сказать, ощупалъ войско, чтобы убѣдиться, что оно дѣйствительно существуетъ, военный шумъ продолжался еще нѣсколько часовъ. Различные корпуса, проходя одинъ мимо другого, постоянно кричали другъ другу привѣтствія. «Vive la ligne!» кричала національная гвардія, и тѣ въ свою очередь кричали «Vive la garde nationale!» Они братались. Можно было видѣть отдѣльныхъ

линейныхъ солдатъ въ символическомъ объятіи съ національными гвардейцами; точно такъ же въ видѣ символическаго дѣйствія, дѣлили они между собой свою колбасу, свой хлѣбъ и свое вино. Не произошло ни малѣйшаго безпорядка.

Не могу не упомянуть, что крикъ «Vive la liberté» слышался всего чаще и что когда эти слова выкрикивались полной грудью столькими тысячами вооруженныхъ людей, то въ душѣ ощущалось радостное успокоеніе, несмотря на осадное положеніе и на учрежденіе военныхъ судовъ. Но въ томъ-то и дѣло, что Людовикъ Филиппъ никогда не возстанетъ добровольно противъ общественнаго мнѣнія; онъ будетъ всегда стараться подслушать его настоятельнѣйшія требованія и дѣйствовать сообразно съ ними. Въ этомъ заключается важное значеніе вчерашняго смотра. Людовикъ Филиппъ чувствовалъ потребность видѣть народъ въ массѣ, чтобы убѣдиться, что она не сердится на него за его пушечные выстрѣлы и ордонансы, не считаетъ его за суроваго, дѣйствующаго насиліемъ короля, и что вообще не произошло никакого другого недоразумѣнія. Народъ, въ свою очередь, тоже хотѣлъ хорошенько разсмотрѣть своего Людовика Филиппа, чтобы убѣдиться, что онъ все попрежнему покорный слуга державной воли народа и попрежнему послушенъ и преданъ ему. Поэтому можно было также сказать, что и народъ со своей стороны заставилъ короля парадировать передъ собой, сдѣлалъ ему смотръ и выразилъ по этому случаю свое высочайшее удовольствіе.

Парижъ, 12-го іюня.

Большой смотръ войскъ былъ вчера всеобщей темой разговоровъ. Умѣренные видѣли въ немъ лучшее доказательство согласія между королемъ и гражданами. Многіе опытные люди не довѣряютъ этому прекрасному союзу и предсказываютъ, что между королемъ и гражданами легко можетъ произойти разрывъ, какъ только интересы трона придутъ въ столкновеніе съ интересами лавки. Теперь, правда, они взаимно поддерживаютъ другъ друга, и король и граждане довольны другъ другомъ. Какъ мнѣ разсказывали, это прекрасное согласіе можно было лучше всего замѣтить третьяго дня послѣ обѣда на Вандомской площади; король былъ радостно успокоенъ ликованіемъ, которымъ онъ былъ встрѣченъ на бульварахъ, а когда колонны національныхъ гвардейцевъ дефилировали передъ нимъ, нѣкоторые изъ нихъ безъ церемоніи выходили изъ рядовъ, протягивали

тоже ему руку, говорили ему при этомъ ласковое слово, высказывали ему лаконически свое мнѣніе о послѣднихъ событіяхъ, или объявляли напрямикъ, что будутъ поддерживать его до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ злоупотреблять своей властью. Людовикъ Филиппъ торжественно завѣрялъ всѣмъ, что есть святого, что этого никогда не случится, что онъ хочетъ только смирить мятежниковъ, что онъ тѣмъ энергичнѣе будетъ защищать свободу и равенство французовъ, и его слова созидали большое довѣріе. Изъ чувства безпристрастія я долженъ былъ упомянуть объ этихъ обстоятельствахъ. Да, сознаюсь, они нѣсколько успокоили и мое недовѣрчивое сердце.

Оппозиціонныя газеты, повидимому, желаютъ игнорировать третьягоднишнія происшествія. Вообще ихъ тонъ очень замѣчателенъ. Это что-то въ родѣ затишья, какое обыкновенно предшествуетъ страшнымъ взрывамъ. Онѣ какъ будто докидаются только отмѣны приказа объ осадномъ положеніи. Тонъ всякой газеты показываетъ, въ какой степени она скомпрометирована въ послѣднихъ событіяхъ. «Трибунѣ» приходится совсѣмъ молчать, такъ какъ она наиболѣе явно замѣшана въ нихъ. «National» тоже замѣшанъ, но не въ такой сильной степени, и потому можетъ говорить нѣсколько больше и свободнѣе. «Temps», который сильнѣе и смѣлѣе всѣхъ возсталъ противъ приказа объ осадномъ положеніи, находится въ ладахъ съ нѣкоторыми коноводами juste-milieu, и потому онъ гораздо больше гарантированъ, чѣмъ Саррю и Карреля; но эти соображенія не могутъ помѣшать намъ воздать г. Косту, какъ одному изъ лучшихъ гражданъ Франціи, хвалу за тѣ мужественно великія слова, въ которыхъ, въ самое критическое время, онъ высказался противъ незаконнаго образа дѣйствій и произвола правительства. Г. Саррю арестованъ, г. Карреля всюду ищутъ. Противъ Карреля возстановлены болѣе всего, и возможно, что при учрежденіи «чрезвычайныхъ» судовъ имѣли въ виду спеціально его. Да, если только правда, какъ утверждаютъ теперь, что эту геніальную штуку придумалъ г. Тьеръ, то навѣрное онъ при этомъ думалъ также и о своемъ бывшемъ коллегѣ, Каррелѣ. Ибо его онъ долженъ болѣе всего бояться. Онъ хорошо знаетъ его силу, и знаетъ, что всякая партія, обѣдивъ, прежде всего караетъ своихъ ренегатовъ. Голова маленькаго Тьера, полная еще нестройнымъ шумомъ марельскихъ кухонныхъ горшковъ и хвалебныхъ стиховъ Вьенне, была навѣрно совсѣмъ ошеломлена, когда до ея ушей до-

стигли громъ пушекъ и имя Карреля. Всѣ вѣдь думали, что Каррель стоялъ во главѣ народнаго движенія 5-го іюня. Большое зданіе въ улицѣ Круассонъ, гдѣ помѣщаются типографія и контора «National», считали за главную квартиру, и около двухъ тысячъ человѣкъ, между которыми было много весьма значительныхъ лицъ, отправились туда, чтобы предложить содѣйствіе свое и своей партіи. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что Каррель отклонялъ всѣ подобныя предложенія и предсказывалъ, что задуманная революція потерпитъ неудачу, потому что ее недостаточно подготовили, потому что не обезпечили себѣ сочувствія народа, потому что не было самыхъ необходимыхъ вспомогательныхъ средствъ, потому что никто даже не зналъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, и т. д. И въ самомъ дѣлѣ, никогда еще не было возмущенія, столь плохо подготовленнаго, и по сей часъ еще никто не знаетъ, какъ оно возникло и какую приняло форму. Нѣкто, сражавшійся въ улицѣ Сенъ-Мартенъ, увѣряетъ, что когда республиканцы, которыхъ заперли въ этой улицѣ, взглянули другъ на друга, то оказалось, что никто изъ нихъ не знаетъ другого, и только случай свелъ вмѣстѣ этихъ, совсѣмъ незнакомыхъ между собой людей. Впрочемъ, они скоро познакомились, когда пришлось совмѣстно драться, и большая часть изъ нихъ умерли, какъ самые искренніе и близкіе братья по оружію. Такъ же точно нельзя было до сихъ поръ выяснить, что̀ собственно произошло во время возвращенія Лафайета домой. Одинъ хорошо освѣдомленный человѣкъ увѣрялъ меня вчера, что правительство, относившееся съ недовѣріемъ къ похоронному торжеству въ честь Ламарка и потому державшее наготовѣ своихъ драгуновъ, отдало приказаніе полиціи, чтобы въ случаѣ какихъ бы то ни было безпорядковъ она прежде всего старалась захватить Лафайета, дабы онъ не попалъ въ руки бунтовщиковъ и не могъ поддержать ихъ авторитетомъ своего имени; и вотъ, когда раздались первые выстрѣлы, нѣсколько полицейскихъ агентовъ, переодѣтыхъ рабочими, насильно втолкнули бѣднаго Лафайета въ карету, а другіе, тоже переодѣтые полицейскіе агенты, впряглись въ нее и при громкихъ кликахъ: «Vive la Lafayette!» съ тріумфомъ увезли его.

Послушать республиканцевъ, то они сознаются теперь, что несчастіе ихъ друзей 6-го іюня сильно повредило имъ, но что на другой день глупость ихъ враговъ, а именно указъ объ осадномъ положеніи города Парижа, принесла

имъ тѣмъ больше выгоды. Они увѣряютъ, что на 5-е и 6-е іюня слѣдуетъ смотрѣть только, какъ на стычку аванпостовъ, что никто изъ выдающихся людей республиканской партіи не находился при этомъ, и что изъ пролитой въ эти дни крови выросло для нихъ много новыхъ борцовъ. Сказанное мною выше, повидимому, до нѣкоторой степени потверждаетъ это мнѣніе. Партія, представителемъ которой является «National» и которую коварная «Gazette de France» называетъ доктринерными республиканцами, не принимала въ этихъ происшествіяхъ участія, и вожди партіи «Трибуны», монтаньяры, также ничѣмъ не проявили своей прикосновенности къ этому дѣлу.

Парижъ, 17-го іюня.

За границей составляютъ себѣ, навѣрное, въ настоящее время самыя странныя представленія о здѣшнемъ положеніи вещей, когда обсуждаютъ послѣднія происшествія, неотмѣненное еще état de siège и рѣзкій антагонизмъ партій. А между тѣмъ, мы видимъ здѣсь въ настоящую минуту такъ мало перемѣнъ, что болѣе всего приходится удивляться именно этому отсутствію необычайныхъ явленій. Это замѣчаніе составляетъ главное, что̀ я имѣю сообщить, и это отрицательное содержаніе моего письма, конечно, опровергнетъ многія ошибочныя предположенія.

Здѣсь совсѣмъ тихо. Военные судьи разбираютъ дѣла съ суровой миной. До сихъ поръ еще не разстрѣляли ни одной кошки. Публика смѣется, подшучиваетъ, остритъ надъ осаднымъ положеніемъ, надъ храбростью національной гвардіи, надъ мудростью правительства. Что̀ я тогда же предсказывалъ, то и случилось: juste-milieu не знаетъ, какъ ему выбраться изъ героизма, и осажденные съ злорадствомъ смотрятъ на это отчаянное положеніе осаждающихъ. Послѣдніе очень желали бы походить елико возможно на варваровъ, они роются въ архивахъ самыхъ варварскихъ временъ, чтобы снова вызвать къ жизни кровавые законы, но имъ удается только сдѣлать себя смѣшными. Они хотятъ быть тиранами, а природа предназначила ихъ на нѣчто совсѣмъ иное.

Разряженныя группы людей, гуляющихъ въ садахъ Пале-Рояля, Тюильри и Люксамбурга, и вдыхающія тихую лѣтнюю прохладу, или любующіяся на идиллическія игры маленькихъ дѣтей, или развлекающіеся какъ-нибудь иначе среди окружающаго спокойствія, представляютъ собой, сами того

не зная, самую веселую сатиру на существующее въ силу закона осадное положеніе. Чтобы публика хоть сколько-нибудь повѣрила ему, всюду производятъ съ величайшей серьзностью домашніе обыски, тревожатъ больныхъ и шарятъ въ ихъ постеляхъ, не спрятано ли тамъ ружья или, чего добраго, бумажнаго пакета съ порохомъ.

Болѣе всего безпокойства терпятъ бѣдные иностранцы, которые вслѣдствіе осаднаго положенія должны отправляться въ префектуру полиціи, чтобы выпрашивать себѣ разрѣшеніе на жительство. Тамъ они подвергаются pro forma всякаго рода допросамъ. Многіе французы изъ провинціи, въ особенности студенты, должны давать полиціи подписку въ томъ, что во время своего пребыванія въ Парижѣ, они не предпримутъ ничего противъ правительства Людовика Филиппа. Многіе предпочли покинуть городъ, чѣмъ дать подобную подписку. Другіе согласились подписать только послѣ того, какъ имъ позволили прибавить, что по своему образу мыслей они республиканцы. Эти полицейскія мѣры предосторожности введены доктринерами навѣрно по примѣру нѣмецкихъ университетовъ.

Аресты все еще продолжаются; иногда арестовываютъ самыхъ разнородныхъ людей и подъ разнороднѣйшими предлогами, однихъ за участіе въ республиканскомъ мятежѣ, другихъ вслѣдствіе вновь открытаго бонапартистскаго заговора; вчера арестовали даже трехъ карлистскихъ поэтовъ, и между ними дона Шатобріана, рыцаря печальнаго образа, лучшаго писателя и самаго большого дурака Франціи. Тюрьмы переполнены. Въ одной St. Pélagie сидятъ по политическимъ обвиненіямъ болѣе шести сотъ узниковъ. Отъ одного моего пріятеля, сидящаго тамъ за долги и пишущаго большое сочиненіе, въ которомъ онъ доказываетъ, что St. Pélagie была основана пелазгами, я получилъ вчера письмо, гдѣ онъ очень жалуется на шумъ, которымъ онъ окруженъ теперь и который мѣшаетъ ему въ его научныхъ изслѣдованіяхъ. Среди узниковъ St. Pélagie царитъ величайшая строптивость. На стѣнѣ двора они нарисовали чудовищныхъ размѣровъ грушу, а надъ нею топоръ. Упомянувъ о грушѣ, не могу не замѣтить, что магазины эстамповъ не обращаютъ положительно никакого вниманія на наше осадное положеніе. Груша, и снова груша, видна на всѣхъ карикатурахъ. Наиболѣе кидается въ глаза карикатура, изображающая площадь Согласія съ памятникомъ, посвященнымъ хартіи; на этомъ послѣднемъ, имѣющемъ видъ жертвенника, лежитъ

огромная груша съ чертами лица короля.—Душѣ нѣмца это становится въ концѣ концовъ скучно и противно. Эти вѣчныя насмѣшки, на картинкахъ и въ печати, возбуждаютъ во мнѣ скорѣе нѣкоторую симпатію къ Людовику Филиппу. Онъ поистинѣ достоинъ сожалѣнія, теперь болѣе, чѣмъ когда-либо. Отъ природы онъ добръ и кротокъ, а теперь, конечно, будетъ понужденъ военными судами къ мѣрамъ строгости. При этомъ онъ чувствуетъ, что казни не помогаютъ и не устрашаютъ, особенно послѣ того, какъ нѣсколько недѣль назадъ холера казнила страшнѣйшими муками болѣе 35 т. человѣкъ. Но жестокости прощаются властителямъ скорѣе, чѣмъ оскорбленіе традиціонныхъ правовыхъ понятій, а такое оскорбленіе заключается въ обратномъ дѣйствіи указа объ осадномъ положеніи. Вотъ почему, благодаря угрозѣ строгостями военнаго суда, республиканцы такъ повысили тонъ, и противники ихъ кажутся теперь вслѣдствіе этого такими мелкими.

Парижъ, 7-го іюля.

Въ настоящую минуту здѣсь замѣчается тотъ упадокъ силъ, который обыкновенно наступаетъ послѣ сильнаго возбужденія. Всюду сѣрое недовольство, печаль, утомленіе, разинутые рты, частью зѣвающіе, частью показывающіе зубы. Рѣшеніе кассаціоннаго суда положило нашему странному осадному положенію конецъ почти въ видѣ развязки комедіи. Надъ этой непредвидѣнной катастрофой смѣялись столько, что почти простили правительству его неудавшійся coup d'état. Съ какимъ веселымъ смѣхомъ читали мы на углахъ улицъ прокламацію Монталиве, въ которой онъ какъ будто благодаритъ парижанъ за то, что они обращаютъ такъ мало вниманія на état de siège и нисколько не перестаютъ веселиться! Я не думаю, чтобы Бомарше могъ лучше написать этотъ документъ. Поистинѣ, нынѣшнее правительство дѣлаетъ много для увеселенія народа.

Въ то же время французы забавлялись странной игрой—головоломкой. Эта игра, какъ извѣстно, есть китайское времяпрепровожденіе, и задача ея состоитъ въ томъ, чтобы составить опредѣленную фигуру изъ нѣсколькихъ кривыхъ и угловатыхъ кусочковъ дерева. И вотъ въ здѣшнихъ салонахъ занимались тѣмъ, что составляли новое министерство по правиламъ этой игры, и нельзя себѣ представить, какихъ только кривыхъ и угловатыхъ особъ не ставили другъ возлѣ друга, при чемъ, однако, изъ всѣхъ этихъ де-

ревянныхъ комбинацій, все-таки, не выходило въ общемъ никакой порядочной общей фигуры. Съ Талейраномъ и Дюпеномъ старшимъ сдѣлали большую часть комбинацій. Насчетъ перваго газеты не преминули сообщить всевозможныя выдумки. То, что ему придавали такое необыкновенно важное значеніе при образованіи новаго министерства, было главнымъ заблужденіемъ. Старикъ уже старъ и никуда негоденъ и, можетъ-быть, пріѣхалъ сюда только по своимъ личнымъ дѣламъ. Утверждаютъ также, что онъ очень боленъ и ослабъ, потому что постоянно увѣряетъ, что никогда еще не чувствовалъ себя такимъ здоровымъ и крѣпкимъ, какъ теперь. По его словамъ, онъ ѣдетъ на воды, чтобы окончательно укрѣпить свое здоровье и силы. Съ вѣтренностью мальчика, не знающаго еще свѣта съ его дурной стороны, этотъ старикъ, врядъ ли знающій его со стороны хорошей, самымъ легкомысленнымъ образомъ шутитъ надо всѣми разнообразными запутанностями и опасностями настоящаго времени. Этой, своей извѣстной манерой легко относиться къ самымъ труднымъ положеніямъ, онъ придаетъ себѣ видъ увѣренности и непогрѣшимости и является какъ бы папой той невѣрующей, той злополучной церкви, которая не вѣруетъ ни въ святой духъ народовъ, ни въ воплощеніе божественнаго Слова.

О сомнительности выбора въ министры Дюпена газеты болтали много страннаго, но не всегда безъ основанія. Совершенно вѣрно, что у него произошло какъ-то довольно рѣзкое столкновеніе съ королемъ и что оба они разстались во взаимномъ неудовольствіи. Правда также, что поводомъ къ этому столкновенію послужилъ лордъ Гренвиль. Но дѣло обстоитъ слѣдующимъ образомъ. Г. Дюпенъ далъ раньше королю Людовику Филиппу слово, что какъ только тотъ потребуетъ, онъ сейчасъ же приметъ предсѣдательское мѣсто въ совѣтѣ. Лордъ Гренвиль, которому непріятно видѣть во главѣ правительства такого простого буржуа, и который, въ духѣ своей касты, желаетъ болѣе знатнаго премьера, высказалъ, будто бы, Людовику Филиппу нѣкоторыя серьезныя сомнѣнія насчетъ способностей г. Дюпена. Когда король пересказалъ эти рѣчи г. Дюпену, тотъ такъ разозлился, началъ говорить въ такихъ неприличныхъ выраженіяхъ, что между нимъ и королемъ произошелъ разрывъ. Множество мелкихъ интригъ переплетаются съ этимъ происшествіемъ. Если бы Дюпенъ сдѣлался президентомъ совѣта, то большинство членовъ нынѣшняго министерства вышло бы въ отставку. Часть

другихъ высшихъ сановниковъ была бы отстранена. Прежній редакторъ «National», г. Тьеръ, въ силу необходимости принялъ бы опять новое направленіе. Напротивъ, теперешній редакторъ «Temps», г. Костъ, получилъ бы ту важную должность, которую занималъ раньше исчезнувшій г. Кеснеръ, именно—главноуправляющаго государственной казной. Между тѣмъ, сила вещей разрѣшитъ многія несогласія; какъ только палата снова начнетъ свои пренія, Дюпенъ окажется единственно возможнымъ министромъ juste-milieu; онъ одинъ въ состояніи оказать парламентское противодѣйствіе оппозиціи, и, по правдѣ сказать, правительству придется давать отвѣтъ во многомъ.

До сихъ поръ Людовикъ Филиппъ все еще самъ свой первый министръ. Это видно уже изъ того, что всѣ правительственныя распоряженія приписываются лично ему, а не г. Монталиве, о которомъ почти и не говорятъ, котораго даже ненавидятъ. Замѣчательна перемѣна, происшедшая, повидимому, въ воззрѣніяхъ короля со времени возмущенія 5-го и 6-го іюня. Онъ теперь считаетъ себя совсѣмъ крѣпкимъ, онъ думаетъ, что можетъ положительно разсчитывать на главную массу націи; онъ воображаетъ себя человѣкомъ необходимости, къ которому нація безусловно примкнетъ въ случаѣ враждебныхъ дѣйствій извнѣ, и потому онъ, кажется, уже не такъ сильно боится войны, какъ прежде. Патріотическая партія образуетъ, разумѣется, меньшинство и она не довѣряетъ ему; она справедливо опасается, что противъ чужестранцевъ онъ настроенъ менѣе враждебно, чѣмъ противъ туземцевъ. Первые угрожаютъ только его коронѣ, послѣдніе—его жизни. Что это дѣйствительно такъ, извѣстно королю. Въ самомъ дѣлѣ, если принять во вниманіе, что Людовикъ Филиппъ въ глубинѣ души убѣжденъ въ кровожадной злонамѣренности своихъ противниковъ, то приходится удивляться его умѣренности. Объявленіемъ осаднаго положенія онъ, разумѣется, совершилъ непростительную противузаконность; но нельзя, все-таки, сказать, чтобы онъ недостойнымъ образомъ злоупотребилъ своей властью. Напротивъ, онъ съ величайшимъ великодушіемъ пощадилъ всѣхъ, оскорблявшихъ лично его, а старался покорить, или, вѣрнѣе, обезоружить только тѣхъ, кто враждебно возставалъ противъ его правительства. Несмотря на все неудовольствіе, какое можно питать противъ короля Людовика Филиппа, у меня все-таки невольно слагается убѣжденіе, что, какъ человѣкъ, онъ обладаетъ необычайно благороднымъ сердцемъ

и широкимъ умственнымъ кругозоромъ. Его главная страсть, повидимому—любовь къ строительству. Я былъ недавно въ Тюильри, тамъ всюду идутъ постройки, и надъ землей и подъ землей; ломаютъ комнатныя стѣны, вырываютъ огромные погреба, постоянный стукъ и трескъ. Король, живущій со всей своей семьей въ Сенъ-Клу, пріѣзжаетъ ежедневно въ Парижъ и прежде всего осматриваетъ, насколько подвинулись постройки въ Тюильри. Этотъ дворецъ стоитъ теперь почти совсѣмъ пустымъ; только совѣтъ министровъ собирается въ немъ. О, если бы всѣ капли крови могли говорить, какъ это бываетъ въ дѣтскихъ сказкахъ, то отъ нихъ пришлось бы не разъ услышать добрый совѣтъ: потому что въ каждой комнатѣ этого трагическаго дома текла поучительная кровь.

Парижъ, 15-го іюля.

14-е іюля прошло спокойно, нигдѣ не обнаружилось возвѣщенное полиціей возстаніе. Впрочемъ, день былъ такой жаркій, надо всѣмъ Парижемъ тяготѣла такая давящая духота, что даже это возвѣщеніе не было въ состояніи привлечь достаточное число любопытныхъ на обычные сборные пункты возстаній. Только на площади великаго открытія революціи, гдѣ нѣкогда въ этотъ день была разрушена Бастилія, собралось много группъ, спокойно выносившихъ палящій полуденный зной и какъ бы изъ патріотизма позволявшихъ іюльскому солнцу жарить ихъ. Сначала говорили, что 14-го іюля на этой площади публично увѣнчаютъ лаврами оставшихся еще въ живыхъ и получающихъ теперь пенсію, старыхъ героевъ, штурмовавшихъ Бастилію; Лафайету предназначалась при этомъ торжествѣ главная роль. Но, вѣроятно благодаря событіямъ 5-го и 6-го іюня, этотъ проектъ не состоялся; да и Лафайетъ, повидимому, не желаетъ больше въ этомъ году никакихъ тріумфальныхъ шествій. Можетъ-быть, среди собравшихся на площади Бастиліи группъ было больше полиціи, чѣмъ публики, потому что иногда раздавались громко такія мрачно-злобныя замѣчанія, которыя обыкновенно высказываются только переодѣтыми сыщиками. Людовикъ Филиппъ, говорилось тутъ,—измѣнникъ, національная гвардія—измѣнники, депутаты—измѣнники, одно только іюльское солнце еще поступаетъ честно. И дѣйствительно, оно дѣлало свое дѣло и жгло насъ своими лучами такъ, что становилось почти невыносимо. Что до меня касается, то я на этой страшной жарѣ сдѣлалъ замѣчаніе, а именно, что Бастилія

была вѣроятно очень прохладнымъ зданіемъ и навѣрно давала лѣтомъ весьма пріятную тѣнь. Когда ее разрушили, въ ней сидѣло пятеро заключенныхъ. Теперь же имѣется десять государственныхъ тюремъ, и въ одной только St. Pélagie содержится болѣе шестисотъ государственныхъ преступниковъ. St. Pélagie, говорятъ, очень нездоровое и тѣсное зданіе. Но тамъ живутъ весело; правда, республиканцы и карлисты держатся другъ отъ друга особо, однако постоянно перебрасываются веселыми остротами, и смѣются, и ликуютъ. Первые, республиканцы, носятъ красныя якобинскія шапки; послѣдніе, карлисты, носятъ зеленыя шапки съ бѣлой кисточкой въ видѣ лиліи; одни постоянно кричатъ: «Vive la république!», другіе кричатъ: «Vive Henri V!». Всеобщіе крики одобренія раздаются, когда кто-нибудь съ дикой яростью разразится ругательствомъ противъ Людовика Филиппа. Это дѣлается тѣмъ свободнѣе, что заключенные въ St. Pélagie не могутъ быть ни арестованы, ни посажены въ тюрьму. Большинство горячихъ головъ, обыкновенно при всякомъ удобномъ случаѣ начинавшихъ бунтовать, сидятъ теперь тамъ въ заточеніи, и полиціи не удается съ тѣхъ поръ произвести сколько-нибудь выгоднаго для нея возстанія. Республиканцы будутъ покамѣстъ очень остерегаться какихъ-либо насильственныхъ попытокъ. Да и оружія у нихъ нѣтъ; разоруженіе было произведено весьма основательно.

Сегодня день именинъ молодого Генриха, и со стороны карлистовъ ожидаются безпорядки. Прокламаціи въ честь Генриха V распространялись вчера вечеромъ тряпичниками и переодѣтыми священниками. Въ нихъ говорится, что онъ осчастливитъ Францію и защититъ ее отъ иноземнаго нашествія; въ будущемъ году онъ дѣлается совершеннолѣтнимъ, такъ какъ французскіе короли достигаютъ совершеннолѣтія и своего высшаго развитія уже въ тринадцать лѣтъ. На этой прокламаціи юный Генрихъ въ первый разъ представленъ со скипетромъ и короной; до сихъ поръ его видѣли всегда въ одѣяніи пилигрима или горнаго шотландца, взбирающагося по скаламъ, или сующаго свой кошелекъ въ руку бѣдной нищенки, и т. д. Отъ этой жалкой затѣи нельзя, однако, ожидать ничего опаснаго. Карлисты и сами очень пріуныли. Безумная смѣлость герцогини Беррійской надѣлала имъ много вреда. Напрасно вожди парижскихъ карлистовъ послали къ герцогинѣ г. Беррье, чтобы побудить ее вернуться въ Голирудъ. Напрасно старался достигнуть того же черезъ своихъ агентовъ Людовикъ Филиппъ. Напрасно

умоляли ее иностранные посланники ради самого Бога отказаться въ настоящую минуту отъ своей попытки. Всѣ доводы разума, всѣ угрозы и мольбы не могли заставить эту упрямую женщину уѣхать обратно. Она и теперь еще въ Вандеѣ. Хотя и лишенная всякихъ средствъ и не находя больше нигдѣ поддержки, она не хочетъ уступить. Ключъ этой загадки вотъ какой: глупые или умные священники фанатизировали ее и убѣдили, что на ея ребенка снизойдетъ Божье благословеніе, если она теперь умретъ за его дѣло. Вотъ она и ищетъ смерти съ религіозной жаждой мученичества и восторженною материнскою любовью.

Если въ публичныхъ мѣстахъ здѣсь не обнаруживается никакихъ движеній, зато тѣмъ болѣе безпокойства замѣчается въ обществѣ. Главнымъ образомъ волнуютъ умы нѣмецкія дѣла, рѣшенія союзнаго сейма. О Германіи высказываются самыя нелѣпыя сужденія. Французы, въ своемъ легкомысленномъ заблужденіи, воображаютъ, что государи уничтожили свободу, и не понимаютъ того, что надо было только положить конецъ анархіи среди нѣмецкихъ либераловъ, и что вообще имѣется въ виду лишь единство и благо нѣмецкаго народа. Еще 2-го іюня «Temps» напечаталъ содержаніе шести параграфовъ постановленія сейма. Одинъ извѣстный піетистъ еще раньше носилъ въ карманѣ выдержки изъ этого постановленія и сообщеніемъ ихъ обратилъ много сердецъ на путь истины.

Послѣ нѣмецкихъ дѣлъ насъ занимаютъ здѣсь дѣла бельгійско-голландскія, которыя съ каждымъ часомъ все болѣе и болѣе запутываются, но тѣмъ не менѣе должны быть какъ можно скорѣе окончены. Думаютъ, что Англія намѣрена серьезными мѣрами разрѣшить такъ или иначе эту путаницу, и что это именно намѣреніе, а вовсе не участіе къ полякамъ составляетъ настоящую цѣль поѣздки Дёргема въ Петербургъ. Во всякомъ случаѣ, въ самомъ выборѣ посланника видятъ доказательство твердо принятаго намѣренія. Ибо лордъ Дёргемъ самый угрюмо-несговорчивый, самый угловатый сынъ Альбіона, и къ тому же онъ лично озлобленъ противъ русской придворной знати, которая, по случаю билля о реформѣ, яко бы очень враждебно интриговала противъ него, самаго ревностнаго реформера, и противъ его тестя, лорда Грея, и всѣми средствами старалась низвергнуть его. Друзья мира надѣются, что онъ и царь Николай не будутъ особенно много разговаривать другъ съ другомъ, потому что императоръ ни въ какомъ случаѣ но

можетъ быть дружелюбно настроенъ тѣмъ неприличнымъ, очень сквернымъ тономъ, въ которомъ говорили о немъ въ парламентѣ. Можетъ быть впрочемъ, что и по вполнѣ естественнымъ причинамъ между ними обоими и невозможенъ никакой значительный разговоръ, и все будетъ зависѣть отъ посредствующихъ лицъ, исполняющихъ обязанность переводчиковъ.

Людовикъ Филиппъ все еще того мнѣнія, что онъ силенъ. Посмотрите, какъ мы сильны! Таковъ припѣвъ всякой рѣчи въ Тюильри. Какъ больной постоянно говоритъ о здоровьѣ и не можетъ довольно нахвалиться тѣмъ, что его желудокъ хорошо варитъ, что онъ можетъ безъ судороги стоять на ногахъ, что онъ совершенно свободно дышитъ, и т. д., такъ и эти люди безпрестанно говорятъ о твердости и силѣ, которыя ими уже выказаны при различныхъ опасностяхъ и будутъ выказываемы и впредь. Ежедневно являются во дворецъ дипломаты, и щупаютъ у нихъ пульсъ, и заставляютъ показывать языкъ, и тщательно разсматриваютъ мочу, и посылаютъ потомъ своимъ дворамъ политическіе бюллетени о ихъ здоровьѣ. У иностранныхъ уполномоченныхъ тоже вѣдь вѣчный вопросъ: силенъ или слабъ Людовикъ Филиппъ? Въ первомъ случаѣ ихъ государь можетъ у себя дома спокойно придумывать и приводить въ исполненіе какія угодно мѣры; во второмъ случаѣ, при которомъ можно опасаться ниспроверженія французскаго правительства и войны, они не должны предпринимать у себя ничего негуманнаго.

Этотъ великій вопросъ, слабъ или силенъ Людовикъ Филиппъ, разрѣшить трудно. Но легко усмотрѣть, что сами французы въ эту минуту отнюдь не слабы. Въ сердцѣ народовъ они нашли себѣ новыхъ союзниковъ, тогда какъ противники ихъ именно теперь не стоятъ на вершинѣ популярности. Невидимыя полчища духовъ служатъ имъ боевыми товарищами, и при этомъ ихъ собственныя тѣлесныя арміи находятся въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Французская молодежь такъ же воинственно настроена и воодушевлена, какъ въ 1792 г.

Подъ звуки веселой музыки проходятъ молодые новобранцы по городу, а на ихъ шляпахъ—развѣвающіяся ленты и цвѣты, а также вытянутый ими номеръ, являющійся какъ бы ихъ первымъ выигрышемъ. И при этомъ поются пѣсни свободы, и барабаны играютъ марши 90-го года.

Изъ Нормандіи.

Гавръ, 1-го августа.

Силенъ или слабъ Людовикъ Филиппъ, это, повидимому, дѣйствительно главный вопросъ, рѣшеніе котораго въ одинаковой мѣрѣ интересуетъ какъ народы, такъ и правителей. Поэтому я постоянно имѣлъ его въ мысляхъ во время моей поѣздки по сѣвернымъ провинціямъ Франціи. Но относительно общественнаго настроенія я узналъ такъ много противорѣчиваго, что могу сообщить по этому вопросу мало свѣдѣній болѣе основательныхъ, чѣмъ тѣ, которыя исходятъ отъ людей, черпающихъ свою мудрость въ Тюильри, или, вѣрнѣе, въ С. Клу. Сѣверные французы, въ особенности хитрые нормандцы, не такъ склонны откровенно высказываться, какъ жители страны «Ос». Или ужъ не знакъ ли это неудовольствія, что тѣ граждане страны «Oui», которые заботятся только объ интересахъ родины, большею частью хранятъ серьезное молчаніе, когда ихъ спрашиваешь объ этомъ? Только молодежь, одушевленная интересами идеи, открыто высказывается насчетъ неизбѣжнаго, какъ она думаетъ, приближенія республики; да еще карлисты, преданные интересамъ личности, распространяютъ всѣми возможными способами свою ненависть къ теперешнимъ властителямъ, которыхъ они рисуютъ самыми преувеличенными красками, и паденіе которыхъ предсказываютъ, какъ нѣчто несомнѣнное, чуть ли не съ точностью опредѣляя день и часъ. Карлисты въ этой мѣстности довольно многочисленны. Это объясняется тѣмъ, что здѣсь существуетъ еще особенный интересъ, именно любовь къ нѣкоторымъ членамъ павшей династіи, имѣвшимъ обыкновеніе проводить въ этой мѣстности лѣто и сумѣвшимъ сдѣлать себя тамъ и сямъ популярными. Особенно успѣла въ этомъ герцогиня Беррійская. Поэтому ея приключенія сдѣлались злобой дня въ этой провинціи, а пастыри католической церкви выдумываютъ еще сверхъ того самыя благочестивыя легенды для прославленія ея и ея сына. Въ прежнія времена духовные отцы отнюдь не были особенно довольны религіознымъ рвеніемъ герцогини, а между тѣмъ, она именно тѣмъ, что вызывала иногда неудовольствіе священства, и завоевала расположеніе народа. «Эта маленькая милая женщина совсѣмъ не такая ханжа, какъ другія,—говорили тогда:—посмотрите, какъ свѣтски кокетливо она идетъ въ процессіи, и какъ равнодушно несетъ въ рукѣ свой молитвенникъ, и свѣчку

шаловливо держитъ такъ низко, что воскъ капаетъ на атласный шлейфъ ея невѣстки, ворчливо набожной герцогини Ангулемской!» Эти времена миновали, веселый румянецъ поблекъ на щекахъ бѣдной Каролины, она сдѣлалась такой же набожной, какъ и другія, держитъ свѣчку съ полной вѣрой, какой желаютъ отъ нея священники, и зажигаетъ ею междоусобную войну въ прекрасной Франціи, какъ желаютъ священники.

Не могу не замѣтить, что вліяніе католическаго духовенства въ этой провинціи сильнѣе, чѣмъ думаютъ въ Парижѣ. При погребальныхъ процессіяхъ ихъ можно видѣть здѣсь шествующими по улицамъ въ своихъ церковныхъ облаченіяхъ, съ крестами и флагами, при меланхолическомъ пѣніи—зрѣлище, которое поражаетъ, когда пріѣзжаешь изъ столицы, гдѣ полиція, или вѣрнѣе, народъ строго воспрещаетъ подобныя церемоніи. За все время, что я пробылъ въ Парижѣ, я ни разу не видѣлъ на улицѣ священника въ облаченіи; въ тѣхъ многихъ тысячахъ похоронъ, которыя проходили мимо меня во время холеры, церковь ни разу не появилась ни въ лицѣ своихъ служителей, ни въ образѣ своихъ символовъ. Многіе, однако, утверждаютъ, что и въ Парижѣ религія потихоньку оживаетъ. Это правда, по крайней мѣрѣ французская католическая община аббата Шателя съ каждымъ днемъ разрастается, его зала въ улицѣ Клиши стала уже слишкомъ тѣсной для вмѣщенія всей массы вѣрующихъ, и съ нѣкоторыхъ поръ онъ совершаетъ католическое богослуженіе въ томъ большомъ зданіи на бульварѣ Bonne-Nouvelle, гдѣ прежде г. Мартенъ показывалъ животныхъ своего звѣринца, и гдѣ теперь красуется большими буквами надпись: «Eglise catholique et apostolique».

Тѣ сѣверные французы, которые не хотятъ ничего знать ни о республикѣ, ни о чудесномъ отрокѣ, а желаютъ только благоденствія Франціи, далеко не особенно ревностные приверженцы Людовика Филиппа, и не восхваляютъ его именно за чистосердечіе и прямоту; напротивъ, они сожалѣютъ «qu'il n'est pas franc»; но они проникнуты убѣжденіемъ, что онъ человѣкъ необходимости; что его авторитетъ слѣдуетъ поддерживать потолику, поколику отъ этого зависитъ общественное спокойствіе; что подавленіе всѣхъ возстаній полезно для торговли, и что вообще для того, чтобы торговля не остановилась окончательно, надо избѣгать всякой новой революціи и даже войны. Послѣдней они боятся только въ интересахъ торговли, которая и безъ того уже

въ плачевномъ состояніи. Они боятся войны не ради самой войны, ибо они французы, и слѣдовательно жажда славы и воинственность у нихъ въ крови, и сверхъ того, они болѣе крупнаго и крѣпкаго тѣлосложенія, чѣмъ южные французы и, пожалуй, превосходятъ этихъ послѣднихъ тамъ, гдѣ требуется твердость и упорная выдержка. Есть ли это послѣдствіе примѣси германской расы? Они похожи на своихъ большихъ, сильныхъ лошадей, одинаково пригодныхъ какъ для бодрой рыси, такъ и для перевозки тяжестей, и способныхъ превозмогать всѣ трудности пути и дурной погоды. Эти люди не боятся ни Австріи, ни Россіи, ни Пруссіи, ни башкирцевъ. Они не приверженцы и не противники Людовика Филиппа. Какъ только будетъ война, они пойдутъ за трехцвѣтнымъ знаменемъ, кто бы ни несъ его.

Я въ самомъ дѣлѣ думаю, что коль скоро война была бы объявлена, всѣ внутренніе раздоры французовъ тѣмъ или другимъ способомъ, путемъ уступокъ или силой, были бы быстро улажены, и Франція оказалась бы сильной единой державой, могущей выступить противъ цѣлаго свѣта. Сила или слабость Людовика Филиппа въ этомъ случаѣ не могла бы больше служить предметомъ спора. Онъ былъ бы силенъ, или не былъ бы уже ничѣмъ. Вопросъ, силенъ онъ или слабъ, имѣетъ значеніе только для сохраненія мира, и только въ этомъ смыслѣ и важенъ для иностранныхъ державъ. Я слышалъ со многихъ сторонъ отвѣтъ: «le parti du roi est très nombreux, mais il n'est pas fort». Мнѣ кажется, эти слова даютъ много матеріала для размышленія. Прежде всего, въ нихъ заключается печальное указаніе на то, что само правительство подчиняется партіи и всѣмъ партійнымъ интересамъ. Король уже не является здѣсь тою величественной верховной властью, которая съ высоты трона спокойно взираетъ на борьбу партій и умѣетъ держать ихъ въ спасительномъ равновѣсіи; нѣтъ, онъ самъ спустился въ арену. Одиллонъ Барро, Могенъ, Карель, Пажесъ, Кавеньякъ думаютъ, можетъ-быть, что между ними и имъ существуетъ различіе только въ случайности пользованія властью въ данную минуту. Вотъ печальный результатъ того, что король принялъ на себя предсѣдательство въ совѣтѣ. Теперь Людовикъ Филиппъ не можетъ измѣнить нынѣ дѣйствующую правительственную систему, не впадая тотчасъ же въ противорѣчіе съ самимъ собой и со своей партіей. Поэтому-то и печать относится къ нему, какъ къ главному вождю партіи, осуждаетъ его самого за всѣ правительственныя ошибки,

всякое министерское слово приписываетъ лично ему, и въ королѣ-буржуа видитъ только короля-министра. Когда статуи боговъ сходятъ со своихъ высокихъ пьедесталовъ, мы теряемъ то чувство священнаго благоговѣнія, которое они внушали намъ, и судимъ ихъ по ихъ дѣйствіямъ и словамъ, какъ себѣ подобныхъ.

Что касается указанія, что партія короля, хотя и многочисленна, но не сильна, то въ немъ, конечно, нѣтъ ничего новаго, это уже давно извѣстная истина; но замѣчательно, что и народъ сдѣлалъ это открытіе; что онъ считаетъ, какъ обыкновенно, не головы, а руки, и прекрасно отличаетъ тѣ, которыя рукоплещутъ, отъ тѣхъ, которыя хватаются за мечъ. Народъ хорошо разглядѣлъ своихъ людей и отлично знаетъ, что партія короля состоитъ изъ слѣдующихъ трехъ классовъ: купцовъ и собственниковъ, опасающихся за свои лавки и имѣнія, людей, утомленныхъ борьбой, желающихъ вообще покоя, - и робкихъ сердцемъ, боящихся господства террора. Эта королевская партія, нагруженная своею собственностью, досадующая на всякое нарушеніе ея комфорта, это большинство стоитъ лицомъ къ лицу съ меньшинствомъ, которому не приходится тащить за собой почти никакого багажа и которое поэтому жаждетъ тревогъ свыше всякой мѣры и въ своемъ дикомъ, необузданномъ полетѣ мыслей смотритъ на терроръ не иначе, какъ на союзника.

Несмотря на большое число головъ, несмотря на побѣду 6-го іюня, народъ сомнѣвается въ силѣ juste-milieu. Но всегда опасно, когда правительство не представляется сильнымъ въ глазахъ народа. Это соблазняетъ всякаго пробовать на правительствѣ свою силу; это демонически смутное влеченіе заставляетъ людей потрясать его основы. Въ этомъ тайна революціи.

Діеппъ, 20-го августа.

Нельзя себѣ представить, какое впечатлѣніе произвела смерть молодого Наполеона въ низшихъ классахъ французскаго народа. Уже сентиментальный бюллетень о его постепенномъ умираніи, напечатанный газетой «Temps» недѣль шесть тому назадъ, въ особыхъ оттискахъ, продававшихся въ Парижѣ по одному су, вызвалъ тамъ во всѣхъ закоулкахъ величайшее огорченіе. Я видѣлъ даже молодыхъ республиканцевъ, которые плакали, но старые, повидимому, не были особенно тронуты, и отъ одного изъ нихъ я съ удивленіемъ услышалъ сердитое замѣчаніе: «Ne pleurez pas,

c'était le fils de l'homme qui a fait mitrailler le peuple le 13 vendémiaire».

Странно, когда съ кѣмъ-нибудь случится несчастье, мы невольно вспоминаемъ какую-нибудь старую обиду, полученную нами отъ него, и о которой, можетъ-быть, мы уже съ незапамятныхъ временъ перестали думать.—Въ деревняхъ императора чтутъ вполнѣ безусловно, тамъ въ каждой хижинѣ виситъ портретъ «человѣка», и притомъ, какъ замѣчаетъ «Quotidienne», на той самой стѣнѣ, гдѣ висѣлъ бы портретъ хозяйскаго сына, если бы онъ не былъ принесенъ въ жертву этимъ человѣкомъ на одномъ изъ его сотни полей битвы. Раздраженіе вызываетъ иногда у «Quotidienne» честнѣйшія замѣчанія, и на это сердится іезуитски болѣе тонкая «Gazette». Въ этомъ состоитъ ихъ главное политическое различіе.

Я объѣздилъ большую часть сѣверно-французскаго побережья въ то время, когда тамъ распространилась вѣсть о смерти молодого Наполеона. Поэтому всюду, куда я ни пріѣзжалъ, я встрѣчалъ среди населенія удивительную печаль. Они испытывали чистую скорбь, корень которой былъ не въ своекорыстіи настоящей минуты, а въ самыхъ дорогихъ воспоминаніяхъ славнаго прошлаго. Въ особенности среди прекрасныхъ нормандокъ шелъ великій плачъ о безвременной кончинѣ молодого сына героя.

Да, во всѣхъ хижинахъ виситъ портретъ императора. Всюду я находилъ его, украшеннаго траурными цвѣтами. Многіе солдаты надѣли крепъ. Одинъ старый инвалидъ съ деревянной ногой печально протянулъ мнѣ руку со словами: «A présent tout est fini».

Разумѣется, для тѣхъ бонапартистовъ, которые вѣрили въ воскресеніе императора во плоти, все кончено. Наполеонъ для нихъ теперь просто имя, въ родѣ какъ Александръ Македонскій, прямой наслѣдникъ котораго также рано умеръ. Но для тѣхъ бонапартистовъ, которые вѣрили въ воскресеніе духа, расцвѣтаютъ теперь лучшія надежды. Бонапартизмъ для нихъ не есть передача власти по праву рожденія и старшинства; нѣтъ, ихъ бонапартизмъ теперь какъ бы очистился отъ всякой животной примѣси, онъ для нихъ— идея единовластія высшей силы, обращенной на благо народа, и того, кто обладаетъ этой силой и будетъ примѣнять ее такимъ образомъ, того они назовутъ Наполеономъ II. Какъ Цезарь далъ свое имя неограниченному единовластію, такъ Наполеонъ даетъ свое имя новому цезаризму, на ко-

торый имѣетъ право только тотъ, кто обладаетъ высшими способностями и лучшими намѣреніями.

Въ извѣстномъ отношеніи Наполеонъ былъ сен-симонистскимъ императоромъ; какъ онъ самъ былъ призванъ къ верховной власти въ силу своего умственнаго превосходства, такъ поощрялъ онъ только господство дарованій и заботился о физическомъ и нравственномъ благоденствіи наиболѣе многочисленныхъ и бѣднѣйшихъ классовъ. Онъ царствовалъ не столько ради блага третьяго сословія, средняго класса, juste-milieu, сколько ради блага тѣхъ людей, все богатство коихъ заключается въ ихъ сердцѣ и рукахъ, и самая его армія представляла собой іерархію, въ которой можно было подвигаться по ступенямъ почестей, только благодаря собственнымъ заслугамъ и способностямъ. Сынъ послѣдняго крестьянина могъ такъ же, какъ и сынъ дворянина древнѣйшаго рода, достигнуть въ ней высшихъ чиновъ и пріобрѣсти деньги и звѣзды. Потому-то портретъ императора и виситъ въ хижинѣ каждаго поселянина на той же стѣнѣ, гдѣ висѣлъ бы портретъ собственнаго сына, если бы онъ не палъ на какомъ-нибудь полѣ битвы, не будучи еще произведеннымъ въ генералы или даже въ герцоги, или въ короли, какъ было со многими другими бѣдными парнями, которые имѣли возможность, благодаря своему мужеству и талантамъ, подняться на такую высоту—въ то время, когда императоръ еще царствовалъ. Въ портретѣ его многіе, можетъ-быть, чтутъ только увядшую надежду на собственное свое возвеличеніе.

Чаще всего я встрѣчалъ въ крестьянскихъ избахъ тѣ изображенія императора, которыя представляютъ его посѣщающимъ въ Яффѣ лазаретъ, или лежащимъ на смертномъ одрѣ на св. Еленѣ. Оба изображенія имѣютъ поразительное сходство съ изображеніями святыхъ той католической религіи, которая нынѣ угасла во Франціи. На одной картинѣ Наполеонъ похожъ на цѣлителя, отъ прикосновенія котораго больные чумой исцѣляются; на другой онъ умираетъ какъ бы искупительной смертью.

Мы, придерживающіеся другой символики, мы не видимъ въ мученической смерти Наполеона на св. Еленѣ искупленія въ вышеозначенномъ смыслѣ; императоръ понесъ тамъ наказаніе за самую преступную изъ своихъ ошибокъ — за измѣну его революціи, его матери. Исторія давно уже показала, что брачный союзъ между сыномъ революціи и дочерью прошлаго никогда не могъ имѣть благотворныхъ

результатовъ, и вотъ теперь мы видимъ, что и единственный плодъ такого брака не могъ долго прожить и плачевно увялъ.

Насчетъ наслѣдниковъ покойнаго принца мнѣнія сильно расходятся. Друзья Людовика Филиппа думаютъ, что осиротѣвшіе бонапартисты примкнутъ теперь къ нимъ; но я сомнѣваюсь, чтобы люди войны и славы могли такъ быстро перейти въ мирное juste-milieu. Карлисты полагаютъ, что бонапартисты присягнутъ теперь единственному претенденту, Генриху V; право не знаю, чему больше удивляться — глупости или дерзости этихъ надеждъ. Республиканцы, кажется, еще наиболѣе въ состояніи привлечь къ себѣ бонапартистовъ; но если нѣкогда было легко сдѣлать изъ самыхъ растрепанныхъ санкюлотовъ самыхъ блестящихъ имперьялистовъ, то теперь, пожалуй, будетъ трудно произвести обратное превращеніе.

Сожалѣютъ, что дорогія реликвіи, каковы шпага императора, плащъ Маренго, всемірноисторическая треугольная шляпа и т. п., переданныя, согласно завѣщанію св. Елены, молодому Рейхштадту, не достались Франціи. Каждая изъ французскихъ партій могла бы отлично воспользоваться чѣмъ-нибудь изъ этого наслѣдства. И право, если бы распоряжаться имъ пришлось мнѣ, то я распредѣлилъ бы его слѣдующимъ образомъ. Республиканцамъ я бы отдалъ шпагу императора, такъ какъ они еще единственные, которые сумѣли бы обращаться съ ней. Господамъ juste-milieu я бы предоставилъ плащъ Маренго; и въ самомъ дѣлѣ, они нуждаются въ такомъ плащѣ, чтобы прикрыть имъ свою безславную наготу. Карлистамъ я бы далъ шляпу императора; правда, она не слишкомъ-то идетъ къ такимъ головамъ, но, все-таки, можетъ имъ пригодиться въ слѣдующій разъ, когда они снова будутъ разбиты на голову; я отдалъ бы имъ также и сапоги императора, которые тоже могутъ имъ пригодиться, когда въ слѣдующій разъ они должны будутъ снова обратиться въ бѣгство. Что же касается палки, съ которой императоръ прохаживался подъ Іеной, то я сомнѣваюсь, что она находилась между вещами, оставшимися послѣ герцога Рейхштадтскаго, и думаю, что она все еще въ рукахъ французовъ.

Послѣ разсказовъ о смерти молодого Наполеона, болѣе всего толковъ я слышалъ по поводу похожденій герцогини Беррійской въ этихъ провинціяхъ. Приключенія этой женщины разсказываются здѣсь такъ поэтически, что кажется,

будто внуки авторовъ fabliaux сочинили ихъ отъ нечего дѣлать. Затѣмъ, очень много пищи для разговоровъ дала также свадьба въ Компьенѣ; я могъ бы сообщить цѣлую насѣкомую коллекцію скверныхъ остротъ, слышанныхъ мной на этотъ счетъ въ одномъ карлистскомъ замкѣ. Напримѣръ, одинъ изъ ораторовъ на компьенскомъ празднествѣ замѣтилъ, что въ Компьенѣ была взята въ плѣнъ Орлеанская Дѣва, а теперь случилось такъ, что опять въ Компьенѣ налагаютъ оковы на дѣву изъ Орлеанскаго дома. — Хотя во всѣхъ французскихъ газетахъ и разсказывается самымъ хвастливымъ образомъ, что стеченіе иностранцевъ здѣсь очень велико и что вообще купальный сезонъ въ Діеппѣ въ этомъ году очень блестящъ, однако, пріѣхавъ на мѣсто, я нашелъ обратное. Здѣсь, можетъ-быть, не наберется и пятидесяти пріѣзжихъ собственно для купанья, все кругомъ грустно и пасмурно, и мѣсто, нѣкогда такъ роскошно процвѣтавшее, благодаря пріѣзжавшей сюда каждое лѣто герцогинѣ Беррійской, теперь навѣки заглохло. Такъ какъ многіе жители этого города впали черезъ это въ крайнюю бѣдность и видятъ въ паденіи Бурбоновъ источникъ своего несчастья, то понятно, что здѣсь встрѣчается много завзятыхъ карлистовъ. Однако, тотъ оклеветалъ бы Діеппъ, кто предположилъ бы, что его населеніе состоитъ больше, чѣмъ на одну четверть, изъ приверженцевъ прежней династіи. Нигдѣ національная гвардія не выказываетъ больше патріотизма, чѣмъ здѣсь; при первомъ звукѣ барабаннаго боя всѣ сейчасъ же собираются на ученіе, всѣ они ходятъ здѣсь въ мундирахъ, что̀ свидѣтельствуетъ объ особенномъ рвеніи. Праздникъ въ честь Наполеона былъ отпразднованъ на этихъ дняхъ съ удивительнымъ энтузіазмомъ.

Къ Людовику Филиппу не чувствуютъ здѣсь вообще ни любви, ни ненависти. Его сохраненіе считаютъ необходимостью для счастья Франціи; правленіе его не возбуждаетъ особенно горячаго сочувствія. Французы, благодаря свободной печати, вообще такъ хорошо освѣдомлены о дѣйствительномъ положеніи вещей, они такъ политически просвѣщены, что терпѣливо переносятъ мелкія бѣдствія, чтобы избѣжать болѣе крупныхъ. Противъ личнаго характера короля возраженій мало; его считаютъ за достойнаго человѣка.

Руанъ, 17-го сентября.

Я пишу эти строки въ бывшей резиденціи герцоговъ нормандскихъ, въ старинномъ городѣ, гдѣ еще такъ много

каменныхъ документовъ напоминаетъ намъ исторію того народа, который прославился какъ своими прежними геройскими похожденіями и страстью къ приключеніямъ, такъ и теперешнимъ своимъ сутяжничествомъ и любостяжаніемъ. Вонъ въ этомъ замкѣ жилъ Робертъ Дьяволъ, котораго Мейерберъ положилъ на музыку; на той базарной площади сожгли «la pucelle», великодушную дѣвушку, воспѣтую Шиллеромъ и Вольтеромъ; въ этомъ соборѣ покоится сердце Ричарда, храбраго короля, который и самъ былъ прозванъ Львинымъ Сердцемъ, Coeur de lion; на этой почвѣ возросли побѣдители при Гастингсѣ, сыновья Танкреда и много другихъ цвѣтовъ норманскаго рыцарства... но до всего этого въ настоящую минуту намъ нѣтъ никакого дѣла, а мы здѣсь гораздо болѣе заняты вопросомъ—пустила ли миролюбивая система Людовика Филиппа корни въ воинственной почвѣ Нормандіи? Хорошо или дурно лежится новой буржуазной монархіи въ старой героической колыбели англійской и итальянской аристократіи, въ странѣ норманновъ? На этотъ вопросъ я могу, кажется, отвѣтить сегодня въ двухъ словахъ: крупные помѣщики, большею частью дворянство, держатся карлистскихъ убѣжденій, зажиточные ремесленники и земледѣльцы—филиппистъ, а низшая масса народонаселенія презираетъ и ненавидитъ Бурбоновъ и любитъ въ меньшей своей части гигантскія воспоминанія республики, а въ большей части—и блестящій героизмъ эпохи имперіи. Карлисты, какъ всякая угнетенная партія, дѣятельнѣе филиппистовъ, чувствующихъ себя въ безопасности, и къ похвалѣ ихъ слѣдуетъ сказать, что они приносятъ также и болѣе крупныя денежныя жертвы. Карлисты, ни на минуту не сомнѣвающіеся въ своей будущей побѣдѣ и убѣжденные, что будущее тысячекратно вознаградитъ ихъ за всѣ жертвы настоящаго, отдаютъ свой послѣдній грошъ, когда это, повидимому, полезно для интересовъ ихъ партіи; вообще въ натурѣ этого класса не столько беречь свое собственное имущество, сколько зариться на чужое добро (sui profusus, alieni appetens). Корыстолюбіе и расточительность родныя сестры. Простолюдинъ, пріобрѣтающій свои земныя блага не службой при дворѣ, не благосклонностью фаворитки, не сладкими рѣчами и легкой игрой, а тяжелымъ, горькимъ трудомъ, крѣпче держится за пріобрѣтенное.

Между тѣмъ добрые граждане Нормандіи поняли, что газеты, посредствомъ которыхъ карлисты стараются вліять на общественное мнѣніе, очень опасны для прочности государ-

ства и ихъ личной собственности, и они того мнѣнія, что эти козни слѣдуетъ разрушить тѣмъ же орудіемъ, прессою. Въ этихъ видахъ они основали недавно «Estafette du Havre», добродушную газету juste-milieu, стоящую почтенному гаврскому купечеству много денегъ, и въ которой сотрудничаютъ также и нѣсколько парижанъ, главнымъ образомъ — г. де-Сальванди, мелкій, изворотливый, водянистый умъ въ длинномъ жесткомъ, сухомъ тѣлѣ (Гёте хвалилъ его). Покамѣстъ эта газета—единственная контрмина, подведенная подъ карлистовъ въ Нормандіи; карлисты же, напр., также неутомимы и основываютъ повсюду свои газеты, свои крѣпости лжи, о которыя духъ свободы долженъ разбивать свои силы, пока на выручку къ нему не явится помощь съ востока. Эти газеты составляются болѣе или менѣе въ духѣ «Gazette de France» и «Quotidienne»; эти послѣднія, кромѣ того, тоже дѣятельнѣйшимъ образомъ распространяются среди народа. Оба органа пишутся красиво, остроумно и привлекательно, при этомъ они глубоко злобны, коварны, полны полезной назидательности, полны забавнаго злорадства, и ихъ высокородные разносчики, раздающіе ихъ часто даромъ, и, можетъ-быть, даже дающіе иногда читателямъ въ придачу денегъ, находятъ естественно больше сбыта, чѣмъ незлобивыя газеты juste-milieu. Я всячески стараюсь рекомендовать оба эти листка, потому что съ высшей точки зрѣнія отнюдь не считаю ихъ вредными для дѣла правды; они скорѣе способствуютъ ему тѣмъ, что подстрекаютъ къ новой энергіи сражающихся, когда тѣ порой изнемогаютъ въ борьбѣ. Эти двѣ газеты — истинные представители тѣхъ людей, которые, когда дѣло ихъ проиграно, начинаютъ мстить лицамъ; это съ давнихъ поръ такъ ведется — мы наступаемъ имъ на голову, а они жалятъ насъ въ пятки. Только въ похвалу «Quotidienne» слѣдуетъ замѣтить, что хотя она, конечно, такая же змѣя, какъ и «Gazette», но менѣе скрываетъ свою злобность; что ея наслѣдственный гнѣвъ выдаетъ себя на каждомъ словѣ; что она нѣчто въ родѣ гремучей змѣи, которая, когда ползетъ, то сама предостерегаетъ отъ себя стукомъ своихъ гремушекъ. У «Gazette», къ сожалѣнію, нѣтъ такихъ гремушекъ. «Gazette» говоритъ иногда противъ собственныхъ принциповъ, чтобы косвенно доставлять имъ побѣду. «Quotidienne» въ своей горячности готова лучше пожертвовать побѣдой, чѣмъ обречь себя на такое холодное самоотрицаніе. «Gazette» обладаетъ спокойствіемъ іезуитизма, котораго не сбиваетъ съ толку ярость

убѣжденія—дѣло тѣмъ болѣе легкое, что іезуитизмъ въ сущности не есть образъ мыслей, а лишь ремесло; въ «Quotidienne», напротивъ, кричатъ и неистовствуютъ надменные дворянскіе сынки и озлобленные монахи, плохо замаскированные въ рыцарскую честность и христіанскую любовь. Такой же характеръ имѣетъ и карлистская газета, издаваемая здѣсь, въ Руанѣ, подъ заглавіемъ «Gazette de la Normandie». Въ ней слащавыя сѣтованія о добромъ старомъ времени, къ сожалѣнію исчезнувшемъ съ его рыцарскими фигурами, съ его крестовыми походами, турнирами, герольдами, честными гражданами, благочестивыми монахинями, дамами сердца, трубадурами и прочими милыми удовольствіями, такъ что, читая ее, вспоминаешь феодальные романы одного знаменитаго нѣмецкаго поэта, у котораго въ головѣ цвѣло больше цвѣтовъ, чѣмъ мыслей, но сердце котораго было полно любви; у редактора «Gazette de la Normandie», наоборотъ, голова полна грязнаго обскурантизма, а сердце переполнено ядомъ и желчью. Этотъ редакторъ — нѣкій виконтъ Валышъ, длинный, сѣдоватый блондинъ лѣтъ шестидесяти. Я видѣлъ его въ Діеппѣ, куда онъ былъ приглашенъ на карлистскій консиліумъ и гдѣ его очень чествовала вся знатная родня. Однако, одинъ мелкій карлистикъ, со свойственной всѣмъ имъ болтливостью, шепнулъ мнѣ: «C'est un fameux compère»; онъ собственно не принадлежитъ къ истому французскому дворянству; его отецъ, родомъ ирландецъ, служилъ во французской военной службѣ, когда вспыхнула революція, затѣмъ эмигрировалъ и, чтобы не допустить конфискаціи своихъ имѣній, фиктивно продалъ ихъ своему сыну; но когда впослѣдствіи старикъ вернулся во Францію и потребовалъ отъ сына свои имѣнія обратно, тотъ сталъ отрицать фиктивность покупки, утверждалъ, что продажа была совершена вполнѣ серьезно и такимъ образомъ сохранилъ за собой состояніе своего обманутаго отца и своей бѣдной сестры; эта послѣдняя сдѣлалась фрейлиной при «Madame» (герцогинѣ Беррійской), и восторженное отношеніе ея брата къ «Madame» основано сколько на тщеславіи, столько же и на корысти; ибо — «я зналъ достаточно».

Трудно себѣ представить, съ какой коварной послѣдовательностью подкапываются карлисты подъ теперешнее правительство. Съ успѣхомъ ли—это покажетъ время. Какъ ни одинъ человѣкъ не кажется имъ слишкомъ дурнымъ, если они могутъ воспользоваться имъ для своихъ цѣлей, такъ не

находятъ они дурнымъ и никакого средства. Наряду съ тѣми каноническими газетами, о которыхъ я говорилъ выше, карлисты дѣйствуютъ также посредствомъ устной передачи всевозможныхъ клеветъ, посредствомъ преданій. Эта черная пропаганда старается подорвать въ самомъ корнѣ добрую славу теперешнихъ правителей, въ особенности короля. Ложь, фабрикуемая съ этой цѣлью, бываетъ подчасъ столько же отвратительна, сколько нелѣпа. «Постоянно клевещите, постоянно клевещите, что-нибудь да пристанетъ плотно», было еще любимой поговоркой ихъ почтенныхъ наставниковъ.

Въ одной карлистской компаніи въ Діеппѣ, одинъ молодой священникъ сказалъ мнѣ: «Сообщая своимъ соотечественникамъ различныя свѣдѣнія о здѣшнихъ дѣлахъ, вамъ бы слѣдовало подсоблять истинѣ, чтобы въ случаѣ, если начнется война, и Людовикъ Филиппъ, быть-можетъ, все еще будетъ стоять во главѣ французскаго правительства, нѣмцы тѣмъ сильнѣе ненавидѣли его, и съ еще бо́льшимъ воодушевленіемъ сражались противъ него». На мой вопросъ, навѣрно ли обезпечена намъ побѣда, онъ улыбнулся почти съ состраданіемъ и сталъ увѣрять меня, что нѣмцы самый храбрый народъ, и имъ будетъ оказано только для видимости слабое сопротивленіе; что сѣверъ, равно какъ и югъ, вполнѣ преданъ законной династіи; что всѣ боготворятъ Генриха V и «Madame»; что въ этомъ религія народа; что рано или поздно произойдетъ, и особенно, въ Нормандіи, публичный взрывъ этого пламеннаго легитимизма. Въ то время, какъ служитель церкви высказывался такимъ образомъ, передъ домомъ, въ которомъ мы находились, поднялся вдругъ страшнѣйшій шумъ, загрохотали барабаны, зазвучали трубы, марсельскій гимнъ раздавался такъ громко, что оконныя стекла дрожали, и толпа восторженно кричала во все горло: «Vive Louis Philippe! A bas les carlistes! Les carlistes à la lanterne!» Это случилось въ часъ ночи, и вся компанія очень испугалась. Я также испугался, потому что вспомнилъ пословицу: вмѣстѣ пойманъ, вмѣстѣ и повѣшенъ. Но это была только шутка діепповской національной гвардіи. Они узнали, что Людовикъ Филиппъ прибылъ въ замокъ Э, и сейчасъ же рѣшились отправиться туда, чтобы привѣтствовать короля; но передъ уходомъ имъ захотѣлось нагнать страху на бѣдныхъ карлистовъ, и они начали ужаснѣйшимъ образомъ шумѣть передъ ихъ домами и, какъ помѣшанные, пѣли Марсельезу, это dies irae dies

іна новой французской церкви, возвѣщающее прежде всего карлистамъ, что день страшнаго суда наступаетъ для нихъ.

Такъ какъ вскорѣ послѣ того я тоже отправился въ Э, то могу засвидѣтельствовать, какъ очевидецъ, что энтузіазмъ, съ которымъ національная гвардія привѣтствовала тамъ короля, вовсе не былъ подготовленъ заранѣе. Онъ сдѣлалъ ей смотръ, былъ очень доволенъ той нескрываемой радостью, съ которой они улыбались ему, и я не могу отрицать, что въ теперешнее время раздоровъ и взаимнаго недовѣрія такая картина согласія была весьма назидательна. То были свободные, вооруженные граждане, безъ страха смотрѣвшіе въ глаза своему королю, съ оружіемъ въ рукахъ выражавшіе ему свое уваженіе и мужественнымъ рукопожатіемъ обѣщавшіе ему вѣрность и послушаніе, такъ какъ Людовикъ Филиппъ, само собой разумѣется, подавалъ каждому руку. Надъ этими рукопожатіями болѣе всего издѣваются карлисты, и я охотно признаю, что ненависть дѣлаетъ ихъ иногда остроумными при осмѣиваніи этой «messéante popularité des poignées de main». Такъ, въ томъ замкѣ, о которомъ я уже упоминалъ, при мнѣ разыгрывали en petit comité маленькій фарсъ, въ которомъ изображалось самымъ забавнымъ образомъ, какъ Финъ I, король филистеровъ (épiciers), обучаетъ своего сына, Большого Цыпленка (Grand Poulot), государственной наукѣ и даетъ ему отеческіе совѣты: не увлекаться ученіемъ теоретиковъ, что буржуазная монархія заключается въ верховной власти народа и еще того менѣе—въ соблюденіи хартіи, не обращать вниманія на болтовню ни правой, ни лѣвой стороны; дѣло совсѣмъ не въ томъ, будетъ ли Франція свободна внутри и уважаема за границей, еще менѣе въ томъ, будетъ ли тронъ баррикадированъ республиканскими учрежденіями или поддерживаемъ наслѣдственными пэрами; ни данныя обѣщанія, ни геройскіе подвиги не имѣютъ большой важности; буржуазная монархія и все искусство управленія состоитъ въ томъ, чтобы всякой сволочи пожимать руку. И вотъ отецъ показываетъ сыну различные пріемы, какъ пожимать людямъ руку во всѣхъ положеніяхъ, пѣшкомъ, верхомъ, когда проѣзжаешь галопомъ мимо ихъ рядовъ, когда они дефилируютъ мимо тебя, и т. д. Большой Цыпленокъ понятливъ, прекрасно продѣлываетъ за отцомъ всѣ эти правительственные фокусы; онъ даже говоритъ, что еще усовершенствуетъ изобрѣтеніе буржуазной монархіи, и всякій разъ, пожимая руку какому-нибудь буржуа, будетъ прибавлять вопросъ:

«Какъ поживаете, mon vieux cochon?» или, что̀ синонимно, «Какъ поживаете, citoyen?» — «Да, это синонимъ», совершенно серьезно говоритъ король — и карлисты хохотали. Затѣмъ Большой Цыпленокъ хочетъ поупражняться въ рукопожатіи, сначала съ гризеткой, потомъ съ барономъ Луи; но онъ принимается за дѣло слишкомъ неуклюже, раздавливаетъ людямъ пальцы; при этомъ нѣтъ недостатка въ насмѣшкахъ и клеветахъ на тѣхъ, всѣмъ извѣстныхъ людей, которыхъ нѣкогда, до іюльской революціи, мы чествовали, какъ свѣточей либерализма, а съ тѣхъ поръ такъ охотно принижаемъ, какъ холоповъ. Но хотя я вообще не особенно симпатизирую juste-milieu, въ моей душѣ шевельнулось, однако, какое-то благоговѣйное почтеніе къ этимъ нѣкогда высокочтимымъ лицамъ; шевельнулась опять старая пріязнь, когда я увидѣлъ, какъ поносятъ ихъ эти, болѣе дурные люди. Да, какъ человѣкъ, находящійся въ глубинѣ темнаго колодца, можетъ среди бѣла дня видѣть звѣзды на небѣ, такъ и я, спустившись въ темную карлистскую компанію, снова увидѣлъ во всей ихъ ясности и чистотѣ заслуги дѣятелей juste-milieu; я чувствую снова прежнее уваженіе къ бывшему герцогу Орлеанскому, къ доктринерамъ, къ Гизо, къ Тьеру, къ Ройе-Коллару и къ Дюпену, и къ другимъ звѣздамъ, блескъ которыхъ заставило исчезнуть пламенное сверканье іюльскаго солнца.

Отъ времени до времени полезно взглянуть на вещи не съ высокой, а съ такой глубокой точки зрѣнія. Прежде всего это научаетъ насъ безпристрастнѣе судить о людяхъ, даже если мы ненавидимъ то дѣло, котораго они служатъ представителями; мы научаемся различать людей juste-milieu отъ его системы. Система по нашему мнѣнію плоха, но лица, все-таки, достойны нашего уваженія, въ особенности человѣкъ, положеніе котораго самое трудное въ Европѣ, и который видитъ теперь только въ мысли 13 марта возможность своего существованія. Это чувство самосохраненія весьма человѣчно. Когда же мы попадаемъ въ обществе карлистовъ, и слышимъ, какъ постоянно ругаютъ этого человѣка, то уваженіе наше къ нему возрастаетъ, потому что мы замѣчаемъ, что они порицаютъ въ Людовикѣ Филиппѣ именно то, что̀ мы болѣе всего любимъ въ немъ, а то, что̀ намъ въ немъ не нравится, имъ болѣе всего по вкусу. Если въ глазахъ карлистовъ его заслуга въ томъ, что онъ Бурбонъ, то намъ эта заслуга представляется, напротивъ, какъ levis nota. Но мы были бы несправедливы, если бы

не отличали его и его семейства, съ самой лестной для нихъ стороны, отъ старшей линіи Бурбоновъ. Орлеанскій домъ такъ рѣшительно примкнулъ къ народу, что возродился вмѣстѣ съ нимъ, что такъ же, какъ и французскій народъ, онъ вышелъ изъ страшной очистительной ванны революціи очищеннымъ и улучшеннымъ, исцѣленнымъ и огражданившимся; тогда какъ старшіе Бурбоны, не принимавшіе участія въ этомъ возрожденіи, все еще принадлежатъ всецѣло къ тому старому больному поколѣнію, которое Кребильонъ, Лакло и Луве такъ хорошо изобразили намъ въ его веселомъ блескѣ грѣха и въ его цвѣтущемъ гніеніи. Вновь помолодѣвшая Франція не могла болѣе принадлежать этой династіи, этимъ привидѣніямъ прошедшаго; мнимая жизнь производила съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе тяжелое впечатлѣніе; покаяніе послѣ смерти представляло отвратительное зрѣлище; раздушенная гниль оскорбляла всякій порядочный носъ; и въ одно прекрасное іюльское утро, когда запѣлъ галльскій пѣтухъ, эти привидѣнія должны были снова исчезнуть. Но Людовикъ Филиппъ и вся его семья здоровы и полны жизни; это цвѣтущія дѣти молодой Франціи, цѣломудренныя духомъ, свѣжія тѣломъ и съ буржуазными добрыми нравами. Именно эта буржуазность, столь ненравящаяся карлистамъ въ Людовикѣ Филиппѣ, и возвышаетъ его въ нашемъ уваженіи. При всемъ моемъ желаніи я не могу настолько вполнѣ отдѣлаться отъ всякой партійности, чтобы правильно рѣшить, насколько серьезно онъ относится къ буржуазной монархіи. Великое жюри исторіи рѣшитъ, честны ли были его мысли. Въ этомъ случаѣ его poignées de main вовсе не смѣшны, и мужественное рукопожатіе сдѣлается, можетъ-быть, символомъ новой буржуазной монархіи, какъ раболѣпное колѣнопреклоненіе сдѣлалось символомъ феодальнаго самовластія. Если Людовикъ Филиппъ сохранитъ престолъ и честныя намѣренія и передастъ ихъ своимъ дѣтямъ, то онъ можетъ оставить въ исторіи великое имя, не просто, какъ основатель новой династіи, но даже какъ основатель новой формы властительства, дающій міру новый обликъ, какъ первый король-гражданинъ. Если Людовикъ Филиппъ сохранитъ престолъ и честныя намѣренія... но въ этомъ-то и заключается великій вопросъ.

ДОБАВЛЕНІЯ

КЪ

СОЧИНЕНІЯМЪ ВЪ ПРОЗѢ.

РОМАНТИКА.

Чего безсиліе не понимаетъ, то мечты.

А. В. Шлегель.

Въ нумерахъ 12, 14 и 27 «Kunst und Unterhaltungsblatt» напечатана старая, но заново подогрѣтая и заново коментированная сатира противъ романтики и романтической формы. Хотя на такую сатиру слѣдовало бы то же отвѣчать не иначе, какъ сатирой, но является вопросъ, принесъ ли бы этотъ пріемъ пользу самому дѣлу? Въ нумерѣ 124 «Hallische Allgemeine Literatur-Zeitung» помѣщена рецензія такой контра-сатиры, произведшая на противную партію, повидимому, такое же дѣйствіе, какое оказали на романтиковъ вышеупомянутыя сатирическія выходки Карфункулей и Соларисовъ, т.-е. заставили пожимать плечами. Поэтому я, по крайней мѣрѣ, не могъ бы, безъ намѣренія принести этимъ пользу, стало-быть, только ради шутки, говорить о дѣлѣ, отъ котораго почти исключительно зависитъ усовершенствованіе нѣмецкой рѣчи. Вѣдь когда бьешь по сюртуку, то бьешь и человѣка, на которомъ надѣтъ сюртукъ; а когда насмѣхаешься надъ поэтическою формою нѣмецкаго слова, то тутъ высказываешь и много того, чѣмъ оскорбляется и само нѣмецкое слово. А вѣдь это слово—наше священнѣйшее достояніе, пограничный камень Германіи, котораго не можетъ сдвинуть съ мѣста ни одинъ коварный сосѣдъ, призывъ къ свободѣ, котораго не можетъ заглушить ни одинъ иноземный деспотъ, хоругвь въ битвѣ за отечество, само отечество для тѣхъ, которымъ глупость и безчестность отказываютъ въ отечествѣ.

Поэтому я хочу въ короткихъ словахъ, безъ полемическихъ выходокъ и совершенно откровенно, высказать здѣсь

мои субъективныя воззрѣнія на романтику и романтическую форму.

Въ древности, т. е. собственно у грековъ и римлянъ, преобладала чувственность. Люди жили большею частью внѣшнимъ міросозерцаніемъ, и ихъ поэзія имѣла цѣлью и въ то же время средствомъ прославленія преимущественно внѣшнее, объективное. Когда же на Востокѣ забрезжилъ болѣе прекрасный и болѣе кроткій свѣтъ, когда люди начали понимать, что есть нѣчто лучшее, чѣмъ чувственное опьянѣніе, когда надѣляющая блаженствомъ идея христіанства—любовь, начала проникать въ умы, охватывая ихъ трепетомъ,—тогда и люди захотѣли и словами высказывать и воспѣвать этотъ тайный трепетъ, эту безконечную тоску и въ то же время безконечное блаженство. Но напрасно старались выразить древними словами и образами новыя чувства. Надо было также придумать новые образы и новыя слова, и именно такія, которыя, въ силу тайнаго, симпатическаго родства съ этими новыми чувствами, могли бы во всякое время пробуждать ихъ въ умѣ и какъ бы вызывать заклинаніемъ. Такимъ путемъ возникла такъ-называемая романтическая поэзія; высшей степени процвѣтанія она достигла въ средніе вѣка, впослѣдствіи печально завяла подъ холоднымъ дыханіемъ военныхъ и религіозныхъ бурь, и въ новое время снова прелестно выросла на нѣмецкой почвѣ и зацвѣла своими чудеснѣйшими цвѣтами. Правда, что образы, созданные романтикой, должны были болѣе пробуждать, чѣмъ давать опредѣленное обозначеніе. Но ни въ какомъ случаѣ не есть романтика то, что многіе выдаютъ за нее, именно смѣсь испанской нѣги, шотландскихъ тумановъ и итальянской звонкости, спутанныя и расплывающіяся картины, которыя какъ бы показываются изъ волшебнаго фонаря и странно возбуждаютъ и забавляютъ чувство пестрою игрою красокъ и поразительнымъ освѣщеніемъ. Нѣтъ, образы, назначеніе которыхъ—возбуждать эти романтическія чувства, должны быть точно такъ же ясно и отчетливо нарисованы, какъ образы пластической поэзіи. Эти романтическіе образы должны уже сами по себѣ быть занимательными: они драгоцѣнные золотые ключи, которыми, какъ говорится въ старыхъ сказкахъ, отпирались прелестные, очарованные сады фей. Вотъ потому-то два величайшихъ нашихъ романтика, Гёте и А. В. Шлегель, въ то же время и наши величайшіе пластики. Въ «Фаустѣ» и пѣсняхъ Гёте такія же точно отчетливыя очертанія, какъ въ «Ифигеніи», «Германѣ

и Доротеѣ», элегіяхъ и т. д. А въ романтическихъ стихотвореніяхъ Шлегеля такіе же вѣрные и опредѣленные контуры, какими богатъ и его дѣйствительно пластическій «Римъ». О, если-бъ это воодушевило, наконецъ, тѣхъ, которые такъ любятъ называть себя шлегельянцами!

Но многіе, замѣтившіе, какое громадное вліяніе оказало на романтическую поэзію христіанство, а вслѣдствіе его и рыцарство, полагаютъ, что они должны теперь смѣшивать въ своихъ произведеніяхъ и то и другое, чтобы такимъ пріемомъ придавать этимъ произведеніямъ романтическій характеръ. Но я полагаю, что христіанство и рыцарство были только средствами для открытія романтикѣ свободной дороги; огонь романтики давно уже горитъ на алтарѣ нашей поэзіи; никакому жрецу нѣтъ надобности подливать туда еще священнаго масла и никакому рыцарю не нужно больше стоять передъ этимъ алтаремъ на часахъ. Германія теперь свободна; ни одинъ попъ не можетъ больше держать за рѣшеткой нѣмецкіе умы; ни одинъ деспотъ-дворянчикъ не можетъ уже бичевать плетью нѣмецкія оброчныя спины, а поэтому и нѣмецкая муза должна отнынѣ быть не болѣзненною вялою монашеночкой и не кичащеюся своимъ рыцарскимъ званіемъ барышнею, но, какъ прежде, свободною, цвѣтущею, нежеманною, честною нѣмецкою дѣвушкой.

Ахъ, если бы это мнѣніе раздѣлялось многими! Тогда прекратились бы всякіе споры между романтиками и пластиками. Но не одному лавру придется еще завянуть, прежде чѣмъ оливковая вѣтвь снова зазеленѣетъ на нашемъ Парнасѣ.

ПИСЬМА ИЗЪ БЕРЛИНА.

Seltsam! Wenn ich der Dey von Tunis wäre, schlüg ich bei so zweideutgem Vorfall Lärm.

Kleist's «Prinz von Homburg».

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Берлинъ, 26-го января 1822 года.

Ваше очень милое письмо отъ 5-го января доставило мнѣ величайшее удовольствіе, такъ какъ ваше расположеніе ко мнѣ выразилось въ немъ самымъ очевиднымъ образомъ. Моя душа чувствуетъ отраду, когда я узнаю, что столько добрыхъ и достойныхъ людей съ интересомъ и любовью вспоминаютъ обо мнѣ. Не думайте только, что я такъ скоро могъ забыть нашу Вестфалію. Сентябрь 1821 года еще слишкомъ явственно носится въ моей памяти. Прекрасныя долины около Гагена, привѣтливый Овервегъ въ Уннѣ, пріятные дни въ Гаммѣ, милѣйшій Фрицъ фонъ-Б., вы, В., древности въ Сестѣ, даже Падерборнская степь, все еще живо передо мной. Я все еще слышу, какъ старые сосновые лѣса шумятъ вокругъ меня, какъ каждый листъ мнѣ шепчетъ: здѣсь жили древніе саксы, утратившіе позже всѣхъ свои вѣрованія и свое германство. Мнѣ все еще слышится, какъ вѣковой камень говоритъ мнѣ: «Путникъ, остановись! Здѣсь Арминій побѣдилъ Вара!» Надо исколесить Вестфалію пѣшкомъ, и именно, какъ я, ходомъ австрійскаго ландвера, если хочешь изучить энергическую серьезность, непоколебимую честность и безпритязательное трудолюбіе ея жителей. Мнѣ доставитъ, конечно, много истиннаго удовольствія, если я, какъ вы мнѣ пишете, сообщеніями изъ резиденціи, окажу услугу столькимъ милымъ для меня людямъ.

Тотчасъ же по полученіи вашего письма я взялъ перо и бумагу, и вотъ уже—пишу. Въ матеріалѣ недостатка нѣтъ, вопросъ только въ томъ: о чемъ *я не* долженъ писать? т.-е. что уже давно извѣстно публикѣ, что для нея безразлично и чего ей не нужно знать. И въ такомъ случаѣ задача сводится къ слѣдующему. Писать о различныхъ вещахъ, какъ можно менѣе о театрѣ и такихъ предметахъ, которые оставляютъ обычный рычагъ корреспонденціи въ «Abendzeitung», «Morgenblatt», въ «Wiener Konversationsblatt» и др., и пр., и излагаются тамъ подробно и систематически. Одного интересуетъ сообщеніе, что Ягоръ недавно увеличилъ число оригинальныхъ открытій приготовленіемъ мороженаго изъ трюфелей; другого интересуетъ извѣстіе, что Спонтини на послѣднемъ орденскомъ праздникѣ былъ въ сюртукѣ и штанахъ изъ зеленаго бархата съ золотыми звѣздочками. Только не требуйте отъ меня никакой систематичности; я—ангелъ смерти для всякой корреспонденціи. Сегодня я буду говорить о балахъ и церквахъ, завтра о Савиньи и клоунахъ, устраивающихъ по городу оригинальныя шествія, послѣзавтра—о Джіустіановской галлереѣ, а тамъ снова о Савиньи и о клоунахъ. Ассоціація идей должна всегда предшествовать. Каждыя 4 или 6 недѣль будетъ посылаемо письмо. Первыя два будутъ непропорціонально длинны, такъ какъ я долженъ же въ началѣ набросать картину внутренней и внѣшней жизни Берлина. Только набросать, не нарисовать. Но съ чего я начну при такой массѣ матеріала? Здѣсь является на помощь французское правило: Commencez par le commencement.

Я начинаю такимъ образомъ съ города и воображаю себѣ, что я снова только-что вышелъ изъ дорожнаго экипажа у Шлагбаума, на Королевской улицѣ, и направляюсь съ моимъ ручнымъ чемоданомъ на Почтовую улицу къ гостиницѣ «Черный Орелъ». Я уже слышу вашъ вопросъ: Почему же Шлагбаумъ не на Почтовой улицѣ, а «Черный Орелъ» не на Королевской? На этотъ вопросъ я отвѣчу въ другой разъ, теперь пойду бродить по городу и попрошу васъ мнѣ составить компанію. Прослѣдуйте за мной всего нѣсколько шаговъ—и мы уже на очень интересномъ мѣстѣ. Мы стоимъ у Длинномъ мосту. Вы удивлены: «Вѣдь онъ не очень длиненъ!» Это иронія мой милый. Постоимъ здѣсь минуту и посмотримъ на большую статую великаго курфюрста. Онъ тамъ сидитъ на лошади, а закованные рабы окружаютъ пьедесталъ. Это великолѣпная статуя, и безспорно лучшее про-

изведеніе искусства въ Берлинѣ. И притомъ ее можно ос
вать совершенно даромъ, такъ какъ она стоитъ п
моста. Она имѣетъ самое большое сходство со статуе
фюрста Іоганна Вильгельма на рыночной площади вт
сельдорфѣ, только здѣсь въ Берлинѣ хвостъ у лоша
столь значительно толстъ, какъ тамъ. Но я вижу, ва
кають со всѣхъ сторонъ. На этомъ мосту вѣчная
Осмотритесь кругомъ.

Какая большая, великолѣпная улица! Это и есть
левская, гдѣ одинъ магазинъ граничитъ съ другимъ,
страя, яркая выставка товаровъ почти ослѣпляетъ
Пойдемте дальше; теперь мы дошли до Дворцовой пл
Направо дворецъ, высокое грандіозное зданіе. Оно
нѣло отъ времени и приняло мрачный, но тѣмъ бол
личественный видъ. Налѣво—снова двѣ прекрасныхъ
Широкая и Братская. Но прямо противъ насъ Ste
родъ бульвара. А здѣсь живетъ Іости. Вы, боги С
какъ бы я отбилъ у васъ охоту къ вашей амврозіи,
описалъ груды выставленныхъ тамъ сладостей! О, е
вы знали содержимое этого безе! О, Афродита, под
ты изъ *такой* пѣны, ты была бы еще много слаш
мѣщеніе, правда, тѣсно и душно, и декорировано, ка
ная. Но полезное всегда одержитъ побѣду надъ п
нымъ; набитые, какъ сельди въ бочкѣ, сидятъ здѣсь
бренновъ, и лакомятся кремами, и щелкаютъ языка
наслажденія, и облизываютъ пальцы.

Прочь, прочь отсюда!
Глазъ видитъ, что раскрыты двери,
Душа въ блаженствѣ утопаетъ.

Мы можемъ пройти черезъ дворецъ и вотъ мы вт
гартенѣ. Но гдѣ же садъ? спрашиваете вы. Ахъ, Бо
развѣ вы не замѣчаете, что это снова иронія! Это че
угольная площадка, окруженная двойнымъ рядомъ т
Тутъ мы наталкиваемся на мраморную статую, около
стоитъ часовой. Это старый дессауэръ. Онъ стоитъ вт
прусскомъ мундирѣ, отнюдь не идеализированный, как
на площади Вильгельма. Ихъ я вамъ скоро пока
Кейтъ, Цитенъ, Зейдлицъ, Шверинъ и Винтерфель
послѣднихъ—въ римскихъ костюмахъ и длинныхъ па
Здѣсь мы стоимъ какъ разъ передъ соборомъ, которы
недавно заново украшенъ снаружи и добавленъ по
сторонамъ главной башни двумя новыми башенками. Б
закругленная сверху башня недурна. Но обѣ молод

шенки очень смѣшная фигура. Онѣ точно клѣтки для птицъ. Разсказываютъ, что извѣстный филологъ В. гулялъ прошлымъ лѣтомъ съ проѣзжавшимъ здѣсь оріенталистомъ Г., и когда послѣдній, указывая на соборъ, спросилъ: «что же означаютъ эти двѣ птичьи клѣтки?», то ученый острякъ отвѣтилъ: «здѣсь выкармливаются снѣгири».

Въ двухъ соборныхъ нишахъ будутъ поставлены статуи Лютера и Меланхтона.—Хотите войти въ соборъ, чтобы полюбоваться чудесной картиной Бегассе? Тамъ же можетъ назидательно усладить васъ проповѣдникъ Теремнъ. Но останемся лучше снаружи, тамъ отпускаются колкости по адресу Павлузіанцевъ. Это меня вовсе не забавляетъ. Посмотрите лучше направо отъ собора на быстро движущуюся массу людей, копошащихся на четырехугольной, обнесенной желѣзной рѣшеткой, площадкѣ. Это биржа. Тамъ барышничаютъ исповѣдники стараго и новаго завѣта. Не станемъ близко подходить къ нимъ. О, Боже! что за физіономіи! Корыстолюбіе въ каждомъ мускулѣ. Когда они раскрываютъ свои пасти, мнѣ такъ и кажется, что они закричатъ: «Отдай намъ всѣ твои деньги!» Вѣроятно они уже много накопили. Самые богатые конечно тѣ, на чьихъ землистыхъ лицахъ наиглубже отпечатаны недовольство и дурное расположеніе духа. Насколько счастливѣй иной бѣдняга, не имѣющій—круглъ червонецъ или четырехуголенъ. По справедливости здѣсь купецъ не пользуется уваженіемъ. Тѣмъ болѣе почитаются двигающіеся вонъ тамъ господа въ большихъ шляпахъ съ перьями и въ подбитыхъ краснымъ сюртукахъ. Лустгартенъ есть вѣдь вмѣстѣ съ тѣмъ мѣсто, гдѣ ежедневно даются пароли и производится разводъ карауловъ. И вовсе не большой приверженецъ военныхъ, но долженъ сознаться—для меня составляютъ всегда радостное зрѣлище собирающіеся въ Лустгартенѣ прусскіе офицеры. Красивые, сильные, здоровые, жизнерадостные люди! Кое-гдѣ выдается, правда, среди нихъ надутое, глупо напыщенное лицо аристократа. Но по большей части среди здѣшнихъ офицеровъ, особенно молодыхъ, встрѣчаемъ скромность и безпритязательность, тѣмъ болѣе достойныя удивленія, что, какъ выше сказано, военное сословіе въ Берлинѣ пользуется самымъ большимъ уваженіемъ. Правда, прежній рѣзкій кастовый духъ этого сословія былъ много смягченъ уже тѣмъ, что каждый пруссакъ долженъ хотя бы годъ прослужить въ солдатахъ, и никто, отъ королевскаго сына до сына сапожника, не освобожденъ отъ этого. Послѣднее, конечно, весьма неудобно

и тяжело, но во многихъ отношеніяхъ и весьма
Наше юношество этимъ застраховано отъ опасн
нѣжиться. Во многихъ государствахъ слышно мен
лобъ на тягость военной службы, потому что тамъ в
ея навалено на бѣдныхъ поселянъ, между тѣмъ ка
ряне, ученые, богатые и, какъ напримѣръ въ Го
даже каждый городской житель освобождены отъ
военной службы. Какъ бы смолкли всѣ жалобы н
насъ, если бы наши широковѣщательные бюргеры
политиканствующіе лавочники, наши геніальные а
чиновники, поэты и праздношатающіеся были осво
отъ службы! Посмотрите, какъ тамъ экзерцируется
нинъ? Онъ вскидываетъ на плечо, на караулъ и—
Но впередъ! Мы должны перейти мостъ. Вы уди
сложеннымъ здѣсь большимъ запасамъ строительнаг
ріала и множеству рабочихъ, которые собрались
болтаютъ, и пьютъ водку, и мало дѣлаютъ. Здѣсь
зости былъ прежде Собачій мостъ; король приказ
уничтожить и на мѣсто его выстроить роскошный
ный. Работы начались уже этимъ лѣтомъ, еще дол
тянутся, но въ концѣ концовъ здѣсь будетъ стоять
лѣпное сооруженіе. Но теперь посмотрите впередъ.
виднѣются уже—Липы!

Право, я не знаю ничего величественнѣе вида н
съ Собачьяго моста. Направо—высокій, великолѣпны
гаузъ, новая гауптвахта, университетъ и академ
лѣво — королевскій дворецъ, оперный театръ, библі
т. д. Здѣсь одно роскошное зданіе тѣснится къ
Повсюду разукрашенныя статуи, но изъ плохого к
плохо изваянныя, за исключеніемъ стоящихъ на це
Здѣсь мы находимся на Дворцовой площади, само
шой и самой широкой въ Берлинѣ. Королевскій
самое простое и незначительное изъ всѣхъ этихъ
Нашъ король живетъ здѣсь. Просто и бюргерски.
долой! Вотъ онъ самъ ѣдетъ мимо насъ. Но не в
вотъ экипажѣ, который запряженъ великолѣпной пе
этотъ экипажъ принадлежитъ одному изъ пословъ.
онъ сидитъ въ плохой коляскѣ, запряженной парой
ныхъ лошадей. На головѣ у него обыкновенная офи
фуражка, на плечахъ сѣрый дождевой плащъ. Но г
священнаго видитъ подъ этимъ плащомъ порфиру
этой фуражкой діадему. Посмотрите, какъ дружелюб
чаетъ король каждому на поклоны. Слышите: «Как

красивый мужчина!»—шепчетъ тамъ маленькая блондинка. «Онъ былъ лучшимъ супругомъ»,—отвѣчаетъ, вздыхая, подруга постарше. «Ma foi,—мычитъ гусарскій офицеръ:—онъ лучшій наѣздникъ въ нашей арміи».

Но какъ вамъ нравится университетъ? Поистинѣ превосходное зданіе. Жаль только, что лишь меньшая часть аудиторій помѣстительны, бо́льшая же часть—мрачны и непривѣтны и, что̀ самое скверное, окна многихъ аудиторій выходятъ на улицу, а тамъ какъ разъ наискось виденъ оперный театръ. Какъ долженъ сидѣть на горячихъ угольяхъ бѣдный буршъ, когда какой-нибудь скучный доцентъ пускаетъ ему въ уши свои кожаныя (и притомъ не изъ сафьяна, а просто изъ свинной кожи) остроты, между тѣмъ какъ глаза слушателя блуждаютъ по улицѣ, наслаждаясь живописной картиной блестящихъ экипажей, мимо идущихъ солдатъ, прыгающихъ нимфъ и пестрой волны людей, несущейся къ театру. Какъ должны горѣть у бѣднаго бурша въ карманѣ его шестнадцать грошей, когда онъ думаетъ: эти счастливцы увидятъ сейчасъ Эвнике въ роли Серафима или Мильдеръ Ифигеніей! «Apolloni et Musis» написано на фронтонѣ театра, а сыну музъ приходится находиться внѣ его? Но смотрите, лекція только-что кончилась, и толпа студентовъ направляется къ Липамъ. Неужели столько филистеровъ ходитъ на лекціи?—спрашиваете вы. Тише, тише, это вовсе не филистеры. Высокая шляпа à la Bolivar, сюртукъ à l'anglaise еще далеко не дѣлаютъ изъ студента филистера. Настолько же мало, насколько красная шапочка и куртка дѣлаютъ бурша. Въ костюмѣ бурша ходитъ здѣсь много сентиментальныхъ цырюльниковъ, много честолюбивыхъ разсыльныхъ и много благородныхъ портныхъ. Приличнаго бурша нельзя винить, если онъ не охотно желалъ бы быть принятымъ за подобныхъ господъ. Курляндцевъ здѣсь мало. Тѣмъ болѣе поляковъ, болѣе семидесяти, держащихъ себя по большей части съ буршескимъ апломбомъ. Этимъ нечего бояться вышесказаннаго смѣшенія. По этимъ лицамъ сейчасъ узнаешь, что подъ курткой сидитъ не портняжная душа. Многіе изъ этихъ сарматовъ могли бы послужить сынамъ Германа и Туснельды образцомъ любезности и благороднаго поведенія. Поистинѣ такъ. Когда видишь у иностранцевъ столько высокихъ качествъ, то, дѣйствительно, нужна огромная доза патріотизма, чтобы все еще воображать себѣ, что самое совершенное и драгоцѣнное, что̀ только носитъ земля — нѣмецъ. Общежитіе мало

развито у здѣшнихъ студентовъ. Землячества уничтожены. Союзъ, состоявшій, подъ именемъ «Арминія», изъ старыхъ приверженцевъ буршествъ, также, говорятъ, распался. Дуэлей теперь случается мало. Недавно произошла одна очень прискорбная дуэль. Два медика, Липшицъ и Фебусъ, слегка поссорились на лекціи семіотики, такъ какъ оба претендовали на мѣсто № 4. Они не знали, что въ этой аудиторіи имѣлось два мѣста подъ № 4, и оба получили этотъ № отъ профессора. «Дуракъ» — произнесъ одинъ изъ нихъ, и обмѣнъ словъ тѣмъ и закончился. Они дрались на слѣдующій день, и Фебусъ прокололъ рапирой своего противника. Липшицъ умеръ четверть часа спустя. Какъ еврей, онъ былъ похороненъ своими товарищами по университету на еврейскомъ кладбищѣ; Фебусъ, тоже еврей, бѣжалъ и...

Но я вижу, что вы больше меня не слушаете и пристально смотрите на Липы. Да, это тѣ знаменитыя Липы, о которыхъ вы столько слышали. Меня пробираетъ дрожь, когда подумаю: быть-можетъ, на этомъ мѣстѣ стоялъ Лессингъ, подъ этими деревьями было любимое мѣсто прогулки столькихъ великихъ людей, жившихъ въ Берлинѣ, здѣсь ходилъ великій Фрицъ, здѣсь бродилъ — онъ! Но развѣ то, что вы видите въ настоящее время, не такъ же прекрасно? Сейчасъ ровно двѣнадцать—время гулянья высшаго свѣта. Разряженная толпа движется подъ Липами взадъ и впередъ. Видите ли тамъ франта въ двѣнадцати пестрыхъ жилетахъ? Слышите глубокомысленныя замѣчанія, которыя онъ шепчетъ своей доннѣ? Чувствуете запахъ дорогихъ помадъ и эссенцій, которыми онъ надушонъ? Онъ направляетъ на васъ лорнетку, улыбается и закручиваетъ себѣ волосы. Но посмотрите на прелестныхъ дамъ! Что за фигуры! Я становлюсь поэтомъ!

Подъ Липами, о, другъ мой,
Возвысишь душу ты,
Здѣсь встрѣтишь ты собранье
Всѣхъ перловъ красоты.
Поэтомъ, въ умиленіи,
Нарядамъ пестрымъ дамъ
Дано уподобленіе
«Блуждающимъ цвѣтамъ».
На шляпкахъ перья длинныя,
И талій чудный видъ!
И шейки лебединыя!
И юный пылъ ланитъ!

Нѣтъ! вотъ эта особа — прогуливающійся рай, прогуливающееся небо, прогуливающееся блаженство! И она смо-

тритъ такъ нѣжно на этого усатаго болвана! Малый не принадлежитъ къ людямъ, изобрѣвшимъ порохъ, но къ употребляющимъ его, т. е. онъ военный. Вы удивляетесь, что всѣ здѣсь внезапно останавливаются, запускаютъ руку въ карманъ и смотрятъ вверхъ? Мой милый, мы стоимъ какъ разъ передъ часами академіи, самыми вѣрными изъ всѣхъ часовъ Берлина, и каждый, проходящій мимо, не упускаетъ случая поставить по нимъ свои. Это весьма забавное зрѣлище, если не знаешь, что тамъ часы. Въ этомъ же зданіи помѣщается консерваторія. Билетъ достать я вамъ не могу; ея директоръ, проф. Цельтеръ, не особенно, говорятъ, предупредителенъ въ подобныхъ случаяхъ.

Но взгляните на маленькую брюнетку, которая вамъ такъ многозначительно улыбается. И такому миловидному существу вы хотите дать нѣчто въ родѣ «волчьяго паспорта»? Какъ она прелестно встряхиваетъ своими локонами, сѣменитъ маленькими ножками и, снова улыбаясь, показываетъ свои бѣлые зубы. Она, вѣроятно, замѣтила, что вы пріѣзжій. Какая масса звѣздоносцевъ! Какое безчисленное количество орденовъ! Примѣряя вамъ сюртукъ, портной спрашиваетъ: «Съ разрѣзомъ или безъ (для ордена)?» Но стойте! Видите зданіе на углу Charlottenstrasse? Это Café Royal. Пожалуйста, войдемте туда, я не могу пройти мимо, не посмотрѣвъ въ него съ минуту. Вы не хотите? Но на возвратномъ пути вы должны зайти со мной туда. Наискось отсюда вы видите Hôtel de Rome, а здѣсь налѣво Hôtel de S.-Petersbourg, двѣ самыя лучшія гостиницы. Рядомъ кондитерская Тейхмана. Его конфеты лучшія во всемъ Берлинѣ, но въ пирожныхъ слишкомъ много масла. Если вы хотите вкусно пообѣдать за 8 грошей, то зайдите въ ресторанъ рядомъ съ Тейхманомъ, въ первомъ этажѣ. Теперь взгляните-ка направо и налѣво. Это большая Friedrichstrasse. Созерцая ее, можно наглядно представить себѣ идею безконечности. Но не будемъ здѣсь стоять слишкомъ долго. Тутъ легко схватить насморкъ. Здѣсь дуетъ фатальный сквознякъ между Галльскими и Ораніенбургскими воротами. Вотъ направо снова громоздится нѣчто хорошее; тутъ живетъ Сала Гароне, тамъ Café de Commerce, а здѣсь живетъ Ягоръ! Солнце стоитъ надъ этими райскими вратами. Вѣрный символъ! Какія чувства возбуждаетъ это солнце въ желудкѣ астронома? Не ржетъ ли онъ при видѣ этого солнца, какъ конь Дарія Гистаспа? Преклоните колѣна вы, современные еруанцы, здѣсь живетъ—Ягоръ! И, однако, это солнце не

безъ пятенъ. Какъ ни многочисленны рѣдкіе дели
ежедневно печатаемые на карточкахъ, но прислуга
очень медлительна, жаркое нерѣдко старое и жестко
нахожу, что въ Café Royal большинство блюдъ приго
гораздо вкуснѣе. Но вина! О, кабы имѣть мѣшокъ
натуса!... Если хотите усладить ваше зрѣніе, то п
тесь на выставленные подъ стекломъ въ нижнемъ з
Ягора портреты. Здѣсь рядомъ висятъ актриса
теологъ Неандръ и скрипачъ Буше. Какъ улыбаетс
лестная женщина! О, посмотрите ее въ роли Юліи
она позволяетъ пилигриму Ромео поцѣловать ее въ
разъ. Музыкой звучатъ слова ея:

Grace is in all her steps, heaven in her eye,
In every gesture dignity and love. *(Milton).*

Какимъ разсѣяннымъ смотритъ Неандръ! Онъ
думаетъ о гностикахъ, о Базилидесѣ, Валентинусѣ,
занесѣ, Карнократесѣ и Миркусѣ. Буше дѣйств
имѣетъ поразительное сходство съ императоромъ Н
помъ. Онъ называетъ себя космополитомъ, Сократом
пачей, загребаетъ бѣшеныя деньги и въ благод
называетъ Берлинъ la capitale de la musique... Но
шимъ пройти мимо; здѣсь снова кондитерская, а зд
ветъ Лебефъ—магнетическое имя! Полюбуйтесь на п
ныя зданія, идущія по обѣимъ сторонамъ Липъ. Зд
ветъ самый высшій свѣтъ Берлина. Пойдемъ по
Большой домъ налѣво—кондитерская Фукса. Тамъ
восходно декорировано, повсюду зеркала, цвѣты, м
новыя фигуры, позолота, словомъ, безукоризненнѣйш
щество. Но то, что потребляешь тамъ, самое скве
дорогое во всемъ Берлинѣ. Изъ кондитерскихъ т
мало выбора, и по большей части все старое. На
лежитъ нѣсколько старыхъ затасканныхъ журналовъ.
служивающая долговязая дѣвушка далеко не краси
будемъ заходить къ Фуксу. Я не ѣмъ ни зеркалъ,
ковыхъ гардинъ, а если хочу чѣмъ-либо усладить м
ніе, то иду смотрѣть Спонтиніевскія «Кортица» или
пію».—Направо вы увидите нѣчто новое. Здѣсь
ваются бульвары, которыми соединятъ Послѣднюю
гельмскую улицы. Здѣсь мы пріостановимся и по
на Бранденбургскія ворота и на стоящую на нихъ
Побѣды. Ворота были построены Ланггансомъ, по
аѳинскихъ Пропилей, и состоятъ изъ колоннады въ
цать большихъ дорическихъ колоннъ. Стоящая наве

гиня вамъ достаточно извѣстна по новѣйшей исторіи. Добрая женщина имѣла также свои приключенія, но этого не замѣтно по лицу храброй возницы. Пройдемъ же черезъ ворота. То, что вы теперь передъ собой видите—знаменитый Тиргартенъ, а по серединѣ широкое шоссе въ Шарлотенбургъ. По обѣимъ сторонамъ двѣ колоссальныхъ статуи, изъ которыхъ одна должна изображать Аполлона. Архиотвратительный, уродливый чурбанъ. Его бы слѣдовало сбросить. Онъ, конечно, перепугалъ не на шутку уже многихъ беременныхъ берлинокъ. Отсюда — столько отвратительныхъ рожъ, которыхъ мы встрѣтили «Подъ Липами». — Полиціи слѣдовало бы вмѣшаться въ это дѣло.

Теперь повернемъ назадъ, у меня разыгрался аппетитъ, и я стремлюсь къ Café Royal. Хотите ѣхать? Здѣсь, сейчасъ у воротъ, стоятъ дрожки. Такъ называются наши здѣшніе фіакры. Съ одного лица взимается 4 гроша, а съ двухъ— 6 грошей, и кучеръ везетъ васъ, куда хотите. Коляски всѣ одинаковы, и всѣ кучера носятъ сѣрые плащи съ желтыми отворотами. Когда вы очень спѣшите, или когда идетъ проливной дождь, вамъ не найти ни одного извозчика. Но когда стоитъ хорошая погода, какъ сегодня, или вамъ некуда особенно спѣшить, то вы видите цѣлую кучу стоящихъ дрожекъ. Садитесь! Живо, кучеръ! Какъ кишитъ «Подъ Липами!» Сколько здѣсь бѣжитъ такихъ, которые еще не знаютъ, гдѣ сегодня удастся имъ пообѣдать! Поняли ли вы, мой милый, идею обѣда? Кто ею овладѣлъ, тому понятны и всѣ человѣческія побужденія и дѣйствія. Живѣй, кучеръ!.. Что скажете вы о безсмертіи души? Поистинѣ это большое изобрѣтеніе, гораздо больше, чѣмъ изобрѣтеніе пороха. Что думаете вы о любви? Живѣй, кучеръ! Неправда ли, это просто законъ влеченія?.. Какъ вамъ нравится Берлинъ? Не находите ли вы, что хотя городъ отстроенъ заново, красиво и правильно, онъ, все-таки, производитъ нѣсколько сухое впечатлѣніе? M-me де-Сталь замѣчаетъ очень остроумно: «Berlin, cette ville toute moderne, quelque belle qu'elle soit, ne fait pas une impression assez sérieuse; on n'y aperçoit point l'empreinte de l'histoire du pays, ni du caractère des habitants et ces magnifiques demeures nouvellement construites ne semblent destinées qu'aux rassemblements commodes des plaisirs et de l'industrie». Фонъ-Прадтъ говоритъ нѣчто еще болѣе пикантное.—Но вы не слышите ни единаго слова изъ-за стука экипажей. Мы, однако, у цѣли. Стой! Вотъ Café Royal. Привѣтливый го-

сподинъ, стоящій у дверей—Бейерманъ. Вотъ это настоящій хозяинъ! Никакихъ пресмыкающихся поклоновъ, но всегда предупредительная внимательность; тонкое, цивилизованное обращеніе, и при этомъ неутомимая услужливость, однимъ словомъ,—роскошное изданіе содержателя ресторана. Войдемъ. Прекрасное помѣщеніе; спереди—самое блестящее кафе Берлина, сзади него—превосходный ресторанъ. Мѣсто сборища изящнаго образованнаго свѣта. Вы можете часто увидѣть здѣсь самыхъ интересныхъ личностей. Замѣчаете тамъ высокаго, широкоплечаго господина въ черномъ сюртукѣ? Это знаменитый Космели, который сегодня въ Лондонѣ, а завтра въ Испагани. Такимъ я себѣ представляю Петра Шлемиля Шамиссо. У него въ эту минуту парадоксъ на языкѣ. Замѣчаете рослаго человѣка съ важной миной и высокимъ лбомъ? Это Вольфъ, растерзавшій Гомера и умѣющій составлять нѣмецкій гекзаметръ. А вонъ тамъ за столомъ маленькій подвижной человѣчекъ съ вѣчно вибрирующими мускулами лица, съ забавными, но, тѣмъ не менѣе, непріятными жестами? Это камергерихтсратъ Гофманъ, написавшій «Кота Мура», а высокая, торжественная фигура, сидящая противъ него,—баронъ фонъ-Лютвицъ, помѣстившій въ «Vossiche Zeitung» классическую рецензію на «Кота». Замѣчаете этого франта, который такъ легко движется, лепечетъ по-курляндски и въ эту минуту обращается къ высокому серьезному господину въ зеленомъ сюртукѣ? Это баронъ фонъ-Шиллингъ, который въ «Mindener Sonntagsblatt» такъ сильно растрогалъ «милыхъ внуковъ Тевта». Серьезный господинъ—писатель, баронъ фонъ-Малтицъ... Но что мнѣ за дѣло до всѣхъ этихъ господъ! я ѣсть хочу. Garçon! la charte! Поглядите на это множество великолѣпныхъ блюдъ. Какъ плавно и мелодично звучатъ ихъ названья, as music on the waters! Это таинственныя заклинательныя формулы, открывающія намъ царство духовъ. И тутъ же шампанское! Позвольте мнѣ пролить слезу умиленія. Но вы, безчувственный человѣкъ, совершенно равнодушны ко всему этому великолѣпію и требуете новостей, жалкихъ городскихъ новостей! Вы будете удовлетворены. Ну, милый герръ Гансъ, что новаго? Онъ качаетъ своей посѣдѣвшей почтенной головой и пожимаетъ плечами. Мы обратимся къ маленькому краснощекому человѣчку; у этого всегда новостей полны карманы, и разъ онъ начнетъ разсказывать, то будетъ молоть, какъ мельничное колесо. Ну, что новаго, мой милый камермузикусъ?

Ровно ничего. Новая опера Гельвига «Горные рудокопы», повидимому, не особенно понравилась. Спонтини сочиняетъ теперь оперу, текстъ для которой ему написалъ Кореффъ. Говорятъ, сюжетъ заимствованъ изъ прусской исторіи. Услышимъ мы также «Аукасина и Николетту» Кореффа, для которой музыку пишетъ Шнейдеръ. Послѣ карнавала ожидается также героическая опера Бернгарда Клейна «Дидона». Бореръ и Буше снова объявили свои концерты. Когда идетъ «Фрейшютцъ», все еще трудно доставать билеты. Находящійся здѣсь басъ Фишеръ выступать не будетъ, но много поетъ въ обществѣ. Графъ Брюль все еще очень боленъ; онъ себѣ сломалъ ключицу. Мы боялись, что лишимся его; а такого директора театра, восторженнаго поклонника нѣмецкой музыки и искусства, найти было бы не легко. Танцоръ Антоненъ былъ здѣсь, требовалъ сто луидоровъ за каждый вечеръ, но ихъ ему не дали. Политикъ Адамъ Мюллеръ тоже былъ здѣсь; также и фабрикантъ трагедій, Гувальдъ. M-me Вольтманъ вѣроятно еще здѣсь; она пишетъ мемуары. Надъ рельефами статуй Блюхера и Шарнгорста все еще работаютъ у Рауха. Оперы, которыя будутъ даваться во время карнавала, объявлены въ газетахъ. Трагедія доктора Куна «Жители Дамаска» пойдетъ еще этой зимой. Вахъ трудится надъ запрестольнымъ образомъ, который нашъ король отошлетъ въ подарокъ въ Москву для церкви Побѣды. Г-жа Штихъ давно оправилась отъ родовъ и завтра выступаетъ снова въ «Ромео и Джульетѣ». Каролина Фуке издала романъ въ письмахъ, для котораго она написала письма героя, а принцъ мекленбургскій Карлъ—письма героини. Государственный канцлеръ оправился отъ болѣзни. Его лѣчитъ Рустъ. Докторъ Боппъ назначенъ здѣсь профессоромъ восточныхъ языковъ и прочелъ передъ многочисленной аудиторіей свою первую лекцію о санскритскомъ языкѣ. Время отъ времени здѣсь еще конфискуются номера Брокгаузовскаго «Conversationsblatt». О послѣднемъ сочиненіи Гёрреса: «Въ дѣлахъ Рейнской области и проч.» не говорятъ ни слова; о появленіи его даже почти не было упомянуто. Молодой человѣкъ, убившій молотомъ свою мать, оказался сумасшедшимъ. Мистическіе происки въ Помераніи дѣлаютъ много шума. Гофманъ издаетъ теперь у Вильманса въ Франкфуртѣ романъ подъ заглавіемъ «Блоха», въ которомъ, говорятъ, будетъ заключаться много политическихъ колкостей. Проф. Губицъ все еще занимается переводами съ новогреческаго и вырѣзы-

ваетъ теперь виньетки для сочиненія «Походъ Суворова противъ турокъ», которое Императоръ Александръ издаетъ какъ народную книжку для русскихъ. Блюмъ только-что издалъ у Христіани «Скорбныя пѣсни грековъ», весьма поэтичныя. Собраніе, устроенное художниками въ академіи, удалось блестяще, и сборъ былъ употребленъ на благотворительную цѣль. Придворный актеръ изъ Карлсруэ, Вальтеръ, только-что пріѣхалъ и выступитъ въ «Дорожныхъ приключеніяхъ Штаберле». Г-жа Нейманъ снова пріѣдетъ въ мартѣ, а г-жа Штихъ тогда уѣдетъ. Юлій Фоссъ снова написалъ одну пьесу «Новый базаръ». Его комедія «Квинтусъ Мессисъ» пойдетъ на слѣдующей недѣлѣ. «Принцъ Гомбургскій» Гейнриха Клейста не пойдетъ. Манускриптъ трилогіи Грильпарцера «Аргонавты», который онъ прислалъ нашей дирекціи, возвращенъ автору... Маркеръ, стаканъ воды!.. Не правда ли, у нашего камермузикуса новостей куча? Мы за него и ухватимся. Онъ будетъ снабжать Вестфалію новостями, а чего онъ не знаетъ, того можетъ не знать и Вестфалія. Онъ не принадлежитъ ни къ какой партіи, ни къ какой школѣ, онъ ни либералъ, ни романтикъ, и когда говоритъ что-либо злостное, то онъ въ томъ невиненъ такъ же, какъ злосчастный тростникъ, у котораго вѣтеръ выманилъ слова: «У царя Мидаса ослиныя уши».

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Берлинъ, 16-го марта 1822 года.

Ваше достопочтенное письмо отъ 2-го февраля я получилъ исправно и съ удовольствіемъ увидѣлъ изъ него, что мое первое письмо удостоилось вашей похвалы. Слегка намѣченное желаніе ваше не слишкомъ выставлять опредѣленныя личности, будетъ отчасти исполняемо. Правда, мои слова могутъ быть легко истолкованы въ дурномъ смыслѣ. Люди разсматриваютъ не картину, слегка набрасываемую мною, но нарисованныя тамъ для оживленія ея фигурки, и, быть-можетъ, даже думаютъ, что для меня были особенно важны именно эти фигурки. Но можно писать картины и безъ фигуръ, какъ можно ѣсть супъ безъ соли. Можно говорить иносказательно, какъ наши журналисты. Когда они говорятъ о великой сѣверо-германской державѣ, то каждый знаетъ, что они разумѣютъ Пруссію. Я это нахожу смѣшнымъ. Мнѣ представляется въ этомъ случаѣ, будто маски

прогуливаются по маскараднымъ заламъ съ открытыми лицами. Если я говорю о великомъ сѣверо-германскомъ юристѣ, который носитъ длинные, черные, ниспадающіе по плечамъ волосы, набожными, любовными очами взираетъ на небо, и хотѣлъ бы походить на образъ Спасителя, впрочемъ носитъ французскую фамилію, самъ французскаго происхожденія, но поступаетъ, какъ истый нѣмецъ,—то публика знаетъ, кого я разумѣю. Я буду все называть его именемъ; я объ этомъ такого же мнѣнія, какъ Буало. Я буду также изображать многихъ личностей, мнѣ мало дѣла до порицанія тѣхъ людишекъ, которые удобно покачиваются въ креслахъ скованной свѣтскимъ приличіемъ корреспонденціи и во всякое время любвеобвильно увѣщеваютъ: «хвали насъ, но не говори, каковъ у насъ видъ».

Я давно знаю, что городъ подобенъ молодой дѣвицѣ и съ удовольствіемъ видитъ свое милое личико въ зеркалѣ чужихъ корреспонденцій. Но я бы никогда не подумалъ, что Берлинъ при такомъ отраженіи станетъ кривляться, какъ старая баба, какъ настоящая сплетница. Я сдѣлалъ при этомъ случаѣ замѣчаніе: Берлинъ—большой Кревинкель.

Я сегодня очень угрюмъ, капризенъ, сердитъ, раздражителенъ. Дурное расположеніе духа тормозитъ фантазію, и всѣ остроты носятъ черныя, траурныя вуали. Не думайте, что причиной тому какая-нибудь женская невѣрность. Женщинъ я все еще люблю; когда въ Гетингенѣ я былъ лишенъ всякаго женскаго сообщества, то завелъ себѣ по крайней мѣрѣ кошку; но женская невѣрность могла бы еще подѣйствовать только на мои мускулы смѣха. Не думайте, что болѣзненно уязвлено мое тщеславіе: прошли времена, когда я вечеромъ старательно закручивалъ мои волосы въ папильотки, постоянно носилъ въ карманѣ зеркальце и въ теченіе двадцати пяти часовъ въ сутки занимался завязываніемъ галстука. Не думайте также, что, быть-можетъ, религіозныя сомнѣнія мучительно обезпокоили мою нѣжную душу; я вѣрю теперь еще только въ Пифагорову теорему и въ королевско-прусское земское право. Нѣтъ, гораздо болѣе разумная причина вызываетъ мое уныніе: мой дражайшій другъ, прелестнѣйшій изъ смертныхъ, Евгеній фонъ-Б., уѣхалъ третьяго дня! Это былъ единственный человѣкъ, въ обществѣ котораго я не соскучивался, единственный, котораго оригинальное остроуміе могло пробудить во мнѣ жизнерадостность и въ милыхъ, благородныхъ чертахъ ко-

тораго я могъ явственно видѣть, какова была моя ду
ту пору, когда я еще велъ прекрасную, непорочную
цвѣтка и еще не запятналъ себя ненавистью и лож

Но скорбь въ сторону; я долженъ теперь гово
томъ, что̀ поютъ и что̀ говорятъ у насъ на Шпре. С
что̀ здѣсь звонятъ и тараторятъ, о чемъ хихикаютъ и
ничаютъ, обо всемъ услышите вы, мой милый.

Буше, который давно уже далъ здѣсь свой наи—
наипослѣдній концертъ и теперь, быть-можетъ, восто
своими фокусами на скрипкѣ Варшаву или Петер
дѣйствительно правъ, называя Берлинъ la capitale
musique. Здѣсь въ теченіе всей зимы было столько
и музыки, что просто тупѣютъ и слухъ, и зрѣніе.
концертъ слѣдуетъ по пятамъ другого.

Всѣхъ скрипачей сочесть легко ли,
Къ намъ пріѣзжавшихъ на гастроли?
. . . . . .
Испанцы даже были здѣсь
И подносили намъ съ подмостковъ
Мелодій пошленькую смѣсь.

Испанецъ былъ Эскудеро—ученикъ Бальо, умѣлый
пачъ, молодой, цвѣтущій, красивый, но, тѣмъ не мен
дамскій protégé. Ему предшествовала зловѣщая молва
итальянскій ножъ сдѣлалъ его неспособнымъ быть
нымъ для прекраснаго пола. Я не хочу васъ ут
перечисленіемъ всѣхъ тѣхъ музыкальныхъ вечеров
торые насъ восхищали и намъ надоѣдали эту зиму.
мяну только, что концертъ г-жи Зейдлеръ былъ перен
публикой и что мы теперь очень напряженно ждем
церта Друэ, такъ какъ будетъ въ немъ впервые
публично юный Мендельсонъ.

Вы еще не слышали «Фрейшютца» Вебера? Нѣтъ
счастный человѣкъ! Но не слышали ли вы по к
мѣрѣ изъ этой оперы «Пѣсню подружекъ» или «Д
вѣнокъ»? Нѣтъ? Счастливый человѣкъ!

Если вы идете отъ Галлійскихъ воротъ къ Ораніе
скимъ и отъ Бранденбургскихъ къ Королевскимъ,
если вы идете отъ Унтербаума къ Кепникскимъ вор
то все время слышите одну и ту же мелодію, пѣсню
пѣсенъ: «Дѣвичій вѣнокъ».

Какъ въ Гётевскихъ элегіяхъ бѣднаго британца п
дуетъ по всѣмъ странамъ пѣсня «Malborough s'en

guerre», такъ и я преслѣдуемъ съ ранняго утра до поздней ночи пѣснью:

Вѣнокъ дѣвичій твой мы вьемъ
Шелками голубыми,
Къ весельямъ свадебнымъ пойдемъ
Съ подружками твоими!

Хоръ.

Прекрасенъ, прекрасенъ зеленый дѣвичій вѣнокъ,
Синимъ шелкомъ, синимъ шелкомъ перевитый!
Прекрасенъ будетъ мой букетъ,
Въ немъ миртъ, лаванда съединятся;
Что-жъ жениха такъ долго нѣтъ?
Его не въ силахъ я дождаться!

Хоръ.

Прекрасенъ, прекрасенъ и т. д.

Встанешь утромъ въ хорошемъ расположеніи духа, и мигомъ вся моя веселость отравляется, когда уже раннимъ утромъ проходящіе мимо моего окна школьники насвистываютъ «Дѣвичій вѣнокъ». Не пройдетъ часа—и дочь моей хозяйки встаетъ со своимъ «Дѣвичьимъ вѣнкомъ». Я слышу, какъ мой цырюльникъ, подымаясь по лѣстницѣ, поетъ «Дѣвичій вѣнокъ». Молодая прачка приходитъ съ «миртомъ и лавандай». И такъ далѣе, и такъ далѣе. Въ моей головѣ шумитъ. Я не въ состояніи болѣе выдерживать, спѣшу изъ дому и вскакиваю вмѣстѣ съ моей злобой въ дрожки. Хорошо, что изъ-за стука колесъ я не слышу пѣнія. Я схожу у ***ли. Можно ли видѣть барыню? Слуга докладываетъ. «Пожалуйте». Двери распахиваются. Красавица сидитъ за фортепіано и принимаетъ меня сладчайшимъ:

«Что-жъ жениха такъ долго нѣтъ?
Его не въ силахъ я дождаться!»

«Вы поете, какъ ангелъ!»—восклицаю я съ судорожной привѣтливостью. «Я еще разъ начну сначала»,—лепечетъ милая, и она снова вьетъ свой «Дѣвичій вѣнокъ», и вьетъ, и вьетъ, пока я самъ не совьюсь, какъ червь, отъ несказанныхъ мученій, пока я не вскрикну отъ душевнаго ужаса: «Помоги, Саміэль!»

Вы должны знать, что такъ зовутъ злого духа въ «Фрейшютцѣ»; охотникъ Каспаръ, предавшійся ему, восклицаетъ во всякой бѣдѣ: «Помоги, Саміэль!» Здѣсь вошло въ моду—въ случаѣ комичнаго затрудненія, прибѣгать къ этому восклицанію, и Буше, называющій себя Сократомъ скрипачей, однажды даже въ концертѣ, когда у него лопнула одна скрипичная струна, громко воскликнулъ: «Помоги, Саміэль!»

И Саміэль помогаетъ. Смущенная донна внезапно прерываетъ свое колесующее пѣнье и лепечетъ: «Что съ вами?»— Это чистый восторгъ!—стону я съ принужденной улыбкой. «Вы больны, — лепечетъ она: — идите въ Тиргартенъ, наслаждайтесь чудной погодой и созерцайте прекрасный міръ». Я хватаюсь за шляпу и палку, цѣлую у прекрасной прекрасную руку, кидаю на нее еще одинъ томный взглядъ страсти, бросаюсь въ двери, вскакиваю снова въ первыя встрѣчныя дрожки и качу къ Бранденбургскимъ воротамъ. Я схожу и бѣгу въ Тиргартенъ.

Если вы какъ-нибудь сюда пріѣдете, то совѣтую вамъ не упустить случая — въ одинъ изъ такихъ прекрасныхъ предвесеннихъ дней, въ это время, т. е. въ половинѣ перваго, пойти въ Тиргартенъ.

Тамъ идите налѣво и спѣшите къ мѣсту, гдѣ обитательницами Тиргартена поставленъ маленькій простой монументъ нашей покойной Луизѣ. Тамъ часто имѣетъ обыкновеніе гулять нашъ король. Это прекрасная, благородная, внушающая почтеніе фигура, которая пренебрегаетъ всякимъ внѣшнимъ блескомъ; онъ почти всегда въ простомъ старомъ плащѣ, и я увѣрилъ одного болвана, будто королю часто приходится довольствоваться кое-какъ этимъ платьемъ, такъ какъ его гардеробмейстеръ живетъ за границей и лишь изрѣдка пріѣзжаетъ въ Берлинъ. Встрѣчаешь также въ это время въ Тиргартенѣ красивыхъ королевскихъ дѣтей, и вообще весь дворъ и высшую аристократію. Иностранныя физіономіи принадлежатъ семьямъ разныхъ пословъ. Одинъ или два ливрейныхъ лакея сопровождаютъ благородныхъ дамъ на нѣкоторомъ разстояніи. Мимо галопируютъ офицеры на красивѣйшихъ лошадяхъ. Я рѣдко видѣлъ лошадей болѣе красивыхъ, чѣмъ здѣсь въ Берлинѣ. Я насыщалъ мои взоры созерцаніемъ великолѣпныхъ всадниковъ. Между ними находятся и принцы нашего королевскаго дома. Что за красивый, сильный царственный родъ! На этомъ стволѣ нѣтъ ни одной уродливой, подгнившей вѣтви. Съ радостной полнотой жизни, смѣлостью и величіемъ на благородныхъ лицахъ катаются тамъ верхомъ два старшихъ сына короля. Вонъ та красивая молодая фигура, съ набожными чертами лица и ясными, любящими глазами — третій сынъ короля, принцъ Карлъ. А эта свѣтлая, величественная женщина, несущаяся на высокомъ конѣ съ блестящей пестрой свитой— это наша Александрина. Въ коричневой, плотно облегающей, амазонкѣ, въ круглой шляпѣ съ перьями на головѣ, съ

хлыстомъ въ рукѣ, она похожа на тѣхъ рыцарскихъ женщинъ, которыя такъ мило свѣтятъ на насъ изъ волшебнаго зеркала старыхъ сказокъ и о которыхъ мы не можемъ рѣшить, что онѣ — изображеніе святыхъ или амазонки. Кажется, видъ этихъ чистыхъ чертъ благотворно подѣйствовалъ на меня; благоговѣйныя чувства проходятъ въ моей душѣ, я слышу голоса ангеловъ, невидимыя пальмы мира вѣютъ, въ моей душѣ поднимается великій гимнъ, — но вдругъ зазвенѣли надтреснутыя струны арфы, и старушечій женскій голосъ квакаетъ: «Мы вьемъ вѣнокъ дѣвичій твой» и т. д.

И вотъ цѣлый день не оставляетъ меня проклятая пѣсня. Она отравляетъ мнѣ лучшія мгновенія. Даже когда я сижу за столомъ, преподносится она мнѣ въ видѣ десерта пѣвцомъ Гейнзіусомъ. Все послѣ обѣда меня душитъ «голубой шолкъ». Тамъ калѣка играетъ на шарманкѣ «дѣвичій вѣнокъ», здѣсь пилитъ его на скрипкѣ слѣпой. Но настоящій гвалтъ начинается вечеромъ. Тутъ и свистятъ, и воютъ, и пищатъ, и гогочутъ — и все та же мелодія. По временамъ какой-нибудь выпившій студентъ или прапорщикъ завопитъ среди общаго жужжанія для разнообразія пѣсню Каспара или хоръ охотниковъ, но «дѣвичій вѣнокъ» постояненъ; когда его окончилъ одинъ, начинаетъ другой; онъ звучитъ мнѣ навстрѣчу изъ всѣхъ домовъ; каждый свищетъ его съ собственными варіяціями; мнѣ кажется даже, что собаки на улицѣ лаютъ его.

Какъ затравленный на смерть олень, я кладу вечеромъ мою голову на колѣни прекраснѣйшей пруссачки; она нѣжно гладитъ мои щетинистые волосы и шепчетъ мнѣ на ухо: «я люблю тебя, и твоя Лавиза будетъ вѣчно предана тебѣ»,—и она гладитъ и ласкаетъ до тѣхъ поръ, пока не сочтетъ, что я задремалъ, и тогда она начинаетъ тихо пѣть изъ Танкреда: «Послѣ столькихъ страданій», и я отдыхаю послѣ столькихъ страданій, и рой милыхъ картинъ и звуковъ носится вокругъ меня... но вдругъ насильственное пробужденіе отъ моихъ сновидѣній, и несчастная поетъ: «Мы вьемъ вѣнокъ дѣвичій твой».

Въ безумномъ отчаяніи вырываюсь я изъ очаровательнѣйшихъ объятій, спѣшу внизъ по узкой лѣстницѣ, прилетаю, какъ ураганъ, домой, бросаюсь, скрежеща зубами, въ постель, слышу еще, какъ старая кухарка возится со своимъ «дѣвичьимъ вѣнкомъ», и глубже укутываюсь въ одѣяло.

Вы понимаете теперь, мой милый, почему я васъ назвалъ

счастливымъ человѣкомъ, если вы еще не слыхали этой пѣсни. Не думайте, однако, что ея мелодія дѣйствительно плоха. Напротивъ, она достигла такой популярности именно своей прелестью. Mais toujours perdrix! Вы понимаете меня. Весь «Фрейшютцъ» превосходенъ и, конечно, заслуживаетъ того интереса, съ которымъ его принимаютъ теперь во всей Германіи. Здѣсь онъ дается, быть-можетъ, въ тридцатый разъ, и все-таки еще удивительно трудно достать хорошее мѣсто на его представленіе. Въ Вѣнѣ, Дрезденѣ, Гамбургѣ онъ также производитъ furore. Это достаточно доказываетъ, что несправедливо думали, будто эта опера пущена здѣсь въ ходъ лишь антиспонтиніевской партіей.

Антиспонтиніевская партія? Я вижу, что это выраженіе васъ смущаетъ. Не думайте, что это партія политическая. Горячая партійная вражда между либералами и консерваторами, какую мы видимъ въ другихъ столицахъ, у насъ не можетъ разыграться, ибо по серединѣ стоитъ королевская власть, энергично и безпартійно сглаживая разъединеніе. Но зато мы часто видимъ въ Берлинѣ болѣе забавную партійную борьбу—въ музыкѣ. Будь вы здѣсь въ концѣ прошлаго лѣта, вы могли бы наглядно представить себѣ въ настоящемъ, какую приблизительно физіономію имѣлъ нѣкогда въ Парижѣ споръ между глюкистами и пиччинистами. Но я вижу, что мнѣ надо обстоятельнѣе поговорить о здѣшней оперѣ; во-первыхъ, потому, что она въ Берлинѣ составляетъ главный предметъ разговоровъ, и, во-вторыхъ, потому, что вы безъ нижеслѣдующихъ замѣчаній не сможете вовсе понять духъ многихъ сообщеній. О нашихъ пѣвцахъ и пѣвицахъ я здѣсь вовсе не буду говорить. Восхваленія ихъ стереотипны во всѣхъ корреспонденціяхъ изъ Берлина и газетныхъ рецензіяхъ; ежедневно читаешь: Мильдегауптманъ безподобна, Шульцъ—превосходна, Зейдлеръ—чудесна. Словомъ, безспорно, что здѣсь опера вознесена на изумительную высоту и что она стоитъ впереди всѣхъ другихъ нѣмецкихъ оперъ. Произошло ли это вслѣдствіе ревностной дѣятельности покойнаго Вебера, или кавалеръ Спонтини, по выраженію его приверженцевъ, словно по манію волшебнаго жезла призвалъ къ жизни всѣ эти прелести — я дерзаю сильно сомнѣваться. Я даже дерзаю думать, что управленіе великаго кавалера подѣйствовало въ высшей степени вредно на нѣкоторыя части оперы. Но я положительно утверждаю, что со времени полнаго отдѣленія оперы отъ драмы и начала неограниченнаго влады-

чества Спонтини въ оперѣ, эта послѣдняя ежедневно должна терпѣть все болѣе и болѣе вреда вслѣдствіе естественнаго пристрастія великаго кавалера къ своимъ собственнымъ великимъ произведеніямъ и къ произведеніямъ родственныхъ или дружескихъ геніевъ, и вслѣдствіе его столь же естественнаго отвращенія къ музыкѣ такихъ композиторовъ, духъ которыхъ не соотвѣтствуетъ его духу, или не благоговѣетъ передъ нимъ, или даже—horribile dictu!—соревнуетъ съ его духомъ.

Я слишкомъ большой профанъ въ области музыки, чтобы смѣть высказать мое собственное мнѣніе о достоинствахъ спонтиніевскихъ произведеній, и все, что я здѣсь говорю, только чужіе голоса, которые особенно слышны въ шумѣ вседневныхъ разговоровъ.

«Спонтини величайшій изъ всѣхъ живущихъ композиторовъ. Онъ Микель-Анджело музыки, онъ проложилъ въ музыкѣ новые пути. Онъ исполнилъ то, что Глюкъ только предчувствовалъ. Онъ великій человѣкъ, онъ геній, онъ богъ!» Такъ говоритъ спонтиніевская партія, и эхо безмѣрныхъ похвалъ разносится въ стѣнахъ дворцовъ, ибо вамъ надо знать, что именно аристократіи особенно приходится по вкусу спонтиніевская музыка, и она выказываетъ автору ея самые отмѣнные знаки своего благоволенія. На этихъ благородныхъ покровителей опирается настоящая спонтиніевская партія, которая естественно состоитъ изъ множества людей, слѣпо преклоняющихся передъ знатнымъ и легитимно авторитетнымъ вкусомъ, изъ множества энтузіастовъ по части иностраннаго, изъ нѣсколькихъ композиторовъ, которые охотно бы поставили свои произведенія на сцену, и, наконецъ, изъ горсти истинныхъ почитателей.

Изъ кого состоитъ противная партія, отгадать легко. Многіе не терпятъ добраго кавалера, между прочимъ, и за то, что онъ итальянецъ. Другіе потому, что завидуютъ ему. Другіе опять потому, что его музыка не нѣмецкая. Но, наконецъ, большая часть видитъ въ его музыкѣ лишь громъ трубъ и литавръ, звенящую напыщенность и надутую неестественность. Къ этому же присоединилось неудовольствіе многихъ . . . . . .

Теперь, мой милый, вы можете себѣ объяснить шумъ, наполнившій этимъ лѣтомъ весь Берлинъ, когда на нашей сценѣ впервые появилась спонтиніевская «Олимпія». Не пришлось ли вамъ слышать музыку этой оперы въ Гаммѣ? Въ литаврахъ и тромбонахъ недостатка не было, такъ что

одинъ острякъ предложилъ посредствомъ музыки этой оперы испробовать крѣпость стѣнъ въ новомъ зданіи театра. Другой острякъ, выйдя изъ театра послѣ громогласной «Олимпіи», услышалъ, что на улицѣ били вечернюю зорю, и облегченно вздыхая, воскликнулъ: «Наконецъ-то слышишь тихую музыку!» Весь Берлинъ острилъ надъ обильемъ трубъ и литавръ и большими слонами въ сценѣ торжественной процессіи. Но глухіе были въ полномъ восхищеніи отъ столькихъ великолѣпій и увѣряли, что они могли осязать руками эту прекрасную, толстую музыку. А энтузіасты кричали: «Осанна! Самъ Спонтини — музыкальный слонъ! Онъ ангелъ трубъ!»

Вскорѣ послѣ этого пріѣхалъ въ Берлинъ Карлъ Марія фонъ-Веберъ, его «Фрейшютцъ» былъ поставленъ въ Новомъ театрѣ и привелъ въ восторгъ публику. Теперь у антиспонтиніевской партіи явилась твердая точка опоры, и Веберъ въ день перваго представленія его оперы былъ почтенъ самымъ торжественнымъ образомъ. Въ одномъ прекрасномъ стихотвореніи, авторомъ котораго былъ докторъ Ферстеръ, говорилось о Фрейшютцѣ, что онъ охотится за болѣе благородною дичью, чѣмъ слоны. По поводу этого выраженія Веберъ на слѣдующій день выступилъ весьма жалкимъ образомъ въ «Intelleginzblatt», любезничалъ съ Спонтини и порицалъ бѣднаго Ферстера, сдѣлавшаго, однако, это съ такимъ добрымъ намѣреніемъ. Веберъ тогда питалъ надежду пристроиться къ здѣшней Оперѣ, и не сталъ бы такъ безмѣрно скромничать, если бы у него уже тогда была отнята всякая надежда остаться въ Берлинѣ. Веберъ оставилъ насъ послѣ третьяго представленія своей оперы, поѣхалъ назадъ въ Дрезденъ, получилъ тамъ блестящее приглашеніе въ Кассель, отклонилъ его, продолжалъ дирижировать дрезденской оперой, былъ тамъ уподобленъ хорошему генералу безъ солдатъ, а теперь уѣхалъ въ Вѣну, гдѣ должна идти его новая комическая опера. Относительно достоинствъ текста и музыки «Фрейшютца» я отсылаю васъ къ большой рецензіи этой оперы профессора Губица въ «Gesellschaftet». Этотъ даровитый и остроумный критикъ имѣетъ ту заслугу, что онъ первый подробно разобралъ романтическія красоты этой оперы и опредѣленнѣйшимъ образомъ предсказалъ ея большіе тріумфы.

Внѣшность Вебера не особенно привлекательна. Маленькій ростъ, плохое сложеніе и длинное лицо безъ особенно пріятныхъ чертъ. Но на этомъ лицѣ широко разлились

осмысленная серьезность, опредѣленная увѣренность и спокойная воля, столь привлекающія насъ въ лицахъ старыхъ нѣмецкихъ мастеровъ. Какую противоположность этому представляетъ внѣшность Спонтини! Высокій ростъ, темные огненные глаза въ глубокихъ впадинахъ, черныя, какъ смоль, кудри, наполовину закрывающія морщинистый лобъ, отчасти грустное, отчасти гордое очертаніе губъ, суровая дикость этого желтоватаго лица, въ которомъ бушевали и еще бушуютъ всевозможныя страсти, вся голова, которая кажется принадлежащею калабрійцу, но, тѣмъ не менѣе, должна быть названа прекрасною и благородною — все это заставляетъ насъ тотчасъ же узнать человѣка, духъ котораго создалъ «Весталку», «Кортеца» и «Олимпію».

Изъ здѣшнихъ композиторовъ я упомяну сейчасъ вслѣдъ за Спонтини нашего Бернарда Клейна, который давно уже прославился нѣсколькими прекрасными произведеніями и чья большая опера «Дидона» ожидается со страстнымъ нетерпѣніемъ всей публикой. Эта опера, по мнѣнію всѣхъ знатоковъ, которымъ композиторъ сообщилъ изъ нея кое-что, содержитъ въ себѣ замѣчательнѣйшія красоты и есть геніальное произведеніе нѣмецкой націи. Музыка Клейна вполнѣ оригинальна. Она совершенно отличается отъ музыки выше названныхъ двухъ мастеровъ, точно такъ же, какъ по сравненію съ ихъ лицами, веселое, пріятное жизнерадостное лицо безмятежнаго жителя береговъ Рейна представляетъ рѣзкую противоположность. Клейнъ—уроженецъ Кёльна и можетъ считаться гордостью своего родного города.

Не могу здѣсь умолчать о Г. А. Шнейдерѣ. Не потому, чтобы я считалъ его за крупнаго композитора, но потому, что онъ, какъ написавшій музыку на «Аукасина и Николетту» Кореффа, былъ съ 26-го февраля до настоящей минуты предметомъ всеобщаго разговора. По крайней мѣрѣ въ теченіе восьми дней не было слышно толковъ ни о чемъ другомъ, какъ о Кореффѣ и Шнейдерѣ, Шнейдерѣ и Кореффѣ. Здѣсь геніальные дилетанты разносили на части музыку; тамъ куча плохихъ поэтовъ разбирали по косточкамъ текстъ. Что касается меня, то эта опера доставила мнѣ необычайное удовольствіе. Меня веселила пестрая сказка, которую такъ мило и такъ дѣтски просто развивалъ талантливый поэтъ; меня забавляла граціозная противоположность серьезнаго запада и веселаго востока, и по мѣрѣ того, какъ причудливо переплетались самые

сказочные образы, во мнѣ шевелился духъ цвѣтущаго романтизма. Въ Берлинѣ представленіе новой оперы всегда невѣроятное событіе, а тутъ еще присоединилось то обстоятельство, что директоръ музыки Шнейдеръ и тайный совѣтникъ, кавалеръ Кореффъ столь извѣстны всякому. Кореффа мы скоро потеряемъ, такъ какъ онъ уже давно готовился въ большое заграничное путешествіе. Для нашего города это потеря, такъ какъ этотъ человѣкъ отличается общественными добродѣтелями, пріятною личностью и широтою образа мыслей.

Что̀ *поютъ* въ Берлинѣ, вы теперь знаете, и я подхожу къ вопросу: что̀ *говорятъ* въ Берлинѣ? Я умышленно говорилъ сначала о пѣніи, такъ какъ убѣжденъ, что люди сначала пѣли, прежде чѣмъ научились говорить, какъ и метрическая рѣчь предшествовала прозѣ. Дѣйствительно, я думаю, что Адамъ и Ева изъяснялись въ любви нѣжными адажіо и бранились речитативами. Къ этимъ послѣднимъ отбивалъ ли Адамъ и тактъ? Вѣроятно. Это отбиваніе такта по традиціи осталось еще у нашей берлинской черни, хотя пѣніе при этомъ вышло изъ употребленія. Точно канарейки щебетали наши предки въ долинахъ Кашемира. Какъ мы съ тѣхъ поръ развились! Дойдутъ ли также и птицы когда-нибудь до разговорной рѣчи? Собаки и свиньи на хорошей дорогѣ; ихъ лай и хрюканье есть переходъ отъ пѣнія къ правильному говору. Первые будутъ говорить на нарѣчіи d'oc, вторые на нарѣчіи d'oil. Медвѣди по части культуры еще далеко отстали отъ насъ, нѣмцевъ, и хотя они и соревнуютъ съ нами въ искусствѣ танцовальномъ, но ихъ рычаніе нельзя назвать языкомъ, если сравнить его съ другими нѣмецкими нарѣчіями. Ослы и овцы однажды уже дошли до умѣнья говорить, имѣли свою классическую литературу, держали прекрасныя рѣчи о чистомъ ослячествѣ въ замкнутомъ баранствѣ, объ идеѣ бараньей головы и о прелести старо-козлинаго элемента. Но какъ это и происходитъ обыкновенно по круговороту вещей, они снова упали въ культурѣ такъ низко, что утратили свой языкъ и лишь сохранили добродушное «і-а» и дѣтски набожное «бэ-э-э».

Какъ же, однако, мнѣ теперь перейти отъ «і-а» длинноухихъ и отъ «бээ» толсторунныхъ къ произведеніямъ сэра Вальтеръ-Скотта? Ибо о нихъ долженъ я говорить теперь, такъ какъ объ этомъ говоритъ весь Берлинъ, такъ какъ они «дѣвичій вѣнокъ» читающей публики, такъ какъ ихъ

повсюду читаютъ, превозносятъ, обсуждаютъ, ругаютъ и снова читаютъ. Отъ графини до швеи, отъ графа до разсыльнаго — всѣ читаютъ романы великаго шотландца; особенно наши чувствительныя дамы. Эти ложатся съ «Вавелеемъ», встаютъ съ «Робиномъ Краснымъ» и цѣлый день держатъ въ рукахъ «Карлика». Особенный фуроръ произвелъ романъ «Кенильвортъ». Такъ какъ здѣсь лишь очень немногіе надѣлены полнымъ знаніемъ англійскаго языка, то большая часть нашего читающаго міра должна пользоваться французскими и нѣмецкими переводами. И въ нихъ нѣтъ недостатка. Послѣдній романъ Вальтеръ-Скотта «Пиратъ» объявленъ сразу въ четырехъ переводахъ. Два издаются здѣсь: г-жи Монтенглаутъ у Шлезингера, и доктора Спикера у Дункера и Гумблота. Третій переводъ — Лотца въ Гамбургѣ, а четвертый будетъ напечатанъ въ карманномъ изданіи братьевъ Шуманъ въ Цвикау. Что при такихъ обстоятельствахъ дѣло не обойдется безъ столкновеній, это можно предвидѣть заранѣе. Г-жа фонъ-Гогенгаузенъ занята теперь переводомъ «Айвенго» Скотта, и отъ отличной переводчицы Байрона мы въ правѣ ожидать отличный переводъ Скотта. Я даже думаю, что послѣдній удастся еще лучше, такъ какъ въ нѣжной и воспріимчивой душѣ прекрасной женщины благочество свѣтлые, неизуродованные образы привѣтливаго шотландца отразятся гораздо яснѣе, чѣмъ мрачныя адскія картины озлобленнаго, больного сердцемъ англичанина. Ни въ какія болѣе прекрасныя и нѣжныя руки не могла попасть прекрасная Ревекка, и чувствительной писательницѣ стоитъ лишь переводить сердцемъ.

Имя Вальтеръ-Скотта было здѣсь недавно чествовано самымъ торжественнымъ образомъ. Во время одного праздника былъ блестящій маскарадъ, на которомъ появилась бо̀льшая часть героевъ романовъ Скотта, въ ихъ характерной внѣшности. Объ этомъ празднествѣ и этихъ фигурахъ здѣсь снова говорили въ теченіе восьми дней. Особенно носились съ тѣмъ обстоятельствомъ, что сынъ Вальтеръ-Скотта, который какъ разъ теперь находится здѣсь, выступилъ на этомъ блестящемъ праздникѣ, одѣтый шотландскимъ горцемъ и, совершенно, какъ того требуетъ костюмъ, босоногимъ, безъ штановъ, только съ передникомъ, спускавшимся до середины ляжекъ. Этотъ молодой человѣкъ, англійскій гусарскій офицеръ, здѣсь очень чествуется и пользуется славой своего отца. Гдѣ же сыновья Шиллера?

Гдѣ сыновья нашихъ великихъ поэтовъ, которые блуждаютъ по свѣту если не безъ штановъ, то, быть-можетъ, безъ рубашки? Гдѣ, наконецъ, сами наши великіе писатели? Тише, тише, это partie honteuse.

Я не хочу быть несправедливымъ и не упомянуть здѣсь о почтеніи, воздаваемомъ въ Берлинѣ имени Гёте—нѣмецкаго поэта, о которомъ здѣсь говорятъ всего болѣе. Но, положа руку на сердце, развѣ не было тонкое, мудрое поведеніе нашего Гёте главною причиною того, что его внѣшнее положеніе такъ блестяще и что онъ въ такихъ широкихъ размѣрахъ пользуется расположеніемъ нашихъ величинъ? Боже избави меня обвинять этого стараго барина въ мелочности характера. Гёте—великій человѣкъ въ шелковомъ сюртукѣ. Самымъ великолѣпнымъ образомъ заявилъ онъ себя еще недавно передъ своими художественно развитыми земляками, которые хотѣли поставить ему въ благородномъ округѣ Франкфурта памятникъ и призывали всю Германію къ денежнымъ пожертвованіямъ. Объ этомъ предметѣ здѣсь удивительно много разсуждали, и «моя малость» написала слѣдующій, удостоенный похвалы, сонетъ:

О вы, германцы! требуйте по праву,
Чтобъ всѣ къ подпискѣ общей поспѣшили!
Граждане Франкфурта теперь рѣшили
Воздвигнуть Гёте памятникъ во славу!

* * *

«Увидятъ всѣ, кто въ ярмаркѣ прибудетъ,—
Такъ мнятъ они:—что земляки мы были,
Что этотъ цвѣтъ въ своемъ навозѣ мы взростили,
И слѣпо намъ въ торговлѣ вѣрить будутъ».

* * *

О, господа купцы! храните деньги смѣло!
Вѣнки отъ васъ поэту не нужны,
И монументъ себѣ воздвигъ онъ самъ.

* * *

Въ грязи пеленокъ былъ онъ близокъ вамъ,
Но нынѣ васъ—о, Франкфурта сыны,—
Васъ міръ отъ Гёте отдѣляетъ цѣлый!..

Какъ извѣстно, великій человѣкъ положилъ конецъ всѣмъ препирательствамъ тѣмъ, что отослалъ обратно своимъ землякамъ дипломъ на франкфуртское бюргерство съ заявленіемъ, что «онъ не франкфуртецъ».

Съ тѣхъ поръ это бюргерское достоинство—говоря по-франкфуртски — понизилось на 99 процентовъ въ своей цѣнѣ, и

франкфуртскіе евреи имѣютъ теперь болѣе надеждъ на такое прекрасное пріобрѣтеніе. Но снова выражаясь по-франкфуртски—развѣ Ротшильды и Бетманы не давно уже стоятъ al pari? Купцы во всемъ мірѣ имѣютъ одну и ту же религію. Его контора есть его храмъ, его письменный столъ—его молитвенный аналой, его разсчетная книга—его библія, его складъ товаровъ—его «святая святыхъ», биржевой колоколъ — его церковный колоколъ, его деньги — его богъ, кредитъ — его вѣра.

Мнѣ представляется здѣсь случай сказать о двухъ новостяхъ: во-первыхъ, о новомъ биржевомъ залѣ, устроенномъ по образцу гамбургскаго и открытомъ нѣсколько недѣль назадъ, а во-вторыхъ, о старомъ, вновь разогрѣтомъ проектѣ обращенія евреевъ. Но я пройду молчаніемъ и то и другое, такъ какъ въ новомъ залѣ я еще не былъ, а евреи слишкомъ печальный предметъ бесѣды. Конечно, подъ конецъ мнѣ придется вернуться къ нимъ, если я буду говорить о ихъ новомъ культѣ, возникшемъ, главнымъ образомъ, въ Берлинѣ. Сейчасъ я это сдѣлать еще не могу, потому что ни разу еще не присутствовалъ на новомъ Моисеевомъ богослуженіи. Не хочу писать также и о новой литургіи, давно уже совершаемой въ соборной церкви и служащей главнымъ предметомъ городскихъ разговоровъ, потому что иначе письмо мое разрастется въ цѣлую книгу. У этой литургіи масса противниковъ. Шлейермахера называютъ, какъ самаго главнаго. Я недавно присутствовалъ на одной его проповѣди, гдѣ онъ говорилъ съ силою Лютера и въ которой не было недостатка въ цвѣтистыхъ нападеніяхъ на литургію. Я долженъ сознаться, что не слишкомъ религіозныя чувства возбуждаются во мнѣ его проповѣдями; но посредствомъ ихъ я чувствуя себя въ лучшемъ смыслѣ слова приподнятымъ, укрѣпленнымъ, ободреннымъ и какъ бы согнаннымъ колкими ударами его словъ съ мягкой перины вялаго индиферентизма. Стоило бы только этому человѣку сбросить съ себя черное пасторское одѣяніе, и передъ нами стоялъ бы жрецъ истины.

Необычайный шумъ надѣлали рѣзкія нападенія на здѣшній богословскій факультетъ въ объявленіи о сочиненіи: «Противъ собранія актовъ де-Ветте» (въ «Vossische Zeitung») и въ возраженіи на заявленіе факультета (тамъ же). Авторомъ этого сочиненія называютъ всѣ Бекендорфа. Изъ-подъ чьего пера вылились это объясненіе и возраженіе, съ точностью неизвѣстно. Одни называютъ Кампца, другіе—самого Бекендорфа, третьи — Клиндворта, четвертые — Бухгольца,

нятые—другихъ лицъ. Руку опытнаго дипломата въ этихъ статьяхъ нельзя не узнать. По слухамъ, Шлейермахеръ работаетъ надъ возраженіемъ, и мощному оратору будетъ легко разбить своихъ противниковъ. Что богословскій факультетъ обязанъ отвѣтить на подобныя нападки, это само собою понятно, и вся публика напряженно ожидаетъ этого крупнаго отвѣта.

Здѣсь съ большимъ напряженіемъ ждутъ двухъ дополнительныхъ томовъ къ «Энциклопедическому Словарю» Брокгауза, по той очень естественной причинѣ, что эти два тома, согласно оглавленію содержанія въ объявленіи, будутъ содержать біографіи множества публичныхъ дѣятелей, которые, живя частью въ Берлинѣ, частью за границей, составляютъ обычный предметъ здѣшнихъ толковъ. Какъ разъ теперь я получилъ первый выпускъ, отъ *А* до *Боми* (вышелъ 1 марта 1822 года), и съ жадностью читаю статьи: Альбрехтъ (тайный совѣтникъ), Алопеусъ, Альтенштейнъ, Ансильонъ, принцъ Августъ (Прусскій) и т. д. Среди именъ, могущихъ заинтересовать тамошнихъ нашихъ друзей, назову: Аккума, Арндта, Бегассе, Бенценберга и Беньо, славнаго француза, который, вопреки своему, возбуждающему ненависть положенію, далъ жителямъ великаго герцогства Бергъ столько прекрасныхъ доказательствъ благороднаго характера, и теперь во Франціи такъ энергически воюетъ за правду и справедливость.

Мѣры, направленныя противъ издательства Брокгауза, все еще въ силѣ. Брокгаузъ былъ здѣсь прошлымъ лѣтомъ и старался уладить свой разладъ съ нашимъ правительствомъ. Его старанія оказались безплодными. Брокгаузъ пріятная личность. Его внѣшняя представительность, его проницательная серьезность и его твердое прямодушіе заставляютъ признать въ немъ человѣка, смотрящаго на науку и на борьбу мнѣній не глазами обыкновеннаго книготорговца.

Греческія событія здѣсь, какъ и вездѣ, старательно обсуждены, и греческій пылъ значительно потухъ. Молодежь восторженнѣе всѣхъ относилась къ Элладѣ; старые, болѣе разсудительные люди покачивали сѣдыми головами. Особенно сильно горѣли и пылали филологи. Грекамъ должно было много помочь то обстоятельство, что наши Тиртеи столь поэтично напоминали имъ про Марафонъ, Саламинъ и Платею. Нашъ профессоръ Цейне, который, по замѣчанію оптика Амуэля, не только носитъ очки, но также умѣетъ и судить о ихъ достоинствѣ, выказалъ въ этомъ особенную

дѣятельность. Капитанъ Фабекъ, который, какъ вы узнали изъ газетъ, отправился, не особенно много распѣвая Тиртеевскія пѣсенки, въ Грецію, совершилъ тамъ, говорятъ, удивительнѣйшіе подвиги и, дабы отдохнуть на лаврахъ, снова вернулся въ Германію.

Теперь положительно извѣстно, что пьеса Клейста «Принцъ Гомбургскій или битва при Фербеллинѣ», не появится на нашей сценѣ и, какъ я слышалъ, потому, что одна благородная дама полагаетъ, что одинъ изъ ея предковъ представленъ тамъ въ неблагородномъ видѣ. Эта пьеса все еще служитъ яблокомъ раздора въ нашихъ эстетическихъ обществахъ. Что касается меня, я стою за то, что она написана какъ бы самимъ геніемъ поэзіи и имѣетъ болѣе достоинствъ, чѣмъ всѣ тѣ фарсы и обстановочныя пьесы, и Гувальдовскія яичницы, которыя намъ ежедневно преподносятъ. «Анна Болэйнъ», трагедія очень талантливаго поэта Гее, находящагося здѣсь въ настоящую минуту, разучивается. Г. Рельштабъ предложилъ нашей дирекціи трагедію, которая будетъ носить заглавіе «Карлъ Смѣлый Бургундскій». Будетъ ли принята эта пьеса, я не знаю.

Много здѣсь болтали по поводу слуха, что у Вильманса во Франкфуртѣ былъ конфискованъ, по распоряженію нашего правительства, новый романъ Гофмана «Meister Floh und seine Gesellen». До правительства дошло, что пятая глава этого романа осмѣиваетъ комиссію, которая производитъ слѣдствіе надъ происками демагоговъ. Что нашему правительству мало дѣла до такихъ насмѣшекъ, оно доказало уже давно, такъ какъ на его глазахъ здѣсь въ Берлинѣ у Реймера была напечатана съ разрѣшенія цензуры «Комета» Жанъ Поля, а какъ вамъ, быть-можетъ, извѣстно, въ предисловіи ко второй части этого романа слѣдственныя комиссіи пропагандъ представлены въ безбожно смѣшномъ видѣ. Но относительно нашего Гофмана существовало, можетъ-быть, и въ самой высшей сферѣ основаніе разсердиться на подобную шутку. Дѣло въ томъ, что по довѣрію короля камергерихтсратъ Гофманъ былъ самъ назначенъ членомъ той слѣдственной комиссіи; ему не слѣдовало по крайней мѣрѣ стараться ослабить ея значеніе несвоевременными шутками и тѣмъ совершить достойную порицанія непристойность. Вслѣдствіе этого Гофманъ теперь привлеченъ къ отвѣтственности. Но «Блоха» будетъ теперь напечатана съ нѣкоторыми измѣненіями. Гофманъ теперь боленъ, у него серьезная носовая болѣзнь. Быть-можетъ, въ

моихъ ближайшихъ письмахъ я напишу подробнѣе объ этомъ писателѣ, котораго слишкомъ люблю и уважаю, чтобы говорить о немъ, щадя его личность.

Г. Савиньи будетъ читать этимъ лѣтомъ «Институты». Клоуны, подвизавшіеся передъ Бранденбургскими воротами, прогорѣли и давно уже уѣхали. Блонденъ здѣсь и будетъ ѣздить верхомъ и прыгать. Отрѣзыватель головъ Шуманъ наполняетъ Берлинъ удивленіемъ и ужасомъ. Но Боско, Боско, Бартоломео Боско должны вы видѣть! Это истый ученикъ Пинетти! Онъ умѣетъ чинить разломанные часы еще быстрѣе, чѣмъ часовщикъ Лабинскій, онъ умѣетъ подтасовывать карты и заставлять танцовать куклы! Жаль, что этотъ парень не изучалъ теологіи. Онъ бывшій итальянскій офицеръ, еще молодъ, мужественный, сильный, носитъ въ обтяжку жакетъ и брюки изъ черной шелковой матеріи и, что самое главное, когда продѣлываетъ свои фокусы, то его руки почти совершенно обнажены. Для женскихъ глазъ, пожалуй, онѣ еще гораздо болѣе назидательны, чѣмъ его фокусы. Онъ дѣйствительно красивый малый, въ этомъ должно сознаться, когда видишь его подвижную фигуру при блескѣ нѣсколькихъ сотенъ длинныхъ восковыхъ свѣчей, стоящихъ, точно сверкающій лѣсъ свѣточей, передъ его длиннымъ столомъ, заставленнымъ причудливыми фокусническими аппаратами. Мѣсто своихъ представленій онъ перенесъ изъ зала Ягора въ «Англійскій Домъ» и все еще имѣетъ счастье привлекать изумительно большое число посѣтителей.

Я говорилъ вчера въ Café Royal съ камермузикусомъ. Онъ разсказалъ мнѣ множество мелкихъ новостей, изъ которыхъ я запомнилъ самое малое количество. Понятно, что большая часть ихъ — изъ музыкальной chronique scandaleuse. 20-го числа экзаменъ у д-ра Штепеля, преподающаго фортепіанную игру и генералъ-басъ по методѣ Ложье. Графъ Брюль скоро совершенно оправится отъ своей болѣзни. Вальтеръ изъ Карлсруэ выступитъ еще въ одномъ новомъ фарсѣ «Свадьба Штаберле». Г-нъ и г-жа Вольфъ гастролируютъ теперь въ Лейпцигѣ и Дрезденѣ. Михаилъ Беръ написалъ въ Италіи новую трагедію «Аррагонскія Невѣсты», а въ Миланѣ ставится теперь новая опера Мейербера. Спонтини пишетъ музыку на «Сафо» Кореффа. Нѣсколько благотворителей хотятъ основать здѣсь пріютъ для бездомныхъ мальчиковъ наподобіе пріюта тайнаго совѣтника Фалька, въ Веймарѣ. Космели издалъ въ книжной торговлѣ Шюппеля

«Невинныя замѣтки о путешествіи черезъ часть Россіи и Турціи», которыя, однако, на самомъ дѣлѣ не совсѣмъ невинны, такъ какъ эта оригинальная голова всюду глядитъ на вещи собственными глазами и видѣнное излагаетъ безъ прикрасъ и свободно. Библіотеки для чтенія будутъ подвергнуты ревизіи со стороны полиціи и должны представить свои каталоги; всѣ вполнѣ неблагопристойныя книги, какъ, напримѣръ, большая часть романовъ Алтинга, А. фонъ-Шадена и т. п. будутъ изъяты. Шаденъ, теперь уѣхавшій въ Прагу, только-что издалъ: «Свѣтъ и тѣни Берлина»— брошюрку, содержащую, говорятъ, много небылицъ и возбуждающую много недовольства. Фабрикантъ Фритше изобрѣлъ новый родъ восковыхъ свѣчей, на треть дешевле обыкновенныхъ. Въ виду ближайшаго выпуска государственныхъ долговыхъ обязательствъ съ преміями, дѣлаются большія дѣла на промессахъ. Одинъ банкирскій домъ Л. Липке и комп. продалъ уже около 1.000 штукъ. Ожидаются Беттигеръ и Тикъ. Остроумная Фанни Тарновъ теперь живетъ здѣсь. Новая «Berliner Monatschrift» съ января прекратилась. Генералъ Мену Менутули прислалъ изъ Италіи профессору Иделеру рукопись своихъ путевыхъ замѣтокъ, для отдачи ее въ печать. Профессоръ Боппъ, лекціи котораго о санскритскомъ языкѣ продолжаютъ имѣть большой успѣхъ, пишетъ теперь большое сочиненіе о всеобщемъ языковѣдѣніи. Около тридцати студентовъ, среди которыхъ много поляковъ, арестованы за демагогическую пропаганду. Шадовъ окончилъ модель статуи Фридриха Великаго. Смерть молодого Шадова въ Римѣ вызвала здѣсь большое участіе. Вильгельмъ Шадовъ, живописецъ, выставилъ недавно прекрасную картину, изображающую принцессу Вильгельмину съ ея дѣтьми. Вильгельмъ Гензель уѣдетъ въ Италію только въ маѣ. Колбе занятъ рисунками на стеклѣ для дворца въ Маріенбургѣ. Шинкель рисуетъ эскизы декорацій для спонтиньевскаго «Мильтона». Это старая одноактная опера, которую здѣсь въ первый разъ поставятъ въ ближайшемъ будущемъ. Скульпторъ Тикъ работаетъ надъ моделью статуи Вѣры, которую помѣстятъ въ одной изъ двухъ нишъ при входѣ въ соборъ. Раухъ все еще занятъ барельефами къ статуѣ Бюлова; эта статуя и уже оконченная—Шарнгорста, будутъ поставлены по обѣ стороны новаго зданія гауптвахты (между университетомъ и цейхгаузомъ). Сословныя работы, повидимому, быстро подвигаются впередъ. Нотабли восточной и западной Пруссіи будутъ распущены нашимъ прави-

тельствомъ на этихъ дняхъ и послѣ этого замѣнены нотаблями нашихъ саксонскихъ провинцій. Нотабли рейнскихъ провинцій, какъ говорятъ, будутъ призваны послѣдними. О переговорахъ нотаблей съ правительствомъ ничего неизвѣстно, такъ какъ они, по слухамъ, дали juramenta silentii. Наши пререканія съ Гессеномъ изъ-за нарушенія территоріальныхъ правъ при похищеніи принцессы въ Боннѣ, кажется, еще не улажены; пущенъ даже слухъ, будто нашъ посланникъ при кассельскомъ дворѣ отозванъ. Здѣсь ожидаютъ новаго саксонскаго посла. Здѣшній португальскій посолъ, графъ Лобрау, окончательно уволенъ своимъ правительствомъ; новый португальскій посолъ ожидается со дня на день. Нашъ прусскій посланникъ въ Португаліи графъ фонъ Флеммингъ, племянникъ государственнаго канцлера все еще здѣсь. Наши посланники при дворахъ саксонскомъ и великогерцогскомъ дармштадтскомъ, фонъ-Іорданъ и баронъ Оттерштедтъ, также еще здѣсь. Новый французскій посолъ ожидается. Много говорятъ о женитьбѣ шведскаго принца Оскара на красивой княжнѣ Элизѣ Радзивиллъ. О бракѣ нашего наслѣднаго принца съ одною нѣмецкой княжной болѣе ничего не слышно. Устраиваются большія празднества по случаю бракосочетанія принцессы Александрины, Спонтини пишетъ къ этому торжеству «Праздникъ розъ въ Кашемирѣ», гдѣ появятся два слона. Асамблеи у министровъ закрыты; единственныя еще продолжающіяся, тѣ, которыя бываютъ по вторникамъ у князя Витгенштейна. Нашъ государственный канцлеръ чувствуетъ себя теперь вполнѣ оправившимся и находится частью здѣсь, частью въ Глиникѣ. Къ ярмаркѣ на Пасхѣ появятся: «Ежегодники прусскихъ королевскихъ университетовъ». Библіотекарь Спикеръ издаетъ праздничную пьесу: «Лалла Рукъ». Великанъ, котораго показывали на Королевской улицѣ теперь на Павлиньемъ островѣ. Девріентъ все еще не совсѣмъ поправился. Буше съ женою концертируютъ въ Вѣнѣ. Новыя оперы Вебера озаглавлены: «Эвріантъ» текстъ Гельмины фонъ-Шези, и «Два Пинтоса», текстъ гофрата Винклера. Бернардъ Ромбергъ здѣсь.

Ахъ, Господи! тяжелое дѣло сообщать новости. Самыя важныя часто не смѣешь передавать, если не можешь за нихъ поручиться. Мелкихъ сплетень также не слѣдуетъ писать, во-первыхъ, потому, что онѣ часто слишкомъ глубоко затрагиваютъ семейныя отношенія, а во-вторыхъ,—и это главное,—потому, что тѣ изъ нихъ, которыя забавны въ Бер-

линѣ, часто скучны и неинтересны для провинціи. Ну, что въ самомъ дѣлѣ за интересъ для дамъ въ Дюльменѣ, если я разскажу, что такая-то танцовщица теперь могла бы говорить въ двойственномъ числѣ, а такой-то лейтенантъ носитъ поразительныя фальшивыя ляжки и икры? Что за дѣло этимъ дамамъ, признаю ли я въ той танцовщицѣ одно или два лица, и считаю ли того лейтенанта состоящимъ на двѣ трети изъ ваты и на одну треть изъ мяса, или же на одну треть изъ ваты и на двѣ трети изъ мяса? Чего ради писать замѣтки о такихъ людяхъ, которыхъ вовсе не слѣдовало бы замѣчать?

Какъ здѣсь жили эту зиму, отгадывается само собою. Это не нуждается ни въ какомъ особомъ описаніи, такъ какъ зимнія развлеченія одинаковы во всѣхъ столицахъ. Оперы, театры, концерты, собранія, балы, чашки чая (какъ dansant, такъ и médisant), небольшіе маскарады, любительскіе спектакли, большіе маскированные балы и т. д.—вотъ каковы наши главныя вечернія занятія зимой. Весьма сильно развита здѣсь общественная жизнь, но она распадается на лоскутья. Рядомъ другъ съ другомъ существуетъ много маленькихъ кружковъ, которые все болѣе стараются замкнуться, чѣмъ расшириться. Достаточно посмотрѣть здѣсь на различные балы; можно подумать, что весь Берлинъ состоитъ изъ отдѣльныхъ цеховъ. Дворъ и министры, дипломатическій корпусъ, штатскіе чиновники, купечество, офицерство и проч. и проч.—всѣ даютъ свои собственные балы, на которыхъ появляются только лица, принадлежащія къ данному кругу. У министровъ и посланниковъ асамблеи суть собственно «чайные вечера», даваемые въ опредѣленные дни недѣли и обращающіеся въ настоящіе балы, смотря по бо́льшему или меньшему стеченію гостей. Всѣ балы высшаго круга стремятся съ бо́льшимъ или меньшимъ успѣхомъ походить на придворные или княжескіе балы; на этихъ послѣднихъ господствуетъ теперь почти во всей образованной Европѣ одинъ и тотъ же тонъ, или, скорѣе, они всѣ устраиваются по образцу баловъ парижскихъ. Поэтому наши здѣшніе балы не имѣютъ ничего характеристическаго; какое бываетъ часто курьезное зрѣлище, когда какой-нибудь лейтенантъ, живущій, быть-можетъ, только своимъ жалованьемъ, или какая-нибудь лавочница-барышня, мозаично разодѣтая въ тряпки и мишуру, фигурируютъ на подобныхъ балахъ съ ужасающе аристократическимъ видомъ, и ихъ трогательно жалкія физіономіи представляютъ, точно въ кукольной комедіи, рѣзкую

противоположность подвязаннымъ къ ихъ пяткамъ церемоннымъ придворнымъ котурнамъ.

Единственный, общій для всѣхъ сословій балъ, именно балы по подпискѣ, или, какъ ихъ называютъ въ шутку, «немаскированные маскарады», даются здѣсь съ нѣкотораго времени въ концертномъ залѣ новаго зданія театра. Король и дворъ удостаиваютъ ихъ своимъ посѣщеніемъ; дворъ обыкновенно открываетъ балъ, и за небольшую входную плату въ немъ можетъ принять участіе всякій приличный человѣкъ. Объ этихъ балахъ и придворныхъ празднествахъ прекрасно говоритъ остроумная и сердечная баронесса Фуке въ своихъ письмахъ о Берлинѣ, которыя я не могу достаточно рекомендовать вамъ, вслѣдствіе господствующей въ нихъ глубины взгляда.

Въ этомъ году эти балы по подпискѣ выходили не такіе блестящіе, какъ въ прошломъ, когда они имѣли еще прелесть новизны. Зато балы у крупныхъ сановниковъ были эту зиму особенно блестящи. Моя квартира находится какъ разъ между отелями князей и министровъ, и я вслѣдствіе этого часто по вечерамъ не могъ работать изъ-за всего этого стука колесъ, топота лошадей и шума. Иногда вся улица бывала запружена экипажами; безчисленные фонари каретъ освѣщали красныя, обшитыя галунами ливреи, сновавшія, крича и ругаясь, между экипажами, а изъ оконъ бель-этажа въ отелѣ, гдѣ гремѣла музыка, лили свой радостный брильянтовый свѣтъ хрустальные канделябры.

Въ этомъ году у насъ было мало снѣга, и вслѣдствіе этого—мало звона санныхъ бубенчиковъ и щелканья бичей. Какъ во всѣхъ большихъ протестантскихъ городахъ, здѣсь главную роль играетъ Рождество. Уже за недѣлю до этого всѣ заняты покупкой рождественскихъ подарковъ. Всѣ модные ювелирные и галантерейные магазины выставляютъ свой лучшій товаръ въ блестящемъ видѣ, какъ наши щеголи—свои научныя познанія; на Дворцовой площади расположено множество деревянныхъ лавочекъ съ галантерейными, игрушечными и хозяйственными товарами; и подвижныя берлинки перепархиваютъ, какъ бабочки, отъ лавки къ лавкѣ, и покупаютъ, и болтаютъ, стрѣляютъ глазками, показываютъ свой вкусъ, и показываютъ самихъ себя слѣдующимъ за ними поклонникамъ. Но настоящимъ образомъ разыгрывается исторія вечеромъ: тутъ видишь нашихъ красавицъ часто съ ихъ цѣлой семьей, съ отцомъ, матерью, теткой, сестренками и братишками, переходящими, точно пилигримы,

изъ одной кондитерской въ другую. Тутъ эти милые люди платятъ свои два гроша за входъ и con amore осматриваютъ «выставку»—множество сахарныхъ или конфетныхъ куколокъ, которыя, будучи гармонически поставлены другъ подлѣ друга, освѣщены со всѣхъ сторонъ и окружены четырьмя перспективно раскрашенными стѣнами, представляютъ очень красивую картинку. Главная соль въ томъ, что эти сахарныя куколки иногда изображаютъ дѣйствительныхъ, всѣмъ извѣстныхъ личностей.

Я перебывалъ во множествѣ этихъ кондитерскихъ, потому что для меня въ высшей степени забавно незамѣтно наблюдать, какъ радуются берлинки, какъ бурно вздымаются отъ восхищенія эти чувствительныя груди, и какъ эти наивныя души благоговѣйно восклицаютъ: «Ахъ, это прекрасно!» У Фукса въ этомъ году были выставлены картины изъ «Лалла-Рука», какими ихъ видѣли въ прошломъ году на извѣстномъ придворномъ празднествѣ во дворцѣ. Мнѣ оказалось невозможнымъ увидѣть у Фукса хоть что-нибудь изъ этихъ прелестей, такъ какъ милыя дамскія головки образовали непроницаемую стѣну передъ четырехугольной картиной. Я не хочу утомлять васъ, мой милый, описаніемъ выставокъ у всѣхъ кондитеровъ. Кригератъ Карлъ Мюхлеръ, котораго считаютъ берлинскимъ корреспондентомъ въ «Elegante Welt», уже написалъ недавно въ этомъ журналѣ такую рецензію.

О публичныхъ балахъ въ залѣ Ягора нельзя сказать ничего особеннаго, кромѣ того, что тамъ имѣется прекрасное постановленіе: всякому, опасающемуся умереть со скуки, совершенно безпрепятственно предоставляется удалиться.

Балы въ зданіи Оперы великолѣпны. Когда они даются, весь партеръ соединяется со сценой, и это образуетъ необъятный залъ, освѣщенный сверху множествомъ овальныхъ лампъ. Эти горящіе круги кажутся почти солнечными системами, встрѣчающимися въ астрономическихъ учебникахъ; они поражаютъ и спутываютъ глаза смотрящаго на нихъ и льютъ свой ослѣпляющій свѣтъ на пеструю, искрящуюся толпу, которая, почти заглушая музыку, колышется взадъ и впередъ по залѣ, приплясывая, и прыгая, и толкаясь. Здѣсь всякій долженъ являться въ маскарадномъ костюмѣ, и никому не позволяется въ большомъ танцовальномъ залѣ снимать съ лица маску. Не знаю, однако, въ какихъ городахъ это принято. Только въ коридорахъ и въ ложахъ перваго и второго яруса можно снимать маску. Низшій

классъ народа платитъ небольшую входную плату и можетъ смотрѣть на всѣ эти прелести съ галлереи. Въ большой королевской ложѣ сидятъ придворные, большею частью безъ масокъ; по временамъ нѣкоторыя изъ этихъ лицъ спускаются внизъ, въ залъ, и смѣшиваются съ шумящей толпой. Эта послѣдняя состоитъ изъ лицъ всѣхъ сословій. Здѣсь трудно различить, графъ ли этотъ субъектъ, или подмастерье портного; это легко было бы сдѣлать по лицу, но отнюдь не по костюму! Почти всѣ мужчины одѣты въ простое шелковое домино и носятъ длинныя складныя шляпы. Это легко объясняется эгоизмомъ жителей большого города. Каждый здѣсь хочетъ позабавиться и не служить, въ качествѣ характерной маски, забавой другимъ. Дамы по той же причинѣ замаскированы совершенно просто, большею частью летучими мышами. Множество femmes entretenues и жрицъ обыкновенной Венеры порхаетъ въ этомъ видѣ взадъ и впередъ и завязываетъ доходныя интриги. «Я тебя знаю»,— шепчетъ здѣсь одна изъ такихъ мелькающихъ. «И я тебя знаю»,—слышится въ отвѣтъ. «Je te connais, beau masque»,— кричитъ тамъ летучая мышь молодому распутнику. «Si tu me connais, ma belle, tu n'es pas grande chose»,—отрѣзываетъ громко злодѣй, и обиженная донна исчезаетъ, какъ вѣтеръ.

Но не все ли равно, кто тамъ подъ маской? Хочется повеселиться, а для веселья нужны только люди. И настоящимъ человѣкомъ ты становишься впервые именно въ маскарадѣ, гдѣ восковая маска прикрываетъ нашу обыкновенную тѣлесную маску, гдѣ простое «ты» возстановляетъ первобытную общественную интимность, гдѣ укрывающее всякія претензіи домино устанавливаетъ прекраснѣйшее равенство, и гдѣ царитъ прекраснѣйшая свобода—свобода замаскированнаго. Для меня публичный маскарадъ представляетъ всегда нѣчто въ высшей степени забавное; когда загремятъ литавры и затрубятъ трубы, а между ними заманчиво зазвучатъ милые голоса флейтъ и скрипокъ, тогда я бросаюсь, какъ безумный пловецъ, въ бурлящій, пестро освѣщенный потокъ толпы, и танцую, и бѣгаю, и шучу, и каждаго дразню, и смѣюсь, и болтаю все, что̀ взбредетъ въ голову. На послѣднемъ маскарадѣ я былъ особенно веселъ, я былъ бы готовъ ходить на головѣ, и встрѣться мнѣ на пути мой смертельный врагъ, я бы ему сказалъ: «завтра мы можемъ съ тобой стрѣляться, но сегодня я тебя расцѣлую отъ всей души». Чистѣйшее веселье есть любовь, Богъ есть любовь,

Богъ есть чистѣйшая радость. «Tu es beau! tu es charmante! tu es l'objet de ma flamme! je t'adore, ma belle!» — таковы были слова, которыя сотню разъ невольно повторяли мои губы. И всѣмъ людямъ жалъ я руку, и передъ всѣми красиво снималъ шляпу, и всѣ люди были въ такой же степени вѣжливы по отношенію ко мнѣ. Только одинъ нѣмецкій юноша оказался грубымъ и ругался по поводу моихъ восклицаній на языкѣ западнаго Вавилона, и гремѣлъ древнетевтонскимъ пивнымъ басомъ: «На нѣмецкомъ маскарадѣ долженъ нѣмецъ говорить по-нѣмецки!» О, нѣмецкій юноша, сколь грѣшными и пошлыми я нахожу тебя и твои слова въ такія минуты, когда моя душа любовно обнимаетъ весь міръ, когда я съ ликованіемъ прижималъ бы къ груди русскихъ и турокъ, когда я со слезами припалъ бы на братскую грудь закованнаго африканца! Я люблю Германію и нѣмцевъ; но не менѣе ихъ люблю я жителей и остальной части земли, число которыхъ въ сорокъ разъ болѣе числа всѣхъ нѣмцевъ. Любовь придаетъ человѣку его цѣну. Хвала Господу! Я въ такомъ случаѣ стою въ сорокъ разъ болѣе, чѣмъ тѣ, которые не могутъ вылѣзти изъ болота національнаго себялюбія и любятъ лишь Германію и нѣмцевъ.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ.

Берлинъ, 7-го іюня 1822 года.

Я только-что надѣлъ мой парадный кафтанъ, черные шелковые панталоны и такіе же чулки, и торжественно докладываю вамъ:

О высокомъ бракосочетаніи ея королевскаго высочества принцессы Александрины съ его королевскимъ высочествомъ наслѣднымъ герцогомъ Мекленбургъ-Шверинскимъ.

Подробное описаніе свадебныхъ торжествъ вы, конечно, уже прочли въ Фоссовой или Гауде-Шпенеровой газетѣ, и то, что я имѣю сказать о нихъ, будетъ поэтому весьма коротко. Но существуетъ еще другая важная причина, по которой я мало говорю объ этихъ торжествахъ, и причина та, что я изъ нихъ видѣлъ дѣйствительно весьма немногое. Такъ какъ я часто передаю болѣе духъ событія, чѣмъ само событіе, то этотъ пробѣлъ не имѣетъ большого значенія. Да я и недостаточно готовился къ собиранію многихъ свѣдѣній. Правда, уже давно было рѣшено, что бракосочетаніе этихъ высокихъ особъ совершится 25-го числа. Но распро-

странился слухъ, что оно будетъ отложено на нѣкоторое время, и дѣйствительно, въ пятницу, 24-го, я еще не хотѣлъ вполнѣ вѣрить, что вѣнчаніе состоится уже на слѣдующій день. Многіе были того же мнѣнія. Утромъ въ субботу на улицахъ еще не было большого оживленія. Но на лицахъ выражались суетливость и таинственное ожиданіе. Всюду бѣгающая прислуга, парикмахеры, коробки, модистки и т. д. День хорошій, не слишкомъ душный; но люди потѣли. Къ шести часамъ начался грохотъ экипажей.

Я не аристократъ, не высокопоставленный сановникъ, не офицеръ—слѣдовательно я не принятъ ко двору и не могъ присутствовать въ самомъ дворцѣ на свадебномъ торжествѣ. Тѣмъ не менѣе, я отправился къ дворцу, чтобы, по крайней мѣрѣ, поглядѣть на весь придворный персоналъ. Я еще никогда не видывалъ такого сборища великолѣпныхъ экипажей. Лакеи были въ своихъ лучшихъ ливреяхъ, и въ своихъ крикливо яркихъ кафтанахъ и короткихъ панталонахъ съ бѣлыми чулками были похожи на голландскіе тюльпаны. У многихъ изъ нихъ было на тѣлѣ больше золота и серебра, чѣмъ на всемъ домашнемъ персоналѣ сѣверо-американскаго бургомистра. Но пальма первенства принадлежитъ кучеру герцога Кумберландскаго. Право, изъ-за того только, чтобы посмотрѣть, какъ парадируетъ этотъ цвѣтъ кучеровъ на своихъ козлахъ, стоитъ съѣздить въ Берлинъ. Что Соломонъ въ его царственной пышности, что Гарунъ-аль-Рашидъ въ его калифскомъ нарядѣ, что даже тріумфальный слонъ въ «Олимпіи» въ сравненіи съ великолѣпіемъ этого великолѣпнаго! Уже въ менѣе торжественные дни онъ импонируетъ своею чисто китайскою фарфорностью, маятникообразными движеніями своей напудренной, снабженной тяжелою косою и прикрытой треугольною шляпенкою головы, и при этомъ, изумительной подвижностью своихъ рукъ при управленіи лошадьми. Но сегодня онъ былъ одѣтъ въ пурпурно-красный костюмъ, наполовину фракъ, наполовину сюртукъ, панталоны такого же цвѣта, и все это выложенное широкими золотыми тесьмами. Его благородная голова, до бѣла напудренная и украшенная нечеловѣчески большимъ пукомъ черныхъ волосъ въ кошелькѣ сзади, была покрыта черной бархатной шапочкой съ длиннымъ козырькомъ. Точно такимъ же образомъ были одѣты четыре лакея, стоявшіе на запяткахъ кареты, крѣпко державшіеся другъ за друга въ братскомъ объятіи и по-

казывавшіе глазѣющей публикѣ четыре болтающихся кошелька съ спрятанными въ нихъ волосами. Но у него на лицѣ обычное достоинство властелина. Онъ управлялъ шестеркой лошадей придворной кареты, натягивалъ вожжи, «и быстро мчались кони».

Во дворѣ дворца было страшное скопленіе народа. Да, нечего сказать, берлинки не страдаютъ любопытствомъ! Самыя нѣжныя дѣвушки надавали мнѣ такихъ тумаковъ въ бока, что я ихъ чувствую до сихъ поръ. Счастье, что я не беременная женщина. Я, однако, добросовѣстно протолкался и счастливо достигъ подъѣзда дворца. Осаживавшій публику полицейскій меня пропустилъ, потому что на мнѣ былъ черный сюртукъ и потому что онъ отлично понялъ по моей наружности, что окна моей квартиры занавѣшены красными шелковыми гардинами. Теперь я могъ отлично видѣть, какъ выходили изъ каретъ высокопоставленные мужчины и дамы, и меня очень занимали важные придворные костюмы и придворныя физіономіи. Первыхъ не могу описать, такъ какъ я въ слишкомъ малой степени портняжный геній, а вторыхъ описывать не хочу по соображеніямъ о городской гауптвахтѣ. Двѣ стоявшихъ возлѣ меня красивыхъ берлинки съ энтузіазмомъ дивились прекраснымъ брильянтамъ, и золотымъ украшеніямъ, и цвѣтамъ, и газу, и атласу, и длиннымъ шлейфамъ, и прическамъ. Я же, напротивъ, еще болѣе дивился прекраснымъ глазамъ этихъ прекрасныхъ энтузіастокъ и былъ нѣсколько раздосадованъ, когда меня сзади кто-то дружелюбно ударилъ по плечу, и передо мною засіяло краснощекое личико камермузикуса.

Онъ былъ въ совершенно особенномъ оживленіи и прыгалъ, какъ лягушка. «Carissime,—заквакалъ онъ:—видите ли вы тамъ прелестную графиню? Стройна, какъ кипарисъ, локоны—гіацинты, ротикъ—одновременно и роза, и соловей, вся она—цвѣтокъ, и стоитъ она тамъ между своими двумя сѣдыми тетками, какъ бѣдный цвѣтокъ, сжатый между двумя листами пропускной бумаги. Ея супругъ, потребляющій подобные цвѣты вмѣсто чертополоха, чтобы заставить насъ думать, что онъ не оселъ, долженъ былъ сегодня остаться дома, у него насморкъ, онъ лежитъ на софѣ, мнѣ пришлось съ нимъ бесѣдовать, мы два часа болтали о новой литургіи, и мой языкъ сталъ порядочно тоньше отъ безконечной болтовни, и губы болятъ у меня отъ безпрестаннаго улыбанья». При этихъ словахъ губы камермузикуса вытянулись въ кислосладкую улыбку, которую онъ тотчасъ слиз-

нулъ тонкимъ языкомъ, и затѣмъ внезапно воскликнулъ: «Литургія! литургія! Она полетитъ на крыльяхъ Краснаго Орла третьяго класса отъ одной колокольни къ другой, jusqu'à la tour de Notre Dame!.. Но поговоримъ о чемъ-нибудь разумномъ... Поглядите на двухъ разряженныхъ господъ, которые только-что подъѣхали. У одного расплюснутое маринованное личико, тонкая головенка съ мягкими хлопчатобумажными мыслями, пестро-распитый жилетъ, парадная шпага, шелковыя бѣлыя улыбающіяся ножонки, и говоритъ онъ по-французски, и если перевести это на нѣмецкій языкъ, то выйдетъ глупость. Напротивъ, другой, тотъ, что высокаго роста съ усами, титанъ, стремящійся ниспровергнуть всѣ балдахины!—бьюсь объ закладъ, онъ уменъ, какъ Аполлонъ Бельведерскій». Чтобы навести моего резонера на другія мысли, я ему указалъ на моего цырюльника, стоявшаго противъ насъ и надѣвшаго по этому случаю новый древне-германскій сюртукъ. Лицо камермузикуса стало вишнево-краснымъ, и онъ заскрежеталъ зубами: «О, великій Маратъ! Такая сволочь хочетъ разыгрывать героя свободы! О, Дантонъ, Калло д'Эрбуа, Робеспьеръ!..» Напрасно я сталъ напѣвать ему пѣсенку:

Eine feste Burg, o lieber Gott,
Ist Spandau и т. д.

Напрасно! я еще ухудшилъ дѣло; мой собесѣдникъ увлекся своими старыми революціонными разсказами и ни о чемъ другомъ не болталъ, какъ о гильотинахъ, фонаряхъ, сентябрьскихъ убійствахъ—до тѣхъ поръ, пока на мое счастье мнѣ не вспомнилась его потѣшная боязнь пороха, и я сказалъ ему: «Знаете, что сейчасъ въ Лустгартенѣ выпалятъ изъ двѣнадцати пушекъ?» Едва я произнесъ эти слова, какъ камермузикусъ исчезъ.

Я стеръ съ лица холодный потъ, освободившись отъ этого молодца, посмотрѣлъ еще на послѣднихъ, выходившихъ изъ экипажей, съ привѣтливой улыбкой поклонился моимъ прекраснымъ сосѣдкамъ и отправился въ Лустгартенъ. Тамъ дѣйствительно стояло двѣнадцать пушекъ, изъ которыхъ должны были дать три залпа въ тотъ моментъ, когда княжеская чета будетъ обмѣниваться кольцами. Въ одномъ изъ оконъ дворца стоялъ офицеръ, долженствовавшій дать сигналъ этимъ выстрѣламъ въ Лустгартенѣ. Тутъ собралась цѣлая толпа народа. На лицахъ можно было прочесть совершенно особенныя, почти противорѣчащія другъ другу мысли.

Одну изъ прекраснѣйшихъ чертъ характера берлинцевъ

составляетъ ихъ неописуемая любовь къ королю и королевскому дому. Принцы и принцессы служатъ здѣсь главнымъ предметомъ разговоровъ въ самыхъ мелкихъ бюргерскихъ домахъ. Истинный берлинецъ иначе никогда не выразится, какъ «наша» Шарлотта, «наша» Александрина, «нашъ» принцъ Карлъ и т. д. Берлинецъ какъ бы живетъ среди королевской семьи, всѣ члены ея какъ бы его хорошіе знакомые, онъ знаетъ особенности характера каждаго, и постоянно восхищенъ, если откроетъ въ немъ новыя прекрасныя стороны. Такъ, напримѣръ, берлинцы знаютъ, что кронпринцъ очень остроуменъ, и поэтому каждая удачная острота тотчасъ же пускается въ ходъ подъ именемъ остроты кронпринца, и единому Геркулесу, обладающему палицею остроумія, приписываются остроты всѣхъ прочихъ Геркулесовъ. Такимъ образомъ, вы можете себѣ представить, какъ сильно здѣсь должна быть любима народомъ прекрасная, сіяющая Александрина; и этою любовью вы можете также объяснить противорѣчивое выраженіе, которое было написано на лицахъ берлинцевъ, когда они, полные ожиданія, глядѣли на высокія окна дворца, гдѣ вѣнчалась наша Александрина. Огорченія они не могли высказывать, такъ какъ вѣдь это былъ праздникъ любимой принцессы. Но и радоваться отъ души они также не могли, такъ какъ они теряли ее. Возлѣ меня стояла старушка, на лицѣ которой читалось: «Правда, теперь я ее выдала замужъ, но теперь она и покидаетъ меня». На лицѣ моего юнаго сосѣда было написано: «Быть герцогиней Мекленбургской—это вѣдь не такъ еще много, какъ быть королевой всѣхъ сердецъ, чѣмъ и была она здѣсь». На алыхъ губкахъ одной красивой брюнетки я прочелъ: «Ахъ, кабы до меня очередь дошла!...» Но тутъ вдругъ загремѣли пушки, дамы вздрогнули, зазвонили колокола, поднялись облака пыли и дыма, мальчишки стали кричать, толпа направилась по домамъ, а кроваво-красное солнце закатилось за Монбижу.

Особенно интересны свадебныя празднества не были. На слѣдующій день послѣ вѣнчанія новобрачные присутствовали на богослуженіи въ соборной церкви. Они ѣхали въ запряженной восьмеркой лошадей золотой каретѣ съ большими зеркальными окнами, и на нихъ глазѣла огромная толпа. Если не ошибаюсь, въ этотъ день лакеи были безъ привязныхъ пуковъ волосъ сзади. Вечеромъ состоялись поздравленія, а затѣмъ балъ въ бѣлой залѣ. 27-го былъ обѣдъ въ рыцарской залѣ, а вечеромъ всѣ высокія и вы-

сочайшія особы отправились въ оперный театръ, гдѣ давалась нарочно написанная къ этому празднеству опера Спонтини: «Нурмаалъ, или праздникъ розъ въ Кашемирѣ». Большинству публики стоило большого труда добыть билеты на эту оперу. Я получилъ одинъ билетъ въ подарокъ, но не пошелъ туда. Правда, пойти слѣдовало, чтобъ вамъ сообщить объ этомъ представленіи. Но не думаете ли вы, что я долженъ жертвовать собою для моихъ корреспонденцій? Съ ужасомъ я еще думаю объ «Олимпіи», которую недавно долженъ былъ смотрѣть вторично по особымъ причинамъ и съ которой выбрался почти съ разбитыми членами. Но я отправился къ моему камермузикусу и спросилъ его, что есть особеннаго въ этой новой оперѣ? Онъ отвѣчалъ: «Лучшее въ ней то, что нѣтъ ни одного выстрѣла». Но въ этомъ отношеніи я не могу довѣриться камермузикусу, такъ какъ, во-первыхъ, онъ тоже композиторъ и, по его мнѣнію, сочиняетъ лучше Спонтини, а во-вторыхъ, его убѣдили, будто послѣдній собирается писать оперу съ обязательными пушечными выстрѣлами. Но вообще о «Нурмаалѣ» не говорятъ много хорошаго. Шедевромъ онъ не будетъ. Спонтини вклеилъ туда много отрывковъ изъ своихъ прежнихъ оперъ.

Отъ этого, правда, въ оперѣ есть очень хорошія мѣста, но цѣлое имѣетъ видъ чего-то заплатаннаго и лишено той послѣдовательности и того единства, которыя составляютъ главное достоинство прочихъ спонтиніевскихъ оперъ. Высокіе новобрачные были встрѣчены всеобщимъ ликованіемъ. Роскошь, съ которой обставлена опера Спонтини, говорятъ, ни съ чѣмъ несравнима. Декораторъ и театральный портной превзошли самихъ себя. Либретто написано театральнымъ поэтомъ, слѣдовательно должно быть хорошо! Слоновъ не появляется вовсе. «Правительственная Газета» отъ 4-го іюня порицаетъ одну статью «Магдебургской Газеты», гдѣ было напечатано, что въ новой оперѣ появятся два слона, и замѣчаетъ съ Шекспировскимъ остроуміемъ: «Слышно, что эти слоны еще находятся въ Магдебургѣ». Если «Магдебургская Газета» заимствовала это извѣстіе изъ *моего* второго письма, то я, сожалѣю съ глубокой сердечной скорбью, что я несчастный, навлекъ на нее эту молнію остроумія. Я отрекаюсь теперь отъ этого сообщенія, и притомъ съ такими покорными и скорбными жестами, что «Правительственной Газетѣ» слѣдуетъ проливать слезы умиленія. Вообще объявляю разъ навсегда, что я готовъ отречься отъ

всего, что отъ меня потребуютъ, лишь бы это мнѣ не стоило большого труда. Что въ «Праздникѣ розъ» должны были появиться два слона, это я дѣйствительно слышалъ. Послѣ этого мнѣ говорили, что это будутъ два верблюда, потомъ, будто не верблюды, а два студента, и наконецъ, что тутъ должны появиться два ангела невинности. 28-го былъ свадебный маскарадъ. Уже въ половинѣ девятаго маски съѣзжались къ зданію оперы. Въ предыдущемъ письмѣ я описалъ одинъ изъ здѣшнихъ маскарадовъ. На этотъ разъ онъ отличался только тѣмъ, что вовсе не допускались черныя домино, что всѣ присутствовавшіе были въ башмакахъ, что въ часъ ночи въ залѣ всѣ могли снять маски, и что входные билеты и прохладительные напитки раздавались даромъ. Послѣднее было, конечно, самое важное. Не носи я въ груди твердой вѣры въ то, что берлинцы—образецъ воспитанности и тонкаго обращенія и по справедливости взираютъ презрительно на неотесанность моихъ земляковъ; не убѣдись я при многихъ случаяхъ, что бѣднѣйшій берлинецъ дошелъ до большого умѣнія прилично переносить муки голода и выучился мастерски втискивать вопіющій желудокъ въ формы высшихъ правилъ приличія, — то я весьма легко могъ бы составить себѣ неблагопріятное мнѣніе о здѣшней публикѣ, видя на этомъ маскарадѣ, какъ она обступила буфетъ стѣною въ шесть человѣкъ вышины, вливала себѣ въ пасть стаканъ за стаканомъ, набивала себѣ желудокъ пирожнымъ, и все это съ неграціозной жадностью и героической настойчивостью, такъ что обыкновенному смертному было почти невозможно продраться черезъ эту буфетную фалангу, чтобы стаканомъ лимонада освѣжиться отъ той духоты, которая царила въ залѣ. Король и весь дворъ присутствовали на этомъ маскарадѣ. Видъ новобрачной приводилъ въ восторгъ всѣхъ присутствовавшихъ. Она блистала болѣе своей любезностью, чѣмъ богатыми брильянтовыми украшеніями. Нашъ король былъ въ темно-голубоватомъ домино. Принцы были большею частью въ древне-испанскомъ и рыцарскомъ костюмѣ.

Я давно замѣтилъ, что порядкомъ, въ которомъ я вамъ сообщаю здѣшнія событія, руководитъ исключительно мое расположеніе духа въ данную минуту, а не хронологическая послѣдовательность. Если бы я придерживался этой послѣдней, то долженъ бы былъ начать мое письмо съ юбилея тайнаго совѣтника Гейма. Изъ газетъ вы достаточно узнали, какъ здѣсь чествовали этого заслуженнаго врача. Цѣлыхъ

два дня говорилось объ этомъ въ Берлинѣ, а это много значитъ. Повсюду разсказывались анекдоты изъ жизни Гейма, изъ которыхъ иные въ высшей степени забавны. Самымъ потѣшнымъ изъ нихъ кажется мнѣ разсказъ о томъ, какъ онъ мистифицировалъ своего кучера, когда тотъ заявилъ ему однажды, что онъ уже достаточно долго возилъ своего барина, что хочетъ теперь самъ стать врачомъ и выучиться медицинѣ. Было также много и другихъ служебныхъ юбилеевъ, и у Ягора то и дѣло хлопали пробки бутылокъ шампанскаго. Вообще не успѣешь оглянуться—какъ ужъ такой-то и такой-то выслужили свои пятьдесятъ лѣтъ. Это происходитъ отъ климата. Одна служанка также справляла свой юбилей, и въ газетѣ «Elegant» можно прочесть, какъ юбилярша была чествована и воспѣта. Даже одна матрона изъ улицы Невинности, какъ я слышалъ вчера, праздновала свой юбилей. Ее увѣнчали розами и лиліями; одинъ чувствительный портупей-юнкеръ поднесъ ей сонетъ совершенно въ духѣ обычной юбилейной поэзіи, гдѣ риѳмуютъ вожделѣніе, влеченіе, треніе, столкновеніе, а двѣнадцать дѣвицъ поютъ:

«О мой мечъ! Что означаетъ,
Что онъ ярко такъ блистаетъ?» и т. д.

Вы видите, что стихотворенія Теодора Кернера все еще распѣваются. Правда, не въ кружкахъ хорошаго вкуса, гдѣ уже открыто признали за особое счастье, что въ 1814 году французы не понимали по-нѣмецки и не могли читать тѣ безцвѣтные, пошлые, плоскіе, лишенные поэзіи стихи, которые приводили въ такой энтузіазмъ насъ, добрыхъ нѣмцевъ. Но эти пѣсни освобожденія еще часто декламируются и поются въ тѣхъ чувствительныхъ компаніяхъ, гдѣ зимою грѣются у невиннаго огонька горящей соломы, потрескивающей въ этихъ патріотическихъ пѣсняхъ, и подобно тому, какъ старый бѣлый конь Великаго Фридриха снова молодецки становился на дыбы и продѣлывалъ весь маневръ, заслышавъ звукъ трубы, такъ пробуждаются высокія чувства во многихъ берлинкахъ, когда онѣ заслышатъ пѣсню Кернера; онѣ граціозно прижимаютъ руку къ груди, испускаютъ бездонный вздохъ блаженства, мужественно подымаются, какъ Іоганна фонъ-Монфоконъ, и говорятъ: «Я нѣмецкая дѣвственница».

Я замѣчаю, мой милый, что вы кисловато смотрите на меня изъ-за того горькаго насмѣшливаго тона, съ какимъ я иногда говорю о вещахъ, которыя другимъ людямъ до-

роги и должны быть дорогими. Но я не могу иначе. Моя душа слишкомъ пылаетъ любовью къ истинной свободѣ, чтобы я могъ не сердиться, смотря на нашихъ карликообразныхъ, широко разглагольствующихъ героевъ свободы, въ ихъ сѣренькомъ убожествѣ; въ моей душѣ еще слишкомъ сильны любовь къ Германіи и уваженіе къ германскому величію, чтобы я могъ вторить безсмысленному пустословію тѣхъ коцеечныхъ людишекъ, которые кокетничаютъ съ нѣмечничествомъ; и порою пробуждается во мнѣ почти судорожное желаніе—сорвать смѣлой рукою кажущуюся святость съ головы старой лжи и дернуть самого льва за шкуру—потому, что я подозрѣваю скрытаго подъ нею осла.

О театрѣ я вамъ и на этотъ разъ напишу немного. Комикъ Вальтеръ имѣлъ здѣсь нѣкоторый успѣхъ; что касается меня, то мнѣ его юморъ не по вкусу. Напротивъ того, меня дѣйствительно восхитилъ Лебренъ изъ Гамбурга, давшій здѣсь недавно нѣсколько гастролей. Онъ одинъ изъ лучшихъ нашихъ нѣмецкихъ комиковъ, никому не превзойти его въ веселыхъ роляхъ, и онъ вполнѣ заслуживаетъ воздаваемыя ему здѣсь всѣми знатоками похвалы. Карлъ Августъ Лебренъ какъ бы рожденъ актеромъ, природа надѣлила его въ полной мѣрѣ всѣми талантами, необходимыми въ этой области, а искусство разработало ихъ. Но что же мнѣ сказать о г-жѣ Нейманъ, околдовывающей всѣхъ берлинцевъ и даже рецензентовъ? Чего только не сдѣлаетъ хорошенькое личико!

Еще счастье, что я близорукъ; а то эта Цирцея обратила бы и меня такъ же въ сѣренькое животное, какъ она это сдѣлала съ однимъ моимъ пріятелемъ. У этого несчастнаго теперь такія длинныя уши, что одно высовывается въ «Газетѣ Фосса» а другое въ «Газетѣ Гауде и Шпенера». Нѣкоторыхъ юнцовъ эта дама уже свела съ ума; одинъ изъ нихъ уже зараженъ водобоязнью и болѣе не пишетъ стиховъ. Каждый чувствуетъ себя счастливымъ, если можетъ поближе подойти къ прекрасной женщинѣ. Одинъ гимназистъ платонически влюбился въ нее и преподнесъ ей каллиграфическій образецъ своего писанія. Ея мужъ также актеръ и блисталъ, какъ клеенка, въ «Cabiljau und Hiebe». Вѣроятно, добрую женщину утомляютъ частыя посѣщенія ея поклонниковъ. Разсказываютъ, что одинъ больной человѣкъ, жившій рядомъ съ ней, не имѣлъ ни минуты покоя отъ лицъ, ежеминутно врывавшихся въ его комнату и спрашивавшихъ: «здѣсь живетъ мадамъ Нейманъ?», такъ что, на-

конецъ, онъ написалъ на своей двери: «Здѣсь мадамъ Нейманъ *не* живетъ».

Прелестную женщину даже отлили изъ металла, и продаютъ маленькія металлическія медали, гдѣ отчеканенъ ея портретъ. Да, энтузіазмъ къ г-жѣ Нейманъ свирѣпствуетъ здѣсь, какъ скотскій падежъ. Пока я пишу эти строки, я самъ чувствую ея вліяніе. У меня въ ушахъ все еще звучатъ воодушевленныя слова, которыя вчера произносилъ въ честь ея одинъ сѣдовласый старецъ. Вѣдь и Гомеръ не могъ ничѣмъ инымъ изобразить красоту Елены такъ сильно, какъ разсказомъ, что старцы при видѣ ея приходили въ восхищеніе! За красавицей ухаживаетъ также очень много медиковъ, и здѣсь ее называютъ въ шутку «Венерой Медицинской». Но для чего я такъ много разсказываю? Вы, конечно, читали наши театральныя рецензіи и замѣтили, что тамъ неизмѣнно слышенъ одинъ и тотъ же размѣръ, и именно размѣръ сафической оды къ Венерѣ. Да, она Венера... Вчера красавица играла въ новой комедіи Клауренса «Женихъ изъ Мексики». Въ этой пьесѣ проявляется самымъ грандіознымъ образомъ легкая, оригинальная, почти сказочная веселость, которая должна нравиться каждому любителю хорошаго расположенія духа. И пьеса дѣйствительно весьма понравилась, какъ и вообще все, выходящее изъ-подъ пера этого писателя, пользуется здѣсь изумительнымъ успѣхомъ. Его сочиненія имѣютъ много противниковъ, но несмотря на это, выдерживаютъ одно изданіе за другимъ.

На Александровской площади строится народный театръ. Одинъ господинъ, по фамиліи Церфъ, взялъ на то привилегію, но потомъ уступилъ ее другому лицу, за что получилъ отступныхъ 3.000 талеровъ въ годъ. Вести дѣло взялся бывшій актеръ Бетманъ. Какъ я слышалъ, управленіе литературной частью въ этомъ театрѣ предложено проф. Губицу. Было бы желательно, чтобы онъ взялся за это дѣло, такъ какъ очень близко знаетъ сцену и ея экономическую часть, а вмѣстѣ съ тѣмъ знаменитъ, какъ драматургъ, критикъ и знатокъ по части живописи и, благодаря этой многосторонности, соединяетъ въ себѣ все необходимое для такого управленія. Но сомнѣваются, приметъ ли онъ это предложеніе, такъ какъ у него слишкомъ много отнимаетъ времени редактированіе «Gesellschafter», для котораго онъ живетъ тѣломъ и душой. Журналъ этотъ очень распространенъ, онъ расходится, кажется, въ количествѣ 1.500 экземпляровъ, читается здѣсь съ изумительно большимъ интере-

сомъ и можетъ быть по праву названъ самымъ лучшимъ и содержательнымъ во всей Германіи. Губицъ редактируетъ его съ такимъ рвеніемъ и такою добросовѣстностью, которыя часто граничатъ съ боязливостью. Именно, онъ слишкомъ уже требователенъ въ своемъ пристрастіи къ корректности и благопристойности. Но не воображайте себѣ здѣсь педанта. Это человѣкъ въ лучшемъ возрастѣ, прямой, жизнерадостный, до энтузіазма преданный всему прекрасному, и въ личности его тоже живетъ тотъ веселый, анакреоновскій духъ, который такъ характерно выступаетъ въ его поэтическихъ произведеніяхъ. Недавно появился у насъ еще одинъ еженедѣльный журналъ, подъ названіемъ «Kuriositäten und Raritäten»; онъ редактируется лейтенантомъ Лейтгольдомъ, недавно издавшимъ описаніе своего путешествія въ Бразилію, распространенъ среди народа и имѣетъ наивный эпиграфъ. Лучшія народныя газеты здѣсь «Beobachter an der Spree» и «Der märkische Bote». Послѣдній болѣе для развитого класса. Я съ удивленіемъ нашелъ, что часть моего второго письма перепечатана тамъ изъ «Anzeiger». Хотя я признателенъ за такую честь и за добавленную тутъ же похвалу, но я бы попалъ изъ-за этого чуть ли не въ большое несчастіе, если бы здѣшняя галантная цензура не вычеркнула того, что я говорю о берлинкахъ. Прочти это описаніе эти ангелы—въ мою голову полетѣли бы десятками корзиночки изъ-подъ цвѣтовъ. Однако, я и въ этомъ случаѣ не отправился бы на «Собачій мостъ»; прелестная дѣвица-Фортуна давно дала мнѣ такую желѣзную корзину, что я едва бы могъ наполнить ее корзиночками всѣхъ дамъ изъ города на Шпре. «Подъ Липами», въ домѣ № 24, показывается за восемь грошей весьма рѣдкая змѣя. При этомъ обстоятельствѣ замѣчаю вамъ, что я переѣхалъ въ этотъ домъ. Блонденъ, со своею труппою, все еще даетъ передъ Бранденбургскими воротами прекрасныя и привлекающія множество публики представленія благородной верховой ѣзды. У него Колумбъ высаживается въ Отаити. Боско закончилъ, наконецъ, свои предпослѣднія, послѣднія и самыя послѣднія представленія; нѣсколько ихъ онъ давалъ въ пользу бѣдныхъ. Говорятъ, что онъ подражалъ Буше; но это не правда, Буше подражалъ ему, фокуснику. Статуи Бюлова и Шарнгорста будутъ поставлены на этихъ дняхъ по обѣимъ сторонамъ новой гауптвахты. Ихъ можно теперь видѣть въ мастерской Рауха. Я ихъ уже прежде осмотрѣлъ тамъ и нашелъ пре-

красными. Статуя Блюхера, работы Рауха, предназначенная для постановки въ Бреславлѣ, уже отправлена туда. Я видѣлъ новое зданіе биржи. Она великолѣпно устроена. Множество просторныхъ, пышно убранныхъ комнатъ, все на грандіозную ногу. Мнѣ говорили, что творцомъ этого зданія былъ благородный, талантливый сынъ великаго Мендельсона, Іосифъ Мендельсонъ. Берлинъ былъ долгое время лишенъ такого зданія. Не только купцы, но и чиновники, ученые и лица всякихъ сословій посѣщаютъ биржу. Особенно привлекательна читальня, гдѣ я нашелъ болѣе сотни нѣмецкихъ и иностранныхъ журналовъ. Видѣлъ я тамъ и нашъ «Westf. Anzeiger». Надзоръ за этой комнатой имѣетъ докторъ Берингеръ, человѣкъ научно-образованный и умѣющій вызывать благодарность посѣтителей предупредительною вѣжливостью. О ресторанѣ и кондитерской заботится Іости. Сторожа въ коричневыхъ ливреяхъ съ золотыми тесьмами, а привратникъ особенно импонируетъ своимъ большимъ маршальскимъ жезломъ. Постройки «Подъ Липами», которыми удлиняется Wilhelmstrasse, быстро подвигаются впередъ. Это будутъ прекрасныя колоннады. На этихъ дняхъ былъ также заложенъ фундаментъ новаго моста. Въ музыкальномъ мірѣ очень тихо. Съ нашей capitale de la musique происходитъ то же, что и со всякою другою capitale; въ ней потребляютъ то, что производитъ провинція. За исключеніемъ юнаго Феликса Мендельсона, который, по мнѣнію всѣхъ музыкантовъ, есть музыкальное чудо и можетъ стать вторымъ Моцартомъ, я не могъ отыскать среди всѣхъ живущихъ здѣсь туземцевъ ни одного музыкальнаго генія. Большинство выдающихся здѣсь музыкантовъ прибыли изъ провинціи или даже изъ-за границы. Мнѣ невыразимо пріятно упомянуть здѣсь, что нашъ землякъ, Іосифъ Клейнъ, младшій братъ композитора, о которомъ я упоминалъ въ предыдущемъ письмѣ, подаетъ самыя большія надежды. Онъ написалъ очень многое, вызывающее похвалы знатоковъ. Въ ближайшемъ будущемъ появятся его пѣсни, имѣющія здѣсь большой успѣхъ и распѣваемые во многихъ обществахъ. Мелодіи этихъ пѣсенъ поразительно оригинальны, онѣ трогаютъ душу каждаго, и можно предвидѣть, что этотъ молодой художникъ будетъ со временемъ однимъ ихъ знаменитѣйшихъ нѣмецкихъ композиторовъ. Спонтини покидаетъ насъ на долгое время. Онъ ѣдетъ въ Италію. Онъ послалъ свою «Олимпію» въ Вѣну, но тамъ она поставлена не будетъ,

такъ какъ требуетъ слишкомъ большихъ расходовъ. Итальянскіе буффоны оставались здѣсь всего нѣсколько дней. «Подъ Липами» показываются восковыя фигуры. На углу Королевской и Почтовой улицъ показываютъ дикихъ звѣрей и Минерву. Процессъ Фонка составляетъ здѣсь также предметъ общественныхъ разговоровъ. На этотъ процессъ впервые обратила вниманіе публики прекрасно написанная брошюра Крейзера. Къ ней присоединилось еще много брошюръ, всѣ говорившія за Фонка. Между ними выдавалась также книга барона фонъ-деръ-Лейена. Эти книги, на ряду съ напечатанными въ «Abendzeitung» и въ «Konversationsblatt» статьями о процессѣ Фонка и съ сочиненіями самого обвиненнаго, распространяютъ здѣсь благопріятное для Фонка мнѣніе. Лица, настроенныя втайнѣ противъ Фонка, открыто говорятъ, однако, за него, и это по состраданію къ несчастному, который страдалъ уже нѣсколько лѣтъ. Въ одномъ обществѣ я упомянулъ объ ужасномъ положеніи его неповинной ни въ чемъ жены и о страданіяхъ его честной, уважаемой семьи, и когда я разсказывалъ, что, по слухамъ, кельнская чернь надругалась надъ бѣдными малолѣтними дѣтьми Фонка, одна дама упала въ обморокъ, а одна милая дѣвушка принялась горько плакать и говорила, рыдая: «Я знаю, король помилуетъ его, если даже онъ будетъ осужденъ». Я также былъ убѣжденъ, что нашъ добрый король воспользуется своимъ прекраснѣйшимъ и божественнѣйшимъ правомъ, чтобы не сдѣлать несчастными столь многихъ добрыхъ людей; я желаю этого такъ же сердечно, какъ и берлинцы, хотя и не раздѣляю ихъ взглядовъ на самый процессъ. Объ этихъ взглядахъ я слышалъ удивительно много мнѣній, высказываемыхъ совершенно на вѣтеръ. Самымъ основательнымъ образомъ толкуютъ объ этомъ господа, ровно ничего не знающіе обо всемъ этомъ дѣлѣ. Мой другъ горбатый адвокатъ, говоритъ, что, будь *онъ* на Рейнѣ, то скоро бы разъяснилъ все дѣло. Вообще онъ считаетъ, что тамошнее судопроизводство никуда не годится. «Къ чему,—говорилъ онъ вчера:—эта гласность? Какое дѣло какому-нибудь Петру или Христофору—Фонкъ ли, или кто другой убилъ Цёнена? Если бы это дѣло передали мнѣ, я бы закурилъ трубку, перечиталъ бы всѣ акты, представилъ бы о нихъ рефератъ, коллегія обсудила бы его при закрытыхъ дверяхъ и приступила бы къ постановленію приговора, и либо освободила бы молодца, либо осудила бы его, и объ этомъ всемъ не было бы ни малѣйшаго разговора

въ обществѣ. Къ чему эти присяжные, эти кумовья портные и сапожники? Полагаю, что я, ученый человѣкъ, слушавшій въ Іенѣ логику Фризе, получившій свидѣтельство въ посѣщеніи всѣхъ его юридическихъ курсовъ и сдавшій экзаменъ, обладаю вѣдь большею способностью сужденія, чѣмъ такіе ненаучные люди? Въ концѣ концовъ подобный субъектъ вообразить о себѣ, что онъ удивительно важная особа, коли столь многое зависитъ отъ его «да» и «нѣтъ»! А самое скверное еще этотъ Code Napoléon, эта скверная книга законовъ, которая даже не позволяетъ дать пощечину служанкѣ!» Но я не далъ долѣе говорить мудрому юристу. Онъ представитель множества здѣшнихъ личностей, которые стоятъ за Фонка только потому, что настроены противъ рейнскаго судопроизводства. Его считаютъ бѣдствіемъ рейнскихъ жителей и хотѣли бы, чтобы они освободились отъ этихъ «оковъ французской тираніи», какъ нѣкогда назвалъ французскіе законы незабвенный Юстусъ Грунеръ—дай Богъ ему царствіе небесное! О, пусть моя милая прирейнская область еще долго носитъ эти оковы и еще долго будетъ обременена такими оковами! Пусть еще долго процвѣтаетъ на Рейнѣ та истинная любовь къ свободѣ, которая основана не на ненависти къ французамъ и не на національномъ эгоизмѣ, та истинная сила и молодость, которая струится не изъ штофа съ водкой, и та истинная Христова вѣра, которая не имѣетъ ничего общаго съ фанатическимъ преслѣдованіемъ еретиковъ или съ ханжествующимъ прозелитизмомъ.

Въ нашемъ университетѣ нѣтъ ничего новаго; кромѣ того, что тридцать два студента были исключены за участіе въ недозволенныхъ кружкахъ. Быть исключеннымъ—фатальная штука; даже простое временное удаленіе имѣетъ свою непріятную сторону. Я думаю, однако, что этотъ строгій приговоръ противъ тридцати двухъ будетъ еще смягченъ. Я вовсе не хочу защищать кружковъ при университетахъ; они остатки того стараго корпоративнаго строя, который мнѣ хотѣлось бы видѣть совершенно изгнаннымъ изъ нашего времени. Но сознаюсь, что эти кружки суть необходимыя слѣдствія нашего академическаго устройства или, правильнѣе сказать, неустройства, и что они, вѣроятно, не будутъ уничтожены до тѣхъ поръ, пока не будетъ введена у нашихъ студентовъ милая и многолюбимая оксфордская система. Польскихъ студентовъ здѣсь не болѣе полдюжины. Надъ ними было произведено строгое

слѣдствіе. Большинство ихъ, какъ говорятъ, уѣхало отсюда безъ особаго желанія возвратиться, а значительная часть, кажется около двадцати, содержится еще въ нашихъ городскихъ тюрьмахъ. Большинство ихъ изъ русской Польши, и обвиняются они въ томъ, что занимались революціонными происками противъ своего правительства.

Говорятъ, что къ намъ скоро пріѣдетъ Людвигъ Тикъ и будетъ читать лекціи о Шекспирѣ. 31-го числа прошлаго мѣсяца былъ день рожденія князя, государственнаго канцлера. На этихъ дняхъ здѣсь ожидается гессенское посольство, которое должно уладить наши недоразумѣнія съ Гессеномъ изъ-за извѣстнаго нарушенія территоріальныхъ правъ. Въ Померанію послана комиссія для разслѣдованія сущности тамошняго сектантства. Шерстяная ярмарка уже началась, и здѣсь много землевладѣльцевъ, пріѣхавшихъ продавать шерсть и которыхъ въ шутку называютъ «Woll (Wohle) habende». Даже улицы заражаются честолюбіемъ: «Послѣдняя улица» теперь желаетъ именоваться Доротеевской. Говорятъ, что великому Фрицу будетъ воздвигнута статуя на Оперной площади. У семьи танцора Коблера сгорѣлъ багажъ на шоссе у Блюмберга. При постройкѣ новаго моста пользуются паровой машиной.

Литературныхъ новостей здѣсь въ настоящую минуту весьма мало, хотя Берлинъ ихъ главный рынокъ. Въ отношеніи овощей я двигаюсь впередъ вмѣстѣ съ моимъ вѣкомъ. Спаржу я больше не ѣмъ, а ѣмъ теперь стрючки. Но въ литературѣ я еще поотсталъ. Я даже еще не читалъ «Falsche Wanderjahren», надѣлавшихъ и по сю пору дѣлающихъ столько шума. Эта книга имѣетъ особенный интересъ для Вестфаліи, такъ какъ теперь всѣ говорятъ, что ея авторъ—нашъ землякъ, докторъ Пусткухенъ изъ Лемго. Я не знаю, зачѣмъ онъ хотѣлъ отречься отъ этой книги, вѣдь она ему, конечно, не приноситъ никакого стыда. Долго себѣ ломали голову, кто бы могъ быть ея авторомъ, и называли всяческія имена. Гофратъ Шютцъ публично заявлялъ, что онъ не авторъ ея. Нѣсколько голосовъ назвали легаціонсрата фонъ-Варнгагена; но и этотъ сдѣлалъ такое же заявленіе. Впрочемъ, предположеніе насчетъ его было очень мало вѣроятно, такъ какъ онъ принадлежитъ къ величайшимъ почитателямъ Гёте, и Гёте даже самъ, въ своемъ послѣднемъ выпускѣ журнала «Искусство и древность на Рейнѣ» выразился, что Варнгагенъ его глубоко понялъ и часто училъ его пониманію самого себя. Право,

послѣ сознанія быть самимъ Гёте, я не знаю чувства болѣе прекраснаго, какъ получить подобное свидѣтельство отъ Гёте, этого человѣка, стоящаго на вершинѣ своего времени. Кромѣ этого, говорятъ еще о нѣмецкомъ «Жиль Блазѣ», котораго издалъ Гёте четыре недѣли тому назадъ. Эта книга написана бывшимъ лакеемъ. Гёте ее пообточилъ и снабдилъ удивительнымъ предисловіемъ. Этотъ мѣстный старецъ, Али-Паша нашей литературы, издалъ также еще одну часть своей біографіи. Этотъ трудъ, когда будетъ законченъ, представитъ собой одно изъ самыхъ замѣчательныхъ произведеній, какъ бы великій современный эпосъ. Ибо эта автобіографія есть вмѣстѣ съ тѣмъ біографія эпохи. Гёте главнымъ образомъ и рисуетъ свое время и то, какъ оно на него повліяло, тогда какъ другія автобіографіи, напримѣръ Руссо, имѣютъ въ виду исключительно свою субъективность.

Часть біографіи Гёте появится впервые лишь послѣ его смерти, такъ какъ онъ тамъ говоритъ о всѣхъ своихъ веймарскихъ отношеніяхъ, въ особенности тѣхъ, которыя касаются великаго герцога. Это добавленіе будетъ, конечно, имѣть самое важное значеніе. Мы вскорѣ будемъ имѣть также мемуары Байрона, но они, по слухамъ, какъ и драмы его, содержатъ болѣе обрисовку душевныхъ движеній, чѣмъ изображеніе внѣшнихъ событій. Предисловіе къ его тремъ новымъ драмамъ содержитъ въ высшей степени замѣчательныя слова о нашемъ времени и о томъ революціонномъ элементѣ, который оно носитъ въ себѣ. Много сѣтуютъ еще на безбожіе въ его стихотвореніяхъ, а лауреатъ-поэтъ Соути въ Лондонѣ называетъ Байрона и его единомышленниковъ «сатанинскою школой». Но Чайльдъ Гарольдъ мощно взмахиваетъ отравленнымъ бичомъ, которымъ онъ казнилъ бѣднаго лауреата. Другая автобіографія возбуждаетъ здѣсь много интереса. Это «Мемуары Якова Казанова», издаваемые Брокгаузомъ на нѣмецкомъ языкѣ. Французскій оригиналъ еще не отпечатанъ, и судьба рукописи покрыта мракомъ. Въ ея подлинности нельзя сомнѣваться. «Fragment sur Casnova» въ произведеніяхъ принца Charles de Ligne—надежное свидѣтельство, да и по самой книгѣ сейчасъ видно, что она не сфабрикована. Моей возлюбленной я бы не далъ ея, но всѣмъ моимъ друзьямъ рекомендую. Итальянская чувственность знойно вѣетъ на насъ изъ этой книги. Герой ея—жизнерадостный, энергическій венеціанецъ, человѣкъ, прошедшій огонь, воду и

мѣдныя трубы, странствующій по всѣмъ землямъ, входящій въ близкія сношенія съ замѣчательнѣйшими людьми и еще въ несравненно болѣе близкія съ женщинами. Нѣтъ въ этой книгѣ ни строчки, которая бы согласовалась съ моими чувствами, но нѣтъ также и строки, которую бы я прочелъ безъ удовольствія. Вторая часть, вѣроятно, уже вышла, но ее еще нельзя получить, ибо, какъ я слышалъ, со вчерашняго дня изданія Брокгауза стали снова подцензурными.—Въ настоящую минуту здѣсь появляется мало хорошихъ беллетристическихъ произведеній. Фуке напечаталъ новый романъ, озаглавленный «Преслѣдуемый». Въ стихотворномъ мірѣ дѣло здѣсь обстоитъ такъ же, какъ и въ музыкальномъ. Недостатокъ не въ поэтахъ, но въ хорошихъ стихахъ. Предстоящей осенью насъ, однако, ожидаетъ кое-что хорошее. Кёхи (не берлинецъ), давшій намъ недавно весьма содержательное сочиненіе о сценѣ, въ скоромъ времени издастъ сборникъ стихотвореній, и по образцамъ, которые мнѣ попадались на глаза, я имѣю основаніе питать самыя большія надежды. Въ нихъ чистое чувство, необычайная нѣжность, глубокая искренность, неомрачаемая никакой горечью, однимъ словомъ—истинная поэзія.

Въ истинно драматическихъ талантахъ нѣтъ теперь никакого избытка, и я много ожидаю отъ фонъ-Юхтрица (не берлинецъ), молодого поэта, написавшаго много драмъ, удивительно прославляемыхъ знатоками. Одна изъ нихъ «Святой Хризостомъ» скоро появится въ печати, и я думаю, что она должна произвести сенсацію. Я слышалъ изъ нея мѣста, достойныя великаго мастера. Въ предыдущемъ письмѣ я обѣщалъ вамъ написать о «Блохѣ» Гофмана. Слѣдствіе надъ авторомъ прекратилось. Онъ все еще хвораетъ. Я, наконецъ, прочелъ этотъ пресловутый романъ. *Ни строчки* не нашелъ я въ немъ, которая бы касалась демагогическихъ происковъ. Заглавіе книги мнѣ сначала показалось очень непристойнымъ, при упоминаніи его въ обществѣ мои щеки всегда дѣвственно краснѣли, и я постоянно бормоталъ: Гофмана романъ, съ позволенія сказать. Но у Книггѣ, въ «Обхожденіи съ людьми» (Часть 3, гл. 9, объ искусствѣ обращаться съ животными; 10-я глава говоритъ объ обхожденіи съ писателями) я нашелъ мѣсто, касавшееся обхожденія съ блохами, изъ котораго я увидѣлъ, что блохи не столь неприличны, какъ «извѣстные другіе маленькіе звѣрьки», которыхъ этотъ глубокій знатокъ людей и животныхъ даже не рѣшается называть. Эта гуманистическая цитата служитъ

Гофману защитой. Я ссылаюсь также на пѣсню Мефистофеля:

«Жилъ былъ король, имѣвшій
Огромную блоху».

Но герой романа вовсе не блоха, а человѣкъ, по имени Перегринусъ Тисъ, живущій въ состояніи сновидѣнія и случайно встрѣчающійся съ властелиномъ блохъ и ведущій въ высшей степени забавные разговоры. Этотъ властелинъ, названіе котораго «Мастеръ Блоха» очень умный человѣкъ, нѣсколько робкій, но очень воинственный, и на тощихъ ногахъ у него большіе золотые сапоги съ брильянтовыми шпорами, какъ изображено на обложкѣ книги. Его преслѣдуетъ пѣкая Дертье Эльфердинкъ, которая, какъ говорятъ, должна изображать собою демагогію. Прекрасная фигура—студентъ Георгъ Пепушъ, который собственно есть чертополохъ Цегеритъ, цвѣтшій нѣкогда въ Фамагустѣ; онъ влюбленъ въ Дертье Эльфердинкъ, которая собственно есть принцесса Гамаге, дочь короля Секакиса. Контрасты, представляемые такимъ образомъ между индѣйскимъ миѳомъ и современною повседневностью, не такъ пикантны въ этой книгѣ, какъ въ «Золотомъ Горшкѣ» и другихъ романахъ Гофмана, гдѣ примѣненъ тотъ же самый натурфилософскій coup de théâtre. Вообще душевный міръ, который такъ прекрасно умѣетъ изображать Гофманъ, обработанъ въ этомъ романѣ въ высшей степени сухо. Первая глава романа божественна, остальныя довольно плачевны. Книга лишена устоя, центральнаго главнаго фокуса, внутреней связи. Если бы переплетчикъ произвольно перепуталъ страницы этой книги, то этого навѣрно не замѣтили бы. Широкая аллегорія, къ которой все сводится въ концѣ, меня не удовлетворила. Пусть другіе потѣшаются ею; я же думаю, что романъ не долженъ быть аллегоріею. Строгость и горечь, съ которыми я говорю объ этомъ романѣ, происходятъ именно отъ того, что я такъ люблю и цѣню прежнія произведенія Гофмана. Они принадлежатъ къ самымъ замѣчательнымъ, какія только произвело наше время. Всѣ они носятъ печать необыкновеннаго. Каждаго должны забавлять «Фантастическіе разсказы». Въ «Элексирахъ Дьявола» заключается самое ужасное и страшное, что только можетъ выдумать умъ. Говорятъ, что въ Геттингенѣ одинъ студентъ отъ этого романа сошелъ съ ума. Въ «Ночныхъ Разсказахъ» превзойдена высшая мѣра отвратительнаго и ужасающаго. Самому чорту не написать такой бѣсовской вещи. Маленькія новеллы, собранныя боль-

шей частью подъ общимъ заглавіемъ «Серапіоновы Братья» и къ которымъ надо также причислить «Крошку Цахесъ», не такъ мрачны, подчасъ даже привѣтливы и веселы. Въ «Стихійномъ Духѣ» стихіей является вода, и духа тамъ нѣтъ никакого. Но «Принцесса Брамбила» драгоцѣнная красавица, и кому она своей причудливостью не вскружитъ головы, у того нѣтъ головы. Гофманъ совершенно оригиналенъ. Тѣ, которые называютъ его подражателемъ Жанъ Поля, не понимаютъ ни того, ни другого. Произведенія обоихъ имѣютъ противоположный другъ другу характеръ. Романъ у Жанъ Поля начинается въ высшей степени причудливо и шутовски и въ такомъ же тонѣ продолжается, и внезапно, прежде чѣмъ успѣешь опомниться, выплываетъ изъ него прекрасный, чистый душевный міръ, какой-нибудь освѣщенный луною, розовато цвѣтущій островъ пальмъ, который со всей своей тихой, благоуханной прелестью снова быстро погружается въ отвратительныя, пронзительно визжащія волны эсцентричнаго юмора. Передній фонъ Гофмановыхъ романовъ обыкновенно веселый, цвѣтущій, часто мягко трогательный; передъ вами пляшутъ удивительныя таинственныя существа, проходятъ набожныя фигуры, дружелюбно и неожиданно кланяются странные человѣчки, и вдругъ изъ всего забавнаго міра скалитъ на васъ зубы отвратительная харя старой бабы, съ зловѣщею быстротой она корчитъ фатальнѣйшія рожи, и исчезаетъ, и снова уступаетъ мѣсто спугнутымъ рѣзвымъ фигуркамъ, которыя опять продѣлываютъ свои забавнѣйшіе прыжки, но это все не можетъ разогнать овладѣвшаго нашей душой непріятнаго и печальнаго чувства. О романахъ другихъ здѣшнихъ писателей я буду говорить въ моихъ слѣдующихъ письмахъ. Всѣ они имѣютъ одинъ и тотъ же характеръ. Таковъ вообще характеръ нѣмецкихъ романовъ. Его можно лучше всего понять, сравнивъ ихъ съ романами другихъ народовъ, напр., французовъ, англичанъ и т. д. Тогда видно, насколько внѣшнее положеніе писателей сообщаетъ свой собственный характеръ романамъ данной національности. Англійскій писатель путешествуетъ въ обстановкѣ лорда или апостола, уже обагащенный гонораромъ, или еще бѣдный, но все-таки путешествуетъ; молча и замкнувшись въ себѣ, наблюдаетъ онъ нравы, страсти, жизнь людей, и въ его романахъ отражается дѣйствительный міръ и дѣйствительная жизнь, часто въ ясномъ свѣтѣ (Гольдсмитъ), часто мрачно (Смоллетъ), но всегда правдиво и вѣрно (Фильдингъ). Французскій писатель постоянно живетъ въ

обществѣ, и притомъ въ большомъ обществѣ, будь онъ и бѣденъ и нетитулованъ. Принцы и принцессы ласкаютъ переписчика нотъ, Жанъ-Жака; въ парижскомъ салонѣ называютъ министра monsieur, а герцогиню madame. Вслѣдствіе этого въ романахъ французовъ царятъ тотъ легкій гостинный тонъ, та подвижность, и тонкость, и вѣжливость, которыхъ можно достигнуть лишь въ общеніи съ людьми; отсюда фамильное сходство всѣхъ французскихъ романовъ, языкъ которыхъ кажется постоянно однимъ и тѣмъ же, именно потому, что это языкъ общества. Но бѣдный нѣмецкій писатель, у котораго вслѣдствіе того, что трудъ его по большей части плохо оплачивается и что рѣдко имѣетъ онъ личное состояніе, нѣтъ денегъ на путешествія, который по крайней мѣрѣ начинаетъ путешествовать поздно, когда онъ уже выработалъ себѣ извѣстную манеру писанія, который рѣдко имѣетъ положеніе или титулъ, могущіе открыть ему милостивый доступъ въ высшее общество, не всегда бывающее у насъ высокимъ, у котораго нерѣдко нѣтъ даже чернаго сюртука, чтобы бывать въ обществѣ средняго класса— бѣдный нѣмецъ запирается въ своей одинокой мансардѣ, мысленно сочиняетъ міръ людей и на созданномъ имъ самимъ странномъ языкѣ пишетъ романы, въ которыхъ живутъ образы и предметы прекрасные, божественные, высокопоэтическіе, но нигдѣ не существующіе. Этотъ фантастическій характеръ носятъ всѣ наши романы, хорошіе и дурные, начиная со старѣйшихъ временъ Шписа, Крамера и и Вульпіуса и кончая Арнимомъ, Фуке, Горномъ, Гофманомъ и другими, и этотъ характеръ романовъ много повліялъ и на характеръ народа, и мы, нѣмцы, среди всѣхъ народовъ, наиболѣе воспріимчивы къ мистикѣ, тайнымъ обществамъ, натуръ-философіи, общенію съ духами, любви, безумію и—поэзіи!

О ПОЛЬШѢ.

I.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ привелось мнѣ искрестить вдоль и поперекъ прусскую Польшу; немножко я проникъ въ русскую, въ австрійской же не былъ. Людей видѣлъ очень много изъ всѣхъ трехъ частей Польши—конечно, по большей части дворянъ, и то самыхъ знатныхъ. Но хотя тѣло мое вращалось только въ сферѣ высшаго общества, не выходило за предѣлы зàмка польскихъ магнатовъ, духъ мой зато часто виталъ въ хижинахъ народа. Вотъ вамъ точка зрѣнія для оцѣнки моего сужденія о Польшѣ.

О внѣшнемъ видѣ страны не могу сказать ничего привлекательнаго. Нѣтъ здѣсь нигдѣ пикантныхъ романтическихъ водопадовъ, соловьиныхъ рощъ и тому подобнаго; здѣсь только обширныя поля подъ пашнями, большею частью очень годныя, и густые, угрюмые сосновые лѣса. Польша живетъ только хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ. Промышленности и фабрикъ нѣтъ почти и слѣда. Деревни и поселки имѣютъ очень жалкій видъ: вездѣ низенькія глиняныя хатки, покрытыя тоненькими досками или тростникомъ. Здѣсь польскій хлопъ, со своимъ скотомъ и прочей своей семьей, живетъ, наслаждается своимъ бытіемъ и менѣе всего заботится о своихъ эстетическихъ наслажденіяхъ. Нельзя, однако, отрицать, что у этого хлопа часто больше смысла и чувства, чѣмъ въ иныхъ земляхъ у нѣмецкаго поселянина. Нерѣдко у самыхъ простыхъ поляковъ встрѣчалъ я то оригинальное остроуміе (не остроуміе сердца, юморъ), которое по всякому поводу бьетъ, какъ ключъ изъ земли, со всѣми чудными переливами цвѣтовъ, и то мечтательно сентиментальное настроеніе, то яркое вспыхиваніе какого-то оссіаническаго чувства природы, которое

въ страстныя минуты проявляется такъ же невольно, какъ выступаетъ внезапная краска въ лицѣ. Польскій хлопъ одѣвается еще по своей старинѣ: камзолъ безъ рукавовъ, выше колѣнъ, верхнее платье, вышито свѣтлыми шнурками. Это послѣднее обыкновенно свѣтло-голубого или зеленаго цвѣта— оригиналъ изящныхъ польскихъ кафтановъ нашихъ франтовъ. На головѣ небольшая круглая шапка съ бѣлыми полосами, сверху въ видѣ остраго усѣченнаго конуса, а спереди украшенная пестрыми бантиками или павлиньими перьями. Въ этомъ костюмѣ по воскресеньямъ является онъ въ городъ, чтобы совершить тамъ три дѣла: во-первыхъ, побриться, во-вторыхъ, быть въ обѣднѣ, и въ-третьихъ, напиться. Достигнувъ третьимъ дѣломъ блаженства, онъ растягивается на улицѣ безъ чувствъ и сознанія, а кругомъ обступаетъ его куча пріятелей въ грустной группировкѣ, какъ бы скорбящіе о томъ, что какъ мало можетъ вынести на землѣ человѣкъ! Ну, что онъ такое, если какія-нибудь три кружки шнапсу могутъ свалить его съ ногъ! Надо, однако, сказать, что по части питія поляки достигли почти нечеловѣческаго!—Хлопъ вообще хорошо и крѣпко сложенъ, имѣетъ воинственный видъ и обыкновенно бѣлокуръ, большая часть носитъ длинные волосы. Отъ этого у столь многихъ поселянъ plica polonica (колтунъ), весьма пріятная болѣзнь, которою, должно надѣяться, Богъ благословитъ когда-нибудь и насъ, когда длинноволосье повсемѣстнѣе распространится по нѣмецкой землѣ. Униженіе хлопа передъ паномъ возмутительно. Онъ кланяется ему почти что въ ноги съ неизбѣжной формулой: «цѣлую ноги паньски». Кто хочетъ видѣть олицетворенное послушаніе, пусть взглянетъ на польскаго крестьянина, стоящаго передъ своимъ паномъ: недостаетъ ему только виляющаго собачьяго хвоста. При такомъ зрѣлищѣ я всегда невольно думаю: и Господь создалъ человѣка по образу и по подобію своему! и безконечная скорбь овладѣваетъ мною при видѣ такого глубокаго униженія человѣка передъ человѣкомъ. Только королю надобно кланяться, и я не вполнѣ слѣдую сѣверо-американскому катехизису только потому, что въ немъ нѣтъ этой заповѣди. Не отрицаю, что я болѣе люблю дерево въ лѣсу, чѣмъ родословное древо, что человѣческое право уважаю больше, чѣмъ каноническое, и законы разума цѣню выше отвлеченностей близорукихъ историковъ, но если-бъ вы меня спросили, точно ли несчастливъ польскій хлопъ, и поправился ли бы онъ въ быту своемъ если бы вдругъ изъ крѣ-

постного сдѣлался свободнымъ собственникомъ, то я право солгалъ бы, если-бъ, сказалъ безусловно да. Принявши, что счастье—вещь относительная, и постоянно видя, что то уже не кажется несчастіемъ, къ чему привыкъ съ дѣтства, напр., работать цѣлый день и не имѣть тѣхъ удобствъ, о которыхъ не имѣемъ понятія,—надо будетъ согласиться, что польскій крестьянинъ не несчастливъ, въ собственномъ смыслѣ слова, тѣмъ болѣе, что у него совсѣмъ ничего нѣтъ, и слѣдовательно онъ живетъ въ полной безпечности, что многіе вѣдь считаютъ за высшее благо. Право, безъ всякой ироніи скажу я, что если бы теперь вдругъ польскіе крестьяне сдѣлались самостоятельными собственниками, они вдругъ очутились бы въ самомъ непріятномъ положеніи, и многіе черезъ это впали бы въ крайнее разореніе. При сдѣлавшейся уже ихъ второю натурой безпечности, они стали бы дурно управлять своею собственностью, а случись несчастіе, совсѣмъ бы пропали. Когда теперь случится неурожай, крестьянина долженъ кормить его панъ изъ своихъ собственныхъ запасовъ; вѣдь и для пана была бы потеря, если бы мужикъ померъ съ голоду, или не имѣлъ чѣмъ обсѣяться. По той же причинѣ панъ даетъ ему корову или вола, когда у крестьянина падутъ свои. Онъ даетъ ему топлива зимою, посылаетъ лѣкаря и лѣкарства, когда онъ самъ или кто-нибудь въ его семействѣ боленъ; словомъ, панъ постоянно служитъ ему опекуномъ. Я убѣдился, что большая часть дворянства ведетъ эту опеку очень добросовѣстно и съ любовью, и вообще нашелъ, что помѣщики обходятся со своими хлопами кротко и милостиво; по крайней мѣрѣ примѣры старыхъ жестокостей теперь рѣдки. Многіе паны даже желаютъ видѣть своихъ холоповъ самостоятельными; величайшій человѣкъ, какого только произвела Польша и котораго память жива еще во всѣхъ сердцахъ, Костюшко, ревностно требовалъ освобожденія крестьянъ, а убѣжденія народныхъ любимцевъ незамѣтно проникаютъ въ сердца. Кромѣ того, вліяніе французскихъ ученій, легче воспринимаемое въ Польшѣ, чѣмъ гдѣ-либо, въ сильнѣйшей степени подѣйствовало на положеніе крестьянъ. Вы видите, такимъ образомъ, что имъ уже совсѣмъ не такъ дурно, и можно надѣяться, что и они, мало-по-малу достигнутъ самостоятельности. И прусское правительство, кажется, имѣетъ въ виду въ этомъ отношеніи постепенно достигнуть цѣли цѣлесообразными мѣрами. Дай Богъ, чтобъ эта благонамѣренная постепенность уда-

лась; она надежнѣе и полезнѣе, чѣмъ разрушительная внезапность. Но и внезапность иногда не бѣда, какъ противъ нея ни ратуй . . . . . .

Между холопомъ и паномъ въ Польшѣ стоятъ евреи. Они составляютъ почти больше, чѣмъ четвертую долю населенія, занимаются всевозможными ремеслами и могутъ быть, слѣдовательно, названы польскимъ третьимъ сословіемъ. Поэтому наши статистики, фабриканты учебниковъ, все мѣрящіе на свой нѣмецкій, по крайней мѣрѣ, на французскій аршинъ, ошибаются, утверждая, что въ Польшѣ нѣтъ tiers état, потому что это сословіе рѣзче, чѣмъ гдѣ-нибудь, отдѣлено отъ прочихъ, потому что члены его находятъ удовольствіе въ кривомъ истолкованіи ветхаго завѣта, и потому что по наружности они еще очень далеки отъ идеала мирнаго бюргерства, который такъ мило и въ такомъ праздничномъ видѣ представленъ въ одномъ нюрнбергскомъ дамскомъ альбомѣ, въ образѣ филистерства имперскихъ городовъ. Изъ сказаннаго вы видите, что евреи въ Польшѣ численностью своею и положеніемъ въ обществѣ гораздо болѣе имѣютъ важности въ политико-экономическомъ отношеніи, чѣмъ у насъ въ Германіи, и что для того, чтобы сказать о нихъ что-нибудь дѣльное, недостаточно грандіознаго банкирскаго воззрѣнія чувствительныхъ романистовъ сѣвера, или натуръ-философическаго глубокомыслія остроумныхъ лавочниковъ юга. Мнѣ говорили, что евреи познанскіе необразованнѣе и неразвитѣе, чѣмъ ихъ восточные братья; поэтому я и не хочу говорить что-нибудь положительное о польскихъ евреяхъ вообще и отсылаю васъ лучше къ книгѣ Давида Фридлендера: «Объ улучшеніи быта израильтянъ (евреевъ) въ королевствѣ Польскомъ, Берлинъ, 1819». Со времени появленія этой книги, которая написана съ рѣдкой правдивостью и человѣколюбіемъ, за исключеніемъ несправедливаго отрицанія заслугъ и нравственнаго значенія раввиновъ, положеніе польскихъ евреевъ, вѣроятно, еще немного измѣнилось. Въ великомъ герцогствѣ они нѣкогда, какъ и доселѣ въ остальной Польшѣ, одни занимались всѣми ремеслами; теперь же появилось много ремесленниковъ христіанъ изъ Германіи, да и польскіе крестьяне, повидимому, болѣе охотно занимаются разными родами промышленности. Но странно, что полякъ изъ простого народа обыкновенно идетъ въ сапожники, или пивовары и винокуры. Въ одномъ познанскомъ городкѣ, Валиши, я вездѣ черезъ домъ встрѣчалъ вывѣску башмачника и при этомъ вспомнилъ го-

родъ Бредфордѣ въ «Векфильдскомъ Стрѣлкѣ» Шекспира. Въ прусской Польшѣ еврею не даютъ никакой общественной должности, если онъ не окрестился; въ русской и ихъ допускаютъ до всѣхъ государственныхъ должностей, потому что тамъ считаютъ это цѣлесообразнымъ. Впрочемъ, на тамошнихъ горныхъ заводахъ не дошли еще до искусства улетучивать мышьякъ въ пары ультраблагочестивой философіи, и волковъ въ старыхъ польскихъ лѣсахъ еще не выдрессировали выть историческими цитатами.

Было бы желательно, чтобъ наше правительство постаралось цѣлесообразными мѣрами внушать евреямъ великаго герцогства больше любви къ земледѣлію, такъ какъ евреевъ-земледѣльцевъ здѣсь очень мало. Въ русской Польшѣ ихъ довольно. Вѣроятно, такое отвращеніе отъ плуга польскіе евреи имѣютъ оттого, что прежде видѣли очень печальное положеніе крѣпостныхъ хлоповъ. Если бы вообще возвысить положеніе послѣднихъ, то и евреи занялись бы пашней. Трактиры Польши, за немногими исключеніями, всѣ въ рукахъ евреевъ, и сильно распространенное винокурство ихъ причиняетъ странѣ великое зло, потому что, благодаря ему, крестьяне пропиваются. Но я вѣдь уже сказалъ, что питьемъ водки хлопъ достигаетъ блаженства. У каждаго дворянина въ городѣ или въ деревнѣ есть свой еврей, котораго онъ называетъ факторомъ, и который занимается исполненіемъ всѣхъ его порученій, покупками и продажами, собираніемъ справокъ и пр. Оригинальное явленіе, показывающее, какъ любитъ польскій дворянинъ комфортъ. Наружность польскихъ евреевъ ужасна. Я и теперь съ содроганіемъ вспоминаю, какъ за Мезерицемъ увидѣлъ въ первый разъ польское мѣстечко, населенное большею частью евреями. В-ская еженедѣльная газета, если бы даже сварить изъ нея дѣйствительную кашу, не возбудила бы во мнѣ такой тошноты, какую вызвалъ видъ этихъ ободранныхъ и грязныхъ фигуръ, и великодушная рѣчь нѣмецкаго студента, воспламененнаго ревностью къ гимнастикѣ и отечеству, не была бы для ушей моихъ такою раздирательною пыткой, какъ польскій еврейскій жаргонъ. Омерзеніе мое, однако, скоро смѣнилось жалостью, когда я ближе увидѣлъ житье этихъ людей, увидѣлъ ихъ конуры—родъ свиныхъ хлѣвовъ, гдѣ они живутъ, молятся, барышничаютъ и бѣдствуютъ. Языкъ ихъ—нѣмецкій, вытканный на еврейской основѣ, и съ польскою обработкой. Они уже съ очень давнихъ временъ, вслѣдствіе религіозныхъ гоненій, пересели-

лись изъ Германіи въ Польшу, ибо поляки въ такихъ случаяхъ всегда отличались терпимостью. Когда набожные люди совѣтовали одному польскому королю заставить польскихъ протестантовъ насильно перейти въ католичество, онъ отвѣчалъ: «Sum rex populorum, sed non conscientiarum!» Евреи первые принесли въ Польшу торговлю и ремесла и при Казимирѣ Великомъ пользовались большими привилегіями. Повидимому, они стояли гораздо ближе къ шляхтѣ, чѣмъ къ хлопу, потому что по одному старому закону, если еврей приметъ христіанскую вѣру, онъ eo ipso становится дворяниномъ. Не знаю, почему уничтоженъ этотъ законъ. Въ тѣ старыя времена, конечно, евреи были образованнѣе и развитѣе дворянъ, занимавшихся только грубымъ военнымъ ремесломъ и еще не имѣвшихъ французскаго лоска. Евреи же по крайней мѣрѣ имѣли свои ученыя и религіозныя книги, ради коихъ и покинули свою родину и житейскія удобства. Но очевидно, что въ европейской цивилизаціи они не пошли впередъ, и ихъ духовный міръ обратился въ плачевное суевѣріе, хитроумною схоластикой приведенное въ тысячи самыхъ странныхъ формъ. Несмотря, однако, на варварскую мѣховую шапку, покрывающую голову польскаго еврея, и на еще болѣе варварскія идеи, ее наполняющія, онъ для меня гораздо выше иного нѣмецкаго еврея, щеголяющаго со своимъ боливаромъ на головѣ и своимъ Жанъ Полемъ въ головѣ. Характеръ польскаго еврея, вслѣдствіе его суровой исключительности, обратился въ нѣчто цѣльное; дыша воздухомъ терпимости, онъ пріобрѣтаетъ этимъ печать свободы. Внутренній человѣкъ не сдѣлался композиціею изъ саморазличнѣйшихъ чувствъ и не пострадалъ отъ того, что его втиснули въ стѣны франкфуртскаго еврейскаго квартала, премудрыхъ законоположеній и любвеобильныхъ законныхъ изъятій. Польскій еврей, въ его грязной шапкѣ, со своей бородой, нечуждой паразитнаго населенія, и своимъ чеснокомъ, и своимъ жаргономъ, для меня все-таки пріятнѣе, чѣмъ многіе господа во всемъ ихъ государственно бумажномъ величіи.

Какъ я уже прежде говорилъ, вы не должны искать въ этихъ письмахъ описаній прелестныхъ картинъ природы, великолѣпныхъ памятниковъ искусства и т. п. Только люди, и то самый высшій сортъ ихъ—дворяне заслуживаютъ въ Польшѣ вниманія путешественника. И право, по моему мнѣнію, взглядъ на истаго, родовитаго польскаго дворянина

и на прелестную, благородную польку въ ея истинномъ блескѣ стоитъ созерцанія какого-нибудь романтическаго замка на скалѣ или мраморной Венеры Медицейской. Мнѣ бы очень хотѣлось представить вамъ характеристику польскаго дворянства, и это бы вышла драгоцѣнная мозаичная работа изъ прилагательныхъ: гостепріименъ, гордъ, храбръ, искателенъ, фальшивъ (этотъ желтый камешекъ нельзя забыть), раздражителенъ, энтузіастъ, страстенъ къ игрѣ, жизнерадостенъ, съ благородными порывами и самодуръ. Но вѣдь я самъ такъ часто возставалъ противъ писакъ, которые, увидѣвъ, какъ прыгаетъ какой-нибудь парижскій танцмейстеръ, сейчасъ же намахаютъ экспромптомъ характеристику всего народа, или же, встрѣтясь съ зѣвающимъ толстымъ торговцемъ изъ Ливерпуля, немедленно составляютъ приговоръ объ англійской націи. Эти общія характеристики — источникъ всѣхъ золъ. Цѣлую жизнь иногда надобно посвятить, чтобъ понять характеръ одного человѣка, а вѣдь нація состоитъ изъ милліоновъ людей. Только узнавъ исторію человѣка, какъ онъ воспитался и жилъ, мы въ состояніи схватить нѣкоторыя, главныя черты его характера. Но въ тѣхъ классахъ, гдѣ отдѣльные члены получаютъ, вслѣдствіе воспитанія и образа жизни, одинаковое направленіе, рѣзче выдаются нѣкоторыя характеристическія черты. Это есть въ польскомъ дворянствѣ, и съ этой точки зрѣнія можно сказать что-нибудь общее о его характерѣ. Воспитаніе всюду и всегда зависитъ отъ мѣста и времени, почвы и политической исторіи. Вліяніе мѣста въ Польшѣ ощутительнѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Польша лежитъ между Россіей и—Франціей. Лежащую еще прежде Франціи Германію я не считаю, такъ какъ большая часть поляковъ несправедливо видѣли въ ней только широкое болото, черезъ которое поскорѣй надобно проскочить, чтобъ очутиться въ обѣтованной странѣ, гдѣ вырабатываются самые тонкіе нравы и духи. Такимъ образомъ Польша находилась всегда подъ двумя самыми противоположными вліяніями: съ востока вторгалось въ нее варварство, вслѣдствіе враждебныхъ столкновеній съ Россіей, съ запада—утонченная культура, вслѣдствіе дружественныхъ столкновеній съ Франціей. Отсюда эта странная смѣсь варварства и цивилизаціи въ характерѣ и домашней жизни поляка. Я не утверждаю, чтобъ все варварское проникло съ востока: нѣтъ, и доморощеннаго довольно, но въ послѣднее время это проникновеніе очень замѣтно. Главное вліяніе оказываетъ на польское дворянство сельская жизнь. Только

немногіе изъ дворянъ воспитываются въ городахъ; по большей части мальчики остаются до возраста въ деревнѣ у родственниковъ, и при не очень усердныхъ стараніяхъ гувернера, или немножко походивъ въ школу, или просто предоставленные благоусмотрѣнію самой природы, получаютъ возможность вступить въ военную службу, или пойти въ университетъ, или принять печать высшей цивилизаціи отъ столь привлекательной для всякаго медвѣдя Лютеціи.—Тутъ, конечно, все зависитъ отъ средствъ, и потому ясно, что говоря о польскихъ дворянахъ, должно дѣлать различіе между бѣдными дворянами, богатыми дворянами и магнатами. Первые часто живутъ въ самомъ жалкомъ положеніи, почти какъ крестьяне, и не имѣютъ особенныхъ претензій на культуру. Между богатыми дворянами и магнатами рѣзкой разницы нѣтъ; для иностранца она даже очень мало замѣтна. Въ строгомъ смыслѣ, всѣ польскіе дворяне (cives poloni), какъ самые бѣдные, такъ и самые богатые, по достоинству равны между собою, и внутренняя цѣнность тѣхъ и другихъ одинакова. Но съ именами извѣстныхъ фамилій, всегда отличавшихся огромнымъ богатствомъ или заслугами государству, соединилось понятіе о высшемъ достоинствѣ, и ихъ обыкновенно называютъ магнатами. Чарторійскіе, Радзивиллы, Замойскіе, Сапѣги, Понятовскіе, Потоцкіе и т. д., хотя и считаются просто польскими дворянами, наравнѣ съ остальными, даже самыми бѣдными, пашущими землю, но de facto, если не de nomine, они все-таки высшая аристократія. Ихъ положеніе даже гораздо прочнѣе, чѣмъ положеніе нашего высшаго дворянства, потому что они сами себѣ дали значеніе, и родословную ихъ знаетъ наизусть не только какая-нибудь затянутая старая барышня, но и весь народъ. Названіе «староста» встрѣчается нынче рѣдко и обратилось въ простой титулъ. Названіе «графъ» у поляковъ точно такъ же простой титулъ, и только нѣкоторые получили его отъ Австріи и Пруссіи. Дворянской гордости относительно другихъ сословій у поляковъ не существуетъ, такъ какъ она можетъ явиться только тамъ, гдѣ возникаетъ сильное и съ большими претензіями среднее сословіе. Только тогда, когда польскій хлопъ будетъ покупать землю, а польскій еврей не будетъ на посылкахъ у пана, могла бы въ этомъ послѣднемъ развиться дворянская спѣсь, которая въ этомъ случаѣ докажетъ только развитіе благосостоянія страны. А такъ какъ евреи здѣсь поставлены выше хлоповъ, то первое столкновеніе этой панской гордости будетъ съ евреями;

но это событіе получитъ тогда, безъ сомнѣнія, болѣе религіозное названіе.

Бѣгло очерченный здѣсь характеръ польскаго дворянства имѣлъ, конечно, всего болѣе вліянія на необыкновенно странный ходъ политической исторіи Польши, а вліяніе этой послѣдней на воспитаніе поляковъ, и слѣдовательно на ихъ національный характеръ, было почти еще важнѣе вышеупомянутыхъ вліяній почвы. Съ идеей равенства развилась въ польскомъ шляхетскомъ сословіи національная гордость, иногда столь поражающая насъ своимъ величіемъ, но иногда столь огорчающая насъ презрительнымъ отношеніемъ къ нѣмцамъ и представляющая такую большую противоположность съ вынужденною приниженностью этихъ людей. Именно эта мысль, что всѣ поляки равны, развила въ нихъ, и въ ничтожныхъ, и въ сильныхъ, извѣстное грандіозное честолюбіе, которое часто переходило въ стремленіе къ верховной власти, такъ какъ правленіе въ Польшѣ было большею частью избирательное. Власть была завѣтнымъ плодомъ, котораго вкусить хотѣлось каждому поляку. Не путемъ умственныхъ подвиговъ искали поляки добыть ее—это слишкомъ долго. Смѣлый ударъ меча долженъ былъ быстро срубить сладкій плодъ. Вотъ почему они всѣ дѣлались воинами, къ чему также побуждалъ ихъ вспыльчивый и задорливый нравъ; вотъ почему у нихъ всегда были хорошіе солдаты и генералы, но совсѣмъ почти нѣтъ ловкихъ государственныхъ мужей, и еще меньше выдающихся ученыхъ. Любовь къ отечеству—въ полякахъ преобладающее чувство, въ которомъ сливаются у нихъ всѣ прочія чувства, какъ рѣки въ океанѣ, а между тѣмъ, это отечество не имѣетъ особенно привлекательнаго вида. Одинъ французъ, который не могъ этого понять, смотря на печальное польское болото, растеръ между пальцами кусочекъ земли и, посвистывая и качая головой, насмѣшливо сказалъ: «и это они называютъ отечествомъ!» Но не земля, а только борьба за самостоятельность, историческія воспоминанія и несчастія вызвали въ полякахъ эту любовь къ отечеству. Она горитъ теперь все такъ же пламенно, какъ и во дни Костюшки, быть-можетъ, еще пламеннѣе. Почти до смѣшного поляки чествуютъ теперь все свое отечественное. Какъ умирающій борется въ судорожномъ страхѣ со смертью, такъ возмущается и возстаетъ ихъ сердце противъ идеи объ уничтоженіи ихъ національности. Эти предсмертныя судороги польскаго народнаго тѣла представляютъ ужасное зрѣлище! Но вѣдь всѣ

народы Европы и всего міра должны будутъ претерпѣть эти смертныя муки, чтобы изъ смерти вышла жизнь, изъ языческихъ національностей — христіанское братство. Я разумѣю здѣсь не полное уничтоженіе прекрасныхъ особенностей народныхъ, въ которыхъ братская любовь отражается плѣнительнѣе всего, но всеобщее братство людей, первобытное христіанство; наиболѣе вырабатываемое нами, нѣмцами, и прекраснѣе всего высказанное нашими благороднѣйшими народными глашатаями—Лессингомъ, Гердеромъ, Шиллеромъ и т. п. Отъ этого братства польскіе паны такъ же еще далеки, какъ и мы. Большая часть ихъ живетъ еще подъ гнѣтомъ внѣшнихъ формъ католицизма, къ сожалѣнію, нимало не сознавая великаго духа, живущаго въ этихъ формахъ, и ихъ теперешняго перехода къ формамъ всемірно историческимъ; еще болѣе значительная часть пановъ предана французской философіи. Конечно, я не порицаю этой послѣдней; бываютъ даже часы, когда я ее уважаю, и очень уважаю; я самъ нѣкоторымъ образомъ ея дитя. Но думаю, что ей недостаетъ главнаго—любви. Гдѣ не свѣтитъ эта звѣзда, тамъ ночь, хотя бы сверкали кругомъ своими брильянтовыми огнями всѣ свѣтила «Энциклопедіи».

Если первое слово поляковъ—отечество, то второе—свобода. Прекрасное слово! Послѣ любви, конечно, самое прекрасное. Но послѣ любви слово также чаще всего ложно понимаемое и употребляемое къ обозначенію совершенно противоположныхъ вещей. Это мы видимъ въ Польшѣ. Большинство поляковъ разумѣютъ не божественную, не Вашингтоновскую свободу; въ этомъ смыслѣ понимали ее немногіе, только такіе мужи, какъ Костюшко. Многіе, правда, съ энтузіазмомъ кричатъ объ этой свободѣ, но никому изъ нихъ и въ голову не приходитъ освободить своихъ крестьянъ. Слово свобода, такъ красиво, и громко, и пышно звучащее въ польской исторіи, было только лозунгомъ дворянства, сгаравшагося отнять у короля какъ можно больше правъ, чтобы усилить свою собственную власть и такимъ образомъ вызвать анархію. C'était tout comme chez nous; и у насъ точно такъ же нѣмецкая свобода значила нѣкогда пустить императора по-міру, чтобы дворянство могло тѣмъ больше роскошничать и тѣмъ сильнѣе самовластвовать, и не могло не погибнуть такое государство, котораго представитель былъ крѣпко связанъ на своемъ тронѣ и подъ конецъ въ рукахъ держалъ только деревянный мечъ. Въ самомъ дѣлѣ, исторія Польши есть въ миніатюрѣ исторія Германіи, съ тою

ею, что магнаты польскіе не успѣли такъ окончательно
ться отъ главы государства и сдѣлаться самостоятель-
какъ это было у насъ, и что нѣмецкая осмотритель-
и въ самой анархіи умѣла соблюдать извѣстный по-
. Явись Лютеръ на сеймъ краковскій, ему, конечно,
а бы не дали сказать такъ спокойно, какъ онъ го-
въ Аугсбургѣ! Та теорія, что буйная свобода лучше
наго рабства, довела, однако, Польшу, несмотря на
вой наружный блескъ, до гибели. Тѣмъ не менѣе,
ельно, какую силу для поляковъ имѣетъ уже одно это
-свобода. Такъ и воспламенятся они, заслыша, что
будь дерутся за свободу; сверкающіе взоры устре-
ь они равно на Грецію и на южную Америку. Въ
же Польшѣ, какъ я выше сказалъ, подъ попраніемъ
ы разумѣютъ только ограниченіе дворянскихъ правъ,
ть постепенное уравненіе въ правахъ сословій. Но
о лучше знаемъ: всѣ частныя вольности должны
уть, когда дѣло идетъ о водвореніи общей законной
ы!

теперь на колѣни, читатель, или по крайней мѣрѣ
те шляпу: я говорю о польскихъ женщинахъ. Мой
етитъ на берега Ганга и отыскиваетъ тамъ нѣжнѣйшіе
раснѣйшіе цвѣты для сравненій. Но что̀ значатъ пе-
ольскими красавицами всѣ красоты маллики, кувалаи,
цвѣтовъ нагакезари, священныхъ цвѣтовъ лотоса и
ъ этихъ камалатъ, педмъ, камалъ, тамалъ, сиришъ
! Владѣй я кистью Рафаэля, мелодіей Моцарта и
ъ Кальдерона, мнѣ бы удалось, можетъ-быть, колдов-
вселить въ вашу грудь чувство, которое вы испы-
ы, если бы истая полька, эта Афродита рѣки Вислы,
ти явилась предъ очарованными вашими очами! Но
леваніе Рафаэля передъ этими образами красоты,
ванными Богомъ въ самыя радостныя минуты! Что̀
нье Моцарта передъ ихъ рѣчью—этими конфетами
ши, падающими съ розовыхъ устъ этихъ сладостныхъ
й! Что̀ всѣ Кальдероновскія «звѣзды земли» и «цвѣты
передъ этими очаровательницами, которыхъ я тоже
ьдероновски называю ангелами земли, потому что го-
амихъ ангеловъ назвать «польками неба»! Да, мой
кто смотритъ въ ихъ газелевыя очи, тотъ вѣритъ
о, хотя бы онъ былъ при этомъ усерднѣйшимъ по-
ателемъ барона Гольбаха. . . . . .
ъ и хотѣлъ говорить о характерѣ полекъ, то сказалъ

бы только: онѣ женщины! Но кто же рѣшится взять на
трудъ—описывать характеръ женщинъ.

Одинъ весьма почтенный философъ, издавшій десят
мовъ in 8° «Женскихъ характеровъ», нашелъ, нако
свою собственную жену въ объятіяхъ воина! Этимъ
хочу сказать, чтобъ у женщинъ совсѣмъ не было хара
О, нѣтъ! Напротивъ, у нихъ каждый день новый хара
И опять-таки это безпрестанное измѣненіе характера
нюдь не осуждаю, это даже достоинство. Характеръ
зуется изъ цѣлой системы стереотипныхъ правилъ.
эти правила ошибочны, то и вся жизнь человѣка, ко
систематически ихъ себѣ усвоилъ, будетъ большая,
временная ошибка. Мы хвалимъ и говоримъ: «это
вѣкъ съ характеромъ», когда человѣкъ поступает
однажды принятымъ принципамъ, но не думаемъ о
что въ такомъ человѣкѣ погибла свобода воли, что у
не идетъ впередъ и что самъ онъ—слѣпой рабъ с
застарѣлыхъ мыслей. Мы называемъ также послѣдов
ностью, когда кто-нибудь остается при томъ, что онъ од
усвоилъ и разъ навсегда высказалъ: и часто мы нас
терпимы, что съ сочувствіемъ смотримъ на глупцо
извиняемъ злодѣевъ, если только можно доказать, чт
поступали послѣдовательно. Но это нравственное само
бощеніе встрѣчается почти только у мужчинъ; въ духѣ
щины всегда пребываетъ, вѣчно живой и въ живомъ
женіи, элементъ свободы. Ежедневно мѣняютъ онѣ
взглядъ на міръ и вещи, по большей части безсознат
Утромъ онѣ просыпаются, какъ простодушныя дѣт
полдню созидаютъ цѣлую систему воззрѣній, а веч
снова разрушаютъ ее, какъ карточный домикъ. Если
дня ихъ правила дурны, то я держу пари, что завтр
будутъ наилучшія. Онѣ мѣняютъ свои мнѣнія такъ же
какъ платья. Если въ душѣ ихъ нѣтъ еще какой-н
господствующей мысли, то передъ нами самое милое
ніе—междуцарствіе духа. И это-то въ женщинахъ ест
мое чистое и самое могучее и руководитъ ими вѣрнѣе,
всѣ интеллектуально абстрактные свѣтильники, которые
мужчинъ, такъ часто заводятъ на ложную дорогу. Н
думайте однако, что я хочу здѣсь играть роль advo
diaboli и женщинъ хвалить еще сверхъ всего за безх
терность, которую съ такими вздохами оплакиваютъ
молокососы и сѣдыя бороды, одни—обиженные Аму
другіе—Гименеемъ. Притомъ замѣтьте, что произнос

мнѣніе о женщинахъ, я имѣю въ виду главнымъ
мъ полекъ, относительно нѣмокъ допуская исключеніе
е наполовину. У всей нѣмецкой націи, по ея при-
ному глубокомыслію, есть уже особенная закладка
го характера, почему и ея женщинамъ достается
нѣкоторый слой этого свойства, а съ годами слой
утолщается все болѣе и болѣе, такъ что у старухъ,
женщинъ среднихъ лѣтъ, т. е. сорокалѣтнихъ, онъ
дитъ уже въ довольно толстую, чешуйчатую роговую
ку. Безконечная разница между польками и нѣмками.
оизвели, вѣроятно, славянская натура вообще и поль-
равы въ особенности. Въ отношеніи очаровательности
буду ставить польку выше нѣмецкой женщины—ихъ
сравнивать въ этомъ отношеніи. Кто поставитъ Ве-
Тиціана выше Мадонны Корреджіо? Сопутницей себѣ
ренной солнцемъ цвѣтущей долинѣ я бы взялъ польку;
овой аллеѣ, при лунномъ сіяніи—нѣмку. Путешество-
о Испаніи, Франціи и Италіи желалъ бы я съ поль-
ля путешествія по пути жизни я бы взялъ нѣмку.
цъ домовитой хозяйки, воспитательницы дѣтей, на-
о смиренія и всѣхъ мирныхъ добродѣтелей нѣмки
рѣтите рѣдко между польками. Впрочемъ и у насъ
чества живутъ большею частью только въ бюргер-
сословіи и у той части дворянъ, которая усвоила
равы и обычаи бюргерства. Въ остальной части нѣ-
о дворянства отсутствіе этихъ домашнихъ добродѣ-
часто болѣе и гораздо чувствительнѣе замѣтно, чѣмъ
скихъ дворянокъ. По крайней мѣрѣ эти послѣднія
а не считаютъ этого недостатка даже достоинствомъ,
мъ слѣдуетъ гордиться, какъ многія нѣмецкія дво-
которыя, не имѣя достаточно состоянія или ума,
возвыситься надъ бюргерствомъ, стараются по край-
рѣ выдаваться презрѣніемъ къ бюргерскимъ добро-
ъ и сохраненіемъ ничего не стоящихъ стародворян-
слабостей и пороковъ. Польки тоже не такъ чванятся
предками, и польской барышнѣ никакъ не придетъ
ову видѣть для себя что-нибудь важное въ томъ, что
докъ рыцарь, грабившій по большимъ дорогамъ, нѣ-
столѣтій тому назадъ успѣлъ избѣгнуть заслужен-
ры. Религіозное чувство у нѣмокъ глубже, чѣмъ у
Польки живутъ болѣе внѣшней жизнью, чѣмъ вну-
й, это веселыя дѣти, которыя крестятся передъ обра-
порхаютъ въ жизни, какъ въ чудесной бальной залѣ,

красное должно явиться, когда на нее смотрятъ, какъ на дѣло патріотическое. Этотъ патріотизмъ, правда, заставитъ впасть во многія ошибки, особенно въ поэзіи и въ исторіи. Поэзія получитъ колоритъ возвышенный, но, вѣроятно, вмѣстѣ съ тѣмъ отрѣшится отъ французскаго покроя и приблизится къ нѣмецкой романтикѣ.—Одинъ милый пріятель мой, полякъ, сказалъ, желая особенно подразнить меня:— «у насъ тоже есть свои романтическіе поэты, какъ у васъ, только у насъ они сидятъ еще въ домѣ умалишенныхъ!»— Въ исторіи, вслѣдствіе политической скорби поляковъ, нельзя будетъ ожидать отъ нихъ полнаго безпристрастія, и исторія Польши будетъ слишкомъ односторонне и слишкомъ несоразмѣрно выдѣляться при исторіи всемірной, но зато они будутъ обращать усиленныя заботы на сохраненіе всего, особенно важнаго для исторіи Польши, и это тѣмъ старательнѣе, что вслѣдствіе грубаго обращенія съ книгами варшавской библіотеки въ послѣднюю войну боятся, чтобы не погибли всѣ польскіе національные памятники и документы; для этой цѣли, кажется, недавно одинъ изъ Замойскихъ основалъ въ отдаленномъ Эдинбургѣ польскую историческую библіотеку. Я заранѣе обращаю ваше вниманіе на много новыхъ сочиненій, которыя скоро появятся въ Варшавѣ, а что касается уже существующей польской литературы, то рекомендую вамъ весьма умное сочиненіе Каульфуса. Я возлагаю самыя большія надежды на этотъ духовный переворотъ Польши, и весь народъ польскій представляется мнѣ старымъ воиномъ, который повѣсилъ на гвоздь свой испытанный и лаврами повитый мечъ, занялся мирными искусствами, изучаетъ исторію прошедшаго, изслѣдуетъ силы природы и измѣряетъ звѣзды, или даже, какъ это дѣлаетъ Карно, краткость и долготу слоговъ. Полякъ такъ же ловко будетъ владѣть перомъ, какъ и мечомъ, и такъ же храбро дѣйствовать на поприщѣ науки, какъ и на знакомыхъ ему поляхъ сраженія, и именно потому, что умственная нива ихъ такъ долго была чужда обработки, она и дастъ разомъ пышный и разнообразный плодъ. У многихъ народовъ Европы умъ, именно вслѣдствіе давняго упражненія, какъ-то притупился, а тріумфомъ своихъ стремленій, совершившимся познаніемъ самого себя, произвелъ даже въ самомъ себѣ нѣкоторыя разрушенія. Поляки, кромѣ того, примутъ чистые результаты многовѣковыхъ умственныхъ усилій остальной Европы, и между тѣмъ какъ тѣ народы, которые до сихъ поръ трудились надъ вавилонскимъ столпотворе-

поддержать цѣлое и послужить къ его цвѣтущему развитію. Поляки, граничащее съ германскимъ міромъ славянское племя, повидимому, уже самимъ своимъ положеніемъ назначены къ исполненію извѣстныхъ цѣлей во всемірной исторіи. Ихъ нравственная борьба за сохраненіе своей народности постоянно вызывала событія, которыя цѣлому народу придавали совсѣмъ другой характеръ и должны были дѣйствовать также на характеръ сосѣднихъ народовъ. До сихъ поръ, какъ выше замѣчено, характеръ поляковъ былъ воинственный; каждый польскій дворянинъ былъ солдатъ, и Польша была огромной военной школой. Теперь уже не то, въ военную службу идутъ немногіе. Молодежь, однако, жаждетъ дѣятельности, и вотъ большинство выбрало теперь для себя другое поприще, именно научное. Слѣды этого новаго направленія замѣтны вездѣ; благопріятствуемое временемъ и мѣстомъ оно, какъ мы уже замѣтили, черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ сообщитъ новую физіономію всему характеру народа. Еще недавно видѣли вы въ Берлинѣ это радостное стеченіе молодыхъ поляковъ, съ жадною любознательностью и образцовымъ прилежаніемъ бросившуюся на всѣ отрасли науки и особенно черпавшую философію у ея источника, въ аудиторіи Гегеля; но теперь, вслѣдствіе нѣкоторыхъ несчастныхъ событій, она, къ сожалѣнію, снова оставила Берлинъ. Хорошій тоже признакъ, что поляки понемногу отстаютъ отъ слѣпой привязанности къ французской литературѣ, обращаются къ нѣмецкой, которою такъ долго пренебрегали, и, какъ только-что сказано, могли сдѣлаться послѣдователями именно глубокомысленнѣйшаго нѣмецкаго философа. Это послѣднее доказываетъ, что они поняли духъ нашего времени, печать и тенденція котораго— наука. Многіе поляки учатся теперь по-нѣмецки и на польскій языкъ переводится много хорошихъ нѣмецкихъ книгъ. Патріотизмъ служитъ также причиною этихъ явленій. Поляки боятся полнаго исчезновенія своей народности, они видятъ теперь, что поддержаніе ея много зависитъ отъ національной литературы, и (какъ ни странно это слышать, но меня серьезно увѣряли въ томъ многіе поляки) въ Варшавѣ работаютъ теперь надъ—польской литературой! Конечно, великое недоразумѣніе думать, будто бы можно въ столичной и литературной теплицѣ, посредствомъ ученаго общества, завести литературу—литературу, которая должна органически возникать изъ жизни цѣлаго народа. Но этимъ все-таки начало сдѣлано, и въ литературѣ что-нибудь пре-

наго. Изъ исторіи видно, что большая часть людей, сдѣлавшихъ что-либо великое, провели свою молодость въ тихой сельской жизни.—Въ послѣднее время стали очень восхвалять монастырское воспитаніе среднихъ вѣковъ, хвалили методу монастырскихъ школъ и исчисляли великихъ людей, которые вышли оттуда и которые и теперь, въ наше спеціально умное время, могли бы много значить; но при этомъ забывали, что не монахи воспитали ихъ, а монашеское уединеніе, не метода монастырскихъ школъ, а сама тихая монастырская жизнь. Если-бъ наши воспитательныя заведенія обнести высокою стѣною, это было бы гораздо дѣйствительнѣе, чѣмъ всѣ наши педагогическія системы, какъ идеально гуманистическія, такъ и практически Базедовскія. Сдѣлай то же самое съ нашими женскими пансіонами, такъ свободно процвѣтающими теперь между зданіями театра, и танцкласса, и вахтъ-парада, наши пансіонерки излѣчились бы отъ своей калейдоскопообразной фантастичности и водянисто-мелодраматической сентиментальности.

О населеніи прусско-польскихъ городовъ я не буду вамъ много писать; это смѣсь прусскихъ чиновниковъ, переселившихся нѣмцевъ, поляковъ, евреевъ, военныхъ и т. д. Къ прусскимъ нѣмцамъ-чиновникамъ польскіе дворяне относятся не съ особенною любезностью. Многіе изъ польскихъ чиновниковъ назначаются въ Польшу часто противъ своего желанія и стараются какъ можно скорѣе воротиться домой; другіе же удерживаются въ Польшѣ своими домашними обстоятельствами. Нѣкоторые изъ нихъ, впрочемъ, рады, что удалились изъ нѣмецкой земли, они стремятся какъ можно скорѣе вызѣвать тѣ немногія научныя познанія, которыя чиновникъ долженъ пріобрѣсть для своего экзамена; всю свою житейскую философію они строятъ на хорошемъ обѣдѣ, и за кружкой своего сквернаго пива ругаютъ польскихъ пановъ, попивающихъ каждый день венгерское и не имѣющихъ надобности писать бумаги. О прусскихъ военныхъ, здѣсь стоящихъ, нечего сказать особеннаго; они, какъ вездѣ, храбры, сильны, вѣжливы, чистосердечны и честны. Поляки уважаютъ ихъ, потому что сами по натурѣ воинственны, и храбрый чтитъ храбрыхъ; но о болѣе близкихъ отношеніяхъ еще нѣтъ рѣчи.

Познань, главный городъ герцогства, имѣетъ видъ мрачный, невеселый. Привлекательно въ немъ только то, что тутъ очень много католическихъ церквей, но ни одной красивой. Напрасно я странствовалъ каждое утро изъ костела

въ костелъ, отыскивая хорошія старыя картины. Всѣ старыя картины по-моему нехороши, а сколько-нибудь хорошія не стары. У поляковъ фатальная привычка подновлять свои церкви. Въ древнемъ соборѣ Гнѣзна, древней столицы Польши, я нашелъ все новыя картины и новыя украшенія. Заинтересовали меня тамъ только литыя изъ чугуна церковныя двери со множествомъ фигуръ, нѣкогда бывшія воротами Кіева и вывезенныя оттуда, какъ трофей побѣды, Богуславомъ; на нихъ виденъ до сихъ поръ ударъ его меча. Наполеонъ, въ свое пребываніе въ Гнѣзнѣ, велѣлъ выпилить для себя кусокъ этихъ дверей и такимъ высокимъ вниманіемъ еще болѣе возвысилъ ихъ значеніе. За обѣдней въ гнѣзненскомъ соборѣ я слышалъ четырехголосную пѣснь, сочиненную, говорятъ, самимъ св. Адальбертомъ, здѣсь похороненнымъ и которая поется каждое воскресенье. Познанскій соборъ—новый; по крайней мѣрѣ, кажется новымъ, и потому мнѣ не понравился. Подлѣ него стоитъ дворецъ архіепископа, который есть тоже и гнѣзненскій архіепископъ, а слѣдовательно и римскій кардиналъ, почему онъ и носитъ красные чулки. Это весьма образованный, французски вѣжливый, сѣдой и маленькій человѣкъ. Высшее духовенство въ Польшѣ составляется всегда изъ членовъ знатнѣйшихъ дворянскихъ фамилій; низшее—изъ плебеевъ, оно грубо, невѣжественно и предано разгулу. По сцѣпленію мыслей, перехожу прямо къ театру. Здѣшніе жители предложили въ помѣщеніе музамъ великолѣпное зданіе; но божественныя дамы въ немъ не поселились, а послали въ Познань только своихъ камеръ-юнгферъ, которыя рядятся въ платья своихъ госпожъ и дѣйствуютъ на терпѣливыхъ театральныхъ подмосткахъ. Одна топорщится, какъ павлинъ, другая носится, какъ бекасъ, третья клокчетъ, какъ индѣйка, а четвертая прыгаетъ на одной ногѣ, какъ аистъ. Но восхищенная публика оретъ, что есть мочи, эполетный человѣкъ кричитъ; «по чести это сама Мельпомена! Талія! Полигимнія! Терпсихора!» Есть также здѣсь и театральный рецензентъ. Точно несчастному городу мало одного театра! Прекрасныя рецензіи этого прекраснаго рецензента пока еще печатаются только въ «Познанской Городской Газетѣ», но скоро ихъ издадутъ въ свѣтъ, какъ продолженіе Лессинговой «Драматургіи». Можетъ-быть, однако, что этотъ провинціальный театръ показался мнѣ такъ дуренъ потому, что я сюда пріѣхалъ прямо изъ Берлина и только-что видѣлъ актрисъ Штихъ и Шрекъ. Нѣтъ, я не буду хулить

весь познанскій театръ; признаюсь даже, что есть въ немъ одинъ прекрасный талантъ, два порядочныхъ субъекта и нѣсколько не совсѣмъ скверныхъ. Прекрасный талантъ, о которомъ я говорю—дѣвица Пайенъ. Ея обыкновенное амплуа—первыхъ любовницъ. У ней нѣтъ плаксивости и жеманнаго ломанія тѣхъ чувствительныхъ душъ, которыя воображаютъ въ себѣ призваніе къ сценѣ потому только, что, можетъ-быть, въ жизни съ нѣкоторымъ успѣхомъ играютъ роли сентиментальныхъ или кокетокъ, и которыхъ хотѣлось бы со свистомъ согнать со сцены, именно, потому, что въ уединенномъ кабинетѣ сталъ бы имъ сердечно аплодировать. Дѣвица Пайенъ съ одинаковымъ успѣхомъ играетъ и самыя разнородныя роли, напримѣръ, Елисавету и Марію. Но лучше всего казалась мнѣ она въ комедіи, въ салонныхъ пьесахъ, и тутъ особенно въ веселыхъ, насмѣшливыхъ роляхъ. Она просто привела меня въ восторгъ въ роли Полины въ «Sorge ohne Noth und Noth ohne Sorge». У нея та внутренняя игра, пріятно на васъ дѣйствующая увѣренность, та увлекающая смѣлость, почти удальство игры, какія мы встрѣчаемъ у истинныхъ великихъ талантовъ. Я смотрѣлъ на нее съ восторгомъ также въ мужскихъ роляхъ, напримѣръ, въ «Признаніи въ любви», въ «Цезаріо» Вольфа; тутъ я могъ бы только упрекнуть ее за нѣкоторыя слишкомъ угловатыя движенія рукъ, каковой недостатокъ я, впрочемъ, ставлю въ вину тѣмъ мужчинамъ, которые ей служатъ образцомъ. Мадмуазель Пайенъ также прекрасная пѣвица и танцовщица, имѣетъ счастливую наружность, и было бы очень жаль, если-бъ эта даровитая дѣвушка погибла въ болотахъ странствующихъ труппъ.

Полезный субъектъ познанскаго театра—г. Карльсенъ; онъ не портитъ никакой роли; г-жу Пайенъ также можно назвать хорошей актрисой, особенно въ роляхъ комическихъ старухъ. Особенно понравилась мнѣ она, какъ возлюбленная «Шиберле». Она играетъ тоже смѣло и свободно и не имѣетъ обыкновеннаго недостатка тѣхъ актрисъ, которыя хотя и съ большимъ искусствомъ играютъ эти старушечьи роли, но все-таки желаютъ дать намъ почувствовать, что въ старой коробкѣ сидитъ еще весьма пріятная дама. Г. Ольденбургъ, красивый мужчина, въ роли первыхъ любовниковъ въ комедіи очень плачевенъ, образецъ неповоротливости и безпомощности, но героемъ въ трагедіи довольно сносенъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что у него есть дарованіе къ трагедіи, но въ его длинныхъ рукахъ, пер-

пендикулярно болтающихся около его колѣнъ, я не вижу рѣшительно никакого сценическаго таланта. Онъ мнѣ понравился въ роли Ричарда въ «Розамундѣ», и я извиняю ему его фальшивый паѳосъ, потому что этотъ послѣдній есть въ самой пьесѣ. Въ этой трагедіи нравился мнѣ даже г. Муншъ, въ роли короля, въ концѣ второго акта, въ неподражаемой сценѣ самаго трескучаго эффекта. Г. Муншъ, когда войдетъ въ пассію, издаетъ обыкновенно звуки, похожіе на собачій лай. Дѣвица Францъ, тоже на роляхъ первыхъ любовницъ, играетъ скверно изъ скромности. У нея въ физіономіи есть нѣчто говорящее, именно—ротъ. Г-жа Фабриціусъ—милая фигурка и, конечно, весьма очаровательная женщина внѣ театра. Ея мужъ, г. Фабриціусъ, такъ мастерски пародировалъ Фридриха Великаго въ комедіи «Герцогскій Приказъ», что въ это должна бы была вмѣшаться полиція. Г-жа Карльсенъ — жена господина Карльсена. Но комикъ здѣсь—г. Фохтъ; онъ вездѣ самъ это говоритъ, потому что составляетъ афиши комедіи. Это любимецъ райка, у котораго правило, что всѣ роли надо играть на одинъ манеръ, и я съ удивленіемъ видѣлъ, что онъ остался вѣренъ этому правилу и какъ «Fels von Felsenburg», и какъ глупый «баронъ» въ «Alpenröschen», и какъ «предводитель мѣщанъ» въ «Vogelschiessen» и пр. Вездѣ это былъ тотъ же г. Эрнестъ Фохтъ, со своимъ фистульнымъ комизмомъ. Другого комика пріобрѣлъ недавно познанскій театръ въ г. Аккерманѣ, котораго я съ большимъ удовольствіемъ видѣлъ въ «Штаберле» и въ «Фальшивой Каталани». Madame Лейтнеръ—содержательница познанской труппы, и только-что сводитъ концы съ концами. Прежде нея играла здѣсь Келерова труппа, которая теперь въ Гнѣзнѣ и находится въ печальнѣйшемъ положеніи. Видъ этихъ печальныхъ сиротъ германскаго искусства, безъ хлѣба и дружескаго поощренія странствующихъ по чужой, холодной Польшѣ, возбуждалъ во мнѣ искреннюю жалость. Я видѣлъ ихъ въ Гнѣзнѣ, на открытомъ, высокими дубами романтически обсаженномъ мѣстѣ, называемомъ «Лѣсная Кружка»; они представляли пьесу подъ заглавіемъ «Біанка ди Торедо, или Осада Кастельнеро» большое рыцарское представленіе въ пяти картинахъ, Винклера; было тутъ множество стрѣльбы, и лошадей, и сраженій, и глубоко тронули меня эти бѣдныя, запуганныя принцессы, которыхъ дѣйствительная скорбь замѣтно свѣтила сквозь ихъ печальную декламацію, домашняя нужда

такъ и выглядывала изъ-за княжескихъ, мишурою шитыхъ мантій, и горе не было вполнѣ прикрыто румянами на щекахъ. Недавно играла здѣсь и польская труппа изъ Кракова. Г-жа Лейтнеръ уступила имъ за двѣсти талеровъ свой театръ на четырнадцать представленій. Поляки большею частью играли оперы. Конечно, не обошлось безъ сравненій ихъ съ нѣмецкой труппой. Познанцы нѣмецкаго нарѣчія, хотя и признавали, что польскіе актеры играли лучше, чѣмъ нѣмецкіе, и лучше пѣли, и лучше одѣвались, но прибавляли, что они «не имѣли никакого приличнаго вида». И это правда: у нихъ не было традиціоннаго театральнаго этикета и напыщенной, жеманной и переслащенной важности нѣмецкихъ актеровъ. Поляки играютъ комедіи, мѣщанскія драмы и оперы, придерживаясь легкихъ французскихъ образцовъ, но съ оригинальной польской искренностью. Въ трагедіи я, къ сожалѣнію, не видѣлъ ихъ. Думаю, что ихъ главная сила въ сентиментальномъ. Это я уже замѣтилъ въ представленіи «Карманной Книжки» Коцебу, которую здѣсь давали подъ названіемъ «Янъ Грудзинскій, староста изъ Равы», драма въ трехъ дѣйствіяхъ, съ нѣмецкаго, Л. А. Дмушевскаго. Я былъ пораженъ увлекательно нѣжнымъ изліяніемъ горести г-жи Шимкайло, игравшей роль Ядвиги, дочери обвиненнаго старосты. Г. Влодекъ, любовникъ Ядвиги, придалъ своей декламаціи тотъ же сентиментальный колоритъ. Нюхающій табакъ старикъ подлинника былъ замѣненъ нюхающимъ домашнимъ учителемъ, котораго г. Зебровскій сыгралъ довольно безцвѣтно. Несравненно граціозны были пѣвицы, и грубый польскій языкъ звучалъ въ этихъ устахъ, какъ итальянскій. Г-жа Скибинская усладила мою душу въ роли «наварской принцессы», Зетульбы въ «Калифѣ Багдадскомъ» и Алины. Такой Алины я еще никогда не слыхалъ. Въ сценѣ, когда она своимъ пѣніемъ усыпляетъ своего возлюбленнаго и получаетъ непріятныя вѣсти, она и играла такъ, какъ рѣдко играетъ пѣвица. Эта Алина и ея же веселая Голькондa еще долго будутъ носиться передъ моими глазами и звучать въ моихъ ушахъ. Г-жа Завадская премилая Лоренца, ласковая прекрасная дѣвушка. Г-жа Влодкова тоже поетъ прекрасно. Г. Завадскій въ роли Оливье поетъ очень хорошо, но играетъ дурно. Г. Романовскій очень хорошъ въ роли Іоанна. Г. Шимкайло весьма замѣчательный буффо. Но у поляковъ нѣтъ «никакого приличнаго вида». Прелесть новизны, конечно, содѣйствовала тому, что мнѣ такъ

понравились польскіе актеры. При каждомъ ихъ представленіи театръ былъ полонъ. Всѣ находящіеся въ Познани поляки посѣщали театръ изъ патріотизма. Большинство польскихъ дворянъ, которыхъ имѣнія недалеко отъ города, нарочно пріѣзжали изъ деревень, чтобы видѣть по-польски сыгранныя пьесы. Первый ярусъ былъ обыкновенно занятъ польскими красавицами, которыя, какъ гирлянда цвѣтовъ, весело сидѣли рядомъ и изъ партера представляли прекраснѣйшее зрѣлище.

О древностяхъ города Познани и вообще великаго герцогства я вамъ ничего не пишу, такъ какъ теперь этимъ занимается одинъ, гораздо болѣе меня опытный археологъ, который въ скоромъ времени, вѣроятно, сообщитъ объ этомъ публикѣ много интереснаго. Это именно здѣшній профессоръ Максимиліанъ Шотки, который по порученію нашего правительства провелъ шесть лѣтъ въ Вѣнѣ, собирая матеріалы для германской исторіи и филологіи. Побуждаемый юношескимъ энтузіазмомъ къ этимъ предметамъ, обладая притомъ основательнѣйшими учеными свѣдѣніями, профессоръ Шотки привезъ съ собой богатую литературную добычу, которая можетъ считаться истиннымъ сокровищемъ для любителей нѣмецкой старины. Съ какимъ безпримѣрнымъ прилежаніемъ и съ какою неутомимой дѣятельностью долженъ былъ онъ работать въ Вѣнѣ, чтобы привезти оттуда ни болѣе, ни менѣе, какъ тридцать шесть толстыхъ-претолстыхъ, да еще четко переписанныхъ томовъ in quarto! Кромѣ цѣлыхъ списковъ старонѣмецкихъ стихотвореній, хорошо выбранныхъ и назначенныхъ для берлинской и бреславльской библіотекъ, эти томы содержатъ много уже приготовленныхъ къ изданію большихъ, преимущественно историческихъ поэмъ и пѣсенъ тринадцатаго столѣтія, съ основательнѣйшими примѣчаніями, варіантами, указателемъ; тутъ же есть и прозаическія редакціи нѣкоторыхъ поэмъ, большею частью относящихся къ циклу пѣсенъ о королѣ Артурѣ и весьма интересныхъ для читающаго міра вообще; далѣе, остроумно и тщательно сдѣланныя сближенія изъ печатныхъ и непечатныхъ памятниковъ, надписи которыхъ служатъ къ объясненію многихъ и важнѣйшихъ житейскихъ отношеній въ средніе вѣка; потомъ находимъ чисто историческіе памятники, въ числѣ которыхъ полная въ главныхъ частяхъ выписка изъ памятныхъ книжекъ императора Максимиліана I отъ 1494—1508 года, занимающая три толстыхъ тома in 4°, и собраніе старыхъ документовъ позднѣйшаго времени нап-

болѣе важны, потому что первые проливаютъ яркій свѣтъ на жизнь великаго императора и духъ его времени, а послѣдніе, списанные съ точнымъ сохраненіемъ древняго правописанія, очень много открываютъ изъ многихъ семейныхъ дѣлъ австрійскаго дома и не всѣмъ доступны, ибо г. Шотки только по особенной милости были открыты архивы. Наконецъ, эти томы содержатъ въ себѣ до полуторы тысячи пѣсенъ изъ старыхъ, забытыхъ сборниковъ, изъ рѣдкихъ газетныхъ листковъ, и записанныхъ прямо изъ устъ народа—матеріалы для исторіи австрійскаго стихотворства; кромѣ того, мелкія пѣсни и небольшія поэмы, извлеченія изъ рѣдкихъ книгъ, любопытныя устныя преданія и легенды, поговорки, автографы австрійскихъ государей, множество уголовныхъ дѣлъ о вѣдьмахъ въ подлинникѣ, свѣдѣнія о воспитаніи, нравахъ и обычаяхъ, празднествахъ въ Австріи, и множество другихъ важныхъ и иногда курьезныхъ замѣтокъ. Хотя о глубокомъ знаніи среднихъ вѣковъ и близкомъ проникновеніи въ самый духъ ихъ свидѣтельствуютъ упомянутыя мною выше основательныя сближенія подъ различными рубриками, но этотъ пріемъ есть собственно недостатокъ бреславльской школы, къ которой принадлежитъ профессоръ Шотки. По моему мнѣнію, картина полной умственной жизни среднихъ вѣковъ исчезаетъ, если отдѣльные ея моменты помѣщать каждый въ особой категоріи, хотя для большинства публики, очень удобно и пріятно находить, напримѣръ, какъ это большею частью у Шотки, подъ рубрикой «рыцарство», все, что относится до жизни рыцарей, воспитанія, вооруженія, турнировъ и пр., или подъ рубрикой «женщины», всевозможные отрывки изъ поэтовъ и свѣдѣній обо всемъ, что касается жизни женщинъ въ средніе вѣка; точно такъ же далѣе подъ рубриками «охота», «любовь», «вѣра» и т. д. О вѣрѣ въ средніе вѣка профессоръ Шотки скоро издастъ (у Маркса въ Бреславлѣ) сочиненіе подъ заглавіемъ: «Богъ, Христосъ и Марія». Въ «Zeitschrift für Vergangenheit und Gegenwart», которое съ будущаго года будетъ издавать Шотки (у Мунка въ Познани), вѣроятно явится много его драгоцѣнныхъ статей о среднихъ вѣкахъ и важныхъ результатовъ его изслѣдованій, хотя самое изданіе должно въ то же время обнять чуть не всю самую современную современность, и прежде всего имѣть цѣлью литературное сближеніе восточной Германіи съ южною и западною. Очень жаль, однако, что этотъ ученый живетъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ у

него нѣтъ пособій для обработки и изданія его сокровищницы матеріаловъ. Въ Познани нѣтъ никакой библіотеки, по крайней мѣрѣ, такой, которая заслуживала бы это названіе. Въ «Аллеѣ» — улицѣ, представляющей въ миніатюрѣ берлинскую Unter der Linden, строятъ теперь книгохранилище, и когда кончатъ, станутъ понемногу снабжать его книгами; но было бы очень прискорбно, если бы матеріалы Шотки такъ долго оставались необработанными и недоступными для публики. Кромѣ того, надобно жить въ дѣйствительной Германіи, когда занимаешься трудомъ, требующимъ полнаго погруженія въ нѣмецкій духъ и нѣмецкую натуру. Изслѣдователя германскихъ древностей должны осѣнять германскіе дубы. Въ сарматскомъ воздухѣ можетъ, пожалуй, охладиться или улетучиться знойный энтузіазмъ къ германщинѣ! Желательно, чтобы нашъ славный Шотки имѣлъ всегда тѣ внѣшнія поощренія, безъ которыхъ невозможенъ никакой необыкновенный трудъ. Здѣсь онъ направленъ на одно изъ самыхъ святыхъ и важныхъ для насъ дѣлъ—на нашу исторію. Интересъ къ ней, правда, еще не очень возбужденъ въ нашемъ народѣ. Дѣло стоитъ даже такъ, что въ настоящее время изученіе древненѣмецкихъ памятниковъ искусства и исторіи вообще не пользуется особымъ уваженіемъ, и именно потому, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ оно было въ большой модѣ, что всѣ портные и сапожники кричали о своемъ патріотизмѣ и что непризванные друзья вредили дѣлу хуже отъявленныхъ враговъ. Желательно, чтобъ также пришло время, когда и среднимъ вѣкамъ возвратятъ ихъ права; когда никакой нелѣпый апостолъ сухого «просвѣщенія» не будетъ составлять опись темныхъ сторонъ великой картины, для того, чтобы этимъ способомъ сдѣлать комплиментъ своему свѣтлому настоящему; когда ученые школяры перестанутъ проводить параллель между кельнскимъ соборомъ и Пантеономъ, «Нибелунгами» и «Одиссеей»; когда вся прелесть и все величіе среднихъ вѣковъ начнутъ понимать изъ ихъ органической связи и сравнивать эти вѣка только съ ними же самими; когда «Пѣсню о Нибелунгахъ» назовутъ переложеннымъ въ стихи кельнскимъ соборомъ, а кельнскій соборъ — сложенною изъ камня «Пѣснью о Нибелунгахъ».

АЛЬБЕРТЪ МЕТФЕССЕЛЬ.

(1823 г.).

Нашъ добрый городъ Гамбургъ, понесшій нѣсколько лѣтъ тому назадъ памятную до сихъ поръ потерю, въ лицѣ унесеннаго смертью славнаго, грубаго, честнаго, глубоко свѣдущаго и анти-Каталаніевскаго Швенке, теперь, повидимому, будетъ достаточно вознагражденъ за нее тѣмъ, что въ немъ имѣетъ намѣреніе поселиться одинъ изъ лучшихъ нѣмецкихъ музыкантовъ. Это—Альбертъ Метфессель, пѣсни котораго распространены по всей Германіи, любимы всѣми классами народа и поются какъ въ музыкальныхъ собраніяхъ добродушныхъ филистерчиковъ, такъ и въ кабачныхъ сборищахъ пьянствующихъ гулякъ. Пишущій эти строки тоже въ свое время распѣвалъ не одну чудесную пѣсню изъ Метфессельскаго студенческаго сборника и уже въ ту пору высоко цѣнилъ и композитора, и сборникъ. Да, безграничнаго почитанія заслуживаютъ композиторы, дающіе намъ такія мелодіи, которыя находятъ себѣ доступъ въ народъ и разносятъ въ немъ дѣйствительную жизнерадостность и истинно веселое настроеніе. У большинства композиторовъ все въ душѣ до такой степени искусственно, загрязнено и исковеркано, что они не въ состояніи произвести ничего чистаго, простого, однимъ словомъ, ничего натуральнаго, — а натуральное, органически происшедшее и запечатлѣнное невозможною для какого бы то ни было подражанія правдою есть именно то, что сообщаетъ пѣсеннымъ мелодіямъ ту волшебную прелесть, которая напечатлѣваетъ ихъ во всѣхъ душахъ и дѣлаетъ популярными. Правда, нѣкоторые изъ нашихъ композиторовъ остаются еще настолько близкими къ натурѣ, что въ состояніи сочинять подобныя безыскусственныя пѣсни; но часть ихъ считаютъ такую работу

слишкомъ ничтожною для себя, другіе находятъ удовольствіе въ умышленныхъ отступленіяхъ отъ натуры и боятся, можетъ-быть, что если они не будутъ совершать музыкальные фокусы, то публика перестанетъ смотрѣть на нихъ, какъ на истинныхъ художниковъ. Главная причина общаго пренебреженія къ пѣснѣ—театръ: всякій, изучившій, или наполовину изучившій, или даже никогда не изучавшій генералъ-баса, лѣзетъ на сцену. Повсюду простое обезьянничанье, гибель многихъ дѣйствительныхъ дарованій! Мягенькія цвѣточныя души усиливаются разражаться трубными и барабанными звуками слоновой музыки; здоровенные парни тщатся выдыхать изъ себя прелестную мелодію—Россиніевскую музыку Розины!.. Дай Господи имъ исправиться! Вотъ почему мы должны чтить такихъ композиторовъ, какъ Метфессель—и его въ особенности—и съ благодарностью воздавать должное его пѣснямъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ

къ книгѣ А. Вейля

„Картинки нравовъ изъ эльзасской жизни".

(1847 г.).

А. Вейль, авторъ эльзасскихъ изданій, которымъ мы посвящаемъ здѣсь нѣсколько напутственныхъ строкъ, утверждаетъ, что онъ первый ввелъ этотъ жанръ на книжный рынокъ. Это совершенно справедливо, какъ увѣряютъ нѣкоторые наши друзья, выражающіе при этомъ мнѣніе, что названный авторъ написалъ не только первые, но и лучшіе разсказы изъ сельской жизни. Незнакомство съ образцовыми произведеніями современной литературы по ту сторону батюшки-Рейна не позволяетъ намъ составить объ этомъ свое собственное, самостоятельное сужденіе.

Впрочемъ, самому жанру, сельскому разсказу, мы не отводимъ значительнаго мѣста въ литературѣ, а что касается первенства его открытія, то въ этомъ мы тоже не видимъ особенно большой заслуги. Главное дѣло заключается и останется въ томъ, что настоящая работа въ своемъ родѣ хороша и удачно выполнена, и въ этомъ отношеніи она заслуживаетъ съ нашей стороны самой искренней похвалы и самаго радушнаго пріема.

Г. Вейль не принадлежитъ, конечно, къ числу тѣхъ писателей, которые съ прирожденнымъ талантомъ пластическаго воспроизведенія создаютъ вдумчиво гармоническіе художественные образы, но зато онъ обладаетъ рѣдкой, бьющей у него ключомъ непосредственностью чувства и мысли, впечатлительной, восторженной душой и живымъ умомъ, который оказываетъ ему изумительную услугу въ повѣствованіи и въ описаніи и придаетъ его литературнымъ произведеніямъ характеръ продуктовъ природы. Онъ схватываетъ жизнь во

всѣхъ ея мгновенныхъ проявленіяхъ, ловитъ ее на-лету и самъ представляетъ собой, такъ сказать, страстный дагеротипъ, отражающій въ себѣ міръ явленій болѣе или менѣе удачно, а иногда, смотря по прихоти случая, и поэтически. Этотъ замѣчательный талантъ, или, лучше сказать, эти свойства его натуры обнаруживаются также и въ другихъ сочиненіяхъ г. Вейля, особенно въ его недавно вышедшемъ историческомъ сочиненіи о крестьянской войнѣ, въ его очень интересныхъ, очень пикантныхъ и очень боевыхъ статьяхъ, въ которыхъ онъ выступаетъ бойцомъ за великое дѣло нашего времени съ самымъ похвально безумнымъ пыломъ. Здѣсь нашъ авторъ высказывается весь, со всѣми своими соціальными добродѣтелями и эстетическими погрѣшностями: здѣсь мы видимъ его во всемъ его агитаторскомъ великолѣпіи и со всѣми его недочетами. Здѣсь онъ является вполнѣ европейски утомленнымъ сыномъ движенія, который не въ силахъ болѣе выносить всѣ неудобства и гнусности нашего теперешняго мірового порядка и галопомъ вылетаетъ въ будущее верхомъ на идеѣ...

Да, такіе люди являются не только носителями идеи, но и сами носимы ею, какъ всадники, насильно посаженные на лошадь и скачущіе безъ сѣдла и узды: они какъ будто привязаны нагими къ идеѣ, какъ Мазепа къ своему дикому коню на извѣстныхъ картинахъ Ораса Верне; она мчитъ ихъ черезъ всѣ страшные выводы, черезъ всѣ степи и пустыни, по горамъ и по дебрямъ, колючіе терніи раздираютъ имъ члены, лѣсные звѣри хватаютъ ихъ зубами, когда они пролетаютъ мимо нихъ, кровь струится изъ ихъ ранъ—куда же они, въ концѣ концовъ, прискачутъ? Къ донскимъ казакамъ, какъ на картинѣ Верне? Или къ золотой рѣшеткѣ тѣхъ блаженныхъ садовъ, гдѣ разгуливаютъ нѣкіе боги...

Кто эти боги?

Не знаю, какъ ихъ зовутъ, но великіе поэты и мудрецы всѣхъ вѣковъ давно уже возвѣстили ихъ. Покамѣсть они еще таинственно сокрыты; но въ вѣщихъ сновидѣніяхъ я дерзаю приподнимать ихъ покрывало, и тогда я вижу... Не могу этого выговорить, потому что при этомъ зрѣлищѣ меня охватываетъ горделивый испугъ, и онъ сковываетъ мой языкъ. Ахъ! вѣдь я еще дитя прошлаго, я еще не исцѣлился отъ того рабскаго смиренія, отъ того самопрезрѣнія со скрежетомъ зубовъ, которыми человѣчество страдало въ продолженіе полуторы тысячъ лѣтъ, и которыя мы

всосали вмѣстѣ съ суевѣрнымъ молокомъ матери... Я не смѣю высказать, что̀ видѣлъ... Но наши болѣе здоровые потомки будутъ съ самымъ радостнымъ спокойствіемъ созерцать ихъ божественность, исповѣдывать и утверждать ее. Понять болѣзнь ихъ отцовъ имъ будетъ трудно. Они будутъ слушать, какъ сказку, разсказы о томъ, что во время оно люди отказывались отъ всѣхъ наслажденій земли, умерщвляли свою плоть, притупляли свой духъ, убивали расцвѣтъ дѣвушки и гордость юноши, постоянно лгали и хныкали, терпѣли самыя нелѣпыя страданія... мнѣ нечего говорить въ угоду *кому!*

Въ самомъ дѣлѣ, нашимъ внукамъ покажется, что они слышатъ бабью сказку, если имъ разсказать все, во что мы вѣрили, все, что̀ мы выстрадали! И они будутъ очень жалѣть насъ! Когда-нибудь, когда эти прекрасные внуки, подобно радостному собранію боговъ, будутъ въ своихъ храмахъ-дворцахъ, вокругъ алтаря, посвященнаго ими самимъ себѣ, бесѣдовать о старыхъ исторіяхъ человѣчества— можетъ-быть, кто-нибудь изъ стариковъ разскажетъ такія вещи, отъ которыхъ щеки женщинъ поблѣднѣютъ, и цвѣточные вѣнки видимо задрожатъ на ихъ прекраснокудрыхъ головахъ. Мужчины же бросятъ новаго куренія на очагъ алтаря, чтобы разсѣять его благовоніемъ мрачныя, страшныя воспоминанія.

Писано въ Парижѣ въ великую пятницу 1847 г.

„ГУГЕНОТЫ“ МЕЙЕРБЕРА.

Парижъ, 1-го марта 1836 г.

Для парижскаго большого свѣта вчера былъ знаменательный день: въ Оперномъ театрѣ давали первое представленіе давно желательныхъ «Гугенотовъ» Мейербера, а Ротшильдъ давалъ въ своемъ новомъ отелѣ свой первый большой балъ. Мнѣ хотѣлось въ одинъ и тотъ же вечеръ насладиться обоими этими великолѣпными зрѣлищами, и я такъ переутомился, что до сихъ поръ еще какъ въ чаду: мысли и образы шатаются въ моей головѣ, и я почти не въ состояніи писать отъ шума въ ушахъ и усталости. Ни о какой оцѣнкѣ не можетъ быть и рѣчи. «Роберта Дьявола» надо было прослушать разъ двѣнадцать, чтобы постигнуть всю красоту этого чуднаго произведенія. А въ «Гугенотахъ», какъ увѣряютъ знатоки искусства, Мейерберъ выказалъ еще большее совершенство формы, еще болѣе тонкое выполненіе частностей. Онъ, конечно, величайшій изъ нынѣ живущихъ контрапунктистовъ, величайшій художникъ въ музыкѣ; онъ выступаетъ этотъ разъ съ совершенно новыми формами; онъ создаетъ новыя формы въ царствѣ звуковъ, даетъ онъ также новыя мелодіи, совершенно необыкновенныя, но даетъ ихъ не въ анархическомъ изобиліи, а гдѣ и когда хочетъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онѣ нужны. Этимъ именно онъ и отличается отъ другихъ геніальныхъ музыкантовъ, у которыхъ богатство мелодій въ сущности изобличаетъ недостатокъ художественности, ибо они сами увлекаются потокомъ своихъ мелодій и скорѣе подчиняются музыкѣ, чѣмъ властвуютъ надъ ней. Совершенно правильно сравнивали вчера въ фойе Оперы Мейерберовское пониманіе искусства съ Гётевскимъ. Только въ противоположность Гёте, у нашего вели-

каго маэстро любовь его къ искусству, къ музыкѣ, приняла такой страстный характеръ, что его поклонники часто безпокоятся за его здоровье. Къ этому человѣку поистинѣ примѣнимо восточное сравненіе со свѣчой, которая, свѣтя другимъ, сама себя сожигаетъ. При этомъ онъ отъявленный врагъ всякой не-музыки, всякихъ дисгармоническихъ звуковъ, всего неблагозвучнаго, всякаго воя и визга, и о его антипатіи къ кошкамъ и кошачьимъ концертамъ разсказываютъ самыя забавныя вещи. Уже одна близость кошки можетъ выгнать его изъ комнаты, даже довести до обморока. Я убѣжденъ, что если бы было нужно, Мейерберъ умеръ бы за какую-нибудь музыкальную фразу, какъ другіе умирали за догматъ вѣры. Да, я того мнѣнія, что если бы въ день страшнаго суда который-нибудь изъ ангеловъ затрубилъ фальшиво, то Мейерберъ былъ бы способенъ остаться спокойно въ гробу и не принять никакого участія во всеобщемъ воскресеніи. Своей пламенной любовью къ дѣлу, равно какъ и своей личной скромностью, своимъ благороднымъ, добрымъ характеромъ, онъ навѣрно побѣдитъ и всю ту мелкую оппозицію, которая, будучи вызвана колоссальнымъ успѣхомъ «Роберта Дьявола», съ тѣхъ поръ имѣла достаточно времени, чтобы сплотиться воедино, и на этотъ разъ при его новомъ тріумфальномъ шествіи, конечно, разразится самыми злобными пѣснями. Поэтому не удивляйтесь, если въ общемъ хорѣ похвалъ послышится, можетъ-быть, нѣсколько рѣзкихъ диссонирующихъ звуковъ. Музыкальный торговецъ, не сдѣлавшійся издателемъ новой оперы, составитъ, конечно, центръ этой оппозиціи, а къ нему примкнутъ нѣсколько громкихъ музыкальныхъ именъ, давно уже потухшихъ, или еще никогда не свѣтившихъ. Удивительное зрѣлище представляла вчера вечеромъ большая Оперная зала, наполненная самой изящной публикой Парижа, нарядно разодѣтой и проникнутой трепетнымъ ожиданіемъ, серьезною почтительностью, чуть не благоговѣніемъ. Казалось, всѣ сердца были потрясены. Это была музыка.—А потомъ Ротшильдовскій балъ. Такъ какъ я покинулъ его только въ четыре часа утра и еще не спалъ, то чувствую себя слишкомъ утомленнымъ, чтобы дать вамъ подробный отчетъ о помѣщеніи, въ которомъ происходило это празднество, объ этомъ новомъ, выстроенномъ совершенно во вкусѣ Возрожденія дворцѣ и о публикѣ, съ удивленіемъ расхаживавшей въ немъ. Эта публика представляла, какъ и на всѣхъ Ротшильдовскихъ вечерахъ, строгій выборъ аристократическихъ

свѣтилъ, между которыми мужчины могутъ импонировать громкими именами или высокимъ положеніемъ, а женщины—больше красотой и нарядами. Что касается самого дворца съ его украшеніями, то въ немъ соединено все, что только могъ придумать духъ XVI-го столѣтія и купить деньги XIX-го; здѣсь состязался геній пластическихъ искусствъ съ геніемъ Ротшильда. Два года безостановочно работали надъ этимъ дворцомъ и надъ его украшеніемъ, и суммы, истраченныя на него, говорятъ, громадны. Г. фонъ-Ротшильдъ улыбается, когда его объ этомъ спрашиваютъ. Это Версаль неограниченно денежной власти. Между тѣмъ приходится удивляться вкусу, съ какимъ все выполнено, столько же, сколько стоимости выполненія. Украшеніями руководилъ г. Дюпонтель, и во всемъ виденъ его прекрасный вкусъ. Какъ въ цѣломъ, такъ и въ частностяхъ обнаруживается также тонкій художественный вкусъ хозяйки дома, которая не только одна изъ самыхъ красивыхъ женщинъ Парижа, но, отличаясь умомъ и образованіемъ, занимается также практически пластическимъ искусствомъ, именно живописью. Ренессансъ, какъ назвали вѣкъ Франциска I, вошелъ теперь въ моду въ Парижѣ, мебель и костюмы—все дѣлается во вкусѣ этого времени; многіе доводятъ это даже до бѣшенства. Что означаетъ эта внезапно проснувшаяся страсть къ эпохѣ пробудившагося искусства, пробудившейся любви къ осмысленному въ формѣ красоты? Можетъ-быть, наше время заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя тенденціи, проявляющіяся въ этой симпатіи.

ГАМБУРГЪ.

Парижъ, 20-го мая 1842 г.

Въ настоящую минуту большинство народовъ старается разрабатывать или, вѣрнѣе, эксплуатировать свое національное чувство, чтобы достигнуть внутренняго единства, централизаціи своихъ силъ, и такимъ путемъ окрѣпнуть также извнѣ, относительно угрожающихъ имъ сосѣдей. Это такъ, но національное чувство есть только средство къ достиженію цѣли, оно погаснетъ, какъ скоро она будетъ достигнута, и для него не предстоитъ такого великаго будущаго, какъ для того космополитическаго сознанія, которое было провозглашаемо благороднѣйшими умами восемнадцатаго столѣтія и рано или поздно—но уже навсегда—непремѣнно достигнетъ господства. Какъ глубоко пустилъ этотъ космополитизмъ корни въ сердцѣ французовъ, это обнаружилось очень явственно по случаю гамбургскаго пожара. Партія человѣчества торжествовала тутъ великую побѣду. Невозможно и представить себѣ, какое сильное состраданіе охватило здѣсь всѣ классы народа, когда они услышали о несчастіи, постигнувшемъ отдаленный нѣмецкій городъ, географическое положеніе котораго извѣстно, можетъ-быть, только очень немногимъ. Да, при такихъ обстоятельствахъ становится ясно, что народы земли связаны между собою тѣснѣе, чѣмъ думаютъ или желаютъ въ тѣхъ или другихъ мѣстахъ, и что при всемъ различіи интересовъ пламенная братская любовь все-таки можетъ загорѣться въ Европѣ, когда придетъ надлежащій часъ. Но если извѣстіе объ этомъ страшномъ пожарѣ могло вызвать трогательнѣйшее сожалѣніе во французахъ, которые какъ разъ въ это время пережили у себя дома ужасное бѣдствіе, то въ еще болѣе

сильной степени должно оно было тронуть живущихъ здѣсь нѣмцевъ, у которыхъ въ Гамбургѣ есть друзья и родственники. Между соотечественниками, отличившимися по этому случаю щедрою благотворительностью, совершенно особеннаго упоминанія заслуживаетъ Джемсъ фонъ-Ротшильдъ, какъ и вообще имя этого дома выступаетъ на первый планъ всюду, гдѣ нужно совершить дѣло человѣколюбія.

И мой бѣдный Гамбургъ лежитъ въ развалинахъ, и мѣста, которыя такъ хорошо знакомы мнѣ, съ которыми такъ тѣсно срослись всѣ воспоминанія моей молодости, — теперь груды дымящагося мусора! Больше всего жалѣю я о погибели башни Петра — она такъ величественно возвышалась надъ мелкотою того, что̀ окружало ее! Городъ скоро снова обстроится со всѣми прямолинейными домами и по шнурку вытянутыми улицами, но это не будетъ уже мой старый Гамбургъ, мой старый, кривой, болтливый Гамбургъ! Breitengiebel, гдѣ жилъ мой сапожникъ и гдѣ я ѣлъ устрицы,— добыча пламени! «Гамбургскій Корреспондентъ» сообщаетъ, правда, что Дрекваль скоро возродится, какъ фениксъ изъ пепла—но—ахъ!—это не будетъ уже старый Дрекваль! А ратуша — какъ часто любовался я статуями императоровъ, украшавшими фасадъ ея! Спасены ли тѣ высоконапудренные парики, которые придавали въ ней главамъ республики ихъ величественный видъ? Боже сохрани меня въ такую минуту, какъ теперешняя, хоть слегка дергать за эти старые парики! Напротивъ того, я при этомъ случаѣ охотно свидѣтельствую, что правительство въ Гамбургѣ всегда превосходило управляемыхъ стараніемъ содѣйствовать общественному прогрессу. Народъ здѣсь всегда стоялъ ниже своихъ представителей, между которыми находились люди въ высшей степени образованные и разумные. Но надо надѣяться, что этотъ пожаръ немного освѣтитъ умы и низшихъ классовъ, и все гамбургское населеніе увидѣло теперь, что духъ времени, который благодѣтельно пришелъ къ нему на помощь въ несчастіи, нельзя уже продолжать оскорблять мелкимъ торгашествомъ. Въ особенности нельзя будетъ отсрочивать долѣе установленіе равноправности различныхъ вѣроисповѣданій. Будемъ ждать отъ будущаго самыхъ лучшихъ результатовъ; небо не даромъ посылаетъ людямъ великія испытанія.

ІОГАННЪ ВИТЪ ФОНЪ-ДЕРИНГЪ.

(1828 г.).

Въ вестминстерскомъ аббатствѣ видѣлъ я гробницу Томаса Парра, изъ графства Салопъ. Онъ родился въ 1483 г., умеръ 15-го ноября 1635 г. и такимъ образомъ жилъ въ царствованіе десяти государей, именно: Эдуарда IV, Эдуарда V, Ричарда III, Генриха VII, Генриха VIII, Эдуарда VI, королевы Маріи, королевы Елисаветы, Іакова I и Карла I. Замѣчательно, что этотъ человѣкъ на сто тридцатомъ году жизни былъ обвиненъ духовнымъ судомъ въ нарушеніи супружеской вѣрности и за это преступленіе приговоренъ къ публичному церковному покаянію. Разсказываютъ, что когда его въ первый разъ привели къ Карлу I, этотъ серьезный король сказалъ ему: «Парръ, ты прожилъ долѣе другихъ людей; что̀ сдѣлалъ ты больше ихъ?» Тотъ отвѣчалъ немедленно, не задумавшись: «Когда мнѣ было сто тридцать лѣтъ, я сдѣлалъ церковное покаяніе».

Не всегда живетъ мудрость подъ мудрою крышей, и старики часто могутъ говорить такія же большія глупости, какъ и милая молодежь. Но все-таки несомнѣнно, что столѣтніе, а подавно полуторастолѣтніе люди смотрятъ на міръ съ иной точки зрѣнія, чѣмъ нашъ братъ, о значеніи всякихъ поступковъ въ этомъ мірѣ имѣютъ совершенно иное мнѣніе и, можетъ-быть, все необыкновенное въ томъ или другомъ поступкѣ признаютъ безотносительно за самое высшее. Такіе люди очень глубоко понимали ничтожество земныхъ вещей, опытъ показалъ имъ, какими мелкими удачами сопровождаются и какими низменными мотивами обуславливаются часто тѣ дѣйствія, которыя вначалѣ прославились, какъ въ высшей степени великія и благородныя, и они начинаютъ, наконецъ, держаться только интереснаго въ

самомъ фактѣ и судятъ обо всѣхъ явленіяхъ нашей земли не какъ моралисты, не какъ политики, а какъ разумные зрители въ большомъ театрѣ, гдѣ комедьянтовъ хвалятъ и порицаютъ не за ихъ роль, а за ихъ игру.

Я, можетъ-быть, напомню эти слова, когда въ скоромъ времени буду говорить о необыкновенномъ человѣкѣ, котораго политическое покаяніе производитъ теперь такую большую сенсацію, и это тѣмъ болѣе, что ему далеко не сто тридцать лѣтъ. Самая роль, которую онъ играетъ въ Германіи, не должна быть подвергнута критикѣ. Сентиментальныя души, пожалуй, обвиняютъ его за то, что онъ уже не дѣйствуетъ больше въ черномъ кафтанѣ и съ длинными волосами, какъ восторженный Мортимеръ свободы. Не нужно имѣть стотридцатилѣтнюю опытность, чтобы понимать, что такіе Мортимеры со своими кинжалами скорѣе вредятъ, чѣмъ приносятъ пользу бѣдной, плѣненной свободѣ. Другіе, быть-можетъ, порицаютъ этого человѣка за то, что онъ теперь разыгрываетъ Лейчестера, который тайкомъ еще любезничаетъ со своею прежнею возлюбленной — свободой, явно же отрекается отъ нея и кидается въ объятія коронованной развратницѣ. Это, конечно, не такъ-называемая хорошая роль, даже не роль благородная, и на честнаго Ганса фонъ-Биркена, какъ и на многихъ другихъ нѣмецкихъ рецензентовъ, нельзя сердиться за то, что они слушаются меньше своего разума, чѣмъ своихъ чувствъ, и наносятъ грубосерьезные удары. Мы же настроены тоньше, мы критикуемъ не роль, а игру, и съ этой точки зрѣнія Іоганъ Витъ фонъ-Дёрингъ представляется намъ рѣдкимъ мастеромъ, и мы воздаемъ хвалу ему смѣлой ловкости, его удивительному господству надъ языкомъ, его таланту въ миломъ обхожденіи съ людьми и остроумномъ лукавствѣ, наконецъ, даже блестящимъ крыльямъ его ума, которыя могутъ быть пригодны ему одинаково и для летанія, и для блистанія.

ЧАИ.

Юмористическая сценка.

(1830 г.).

Мѣсто дѣйствія сцены, которую я хочу разсказать здѣсь— опять луккскія воды.

Не бойся, нѣмецкій читатель, тутъ не будетъ никакой политики, а только философія, или, если это тебѣ больше нравится, скорѣе философская мораль. Ты поступаешь, конечно, очень политично, не желая ничего знать о политикѣ; иначе тебѣ пришлось бы слышать вещи только непріятныя или унизительныя. Мои друзья имѣли полное право сердиться на меня за то, что въ эти послѣдніе годы я занимался почти исключительно политикой и даже писалъ политическія сочиненія. «Правда, мы ихъ не читаемъ,—говорили они:—но уже то пугаетъ насъ, что такія вещи печатаются въ Германіи, странѣ философіи и поэзіи. Если ты не хочешь грезить съ нами, то по крайней мѣрѣ не буди насъ отъ сладкаго сна. Оставь ты политику, не трать на нее дорогого времени, не пренебрегай твоимъ прекраснымъ дарованіемъ къ любовнымъ пѣснямъ, трагедіямъ, новелламъ и высказывай намъ въ нихъ твои взгляды на искусство или какую-нибудь хорошую философскую мораль».

Извольте, я растянусь, подобно другимъ, на перинѣ грёзъ и разскажу мою исторію. Философская мораль, заключающаяся въ ней, состоитъ въ слѣдующемъ положеніи: иногда мы становимся смѣшными безъ всякой вины съ нашей стороны. Высказывая это положеніе, мнѣ слѣдовало бы соб-

ственно употребить мѣстоименіе перваго лица въ единственномъ числѣ; да я такъ и сдѣлаю, но, пожалуйста, любезный читатель, не смѣйся надо мною, потому что я тутъ ни въ чемъ не виноватъ. Дѣйствительно, виноватъ ли я въ томъ, что у меня хорошій вкусъ и что я люблю хорошій чай? А я человѣкъ благодарный, и въ то время, когда жилъ на лукскихъ водахъ, я хвалилъ моего хозяина за то, что онъ подавалъ мнѣ такой хорошій чай, какого я до сихъ поръ никогда не пивалъ. Эту хвалебную пѣснь я очень часто пѣлъ и леди Вуленъ, которая жила въ той же гостиницѣ, гдѣ и я, и эту даму мои похвалы изумляли тѣмъ болѣе, что, по ея словамъ, нашъ хозяинъ, несмотря на всѣ ея просьбы, не могъ добыть ей хорошаго чаю, вслѣдствіе чего она принуждена была выписывать себѣ чай по эстафетѣ изъ Ливорно.

— Но зато этотъ чай божественно хорошъ! - прибавила она, и улыбнулась небесной улыбкой.

— Миледи,—возразилъ я:—бьюсь объ закладъ, что мой еще гораздо лучше.

Дамы, случайно присутствовавшія при этомъ разговорѣ, были тутъ же приглашены мною на чай и обѣщали на слѣдующій день, въ шесть часовъ, придти на тотъ веселый холмикъ, на которомъ можно такъ уютно сидѣть и смотрѣть внизъ, въ долину.

Условный часъ насталъ, столикъ былъ накрытъ, бутерброды приготовлены, дамочки весело болтали — но чай не появлялся. Пробило шесть, пробило половина седьмого, вечернія тѣни стали извиваться вокругъ подошвъ горъ точно черныя змѣи, лѣса благоухали все страстнѣе и страстнѣе, птицы щебетали все торопливѣе—но чай не являлся. Скоро солнечные лучи освѣщали только вершины горъ, и я обратилъ вниманіе дамъ на то, что солнце медлитъ уйти, очевидно не желая разстаться съ своими подругами, такими же солнцами. Это было хорошо сказано — но чай не являлся. Наконецъ, наконецъ, со вздохами и печальнымъ лицомъ, появился мой хозяинъ и спросилъ, не желаемъ ли мы мороженаго вмѣсто чаю?

— Чаю! чаю!—единогласно воскликнули мы.

— И непремѣнно того самаго,—прибавилъ я:—который я пью каждый день.

— Того самаго, eccelenza? Это невозможно.

— Отчего невозможно?—сердито спросилъ я.

Съ каждой минутой увеличивалось смущеніе моего хо-

зяина; онъ заикался, краснѣлъ, и только послѣ долгаго колебанія высказалъ признаніе—и страшная загадка разъяснилась.

Дѣло въ томъ, что моему хозяину была извѣстна старая штука — въ чайникъ, изъ котораго чай уже былъ отлитъ, подливать кипятку, и такимъ образомъ, чай, который мнѣ такъ нравился и о которомъ я такъ много кричалъ, былъ не что иное, какъ каждодневный настой того самаго чая, который моя сожительница по квартирѣ, леди Вуленъ, выписывала изъ Ливорно.

Горы, окружающія луккскія воды имѣютъ удивительное эхо и умѣютъ долго повторять громкій дамскій смѣхъ.

ВВЕДЕНІЕ

къ книгѣ

«Кальдорфъ о дворянствѣ—въ письмахъ къ графу М. Мольтке».

(1831 г.).

Галльскій пѣтухъ прокричалъ теперь во второй разъ, и въ Германіи тоже разсвѣло. Въ отдаленные монастыри, замки, торговые города и т. п. послѣдніе пріюты среднихъ вѣковъ убѣгаютъ зловѣщія тѣни и привидѣнія, солнечные лучи блещутъ, мы протираемъ себѣ глаза, милый свѣтъ проникаетъ намъ въ сердце, бодрствующая жизнь съ шумомъ проносится вокругъ насъ, мы изумлены, мы спрашиваемъ другъ друга: «Что̀ дѣлали мы прошедшею ночью?»

Да что̀ дѣлали? Мы грезили по нашему нѣмецкому обыкновенію, т.-е. мы философствовали. Правда, не о тѣхъ вещахъ, которыя ближе всего касались насъ, или ближе всего къ намъ подходили, но мы философствовали о дѣйствительномъ существованіи вещей and und für sich, о конечныхъ причинахъ вещей и тому подобныхъ метафизическихъ и трансцендентальныхъ призракахъ; при чемъ кровавыя исторіи въ нашемъ западномъ сосѣдствѣ иногда сильно мѣшали намъ, такъ какъ французскія пули нерѣдко влетали со свистомъ въ наши философскія системы и вырывали изъ нихъ цѣлые куски.

Странно, что практическая дѣятельность нашихъ сосѣдей по ту сторону Рейна имѣетъ, однако, своеобразное сходство съ нашею философскою мечтательностью въ спокойной Германіи. Сравните только исторію французской революціи съ исторіею нѣмецкой философіи, и подумаешь,

будто французы, у которыхъ было столько дѣйствительнаго дѣла, при чемъ имъ конечно нельзя было даже задремать, поручили намъ, нѣмцамъ, въ это время спать и грезить за нихъ, и наша нѣмецкая философія не что иное, какъ сновидѣніе французской революціи. Такимъ образомъ у насъ въ области мысли образовался такой же разрывъ съ существующимъ и традиціоннымъ порядкомъ вещей, какъ у французовъ въ области общественности, вокругъ «Критики чистаго разума» собрались наши философствующіе якобинцы, которые допускали существованіе только того, что выдерживало провѣрку этой критики. Кантъ былъ нашимъ Робеспьеромъ. Затѣмъ пришелъ Фихте со своимъ Я, этотъ Наполеонъ философіи, высшая любовь и высшій эгоизмъ, самодержавіе мысли, верховная воля, импровизировавшая быстрое возникновеніе всемірнаго царства, которое съ такою же быстротою исчезло, деспотическій, мрачно одинокій идеализмъ... Подъ его послѣдовательно двигавшимися шагами застонали тѣ цвѣты, которые были пощажены Кантовскою гильотиной, или съ тѣхъ поръ незамѣтно выросли изъ земли, придавленные подземные духи зашевелились, почва задрожала, послѣдовалъ взрывъ контръ-революціи, и при Шеллингѣ прошедшему, съ его традиціонными интересами, снова былъ возвращенъ авторитетъ, даже дано вознагражденіе; въ новой реставраціи, въ натуръ-философіи снова стали хозяйничать сѣдые эмигранты, постепенно интриговавшіе противъ господства разума и идеи, мистицизмъ, піетизмъ, іезуитизмъ, легитимизмъ, романтика, нѣмечничество, сентиментальность... Такъ шло дѣло до Гегеля, Орлеанскаго герцога философіи, который основалъ новое правленіе, или, вѣрнѣе, привелъ въ порядокъ старое — правленіе эклектическое, въ которомъ онъ самъ, правда, игралъ незначительную роль, но во главѣ котораго поставили его и гдѣ онъ указалъ прочное, соотвѣтствующее конституціонному порядку мѣсто старымъ Кантовскимъ якобинцамъ, Фихтевскимъ бонапартистамъ, Шеллинговскимъ перамъ и своимъ собственнымъ креатурамъ.

Въ философіи мы такимъ образомъ благополучно совершили великое круговращеніе, и совершенно естественно, что теперь мы перейдемъ къ политикѣ. Будемъ ли мы и здѣсь держаться той же методы? Откроемъ мы движенье системою Comité du salut public, или системою Ordre légal? Эти вопросы наполняютъ трепетомъ всѣ сердца, и у кого есть потерять что-нибудь дорогое, будь то хоть соб-

ственная голова, тотъ тревожно шепчетъ: «Сухая будетъ нѣмецкая революція, или влажно красная?..»

Аристократы и клерикалы постоянно грозятъ ужасами временъ терроризма, либералы же и гуманисты обѣщаютъ намъ, напротивъ, прекрасныя сцены великой недѣли и мирныя празднества, за нею послѣдовавшія; обѣ партіи обманываютъ самихъ себя, или хотятъ обмануть другихъ. Ибо изъ того, что французская революція въ девяностыхъ годахъ была такая кровавая и ужасная, а въ минувшемъ іюлѣ такая мирная и сострадательная, не слѣдуетъ заключать, что революція въ Германіи должна принять тотъ или другой характеръ. Только тогда можно ожидать совершенно одинаковыхъ явленій, когда существуютъ совершенно одинаковыя условія. А характеръ французской революціи во всѣ времена обуславливался нравственнымъ состояніемъ народа и особенно его политическимъ развитіемъ. Передъ первымъ взрывомъ революціи во Франціи тамъ, правда, существовала уже готовая цивилизація, но только въ высшемъ сословіи и отчасти въ среднемъ; классы низшіе были въ умственномъ отношеніи совсѣмъ обдѣлены, и самый узкосердечный деспотизмъ воздерживалъ ихъ отъ всякаго благороднаго стремленія впередъ. Что же касается собственно политическаго развитія, то оно отсутствовало не только въ низшихъ, но и въ высшихъ классахъ. Только и знали въ ту пору, что о мелочныхъ маневрахъ между соперничающими корпораціями, о системѣ взаимнаго ослабленія, о традиціяхъ рутины, о вліяніи фаворитокъ, и тому подобныхъ политическихъп устякахъ. Монтескье пробудилъ относительно только небольшое число умовъ. Такъ какъ его исходная точка зрѣнія была всегда историческая, то онъ пріобрѣлъ мало вліянія на массы народа восторженнаго, наиболѣе воспріимчиваго къ мыслямъ, которыя первобытно и свѣжо вытекаютъ изъ сердца, какъ это было въ сочиненіяхъ Руссо. Но когда Руссо, этотъ Гамлетъ Франціи, который увидѣлъ разгнѣваннаго духа и, проникнувъ въ злую душу коронованныхъ отравителей, открылъ лицемѣрную пустоту льстецовъ, грубую ложь придворнаго этикета и всюду распространенное гніеніе, болѣзненно воскликнулъ: «міръ сдвинутъ съ своей колеи, горе мнѣ, долженствующему снова поставить его на мѣсто!»—когда Жанъ Жакъ Руссо, въ полупритворномъ, полудѣйствительномъ безуміи отчаянія, произнесъ свое великое сѣтованіе и обвиненіе; когда Вольтеръ, этотъ Лукіанъ католичества, смертельно

осмѣялъ лживость римскаго духовенства и построенное на ней яко бы божественное право грубаго деспотизма; когда Лафайетъ, герой двухъ полушарій и двухъ столѣтій, вернулся изъ Америки съ аргонавтами свободы и привезъ съ собою идею свободной конституціи, золотое руно; когда Неккеръ сводилъ счеты, Сіейесъ дѣлалъ опредѣленія, Мирабо ораторствовалъ, а громы Конституціоннаго Собранія проносились надъ увядшею монархіею и ея цвѣтущимъ дефицитомъ, между тѣмъ какъ новыя экономическія и юридическія мысли вспыхивали точно внезапныя молніи, — тогда только впервые пришлось французамъ изучать великую науку свободы, политику, и первые уроки обошлись имъ очень дорого, и заплатили они за нихъ своею лучшею кровью.

Но вина того, что съ французовъ взяли за ученье такія большія деньги, лежала все на томъ же тупоумномъ, боявшемся свѣта деспотизмѣ, который, какъ я уже сказалъ, старался держать народъ въ умственномъ несовершеннолѣтіи, подавлялъ всякое политическое образованіе и развитіе, отдалъ цензуру книгъ въ руки іезуитовъ и обскурантовъ Сорбонны и самымъ смѣшнымъ образомъ угнеталъ даже періодическую печать, это могущественнѣйшее средство расширенія умственнаго кругозора народа. Стоитъ только прочесть въ сочиненіи Мерсье «Tableau de Paris» главу о цензурѣ въ дореволюціонное время, и перестанешь удивляться тому грубому политическому невѣжеству французовъ, которое потомъ имѣло то послѣдствіе, что новыя политическія идеи больше ослѣпили, чѣмъ просвѣтили ихъ, болѣе разгорячили, чѣмъ согрѣли, что каждому памфлетисту и журналисту она вѣрила на слово, и что каждый фантазеръ, обманывавшій самъ себя, и каждый интриганъ, бывшій на жалованьѣ у Питта, могъ вызвать ихъ на самые безразсудные поступки. Въ томъ-то и состоитъ благая сторона свободы печати, что она отнимаетъ у смѣлой рѣчи демагоговъ всѣ чары новизны, самое страстное слово нейтрализируетъ такимъ же страстнымъ возраженіемъ и уже въ зародышѣ уничтожаетъ тѣ ложные слухи, которые, будучи посѣяны случаемъ или злобою, съ такою убійственною дерзостью разрастаются въ скрытыхъ уголкахъ, подобно ядовитымъ растеніямъ, которыя могутъ жить только въ темныхъ лѣсныхъ болотахъ и въ тѣни старыхъ развалинъ замковъ и церквей, при солнечномъ же яркомъ свѣтѣ засыхаютъ и гибнутъ. Правда, для раба, который предпочи-

таетъ получать въ темнотѣ высокопоставленные пинки, яркій солнечный свѣтъ свободы печати такъ же пагубенъ, какъ для деспота, которому не нравится видѣть освѣщеннымъ его одинокое безсиліе. Безспорно, что для такихъ людей цензура очень пріятна. Но не менѣе справедливо, что та цензура, которая нѣкоторое время съ пользою служила грубому деспотизму, въ концѣ концовъ ниспровергаетъ и разрушаетъ его, что тамъ, гдѣ хозяйничала гильотина идей, скоро послѣ того вводится и цензурованіе людей, что тотъ же самый рабъ, который казнитъ мысли, впослѣдствіи съ такимъ же равнодушіемъ вычеркиваетъ изъ книги жизни своего собственнаго господина.

Ахъ, эти палачи мысли дѣлаютъ насъ самихъ преступниками, и писатель, который во время своей работы нервно возбужденъ, какъ рожающая женщина, очень часто совершаетъ въ этомъ состояніи дѣтоубійство мысли, именно изъ безумной боязни меча нашихъ теперешнихъ цензоровъ. Я самъ въ настоящую минуту уничтожаю нѣсколько новорожденныхъ невинныхъ замѣчаній насчетъ терпѣнія и душевнаго спокойствія, съ которыми мои любезные земляки уже столько лѣтъ переносятъ смертоносный для человѣческой мысли законъ, который во Франціи Полиньяку стоило только обнародовать, чтобы вызвать революцію. Я говорю о знаменитыхъ «ордонансахъ», изъ которыхъ самый опасный устанавливалъ строжайшую цензуру газетъ и наполнилъ ужасомъ всѣ благородныя сердца въ Парижѣ. Самые мирные граждане взялись за оружіе, на улицахъ выстроились баррикады, стали драться, штурмовать, загремѣли пушки, завыли колокола, засвистѣли свинцовые соловьи, молодая семья умершаго орла, Ecole Polytechnique, вылетѣла изъ гнѣзда съ молніями въ когтяхъ, старые пеликаны свободы кинулись на штыки и своею кровью дали пищу воодушевленію птенцовъ, на коня сѣлъ Лафайетъ, этотъ несравненный, какого природа могла создать только одинъ разъ и которымъ поэтому она экономически старается воспользоваться для двухъ полушарій и двухъ столѣтій,—и чрезъ три геройскихъ дня рабство лежало во прахѣ со своими красными палачами и своими бѣлыми лиліями, а великое трехцвѣтное знамя, окруженное сіяніемъ побѣды, развѣвалось на колокольнѣ Notre Dame de Paris! Тутъ не произошло никакихъ ужасовъ, не совершилось никакихъ своевольныхъ убійствъ, тутъ не было воздвигнуто никакой гильотины, не было сыграно ни одной отвратительной шутки, въ родѣ той напримѣръ, которую

устроили при знаменитомъ возвращеніи изъ Версаля, когда впереди шествія несли въ видѣ штандартовъ окровавленныя головы Дегютта и Варикура, и въ Севрѣ остановились для того, чтобы поручить одному citoyen-perruquire вымыть и красиво завить ихъ. Нѣтъ, съ той поры страшной памяти французская пресса сдѣлала парижскій народъ воспріимчивымъ къ болѣе благороднымъ чувствамъ и менѣе кровавымъ остротамъ, она выполола изъ сердецъ невѣжество и посѣяла тамъ интеллигентность, плодами этого сѣянія явились благородная, легендарнообразная умѣренность и трогательная гуманность парижскаго народа въ великую недѣлю—и дѣйствительно, если Полиньякъ впослѣдствіи не потерялъ головы и физически, то этимъ онъ обязанъ исключительно кроткимъ вліяніямъ той самой свободы печати, которую онъ такъ глупо хотѣлъ подавить и уничтожить.

Такъ сандальное дерево услаждаетъ своимъ прелестнымъ благоуханіемъ именно того врага, который преступно ранилъ его кору.

Думаю, что этими бѣглыми замѣчаніями я достаточно объяснилъ, что вопросъ о характерѣ, который приняла бы революція въ Германіи, долженъ обратиться въ вопросъ о состояніи цивилизаціи и политическаго развитія въ нѣмецкомъ народѣ, что это развитіе находится въ полной зависимости отъ свободы печати, и что сильнѣе всего мы должны желать, чтобы эта свобода распространила какъ можно скорѣе много свѣта; и этому необходимо совершиться прежде, чѣмъ настанетъ часъ, когда темнота надѣлаетъ больше зла, чѣмъ разгаръ страстей, и прежде, чѣмъ тѣ мнѣнія и взгляды, которые до того почти не подвергались обсужденію и разъясненію, теперь тѣмъ необузданно губительнѣе будутъ дѣйствовать на слѣпую массу и употребляться партіями въ видѣ ихъ лозунговъ.

«Гражданское равенство» могло бы теперь въ Германіи, какъ это было нѣкогда во Франціи, сдѣлаться первымъ лозунгомъ революціи, и другу отечества не слѣдуетъ, конечно, не терять ни минуты, если онъ хочетъ содѣйствовать тому, чтобы спорный вопросъ «о дворянствѣ» былъ разрѣшенъ или улаженъ спокойнымъ обсужденіемъ и чтобы это было окончено прежде, чѣмъ не вмѣшаются въ дѣло непризванные диспутанты съ слишкомъ сильно побивающими доводами, противъ которыхъ останутся совершенно безсильными и цѣнныя умозаключенія полиціи, и самые рѣзкіе аргументы пѣхоты и кавалеріи, и даже ultima ratio regis, которая

легко могла бы превратится въ ultimi ratio regis. Въ этомъ печальномъ отношеніи я считаю изданіе настоящаго сочиненія заслугою. Я думаю, что господствующій въ немъ умѣренный тонъ соотвѣтствуетъ цѣли, которую поставилъ себѣ авторъ. Съ индѣйскимъ терпѣніемъ опровергаетъ онъ брошюру, вышедшую подъ заглавіемъ:

«О дворянствѣ и его отношеніи къ среднему сословію. Соч. гр. Мольтке, датскаго камергера и члена судебной палаты въ Готторфѣ. Гамбургъ, у Пертеса и Бессера, 1830 г.».

Но какъ въ самой брошюрѣ, такъ и въ возраженіи на нее тема отнюдь не исчерпана, и то, что̀ говорится за и противъ, касается только общей, такъ сказать догматической части спорнаго вопроса. Высокородный боецъ сидитъ на своемъ турнирномъ конѣ и смѣло подтверждаетъ средневѣковое повѣрье, что отъ дворянскаго брака получается кровь лучше той, которую даетъ бракъ бюргерскій; онъ защищаетъ привилегіи рожденія, право дворянъ на полученіе доходныхъ должностей при дворѣ, въ посольствахъ и военной службѣ, которыми яко бы надо награждать дворянство за то, что оно дало себѣ большой трудъ родиться, и т. д. Противъ этого возстаетъ другой воитель, разрушающій шагъ за шагомъ эти животные и остроумные доводы и другія высокородныя воззрѣнія — и арена покрыта блестящими клочьями предразсудка и гербовыми развалинами древнедворянскаго нѣмецкаго нахальства. Этотъ бюргеръ-рыцарь сражается тоже съ опущеннымъ забраломъ, на заглавномъ листѣ книжки поставленъ псевдонимъ, который, быть-можетъ, сдѣлается впослѣдствіи почетнымъ nom de guerre. Я съ своей стороны знаю о немъ только то, что его отецъ былъ по ремеслу шпажникъ и дѣлалъ хорошіе клинки.

Что авторъ этого сочиненія не я самъ, но что я только содѣйствую появленію его въ печати — убѣдительно удостовѣрять это считаю, конечно, излишнимъ. Съ такою умѣренностью я отнюдь не могъ бы возражать противъ нѣмецкихъ дворянскихъ притязаній и наслѣдственной лжи. Помню, какъ вспылилъ я, когда однажды мы гуляли по террасѣ замка съ однимъ милымъ графчикомъ, моимъ лучшимъ другомъ, и онъ сталъ доказывать превосходство крови, текущей въ жилахъ дворянина. Во время нашего спора одинъ изъ лакеевъ сдѣлалъ небольшую оплошность, и тогда высокородный баринъ далъ низкорожденному слугѣ такую пощечину, что брызнула неблагородная кровь, и затѣмъ еще сбросилъ его внизъ съ террасы. Я былъ въ ту пору десятью годами мо-

ложе, чѣмъ теперь, и немедленно тоже сбросилъ съ террасы благороднаго графа; онъ былъ мой лучшій другъ, и онъ сломалъ себѣ ногу. Когда я свидѣлся съ нимъ послѣ его выздоровленія — храмота еще не совсѣмъ прошла — онъ, однако, все еще не вылѣчился отъ своей дворянской спѣси и смѣло утверждалъ, что дворянство поставлено какъ посредникъ между народомъ и королемъ, подобно тому, какъ Богъ между Собою и людьми поставилъ ангеловъ, которые ближе всѣхъ стоятъ у Его престола. «Милый ангелъ,—отвѣчалъ я,—сдѣлай, пожалуйста, нѣсколько шаговъ взадъ и впередъ»; онъ это исполнилъ—и сравненіе захромало.

Точно также хромаетъ сравненіе, которое дѣлаетъ графъ Мольтке относительно того же предмета. Чтобы показать его манеру на какомъ-нибудь примѣрѣ, приведу его собственныя слова: «Попытка упразднить дворянство изолировала бы человѣка, подняла бы его на шаткую высоту, гдѣ отсутствуютъ средства, необходимыя для связи съ подчиненною массою, окружила бы его орудіями его произвола, вслѣдствіе чего, какъ это часто случалось на Востокѣ, положеніе верховнаго властителя становится очень опаснымъ. Бёркъ называетъ дворянство коринфскою капителью благоустроенныхъ государствъ, и что это не простая реторическая фигура, ручательствомъ тому служитъ возвышенный духъ этого необыкновеннаго человѣка, вся жизнь котораго была посвящена служенію разумной свободѣ».

Этотъ самый примѣръ показываетъ, въ какое заблужденіе вводили благороднаго графа его недостаточныя свѣдѣнія. Дѣло въ томъ, что Бёрку отнюдь не подобаютъ тѣ восхваленія, которыя расточаетъ ему авторъ, ибо у него нѣтъ той consistency, которую англичане считаютъ первою добродѣтелью государственнаго человѣка. Бёркъ обладалъ только ораторскимъ дарованіемъ, съ помощью котораго онъ во вторую половину своей жизни ратовалъ противъ тѣхъ либеральныхъ принциповъ, которымъ поклонялся въ первую половину. Хотѣлъ ли онъ этою перемѣною убѣжденій доползти до благосклонности высокопоставленныхъ особъ,—досада ли и зависть по поводу либеральныхъ тріумфовъ Шеридана въ Св. Стефанѣ побудили его выступить противникомъ Шеридана и сражаться за то средневѣковое прошедшее, которое представляло собою болѣе выгодное поле для романтическихъ изображеній и реторическихъ фигуръ,—былъ онъ плутъ или дуракъ—этого я не знаю. Но думаю, что всегда подозрительно, когда человѣкъ мѣняетъ свои

убѣжденія въ угоду господствующей власти, и что на такого человѣка никогда нельзя полагаться. Нѣкто, не подходящій подъ эту категорію людей, сказалъ однажды: «Дворяне не опора трона, а его каріатиды». По-моему, это сравненіе правильнѣе сравненія съ капителью коринфской колонны...

Но я коснулся здѣсь пункта, который намѣреваюсь освѣтить только въ одномъ изъ послѣдующихъ моихъ сочиненій; тамъ же найдетъ себѣ надлежащее обсужденіе особенная, практическая часть спорнаго вопроса о дворянствѣ. Ибо, какъ уже выше сказано, настоящее сочиненіе занимается только принципіальнымъ, оно оспариваетъ правовыя притязанія, оно показываетъ только, что дворянство, такое, какимъ изображаетъ его авторъ брошюры, находится въ противорѣчіи съ разумомъ, временемъ и самимъ собой. Особенная же, практическая часть касается тѣхъ побѣдоносныхъ притязаній и фактическихъ злоупотребленій нашего теперешняго дворянства, которыми оно такъ сильно грозитъ благосостоянію народовъ и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе подкапывается подъ него. Да, мнѣ кажется даже, что наше дворянство само не вѣритъ въ свои собственныя претензіи и только выбалтываетъ ихъ въ видѣ приманки для полемики со стороны буржуазіи, съ той цѣлью, чтобы эта полемика занималась этими пустяками и чтобы такимъ образомъ ея вниманіе и сила были отвлечены отъ главной сути дѣла. Суть эта состоитъ не въ институтѣ дворянства, какъ таковаго, не въ опредѣленныхъ привилегіяхъ, не во всяческихъ традиціонныхъ льготахъ; главная суть заключается въ невидимомъ союзѣ всѣхъ тѣхъ, у которыхъ насчитывается столько-то и столько-то предковъ и которые втихомолку условились между собою завладѣть всѣми отраслями правящей силы въ государствахъ, принявъ для этого слѣдующія мѣры: сообща оттѣснить буржуазныхъ roturiers, захватить въ свои руки почти всѣ высшія военныя должности и рѣшительно всѣ посольскіе посты, и такимъ образомъ получить возможность держать народъ въ решпектѣ посредствомъ своихъ солдатъ и дипломатическими тонкостями натравлять ихъ на взаимную борьбу въ тѣхъ случаяхъ, когда они задумали бы сбросить оковы аристократіи, или съ этою цѣлью соединиться въ братскій союзъ.

Съ самаго начала французской революціи дворянство, такимъ образомъ, стало на военную ногу относительно народовъ и вступило въ явную или тайную борьбу съ принци-

помъ свободы и равенства и его представителями, французами. Англійское дворянство, самое могущественное, благодаря своимъ правамъ и богатствамъ, сдѣлалось знаменоносцемъ европейской аристократіи, и Джонъ Булль заплатилъ за эту почетную должность своими лучшими гинеями и допобѣдилъ себя до банкротства. Во время мира, послѣдовавшаго за этой плачевной побѣдой, благородное знамя держала въ своихъ рукахъ Австрія, она охраняла дворянскіе интересы, и на каждомъ гнусненькомъ договорчикѣ, заключенномъ противъ либерализма, красуется хорошо знакомая сургучная печать, и народы точно такъ же, какъ было съ ихъ несчастнымъ предводителемъ, содержались подъ строгимъ надзоромъ, вся Европа сдѣлалась Св. Еленою, и Меттернихъ былъ ея Гудсономъ Лоу. Но только физическое тѣло революціи можно было подвергать мщенію; только ту очеловѣчившуюся революцію, которая въ сапогахъ и шпорахъ и обрызганная кровью поля битвы легла въ постель вѣнценосной блондинки и запачкала бѣлыя габсбургскія простыни—только эту революцію можно было заставить умереть отъ рака въ желудкѣ; духъ же революціи остался безсмертенъ, онъ не погребенъ подъ ивами Лонгвуда, и въ великой родильной постели послѣднихъ іюльскихъ дней революція снова появилась на свѣтъ, не какъ отдѣльный человѣкъ, а какъ цѣлый народъ, и въ этомъ состояніи своемъ она издѣвается надъ тюремщикомъ, у котораго отъ страха связка ключей выпадаетъ изъ рукъ. Какое затруднительное положеніе для европейскаго дворянства! Правда, за время долгаго мира оно отчасти оправилось отъ прежнихъ хлопотъ и трудовъ, и съ тѣхъ поръ въ видѣ укрѣпляющаго лѣченія каждый день пило ослиное молоко, и притомъ отъ ослицы самого папы; но у него все-таки не хватаетъ силъ для новой борьбы. Англійскій Булль способенъ теперь менѣе, чѣмъ кто-либо, сопротивляться врагамъ такъ, какъ прежде, потому что онъ истощенъ больше всѣхъ, и отъ постоянной перемежающейся министерской лихорадки чувствуетъ ослабленіе во всѣхъ членахъ, и ему прописано лѣченіе радикальное, если еще не лѣченіе голодомъ, да сверхъ того еще хотятъ у него ампутировать зараженную Ирландію. Австрія тоже недостаточно героически настроена для того, чтобы играть относительно Франціи роль Агамемнона дворянства; Штаберле неохотно надѣваетъ военный мундиръ и очень хорошо знаетъ, что его зонтики не защищаютъ отъ дождя пуль, а при этомъ еще его теперь пугаютъ венгерцы съ ихъ сердитыми усами, и

въ Италіи приходится ему передъ каждымъ восторженнымъ лимоннымъ деревомъ ставить часового, дома же онъ долженъ рожать эрцгерцогинь и въ случаѣ нужды кормить ими чудовище-революцію.

Но во Франціи все могущественнѣе продолжаетъ блистать и освѣщать весь міръ своими лучами солнце свободы. Но съ каждымъ днемъ все дальше проникаетъ здѣсь идея буржуазной монархіи безъ придворнаго этикета, безъ пресмыкающихся куртизановъ, безъ сводниковъ, безъ алмазныхъ подачекъ на водку и всяческихъ другихъ великолѣпій. Но на палату пэровъ стали уже смотрѣть, какъ на лазаретъ для неизлѣчимыхъ стараго режима, существованіе котораго допускаютъ еще только изъ состраданія и который также со временемъ будетъ упраздненъ... Удивительное превращеніе! Въ этомъ бѣдственномъ положеніи западное дворянство обращается за помощью къ тому государству, на котораго оно въ послѣднее время смотрѣло, какъ на злѣйшаго врага своихъ интересовъ—оно обращается къ Россіи. Великаго царя, который еще недавно былъ знаменоносцемъ либераловъ, ставъ во враждебное противодѣйствіе феодалистической аристократіи—именно этого царя именно эта аристократія избираетъ своимъ предводителемъ, и онъ долженъ будетъ принять на себя эту обязанность. Ибо если, съ одной стороны, русское государство построено на антифеодалистическомъ принципѣ равенства всѣхъ гражданъ, званіе и санъ которымъ даетъ не рожденіе, а пріобрѣтенная собственными заслугами государственная должность, то съ другой стороны—неограниченная монархія естественно несовмѣстима съ идеями монархіи конституціонной... И если императоръ Николай I, благодаря вышеупомянутому принципу гражданскаго равенства, былъ ненавидимъ феодалистами и сверхъ того, какъ открытый врагъ Англіи и тайный врагъ Австріи, являлся со всѣмъ своимъ могуществомъ фактическимъ представителемъ либераловъ, то съ конца іюня, когда ихъ побѣдоносныя идеи пошли въ разрѣзъ съ идеею неограниченной монархіи, онъ естественно явился противникомъ ихъ... И вотъ *его* европейская аристократія возбуждаетъ къ борьбѣ противъ свободной Франціи . . . . . .

. . . . . .

Насъ, нѣмцевъ, тоже держать на-готовѣ, чтобъ заставить двинуться въ походъ противъ Франціи. Боже милостивый! Противъ Франціи? Да, ура! Выступаемъ противъ Франціи—и берлинскіе патріоты утверждаютъ, что мы и по сію пору

остались такими же спасителями религіи, трона и отечества, какими были въ 1813 г., и что «Лиру и Мечъ» Кернера надо выпустить новымъ изданіемъ, и что Фуке прибавить сюда нѣсколько новыхъ боевыхъ пѣсенъ, и Герреса снова откупятъ у іезуитовъ, чтобы возобновить изданіе «Рейнскаго Меркурія», и тѣмъ, кто добровольно пойдетъ въ эту священную войну, надѣнутъ на шапки дубовые вѣнки, и начнутъ говорить «вы», и дадутъ впослѣдствіи нѣсколько безплатныхъ билетовъ въ театръ или по крайней мѣрѣ будутъ смотрѣть на нихъ, какъ на дѣтей, и взимать за эти билеты только половинную плату... А сверхъ всего этого, за патріотическія усилія и дѣйствія не въ счетъ, всему народу обѣщаютъ еще не въ счетъ конституцію.

Безплатные билеты въ театръ, конечно, прекрасная вещь, но и конституцію получить было бы недурно. Да, по временамъ у насъ появляется къ ней и настоящій аппетитъ. Не то, чтобы мы не довѣряли абсолютной добротѣ или доброму абсолютизму нашихъ монарховъ; напротивъ того, мы знаемъ, что всѣ они прекрасные люди, и если находится иногда между ними такой, который безчеститъ королевскій санъ, какъ, напримѣръ, его величество король донъ Мигуэль, то вѣдь это только рѣдкія исключенія... Но вѣдь и въ хорошей конституціи есть свои хорошія стороны, и на народы нельзя сердиться за то, что они даже у своихъ лучшихъ монарховъ рѣшаются просить письменнаго документа на случай жизни и смерти . . . . . .

. . . . . .

Ахъ, вся исторія нашихъ дней есть не что иное, какъ охотничья исторія. Настала у насъ теперь пора охоты противъ либеральныхъ идей, и наши высокопоставленные господа упражняются въ этомъ занятіи ревностнѣе, чѣмъ когда-либо, и ихъ ливрейные егеря стрѣляютъ во всякое честное сердце, куда убѣжали отъ нихъ либеральныя идеи, и нѣтъ недостатка въ ученыхъ собакахъ, которыя тащатъ за собой, какъ хорошую добычу, истекающее кровью слово. Берлинъ откармливаетъ самыя лучшія своры, и я уже слышу, какъ псы неистово лаютъ противъ этой книги.

ВВЕДЕНІЕ КЪ „ДОНЪ КИХОТУ“.

«Жизнь и подвиги рыцаря донъ Кихота Ламанчскаго, описанные Мигуэлемъ де-Сервантесъ Сааведра» — первая книга, которую я прочелъ послѣ того, какъ уже вступилъ въ разсуждающій дѣтскій возрастъ и отчасти ознакомился съ буквеннымъ дѣломъ. Я еще очень хорошо помню ту пору, когда однажды, раннимъ утромъ, тихонько удралъ изъ дома и поспѣшилъ въ придворный садъ, чтобы тамъ безпрепятственно приняться за чтеніе «Донъ-Кихота». То былъ прекрасный майскій день, цвѣтущая весна лежала, къ чему-то прислушиваясь въ тихомъ свѣтѣ утра, и предоставила соловью, своему сладкозвучному льстецу, восхвалять ее, а онъ пѣлъ свою хвалебную пѣснь такъ ласкательно-мягко, съ такимъ томно-расплывающимся энтузіазмомъ, что самыя стыдливыя почки быстро раскрывались, и сладострастныя травки горячѣе цѣловались съ благоухающими солнечными лучами, и деревья, и цвѣты вздрагивали отъ восторга. Я же усѣлся на старую мшистую скамью, въ такъ-называемой Аллеѣ Вздоховъ, недалеко отъ водопада, и услаждалъ мое маленькое сердце большими приключеніями отважнаго рыцаря. Въ моей дѣтской искренности я принималъ все это за дѣйствительно происходившее; какъ ни смѣшны были штуки, которыя играла съ бѣднымъ героемъ судьба, я былъ убѣжденъ, что такъ оно и должно быть, что на долю героя ужъ всегда выпадаетъ какъ осмѣяніе его, такъ и полученіе тѣлесныхъ ранъ, и первое сердило меня такъ же сильно, какъ сильно чувствовалъ я вторыя въ моей собственной душѣ. Я былъ ребенокъ и не зналъ ироніи, которую Богъ создалъ и поселилъ въ мірѣ и которой великій поэтъ подражалъ въ своемъ печатномъ маленькомъ мірѣ,—и горькія слезы проливалъ я, когда благородный рыцарь за всѣ свои доблести

получалъ только неблагодарность и удары. И такъ какъ, будучи еще новичкомъ въ процессѣ чтенія, я произносилъ каждое слово вслухъ, то птицы и деревья, ручьи и цвѣты могли тоже слышать все это, а такъ какъ этимъ невиннымъ созданіямъ природы міровая иронія знакома отнюдь не больше, чѣмъ дѣтямъ, то они тоже принимали все за наличную монету и плакали вмѣстѣ со мною о страданіяхъ бѣднаго рыцаря; одинъ старый, выслужившій свое время дубъ даже рыдалъ, водопадъ сильнѣе трясъ своею бѣлою бородой и, казалось, бранилъ людей за ихъ скверность. Мы чувствовали, что удивленіе, вызываемое геройскимъ духомъ рыцаря, не ослабѣваетъ оттого, что левъ, не желая съ нимъ сражаться, поворачиваетъ ему спину, и его подвиги представлялись намъ тѣмъ достохвальнѣе, чѣмъ слабѣе и худощавѣе было его тѣло, чѣмъ дряннѣе защищавшее его вооруженіе и чѣмъ плачевнѣе кляча, носившая его на себѣ. Мы презирали низкую чернь, обращавшуюся съ бѣднымъ героемъ такъ грубо и жестоко, но еще болѣе—чернь высокую, которая, красуясь своими яркими шелковыми плащами, высокопарными фразами и герцогскими титулами, издѣвалась надъ человѣкомъ, такъ много превосходившимъ ее силою духа и благородствомъ чувства. Рыцарь Дульцинеи внушалъ мнѣ все больше и больше уваженія, и я все больше и больше любилъ его, по мѣрѣ того, какъ уходилъ дальше въ чтеніи удивительной книги, что происходило ежедневно въ томъ же самомъ саду, такъ что осенью оно было доведено уже до конца — и я никогда не забуду того дня, въ который прочелъ о плачевномъ поединкѣ, окончившемся такимъ постыднымъ пораженіемъ рыцаря!

«То былъ мрачный день, отвратительныя туманныя тучи тянулись вдоль по сѣрому небу, желтые листья болѣзненно падали съ деревьевъ, тяжелыя капли-слезы висѣли на послѣднихъ цвѣтахъ, печально склонявшихъ увядшія умирающія головки, соловьи давно уже замолчали, со всѣхъ сторонъ зловѣще смотрѣлъ на меня образъ преходимости всего земного—и сердце мое готово было разорваться, когда я читалъ, какъ благородный рыцарь, ошеломленный и избитый, лежалъ на землѣ и, не подымая забрала, точно онъ говорилъ изъ могилы, сказалъ побѣдителю слабымъ, больнымъ голосомъ: «Дульцинея—красивѣйшая женщина въ свѣтѣ, а я—несчастнѣйшій рыцарь на землѣ, но неприлично, чтобы моя слабость отвергала эту истину—ударяйте копьемъ, рыцарь!»

«Ахъ, этотъ свѣтящійся рыцарь серебрянаго мѣсяца, побѣдившій мужественнѣйшаго и благороднѣйшаго человѣка въ мірѣ, былъ переодѣтый цырюльникъ!»

Вотъ уже восемь лѣтъ тому, какъ я написалъ въ 4-й части «Путевыхъ Картинъ» эти строки, въ которыхъ изобразилъ впечатлѣніе, произведенное за долгое еще время до того на мой умъ чтеніемъ «Донъ Кихота». Боже мой, какъ скоро бѣгутъ годы! Мнѣ кажется, будто я вчера только дочиталъ въ Аллеѣ Вздоховъ дюссельдорфскаго сада эту книгу, и сердце мое все еще содрогается отъ удивленія къ подвигамъ и страданіямъ великаго рыцаря. Сердце ли мое не измѣнилось въ продолженіе этого времени, или, совершивъ чудесный кругъ, оно снова возвратилось къ дѣтскимъ чувствамъ? Вѣроятно, послѣднее, ибо мнѣ помнится, что въ различные возрасты моей жизни я читалъ «Донъ Кихота» съ различными чувствами. Когда я достигъ юношескаго возраста, и неопытными руками хватался за розовые кусты жизни, и взбирался на высочайшія скалы, чтобъ быть поближе къ солнцу, и ночью мечталъ только объ орлахъ, да чистыхъ дѣвахъ—тогда «Донъ Кихотъ» былъ для меня книгою очень неутѣшительною, и если она попадалась мнѣ на пути, то я съ неудовольствіемъ отодвигалъ ее въ сторону. Позже, когда я сталъ вполнѣ мужемъ, то примирился нѣкоторымъ образомъ съ несчастнымъ рыцаремъ Дульцинеи и уже началъ надъ нимъ подсмѣиваться. Малый-то недалекъ!—говорилъ я. Но, странное дѣло, на всѣхъ путяхъ моей жизни меня преслѣдовали тѣни худощаваго рыцаря и его жирнаго оруженосца, въ особенности когда я достигалъ рокового перепутья. Такъ, помню, во время поѣздки моей во Францію, когда я проснулся въ экипажѣ отъ лихорадочной полудремоты, то увидѣлъ сквозь утренній туманъ двѣ, скакавшія рядомъ со мною, хорошо знакомыя фигуры, и одна изъ нихъ, съ правой стороны, была донъ Кихотъ Ламанчскій на своемъ абстрактномъ Россинантѣ, другая, по лѣвую сторону, Санчо Панса на своемъ положительномъ ослѣ. Мы только-что достигли французской границы. Старый ламанчецъ съ благоговѣніемъ преклонилъ главу свою передъ трехцвѣтнымъ флагомъ, развѣвавшимся на высокомъ пограничномъ столбѣ; добрый Санчо равнодушнѣе кивнулъ головою французскимъ жандармамъ, показавшимся невдалекѣ отъ насъ; потомъ оба друга поскакали впередъ, я потерялъ ихъ изъ виду, и только изрѣдка доносились до меня одушевленное ржаніе Россинанта и отвѣтные крики осла.

томъ великолѣпіи, но на небѣ былъ уже и мѣсяцъ крошечный и блѣдный, какъ бѣлое облачко. «Видишь ты,—сказалъ поэтъ своей возлюбленной:—видишь ты тамъ, наверху, этотъ маленькій блѣдный дискъ? Рѣка около насъ, въ которой онъ отражается, повидимому, лишь изъ сожалѣнія, сноситъ его жалкое изображеніе на своихъ гордыхъ струяхъ, и клубящіяся волны по временамъ насмѣшливо отбрасываютъ его на берегъ. Но пусть только померкнетъ старый день! Едва наступитъ темнота, тотъ блѣдный дискъ начнетъ горѣть все великолѣпнѣе и великолѣпнѣе, вся рѣка обольется его свѣтомъ, и волны, прежде столь презрительно отражавшія его, затрепещутъ при видѣ этого блестящаго свѣтила и сладострастно потекутъ ему навстрѣчу!»

Исторію жизни поэтовъ должно искать въ ихъ произведеніяхъ, и вотъ тутъ найдемъ мы ихъ сокровеннѣйшія признанія. Вездѣ, и въ драмахъ еще болѣе, чѣмъ въ «Донъ Кихотѣ», мы видимъ, что Сервантесъ былъ, какъ я уже сказалъ, долгое время солдатомъ. Дѣйствительно, римская фраза: жить—значитъ воевать, имѣетъ къ нему двоякое примѣненіе. Какъ простой солдатъ, онъ сражался въ большей части тѣхъ дикихъ войнъ, которыя Филиппъ II велъ по всѣмъ странамъ свѣта во славу Божію и собственное удовольствіе. То обстоятельство, что Сервантесъ посвятилъ всю свою молодость величайшему поборнику католицизма, что онъ лично сражался за католическіе интересы—заставляетъ догадываться, что эти интересы были дороги его сердцу, и этимъ очевидно уничтожается распространенное мнѣніе, будто одна только боязнь инквизиціи удержала его коснуться въ «Донъ Кихотѣ» современныхъ протестантскихъ идей. Нѣтъ, Сервантесъ былъ вѣрный сынъ католической церкви, и не одно только тѣло его истекало кровью въ рыцарской борьбѣ за ея священное знамя, но и вся душа также выносила ради ея жесточайшее мученичество во время его многолѣтняго плѣна у невѣрныхъ.

Случаю обязаны мы многими подробностями о жизни Сервантеса въ Алжирѣ, и здѣсь мы узнаемъ въ великомъ поэтѣ такого же великаго героя. Исторія плѣна Сервантеса блестящимъ образомъ опровергаетъ мелодическую ложь тщеславнаго сибарита, который увѣрилъ Августа, а также всѣхъ нѣмецкихъ школьниковъ, что онъ поэтъ, а поэты трусливы. Нѣтъ! истинный поэтъ вмѣстѣ и истинный герой, и въ его груди живетъ терпѣніе, которое, какъ выражаются испанцы, есть второе мужество. Нѣтъ возвышеннѣе зрѣ-

лица, какъ видъ этого благороднаго кастильянца, который служитъ рабомъ алжирскому дею, постоянно занятъ мыслью объ освобожденіи, неутомимо строитъ свои смѣлые планы, спокойно глядитъ на всѣ опасности и въ случаѣ неудачи предпріятія готовъ скорѣе вынести пытку и смерть, нежели выдать хоть однимъ слогомъ своихъ соумышленниковъ. Кровожадный властитель его тѣла обезоруживается такимъ величіемъ духа и такою добродѣтелью, тигръ щадитъ скованнаго льва и трепещетъ передъ ужаснымъ «однорукимъ», котораго, однако, онъ могъ бы послать на смерть однимъ словомъ. Подъ именемъ «однорукаго» Сервантесъ извѣстенъ былъ во всемъ Алжирѣ, и дей признался, что тогда только можетъ спокойно спать или быть увѣреннымъ въ спокойствіи своего города, своей арміи и своихъ рабовъ, когда знаетъ, что однорукій испанецъ находится подъ крѣпкимъ карауломъ.

Выше я упомянулъ, что Сервантесъ былъ всегда простымъ солдатомъ; но такъ какъ онъ даже и въ такомъ невысокомъ чинѣ сумѣлъ отличиться и сдѣлаться извѣстнымъ своему великому полководцу донъ Жуану Австрійскому, то при возвращеніи своемъ изъ Италіи въ Испанію онъ получилъ самыя лестныя рекомендаціи къ королю, въ которыхъ настоятельно испрашивалось ему повышеніе. Алжирскіе корсары, захватившіе Сервантеса въ Средиземномъ морѣ въ плѣнъ, увидѣли эти письма, приняли его по нимъ за весьма значительное лицо и потребовали такой огромный выкупъ, что семейство его, несмотря на всѣ старанія и жертвы, не могло его выкупить, вслѣдствіе чего бѣдный поэтъ тѣмъ дольше и мучительнѣе оставался въ неволѣ. Такимъ образомъ, даже признаніе его достоинствъ сдѣлалось для него новымъ источникомъ несчастія, и такъ до конца дней насмѣхалась надъ нимъ эта ужасная женщина, богиня Фортуна, которая никогда не прощаетъ генію того, что онъ и безъ ея покровительства можетъ достигнуть чести и славы.

Но неужели несчастіе генія есть всегда дѣло только слѣпого случая, или оно вытекаетъ, какъ необходимость изъ его внутренней натуры и натуры того, что̀ его окружаетъ? Вступаетъ ли душа его въ борьбу съ дѣйствительностью, или суровая дѣйствительность сама начинаетъ неравную борьбу съ его благородною душою?

Общество есть республика. Если отдѣльное лицо возвышается надъ нимъ, толпа старается унизить его насмѣшками и клеветою. Никто не долженъ быть добродѣтельнѣе

и умнѣе остальныхъ. Кто же непоколебимою силою генія становится выше уровня банальной среды, тотъ поражается остракизмомъ общества, оно безпощадно преслѣдуетъ его клеветою и осмѣяніемъ до тѣхъ поръ, пока онъ не увидитъ себя вынужденнымъ уйти въ уединеніе своихъ мыслей.

Да, общество въ сущности своей—республика. Всякая власть ему ненавистна, какъ духовная, такъ и матеріальная. Послѣдняя нерѣдко опирается на первую болѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Мы вѣдь сами пришли къ такому убѣжденію вскорѣ послѣ іюльской революціи, когда республиканскій духъ проявился во всѣхъ общественныхъ отношеніяхъ. Лавровый вѣнокъ великаго поэта былъ нашимъ республиканцамъ столь же ненавистенъ, какъ и пурпуръ великаго короля. Они хотѣли уничтожить и умственное неравенство людей, и послѣ того, какъ они объявили всѣ мысли, выросшія на территоріи государства, общею гражданскою собственностью, имъ уже болѣе ничего не оставалось, какъ декретировать и равенство стиля. И въ самомъ дѣлѣ, хорошій стиль поносили, какъ нѣчто аристократическое, и не одинъ разъ слышали мы мнѣніе: истинный демократъ, какъ и народъ, пишетъ задушевно, просто и скверно. Бо̀льшей части людей движеніе это удалось какъ нельзя легче; но не всякому дано писать скверно, особенно, когда кто уже привыкъ прежде писать хорошо; и тутъ-то начинали кричать: «это аристократъ, любитель формы, другъ искусства, врагъ народа». Конечно, они думали, что поступаютъ честно, подобно св. Іерониму, который считалъ свой хорошій стиль грѣхомъ и за то нещадно бичевалъ себя.

Въ «Донъ Кихотѣ» мы находимъ столь же мало антиабсолютныхъ идей, какъ и антикатолическихъ. Критики, пронюхивающіе въ немъ что-либо подобное, очевидно, находятся въ заблужденіи. Сервантесъ былъ сынъ школы, которая поэтически идеализировала безпрекословное повиновеніе верховному владыкѣ. А этотъ верховный владыка былъ королемъ Испаніи, въ то время, когда величество его своимъ блескомъ покрывало весь свѣтъ. Простой солдатъ чувствовалъ на себѣ лучъ блеска этого величества и охотно жертвовалъ своею индивидуальною свободою за такое удовлетвореніе кастильянской національной гордости.

Политическое величіе Испаніи въ то время немало вѣроятно способствовало къ возвышенію и расширенію духа ея писателей. И въ духѣ испанскаго писателя, какъ и въ государствѣ Карла V, солнце не заходило. Дикія войны съ мав-

рами кончились, и какъ послѣ бури цвѣты всегда сильнѣе пахнутъ, такъ и поэзія всегда расцвѣтаетъ самымъ великолѣпнымъ образомъ послѣ междуусобной войны. То же вліяніе видимъ мы и въ Англіи при Елисаветѣ, и одновременно съ Испаніей тамъ возникла поэтическая школа, которая вызываетъ на замѣчательныя сравненія. Тамъ во главѣ школы стоитъ Шекспиръ, здѣсь—Сервантесъ.

Какъ испанскіе поэты при трехъ Филиппахъ, такъ и англійскіе при Елисаветѣ, имѣютъ извѣстнаго рода семейное сходство, и ни Шекспиръ, ни Сервантесъ не могутъ имѣть притязанія на оригинальность, въ нашемъ смыслѣ. Они нисколько не отличаются отъ своихъ современниковъ особенными чувствами, или мыслями, или особеннымъ способомъ изображенія, но только болѣе значительною глубиною, задушевностью, нѣжностью и силою; ихъ произведенія болѣе пропитаны и облиты эфиромъ поэзіи.

Но оба поэта не только роскошные цвѣты своего времени, они вмѣстѣ и корни будущности. Какъ въ Шекспирѣ, вслѣдствіе вліянія его произведеній, главнымъ образомъ на Германію и нынѣшнюю Францію, слѣдуетъ видѣть основателя позднѣйшаго драматическаго искусства, такъ и въ лицѣ Сервантеса мы должны почитать основателя новаго романа. На этотъ счетъ я позволю себѣ сдѣлать нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній.

Старый романъ, такъ-называемый рыцарскій романъ, возникъ изъ средневѣковой поэзіи; сначала онъ былъ прозаической передѣлкой тѣхъ эпическихъ сказаній, герои которыхъ принадлежатъ къ циклу сказаній о Карлѣ Великомъ и св. Граалѣ; ихъ содержаніе состояло всегда изъ рыцарскихъ приключеній. Это былъ романъ дворянства, и дѣйствующія лица въ немъ были или баснословные, фантастическіе образы, или рыцари съ золотыми шпорами; нигдѣ не было и слѣда народа. Эти-то рыцарскіе романы, подъ конецъ выродившіеся самымъ нелѣпымъ образомъ, и уничтожилъ Сервантесъ своимъ «Донъ Кихотомъ». Но написавъ сатиру, уничтожавшую старый романъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ далъ образецъ новаго рода поэзіи, который мы и называемъ новымъ романомъ. Такъ обыкновенно поступаютъ великіе поэты; разрушая старое, они въ то же время полагаютъ основаніе новому; они ничего не отрицаютъ, не утвердивъ что-нибудь. Сервантесъ основалъ новый романъ, введя въ рыцарскій романъ вѣрное изображеніе низшихъ классовъ, подмѣшавъ въ его содержаніе жизнь народа. Склонность описывать бытъ

самой низкой черни, самой отверженной сволочи, принадлежитъ не только одному Сервантесу, но и цѣлой литературной школѣ того времени, и ее мы находимъ какъ у писателей, такъ и у живописцевъ тогдашней Испаніи. Мурильо, похищавшій съ неба священныя краски для того, чтобы рисовать своихъ прекрасныхъ мадоннъ, воспроизводилъ съ тою же любовью и грязнѣйшія явленія земли. Можетъ-быть, восторженная привязанность къ искусству самому по себѣ была причиною того, что эти благородные испанцы находили одинаковое наслажденіе въ изображеніи нищаго мальчика, ищущаго у себя вшей, и въ воспроизведеніи непорочной мадонны. Или, можетъ-быть, прелесть контраста заставляла знатнѣйшихъ дворянъ, напримѣръ, такого изящнаго придворнаго, какъ Квеведо, или такого могущественнаго министра, какъ Мендозу, писать романы изъ быта ободранныхъ нищихъ и мошенниковъ; они, можетъ-быть, хоть воображеніемъ желали перенестись изъ однообразія своей сословной обстановки въ противоположную сферу жизни, точно такъ же, какъ такую же потребность мы встрѣчаемъ и у нѣкоторыхъ нѣмецкихъ писателей, наполняющихъ свои романы изображеніями высшаго свѣта и дѣлающихъ своихъ героевъ всегда графами и баронами. У Сервантеса мы не видимъ еще этого односторонняго направленія—изображать исключительно одно пошлое; онъ только перемѣшиваетъ идеальное съ повседневнымъ, одно служитъ ему для оттѣнка, или для освѣщенія другого, и аристократическій элементъ у него такъ же силенъ, какъ и народный. Но этотъ дворянскій, рыцарскій, аристократическій элементъ совершенно уже пропадаетъ въ романѣ англичанъ, которые прежде всѣхъ начали подражать Сервантесу и до сихъ поръ еще имѣютъ его образцомъ. Всѣ эти англійскіе писатели, со временъ царствованія Ричардсона—натуры прозаическія; щепетильно цѣломудренный духъ ихъ времени возстаетъ даже противъ всякаго живого изображенія обыкновенной жизни народа, и по ту сторону канала возникли тѣ мѣщанскіе романы, въ которыхъ отразилась будничная жизнь буржуазіи. Это плачевное чтеніе наводняло англійскую публику до послѣдняго времени, когда явился великій шотландецъ, произведшій въ романѣ революцію, или собственно реставрацію. Подобно тому, какъ Сервантесъ ввелъ въ романъ демократическій элементъ, когда въ немъ господствовалъ только односторонне рыцарскій, такъ и Вальтеръ Скоттъ снова ввелъ въ романъ элементъ аристократическій, когда тотъ совершенно въ немъ исчезъ и дѣйство-

вало только прозаическое мѣщанство. Противоположнымъ Сервантесу путемъ Вальтеръ Скоттъ сообщилъ роману снова то прекрасное равновѣсіе, которому мы такъ удивляемся въ «Донъ Кихотѣ».

Въ этомъ отношеніи, мнѣ кажется, заслуга второго великаго писателя Англіи никогда еще не была признана. Его торійскія тенденціи, его привязанность къ прошедшему были благодѣтельны для литературы, для тѣхъ образцовыхъ произведеній его генія, которыя вездѣ находили себѣ сочувствіе и подражателей и вытѣснили пепельно-сѣрыя схемы мѣщанскаго романа въ болѣе темные углы библіотекъ для чтенія. Ошибочно поступаютъ тѣ, которые не признаютъ Вальтеръ Скотта истиннымъ основателемъ такъ-называемаго историческаго романа и выводятъ его изъ Германіи. Эти люди не хотятъ понять, что характеристическая черта историческаго романа заключается именно въ этой гармоніи аристократическаго элемента съ демократическимъ; что Вальтеръ Скоттъ возстановилъ, какъ нельзя прекраснѣе, эту гармонію, введя снова аристократическій элементъ, который совершенно было исчезъ во время единодержавія элемента демократическаго, тогда какъ наши нѣмецкіе романтики совершенно отрицали въ своихъ романахъ демократическій элементъ и снова возвратились въ избитую колею рыцарскаго романа, процвѣтавшаго до Сервантеса. Нашъ де-ла-Моттъ-Фуке—не что иное, какъ послѣдователь писателей, произведшихъ на свѣтъ «Амадиса Галльскаго» и другія подобнаго рода причудливыя созданія, и я удивляюсь не столько таланту, сколько смѣлости, съ какою этотъ благородный баронъ, двѣсти лѣтъ спустя послѣ появленія «Донъ Кихота», писалъ свои рыцарскіе романы.

Странный этотъ былъ періодъ въ Германіи, когда появились эти романы Фуке и были приняты публикою съ удовольствіемъ. Что̀ означало это сочувствіе въ литературѣ къ рыцарству и картинамъ стараго феодальнаго времени? Мнѣ кажется, нѣмецкому народу захотѣлось навсегда проститься съ средними вѣками; но расчувствовавшись, что̀ съ нами весьма легко случается, мы простились съ ними поцѣлуемъ. Въ послѣдній разъ прижались мы губами къ старымъ надгробнымъ камнямъ. Многіе изъ насъ, правда, вели себя при этомъ очень глупо. Людвигъ Тикъ, этотъ маленькій школьникъ, вырывалъ изъ могилы своихъ давно умершихъ предковъ, качалъ ихъ гробы, словно люльку, и съ безсмысленно дѣткимъ лепетомъ пѣлъ: «спи, дѣдушка, спи!»

Я назвалъ Вальтеръ Скотта вторымъ великимъ писателемъ Англіи и произведенія его образцовыми. Но этимъ я хотѣлъ принести величайшую похвалу толко его генію. Романы же его я никакимъ образомъ не могу сравнить съ великимъ романомъ Сервантеса. «Донъ Кихотъ» превосходитъ ихъ эпическимъ духомъ. Сервантесъ, какъ я уже замѣтилъ, былъ католическимъ поэтомъ, и этому, можетъ-быть, онъ обязанъ тѣмъ великимъ эпическимъ спокойствіемъ души, которое подобно кристальному небу возносится надъ его разноцвѣтными произведеніями; нигдѣ нѣтъ и тѣни сомнѣнія. Къ этому еще присоединяется и спокойствіе испанскаго національнаго характера. Вальтеръ Скоттъ же принадлежитъ церкви, которая даже религіозные вопросы подвергаетъ строгому обсужденію; какъ адвокатъ и шотландецъ, онъ привыкъ къ дѣйствію и анализу, и какъ въ ею духѣ и жизни, такъ и въ романахъ у него преобладаетъ элементъ драматическій. Поэтому на его романы никакъ нельзя смотрѣть, какъ на чистые образцы того рода произведеній, который мы называемъ романомъ. Испанцамъ принадлежитъ слава произведенія лучшаго романа; англичанамъ должно уступить славу произведенія высшаго въ области драмы.

А нѣмцамъ, какая пальма осталась имъ? Что же, мы лучшіе пѣснопѣвцы на землѣ! Ни у одного народа нѣтъ такихъ пѣсенъ, какъ у нѣмцевъ. Теперь народы слишкомъ заняты политическими дѣлами; но вотъ когда они ихъ покончатъ, тогда всѣ мы, нѣмцы, англичане, испанцы, французы, итальянцы, отправимся въ зеленый лѣсъ и запоемъ, а соловей пусть будетъ нашимъ судьею. Я увѣренъ, что въ этомъ состязаніи призъ достанется пѣснѣ Вольфганга Гёте.

Сервантесъ, Шекспиръ и Гёте образуютъ тріумвиратъ поэтовъ, который произвелъ величайшее въ трехъ родахъ поэтическаго творчества—эпическомъ, драматическомъ и лирическомъ. Можетъ-быть, пишущій эти строки имѣетъ особенное право называть своего великаго земляка величайшимъ лирикомъ. Гёте стоитъ посреди двухъ видоизмѣненій пѣсни, между двумя школами, изъ которыхъ одна, къ сожалѣнію, носитъ мое имя, а другая—имя Швабіи. Обѣ онѣ, конечно, имѣютъ свои заслуги, онѣ косвеннымъ образомъ способствовали процвѣтанію нѣмецкой поэзіи. Первая произвела благотворную реакцію противъ односторонняго идеализма въ нѣмецкой пѣснѣ и снова обратила разумъ къ сильной реальности и вырвала съ корнемъ тотъ сентиментальный петраркизмъ, на который мы всегда смотрѣли не

иначе, какъ на лирическое донкихотство. Швабская школа тоже косвенно содѣйствовала благу нѣмецкой поэзіи. Если въ сѣверной Германіи могли появиться сильныя, здоровыя стихотворенія, то мы этимъ обязаны, можетъ-быть, швабской школѣ, которая притянула къ себѣ всю болѣзненную, хлорозистую, набожно сентиментальную мокроту нѣмецкой музы. Штутгартъ былъ какъ бы фонтанелью германской музы.

Приписывая величайшія заслуги въ области драмы, романа и пѣсни упомянутому великому тріумвирату, я далекъ отъ того, чтобы порицать поэтическое достоинство другихъ великихъ поэтовъ. Нѣтъ ничего безсмысленнѣе вопроса, который изъ поэтовъ стоитъ выше другихъ. Пламя есть пламя, и вѣсъ его не опредѣляется ни фунтами, ни унціями. Только плоскій, лавочный умъ желаетъ взвѣсить геній на своихъ грязныхъ вѣсахъ, на которыхъ онъ взвѣшиваетъ и сыръ. Не только изъ древнихъ, но и изъ новѣйшихъ поэтовъ многіе создали такія стихотворенія, въ которыхъ пламя поэзіи вспыхиваетъ такъ же ярко, какъ и въ образцовыхъ произведеніяхъ Шекспира, Сервантеса и Гёте. Но три этихъ имени соединены какою-то таинственною связью. Въ этихъ произведеніяхъ проглядываетъ родственный духъ; въ нихъ вѣетъ вѣчная кротость, подобно дыханію Бога; въ нихъ цвѣтетъ цѣломудренность природы. Напоминая Шекспира, Гёте постоянно напоминаетъ и Сервантеса, и съ этимъ послѣднимъ онъ сходенъ мельчайшими подробностями въ стилѣ, тою прозой, которая оттѣнена самою нѣжной и безобидной ироніей. Сервантесъ и Гёте похожи другъ на друга даже недостатками своими: многословіемъ рѣчи, длинными періодами, иногда у нихъ встрѣчающимися и которые такъ похожи на поѣздъ королевскихъ экипажей. Не рѣдко сидитъ только одна единственная мысль во всемъ такомъ растянутомъ періодѣ, который, подобно большой золотой придворной каретѣ съ шестью разукрашенными лошадьми, величественно подвигается впередъ. Но эта единственная мысль всегда заключаетъ въ себѣ нѣчто очень высокое, если не самого государя.

О духѣ Сервантеса и о вліяніи его книги я могъ упомянуть лишь весьма кратко. Еще менѣе могу я распространиться о собственно художественномъ достоинствѣ его романа, ибо это заставило бы меня вдаться въ разсужденія, которыя завели бы слишкомъ далеко въ область эстетики. Здѣсь для меня возможно обратить лишь вообще вниманіе

на форму его романа и на два лица, которыя составляютъ его средоточіе. Форма есть форма описаній путешествій, какъ существовавшая искони и самая естественная для подобнаго рода сочиненій. Напомню здѣсь только о первомъ романѣ древности, «Золотомъ Ослѣ» Апулея. Однообразію этой формы позднѣйшіе писатели старались помочь тѣмъ, что̀ мы называемъ теперь фабулою романа. Но вслѣдствіе бѣдности изобрѣтенія, большая часть романистовъ заимствовала фабулы свои другъ у друга, по крайней мѣрѣ одни пользовались фабулами другихъ съ небольшими измѣненіями, и потому постоянное появленіе однихъ и тѣхъ же характеровъ, положеній и завязокъ нѣкоторымъ образомъ уменьшало въ публикѣ охоту къ чтенію романовъ. Чтобы спастись отъ скуки перепечатыванія избитыхъ романическихъ фабулъ, обращались нѣкоторое время къ древней первоначальной формѣ — описанія путешествій. Но и она снова вытѣснялась, какъ скоро появлялся оригинальный писатель съ новыми свѣжими сюжетами романовъ. Въ литературѣ, какъ и въ политикѣ, все происходитъ по законамъ движенія и реакціи.

Что касается тѣхъ двухъ образовъ, которые называютъ себя—одинъ донъ Кихотомъ, другой Санчо Панса, постоянно пародируютъ другъ друга, но при этомъ удивительно дополняютъ одинъ другого, такъ что собственно только оба вмѣстѣ составляютъ героя романа — то они равнымъ образомъ свидѣтельствуютъ о художественномъ чувствѣ и о глубинѣ ума автора. Тогда какъ другіе писатели, герой которыхъ странствуетъ по бѣлу свѣту единственною своею персоною, принуждены бываютъ прибѣгать къ монологамъ, письмамъ или дневникамъ, чтобъ выразить чувства и мысли героя, Сервантесъ вездѣ все это замѣняетъ естественнымъ діалогомъ, и въ то время, когда одна личность пародируетъ рѣчи другого, тѣмъ яснѣе высказывается и то, что̀ думалъ сказать самъ авторъ. Этотъ двойственный образъ, придающій роману такую художественную естественность, вызвалъ много подражаній, и изъ его характера, какъ изъ единаго зерна, развивается весь романъ, словно индійское исполинъ-дерево, со всей его дикою листвою, его душистыми цвѣтами, блестящими плодами, обезьянами и дивными птицами, качающимися на его вѣтвяхъ.

Но несправедливо было бы объяснять все однимъ рабскимъ подражаніемъ: введеніе въ романъ двухъ такихъ образовъ, какъ донъ Кихотъ и Санчо Панса, изъ которыхъ

одинъ, поэтическій, отправляется искать приключеній, а другой, несмотря ни на какія препятствія, слѣдуетъ за нимъ, частью изъ подражательности, частью изъ корыстолюбія — оно было такъ естественно, эти два лица такъ часто встрѣчаются намъ въ жизни. Чтобъ узнать эту пару героевъ, несмотря ни на какія переодѣванья, всюду, какъ въ искусствѣ, такъ и въ жизни, слѣдуетъ, конечно, обращать вниманіе на существенные ихъ признаки, на умственную ихъ сигнатурку, а не на что-либо случайное въ ихъ внѣшнихъ проявленіяхъ. Примѣровъ я могу привести безчисленное множество. Не видимъ ли мы ясно донъ Кихота и Санчо Панса въ фигурахъ донъ Жуана и Лепорелло, или въ личностяхъ Байрона и слуги его Флетчера? Не узнаемъ ли мы тѣ же два типа съ ихъ обоюдными отношеніями въ рыцарѣ фонъ-Вальдзе и его Каспарѣ Ларифари, точно такъ же, какъ въ образахъ не одного писателя и его издателя, который ясно видитъ нелѣпости своего автора, но все-таки вѣрно сопутствуетъ ему въ его идеальныхъ блужданіяхъ, надѣясь изъ нихъ извлечь реальную пользу. А г. издатель Санчо, хотя и извлекаетъ изъ своего дѣла одни пуфы, остается все такимъ же жирнымъ, какъ и былъ, между тѣмъ какъ благородный рыцарь день ото дня все болѣе и болѣе худѣетъ.

Не только, однако, между мужчинами, но и между женщинами встрѣчалъ я часто типы донъ Кихота и его оруженосца. Помню я одну прекрасную англичанку, мечтательную блондинку, которая убѣжала со своею подругою изъ одного лондонскаго пансіона для того, чтобы пройти весь свѣтъ и найти, наконецъ, такое благородное мужское сердце, о какомъ грезила она въ теплыя лунныя ночи. Ея подруга, маленькая брюнетка, надѣялась пріобрѣсти при этомъ случаѣ если не что-нибудь особенно идеальное, то по крайней мѣрѣ мужа красивой наружности. Я еще и теперь вижу ее съ ея голубыми, жаждущими любви глазами, ея гибкимъ станомъ; она стоитъ на брайтонскомъ берегу, передъ нею широкое море, и она полна томительнаго желанія перенестись на французскій берегъ... А подруга ея, между тѣмъ грызетъ орѣхи, наслаждается сладкими ядрами и бросаетъ въ воду скорлупу.

Но ни въ образцовыхъ произведеніяхъ другихъ писателей, ни въ самой природѣ не встрѣчаемъ мы такого полнаго выраженія вышеупомянутыхъ двухъ типовъ съ ихъ взаимными отношеніями, какое есть у Сервантеса. Каждая

черта въ характерѣ или дѣйствіяхъ одного соотвѣтствуетъ противоположной, но вмѣстѣ и родственной чертѣ у другого. Здѣсь каждая частность имѣетъ значеніе пародіи. Да, даже между Россинантомъ донъ Кихота и осломъ Санчо Панса господствуетъ тотъ же ироническій параллелизмъ, какъ и между оруженосцемъ и его рыцаремъ, и животныя эти суть тоже нѣкоторымъ образомъ символическіе представители тѣхъ же идей. Какъ въ образѣ мыслей, такъ и въ разговорѣ, господинъ и слуга представляютъ самыя замѣчательныя противоположности, и здѣсь я не могу не упомянуть о тѣхъ трудностяхъ, которыя представлялись переводчику при переводѣ на нѣмецкій языкъ этой дома испеченной, сучковатой, простонародной рѣчи добраго Санчо. Своимъ рубленымъ, часто неопрятнымъ нарѣчіемъ добрый Санчо весьма напоминаетъ шута царя Соломона, Маркульфа, который также противопоставляетъ патетическому идеализму практическое знаніе простого народа въ краткихъ поговоркахъ. Донъ Кихотъ, напротивъ, говоритъ языкомъ образованности, людей высшаго класса, и даже грандецца хорошо округленнаго строенія періодовъ обличаетъ въ немъ знатнаго гидальго. Иногда эти періоды бываютъ слишкомъ растянуты, и рѣчь рыцаря походитъ на гордую придворную даму въ шелковомъ раздутомъ платьѣ, съ длиннымъ шумящимъ шлейфомъ. Но граціи, переодѣтыя пажами, улыбаясь, несутъ кончикъ этого шлейфа: длинные періоды заключаются граціознѣйшими оборотами.

Характеръ рѣчи донъ Кихота и Санчо мы можемъ резюмировать въ слѣдующихъ словахъ: первый, когда онъ говоритъ, постоянно представляется сидящимъ на своей высокой лошади; другой же говоритъ такъ, какъ будто сидитъ на своемъ низенькомъ ослѣ.

Мнѣ оставалось бы еще сказать объ иллюстраціяхъ, которыми издатель украсилъ этотъ новый переводъ «Донъ Кихота», появляющійся теперь съ моимъ предисловіемъ. Это изданіе — первая беллетристическая книга, появляющаяся въ Германіи. Въ Англіи и особенно во Франціи подобныя иллюстраціи очень обычны и встрѣчаютъ почти восторженное одобреніе. Но нѣмецкія добросовѣстность и основательность, конечно, поставятъ вопросъ: благопріятны ли такія иллюстраціи для интересовъ искусства? Не думаю. Правда, онѣ показываютъ, какъ творящая умно и легко рука живописца понимаетъ и воспроизводитъ созданные авторомъ образы; онѣ даютъ также пріятный перерывъ

могущему возникнуть отъ чтенія утомленію; но онѣ служатъ также еще однимъ признакомъ того, какъ искусство, сведенное съ пьедестала своей самостоятельности, низводится на степень служительницы роскоши. И затѣмъ здѣсь для художника является не только случай и искушеніе, но даже обязательство—только слегка коснуться своего предмета, но ужъ ни въ какомъ случаѣ не истощать его. Рисунки въ старыхъ книгахъ служили совсѣмъ инымъ цѣлямъ, и сравнивать ихъ съ этими иллюстраціями нельзя.

Иллюстраціи въ настоящемъ изданіи исполнены по рисункамъ Тони Жоанно, первыми граверами Англіи и Франціи. Онѣ, за что ручается уже имя Тони Жоанно, задуманы и нарисованы столько же изящно, сколько характеристично; несмотря на бѣглость исполненія, видно, что художникъ проникъ въ духъ поэта. Очень остроумно и фантастично придуманы начальныя буквы и виньетки, и конечно съ глубокомысленно поэтическою цѣлью выбралъ живописецъ для украшеній большею частью мавританскіе рисунки. Вѣдь въ «Донъ Кихотѣ» повсюду выплываетъ наружу, какъ прекрасный отдаленный фонъ, воспоминаніе о свѣтлой мавританской порѣ.—Тони Жоанно, одинъ изъ превосходнѣйшихъ и значительнѣйшихъ художниковъ Парижа—родомъ нѣмецъ.

Замѣчательно, что такая книга, какъ «Донъ Кихотъ», столь богатая матеріаломъ для живописи, не нашла еще ни одного живописца, который бы заимствовалъ изъ нея сюжеты на цѣлый рядъ самостоятельныхъ картинъ. Духъ ли книги такъ легокъ и фантастиченъ, что изъ-подъ руки живописца улетучивается пестрая пыль красокъ? Не думаю. Потому что «Донъ Кихотъ», какъ ни легокъ онъ, какъ ни фантастиченъ, стоитъ все-таки на почвѣ твердой земной дѣйствительности, что̀ и было необходимо для того, чтобы ему сдѣлаться народной книгою. Или это происходитъ оттого, что за образами, выведенными здѣсь писателемъ, скрываются болѣе глубокія идеи, которыя художникъ пластическій передать не можетъ, такъ что ему удается удержать и воспроизвести только внѣшнее явленіе, но не сокровенный смыслъ? Вѣроятно, именно здѣсь кроется причина. Впрочемъ, многіе художники пробовали свои силы въ рисункахъ къ «Донъ Кихоту». Все, что я ни видѣлъ въ этомъ родѣ англійскаго, испанскаго и прежняго французскаго, было отвратительно. Что касается нѣмецкихъ художниковъ, то я долженъ напомнить здѣсь о нашемъ великомъ Даніэлѣ Ходовецкомъ. Онъ сдѣлалъ цѣлый рядъ рисунковъ къ

«Донъ Кихоту»; они были гравированы Бергеромъ, подъ руководствомъ самого Ходовецкаго, и приложены къ переводу Бертуха. Есть между ними превосходныя вещи. Весьма повредило художнику ложное, театрально условное понятіе, которое этотъ художникъ, вмѣстѣ съ его современниками, имѣлъ объ испанскихъ костюмахъ. Но вездѣ видно, что Ходовецкій вполнѣ понималъ «Донъ Кихота». Это-то меня и порадовало въ немъ, какъ за него самого, такъ и за Сервантеса. Мнѣ всегда пріятно видѣть, когда двое изъ моихъ друзей любятъ другъ друга, такъ же, какъ я радъ бываю, когда двое изъ моихъ недруговъ напустятся одинъ на другого. Время Ходовецкаго, какъ періодъ только-что начавшей образовываться литературы, еще нуждавшейся въ воодушевленіи и старавшейся отклонить отъ себя сатиру, было не совсѣмъ благопріятно для пониманія «Донъ Кихота», и вотъ въ пользу Сервантеса говоритъ то, что его образы даже и въ такое время были понятны, а въ пользу Ходовецкаго то, что онъ понялъ вполнѣ такіе образы, какъ донъ Кихотъ и Санчо Панса — онъ, который болѣе, чѣмъ, можетъ-быть, другіе художники, былъ сыномъ своего времени, въ немъ коренился, только ему принадлежалъ, имъ былъ выношенъ, понятъ и признанъ.

Изъ новѣйшихъ иллюстрацій я съ удовольствіемъ вспоминаю о нѣкоторыхъ эскизахъ Декампа, самаго оригинальнаго изъ всѣхъ живущихъ французскихъ живописцевъ. — Но только нѣмецъ можетъ вполнѣ понять «Донъ Кихота», и это я почувствовалъ съ душевною радостью на-дняхъ, когда увидѣлъ въ окнѣ картинной лавки на бульварѣ Монмартръ гравюру, представлявшую благороднаго ламанчца въ его кабинетѣ и сдѣланную съ картины Адольфа Шретера, великаго мастера.

ШВАБСКОЕ ЗЕРКАЛО.

Предварительная замѣтка.

Нижеслѣдующая статья была отправлена въ Германію въ началѣ весны, какъ послѣсловіе къ второй части «Книги Пѣсенъ», и съ просьбою о скорѣйшемъ напечатаніи ея. Но между тѣмъ, какъ я полагалъ, что книга давно уже появилась въ свѣтъ, вдругъ, недѣли двѣ назадъ, мой издатель увѣдомилъ меня, что въ одномъ южномъ нѣмецкомъ государствѣ, куда онъ отправилъ рукопись для цензуры, цензурное дозволеніе не давалось ему все это время, — и онъ предлагалъ мнѣ напечатать это послѣсловіе, какъ отдѣльную статью, въ какомъ-нибудь періодическомъ изданіи. Предлагая ее вслѣдствіе этого здѣсь почтенному читателю, я полагаю, что онъ, безъ особаго напряженія своей проницательности, угадаетъ, почему я уже два съ половиною года встрѣчаю столько интригъ и препятствій, когда хочу говорить о тѣхъ доносчикахъ, которые съ своей стороны, безъ всякихъ цензурныхъ и редакціонныхъ ограниченій, пользуются правомъ злоупотреблять большею частью нѣмецкой печати.

Парижъ, осенью 1838 г.

По обычаю нѣмецкихъ стихотворцевъ, мнѣ слѣдовало бы къ собранію моихъ стихотвореній, носящему заглавіе: «Книга Пѣсенъ» и недавно появившемуся въ новомъ изданіи, присоединить и нижеслѣдующія страницы. Но мнѣ казалось, что въ «Книгѣ Пѣсенъ» звучитъ повсюду одинъ основной тонъ, который, вслѣдствіе примѣси позднѣйшихъ произведеній, могъ бы утратить свою прекрасную чистоту. Потому-то я предлагаю читателямъ это позднѣйшее произведеніе, какъ

особое дополненіе, и скромно сознавая, что въ основномъ тонѣ этой второй части мало что можно было бы нарушить, присоединяю сюда драматическую поэму, возникшую гораздо раньше и принадлежащую къ ряду стихотвореній, которыя впослѣдствіи, по одному несчастному случаю, безвозвратно погибли. Эта драматическая поэма («Ратклиффъ»), быть-можетъ, пополнитъ пробѣлъ въ собраніи моихъ поэтическихъ произведеній и дастъ понятіе о чувствахъ, которыя пламенѣли, или, по крайней мѣрѣ, тлѣли, въ тѣхъ потерянныхъ стихотвореніяхъ.

Нѣчто подобное слѣдуетъ мнѣ замѣтить и насчетъ пѣсни о Тангейзерѣ. Она принадлежитъ къ тому періоду моей жизни, о которомъ я тоже не могу, или вѣрнѣе, не имѣю права сообщать публикѣ почти никакихъ письменныхъ документовъ.

Мысль—украсить эту статью изображеніемъ моего лица, принадлежитъ не мнѣ. Портреты авторовъ, прилагаемые къ ихъ сочиненіямъ, невольно напоминаютъ мнѣ Геную, гдѣ передъ домомъ сумасшедшихъ выставлена статуя основателя его. Это моему издателю пришло на умъ приклеить мой портретъ къ дополненію «Книги Пѣсенъ», этого напечатаннаго дома сумасшедшихъ, въ которомъ сидятъ за рѣшоткой мои помѣшанныя мысли. Мой другъ Юліусъ Камне любитъ пошалить, и вѣроятно, ему захотѣлось сыграть шутку съ милыми ребятами швабской школы поэтовъ, составившими заговоръ противъ моего лица... Если они теперь суетятся и бѣгаютъ вокругъ моихъ пѣсень и считаютъ, сколько въ этихъ пѣсняхъ слезъ, то имъ нельзя обойтись безъ того, чтобъ отъ времени до времени не посмотрѣть на мои черты. Но за что вы такъ непримеримо ворчите на меня, добрые человѣчки? За что вы выступаете противъ меня съ объемистыми статьями, отъ которыхъ меня одолѣваетъ смертная скука? Что̀ вы имѣете противъ моего лица? Замѣчу кстати, что мой портретъ въ «Альманахѣ Музъ» вовсе непохожъ. Изображеніе, на которое вы взираете теперь, гораздо удачнѣе, особенно верхняя часть лица; нижняя вышла черезчуръ худощавою. Я же съ нѣкотораго времени очень потолстѣлъ и боюсь, что скоро буду походить на бургомистра... Ахъ! швабская школа причиняетъ мнѣ такъ много горя!

Я вижу, какъ благосклонный читатель съ изумленіемъ проситъ у меня объясненія: что̀ понимаю я подъ «швабской школой»? Что̀ это такое швабская школа? Еще недавно, я самъ обращался съ этимъ вопросомъ ко многимъ путеше-

ствующимъ швабамъ и просилъ разъясненія. Они долго не хотѣли ничего отвѣчать и улыбались очень странно, почти такъ, какъ улыбаются аптекари, когда перваго апрѣля, рано утромъ, легковѣрная дѣвушка приходитъ къ нимъ и требуетъ на два гроша меду отъ мухъ. Въ моей наивности я думалъ сначала, что подъ швабскою школой понимаютъ цвѣтущій лѣсъ великихъ мужей, выросшій на почвѣ Швабіи, тѣ исполинскіе дубы, которые проникаютъ корнями въ средоточіе земли и верхушки которыхъ касаются звѣздъ... И я спрашивалъ: «Вѣдь правда, что и Шиллеръ принадлежалъ къ этой школѣ, Шиллеръ, дикій творецъ, создатель «Разбойниковъ»?—«Нѣтъ,—отвѣчали мнѣ:—съ нимъ у насъ нѣтъ ничего общаго; такіе разбойничьи писатели не принадлежатъ къ швабской школѣ; у насъ все идетъ въ чинномъ порядкѣ, и Шиллеру тоже пришлось скоро убраться отъ насъ».—Ну, такъ Шеллингъ принадлежитъ къ швабской школѣ, Шеллингъ, блуждающій мудрецъ, король Артусъ философіи, который напрасно отыскиваетъ всюду абсолютное Монсальважъ и принужденъ томиться въ мистической пустынѣ?—«Мы не понимаемъ этого,—отвѣчали мнѣ:—но только можемъ васъ увѣрить, что Шеллингъ не принадлежитъ къ швабской школѣ».—Принадлежитъ ли къ ней Гегель, путешественникъ вокругъ умственнаго свѣта, неустрашимо проникнувшій до сѣвернаго полюса мысли, гдѣ у другихъ мозгъ замораживается въ абстрактномъ льду?—«Этого мы совсѣмъ не знаемъ».—Такъ не принадлежитъ ли къ ней Давидъ Страусъ, Давидъ съ страшнымъ метательнымъ пращомъ?..—«Боже спаси насъ отъ этого человѣка! Его мы даже прокляли, и если-бъ онъ захотѣлъ баллотироваться въ швабскую школу, то ужъ вѣрно мы прокатили бы его на вороныхъ...»

— Но Бога ради!—воскликнулъ я, перечисливъ почти всѣ великія имена Швабіи, дойдя даже до древнихъ временъ, даже до Кеплера, великой звѣзды, понимавшей все небо, даже, наконецъ, до Гогенштауфеновъ, этихъ земныхъ солнцъ въ нѣмецкой императорской мантіи, такъ великолѣпно свѣтившихъ на землѣ:—кто же собственно принадлежитъ къ швабской школѣ?

— Вотъ видите,—отвѣчали мнѣ:—мы вамъ, такъ и быть, скажемъ правду: громкія имена, которыя вы только-что перечислили, больше европейскія, чѣмъ швабскія, они какъ бы эмигрировали отъ насъ и примкнули къ иноземнымъ странамъ; тогда какъ громкія имена швабской школы презираютъ этотъ космополитизмъ и трогательно патріотически

и безмятежно сидятъ дома за кашицей и желтофіолями дорогой Швабіи.

И вотъ тутъ-то узналъ я, наконецъ, какой скромной величины эти знаменитости, которыя съ тѣхъ поръ дѣйствуютъ подъ названіемъ швабской школы, попрыгиваютъ въ одномъ и томъ же кружкѣ мыслей, наряжаются въ одни и тѣ же чувства и даже носятъ на своихъ трубкахъ кисти одного и того же цвѣта.

Самый значительный изъ нихъ—евангелическій пасторъ Густавъ Швабъ. Онъ—селедка въ сравненіи съ другими, которые только сардинки; само собою разумѣется, сардинки безъ соли. Онъ написалъ нѣсколько прекрасныхъ пѣсенъ и нѣсколько очень хорошихъ балладъ; конечно, съ какимъ-нибудь Шиллеромъ, съ большимъ китомъ, его нельзя сравнивать. За нимъ слѣдуетъ докторъ Юстинъ Кернеръ, которому все чудятся привидѣнія и напитанныя ядомъ колбасы, и который однажды самымъ серьезнымъ образомъ разсказалъ читателямъ, что пара башмаковъ, совершенно одна, безъ человѣческой помощи, медленно прошла черезъ всю комнату до самой кровати чародѣйки изъ Преворста. Этого еще недоставало, чтобъ надо было, ложась спать, плотно привязывать свои сапоги, если не хочешь, чтобъ они вдругъ ночью подошли къ чьей-нибудь постели и кожанымъ голосомъ привидѣнія стали декламировать стихотворенія госпогина Юстина Кернера! Эти послѣднія не совсѣмъ скверныя, Кернеръ вообще человѣкъ не безъ заслугъ, и о немъ, по моему мнѣнію, можно сказать то же самое, что̀ Наполеонъ сказалъ о Мюратѣ: «онъ большой дуракъ, но самый лучшій кавалерійскій генералъ». Я вижу, какъ всѣ туземные обитатели Вейнсберга качаютъ головой, слыша такое мнѣніе, и съ удивленіемъ возражаютъ мнѣ: «нашъ дорогой соотечественникъ, герръ Юстинусъ, дѣйствительно большой дуракъ, но отнюдь не самый лучшій кавалерійскій генералъ!» Ну, какъ вамъ угодно, охотно соглашаюсь съ вами, что онъ не превосходный кавалерійскій генералъ.

Г. Карлъ Майеръ, называющійся по-латыни Carolus Magnus, тоже поэтъ швабской школы, и меня увѣряютъ, что онъ вѣрнѣе, чѣмъ кто-либо, проявляетъ въ своихъ произведеніяхъ духъ и характеръ ея; онъ безцвѣтная муха и воспѣваетъ майскихъ жуковъ. Говорятъ, что онъ очень знаменитъ во всемъ округѣ Вайблингена, предъ воротами котораго хотятъ ему воздвигнуть статую, и притомъ деревянную и въ человѣческій ростъ. Это деревянное изображеніе пѣвца

будутъ каждый годъ красить заново масляной краской, и дѣлать это весною, когда цвѣтутъ желтофіоли и жужжатъ майскіе жуки. На пьедесталѣ будетъ вырѣзана надпись: «на семъ мѣстѣ запрещается производить нечистоты».

Превосходный поэтъ швабской школы, какъ меня увѣряютъ, господинъ ***; онъ только недавно пришелъ къ самосознанію, но еще не проявилъ его—именно, онъ еще не печаталъ своихъ стихотвореній. Мнѣ говорили, что онъ воспѣваетъ не только майскихъ жуковъ, но даже жаворонковъ и перепеловъ, что̀, конечно, весьма похвально. Жаворонки и перепела дѣйствительно сто̀ятъ того, чтобы ихъ воспѣвали, особенно когда они изжарены. О характерѣ и относительномъ достоинствѣ произведеній г.*** я не могу высказать никакого мнѣнія до тѣхъ поръ, пока они не получатъ внѣшняго проявленія, точно такъ же, какъ о геніальныхъ произведеніяхъ многихъ другихъ великихъ неизвѣстныхъ швабской школы.

Швабская школа хорошо поняла, что она не причинитъ ущерба своему значенію, если, имѣя у себя этихъ великихъ неизвѣстныхъ, которые видимы намъ только въ гидро-газомикроскопъ, она успѣетъ залучить въ число своихъ членовъ и нѣсколько невеликихъ извѣстныхъ, нѣсколько именъ, которыя пользуются нѣкоторымъ значеніемъ не только въ мирной интимности швабскихъ округовъ, но и въ остальной Германіи. Поэтому послали они приглашеніе королю Людвигу баварскому, вѣнценосному поэту, но онъ отказался. Впрочемъ, онъ велѣлъ имъ дружески кланяться и послалъ великолѣпный экземпляръ своихъ стихотвореній въ красномъ сафьяновомъ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ. Затѣмъ, швабы обратились къ гофрату Винклеру, который распространилъ свою поэтическую славу подъ именемъ Теодора Гелля; но онъ отвѣчалъ имъ, что его положеніе, какъ издателя «Вечерней Газеты», не позволяетъ ему записаться въ швабскую школу; притомъ же, онъ самъ намѣревается создать саксонскую школу, къ участію въ которой онъ уже пригласилъ многихъ поэтовъ изъ своихъ соотечественниковъ. Такимъ же образомъ отклонили предложенія швабской школы нѣкоторые знаменитые писатели верхней Лузаціи и нижней Помераніи.

Въ этой крайности швабы выкинули чисто швабскую штуку: имено, они приняли въ число членовъ своей швабской школы одного венгерца и одного кашуба. Первый, венгерецъ, называетъ себя Николай Ленау, и послѣ іюль-

ской революціи его либеральныя стремленія, а также и усердныя восхваленія, расточавшіяся ему моимъ другомъ Лаубе, доставили ему извѣстность, которую онъ въ извѣстной степени заслуживаетъ. Венгерцы во всякомъ случаѣ много потеряли тѣмъ, что ихъ соотечественникъ Ленау перешелъ къ швабамъ; впрочемъ, пока у нихъ есть ихъ токайское вино, они могутъ утѣшаться въ этой потерѣ.

Другое пріобрѣтеніе швабской школы менѣе блистательно: оно состоитъ въ личности достославнаго Вольфганга Менцеля, который увидѣлъ свѣтъ въ землѣ кашубовъ, на границѣ Польши и Германіи, той границѣ, гдѣ германскій чурбанъ понимаетъ чурбана славянскаго, какъ сказалъ бы старикъ Фоссъ, старый Іоганнъ Генрихъ Фоссъ, неотесанный, но честный саксонскій мужикъ, который какъ въ строѣ своего лица, такъ и въ душѣ носилъ печать германства. Что этого нельзя сказать о Вольфгангѣ Менцелѣ, что онъ ни по внѣшности, ни по внутренности не нѣмецъ, это я достаточно доказалъ въ маленькой, милѣйшей статьѣ «О доносчикѣ». Замѣчу кстати, что я не написалъ бы этой статьи, если-бъ уже до того сдѣлались мнѣ извѣстными другія разсужденія о томъ же предметѣ, большія бомбы, пущенныя Людвигомъ Бёрне и Давидомъ Страусомъ. Но эту маленькую статью, которая должна была служить предисловіемъ къ третьей части «Салона», цензоръ этой послѣдней книги отказывался пропустить «изъ уваженія къ Вольфгангу Менцелю»—и бѣдная вещица, хотя достаточно кротко написанная въ политическомъ и религіозномъ отношеніи, должна была въ продолженіе семи мѣсяцевъ странствовать отъ одного цензора къ другому, пока, наконецъ, кое-какъ вышла въ свѣтъ. Если ты, благосклонный читатель, купишь эту книжку въ Гамбургѣ, въ книжной лавкѣ Гофмана и Кампе, то тамъ мой другъ Юліусъ Кампе охотно разскажетъ тебѣ, какъ трудно было «доносчика» принести на типографскій станокъ, какъ достоинство его защищалось разными авторитетами и какъ, наконецъ, неопровержимыми документами, автографомъ доносчика, находящимся въ рукахъ Теодора Мундта, заглавіе моей статьи оправдывается блистательнѣйшимъ образомъ... Какъ достославный оборонялся противъ этихъ нападеній, тебѣ, можетъ-быть, извѣстно, мой дорогой читатель. Когда я сталъ срывать съ его тѣла, кусокъ за кускомъ, лохмотья ложнаго патріотизма и лицемѣрной нравственности, онъ снова заоралъ во все горло: «религія въ опасности, столпы церкви обрушиваются,

Генрихъ Гейне губитъ христіанство!» Отъ души хохоталъ я, слушая эти вопли, потому что они напомнили мнѣ другого бѣднаго грѣшника, котораго наказывали на площади въ Любекѣ плетьми и клейменьемъ и который, когда палачъ прикоснулся горячимъ желѣзомъ къ его спинѣ, заоралъ неистовымъ голосомъ и все время не переставалъ кричать: «пожаръ! пожаръ! горитъ! горитъ! церковь въ огнѣ!» Старухъ тоже напугали эти крики, но разсудительные люди смѣялись и говорили: «Бѣдняга! это только его собственная спина горитъ, а церковь преспокойно стоитъ на прежнемъ мѣстѣ; при томъ же и полиція, боясь пожара, поставила передъ нею еще нѣсколько пожарныхъ инструментовъ, и вблизи церкви запрещено даже курить сигары!..» Право, католичество никогда не охранялось болѣе тщательно, чѣмъ именно теперь.

При этомъ случаѣ не могу не опровергнуть распространившагося слуха о томъ, будто Вольфгангъ Менцель, побуждаемый своими товарищами, рѣшился, наконецъ, воспользоваться великодушіемъ, съ которымъ я позволилъ ему очистить себя по крайней мѣрѣ отъ упрека въ личной трусости. По чести говоря, я постоянно надѣялся, что доживу до времени, когда рыцарю патріотизма, вѣры и добродѣтели благоугодно будетъ явиться во всей красѣ своей мужественности. Но, къ сожалѣнію, до сей минуты я ждалъ напрасно, и въ добавокъ къ этому остряки въ нѣмецкихъ газетахъ насмѣхались надъ моею легковѣрностью. Эти забавники дошутились даже до того, что позволили себѣ написать мнѣ, какъ будто отъ имени несчастной жены доносчика, письмо, гдѣ бѣдная женщина горько жаловалась на семейныя непріятности, которыя ей пришлось выносить со времени появленія моей маленькой статьи. Съ тѣхъ поръ, по ея словамъ, нѣтъ никакого ладу съ ея мужемъ, который хочетъ показывать дома, что онъ герой. Малѣйшій намекъ на трусость приводитъ его въ ярость. Разъ вечеромъ онъ высѣкъ своего маленькаго сына за то, что тотъ игралъ въ «зайчика». Недавно онъ, какъ бѣшеный, вернулся домой изъ палаты и неистовствовалъ, какъ Аяксъ, вслѣдствіе того, что глаза всѣхъ членовъ палаты обратились на него, когда былъ поставленъ на обсужденіе законодательный вопросъ: «можно ли безнаказанно отдавать кого-нибудь на общественное осмѣяніе?» Въ другой разъ онъ горько плакалъ, когда одинъ изъ тѣхъ неблагодарныхъ евреевъ, которыхъ онъ хотѣлъ эмансипировать, сказалъ ему въ лицо: «да вѣдь

вы совсѣмъ не патріотъ, вы ничего не дѣлаете для народа, вы не защитникъ отечества, а старая баба». Но особенно сильно разыгрывается его скорбь ночью, и тутъ онъ стонетъ, и вздыхаетъ, и плачетъ такъ, что даже камень сжалился бы надъ нимъ. «Наконецъ,—такъ заканчивалось мнимое письмо бѣдной женщины:—это сдѣлалось для меня сосовершенно невыносимо: я готова лучше умереть, чѣмъ продолжать жить такъ, и чтобы прекратить всю эту исторію, предлагаю вамъ драться со мною, вмѣсто моего трусливаго мужа. Готовая къ услугамъ».

Прочтя это письмо и по простотѣ души не замѣтивъ съ перваго разу очевидной мистификаціи, я съ воодушевленіемъ воскликнулъ: «Благородная женщина! достойная швабка! достойная дочь твоихъ прародительницъ, которыя нѣкогда въ Вейнсбергѣ носили на спинѣ своихъ мужей!

Вообще женщины въ Швабіи, повидимому, энергичнѣе своихъ мужей, которые нерѣдко берутся за мечи только по приказанію своихъ половинъ. Знаю вѣдь я одну прекрасную швабку, которая уже давно воюетъ со мною злѣе, чѣмъ двадцать чертей, и преслѣдуетъ меня непримиримой враждою.

Одинъ естествоиспытатель замѣтилъ совершенно правильно, что лѣтомъ, особенно въ каникулярные дни, противъ меня пишутъ гораздо больше, чѣмъ зимою.

Что не вслѣдствіе старопоэтической аристократичности я оставляю безъ отвѣта такія нападенія, это я объяснилъ уже въ другомъ мѣстѣ. Отчасти у меня какъ-то языкъ прилипаетъ къ гортани каждый разъ, какъ я намѣреваюсь, объясненіемъ коренныхъ причинъ всего моего образа мыслей и дѣйствій, защищать себя отъ обвиненія въ безнравственности, или антирелигіозной легкости, или даже политической непослѣдовательности. Съ другой стороны, въ отношеніи къ моимъ противникамъ, я нахожусь въ такомъ же положеніи, о какомъ говоритъ съ правильнымъ ощущеньемъ мой другъ Семилассо въ описаніи своего путешествія по Африкѣ. Именно, онъ разсказываетъ, что однажды, когда ему пришлось ночевать въ бедуинскомъ лагерѣ, вокругъ его палатки все время лаяли, выли и визжали цѣлыя стаи собакъ. «Но это,—говоритъ путешественникъ:—вовсе не мѣшало мнѣ спать; будь тамъ, вмѣсто этого множества собакъ, только одинъ песъ, я бы всю ночь не могъ сомкнуть глаза». Это такъ! Именно потому, что псовъ такъ много, и что моська хочетъ перелаять дворняжку, эта, въ

свою очередь, левретку, та болонку, болонка бульдога, такъ что постыдные крики различныхъ животныхъ теряются въ одномъ общемъ воѣ—именно потому я не обращаю вниманія на лай цѣлой стаи собакъ.

Да, и г. Густавъ Пфицеръ не больше другихъ тревожилъ мой сонъ, и повѣрьте мнѣ на слово, что при упоминаніи объ этомъ стихослагателѣ ни малѣйшая горечь не шевелится въ моей душѣ. Но для полноты счета, я не могу не упомянуть о немъ: швабская школа вѣдь считаетъ его въ числѣ своихъ, что̀ кажется мнѣ довольно страннымъ, ибо онъ, въ противоположность этой всей компаніи, летаетъ по свѣту скорѣе какъ размышляющая летучая мышь, чѣмъ какъ безмятежный майскій жучокъ, и пахнетъ больше Шубартовской «могилой», чѣмъ желтофіолями. Мнѣ однажды прислали его стихотворенія изъ Штутгарта, и ласковыя рекомендательныя строки, которыми сопровождалась эта посылка, побудили меня бросить на книжку бѣглый взглядъ; я нашелъ стихи совсѣмъ скверными. То же самое могу я сказать и о его прозѣ: она совсѣмъ скверная. Правда, сознаюсь, что я не читалъ никакого другого сочиненія его, кромѣ статьи, написанной противъ меня. Статья и глупая, и слабая, и стилистически жалкая; это послѣднее обстоятельство тѣмъ непростительнѣе, что матеріалы для нея доставила вся школа. Лучшее во всей статьѣ—давно извѣстный пріемъ собрать воедино искаженныя фразы изъ самыхъ разнородныхъ сочиненій автора и навязывать имъ какой угодно смыслъ или какую угодно безсмыслицу. Конечно, пріемъ не новый, но всегда достаточно удающійся, такъ какъ для опроверженія, автору, сдѣлавшемуся предметомъ нападенія, приходилось бы каждый разъ исписать цѣлые фоліанты, чтобы доказать, что одна изъ приведенныхъ въ обвиненіи его фразъ имѣла юмористическій смыслъ; что другая, хотя и съ серьезнымъ значеніемъ, относилась, однако, къ предшествовавшей фразѣ, такъ что только изъ связи ихъ виденъ точный смыслъ каждой; что фразы, нанизанныя противниками одна вслѣдъ за другой, надерганы ими въ ущербъ не только логической, но и хронологической связи этихъ фразъ, лишь бы только сочинить какія-нибудь видимыя противорѣчія, что именно эти противорѣчія послужили бы доказательствомъ глубочайшей послѣдовательности, если бы при этомъ были приняты въ соображеніе хронологическій порядокъ, обстоятельства времени, условія его... Ахъ, да, если бы было принято въ сообра-

женіе, какъ чудно запутана стратегія автора, сражающагося за дѣло европейской свободы; какъ его тактика подвергается всевозможнымъ измѣненіямъ; какъ сегодня онъ долженъ защищать въ качествѣ чего-то въ высшей степени важнаго то, что завтра можетъ сдѣлаться для него не имѣющимъ никакого значенія, какъ сегодня ему приходится штурмовать или защищать одинъ пунктъ, а завтра другой, смотря по тому, чего требуютъ положеніе противной партіи, измѣненіе въ составѣ союзниковъ, побѣды и пораженія того или другого дня!

Единственныя новинка и своеобразность, найденныя мною въ вышеупомянутой статьѣ г. Густава Пфицера, состояли въ томъ, что онъ мѣстами не только коварно извращалъ смыслъ моихъ словъ, но поддѣлывалъ и самыя слова; это ново, это своеобразно, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ въ Германіи еще ни разу не цитировали автора подложными словами. Но г. Густавъ Пфицеръ, повидимому, писатель еще молодой, начинающій; пальцы его, правда, чешутся уже отъ способности поддѣлки, но въ выполненіи замѣтна еще нѣкоторая робость, и когда, напримѣръ, онъ цитируетъ «св. причастіе» вмѣсто «облатокъ» моего текста, или нѣсколько разъ пишетъ «божественный», тогда какъ у меня вездѣ въ этихъ мѣстахъ «превосходный», то онъ самъ еще неясно сознаетъ, какое употребленіе удастся ему сдѣлать изъ такой поддѣлки. Онъ молодой начинающій. Но дарованіе его неоспоримо; это онъ достаточно доказалъ, въ самой приличной оцѣнкѣ ему нельзя отказать, онъ стоитъ того, чтобы Вольфгангъ Менцель своею храброю рукою надѣлъ ему на голову грязнѣйшій изъ своихъ лавровыхъ вѣнковъ.

Однакожъ, говоря по совѣсти, я не совѣтую ему развивать еще больше свое дарованіе. Пожалуй, вдругъ вздумается ему примѣнить эти благородныя способности къ предметамъ внѣлитературнымъ. А вѣдь есть государства, въ которыхъ такія штуки награждаются веревочной петлей. Я видѣлъ въ Ольдъ-Бэлей въ Лондонѣ, какъ повѣсили одного человѣка за то, что онъ сдѣлалъ на векселѣ фальшивую цитату, а бѣднякъ, очень можетъ-быть, сдѣлалъ это вслѣдствіе голода, отнюдь не по мошенничеству, или изъ тщеславной зависти, или для того, чтобы заработать литературное «на водку» въ «Штутгартской Литературной Газетѣ». Поэтому мнѣ жаль стало бѣдняка, казнь котораго совершилась съ многими промедленіями. Ошибаются тѣ, которые думаютъ, что повѣшеніе въ Англіи дѣлается въ нѣ-

сколько минутъ. Приготовленія продолжались почти четверть часа. До сихъ поръ еще я негодую, когда вспоминаю, съ какою медлительностью бѣдному человѣку накладывали петлю на шею и натягивали на глаза бѣлый колпакъ. Подлѣ него стояли его друзья, можетъ-быть, принадлежавшіе къ одной школѣ съ нимъ, и съ нетерпѣніемъ ждали минуты, когда имъ можно будетъ оказать ему послѣднюю дружескую услугу; эта дружеская услуга состоитъ въ томъ, что для сокращенія предсмертныхъ содроганій повѣшеннаго друга его какъ можно сильнѣе дергаютъ за ноги.

Я заговорилъ о Густавѣ Пфицерѣ, потому что не могъ обойти его въ разсужденіи о швабской школѣ. Могу только увѣрить, что въ безмятежномъ сердцѣ моемъ нѣтъ ни тѣни негодованія противъ г. Пфицера. Напротивъ того, если-бъ я былъ въ состояніи оказать ему дружескую услугу, то конечно не далъ бы ему долго дрыгать на висѣлицѣ... Но теперь поговоримъ серьезно, любезный читатель; тому, что мнѣ остается сказать тебѣ, не соотвѣтствуютъ ни тотъ шутливый тонъ, ни то легкомысленно хорошее расположеніе духа, съ которыми я писалъ эту статью. На душѣ у меня тяжело лежитъ нѣчто, чего я до сихъ поръ не могъ высказать совершенно свободно и что, однако, подлежитъ необходимости самаго недвусмысленнаго признанія. Именно, мнѣ просто страшно—по поводу швабской школы говорить и о Людвигѣ Уландѣ, о великомъ поэтѣ, котораго я почти боюсь оскорбить, упоминая о немъ въ той жалкой компаніи. А между тѣмъ, такъ какъ вышеупомянутые стихоплеты причисляютъ Уланда къ своей братіи и даже выдаютъ его за главу своей школы, то умолчаніе здѣсь его имени могло бы показаться безчестностью. Весьма далекій отъ желанія пятнать его достоинство, я хотѣлъ бы, напротивъ того, высказать въ самыхъ громкозвучныхъ словахъ уваженіе, которое я питаю къ его произведеніямъ. Скоро мнѣ представится къ этому болѣе удобный случай. Тогда я достаточно докажу, что если въ мои прежнія разсужденія объ этомъ превосходномъ поэтѣ вкрадывались нѣкоторые сердитые тоны, нѣкоторые звуки неудовольствія, вызванные условіями того времени, то я никогда не имѣлъ намѣренія несправедливо отнестись къ его внутреннему достоинству, къ его дарованію. Только о литературно-историческихъ отношеніяхъ, о внѣшней обстановкѣ его музы долженъ я былъ высказать откровенное мнѣніе, которое, можетъ-быть, не понравилось его друзьямъ, но тѣмъ не менѣе было совершенно справед-

ливо. Это случилось именно тогда, когда я бѣгло говорилъ о Людвигѣ Уландѣ въ связи его съ «романтической школой», въ книгѣ, которая носитъ такое же заглавіе. Тамъ я довольно ясно показалъ, что превосходный пѣвецъ не создалъ новой, ему одному свойственной манеры пѣнія, но только далъ ученую обработку звукамъ романтической школы; что съ тѣхъ поръ, какъ замолкли пѣсни его товарищей, на стихотворенія Уланда, надо смотрѣть, какъ на единственно уцѣлѣвшій лирическій памятникъ этихъ звуковъ романтической школы; что, однако, самъ поэтъ, точно такъ же, какъ и вся школа, давно умеръ. Уландъ умеръ, какъ умерли Шлегель, Тикъ, Фуке, и предъ этими благородными трупами онъ имѣетъ только то преимущество, что хорошо понялъ свою смерть и уже двадцать лѣтъ ничего не пишетъ. Да, теперь столько же отвратительно, сколько и смѣшно смотрѣть, какъ мои швабскіе стихоплеты причисляютъ Уланда къ своей братіи, какъ они вытаскиваютъ великаго мертвеца изъ его могилы, напяливаютъ ему на голову шляпенку и втискиваютъ его въ свою низенькую классную комнатку; или какъ, не довольствуясь этимъ, они напяливаютъ на умершаго героя полное вооруженіе, усаживаютъ его на высокаго коня, какъ нѣкогда испанцы поступали со своимъ Сидомъ, и въ такомъ видѣ напускаютъ его на невѣрныхъ, на презирающихъ швабскую школу.

Этого еще мнѣ недоставало, чтобы и въ области искусства мнѣ приходилось вести войну съ мертвецами! Къ сожалѣнію, въ другихъ сферахъ я часто долженъ дѣлать это, и клянусь вамъ всѣми страданіями моей души, что такая война самая тягостная и самая несносная. Тутъ нѣтъ того пламеннаго нетерпѣнія, которое заставляетъ наносить ударъ за ударомъ до тѣхъ поръ, пока бойцы, точно опьянѣлые, упадутъ и станутъ истекать кровью. Ахъ, мертвецы больше утомляютъ насъ, чѣмъ ранятъ, и борьба въ концѣ концовъ превращается въ фехтующую скуку. Знаешь ты разсказъ о молодомъ рыцарѣ, отправившемся въ очарованный лѣсъ? Кудри его были золотистыя, на шлемѣ отважно развѣвались перья, подъ забраломъ пылали румяныя щеки, а подъ блестящимъ панцыремъ билась въ груди самая свѣжая храбрость. Но въ лѣсу вѣтеръ шелестилъ очень странно. Очень зловѣще качались деревья, иногда имѣвшія отвратительный видъ и напоминавшія фигуры уродливыхъ людей. Изъ вѣтвей выглядывала по временамъ, какъ привидѣніе, бѣлая птица, почти язвительно хихикая и смѣясь. Множество баснословныхъ животныхъ, точно тѣни, пробѣгали

по кустарникамъ. Иногда, правда, слышалось пиликанье и совершенно безвреднаго чижика, а изъ-за широколиственныхъ ядовитыхъ растеній привѣтливо кивали и невинные прекрасные цвѣты. Молодой храбрецъ шелъ все дальше и дальше и наконецъ надменно крикнулъ: «Когда же появится боецъ, могущій побѣдить меня?» Въ эту минуту не слишкомъ быстрыми, но и не слишкомъ медленными шагами подошелъ къ нему высокій тощій рыцарь съ опущеннымъ забраломъ, и объявилъ готовность сразиться. Его шлемъ былъ погнутъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, его панцырь скорѣе старъ, чѣмъ дуренъ, его мечъ заржавленъ, но сдѣланъ изъ самой лучшей стали, и его рука была сильна. Не знаю, сколько времени они сражались, но, вѣроятно, довольно долго, потому что листья успѣли за это время опасть съ деревьевъ, и деревья долго простояли обнаженными и зябнущими, и потомъ снова покрылись они почками и зазеленѣли при солнечномъ сіяніи, и такъ одно время года смѣнялось другимъ — а два бойца не замѣчали этого и безпрерывно нападали другъ на друга, сначала съ безжалостною яростью, потомъ менѣе порывисто, затѣмъ даже довольно флегматично, а наконецъ совсѣмъ, совсѣмъ опустили мечи и изнеможенные усталостью подняли свои забрала... Печальная представилась картина! Одинъ изъ рыцарей, вызванный на поединокъ, былъ мертвъ, и подъ открытымъ шлемомъ скалилъ зубы голый черепъ. У другого рыцаря, вошедшаго въ лѣсъ такимъ юнымъ молодцомъ, теперь было дряхлое старческое лицо и волосы его были бѣлы, какъ снѣгъ... Съ высокихъ деревьевъ, точно издѣваясь, хихикала и смѣялась призрачно бѣлая птица.

Писано въ Парижѣ въ маѣ 1833 г.

ИЗЪ ПАРИЖА.

14-го февраля 1849 г.

Оппозиція въ своей обыкновенной ограниченности все еще продолжаетъ утверждать, что назначеніе Гизо посланникомъ въ Лондонъ королю очень по сердцу, и онъ только притворяется, что былъ вынужденъ другими отозвать оттуда Себастіани, своего стараго собрата-заговорщика. На самомъ же дѣлѣ это назначеніе совершилось вопреки высочайшей волѣ короля, свою непріязнь къ Гизо онъ проявляетъ безъ всякаго стѣсненія, и новому посланнику онъ будетъ безъ сомнѣнія на этомъ постѣ строить всякія тайныя козни.—Для политическаго значенія Гизо это вступленіе его въ дипломатическую карьеру очень важно. Или онъ попадетъ въ Лондонѣ въ невидимыя сѣти и видимое барахтанье въ нихъ сдѣлаетъ его смѣшнымъ, или онъ докажетъ свои государственныя дарованія и достигнетъ и въ этомъ отношеніи такого же значенія, какимъ пользуется Тьеръ. Быть-можетъ, Гизо заслужитъ теперь свои дипломатическія шпоры, и по возвращеніи изъ Лондона окажется въ состояніи тѣмъ рыцарственнѣе вступить въ бой съ Тьеромъ и Людовикомъ Филиппомъ. Между этими тремя личностями должна будетъ впослѣдствіи такъ или иначе рѣшиться борьба за дѣйствительное предсѣдательство въ совѣтѣ. До сихъ поръ король все еще незаконно владѣетъ этимъ мѣстомъ и правитъ посредствомъ приказчиковъ, которые называютъ себя отвѣтственными министрами. Въ слѣдующемъ письмѣ я вернусь къ этому предмету. — Свадьба герцога Немурскаго все еще занимаетъ дворъ и городъ (старый стиль!), но преимущественно дворъ, этотъ громадный полипъ, который тысячью хоботовъ сосетъ бюджетъ, не обращая вниманія на Корме-

нена, который въ темнотѣ уже точитъ свой ножъ. Этотъ памфлетистъ, не прощающій королевской фамиліи того, что онъ ничѣмъ ей не обязанъ, причиняетъ ей больше боли, чѣмъ ему самому кажется. Король не хочетъ больше платить пенсію герцогу Немурскому, и это по той причинѣ, что не въ состояніи больше платить ее. Бюджетъ страшно отягченъ долгами; одинъ банкиръ вчера увѣрялъ меня, что ихъ быть-можетъ, больше двадцати милліоновъ. У короля мало денегъ, и двойная бѣда его въ томъ, что масса увѣрена въ противоположномъ и осуждаетъ его непомѣрное корыстолюбіе, а haute finance, у которой ему хотѣлось бы сдѣлать заемъ, очень хорошо знаетъ печальную тайну. Это денежное затрудненіе причина того, что за Ротшильдомъ до нельзя ухаживаютъ при дворѣ; будь это нѣсколько сотъ лѣтъ назадъ, французскій король безъ церемоніи выдернулъ бы у него всѣ зубы, чтобы заставить согласиться на заемъ. Но наивные средневѣковые нравы погибли въ потокѣ революціи, и г. Ротшильдъ, баронъ и кавалеръ ордена Изабеллы, можетъ теперь спокойно прохаживаться по Тюильри и показывать нуждающемуся въ деньгахъ королю свои зубы, не рискуя даже маленькимъ корешкомъ ихъ.—У короля нѣтъ денегъ, и кредитъ его въ настоящую минуту не блестящій. Онъ намѣревается устроить заемъ и хотѣлъ бы въ видѣ обезпеченія дать въ залогъ имѣнія своей сестры. Mademoiselle Аделаида, несмотря на свою большую нѣжность къ дорогому брату, покамѣстъ еще не желаетъ принести эту жертву. Впрочемъ, долги короля самаго ничтожнаго свойства; источникъ большей части ихъ въ его страсти къ постройкамъ и художественнымъ произведеніямъ. Это—его царственное качество, и оно напоминаетъ его великаго прадѣда, который оставилъ ему въ наслѣдство Версаль и самъ тоже разорился на немъ. Нельзя себѣ и представить, какія суммы поглотила уже историческая галлерея. При такихъ обстоятельствахъ король находитъ въ бракѣ герцога Немурскаго удобный поводъ требовать для него дотацію и отказаться платить тѣ двадцать т. франковъ, которые онъ ежемѣсячно выдаетъ принцу. Съ этого времени король будетъ предоставлять своему августѣйшему сыну только квартиру и столъ, а все остальное пусть покрываетъ дотація. Герцогъ отнюдь не недоволенъ, — какъ могли бы подумать, — этимъ рѣшеніемъ своего батюшки, онъ находитъ его даже очень разумнымъ, ибо герцогъ Немурскій очень бережливъ, большой хозяинъ. Это—качество, которое онъ унаслѣдовалъ

отъ своего отца уже при жизни этого послѣдняго, и король не мѣшаетъ сыну вполнѣ примѣнять его на дѣлѣ. — Такъ какъ принцъ, которому предстоитъ жениться, долженъ и устроить себѣ домъ, то въ двери этого дома (выраженіе фигуральное, такъ какъ у невыстроеннаго еще дома нѣтъ вѣдь и дверей!) стучится уже множество искателей мѣстъ, и одинъ проситъ должности администратора, другой—кассира, третій—библіотекаря. Двѣ первыя должности уже заняты, и какъ только палата утвердитъ просимую дотацію, кассиръ получитъ деньги, а администраторъ станетъ ихъ выдавать. Сегодня я не читалъ еще никакихъ газетъ и не знаю, въ какомъ положеніи вопросъ о дотаціи. Но знаю то, что король будетъ всегда съ геройскою неустрашимостью заботиться объ устройствѣ денежныхъ дѣлъ своихъ дѣтей. Министровъ эта отцовская любовь ставитъ въ большое затрудненіе; только маршалъ Сультъ поддерживаетъ ее съ безусловнымъ рвеніемъ. Да и никто не умѣетъ понять и оцѣнить упорство короля въ денежныхъ дѣлахъ такъ хорошо, какъ этотъ престарѣлый герой, который однажды опубликовалъ, что каждый грошъ своего жалованья онъ будетъ защищать до тѣхъ поръ, пока въ немъ останется послѣдняя капля крови.—По поводу брака герцога Немурскаго, при дворѣ недѣлю тому назадъ происходилъ торжественный пріемъ, на которомъ приближенные ко двору приносили обычнымъ манеромъ свои болѣе или менѣе искреннія поздравленія, было тамъ около шестидесяти дамъ, большею частью перезрѣлыхъ и старыхъ, пепельно-сѣрый увядшій цвѣтникъ, изъ котораго весело выглядывало не болѣе двухъ-трехъ молодыхъ лицъ. Между этими послѣдними находилась одна красавица блондинка, которая очень сильно трогала сердце его королевскаго высочества герцога Орлеанскаго до его женитьбы, а впослѣдствіи волновала также сердце Немурскаго, но при этомъ, бѣдная, потеряла свое собственное спокойствіе. Ея лицо, всегда напоминавшее мнѣ цвѣтущіе и веселые женскіе портреты ея соотечественника Рубенса, покрывала на этотъ разъ меланхолическая блѣдность. И на ея губахъ, которыя она постоянно смачивала милымъ язычкомъ, тоже отсутствовала теперь та свѣжая краска, которая обыкновенно дѣйствовала на лакомокъ принцевъ, какъ спѣлыя вишни. Кто умѣлъ читать въ ея глазахъ, тотъ находилъ тамъ такія злыя филиппики, какими никогда не разражался противъ государей и ихъ прихотей ни одинъ самый озлобленный народный трибунъ.—На прошедшей недѣлѣ покинулъ насъ Генрихъ

Лаубе, пріѣзжавшій сюда нынѣшнимъ лѣтомъ со своей женой, очень образованной и умной дамой, объѣхавшій потомъ большую часть французскихъ провинцій, свернувшій на время и въ Африку и нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ снова вернувшійся въ Парижъ. Здѣсь онъ занимался преимущественно историческими изслѣдованіями, для чего архивы открыли ему свои важные матеріалы. Благодаря превосходному критическому чутью этого человѣка, его ясному пониманію всѣхъ явленій дѣйствительной жизни, познаніямъ и взглядамъ, плодомъ этихъ занятій, безъ сомнѣнія, явится цѣнное сочиненіе. «Исторіи нѣмецкой литературы» Лаубе получены здѣсь пока только два тома, и общее мнѣніе объ этомъ трудѣ еще не можетъ быть высказано. Если выполненіе окажется соотвѣтствующимъ началу и всему плану, то публика получитъ произведеніе, котораго до сихъ поръ недоставало въ нашей литературѣ и которое удовлетворитъ крупной потребности. «Исторія нѣмецкой литературы» Бутервека устарѣла и не доведена до новѣйшаго періода, первыя явленія котораго затронуты въ ней только полемически; а между тѣмъ эта книга—единственная, въ которой читающей массѣ сообщаются основательныя фактическія свѣдѣнія. Другія попытки въ этой области не обнимаютъ литературы во всемъ ея объемѣ, или представляютъ собою только собраніе диссертаціонныхъ статей, литературныхъ рапсодій, сухихъ замѣтокъ, или подходятъ совершенно подъ категорію хрестоматій. Розенкранцъ, умнѣйшій и глубокомысленнѣйшій историкъ литературы въ наше время, написалъ, правда, много превосходнаго о нѣмецкой литературѣ, но не въ общей связи всѣхъ эпохъ; среднимъ вѣкамъ онъ посвятилъ особое сочиненіе, а что касается послѣдующей нѣмецкой литературы, то тутъ онъ коснулся только поэтической части, да и то въ слишкомъ краткихъ очеркахъ. Трудъ Лаубе будетъ поэтому такою книгой, въ какой именно нуждается масса, т. е. подробнымъ изложеніемъ нѣмецкой литературной производительности отъ древнѣйшихъ временъ до нынѣшняго дня, поучительнымъ, какъ учебникъ, вѣрностью и основательностью сообщаемыхъ свѣдѣній и интереснымъ, какъ художественное произведеніе, по гармонической прелести внѣшней формы. Талантъ и характеръ соединились здѣсь, и это соединеніе даетъ самый отрадный результатъ. Дѣло въ томъ, что Лаубе отличается не только эстетическимъ дарованіемъ, способностью изложенія, фантазіею и проницательностью, но вмѣстѣ съ тѣмъ искренностью и честностью всей своей на-

туры: его языкъ есть добросовѣстный переводчикъ того, что̀ заключается въ его честномъ нѣмецкомъ сердцѣ.—Что истина можетъ быть также очень умна, этому даетъ Лаубе прекрасное доказательство. И—ахъ!—въ такомъ утѣшеніи нуждаемся мы въ наше время, когда умная ложь топорщится въ своемъ блистательнѣйшемъ самомнѣніи.

20-го ноября 1840 г.

Служебность лежитъ въ натурѣ человѣка. Не будемъ спорить насчетъ того, какой родъ службы самый благородный; германецъ, служившій одному лицу, почтененъ не менѣе римлянина, служившаго землѣ, и вѣрноподданничество перваго точно такъ же, какъ любовь къ отечеству второго, не низменнѣе служенія какой-нибудь сверхестественной идеѣ, напримѣръ, религіознаго представленія евреевъ. Даже наши радикальнѣйшіе эманципаторы не могутъ освободиться отъ врожденной потребности служить, они служатъ жаждѣ свергнуть иго, сбросившему оковы нетерпѣнію, и Робеспьеръ однажды воскликнулъ: «я рабъ свободы!» — Въ настоящее время въ лакейской комнатѣ свободы мало рабовъ, но за то много блестящей прислуги: гайдуки необычайнаго тѣлеснаго роста, маленькіе шаловливые лакеи, вѣтреные скороходы, грубо-добродушные кучера, лейбъ-егери и т. п. Эти люди считаютъ себя слишкомъ хорошими людьми, или можетъ-быть, слишкомъ дурными для того, чтобы имѣть возможность служить одному лицу, и они нанимаются къ идеѣ—нанимаются изъ праздности, за поденную плату, если еще не для того, чтобы при случаѣ красть, что̀ можно, или за хорошее «на водку» измѣннически выдавать домашніе интересы. Не знай я, что господствующая идея нашихъ дней—и я назову ее по имени: демократія—коренится въ въ почвѣ Франціи глубже, чѣмъ всякое другое господство, я очень опасался бы за ея будущее; ибо я вижу въ ея близкомъ сосѣдствѣ очень подозрительныхъ личностей, вижу, какъ множество лакеевъ стараго режима маскируются въ ея ливреи, и подъ позументною шляпою ихъ главнаго дворецкаго усматриваю тонзуру.—Что идея демократіи во Франціи господствующая, это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Громадный сбытъ, который имѣютъ демократическія брошюры—вѣрнѣйшее доказательство. Ежедневно конфискуются правительствомъ такіе брошюры. Важнѣйшими изъ нихъ за послѣднее время были сочиненія Луи Блана и Ламнэ. О первомъ я уже говорилъ въ моихъ письмахъ. Это самая

умная головка своей партіи и самое славное сердце. О блестящемъ талантѣ абата Ламнэ считаю лишнимъ говорить. Не сомнѣваюсь, что желанія его самыя благонамѣренныя, именно желанія образовать союзъ католической религіи съ демократіей, такъ какъ онъ увѣренъ, что этой послѣдней суждено пріобрѣсть господство надъ всѣмъ міромъ. Римская курія не поняла великаго священника; жесткость, съ которою она отклонила его благонамѣренное рвеніе, во всякомъ случаѣ достойна порицанія. Бѣдный Ламнэ! Я понимаю его скорбь по поводу безпощадности, съ которою относятся къ нему его же собратья—къ нему, поборнику вѣры, который ради блага этой вѣры поставилъ на карту свое собственное благо, дружился съ ересью и предоставилъ себя на вѣчныя муки въ загробномъ мірѣ. То обстоятельство, что онъ, римско-католическій Ламнэ, былъ въ концѣ концовъ вынужденъ отречься отъ Рима, конечно составило величайшую печаль его жизни, и отъ нея онъ изойдетъ кровью. А можетъ, пожалуй, случиться, что вслѣдствіе этого героическаго самопожертвованія имъ нѣсколько времени спустя овладѣетъ сила раскаянія. Уже теперь онъ не можетъ ночью спать; все видятся ему маленькіе чертенки, со свѣчами пляшущіе и прыгающіе вокругъ его постели; кажется ему, что постельные занавѣсы охватываются огнемъ и адское пламя обрушивается на его тѣло; дрожа и стуча зубами, заползаетъ онъ подъ одѣяло и лежитъ тамъ, пока не разсѣется вся эта чертовщина; и затѣмъ начинаетъ горько плакать. Его разсудокъ не можетъ защитить его отъ ужасовъ, поселяемыхъ въ немъ пустившимъ глубокіе корни въ его душѣ вѣрованіемъ дѣтскихъ лѣтъ; такъ говорятъ его друзья. Враги, какъ это всегда бываетъ, даютъ болѣе благопріятный отзывъ о крѣпости его духа. На этихъ дняхъ конфисковали «L'Evangile du Peuple», тоже демократическую брошюру, въ которой самое радикальное ученіе свободы и равенства выводится изъ Библіи... Авторъ, Эскиросъ, хорошій человѣкъ, съ отчасти женственной натурой, мечтательно кроткій, какъ пасторская дочка при свѣтѣ луны, но при этомъ и проникнутый активною набожностью, какъ сестра милосердія. Это практическое добросердечіе онъ очень мило проявилъ въ своемъ другомъ, недавно изданномъ сочиненіи подъ заглавіемъ «Les vierges folles». Подъ именемъ «сумасшедшихъ дѣвственницъ» онъ изображаетъ классъ женщинъ, которыя, правда, сумасшедшія въ достаточной степени, но дѣвственность которыхъ сомнительна; это щекотливая, но очень важ-

ная тема, которая рано или поздно должна будетъ подвергнуться во Франціи энергическому обсужденію.—«Revue démocratique», которую на-дняхъ тоже конфисковали, принадлежитъ къ самымъ дикимъ продуктамъ радикализма, и при чтеніи ея у всякаго, имѣющаго голову, волосы встаютъ дыбомъ. Главнымъ образомъ она направлена противъ собственности и обсуждаетъ въ самомъ рѣзкомъ тонѣ конечные результаты господствующей идеи. Здѣсь передъ нами не разряженные камердинеры этой идеи, а конюхи, въ грязныхъ кожаныхъ курткахъ, со скребницами и пучками сѣна и воняющіе навозомъ. Особенно скверно стало у меня на душѣ, когда я увидѣлъ, что и здѣсь религіозный фанатизмъ пилъ брудершафтъ съ политическимъ. Въ вышеупомянутой «Revue démocratique» я нашелъ—представьте себѣ!—самыя нелѣпыя истолкованія Апокалипсиса. Заглавіе статьи такое: «Le cataclysme, prochain accomplissement des prophéties de Jean l'Evanéliste, apôtre du peuple par Jésus». Какъ образецъ безсмыслицы, приведу вамъ слѣдующія мѣста, и приведу во французскомъ подлинникѣ, ибо удивительнѣе всего здѣсь то, что подобныя вещи въ настоящее время пишутся по-французски. На нѣмецкомъ языкѣ это представляется не столь страннымъ. Послушайте. Въ VII—XVI главахъ Апокалипсиса авторъ находитъ: «Septième sceau, ou révolution française. Les sept périodes de cette révolution ou les sept anges avec les sept coupes, ampres et les sept trompettes. Les années 1789, 92, 95, 99 et 1804 sont les sept premières coupes, versées au son des cinq premières trompettes. En 92, tombe du ciel l'étoile absinte, Ropeapsinthos ou Robespierre; en 1804 vole l'aigle de la guerre». Въ главахъ IX—XVI авторъ находитъ: «Armes impériales françaises, commandées par Apoléon l'exterminateur, ou Napoléon, coalition des rois contre la France. Bataiíle des nations dans les plaines d'Armagbon ou l'Allemagne. La sixième coupe ou trompette est le signal des malheurs de 1812 à 1814». Не смѣйтесь надъ нынѣшними якобинцами; ихъ безуміе гораздо ужаснѣе безумія ихъ отцовъ, да оно и страшнѣе. Если Père Duchène и являлся въ своемъ гнѣвѣ bougrement patriotique, то этотъ гнѣвъ былъ все-таки далеко не такъ опасенъ, какъ та смѣсь земного и небеснаго бреда, санкюлотизма и Апокалипсиса, которую даетъ «Revue démocratique». Меня страшитъ возможность ниспроверженія во Франціи существующаго порядка вещей. Устройся теперь Comité du salut public, въ

немъ засѣдали бы люди гораздо болѣе случайные, чѣмъ Робеспьеръ, чѣмъ озлобленный Rope-apsinthos. Этотъ послѣдній былъ вѣдь въ сущности только свѣтскій говорунъ, адвокатъ. Но представьте себѣ Торквемаду съ трехцвѣтнымъ шарфомъ и въ шляпѣ какого-нибудь représentant du peuple!—«Я покажу вамъ, что̀ такое священникъ»,—сказалъ однажды Ламнэ, и этихъ словъ я никогда не забуду.

Они важнѣе, чѣмъ все, сказанное вчера въ палатѣ пэровъ, важнѣе даже, пожалуй, чѣмъ рѣчь г. Гизо. До какой степени эта рѣчь привела въ броженіе всѣ умы, о томъ вамъ достаточно подробно сообщаютъ газеты. Я вообще воздерживаюсь отъ всякаго обсужденія палатныхъ преній, такъ какъ они, будучи напечатаны, предоставляются вашему собственному суду. Какъ я предсказывалъ, они начались разборомъ вопроса—была ли Франція оскорблена Англіею? Гизо говоритъ: нѣтъ. Я бы спросилъ его: сколько же пощечинъ нужно для того, чтобы составилось оскорбленіе? Дебаты по поводу адреса королю дойдутъ въ палатѣ депутатовъ до самой крайней рѣзкости. Національная партія, выплывающая на мѣсто свергнутой парламентской партіи, произнесетъ страшную вступительную рѣчь.

ТОМАСЪ РЕЙНОЛЬДСЪ.

(Въ ноябрѣ 1841 г.).

«Ваверлей» Вальтеръ Скотта всѣмъ извѣстенъ, и въ то время, какъ грубую массу въ этомъ романѣ занимаетъ интересъ фабулы, образованный читатель восхищается въ немъ обработкой, формой, несравненной по простотѣ и тѣмъ не менѣе представляющей богатѣйшее многообразіе. Эту безподобную, богатую форму напоминаетъ намъ книга, подлежащая нашей сегодняшней бесѣдѣ и вызывающая со стороны живущихъ здѣсь соотечественниковъ автора столь различныя сужденія. Она появилась въ прошломъ году, одновременно въ Лондонѣ у Лонгмана и здѣсь, въ Парижѣ, въ англійскомъ книжномъ магазинѣ въ улицѣ Neuve St. Augustin, и носитъ названіе: «The life of Thomas Reynolds, Esq. by his son Thomas Reynolds». Удивительное дѣло! Вышеупомянутая форма, являющаяся у Скотта результатомъ самаго тонкаго расчета его художественнаго таланта, находится также и въ этой книгѣ, но какъ продуктъ самой природы, какъ непосредственный продуктъ матеріала. И здѣсь, совершенно такъ же, какъ въ романѣ Скотта, этимъ матеріаломъ служитъ неудавшееся возстаніе, и какъ тамъ, при возмущеніи шотландскихъ горцевъ, такъ и здѣсь, въ ирландскомъ возстаніи, передъ нами довольно слабохарактерный герой, почти пассивно подчиняющійся событіямъ, которыя бросаютъ его то въ ту, то въ другую сторону; разница только въ томъ, что великій писатель изукрасилъ своего Ваверлея самыми привлекательными чертами и тѣмъ щедро обезпечилъ ему симпатіи читающей публики, чего, къ сожалѣнію, не могъ сдѣлать біографъ Томаса Рейнольдса для послѣдняго, именно потому, что онъ писалъ не романъ, а правдивую исторію. Да, онъ писалъ жизнь своего героя съ такой безотрадной

правдивостью, онъ передалъ самые печальные факты въ такой яркой наготѣ, что подчасъ читателю становится почти жутко. Это сынъ, который въ точности воспроизводитъ образъ своего отца, но при этомъ настолько любитъ даже его некрасивыя черты, что не хочетъ идеализировать ихъ посредствомъ какихъ-нибудь вымышленныхъ добавленій и тѣмъ лишать весь портретъ его драгоцѣннаго свойства. Онъ такого высокаго мнѣнія о характерѣ своего отца, что не считаетъ нужнымъ сколько-нибудь облагородить даже его самые предосудительные поступки; для него они печальные результаты фальшиваго положенія, а не личной воли. Страшная гордость царитъ въ этой книгѣ, ничто не должно быть утаено, ничто не должно быть прикрыто; но сынъ хочетъ пролить свѣтъ на тѣ обстоятельства, которыя поставили его отца въ самое роковое положеніе, на тѣ побужденія, которыя руководили имъ въ его дѣйствіяхъ, на клеветы партійной ненависти; и дѣйствительно, послѣ этого освѣщенія нельзя произнести строгій приговоръ надъ человѣкомъ, который хотя и сыгралъ весьма некрасивую роль по отношенію къ революціонной партіи въ Ирландіи, но во всякомъ случаѣ—это мы должны признать—оказалъ своему отечеству большую услугу; ибо вожди заговора имѣли въ виду ни болѣе ни менѣе, какъ съ помощью французскаго вторженія совершенно изъять Ирландію изъ государственнаго союза Великобританіи—союза, который, правда, въ ту пору, въ девяностыхъ годахъ, лежалъ такъ же, какъ и теперь, тяжелымъ и плачевнымъ гнетомъ на ирландскомъ народѣ, но со временемъ, когда сгладятся мелкіе средневѣковые раздоры, когда Ирландія, Шотландія и Англія духовно сольются въ одно органическое цѣлое, принесетъ ему неисчислимыя выгоды. Безъ такого сліянія ирландцамъ пришлось бы сыграть весьма плачевную роль въ будущемъ европейскомъ турнирѣ народовъ, ибо во всѣхъ странахъ, по примѣру Франціи, сосѣднія и родственныя по языку племена стремятся соединиться. Образуются большія, плотныя государственныя массы, и когда эти колоссальныя противники вступятъ въ бой, оспаривая другъ у друга всемірную гегемонію, тогда лучшій патріотъ въ Дублинѣ ни на минуту не усумнится въ томъ, что Томасъ Рейнольдсъ оказалъ своему отечеству большую услугу, раскрывъ планъ заговора, долженствовавшаго отторгнуть Ирландію отъ Англіи, и выступивъ противъ него со своими показаніями. Но въ настоящее время такая терпимость въ сужденіяхъ еще невозможна въ томъ зеленомъ

Эринѣ, гдѣ двѣ враждебныя партіи, протестантско-британская и католическо-національная, до сихъ поръ борются между собой съ той же злобой и тѣмъ же упорствомъ, какъ въ девяностыхъ годахъ, какъ боролись и со временъ Вильгельма Оранскаго, оставившаго свое имя такъ-называемымъ Orangemen, а въ противникахъ возбуждающаго и по сей день непримиримую ненависть; между тѣмъ какъ первые на своихъ пирахъ провозглашаютъ самые радостные тосты въ память короля Вильгельма, послѣдніе пьютъ за здоровье упрямой кобылы, благодаря которой король Вильгельмъ сломилъ себѣ шею.

Но если намъ приходится ссылаться на будущее, чтобы кое-какъ скрасить то, что̀ сдѣлалъ Томасъ Рейнольдсъ, если, чтобы извинить его поведеніе, намъ приходится подавлять въ себѣ самыя теплыя чувства, зато мы можемъ уже теперь и съ легкимъ сердцемъ возразить противъ самыхъ худшихъ обвиненій, и мы убѣждены въ томъ, что мотивы его поступка отнюдь не были такъ гнусны, какъ полагали его враги, что хотя онъ и раскрылъ заговоръ, но самихъ заговорщиковъ не выдалъ и менѣе, чѣмъ кого-либо—превосходнаго лорда Эдуарда Фитцджеральда, какъ несправедливо утверждалъ Томасъ Муръ въ біографіи этого послѣдняго. Сынъ доказалъ до очевидности, что денежный расчетъ не могъ побудить его отца принять сторону правительства; напротивъ, оно сдѣлало для него очень мало и за его потери вознаградило его скудно. Въ этомъ отношеніи въ его пользу говорятъ также показанія важнѣйшихъ государственныхъ людей Англіи, именно Карла Чичестерскаго, маркиза Камбдена и лорда Кестельри, стоявшихъ тогда во главѣ ирландскаго правительства. Они хвалятъ его за безкорыстіе, называютъ его поведеніе достойнымъ почтенія, увѣряютъ его въ своемъ высокомъ уваженіи—и какъ ни мало люблю я этихъ британскихъ торіевъ, но не сомнѣваюсь въ истинѣ ихъ словъ, ибо знаю, что они слишкомъ высокомѣрны, чтобы публично лгать изъ-за подкупленнаго измѣнника. Они презираютъ всѣхъ людей и вдвойнѣ презираютъ тѣхъ, кому дали денегъ, и относительно этихъ послѣднихъ еще болѣе скупы на слова. Впрочемъ, не одни только высокопоставленныя лица, но и многіе соотечественники средняго класса безусловно сняли съ Томаса Рейнольдса обвиненіе, будто имъ руководила корысть. Гильдія дублинскихъ купцовъ поднесла ему адресъ, полный лестныхъ выраженій сочувствія, представляющій почти комическій контрастъ съ презрительными отзывами его враговъ.

Доказавъ до очевидности путемъ самыхъ точныхъ подробностей и остроумнѣйшихъ выводовъ, что Томасъ Рейнольдсъ открылъ заговоръ не изъ своекорыстныхъ цѣлей, сынъ также точно до очевидности доказалъ и то, что онъ не совершилъ никакой злой измѣны по отношенію къ личностямъ заговорщиковъ и что онъ вовсе не былъ причиной ареста лорда Фитцджеральда, а напротивъ, очень усердно заботился о спасеніи этого человѣка и самымъ искреннимъ образомъ помогалъ ему деньгами. Жизнеописаніе Фитцджеральда, которымъ мы обязаны цвѣтистому перу Томаса Мура, заключаетъ въ себѣ, повидимому, болѣе вымысла, чѣмъ правды, и подѣломъ приходится поэту переносить негодованіе сына, карающаго его за обезчещеніе своего отца самыми язвительными колкостями. Томаса Литля (какъ обыкновенно называютъ Томаса Мура за его крошечную фигурку) здѣсь примѣрно высѣкли, и потому неудивительно, что этотъ человѣкъ, пользующійся огромнѣйшимъ вліяніемъ на всю лондонскую печать, пустилъ въ ходъ всѣ средства, чтобы уронить во мнѣніи публики сочиненіе Рейнольдса. Хотя съ его героя Фитцджеральда здѣсь снятъ всякій романтическій ореолъ, онъ, несмотря на это, является все-таки въ героическомъ свѣтѣ, особенно во время ареста; и я приведу здѣсь относящееся къ этому мѣсто.

«Нижеслѣдующій разсказъ объ арестѣ лорда Эдварда Фитцджеральда мой отецъ слышалъ отъ гг. Сирра и Сванна; первый еще живъ и можетъ поправить меня, если я въ чемъ-нибудь ошибаюсь. Это было 18-го мая; г. Эдвардъ Кукъ, тогдашній помощникъ государственнаго секретаря, велѣлъ позвать къ себѣ г. Чарльза Сирра, бургомистра (town-mayor), честнаго, дѣятельнаго и толковаго чиновника, и поручилъ ему отправиться на другой день между 5 и 6 часами вечера въ домъ нѣкоего Николая Мурфи, торговавшаго строительнымъ матеріаломъ и перьями въ Томасъ-Стритъ; тамъ онъ долженъ былъ найти лорда Эдварда Фитцджеральда и арестовать его на основаніи письменнаго приказа объ арестѣ, который Кукъ тутъ же вручилъ ему. Г. Сирръ въ тотъ же вечеръ принялъ необходимыя для этого мѣры, а на слѣдующее утро переговорилъ о своемъ порученіи съ г. Сванномъ и нѣкимъ г. Ріаномъ, двумя чинами магистрата, къ которымъ онъ питалъ величайшее довѣріе и которыхъ просилъ помочь ему. Г. Ріанъ издавалъ въ то время газету, въ которой было напечатано нѣсколько очень злыхъ выходокъ противъ лорда Эдварда, возбудившихъ въ этомъ послѣднемъ

сильную ненависть противъ г. Ріана. Г. Сирръ приготовилъ девять человѣкъ лондондерійской милиціи, въ полной формѣ. Г. Стирлингъ, нынѣ консулъ въ Генуѣ, и д-ръ Банкхедъ, бывшіе оба офицерами этого полка, сопровождали ихъ также въ мундирахъ.

«Замѣчателенъ тотъ фактъ, что лордъ Эдвардъ перешелъ въ домъ Мурфи лишь ночью 18-го мая, а государственный секретарь, уже до того, какъ онъ перебрался туда, былъ такъ хорошо освѣдомленъ о его намѣреніи, что могъ уже днемъ, т. е. за 8 или 10 часовъ до прибытія лорда Эдварда, дать г. Сирру инструкцію и письменный приказъ объ арестѣ.

«Гг. Сирръ, Сваннъ и Ріанъ, со своими товарищами отправились въ домъ Мурфи въ двухъ наемныхъ каретахъ; г. Сирръ позаботился также о томъ, чтобы сильный военный отрядъ выступилъ изъ казармъ одновременно съ ними и прошелъ къ дому Мурфи непосредственно вслѣдъ за прибытіемъ каретъ, чтобы защитить ихъ и ихъ людей отъ черни, которая въ этомъ кварталѣ Дублина легко собирается въ значительныя толпы. Какъ только они пріѣхали, г. Сирръ, сейчасъ же такъ разставилъ своихъ девять человѣкъ, что они заняли всѣ выходы, какъ боковыя, такъ и заднія двери. Пока онъ занимался этимъ, г. Сваннъ и г. Ріанъ поспѣшили по лѣстницѣ наверхъ, такъ какъ въ нижнемъ этажѣ находились только конторскія комнаты и склады товаровъ. Въ первой комнатѣ они не нашли никого, но изъ столовой, повидимому, только-что вышли, потому что на столѣ виднѣлись еще остатки дессерта и винъ. Они быстро прошли во вторую комнату, но и здѣсь не было ни души; оттуда они отворили дверь въ спальню, которая не была заперта ни на замокъ, ни на задвижку; наконецъ, въ этой комнатѣ, у выходившаго на улицу окна, стоялъ Мурфи и, какъ казалось, читалъ какую-то бумагу, которую держалъ въ рукахъ, а на постели, полураздѣтый, лежалъ лордъ Фитцджеральдъ. На стулѣ возлѣ постели стоялъ ящикъ съ карманными пистолетами; г. Сваннъ сейчасъ же бросился на нихъ и, протиснувшись между стуломъ и кроватью, воскликнулъ: «Лордъ Эдвардъ Фитцджеральдъ, вы мой плѣнникъ; мы пришли съ сильной стражей, и всякое сопротивленіе безполезно!» Лордъ Эдвардъ вскочилъ и нанесъ г. Сванну ударъ въ грудь обоюдоострымъ кинжаломъ, который былъ у него гдѣ-то спрятанъ; тотъ хотѣлъ отвести отъ себя ударъ рукой, но кинжалъ пронзилъ ее возлѣ кости указательнаго пальца, такъ что одну минуту его рука была въ буквальномъ смыслѣ

пригвождена къ его груди. Кинжалъ именно вонзился съ одной стороны въ грудь между ребрами и вышелъ сзади подъ лопаткой. Тутъ г. Ріанъ бросился впередъ и выстрѣлилъ изъ пистолета въ лорда Эдварда, но промахнулся. Лордъ Эдвардъ, знавшій его, воскликнулъ: «Ryan, yon villain!»—и, вырвавъ изъ груди г. Сванна кинжалъ, рукоятку котораго все еще держалъ въ рукѣ, онъ всадилъ его г. Ріану подъ ложечку и, выдергивая оружіе обратно, распоролъ ему лезвіемъ животъ до самаго пупа. Гг. Сваннъ и Ріанъ оба обхватили лорда Эдварда за туловище, но такъ какъ онъ еще не былъ раненъ, то успѣлъ добраться до двери, гдѣ г. Ріанъ, наконецъ, отпустилъ его, потому что упалъ на полъ съ вывалившимися кишками; но г. Сваннъ все еще держалъ его. Въ передней около двери была лѣстница, которая вела на чердакъ и открывала выходъ на крышу. Это было устроено для того, чтобы въ случаѣ надобности облегчить бѣгство, и лордъ Эдвардъ и хотѣлъ бѣжать именно этимъ путемъ, но г. Сваннъ, повисшій на немъ всей своей тяжестью, мѣшалъ ему взобраться на лѣстницу; чтобы освободиться отъ этой ноши, онъ хотѣлъ еще разъ проколоть его кинжаломъ, который все еще держалъ въ рукахъ, и уже занесъ-было руку. Все это произошло менѣе чѣмъ въ одну минуту. Между тѣмъ прибылъ изъ казармъ отрядъ, и г. Сирръ, разставивъ его, гдѣ слѣдовало, поспѣшилъ въ домъ, наверхъ, гдѣ онъ слышалъ выстрѣлъ, и съ пистолетомъ въ рукѣ появился въ комнатѣ какъ разъ въ ту минуту, когда лордъ Эдвардъ поднялъ руку, чтобы нанести г. Сванну смертельный ударъ; тогда онъ, недолго думая, выстрѣлилъ и попалъ лорду Эдварду въ руку около плеча. Рука его безпомощно повисла и лордъ Эдвардъ былъ пойманъ.

«Здѣсь возникаетъ совершенно естественный вопросъ: что дѣлалъ въ это время Мурфи, хозяинъ, человѣкъ въ полной силѣ и во цвѣтѣ лѣтъ, защитѣ котораго довѣрился лордъ Эдвардъ? Онъ оставался молчаливымъ зрителемъ всей сцены, хотя каждому должно быть ясно, что окажи онъ своему гостю самую ничтожную помощь, тотъ освободился бы отъ г. Сванна и весьма легко могъ бы убѣжать черезъ крышу. Окно, у котораго стоялъ Мурфи, выходило на улицу, оно не возвышалось и на тридцать футовъ отъ земли, а кареты могли приблизиться къ стѣнѣ дома футовъ на четырнадцать. Непостижимо, чтобы двѣ наемныя кареты съ четырнадцатью человѣками, остановившіяся такимъ образомъ, не обратили на себя его вниманія. Непостижимо

также, чтобы въ домѣ, скрывавшемъ такого гостя, снизу и до верху всѣ двери и ворота были не заперты и никѣмъ не охранялись и чтобы въ немъ не было ни одной души, кромѣ владѣльца. Малѣйшій знакъ, поданный прежде, чѣмъ г. Сваннъ поднялся по лѣстницѣ, равно какъ малѣйшая помощь послѣ его нападенія обезпечили бы успѣхъ бѣгства. Можетъ-быть, это была случайность. Я просто передаю событія, какъ ихъ разсказывали гг. Сирръ и Сваннъ моему отцу; съ первымъ онъ говорилъ на другое же утро, 20-го, съ послѣднимъ—лишь послѣ его выздоровленія. Мурфи былъ арестованъ, но не подвергнутъ допросу. Перевязавъ рану лорду Эдварду, его заботливо увезли; но такъ какъ пуля проникла наверхъ въ грудь, то послѣдовало воспаленіе, и онъ умеръ 4-го іюня. Рана г. Ріана не допускала ни минуты надежды на его выздоровленіе; смерть послѣдовала черезъ нѣсколько дней».

Кромѣ Фитцджеральда, разбираемая книга содержитъ интереснѣйшія свѣдѣнія о Теобольдѣ Вольфѣ Тоне, игравшемъ также въ ирландскомъ заговорѣ важную роль и кончившемъ такъ же печально. Это былъ благородный человѣкъ, одушевленный пламенной любовью къ свободѣ и нѣкоторое время дѣйствовавшій среди французскихъ республиканцевъ въ качествѣ уполномоченнаго посла отъ заговорщиковъ. Его дневникъ, изданный его сыномъ, заключаетъ въ себѣ любопытныя замѣтки о его пребываніи въ Парижѣ въ періодъ «бури и натиска» французской революціи. Въ Ирландію онъ вернулся вмѣстѣ съ экспедиціей, которую немного поздно предприняла туда Директорія. Разсказъ объ этой экспедиціи, подробно изложенный въ книгѣ Рейнольдса, въ высшей степени знаменателенъ и показываетъ, какое слабое сопротивленіе встрѣтила бы въ Англіи высадка, если бы она была лучше организована, чѣмъ тогда. Можно подумать, что дѣйствіе происходитъ въ Китаѣ, читая, какъ нѣсколько сотенъ французовъ, предводительствуемыхъ генераломъ Гумбертомъ, самоувѣренно проходятъ всю страну, побѣждая тысячи англичанъ. Я не могу устоять передъ искушеніемъ привести слѣдующее мѣсто:

«Когда 24-го августа маркизъ Корнвалійскій получилъ извѣстіе о высадкѣ французовъ, онъ отдалъ приказъ генералъ-лейтенанту Лэку отправиться въ Гальвей и принять командованіе надъ собирающимися въ Коннаутѣ войсками. Этотъ генералъ съ тѣми силами, которыя ему удалось соединить, двинулся къ Кастльбару, куда прибылъ 26-го и гдѣ

засталъ генералъ-маіора Гутчинсона, прибывшаго туда наканунѣ вечеромъ. Собранныя такимъ образомъ въ Кастльбарѣ войска состояли изъ 4.000 человѣкъ регулярныхъ солдатъ, іеоменовъ и земской милиціи, въ сопровожденіи сильнаго обоза артиллеріи. Генералъ Гумбертъ (командовавшій французами) вышелъ изъ Баллины 26-го съ 800 человѣкъ и двумя полевыми орудіями, но вмѣсто обыкновенной столбовой дороги черезъ Фоксфордъ, гдѣ стоялъ генералъ Тэйлоръ съ сильнымъ корпусомъ, онъ направился по горной дорогѣ при Барноги, гдѣ былъ расположенъ лишь незначительный отрядъ, и въ семь часовъ утра 27-го подошелъ на разстояніе двухъ миль къ Кастльбару; тамъ онъ нашелъ королевскія англійскія войска, расположенныя передъ городомъ въ наивыгоднѣйшей позиціи. Все, казалось, соединилось здѣсь, чтобы обѣщать этимъ послѣднимъ легкую побѣду. Они были въ большомъ числѣ, отъ 3 до 4 тысячъ человѣкъ, съ хорошимъ запасомъ артиллеріи и провіанта, съ свѣжими силами, хорошо отдохнувшіе, тогда какъ непріятельскій отрядъ состоялъ всего изъ 800 человѣкъ, имѣлъ только два полевыхъ орудія и былъ совершенно утомленъ и изнуренъ тяжелымъ, сопряженнымъ съ большими трудностями, почти двадцатичетырехчасовымъ горнымъ переходомъ. Королевская артиллерія, превосходно направляемая капитаномъ Шорталомъ, сначала причинила французамъ очень много вреда и нѣкоторое время ихъ удерживала; но французы, видя, что имъ не устоять, если они будутъ развернуты слишкомъ широкимъ фронтомъ подъ мѣтко направленнымъ пушечнымъ огнемъ англичанъ, разбились на маленькія колонны и рванулись впередъ съ такой бѣшеной отвагой, что черезъ нѣсколько минутъ королевскія войска отступили и, охваченныя паническимъ страхомъ, пустились въ бѣгство по всѣмъ направленіямъ; въ крайнемъ смятеніи пробѣжали они черезъ городъ и повернули по дорогѣ въ Туамъ, находящійся въ тридцати миляхъ отъ Кастльбара. Но даже и въ этомъ мѣстѣ, куда они добрались ночью, они не считали себя достаточно въ безопасности и, пробывъ въ немъ лишь столько, сколько было необходимо, чтобы подкрѣпиться ѣдой, продолжали свое постыдное бѣгство до Атлоны, отстоящей на 33 мили далѣе; туда авангардъ прибылъ во вторникъ 29-го, въ часъ. Такъ великъ былъ ихъ страхъ, что они пробѣжали 36 миль въ 27 часовъ! Уронъ королевской арміи состоялъ изъ 53 убитыхъ, 35 раненыхъ и 279 плѣнныхъ. Она потеряла также 10 штукъ тяжелыхъ орудій и 4 поле-

выя пушки. Сколько потеряли французы, неизвѣстно. Французскія войска вступили въ Кастльбаръ, гдѣ безпрепятственно пробыли до 4-го сентября».

Но такъ какъ ожидаемыя подкрѣпленія не явились, и вообще вся экспедиція велась по дурно составленному плану, то въ концѣ концовъ она должна была потерпѣть неудачу. Вольфъ Тоне, попавшій при этомъ въ руки англичанъ, судился военнымъ судомъ и былъ приговоренъ къ висѣлицѣ. Бѣдняга, онъ не боялся смерти; въ Парижѣ на Гревской площади онъ достаточно насмотрѣлся на казни; но онъ привыкъ только къ гильотинированію и питалъ непреодолимую антипатію къ операціи вѣшанья. Напрасно просилъ онъ, чтобы его по крайней мѣрѣ разстрѣляли, говоря, что на этотъ родъ смерти онъ имѣлъ больше права, такъ какъ у него есть патентъ французскаго офицера, и на него должны смотрѣть, какъ на военноплѣннаго. Нѣтъ, его просьба не была уважена, и несчастный, изъ отвращенія къ висѣлицѣ, перерѣзалъ себѣ горло въ тюрьмѣ.

О милосердіи у англійскаго правительства во времена ирландскаго возстанія не было рѣчи. Я не сторонникъ гильотины и не питаю никакого особеннаго предубѣжденія противъ вѣшанья, но я долженъ сознаться, что въ теченіе всей французской революціи едва ли были совершены такія звѣрства, какія продѣлывались англійскими войсками въ Ирландіи. Будучи приверженцемъ правительства, нашъ авторъ тѣмъ не менѣе описалъ или, вѣрнѣе, заклеймилъ самыми вѣрными красками всю эту позорную солдатскую расправу. Да избавитъ насъ Богъ отъ такого постоя солдатъ, какой производилъ свои безчинства въ Кастель-Килькеа! Болѣе всего тронула меня судьба одной прекрасной арфы, которую англичане съ особенной злобой разбили въ куски, потому что арфа — эмблема Ирландіи. Съ тѣмъ же безпристрастіемъ описываетъ авторъ кровавую грубость мятежниковъ, а нижеслѣдующее описаніе ихъ способа веденія войны носитъ отпечатокъ отвратительнѣйшей истины:

«Способъ веденія войны инсургентами вполнѣ характеризуетъ этихъ людей. Они располагались всегда на возвышенныхъ, особенно выдающихся мѣстахъ и называли это своимъ лагеремъ. Одна-двѣ палатки, или какое-нибудь другое сооруженіе, служили кровомъ для полководцевъ; прочіе, мужчины и женщины безъ различія ложились другъ возлѣ друга подъ открытымъ небомъ, завернувшись въ лохмотья или въ простыни, а большинство—не имѣя для ночи другой одежды,

кромѣ той, въ которой они ходили днемъ. Такому образу жизни благопріятствовала непрерывно хорошая погода, что въ Ирландіи составляетъ совершенно необычное явленіе. Поэтому инсургенты смотрѣли на это обстоятельство, какъ на особенную милость промысла, и ихъ убѣдили, что ни одна капля дождя не упадетъ до тѣхъ поръ, пока они не овладѣютъ всей Ирландіей. Легко себѣ представить, что въ этихъ лагеряхъ, среди этой толпы грубыхъ, мятежныхъ людей, должны были царить страшнѣйшія неурядицы и всякаго рода безчинства. Ночью, если человѣкъ засыпалъ крѣпкимъ сномъ, у него крали ружье или какія-нибудь другія вещи. Чтобы обезопасить себя отъ такого воровства, было принято ложиться спать всегда плашмя на животъ, а шляпу, башмаки и прочее привязывать себѣ на грудь. До какой степени была груба кухня, нельзя себѣ и представить; скотину сбивали съ ногъ и убивали, затѣмъ всякій отрывалъ себѣ любой кусокъ мяса, не снимая кожи, и жарилъ, или, лучше сказать, жегъ его на лагерномъ кострѣ цѣликомъ, вмѣстѣ съ клочьями шерсти, оставшимися на немъ. Голову, ноги и остатки скелета оставляли тутъ же, и они такъ и гнили на томъ мѣстѣ, гдѣ животное было убито. Когда у инсургентовъ не было кожи, то они брали книги и приспособляли ихъ вмѣсто сѣделъ, раскрывая книгу по серединѣ и кладя ее на спину лошади, при чемъ веревки замѣняли подпругу и стремена. Большіе фоліанты, попадавшіеся въ ихъ руки во время грабежей, считались особенно драгоцѣнными въ этомъ отношеніи. Такъ какъ запасъ боевого матеріала былъ весьма скудный, то часто прибѣгали къ валунамъ или къ пулямъ изъ затвердѣлой глины. Военачальники всегда избѣгали нападать на врага ночью, если можно было ждать какого-нибудь сопротивленія, и это потому, что ихъ люди никогда не исполняли, какъ слѣдуетъ, ихъ приказаній, а наоборотъ, слѣдовали лишь собственнымъ буйнымъ инстинктамъ и внушеніямъ минуты. Въ битвѣ они постоянно взаимно слѣдили другъ за другомъ, потому что каждый боялся, что въ случаѣ отступленія, наступавшаго обыкновенно очень быстро и неожиданно, прочіе покинутъ его; поэтому они неохотно дрались ночью, когда никто не могъ хорошенько услѣдить за своими товарищами и долженъ былъ постоянно опасаться, что прежде, чѣмъ онъ это замѣтитъ, они обратятся въ бѣгство (это называется make the run) и оставятъ его въ рукахъ тѣхъ, которые никогда не даютъ пощады; ни одинъ не довѣрялъ другому. Можно сказать

положительно, что эти мятежники никогда не позволяли себѣ никакой жестокости или непристойности по отношенію женщинъ и дѣтей; исключеніе составляетъ только пожаръ Скуллабога и расправа съ Мекисомъ и его семьей въ графствѣ Доунъ; кромѣ этой неистовой рѣзни, въ которой не обращалось вниманія ни на возрастъ, ни на полъ, я не знаю ни одного примѣра жестокаго обращенія мятежниковъ съ женщинами. Боюсь, что объ ихъ противникахъ нельзя отозваться съ тою же похвалой».

Это описаніе веденія войны у ирландскихъ инсургентовъ навело меня на два замѣчанія, которыя я здѣсь изложу вкратцѣ. Во-первыхъ, я вижу, что книги могутъ быть очень полезны при народномъ возстаніи, именно въ качествѣ сѣделъ для лошадей, о чемъ наши революціонеры-практики навѣрно еще не подумали, такъ какъ иначе они не стали бы такъ негодовать на всякое писаніе книгъ. А во-вторыхъ, я замѣчаю, что Педди въ борьбѣ къ Джономъ Буллемъ будетъ всегда оставаться въ накладѣ и что этотъ послѣдній не такъ-то легко откажется отъ своего господства надъ Ирландіей. Но развѣ ирландецъ менѣе храбръ, чѣмъ англичанинъ? Нѣтъ, можетъ-быть, у него даже больше личнаго мужества. Но въ немъ чувство индивидуализма настолько преобладаетъ, что онъ, столь храбрый въ одиночку, становится, однако, очень нерѣшителенъ и ненадеженъ во всякой ассоціаціи, гдѣ ему приходится полагаться на своего собрата и подчиняться совокупной волѣ всѣхъ. Этотъ духъ индивидуализма составляетъ, можетъ-быть, характерную черту того кельтическаго племени, которое образуетъ ядро ирландскаго народа. Во Франціи, у жителей Бретани, мы наблюдаемъ то же явленіе, и геніальный Мишле въ своей исторіи Франціи справедливо всюду указывалъ на то, какъ многознаменательно проявляется эта характерная черта индивидуализма въ жизни и стремленіяхъ знаменитыхъ бретонцевъ. Они ознаменовали себя почти сказочной борьбой индивидуальнаго духа съ установленнымъ авторитетомъ во имя правъ личности. Германское племя болѣе поддается дисциплинѣ и сражается и мыслитъ лучше сообща, въ строю, но зато оно склонно къ подданству болѣе, чѣмъ кельтическое племя. Сліяніе обоихъ элементовъ, германскаго и кельтическаго, дастъ въ результатѣ нѣчто превосходное, и какъ Англія, такъ и Ирландія выиграютъ не только въ политическомъ, но и въ нравственномъ отношеніи, какъ скоро они составятъ единое, органическое цѣлое.

ВАТЕРЛОО.

При Ватерлоо погибли не только французы и императоръ; правда, французы сражались тамъ за свой собственный очагъ, но они были въ то же самое время священными когортами, явившимися, какъ представители дѣла революціи, и ихъ императоръ бился здѣсь не только за свою корону, но и за знамя революціи, которое онъ несъ въ своихъ рукахъ; онъ былъ гонфалоньеромъ демократіи, точно такъ же, какъ Веллингтонъ явился штандартъ-юнкеромъ аристократіи въ тотъ день, когда войска того и другого встрѣтились на Ватерлооскомъ полѣ... И аристократія здѣсь побѣдила, побѣдили неправое дѣло застарѣлыхъ привилегій, низкое холопство и ложь, а потерпѣли пораженіе интересы свободы, равенства, братства, правды и разума, проиграло битву при Ватерлоо человѣчество. Мы въ Германіи не были проведены тѣми полномочными Тартюфами, которые, соединяя въ себѣ грубую силу съ трусливымъ лицемѣріемъ, объявляли въ своихъ прокламаціяхъ, что тутъ шла борьба только противъ одного человѣка, называвшагося Наполеономъ Бонапарте; мы очень хорошо знали, что въ этомъ одномъ человѣкѣ побивали и насъ, издѣвались и надъ нами, распинали и наше тѣло, что на «Беллерофонѣ» перевозились въ ссылку и мы, что Гудсонъ Лоу мучилъ и насъ, что мученическій утесъ св. Елены былъ и нашею собственною Голгоѳою, и что Ватерлоо была наша первая станція на этомъ страдальческомъ пути!

Ватерлоо! Роковое имя! Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а каждый разъ, какъ произносилось передъ нами это слово, всѣ змѣи безсильнаго гнѣва начинали шипѣть въ нашей груди и терзали нашъ слухъ, какъ язвительный хохотъ враговъ. И мы чувствовали тогда ихъ слюну на нашихъ по-

краснѣвшихъ щекахъ... Но слава Богу! позорныя чары теперь разрушены, и полное отчаянія, раздирательное значеніе этого слова исчезло!

Какому чудесному событію обязаны мы избавленіемъ отъ кошмара Ватерлоо, это извѣстно всякому. Уже іюльская революція дала намъ большое удовлетвореніе, но оно было неполное; это былъ только бальзамъ для старой раны—бальзамъ, который, однако, не могъ совершенно залѣчить ихъ. Французы, правда, прогнали старшую бурбонскую линію, двойное несчастіе которой заключалось въ томъ, что она была навязана побѣжденнымъ иноземными завоевателями послѣ того, какъ эта старая, отжившая династія потерпѣла во Франціи жесточайшее оскорбленіе. Позорная казнь добродушнаго и гуманнаго Людовика XVI, это страшное преступленіе, могла еще быть оправдана оскорбленными, но ни въ какомъ случаѣ не оскорбителями, потому что оскорбившій не прощаетъ никогда. 21-е января дѣйствительно было слишкомъ незабвеннымъ днемъ для того, чтобы французъ могъ спокойно спать, пока на тронѣ Франціи сидѣлъ хоть какой-нибудь Бурбонъ старшей линіи; эта линія сдѣлалась невозможною, и рано или поздно ее, какъ злокачественный нарывъ, надо было вырѣзать изъ французскаго государственнаго тѣла, точно такъ же, какъ случилось со Стюартами въ Англіи, когда тамъ выступили на первый планъ такія же причины стыда и недовѣрія. Людовикъ Филиппъ и его семейство оказались возможными для французовъ, потому что его отецъ принималъ участіе въ національномъ преступленіи націи, да и самъ онъ нѣкогда принадлежалъ къ застрѣльщикамъ революціи. Людовикъ Филиппъ былъ великій и благородный государь. Онъ обладалъ всѣми буржуазными добродѣтелями простого буржуа и не имѣлъ ни одного порока большого барина. Онъ хорошо ѣздилъ верхомъ и сражался при Жемаппъ и Вальми. Мадамъ Жанлисъ была его воспитательницею, и въ научномъ отношеніи онъ былъ образованъ, какъ ученый; онъ могъ также, въ случаѣ бѣдности, зарабатывать себѣ хлѣбъ уроками математики, или умѣлъ пустить кровь слугѣ, пораженному апоплексическимъ ударомъ, для чего постоянно носилъ при себѣ футляръ съ хирургическими инструментами. Онъ былъ вѣжливъ, великодушенъ и прощалъ въ одинаковой степени какъ клеветавшимъ на него легитимистамъ, такъ и коварно покушавшимся на его жизнь республиканцамъ; онъ не боялся пуль, угрожавшихъ его собственной груди, но когда оказалось, что при-

ходится стрѣлять въ народъ, по сердцу его разлилось прежнее филантропическое мягкосердечіе, и онъ сбросилъ съ себя корону, надѣлъ шляпу, взялъ подъ руку свой старый зонтикъ и свою жену и откланялся. Онъ былъ человѣкъ. Баснословными богатствами владѣлъ онъ, но при этомъ оставался трудолюбивымъ, какъ самый бѣдный ремесленникъ. Ему была привита оспа, и эта болѣзнь ни разу не посѣтила его. Онъ былъ справедливъ и ни разу не нарушилъ присяги, которую принесъ законамъ. Онъ далъ французамъ восемнадцать лѣтъ мира и свободы. Онъ былъ экономенъ, цѣломудренъ и имѣлъ одну только возлюбленную, которую звали Марія Амалія. Онъ былъ полонъ духа терпимости и не любилъ іезуитовъ. Онъ былъ образецъ государя, Маркъ Аврелій въ парикѣ новаго времени, коронованный мудрецъ, честный человѣкъ. И несмотря на все это, французы, въ концѣ концовъ, все-таки не могли ужиться съ нимъ, потому что онъ былъ государемъ не національнаго происхожденія, онъ былъ избранникомъ не народа, а маленькаго кружка денежныхъ людей, посадившихъ его на вакантный тронъ потому, что онъ представлялся имъ лучшею гарантіею ихъ собственности и что при этомъ воцареніи имъ нечего было бояться особенно сильнаго протеста со стороны европейской аристократіи, той самой, которая вѣдь въ прежнее время содѣйствовала реставраціи не столько изъ любви къ Людовику XVIII, сколько изъ ненависти къ Наполеону I—единственному лицу, съ которымъ, по ея словамъ, она вела войну. Правда, что сѣвернымъ государямъ было не совсѣмъ по сердцу, что ихъ protégés выпроводили изъ Франціи такъ безцеремонно; но вѣдь они никогда не любили ихъ искренно; quasi-легитимизмъ Людовика Филиппа, его знатное происхожденіе и кроткое терпѣніе размягчили, наконецъ, сердца недовольныхъ высокихъ особъ, и они оставили въ покоѣ гальскаго пѣтуха, потому что онъ былъ не орелъ.

Вполнѣ соглашаясь, что съ королемъ Людовикомъ Филиппомъ поступили крайне несправедливо, что ему заплатили самою недостойною неблагодарностью, что онъ былъ настоящій мученикъ и что февральская революція вообще оказалась прискорбнымъ событіемъ, навлекшимъ на міръ несказанныя бѣдствія, мы, тѣмъ не менѣе, должны сознаться, что для французовъ, національное чувство которыхъ возвысилось этимъ переворотомъ, а равно и для демократіи вообще, въ которой онъ усилилъ идеальное самосознаніе, эта революція была большимъ удовлетвореніемъ. Большимъ, но все

еще не полнымъ, и скоро оно смѣнилось жалкимъ смиреніемъ. Виною этого послѣдняго были тѣ фальшивые уполномоченные народа, которые вслѣдствіе или своей неумѣлости, или малодушія, или двуличности, испортили великое дѣло верховнаго господства народа. Я не хочу сказать этимъ, что они были дурные люди; напротивъ того, для насъ было бы лучше, если бы мы попали въ руки отъявленнымъ злодѣямъ, которые дѣйствовали бы энергически и послѣдовательно и, можетъ-быть, пролили бы много крови, но при этомъ сдѣлали бы для народа что-нибудь великое. Но эти «добрые люди и скверные музыканты» совершили громадное преступленіе, ибо въ минуту страшнѣйшей бури они, изъ честолюбія, схватились за руль государства и, не имѣя рѣшительно никакихъ свѣдѣній въ политическомъ мореплаваніи, взяли на себя командованіе кораблемъ, избравъ себѣ компасомъ только собственное тщеславіе. Кораблекрушеніе было неизбѣжно.

Съ первыхъ же шаговъ временнаго правительства — назвавшаго себя именно такимъ образомъ—обнаружилась неспособность маленькихъ людей. Уже одно названіе «временное правительство» офиціально засвидѣтельствовало о ихъ трусости и напередъ уничтожило все хорошее, что они могли бы сдѣлать для народа, который вручилъ имъ верховную власть и далъ имъ въ охраненіе стражу изъ 300 тысячъ человѣкъ. Никогда еще народъ, этотъ большой сирота-дитя, не вытаскивалъ изъ горшка революціи дряни хуже той, которою оказались люди, составлявшіе временное правительство. Между ними находились жалкіе комедіанты, которые, какъ двѣ капли воды, даже по цвѣту бороды, были похожи на любителей-актеровъ, представляющихъ героическія роли, такъ забавно выведенныхъ Шекспиромъ во «Снѣ въ лѣтнюю ночь». Эти жалкіе паріи дѣйствительно пуще всего боялись, чтобъ ихъ игру не приняли за серьезное, и столяръ Снугъ считалъ нужнымъ предупреждать, что онъ не въ самомъ дѣлѣ левъ, а только левъ временный, только Снугъ столяръ, что при публикѣ не слѣдуетъ бояться его рева, такъ какъ это только временный ревъ... Но при этомъ, вслѣдствіе тщаславія, онъ порывался играть всевозможныя роли и главнымъ дѣломъ для него было, какого цвѣта бороду надѣть въ той или другой роли — ярко-краснаго или трехцвѣтную.

Иноземныя державы, конечно, не имѣли никакого основанія бояться этихъ временныхъ львовъ. Сначала онѣ, правда,

пришли въ нѣкоторое смущеніе, но скоро оправились, разсмотрѣвъ, что за животныя скрывались въ львиной кожѣ, и имъ не было никакой надобности смотрѣть на февральскую революцію, какъ на политическое оскорбленіе, какъ на строптивый вызовъ, потому что онѣ имѣли право сказать: «Намъ все равно, кто ни управляетъ Франціею. Правда, въ 1815 году мы посадили на тронъ старшихъ Бурбоновъ, но сдѣлали это не изъ нѣжности къ нимъ, а изъ ненависти къ Наполеону Бонапарте, съ которымъ мы воевали въ то время и котораго убили при Ватерлоо и похоронили — слава тебѣ, Господи!—на св. Еленѣ. Пока онъ былъ живъ, мы не имѣли ни одного спокойнаго часа... Ну, а теперь, когда онъ умеръ и между всѣми львами временнаго правительства нѣтъ ни одного, способнаго снова нарушить наше милое ночное спокойствіе, для насъ рѣшительно все равно, кто бы ни управлялъ Франціею. Намъ все равно—править тамъ Луи Бланъ, или генералъ Томъ Пусъ, карликъ обоихъ полушарій, который еще гораздо знаменитѣе перваго, но, въ свою очередь, точно такъ же, какъ карликъ Луи Бланъ, не можетъ, по отношенію къ миніатюрности, выдержать сравненіе съ покойнымъ Богуславскимъ, котораго запекли въ пастетъ и въ такомъ видѣ подавали на столъ саксонскаго курфюрста... Но храбрый полякъ зубами и маленькой саблей прокусывалъ и прорубалъ пастетъ, освобождалъ себя изъ заключенія и потомъ, какъ побѣдитель, гордо расхаживалъ по столу курфюрста — геройская штука, едва ли возможная для вашего гомункулуса Луи Блана, который врядъ ли выкарабкается съ такимъ героизмомъ изъ февральскаго пастета».

Настоятельно указываю, что въ такихъ презрительныхъ выраженіяхъ отзываются о Луи Бланѣ иноземные государи. Что касается до меня, то я говорилъ бы болѣе почтительно и одобрительно объ этомъ трибунѣ, который, во время своего эфемернаго владычества если не обнаружилъ особеннаго ума, то тѣмъ болѣе отличался почти нѣмецкою сентиментальностью. Во всѣхъ своихъ рѣчахъ онъ постоянно подпадалъ вліянію прекрасныхъ порывовъ своего сердца, онъ постоянно повторялъ въ нихъ, что тронутъ до слезъ, и при этомъ хныкалъ такъ значительно, что эта водянистая чувствительность доставила ему нѣкоторую популярность и по ту сторону Рейна: нѣмецкія мамки и няньки стали называть именемъ плаксиваго французскаго демагога своихъ маленькихъ ревуновъ. Многіе насмѣхались надъ дѣтскою наружностью Луи Блана. Но я никогда не могъ смотрѣть

безъ нѣкотораго изумленія на его головку; не потому, что я удивлялся въ ней присутствію многихъ знаній—нѣтъ, онъ, напротивъ того, лишенъ всякихъ знаній—но потому, что я не постигалъ, какимъ образомъ въ такой маленькой головенкѣ могло помѣститься столько незнанія; я никогда не понималъ, какъ могъ этотъ ограниченный, крошечный черепъ заключать въ себѣ такія колоссальныя массы невѣжества, какія онъ выкапывалъ изъ себя при всякомъ удобномъ случаѣ въ такомъ большомъ, даже чрезмѣрномъ изобиліи! Тутъ высказывается всемогущество Божье! Но несмотря на полное отсутствіе научныхъ знаній и учености, въ г. Луи Бланѣ надо признать, однако, истинную способность къ исторіографіи. Жаль только, что онъ взялся описывать, именно, тѣ битвы титановъ, которыя мы называемъ исторіею французской революціи. Жаль, что онъ не выбралъ сюжета, болѣе соотвѣтствующаго его росту, напримѣръ, войнъ пигмеевъ съ журавлями, о которыхъ говоритъ намъ Геродотъ.

Но какъ ни малъ Луи Бланъ, онъ талантомъ и образомъ мыслей все-таки стоялъ гораздо выше многихъ изъ своихъ сотоварищей по тому временному правительству, которое такъ мало пугало сѣверныхъ государей. Все, что говорили эти государи—чистая правда. Между всѣми членами временнаго правительства не было ни одного, мало-мальски похожаго на того буяна, того драчуна, того страшнаго корсиканскаго сорванца, который во всѣхъ столицахъ міра разбивалъ караулы, повсюду колотилъ стекла въ окнахъ, ломалъ фонари и съ нашими почтенными монархами обращался, какъ со старыми портье, потому что звонилъ въ ихъ калитки по ночамъ и нарушалъ ихъ сладкій сонъ. Наши вѣнчанныя особы могли спать совершенно безмятежно во время господства временнаго правительства во Франціи...

Нѣтъ, изъ всѣхъ героевъ этого Круглаго Стола ни одинъ не былъ похожъ ни на Наполеона, ни одинъ не былъ настолько невѣжливъ, чтобы выиграть сраженіе при Маренго, ни одинъ не имѣлъ дерзости поколотить пруссаковъ при Іенѣ, ни одинъ не позволилъ себѣ какой-нибудь крайней выходки по случаю побѣды при Аустерлицѣ или Ваграмѣ, ни одинъ не одержалъ побѣды въ битвѣ при Пирамидахъ... Въ чемъ бы ни упрекали г. Ламартина, фланкера февральскихъ героевъ, но никто не можетъ обвинить его въ томъ, что онъ уничтожилъ мамелюковъ при Пирамидахъ... Правда,

онъ предпринималъ путешествіе на востокъ, и въ Египтѣ проѣзжалъ мимо пирамидъ, съ вершины которыхъ сорокъ вѣковъ могли смотрѣть на него, если это имъ было угодно, но на самыя пирамиды его знаменитая персона не произвела особенно сильнаго впечатлѣнія, тѣмъ болѣе, что онѣ уже очень привыкли къ великимъ людямъ, такъ какъ видѣли самыхъ величайшихъ, напримѣръ, Моисея, Пиѳагора, Платона, Юлія Цезаря... и Наполеона, изъ которыхъ послѣдній проѣзжалъ мимо ихъ на верблюдѣ... Очень можетъ быть, что г. Ламартинъ тоже катался на верблюдѣ по нильской долинѣ, но нѣтъ сомнѣнія, что онъ не вступалъ тамъ ни въ одно сраженіе и не проглотилъ ни одного мамелюка... Нѣтъ, этотъ верблюжій всадникъ былъ хамелеонъ, но не Наполеонъ, онъ не ѣлъ мамелюковъ, онъ всегда являлся прирученнымъ и некровожаднымъ животнымъ, и когда въ 1848 г. ему пришлось играть роль временнаго льва, онъ ревѣлъ точно такъ же нѣжно, такъ же сладко, такъ умильно, какъ обѣщалъ ревѣть въ Шекспировской комедіи, для того, чтобы не испугать дамъ, столяръ Снугъ... Въ сѣверныхъ канцеляріяхъ дѣйствительно никто не испугался при полученіи мелодическаго манифеста, изданнаго новымъ французскимъ ministre des affaires étrangères, котораго справедливо называли ministre étranger aux affaires,— и его дипломатическія «Méditations» и «Harmonies» очень позабавили государей абсолютной прозы...

Дѣйствительно, эти послѣдніе были совершенно спокойны насчетъ плановъ и намѣреній льва, который въ то время щебеталъ Марсельезу мира, и были вполнѣ убѣждены, что это не Наполеонъ, не богъ пушечнаго грома, не богъ молніи, но молнія боговъ... Они, можетъ-быть, уже задолго до насъ замѣтили, что этотъ двусмысленный человѣкъ былъ не только не молніею, но именно противоположностью ея— громоотводомъ, и они понимали, какую пользу могъ принести для нихъ такой аппаратъ въ то время, когда страшнѣйшій народный ураганъ грозилъ раздробить старое, готическое зданіе общества...

Не я назвалъ Ламартина громоотводомъ; онъ самъ заклеймилъ себя этимъ названіемъ. Какъ случается со всѣми хвастливыми болтунами, у которыхъ языкъ никогда не бываетъ на привязи, у него вырвались однажды слѣдующія наивныя слова: «Меня обвиняютъ, что я былъ въ заговорѣ съ предводителями республиканской партіи, стремившимися къ ниспроверженію порядка вещей; да, я дѣйствовалъ за-

одно съ ними, но въ такомъ же родѣ, въ какомъ громоотводъ состоитъ въ заговорѣ съ молніею». Этотъ ложный братъ, при всей своей двуличности, былъ и олицетворенная неспособность, и такъ какъ онъ считался поэтомъ, то прозаикамъ представлялся снова случай подсмѣяться надъ тѣмъ, что̀ выходитъ, когда поэту поручаютъ управленіе государственными дѣлами. Нѣтъ, вы ошибаетесь; великіе поэты были часто и великими государственными людьми; музы совершенно неповинны въ правительственной немощи двуличнаго человѣка, да еще вопросъ—поэзія ли то, чему удивляются въ немъ французы. Его изысканное краснорѣчіе, его блестящее изложеніе напоминаютъ скорѣе ритора, чѣмъ поэта. Несомнѣнно то, что этотъ chantre d'Eloah грѣшилъ не чрезмѣрнымъ изобиліемъ поэзіи; онъ не что иное, какъ лирическій честолюбецъ, который въ стихахъ постоянно наводилъ скуку, а въ прозѣ надувалъ.

Я не имѣю, конечно, надобности указывать, что только 20-го декабря 1852 г. французскій народъ получилъ полное удовлетвореніе, посредствомъ котораго можетъ быть вполнѣ залѣчена старая рана его пострадавшаго національнаго чувства. Я отъ всей души сочувствую этому тріумфу, такъ какъ отъ всей души скорбѣлъ прежде и о пораженіи. Я самъ ветеранъ, самъ инвалидъ съ оскорбленнымъ сердцемъ, и понимаю ликованіе бѣдныхъ инвалидовъ. Къ этому присоединяется еще злорадство, вызываемое тѣмъ, что я читаю всѣ мысли на лицахъ нашихъ старыхъ враговъ, которые притворяются радостными, тогда какъ на сердцѣ у нихъ кошки скребутъ. Не новый человѣкъ сидитъ теперь на французскомъ престолѣ, но тотъ самый Наполеонъ Бонапарте, котораго Священный Союзъ объявилъ опальнымъ, съ которымъ онъ велъ войну и котораго, какъ ему казалось, низложилъ и умертвилъ. Онъ все еще живъ, все еще царствуетъ, ибо какъ въ старой Франціи никогда не умиралъ король, такъ въ новой Франціи никогда не умираетъ императоръ—и именно тѣмъ, что имя его теперь—Наполеонъ III, онъ протестуетъ противъ мнѣнія, что царствованіе его кончилось; иноземныя же державы, признавая нынѣшняго императора подъ такимъ именемъ, даютъ удовлетвореніе французскому національному чувству посредствомъ столько же благоразумнаго, сколько справедливаго заглаживанія прежняго оскорбленія.

Послѣдствія такого удовлетворенія безконечны и безъ сомнѣнія будутъ благодѣтельны для всѣхъ народовъ Европы,

особенно же для нѣмцевъ. Жаль только, что многіе изъ старыхъ ватерлооскихъ героевъ не дожили до этого времени. Ихъ Ахиллесъ, герцогъ Веллингтонъ, уже предчувствовалъ этотъ исходъ, и на послѣднемъ ватерлооскомъ обѣдѣ, который онъ давалъ своимъ мирмидонамъ въ годовщину сраженія, наружность его, говорятъ, была плачевнѣе и мизернѣе, чѣмъ когда-либо. И дѣйствительно, онъ издохъ скоро послѣ того, и Джонъ Булль стоитъ надъ его могилой, почесываетъ у себя за ухомъ и ворчитъ: «Стало-быть, я ни за что, ни про что навалилъ на себя громадные долги, изъ-за которыхъ принужденъ работать, какъ каторжный?.. Какой же мнѣ прокъ изъ ватерлооскаго сраженія?» Да, это сраженіе потеряло теперь свое прежнее, постыдное значеніе, и Ватерлоо представляетъ не что иное, какъ названіе проигранной битвы, ни больше, ни меньше, какъ какіе-нибудь Азенкуръ и Креси, или, говоря по-нѣмецки, какіе-нибудь Іена и Аустерлицъ.

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ.

Парижъ, 3-го марта 1848 г.

До сихъ поръ я не могъ ничего сообщить вамъ о событіяхъ трехъ великихъ февральскихъ дней, потому что голова моя была совершенно ошеломлена. Барабанный бой, выстрѣлы и Марсельеза не умолкаютъ. Отъ этой марсельезы, этой нескончаемой пѣсни, у меня почти лопнулъ мозгъ,—ахъ!—снова поползла оттуда самая опасная для государства чернь мыслей, которую я давно уже заточилъ тамъ. Чтобы хотя отчасти подавить возмущеніе, происшедшее въ моей душѣ, я по временамъ мурлыкалъ про себя какую-нибудь отечественную благочестивую мелодію, напримѣръ, «Heil dir im Siegerkranz» или «Üb du nur Treu und Redlichkeit»—напрасно!—сатанинская пѣсня заглушала во мнѣ всѣ лучшіе звуки. Боюсь, что эти демоническіе преступные звуки скоро достигнутъ и до вашего слуха, и вы тоже испытаете на себѣ ихъ соблазнительную силу. Не повторяется ли въ своихъ произведеніяхъ великій авторъ—судьба? Не утрачиваетъ ли онъ своей творческой способности? Вѣдь драму, разыгранную имъ въ нашъ бенефисъ въ истекшемъ февралѣ, онъ уже представилъ въ томъ же самомъ Парижѣ восемнадцать лѣтъ тому назадъ, подъ загланіемъ: «іюльская революція»? Но хорошую пьесу можно посмотрѣть и два раза. Во всякомъ случаѣ теперь она явилась въ улучшенномъ и увеличенномъ видѣ; особенно конецъ новъ и былъ принятъ съ громкими аплодисментами. Мнѣ на этомъ представленіи досталось очень хорошее мѣсто; я былъ на улицѣ, съ обѣихъ сторонъ загороженной баррикадами. Пробраться домой мнѣ удалось только съ большимъ трудомъ. Здѣсь я имѣлъ случай вполнѣ подивиться способности, которую

обнаруживаютъ французы при постройкѣ своихъ баррикадъ. Тѣ укрѣпленія и траншеи, на постройку которыхъ нѣмецкая основательность употребила бы цѣлые дни, здѣсь импровизируются въ нѣсколько минутъ, точно колдовствомъ выскакиваютъ они изъ земли, и глядя на это, думаешь, что тутъ невидимо помогали подземные духи. Французы—народъ быстроты. Героическіе подвиги, совершенные ими въ эти февральскіе дни, тоже возбуждаютъ наше изумленіе, но не должны приводить насъ въ уныніе по отношенію къ самимъ намъ. И другіе люди не лишены отваги; человѣкъ по своей натурѣ храброе животное. Презрѣніе къ смерти, съ которымъ сражались французскіе рабочіе, должно, собственно говоря, удивлять насъ только потому, что оно отнюдь не происходитъ изъ религіознаго чувства и не имѣетъ источникомъ прекрасную вѣру въ ту загробную жизнь, въ которой человѣкъ получаетъ награду за то, что здѣсь на землѣ онъ умеръ за свое отечество. Не меньше и, могу сказать, точно такъ же безкорыстна была честность, выказанная этими бѣдными людьми въ блузахъ и рубищахъ. Да, ихъ честность была безкорыстна, и этимъ отличалась она отъ того торгашескаго расчета, по которому устойчивая честность доставляетъ больше практики и барышей, чѣмъ удовлетвореніе воровскихъ наклонностей, которое, въ концѣ-концовъ, не приводитъ ни къ чему хорошему; честное держится дольше всего другого. Немало удивились богатые тому, что бѣдная голь, цѣлыхъ три дня господствовавшая въ Парижѣ, ни одного разу не посягнула на чужую собственность. Богачи трепетали за свои денежныя шкатулки и крайне изумились, когда увидѣли, что у нихъ ничего не украдено. Многимъ приходилась даже не совсѣмъ по сердцу строгость, обнаруженная народомъ по отношенію къ ворамъ, которыхъ заставали на мѣстѣ преступленія, а нѣкоторые господа почти сердились, когда узнавали, что этихъ воровъ тутъ же разстрѣливали. «При такомъ управленіи,—думали они:—нельзя вѣдь быть спокойнымъ за свою жизнь». Разрушилъ разъяренный народъ много, особенно въ Пале-Роялѣ и Тюильри, но не разграбилъ ничего. Только оружіемъ завладѣвалъ онъ вездѣ, гдѣ только находилъ его, а въ упомянутыхъ двухъ королевскихъ дворцахъ народу было позволено тоже брать найденные съѣстные припасы. Одинъ пятнадцатилѣтній мальчикъ, жившій въ нашемъ домѣ и принимавшій участіе въ битвѣ, принесъ своей больной бабушкѣ горшокъ варенья, завоеванный имъ въ Тюильри.

Маленькій герой самъ не коснулся лакомства и доставилъ горшокъ нераспечатаннымъ. Какъ радовался онъ, когда старушка принялась кушать и до нельзя расхваливать варенье Людовика Филиппа, какъ онъ называлъ это лакомство! Бѣдный Людовикъ Филиппъ! Въ такихъ преклонныхъ лѣтахъ снова браться за странническій посохъ! И брести въ туманно-холодную Англію, гдѣ варенье изгнанія имѣетъ вдвойнѣ горькій вкусъ!

Парижъ, 10-го марта 1848 г.

Людовикъ Филиппъ былъ привѣтливъ и добросердеченъ. Жестокость, кровопролитіе были ему противны, онъ былъ король мира, оливковая вѣтвь была его скиптръ; онъ былъ, такъ сказать, личный врагъ войны. Онъ обладалъ познаніями во всѣхъ областяхъ знанія, и просвѣщеніе, терпимость и филантропія восемнадцатаго столѣтія перешли къ нему въ умъ и сердце. Онъ былъ здоровъ. Не только оспу, но и революцію ему привили въ ранней молодости, и онъ былъ свободенъ отъ той тайной наслѣдственной враждебности къ молодой Франціи, которою болѣли его родственники старшей линіи. Онъ рождалъ прекрасныхъ, чистыхъ дѣтей—цвѣтущее поколѣніе. Онъ хорошо ѣздилъ верхомъ, и въ опасностяхъ, особенно когда онѣ угрожали только его собственной жизни, проявлялъ хладнокровное мужество; на придворныхъ торжествахъ и въ бесѣдахъ онъ изумлялъ своею обходительностью, привѣтливостью и симпатичностью. Этотъ Людовикъ Филиппъ обладалъ всѣми буржуазными добродѣтелями и не имѣлъ ни одного дворянскаго порока, и онъ былъ цѣломудренъ, какъ шотландскій сельскій пасторъ, воздерженъ въ своихъ удовольствіяхъ, какъ арабскій бедуинъ, неутомимо прилеженъ, какъ геттингенскій приватъ-доцентъ, словомъ, онъ имѣлъ всевозможныя хорошія качества—и, однако, французы въ одно прекрасное утро сбросили его съ престола, и, однако, они со стыдомъ и позоромъ выгнали его изъ своей земли. Когда несчастный монархъ сѣлъ на корабль, перевозившій его въ печальную Англію, онъ произнесъ замѣчательныя слова: «Со мною хоронятъ въ могилу французскую монархію, я былъ послѣдній король французовъ». Да, Людовикъ Филиппъ былъ единственно возможный для этого народа король—но даже его, послѣ восемнадцатилѣтняго опыта, оказалось для нихъ невозможнымъ вынесть. Французы выросли изъ поэтической ливреи роялизма, изъ набожной романтики съ золотыми га-

лунами, она уже была тѣсна для нихъ, она повсюду лопалась по швамъ, и они смѣнили ее на республиканскую блузу, которая, правда, для нихъ слишкомъ мѣшковата, но зато позволяетъ дѣлать болѣе свободныя движенія. Теперь у нихъ есть республика, и любятъ они ее, или не любятъ— это все равно. Дѣло въ томъ, что она *есть* у нихъ, а когда ужъ имѣешь такую вещь, то имѣешь ее, какъ имѣютъ грыжу, или жену, или нѣмецкое отечество, или какой-нибудь другой недугъ. Французы теперь приговорены быть республиканцами à perpétuité. Да и въ самомъ дѣлѣ имъ не оставалось на выборъ никакого другого одѣянія, ходить совсѣмъ голыми они вѣдь не могли, и приличіе требовало, чтобы они какъ можно скорѣе одѣлись. Теперь пусть каждый справляется, какъ знаетъ и какъ можетъ. Правду сказать, мы здѣсь уже успѣли свыкнуться съ новою нашею долей, намъ кажется, что мы всю свою жизнь были только Брутами и ничѣмъ болѣе, и самое недавнее прошедшее уже представляется намъ отдаленнымъ, какъ старая нянькина сказка: «жилъ-былъ когда-то король». Успокоятся ли такимъ же равнодушіемъ относительно этого колоссальнаго факта и властители по ту сторону Рейна? Отчего же бы нѣтъ? Вѣдь г. Ламартинъ, въ своемъ циркулярѣ къ уполномоченнымъ Франціи за границею, высказалъ въ такихъ прекрасныхъ словахъ великую истину, что республика и монархія суть двѣ формы правленія, которыя очень хорошо могутъ уживаться рядомъ, добрыми сосѣдями, и которымъ не зачѣмъ вести между собою смертельную борьбу, какъ было прежде.

Какая великолѣпная вещь—этотъ циркуляръ, или, вѣрнѣе, этотъ манифестъ г. де-Ламартина! Какою священною и примирительною серьезностью вѣетъ отъ его словъ, освѣжительно дѣйствующихъ на раны настоящаго и прогоняющихъ страхъ будущаго! Этотъ человѣкъ—истинный пророкъ, онъ умѣетъ и говорить, и видѣть. Съ изумленіемъ, съ головокруженіемъ смотримъ мы на эту высокую фигуру, которая въ теченіе послѣдняго года такъ сильно выросла. Сначала это былъ только поэтъ, правда, первоклассный, но не особенно превосходящій нашего брата. Я очень цѣнилъ его за совершенство формы и гармоническое единство его мыслей и чувствъ (два качества, которыхъ совсѣмъ лишенъ его соперникъ Викторъ Гюго, и которыя, однако, необходимы, чтобы доставить безсмертіе)—но мнѣ были очень не по вкусу въ произведеніяхъ Ламартина тотъ спиритуализмъ, та такъ-называемая платоническая любовь, которые вызы-

вали мое отвращеніе уже въ сонетахъ и канцонахъ его предка Петрарки и противъ которыхъ я сражался всю мою жизнь въ стихахъ и прозѣ. Только тогда, когда я услышалъ политическія рѣчи Ламартина, съ ликованіемъ привѣтствовало его мое, родственное съ ними настроеніе; тутъ понравилось мнѣ его болѣе отрадное сходство съ мессеромъ Франческо, который былъ не только поклонникомъ Лауры, но и другъ Ріензи, и котораго вѣчное солнце свободы воспламеняло такъ же мечтательно, какъ глаза, смертныя звѣзды, провансальской красавицы. Но какъ описать мнѣ воодушевленіе, которое овладѣло мною, когда появились «Жирондисты» Ламартина, это сочиненіе, популярность котораго почти баснословна! Со времени «Исторіи Революціи Тьера и Парижскихъ Тайнъ» Эжена Сю ни одна книга не надѣлала здѣсь такого шума. Эта книга, прославляющая благородныхъ мучениковъ Жиронды, есть какъ бы ихъ великолѣпный саркофагъ, и онъ, на античный манеръ, украшенъ барельефами, изображающими вакханокъ: передъ нами здѣсь вакхическія процессіи французской революціи, махающіе тирсами корибанты свободы и равенства, террористическіе цимбалисты и умѣренные флейтисты, козлоногіе сатиры bougrement patriotiques, менады гильотины съ развѣвающимися волосами, объятыя божественнымъ безуміемъ толпы, бѣгущія въ неслыханнѣйшихъ и невѣроятнѣйшихъ позахъ, и при видѣ которыхъ нами тоже овладѣваетъ ужасающее, стремящееся все разрушить опьяненіе—Evoe Danton! Evoe Robespierre! Да, вакхическимъ одобреніемъ была встрѣчена книга г. де-Ламартина. Казалось невозможнымъ, чтобы слава автора когда-нибудь еще болѣе усилилась. И, однакоже, ему это удалось—съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался не только исторіографомъ республики, но и однимъ изъ ея прославленнѣйшихъ героевъ, ея теперешнимъ гонфалоньеромъ съ трехцвѣтнымъ знаменемъ, которое онъ усердно защищалъ, когда ему хотѣли насильно вложить въ руку то красное кровавое знамя, отъ котораго да сохранитъ насъ небо еще на долгое время.

Парижъ, 14-го марта.

Почтенный соотечественникъ, которому я обыкновенно диктую мои письма и который поэтому называетъ меня своимъ диктаторомъ, уже нѣсколько дней не приходитъ, и я долженъ прибѣгнуть къ посредничеству французскаго пэра. Если бы вы нашли, что сегодняшнее письмо мое стоитъ

того, чтобъ его перевести на отечественный языкъ, то пожалуйста уничтожьте въ переводѣ всѣ тѣ арабески и украшенія, которыя еще напоминаютъ аристократическую, во вкусѣ рококо пору нѣмецкой письменности. Господство манеры утонченно изящнаго писанія должно покончиться, какъ всякое другое господство; нѣмецкое искусство писать тоже эманципируется, во всякомъ случаѣ оно перестанетъ быть искусствомъ. Оброчная служба по строенію періодовъ должна быть уничтожена, и ту розгу грамматики, которою школьные тираны сѣкутъ насъ уже въ дѣтствѣ, необходимо сломать. Въ республикѣ ни одному гражданину не слѣдуетъ писать лучше другихъ. Истинно демократическое правительство должно установить не только свободу печати, но и равенство стиля. Не замышлялъ ли нѣчто въ этомъ родѣ нашъ чудесный Ипполитъ Карно, когда разослалъ свой знаменитый циркуляръ директорамъ училищъ?

Но шутки въ сторону. Карно—слишкомъ дорогое имя и слишкомъ благородное, воодушевленное свободою сердце, чтобы мы не простили ему нѣсколько преувеличенныхъ выраженій, которыя, можетъ-быть, вызываютъ неудовольствіе въ добренькихъ и кроткихъ пискаряхъ Marais, но будучи разсматриваемы съ безпристрастной высоты горы, не должны признаваться за несвоевременныя. Мысль, заключающаяся въ этомъ циркулярѣ Карно, глубочайше правдива: революціи нужны новые люди, и этихъ людей надо выкапывать изъ самыхъ низшихъ слоевъ общественной почвы. Старыя метлы, которыми вычищали старую грязь, износились, если сами не превратились въ грязную ветошь, и ихъ тоже надо вымести. Новыя времена, новыя метлы!

Парижъ, 22-го марта.

Да, это невѣроятно! Это превосходитъ самую пламенную игру фантазіи арабскаго импровизатора, всѣ сказочныя измышленія праздныхъ мозговъ, всѣ разсказы «Тысячи одной ночи»! Шехерезада отваживалась въ своихъ повѣствованіяхъ на самую смѣлую причудливость, на всяческіе странные прыжки, и дремавшій султанъ спокойно пропускалъ мимо ушей самыя рѣзкія оскорбленія правдоподобности. Но если бы эта столь изобрѣтательная дама стала съ полной точностью передавать событія трехъ послѣднихъ недѣль, то несомнѣнно, что султанъ Шаріаръ нетерпѣливо вскочилъ бы съ постели и воскликнулъ бы: «Исторія о заколдованныхъ рыбахъ, которыя, жарясь въ кострюлѣ, говорятъ по-чело-

вѣчьи, была уже достаточно невѣроятна и очень грѣшила противъ всѣхъ установившихся понятій; но ни за что не заставятъ меня повѣрить такимъ неслыханнымъ вещамъ, какъ февральская парижская сказка, и ужъ подавно—какъ невозможныя, выдуманныя злонамѣренными сумасшедшими, волшебныя революціи, которыя яко бы произошли на мирныхъ берегахъ Дуная и Шпре! Глупая женщина! Глупые разсказы!» Дѣйствительно, истина сбросила съ себя рѣшительно все одѣяніе правдоподобности. «Credo quia absurdum est»—сдѣлалось теперь правильнымъ изреченіемъ.—Но не только міръ сорванъ со своихъ петель—это случилось и съ разумомъ отдѣльныхъ индивидуумовъ. Мозговые сосуды лопаются, потому что въ нихъ разомъ врывается столько новостей, а, можетъ-быть, и новыхъ мыслей.—Такъ внезапно совершилось все это! Но какимъ образомъ оно совершилось? Ужъ не въ самомъ ли дѣлѣ ходъ вещей въ этомъ мірѣ направляется разумною мыслью, мыслящимъ разумомъ? Или направляетъ его шалунъ-мальчишка, богъ-случай? Можно, само собою разумѣется, прекрасно доказать, что побѣда республики была логическая необходимость, что она должна была неотвратимо побѣдить, какъ послѣдовательный выводъ разума. Но еще гораздо легче доказать, что срокъ ея побѣды былъ очень значительно сокращенъ случаемъ и что ей еще какое-нибудь столѣтьице пришлось бы довольствоваться деньгами за простой, если бы нѣсколько блузниковъ не опередили національныхъ гвардейцевъ на нѣсколько минутъ въ то время, когда въ палатѣ депутатовъ разыгрывалась извѣстная сцена. Если нѣкогда справедливо утверждали, что въ іюльской революціи Людовикъ Филиппъ завладѣлъ господствомъ посредствомъ фокусической штуки, то это самое можно съ полнымъ правомъ сказать о республикѣ. Но почему же честнымъ людямъ и не попробовать хоть разъ примѣнить на дѣлѣ свое фокусическое дарованіе—тѣмъ болѣе, что они продѣлывали свои шутки въ бенефисъ страждущихъ! Выборъ временнаго правительства былъ во всякомъ разѣ дѣломъ случая. Но для блага Франціи этотъ выборъ оказался очень удачнымъ. Народъ, это большое дитя-сирота, вытащилъ на этотъ разъ изъ лотерейнаго колеса очень хорошіе нумера. Какой прекрасный союзъ храбрыхъ и даровитыхъ людей, которые всѣ горячо проникнуты космополитическою любовью къ людямъ; храбрые паладины мира, истинные рыцари гуманности, Круглый Столъ, въ которомъ увѣнчанный лаврами глава есть г. де-Ламартинъ. Можно ли

найти имена болѣе героическія, чѣмъ Араго, Карно, Кремье, Луи Бланъ, Мара, Дюпонъ де-Лёръ, и т. д.! Но все-таки— и это замѣчаніе пришло мнѣ въ голову въ первую же минуту—эти имена какъ-то странно соединены вмѣстѣ, имъ недостаетъ внутренняго сродства, и это отсутствіе однородности было для меня вѣрнѣйшимъ признакомъ, что временное правительство республики не явилось созданіемъ особенной партіи, которая, какъ это часто случается, на случай побѣды держала наготовѣ своихъ избранниковъ. Нѣтъ, этихъ людей подняли на щитъ только потребности и обстановка данной минуты. Но кто же былъ органомъ такого проявленія общей воли и тысячеголоваго разумѣнія народа? Это былъ молодой человѣкъ, по имени Гецель, по профессіи книгопродавецъ, но восторженный поклонникъ свободы, стройный, бѣлокурый и очень умный. Онъ-то находился среди ворвавщагося въ палату депутатовъ народа, и въ какомъ-то безсознательномъ вдохновеніи поспѣшно написалъ на бумажкѣ имена, заговорившія у него въ умѣ или въ сердцѣ—и то былъ списокъ членовъ временнаго правительства, который затѣмъ, на остріѣ штыка протянули оратору на трибунѣ, г. Кремье, и который этимъ послѣднимъ былъ тутъ же прочтенъ при шумномъ одобреніи присутствующихъ. Нѣсколько спустя, весь Парижъ вторилъ этому одобренію, и какъ грандіозно депутаціи сотенъ тысячъ свободныхъ гражданъ санкціонировали значеніе временнаго правительства—объ этомъ съ достаточною подробностью разсказали послѣдніе нумера газетъ.

О РАЗЛИЧНОМЪ ПОНИМАНІИ ИСТОРІИ.

Книга исторіи находитъ себѣ разнообразныя толкованія. Здѣсь особенно выступаютъ впередъ два совершенно противоположныхъ другъ другу взгляда. Одни видятъ во всѣхъ земныхъ вещахъ не что иное, какъ безотрадный круговоротъ; на жизнь народовъ, какъ и на жизнь отдѣльныхъ личностей, какъ на органическую натуру вообще, они смотрятъ, какъ на произрастаніе, расцвѣтъ, увяданіе и смерть—весну, лѣто, осень и зиму. «Нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ»—таковъ ихъ афоризмъ, да и самъ онъ не заключаетъ въ себѣ ничего новаго, такъ какъ уже двѣ тысячи лѣтъ назадъ со вздохомъ произнесъ его царь Востока. Эти люди пожимаютъ плечами, когда рѣчь заходитъ о нашей цивилизаціи, которая, по ихъ мнѣнію, въ концѣ концовъ, все-таки, снова уступитъ мѣсто варварству; они, покачивая головой, смотрятъ на наши битвы за свободу, не сомнѣваясь, что эта борьба можетъ способствовать только появленію новыхъ тирановъ; они съ недовѣрчивою улыбкой относятся ко всѣмъ стремленіямъ политическаго энтузіазма, желающаго сдѣлать міръ лучше и счастливѣе, а въ окончательномъ результатѣ расхолаживающаго и не приносящаго никакой пользы; мелкая хроника надеждъ, нуждъ, неудачъ, скорбей и радостей, ошибокъ и разочарованій, составляющихъ жизнь отдѣльнаго человѣка—эта исторія людей представляется имъ и исторіею человѣчества. Въ Германіи истинными приверженцами этого взгляда являются мудрецы исторической школы и поэты Гётевскаго эстетическаго періода; эти послѣдніе обыкновенно самымъ сладенькимъ образомъ прикрашиваютъ такими воззрѣніями сентиментальный индиферентизмъ относительно всего политическаго порядка вещей въ отечествѣ. Одно сѣверное нѣмецкое правительство, достаточно извѣстное

каждому, особенно усердно поддерживаетъ этотъ взглядъ; оно отправляетъ путешествовать людей съ тѣмъ, чтобы они вырабатывали въ себѣ подъ элегическими развалинами Италіи добродушно успокоительныя фаталистическія воззрѣнія и затѣмъ, совмѣстно съ посредничествующими проповѣдниками христіанскаго смиренья, излѣчивали трехдневную либеральную горячку народа холодными журнальными компрессами. Что-жъ! Кто не въ состояніи подняться силою свободнаго духа, пусть себѣ ползаетъ по землѣ; но только-что упомянутому правительству будущее дастъ урокъ, какъ далеко можно уйти интригами и изворотливостью.

Вышесказанный, весьма фатально фаталистическій взглядъ находитъ себѣ противника въ другомъ, болѣе свѣтломъ, которому болѣе родственна идея Промысла и по которому все земное должно постепенно созрѣвать до прекраснаго совершенства, а великіе герои и героическія эпохи суть только ступени къ высшему, богоподобному состоянію человѣческаго рода, нравственныя и политическія боренія котораго будутъ имѣть своимъ окончательнымъ послѣдствіемъ священнѣйшій миръ, чистѣйшее братство и самое вѣчное блаженство. Золотой вѣкъ, — утверждаютъ защитники этого взгляда,—не позади, а впереди насъ; мы не изгнаны изъ рая огненнымъ мечомъ, но должны завоевать его себѣ огненнымъ сердцемъ, любовью; плодъ отъ древа познанія приноситъ намъ не смерть, но вѣчную жизнь.—«Цивилизація» долго была лозунгомъ ихъ. Въ Германіи главною представительницею этого воззрѣнія была гуманитарная школа. Какъ опредѣленно имѣетъ въ виду ту же цѣль школа такъ-называемая философская—это хорошо извѣстно каждому. Эта школа оказала особенныя услуги въ изслѣдованіи политическихъ вопросовъ, и полнѣйшимъ расцвѣтомъ этого воззрѣнія проповѣдники его выставляютъ идеальную государственную форму, которая, имѣя своимъ фундаментомъ исключительно разумъ, должна въ послѣдней инстанціи облагородить и осчастливить человѣчество.—Мнѣ, конечно, не зачѣмъ называть по именамъ восторженныхъ поборниковъ этого воззрѣнія. Ихъ порыванье въ высь, во всякомъ случаѣ, утѣшительнѣе смиреннаго пресмыкательства по землѣ; если намъ суждено нѣкогда одержать надъ ними побѣду, то это совершится съ помощью драгоцѣннѣйшаго почетнаго меча, тогда какъ справиться съ пресмыкающимся рабомъ намъ поможетъ просто родственная ему плеть.

Оба эти воззрѣнія не вполнѣ согласуются съ нашимъ жи-

вѣйшимъ пониманіемъ жизненной задачи: съ одной стороны, мы не желаемъ воодушевляться напрасно и придавать высшую цѣну безполезно преходимому; съ другой стороны, мы желаемъ, чтобы настоящее удержало свою цѣну, чтобы оно не считалось только средствомъ и чтобы будущее было его цѣлью. И въ самомъ дѣлѣ, мы признаемъ наше земное назначеніе достаточно важнымъ для того, чтобы не смотрѣть на себя только какъ на средство къ цѣли; намъ вообще кажется, что средство и цѣль только условныя понятія, втиснутыя въ природу и въ исторію самимъ человѣкомъ, но которыя Творцу были рѣшительно неизвѣстны, такъ какъ все созданное служитъ само себѣ цѣлью и все совершающееся само себя обуславливаетъ, и все, какъ самъ міръ, ради самого себя существуетъ и совершается.—Жизнь не есть ни цѣль, ни средство; жизнь есть право. Жизнь хочетъ примѣнять къ дѣлу это право въ борьбѣ съ уничтожающею смертью, съ прошедшимъ—и это примѣненіе есть революція. Элегическій индиферентизмъ историковъ и поэтовъ не долженъ ослаблять нашу энергію при этой работѣ, а грёзы тѣхъ, которые видятъ блаженство человѣчества въ будущемъ, не должны побуждать насъ ставить на карту интересы настоящаго и человѣческое право, право жить, за которое намъ слѣдуетъ сражаться прежде всего. «Le pain est le droit du peuple», сказалъ Сенъ-Жюстъ, и это—величайшія слова, какія только были произнесены за все время революціи.

ПИСЬМА О ГЕРМАНІИ.

(1843 г.).

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

. . . . . .

. . . . . .

Недавно, въ «Revue des deux Mondes», вы, м. г., по поводу одной рецензіи, направленной противъ вашей землячки-франкфуртки, Беттины Арнимъ, заговорили объ авторѣ «Коринны» съ воодушевленіемъ, которое, конечно, было совершенно искренно, потому что вамъ хотѣлось показать, въ какой сильной степени она превосходитъ нынѣшнихъ писательницъ, именно les Mères d'Eglise и Mères des compagnons. Я не раздѣляю вашихъ взглядовъ въ этомъ отношеніи, но и не стану здѣсь опровергать ихъ, вообще относясь къ нимъ съ полнымъ уваженіемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они не могутъ способствовать распространенію во Франціи неправильныхъ воззрѣній на Германію, ея дѣла и ея представителей. Только съ этою послѣднею цѣлью я, уже двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, выступилъ противъ книги г-жи Сталъ «De l'Allemagne», съ собственнымъ сочиненіемъ подъ тѣмъ же заглавіемъ. Къ этому сочиненію присоединяю я теперь рядъ писемъ, изъ которыхъ первое посвящаю вамъ . . . . . .

. . . . . .

Да, женщина—опасное созданіе. На этотъ счетъ у меня найдется не одна пѣсенка. Другіе тоже богаты горькими опытами въ этомъ отношеніи, и еще вчера одинъ пріятель разсказалъ мнѣ страшную исторію. Онъ встрѣтилъ въ церкви св. Мери одного молодого нѣмецкаго живописца, и

тотъ таинственно сказалъ ему: «Вы въ одной нѣмецкой статьѣ задѣли графиню ***. Она узнала объ этомъ, и если это повторится еще хоть разъ, вы погибшій человѣкъ. Elle a quatre hommes qui ne demandent pas mieux que d'obéir à ses ordres». Не ужасно ли это? Не похоже ли это на ужасы романовъ Анны Радклифъ? Не есть ли эта женщина своего рода Tour de Nesle? Ей стоитъ только махнуть рукой—и четыре бандита кидаются на васъ и уродуютъ васъ, если не физически, то во всякомъ случаѣ нравственно. Но какимъ путемъ пріобрѣтаетъ эта барыня такую мрачную силу? Что она—настолько хороша, настолько богата, настолько знатна, настолько добродѣтельна, настолько талантлива, чтобы имѣть такое неограниченное вліяніе на своихъ сеидовъ и чтобы они такъ слѣпо повиновались ей? Нѣтъ, этими дарами природы и счастія обладаетъ она не въ особенно большой степени. Я не хочу сказать, что она безобразна; безобразной женщины нѣтъ на свѣтѣ. Но я могу положительно утверждать, что будь прекрасная Елена похожа на эту даму, троянская война никогда бы не возгорѣлась, крѣпость Пріама не подверглась бы сожженію, и Гомеру не пришлось бы воспѣвать гнѣвъ Ахилла, Пелеева сына. Знатностью она тоже не отличается, и яйцо, изъ котораго она выползла, не высижено ни богомъ, ни царскою дочерью; и въ этомъ отношеніи ей нельзя сравнивать себя съ Еленою, такъ какъ она родомъ изъ почтеннаго купеческаго семейства во Франкфуртѣ. Богатства ея тоже не такъ велики, какъ тѣ, которыя увезла съ собою царица спартанская, когда ее похитилъ оттуда Парисъ, такъ хорошо игравшій на цитрѣ (фортепіано въ то время еще не было изобрѣтено); напротивъ того, поставщики нашей барыни жалуются, что она до сихъ поръ не заплатила за свою послѣднюю вставную челюсть. Только въ отношеніи добродѣтели она можетъ быть поставлена на ряду съ знаменитою мадамъ Менелай.

Да, женщины опасны; но я долженъ замѣтить, что красивыя далеко не такъ опасны, какъ безобразныя. Ибо первыя привыкли, чтобы за ними ухаживали, вторыя же ухаживаютъ за каждымъ мужчиной и этимъ пріобрѣтаютъ себѣ многочисленную и сильную свиту. Главнымъ образомъ это встрѣчается въ литературѣ. Я долженъ вмѣстѣ съ тѣмъ упомянуть, что французскія писательницы, въ настоящее время выдающіяся болѣе всѣхъ другихъ, всѣ очень красивы. Таковы Жоржъ Зандъ, авторъ книги «Essai sur le développe-

ment du dogme catholique», Дельфина Жирарденъ, мадамъ Мерленъ, Луиза Колле—все дамы, которыя блистательно опровергаютъ всяческія остроты насчетъ отсутствія граціи у синихъ чулковъ, и которымъ мы, когда читаемъ на ночь въ постели ихъ произведенія, охотно желали бы лично засвидѣтельствовать наше уваженіе. Какъ хороша Жоржъ Зандъ и какъ мало опасна она, даже для тѣхъ злыхъ кошекъ, которыя одною лапою гладятъ ее, а другою царапаютъ, даже для тѣхъ собакъ, которыя наиболѣе неистово лаютъ на нее! Кротко и съ высоты, какъ луна, смотритъ она на нихъ! Безнаказанно оскорблять можно и принцессу Бельджіойзо, эту красавицу, жаждущую истины: въ Мадонну Рафаэля бросайте грязью, сколько хотите, она обороняться не станетъ. Мадамъ Мерленъ, которая всегда хорошо отзывается не только о своихъ врагахъ, но и о друзьяхъ, можно бранить тоже безъ опасности; для нея, привыкшей только къ поклоненіямъ, грубая рѣчь почти чужда, и, слушая такія слова, она съ изумленіемъ глядитъ на говорящаго. Попробуйте оскорбить красивицу-музу Дельфину—она тотчасъ же схватитъ свою лиру, и ея гнѣвъ изольется въ блестящемъ потокѣ александринскихъ стиховъ. Скажите что-нибудь обидное о Луизѣ Колле—она схватитъ кухонный ножъ и кинется вонзить его въ васъ. Это тоже неопасно. Но не оскорбляй графиню ***! Ты—жертва смерти! Четыре замаскированныхъ человѣка—четыре souteneurs littéraires—кинутся на тебя. Это Tour de Nesle,—ты заколотъ, удавленъ, утопленъ, и на слѣдующее утро твой трупъ находятъ въ entrefilets газеты.

Возвращаюсь къ м-мъ Сталь, которая была некрасива и сдѣлала много дурного великому императору Наполеону. Она не ограничивалась тѣмъ, что писала противъ него книги—она сражалась съ нимъ и не литературнымъ оружіемъ, такъ какъ была нѣкоторое время душою дипломатическихъ интригъ, предшествовавшихъ коалиціи противъ Наполеона; и она тоже сумѣла напустить на своего врага нѣсколькихъ спадассеновъ, которые, правда, были не лакеи, подобно рыцарямъ вышеупомянутой дамы, а короли. Наполеонъ погибъ, и г-жа Сталь побѣдоносно вошла въ Парижъ со своею книгою «De l'Allemagne» и нѣсколькими сотнями тысячъ нѣмцевъ, которыхъ она захватила съ собою, какъ бы въ видѣ живой иллюстраціи къ своему сочиненію. . . . . Съ того времени французы сдѣлались христіанами, и романтиками,

и бургграфами. Въ сущности это меня нисколько не касается, и народъ имѣетъ, конечно, право быть скучнымъ и приторнымъ, сколько ему угодно, тѣмъ болѣе, что это тотъ народъ, который до сихъ поръ былъ самымъ умнымъ и самымъ геройскимъ, какой когда-либо сражался на нашей землѣ. Но я все-таки отчасти заинтересованъ въ этомъ превращеніи, потому что одновременно съ отреченіемъ отъ сатаны и его прелестей, французы уступили также рейнскія провинціи, и при этомъ случаѣ я сдѣлался пруссакомъ. Да, какъ ни ужасно звучитъ это слово, я пруссакъ, пруссакъ по праву завоеванія. Только съ большими усиліями, когда уже стало совсѣмъ не въ моготу, удалось мнѣ сбросить съ себя это иго, и съ тѣхъ поръ я живу, какъ prussien libéré, здѣсь въ Парижѣ, гдѣ немедленно по прибытіи моемъ однимъ изъ важнѣйшихъ моихъ занятій сдѣлалось веденіе войны противъ господствующей книги мадамъ Сталь.

Я исполнилъ эту задачу въ рядѣ статей, которыя вслѣдъ за тѣмъ были изданы мною особой книгой подъ заглавіемъ «De l'Allemagne». Отъ меня далека мысль такимъ выборомъ заглавія вступить въ литературное соперничество съ сочиненіемъ знаменитой женщины. Я одинъ изъ усерднѣйшихъ почитателей ея умственныхъ способностей; она геній, но, къ сожалѣнію, у этого генія есть полъ, и притомъ женскій. Я считалъ долгомъ мужчины опровергать эти блистательныя сплетни, дѣйствовавшія тѣмъ опаснѣе, что въ этихъ подробностяхъ о Германіи заключалась масса вещей, которыя до тѣхъ поръ были неизвѣстны во Франціи и теперь очаровывали умы прелестью новизны. На отдѣльныхъ ошибкахъ и извращеніяхъ я не останавливался и ограничился главнымъ образомъ уясненіемъ для французовъ истиннаго значенія той романтической школы, которую такъ прославляла и превозносила мадамъ Сталь. Я показалъ, что эта школа была не что иное, какъ куча червячковъ, которыми святой рыбакъ въ Римѣ умѣетъ отлично пользоваться для ловли на удочку душъ. Съ тѣхъ поръ и у многихъ французовъ открылись глаза относительно этого предмета, и даже самыя христіанскія души убѣдились, что я былъ совершенно правъ, показывая имъ въ нѣмецкомъ зеркалѣ тѣ происки, которые ползали также и во Франціи и теперь смѣлѣе, чѣмъ когда либо, поднимаютъ свои остриженныя головы.

Сверхъ того, я хотѣлъ сообщить правильныя свѣдѣнія о нѣмецкой философіи, и кажется, это мнѣ удалось. Я откро-

венно выболталъ тѣ школьныя тайны, которыя были извѣстны только ученикамъ перваго класса, и здѣсь во Франціи эти разоблаченія вызвали немалое изумленіе. Я помню, какъ Пьеръ Леру, встрѣтившись со мною, откровенно сознался, что онъ до сихъ поръ всегда считалъ нѣмецкую философію чѣмъ-то въ родѣ мистическаго тумана, а нѣмецкихъ философовъ—какими-то набожными духовидцами, которые дышали исключительно богобоязнью. Само собою разумѣется, что я не могъ дать французамъ вполнѣ обстоятельное изложеніе нашихъ различныхъ философскихъ системъ (да я и слишкомъ люблю этотъ народъ для того, чтобы умышленно нагонять на него скуку)—но мною была выдана имъ конечная мысль, лежащая въ основаніи всѣхъ этихъ системъ, а эта мысль есть именно противоположность всего того, что̀ мы до сихъ поръ называли богобоязнью. Философія въ Германіи вела противъ христіанства ту самую войну, которая нѣкогда въ греческомъ мірѣ происходила между ею и древнею миѳологіею, и здѣсь побѣда осталась опять на ея сторонѣ. Въ теоріи нынѣшняя религія во Франціи точно такъ же разбита на голову; она убита въ идеѣ и живетъ только механическою жизнью, какъ муха, у которой отрѣзали голову и которая, повидимому, не замѣчаетъ этого и все продолжаетъ летать въ бодромъ настроеніи духа. Сколько еще тысячелѣтій носитъ у себя въ брюхѣ (выражаясь словами Кузена) огромная муха-католицизмъ, я не знаю, но о немъ уже давно нѣтъ и рѣчи. Дѣло идетъ гораздо больше о нашемъ бѣдномъ протестантизмѣ, который, для поддержки своего существованія, сдѣлалъ всевозможныя уступки—и все-таки долженъ умереть; нисколько не помогло ему то, что онъ очистилъ свое высшее существо отъ всякаго антропоморфизма, что онъ кровопусканіемъ вылилъ изъ него всю физическую кровь, что онъ, такъ сказать, превратилъ его посредствомъ фильтровки въ чистаго духа, состоящаго исключительно изъ любви, справедливости, мудрости и добродѣтели—не помогло ничто, и нѣмецкій Порфиріусъ, имя котораго Фейербахъ (это слово значитъ огненный источникъ), не мало посмѣялся надъ этими атрибутами сочиненнаго протестантами «чистаго духа», любовь котораго не заслуживаетъ особенно большой похвалы, потому что у него вѣдь нѣтъ человѣческой желчи; которому быть справедливымъ тоже не очень трудно, потому что у него нѣтъ желудка; который требуетъ питанія per fas et nefas; которому и мудрость нельзя вмѣнить въ большую заслугу, потому что ему

не мѣшаетъ думать никакой насморкъ; которому вообще трудно было бы быть недобродѣтельнымъ, ибо онъ безтѣлесенъ! Да, не только протестантскіе раціоналисты, но и даже деисты въ Германіи потерпѣли полное пораженіе, ибо именно противъ ихъ ученій направила философія всѣ свои пушечные выстрѣлы, какъ я показалъ въ моей книгѣ «De l'Allemagne».

На меня съ разныхъ сторонъ обрушились гнѣвные упреки, что я сорвалъ занавѣсъ съ нѣмецкаго неба и показалъ, что всѣ старыя божества исчезли оттуда, а осталась только одна старая дѣва съ свинцовыми руками и печальнымъ сердцемъ — необходимость... Ахъ, я вѣдь только открылъ раньше то, что̀ впослѣдствіи долженъ былъ узнать всякій, и слова, въ то время звучавшія такъ странно, теперь проповѣдуются по ту сторону Рейна съ каждой крыши. И въ какомъ фанатическомъ тонѣ произносятся иногда антирелигіозныя проповѣди! У насъ завелись теперь монахи атеизма, которые сожгли бы г. Вольтера живымъ за то, что онъ, на ихъ глаза, закоренѣлый деистъ. Я долженъ сознаться, что эта музыка мнѣ не нравится, но она и не пугаетъ меня, потому что я стоялъ позади маэстро въ то время, какъ онъ писалъ ее, конечно весьма неясными и таинственными знаками, для того, чтобы каждый не могъ понять ихъ; по временамъ онъ тревожно озирался кругомъ, боясь, не пойметъ ли кто-нибудь его. Меня онъ очень любилъ, такъ какъ былъ увѣренъ, что я не выдавалъ его; въ то время онъ казался мнѣ даже приверженцемъ сервилизма. Когда я однажды выразилъ свое неудовольствіе по поводу словъ: «все, что̀ есть, то разумно», онъ странно улыбнулся и замѣтилъ: «Можно бы также сказать: все, что̀ разумно, то должно быть». Проговоривъ это, онъ поспѣшно оглянулся вокругъ, но тутъ же успокоился, потому что только Генрихъ Беръ слышалъ его слова. Только впослѣдствіи сталъ я понимать подобныя выраженія. Точно также только впослѣдствіи понялъ я, почему онъ въ своей «Философіи Исторіи» утверждалъ, что христіанство есть шагъ впередъ уже потому, что оно учитъ о Богѣ, который умеръ, тогда какъ для языческихъ боговъ смерть была вещью совершенно незнакомою. . . . . .

Ниспроверженіе старыхъ религіозныхъ доктринъ повлекло за собою уничтоженіе съ корнемъ и морали прежняго времени. Но нѣмцы еще долго будутъ придерживаться ея. Они похожи въ этомъ случаѣ на тѣхъ дамъ, которыя до сорока лѣтъ оставались добродѣтельными, а послѣ этого рѣшали,

что не стоитъ уже предаваться прекрасному пороку, хотя ихъ нравственныя правила и пошатнулись. Уничтоженіе вѣры въ небо имѣетъ не только нравственную, но и политическую важность, массы уже не переносятъ съ христіанскимъ терпѣніемъ своихъ земныхъ страданій и лишеній и стремятся насладиться блаженствомъ на землѣ. Комунизмъ есть естественное послѣдствіе этого измѣнившагося міровоззрѣнья, и онъ въ настоящее время распространяется повсей Германіи. Точно такое же естественное явленіе, что пролетаріи, въ ихъ борьбѣ противъ существующаго порядка, имѣютъ своими вождями самыхъ прогрессивныхъ мыслителей, философовъ великой школы; эти послѣдніе переходятъ отъ доктрины къ дѣлу, конечной цѣли всякаго мышленія, и формулируютъ программу. Каковъ же текстъ ея? Онъ уже давно приснился мнѣ и высказанъ мною въ слѣдующихъ словахъ: «Мы не желаемъ быть ни санкюлотами, ни воздержными бюргерами, ни дешевыми президентами; мы основываемъ демократію равнопрекрасныхъ, равносвященныхъ, равноблагодатныхъ боговъ. Вы требуете простого платья, умѣренности въ образѣ жизни и лишенныхъ всякой пряной приправы удовольствій; мы, напротивъ того, требуемъ нектара и амврозіи, пурпурныхъ плащей, драгоцѣнныхъ ароматовъ, сладострастія и великолѣпія, пляски веселыхъ нимфъ, музыки и сценическихъ представленій». Эти слова находятся въ моей книгѣ «De l'Allemagne», гдѣ я положительно предсказалъ, что политическая революція нѣмцевъ будетъ имѣть своимъ ближайшимъ источникомъ ту философію, системы которой такъ часто обзываются простой схоластикой. Мнѣ легко было пророчествовать! Я вѣдь видѣлъ, какъ сѣялись драконовы зубы, откуда теперь вырастаютъ вооруженные люди, которые наполняютъ міръ стукомъ своего оружія, но, къ сожалѣнію, кончатъ тѣмъ, что передушатъ другъ друга!

Съ тѣхъ поръ, какъ появилась вышеуказанная книга, я не напечаталъ для публики ни одного слова о Германіи. Если сегодня я прерываю мое долгое молчаніе, то дѣлаю это не столько для удовлетворенія потребности моего собственнаго сердца, сколько для исполненія настоятельныхъ желаній моихъ друзей. Эти друзья иногда возмущаются гораздо больше меня блестящимъ невѣжествомъ французовъ въ томъ, что̀ касается умственной исторіи Германіи, невѣжествомъ, которое эксплоатируется нашими врагами съ большимъ успѣхомъ. Я говорю—нашими врагами, и пони-

маю подъ этимъ словомъ не тѣхъ жалкихъ тварей, которыя шляются по газетнымъ редакціямъ, предлагая по дешевой цѣнѣ грубыя, нелѣпыя клеветы, и тащатъ за собою, въ качествѣ зажигателей, такъ называемыхъ патріотовъ: эти люди не могутъ вредить, они слишкомъ глупы и со временемъ доведутъ еще до того, что французы наконецъ войдутъ въ сомнѣніе—дѣйствительно ли мы, нѣмцы, выдумали порохъ. Нѣтъ, наши дѣйствительно опасные враги — тѣ интимные слуги европейской аристократіи, которые крадутся за нами повсюду, подъ всяческими переодѣваніями, даже въ женскихъ платьяхъ, и въ темнотѣ подкапываются подъ наше доброе имя. Людямъ свободы, счастливо избѣгнувшимъ на родинѣ тюрьмы, тайной казни или тѣхъ маленькихъ арестовъ, которые дѣлаютъ путешествіе такимъ ненадежнымъ и неудобнымъ препровожденіемъ времени, суждено быть лишенными во Франціи всякаго покоя, и тѣ, которыхъ нельзя было подвергнуть тѣлесному наказанію, будутъ видѣть, какъ по крайней мѣрѣ ихъ имя ежедневно забрасывается грязью и распинается на крестѣ.

ВСТУПИТЕЛЬНЫЯ СТРОКИ

къ переводу

ОДНОГО ЛАПЛАНДСКАГО СТИХОТВОРЕНІЯ.

(1855 г.).

Лапландія составляетъ крайній предѣлъ русскихъ владѣній на сѣверѣ, и знатные или зажиточные лапландцы, страдающіе чахоткою, обыкновенно ѣздятъ въ Петербургъ, чтобы наслаждаться тамъ пріятностями южнаго климата. Но тутъ у многихъ изъ этихъ паціентовъ присоединяются къ физическимъ недугамъ и нравственныя болѣзни европейской цивилизаціи, съ которою они приходятъ въ столкновеніе. Они начинаютъ заниматься политикою и религіей. Чтеніе книги «Soirées de St.-Pétersbourg», которую они считаютъ полезнымъ учебникомъ, путеводителемъ по этой столицѣ, поучаетъ ихъ, что основной камень гражданскаго общества—палачъ; но реакція не заставляетъ себя ждать, и отъ буррократіи и де-Местра они перепрыгиваютъ къ самому рѣзкому коммунизму, объявляютъ всѣхъ оленей и тюленей государственною собственностью, читаютъ Гегеля и становятся атеистами. Постоянно усиливающаяся сухотка спинного мозга заставляетъ ихъ, однако, снова сдѣлать поворотъ назадъ, и они ударяются въ плаксивый піетизмъ, превращаются въ мукеровъ, а иногда и въ приверженцевъ секты «матери Сіона». Французскому читателю эти обѣ секты, можетъ-быть, мало извѣстны; тѣмъ болѣе знаетъ ихъ Германія—настоящая родина ихъ. Мукеры господствуютъ, главнымъ образомъ, въ восточныхъ провинціяхъ прусской монархіи, гдѣ къ числу ихъ принадлежатъ высшіе сановники. Они держатся ученія, что проводить жизнь безъ грѣха недостаточно, но что должно также бороться съ грѣхомъ и

противостоять ему; побѣдитель, будь онъ даже весь покрытъ грѣховными ранами, для Бога пріятнѣе, чѣмъ нераненый, никогда не бывшій въ сраженіи рекрутъ добродѣтели. На основаніи этого правила, они въ сходкахъ, а также при свиданіяхъ tête-à-tête двухъ персонъ обоихъ половъ, стараются сладострастными прикосновеніями взаимно возбуждать другъ друга къ грѣху, но въ то же время даютъ отпоръ всѣмъ грѣховнымъ вожделѣніямъ. Если это послѣднее не удается,—ну, тогда въ другой разъ повторяются тѣ же возбужденія, повторяется весь маневръ.

Секта «матери Сіона» сосредотачивалась преимущественно въ одной изъ западныхъ прусскихъ провинцій, именно—въ вупперской долинѣ великаго герцогства Бергъ, и основной принципъ ихъ ученія имѣетъ нѣкоторую гегелевскую окраску. Онъ основанъ на идеѣ, что Богъ есть не отдѣльный человѣкъ, а все человѣчество, что поэтому Сынъ Божій, ожидаемый Спаситель нашего времени, такъ-называемый Сіонъ, можетъ быть произведенъ на свѣтъ не однимъ какимъ-нибудь человѣкомъ, а всѣмъ человѣчествомъ, и что поэтому его будущая родительница, мать Сіона, должна быть оплодотворена не однимъ отдѣльнымъ человѣкомъ, а совокупностью всѣхъ людей, всѣмъ человѣчествомъ. Эту идею старалась осуществить на дѣлѣ, какъ можно ближе, секта «мать Сіона»: она замѣнила все человѣчество, т. е. всѣхъ людей, большимъ ихъ количествомъ, и тутъ возникла мистическая поліандрія, которой прусское правительство положило конецъ посредствомъ жандармовъ. Мать Сіона въ вупперской долинѣ была сорокалѣтняя, блѣдная и болѣзненная женщина. Она исчезла съ поприща своей дѣятельности, и миссія, вѣроятно, перешла на другую женщину. Какъ знать, мать Сіона, можетъ-быть, живетъ между нами въ Парижѣ, и мы, не знающіе лежащей на ней высокой задачи, поносимъ ее и ея ревностное служеніе благу человѣчества.

Къ болѣзнямъ, которымъ подвергаются лапландцы, пріѣзжающіе въ Петербургъ, чтобы наслаждаться мягкимъ южнымъ климатомъ, принадлежитъ и поэзія. Этому обстоятельству обязаны мы нижеприводимымъ стихотвореніемъ, авторъ котораго—молодой лапландецъ, эмигрировавшій въ Петербургъ вслѣдствіе сухотки спинного мозга и довольно давно умершій тамъ. Онъ былъ человѣкъ очень талантливый, находился въ дружбѣ съ передовыми умами столицы и много занимался нѣмецкою философіею, которая привела его къ самой безднѣ атеизма. Но особенною благодатью

неба онъ во-время спасся отъ этой душевной гибели: еще при жизни онъ вернулся къ познанію Бога, что въ высшей степени скандализировало его единовѣрцевъ; весь высшій клиръ атеизма разразился анаѳемами на этого ренегата безбожія. Между тѣмъ, тѣлесные недуги усилились, финансы ослабѣли, и тѣ немногіе олени, которые составляли все его имущество, были, наконецъ, съѣдены до послѣдняго. Въ госпиталѣ, послѣднемъ пріютѣ поэтовъ, онъ сказалъ одному изъ двухъ друзей, оставшихся ему вѣрными: «Прощай! Я оставляю эту землю, гдѣ верховнаго господства достигаютъ деньги и интрига... Одно только очень огорчало меня: я видѣлъ, что деньгами и интригой можно добиться также славы генія, добиться ея не только въ маленькомъ кружкѣ умственно несовершеннолѣтнихъ, но и у даровитѣйшихъ людей, у всѣхъ современниковъ и на всемъ пространствѣ земного шара до самаго крайняго уголка его». Въ эту минуту подъ окошкомъ шарманка заиграла знаменитую арію Мейербера «L'or n'est qu'une chimère». Больной улыбнулся, закрылъ голову одѣяломъ и умеръ.

ЛЕВЕ-ВЕЙМАРСЪ.

Когда я пользовался для различныхъ статей талантомъ покойнаго Леве-Веймарса, какъ переводчика, мнѣ не разъ приходилось удивляться, какъ онъ за все время нашего сотрудничества, никогда не далъ мнѣ почувствовать мое незнаніе особенностей французскаго языка, или свое собственное лингвистическое превосходство. Каждый разъ, какъ мы, послѣ нѣсколькихъ часовъ совмѣстной работы, наконецъ, улаживали переводъ, онъ хвалилъ мое близкое знакомство съ духомъ французскаго языка такъ серьезно, съ такимъ, повидимому, изумленіемъ, что я, наконецъ, поневолѣ вѣрилъ, что дѣйствительно перевелъ все самъ, тѣмъ болѣе, что тонкій льстецъ очень часто увѣрялъ, что онъ знаетъ по-нѣмецки весьма слабо.

Дѣйствительно, у этого Леве-Веймарса, который зналъ нѣмецкій языкъ не хуже меня, была странность утверждать, что нѣмецкій языкъ ему совсѣмъ незнакомъ. Въ только-что появившихся «Mémoires d'un bourgeois de Paris» помѣщенъ очень забавный анекдотъ на этотъ счетъ.

Съ большимъ прискорбіемъ узналъ я, что въ некрологахъ, посвященныхъ памяти недавно умершаго Леве-Веймарса, о покойномъ отозвались весьма неблагосклонно и что даже старый товарищъ, въ продолженіе долгаго времени являвшійся каждый понедѣльникъ его блестящимъ соперникомъ, высыпалъ на его могилу больше бурьяну, чѣмъ цвѣтовъ. И въ чемъ онъ упрекалъ Леве-Веймарса? Онъ разсказывалъ о страшномъ шумѣ, который произвела на мостовой идиллически спокойной rue des Prêtres карета барона Леве-Веймарса, когда этотъ послѣдній, послѣ своего возвращенія изъ Багдада, сдѣлалъ визитъ редакціи «Journal des Débats». Эта карета была украшена гербами, везли ее

лошади gris-pommelé въ дорогой упряжи, и на долговязомъ егерѣ, соскочившемъ съ запятокъ и позвонившемъ въ колокольчикъ редакціи съ нахальною силою, была надѣта свѣтлозеленая ливрея съ золотыми галунами, черезъ плечо у него висѣла сумка, на головѣ красовалась офицерская шляпа тоже съ зелеными пѣтушьими перьями, дерзко и смѣло развѣвавшимися по воздуху.

Да, это правда, егерь былъ великолѣпенъ. Онъ звался Готлибъ, пилъ много пива, необыкновенно сильно вонялъ табакомъ, старался имѣть какъ можно болѣе глупый видъ и увѣрялъ, что не знаетъ по-французски, въ противоположность своему барину, который, какъ выше упомянуто, всегда притворялся непонимающимъ ни одного слова по-нѣмецки. Замѣчу мимоходомъ, что, несмотря на ужасное коверканье французскаго языка господиномъ Готлибомъ и его пошлѣйшія манеры, я всегда подозрѣвалъ, что этотъ человѣкъ, настоятельно выдававшій себя за нѣмца, никогда не ѣлъ швабскихъ клецокъ на мѣстѣ ихъ изготовленія и былъ родомъ изъ Мо, въ департаментѣ Сены и Уазы.

Я, рѣдко говорящій льстивыя любезности живымъ, не чувствую также никакого призванія льстить мертвымъ, которымъ мы воздаемъ истинно должное только тогда, когда говоримъ о нихъ правду. И увѣряю васъ, бѣдному Леве нечего бояться правды. Къ этому присоединяется то, что его хорошія дѣла всегда подтверждаются достовѣрными свидѣтельствами, между тѣмъ, какъ всѣ неблагонамѣренные слухи, ходившіе на его счетъ, всегда оставались недоказанными, да они и находились въ противорѣчіи съ его натурою. Самое дурное, въ чемъ его упрекали, было только тщеславное желаніе выдавать себя за барона, — но кому вредилъ онъ этимъ? Во всей этой дворянской кичливости я не вижу особенно большого преступленія, и для меня непонятно, какимъ образомъ это обстоятельство могло вызвать такой злобный припадокъ пуританскаго зелотизма въ старомъ товарищѣ покойнаго, который вообще всегда былъ такъ мило человѣчески интеллигентенъ. Блистательный біографъ Дебюро и «Мертваго Осла», повидимому, забылъ, что и у него была собственная карета, что и онъ держалъ на конюшнѣ пару лошадей, что и на его шеѣ сидѣлъ кучеръ въ ливреѣ, пожиравшій очень много овса, что и онъ платилъ жалованье полдюжинѣ лакеевъ, ливрейныхъ дармоѣдовъ, чѣмъ, конечно, не избавлялся отъ необходимости, каждый разъ, какъ у него звонили, бѣжать самому въ сѣни

и отворять двери. При этомъ на головѣ у него была бѣлая, какъ лилія, ночная шапочка—вязаное гнѣздо, въ которомъ весело щебетали своенравныя вспышки великаго французскаго юмориста.

Дѣйствительно, этому послѣднему слѣдовало бы предоставить болѣе посредственнымъ умамъ заниматься посмертными нападеніями на Леве-Веймарса. Многіе изъ этихъ господъ, обвинявшіе покойнаго въ главномъ преступленіи его, баронизированіи, можетъ-быть, точно такъ же напялили бы на себя какой-нибудь средневѣковый титулъ, хвати у нихъ только на это мужества тщеславія. А Леве-Веймарсъ обладалъ этимъ мужествомъ, и хотя надъ нимъ втихомолку смѣялись, но смѣяться гласно не позволялъ себѣ никто, и Гозье нашего времени не рѣшались особенно сильно пачкать его родословное дерево, потому что у него были всегда наготовѣ стальныя грамоты, вышедшія изъ архива Лепажа.

Да, во всякомъ случаѣ, отрицать въ нашемъ Леве рыцарскую храбрость нельзя, и если онъ дѣйствительно не былъ баронъ,—о чемъ я никогда не наводилъ справокъ,—то, по моему убѣжденію, заслуживалъ быть барономъ. Онъ обладалъ всѣми хорошими качествами большого барина. Напримѣръ, въ высокой степени была развита въ немъ щедрость. Онъ примѣнялъ ее къ дѣлу даже съ излишествомъ, и въ этомъ отношеніи иногда напоминалъ мнѣ арабскихъ рыцарей пустыни, которые, можетъ-быть, находились въ числѣ его предковъ и у которыхъ щедрость считалась высочайшею добродѣтелью. Дѣйствительно ли она добродѣтель? Я никогда не забуду, какое наслажденіе доставляла мнѣ въ арабскихъ сказкахъ, переведенныхъ для насъ Галландомъ, исторія о молодомъ человѣкѣ, который, благодаря своей чрезмѣрной щедрости, расточилъ огромныя богатства, завѣщанныя ему отцомъ, такъ что, наконецъ, изъ всѣхъ его сокровищъ у него осталась только рабыня необыкновенной красоты. Въ эту рабыню онъ былъ смертельно влюбленъ; но, когда незнакомый ему бедуинъ, увидѣвъ ее, началъ восторженно восхвалять ея прелести, врожденное великодушіе овладѣло молодымъ человѣкомъ, и онъ вѣжливо сказалъ бедуину: «Если эта дама такъ необычайно нравится тебѣ, возьми ее себѣ въ подарокъ». Несмотря на свою страстную привязанность къ рабынѣ и ея слезы, онъ приказалъ ей слѣдовать за незнакомцемъ, но этимъ послѣднимъ оказался халифъ Гарунъ-аль-Рашидъ, который, переодѣваясь бедуиномъ, ходилъ ночью по Багдаду для того, чтобы собственными глазами узнавать

людей. Великодушіе щедраго молодого человѣка такъ восхитило халифа, что онъ не только возвратилъ ему возлюбленную, но и сдѣлалъ его своимъ великимъ визиремъ и обладателемъ новыхъ богатствъ и великолѣпнѣйшаго во всемъ Багдадѣ дворца.

Багдадъ, мѣсто дѣйствія большинства сказокъ Шехеразады, столица «Тысячи и одной Ночи», этотъ городъ, одно названіе котораго производитъ фантастически чарующее впечатлѣніе, долго служилъ мѣстопребываніемъ нашего Леве-Веймарса, который жилъ тамъ съ 1838 по 1848 г., въ качествѣ французскаго консула. Ни одинъ представитель Франціи въ этой странѣ не превосходилъ его умомъ и умѣньемъ держать себя, и именно у восточнаго народа его естественная наклонность къ роскоши была какъ нельзя болѣе на мѣстѣ, и онъ обаятельно дѣйствовалъ на нихъ своею расточительностью и роскошью. Въ тѣ часы, когда его проносили по улицамъ Багдада въ носилкахъ, или закрытомъ, богато украшенномъ паланкинѣ, этотъ экипажъ былъ окруженъ прислугою барона въ самыхъ причудливыхъ костюмахъ, нѣсколькими дюжинами рабовъ изо всѣхъ странъ и всѣхъ цвѣтовъ, людьми въ самомъ странномъ вооруженіи, барабанщиками, цимбалистами и трубачами, которые, сидя на верблюдахъ или мулахъ подъ роскошнѣйшими чапраками, производили страшный шумъ, а впереди всей процессіи шелъ высокій парень въ кафтанѣ изъ золотой парчи, въ индѣйской чалмѣ, украшенной жемчужными шнурами, драгоцѣнными каменьями и перьями марабу, въ рукѣ онъ держалъ длинную золотую палку, которою разгонялъ толпу, и при этомъ кричалъ по-арабски: «Мѣсто всемогущему, мудрому и великолѣпному намѣстнику великаго султана Людовика Филиппа!» Но этотъ предводитель процессіи былъ не кто иной, какъ нашъ monsieur Готлибъ, который на этотъ разъ изображалъ уже не нѣмца, а египтянина или эѳіоплянина, на этотъ разъ притворялся уже незнающимъ ни одного европейскаго языка, и, безъ сомнѣнія, производилъ на улицахъ Багдада еще болѣе трескучаго эффекта, чѣмъ на мирной rue des Prêtres въ Парижѣ, при томъ визитѣ въ редакцію, изъ-за котораго старый товарищъ отозвался въ своемъ понедѣльничномъ фельетонѣ такъ сердито и рѣзко.

Дѣйствительно, своею фигурой Леве-Веймарсъ производилъ на восточныхъ жителей не столь сильное впечатлѣніе, такъ какъ имъ пріятнѣе видѣть важнаго сановника тол-

стымъ и даже тучнымъ. Но этими преимуществами не обладалъ французскій консулъ, человѣкъ очень худощавый и совсѣмъ не высокій, хотя его внѣшность совсѣмъ не противорѣчила понятію о большомъ баринѣ. Да, если онъ, и не будучи на самомъ дѣлѣ барономъ, заслуживалъ быть имъ по своему характеру, то точно также внѣшность его носила на себѣ полный отпечатокъ аристократизма. И въ этой внѣшности было нѣчто знатное: тонкая, гладкая, какъ угорь, красивенькая фигура, аристократически бѣлыя руки, прозрачные ногти которыхъ были особенно тщательно выхолены, нѣжное, почти женское личико съ проницательными голубыми глазами и щеками, розовый цвѣтъ которыхъ былъ произведеніемъ больше искусства, чѣмъ натуры, и бѣлокурые волосы, весьма скудно прикрывавшіе лысину, но очень старательно поддерживавшіеся всевозможными маслами, гребенками и щетками. Съ блаженнымъ самодовольствомъ показывалъ иногда Леве своимъ друзьямъ шкатулку, въ которой хранились эти косметическія средства, безчисленное множество гребней и щетокъ всѣхъ размѣровъ и принадлежавшія сюда же губки и губочки. То была радость ребенка, осматривающаго свои игрушки—но развѣ это могло служить достаточнымъ поводомъ къ такимъ злобнымъ нападкамъ на него? Онъ не выдавалъ себя за Катона, и наши Катоны не имѣли никакого права требовать отъ него тѣхъ добродѣтелей, которыми они такъ республикански драпируются въ своихъ журналахъ. Леве-Веймарсъ не былъ аристократъ, его образъ мыслей отличался скорѣе демократизмомъ, но чувствовалъ онъ, какъ я уже сказалъ, по-жантильомски . . . . . .
. . . . . .

МЫСЛИ И ЗАМѢТКИ.

I. Личное.

Надъ моею колыбелью играли послѣдніе вечерніе лучи восемнадцатаго и первая утренняя заря девятнадцатаго столѣтія.

—

Матушка разсказывала, что во время своей беременности мною она однажды увидѣла въ чужомъ саду на деревѣ яблоко, но не хотѣла сорвать его, чтобы ея дитя не сдѣлалось воромъ. Всю жизнь я ощущалъ въ себѣ тайное поползновеніе къ красивымъ яблокамъ, но оно соединялось съ уваженіемъ къ чужой собственности и отвращеніемъ къ воровству.

—

Настроеніе мое—самое мирное. Предметъ моихъ желаній составляютъ: скромная хижина, соломенная кровля; но при этомъ хорошая постель, вкусный столъ, молоко и масло самаго свѣжаго качества, передъ окнами цвѣты, передъ дверью нѣсколько прекрасныхъ деревьевъ; а если Господь хочетъ сдѣлать меня совершенно счастливымъ, то Онъ дастъ дожить до удовольствія увидѣть повѣшенными на этихъ деревьяхъ человѣкъ шесть-семь моихъ враговъ. Съ умиленіемъ прощу я имъ передъ ихъ смертью все зло, которое они причинили мнѣ въ жизни... Да, врагамъ должно прощать, но не прежде, чѣмъ ихъ повѣсятъ.

—

Я не мстителенъ, я очень бы хотѣлъ любить моихъ враговъ; но я не могу ихъ полюбить прежде, чѣмъ отомщу имъ; тогда только открывается для нихъ мое сердце. Пока не отомстишь за себя, въ душѣ все продолжаетъ сохраняться горечь.

—

Что я сдѣлался христіаниномъ, это вина тѣхъ саксонцевъ, которые въ лейпцигскомъ сраженіи внезапно перемѣнили фронтъ,—или Наполеона, которому вѣдь не было нужды идти въ Россію,—или его учителя, который въ Бріеннѣ преподавалъ ему географію и не сказалъ, что въ Москвѣ зимою очень холодно.

—

Если бы Монталамберъ сдѣлался министромъ и захотѣлъ меня выгнать изъ Парижа, я перешелъ бы въ католичество. Paris vaut bien une messe!

—

Я не захотѣлъ натурализироваться во Франціи, изъ боязни, что послѣ этого, пожалуй, стану меньше любить ее, точно такъ же, какъ человѣкъ охлаждается къ своей возлюбленной, коль скоро она становится въ меріи его законной супругой. Я буду продолжать жить съ Франціею внѣ брака.

—

Мой духъ чувствуетъ себя во Франціи изгнанникомъ, сосланнымъ въ чужой языкъ.

—

Богъ проститъ мнѣ глупости, которыя я дѣлалъ относительно Него, какъ я прощаю моимъ врагамъ тѣ глупости, которыя они писали на мой счетъ, хотя они въ умственномъ отношеніи настолько ниже меня, насколько я ниже Тебя, о, Господи!

II. Религія и философія.

Земля—большой утесъ, на которомъ приковано и терзается коршуномъ сомнѣнья человѣчество, которое и есть истинный Прометей. Оно похитило свѣтъ и теперь переноситъ за это мучительныя пытки.

—

Искусство и философія, образъ и понятіе, были впервые разъединены греками. Слитіе того и другого въ религіи предшествовало имъ обоимъ.

—

Представленіе о Богѣ, какъ исключительно духѣ, столько же неправильно, сколько грубый антропоморфизмъ; ибо духовные атрибуты ничего не значатъ безъ тѣлесныхъ.

—

Богъ лучшихъ спиритуалистовъ есть родъ воздушнаго

пространства въ царствѣ мысли, озареннаго лучами любви, которая въ свою очередь есть отблескъ чувственности.

—

Ангелъ, рисующій карикатуры, есть образъ пантеиста, носящаго своего Бога въ груди.

—

Необходимость деизма . . . . . .
. . . . . .

—

Мысль есть невидимая натура, натура есть видимая мысль.

—

Въ древности не существовала вѣра въ привидѣнія. Трупъ подвергался сожженію, человѣкъ улеталъ, какъ дымъ, въ вышину, онъ исчезалъ въ чистѣйшей, безтѣлеснѣйшей стихіи—въ огнѣ. У насъ мертвое тѣло возвращаютъ землѣ (въ насмѣшку или изъ презрѣнья?), оно—точно зерно, и снова выходитъ оттуда въ видѣ привидѣнія (физическое тѣло сѣется, духовное вырастаетъ)—и отъ него продолжаетъ дышать тлѣніемъ.

. . . . . .

—

Ни у одного народа вѣра въ безсмертіе не была такъ глубока, какъ у кельтовъ: тамъ можно было брать взаймы деньги съ тѣмъ, чтобы отдавать ихъ на томъ свѣтѣ. Набожнымъ ростовщикамъ-христіанамъ слѣдовало бы брать съ нихъ примѣръ!

—

Язычество давало и сулило земныя блага, и вслѣдствіе этого счастливые, которые въ исполненіи своихъ желаній и успѣхѣ своихъ предпріятій видѣли доказательство расположенія къ нимъ милостивыхъ боговъ, были обыкновенно болѣе набожными почитателями ихъ, чѣмъ несчастные. Ср. Аристотеля Rhetoric., Lib. II, cap. 17, p. 240. Tom. IV, ed. Bipont.

—

Полное отчаянія состояніе человѣчества въ эпоху римскихъ цезарей содѣйствовало распространенію христіанства. Самоубійства гордыхъ римлянъ, которые разомъ отрекались отъ жизни, были очень часты въ ту пору. У кого не хватало мужества разомъ покончить съ собою, тотъ прибѣгалъ къ медленному самоубійству религіи отреченія (. . . . .).

Рабы и несчастный народъ были первыми христіанами; благодаря своему количеству и новому религіозному рвенію, они сдѣлались силой, которую Константинъ понялъ, и римскій духъ всемірнаго господства скоро овладѣлъ ею и дисциплинировалъ ее посредствомъ догмата и культа.

—

При борьбѣ между христіанами и языческими философами, противники часто обмѣнивались въ боевой схваткѣ оружіемъ; здѣсь мы видимъ христіанскій шлемъ на головѣ грека, тамъ — греческій мечъ въ рукѣ христіанина. Возникаютъ ереси, герои вѣры впадаютъ въ заблужденіе и сомнѣніе.

—

Защитники христіанства тѣмъ скорѣе должны были въ своей борьбѣ съ язычествомъ дерзнуть выйти на боевое поле философовъ, что философы въ то время (отъ Марка Аврелія до Юліана) сидѣли на престолѣ; посредствомъ полемики вырабатывается догматъ.

—

Различіе между язычествомъ (индійцевъ, персовъ) и еврейскою религіею: и тутъ, и тамъ идея о безконечномъ, вѣчномъ, первобытномъ существѣ; но у язычниковъ оно въ мірѣ, съ которымъ оно тождественно и вмѣстѣ съ которымъ оно развивается изъ закона необходимости; Богъ же евреевъ— внѣ міра, и сотвореніе этого міра есть дѣйствіе Его свободной воли.

—

Еврейство — аристократія: одинъ Богъ создалъ міръ и управляетъ имъ; всѣ люди Его дѣти, но евреи — Его любимцы, и ихъ страна—Его избранное владѣніе. Онъ—монархъ, евреи — дворянство, а Палестина—экзархатъ Бога.

Христіанство — демократія: одинъ Богъ все создалъ и всѣмъ управляетъ, но любитъ Онъ всѣхъ людей одинаково и одинаково хранитъ всѣ страны. Это уже не національный Богъ, а всемірный.

—

Меня утѣшаетъ мысль: тѣ, которые въ этой жизни наслаждались изобиліемъ счастья, въ будущей будутъ страдать отъ этого разстройствомъ желудка; тѣ, которымъ приходилось ѣсть слишкомъ мало, будутъ потомъ угощаемы наилучшими блюдами, пятна на тѣлѣ отъ земныхъ побоевъ будутъ стираться нѣжными руками небесныхъ духовъ.

—

Въ христіанствѣ человѣкъ доходитъ до духовнаго самосознанія путемъ скорби. Болѣзнь одухотворяетъ—даже животныхъ.

—

Католичество сумѣло омрачить голубой воздухъ Прованса и наполнило его своимъ печальнымъ колокольнымъ звономъ.

—

При созерцаніи одного собора. Шестьсотъ лѣтъ длилась постройка, и ты въ одну минуту насладился спокойствіемъ послѣ шестисотлѣтней работы. Подобно морскимъ волнамъ, проходили мимо тебя поколѣнія, и еще ни одинъ камень не сдвинулся съ мѣста. Этотъ мавзолей католичества, который оно построило себѣ еще при жизни, есть каменная оболочка угасшаго чувства (иронически ходятъ вверху часы). Внутри этого каменнаго дома цвѣло нѣкогда живое слово; внутри теперь оно мертво и живетъ только въ наружной каменной корѣ. (Дупло дерева).

—

Въ соборѣ. Грустные звуки органа—послѣдніе предсмертные вздохи католичества.

—

Почтеніе къ Риму. Сколь многіе выходили для того, чтобы поносить римскую церковь, враждовать съ нею — и внезапно измѣняли свое настроеніе, и преклоняли колѣна, и молились. Со многими случалось то же, что̀ случилось съ Валаамомъ, сыномъ Боеровымъ, который отправился проклинать Израиля, а на самомъ дѣлѣ его благословилъ. Отчего это? А между тѣмъ онъ вѣдь услышалъ голосъ только осла.

—

Глупцы думаютъ, что для того, чтобы завоевать Капитолій, нужно сперва напасть на гусей.

—

Католическіе писатели имѣютъ хорошее оружіе, но не умѣютъ владѣть имъ. Подобно китайцамъ, у нихъ есть хорошія пушки, есть и порохъ, и пули, но умѣнье стрѣлять—совсѣмъ иное дѣло. Они дѣти съ большими саблями, поднять которыя у нихъ не хватаетъ силенки, въ шишакахъ, которые тяжело давятъ имъ головы. А ужъ съ пушками они совсѣмъ не умѣютъ управляться.

—

Римская церковь не довѣряетъ своимъ новымъ сеидамъ: она боится, что тотъ или другой изъ этихъ рьяныхъ при-

верженцевъ ея когда-нибудь, вмѣсто того, чтобы поцѣловать у нея туфлю, укусить ее за ногу въ порывѣ бѣшенаго увлеченья.

—

Римская церковь умираетъ отъ той болѣзни, отъ которой не вылѣчивается никто на свѣтѣ: отъ истощенія вслѣдствіе силы времени. Въ своей хитроумной предусмотрительности она отстраняетъ всѣхъ врачей, ибо въ ея долговременной практикѣ ей приходилось не разъ видѣть, какъ старики умирали раньше, чѣмъ слѣдовало, только потому, что за ихъ лѣченіе принимались энергическіе врачи. Но агонія этой церкви продлится еще долго. Она переживетъ всѣхъ насъ— пишущаго эти строки, наборщика, набирающаго ихъ, даже мальчишку, складывающаго печатные листы.

—

Евреи были единственный народъ, который при охристіанизированіи Европы удержалъ свободу своего вѣроисповѣданія.

—

Іудея—протестантскій Египетъ.

—

Германцы приняли христіанство по духовному сродству съ еврейскимъ принципомъ морали, вообще съ еврействомъ. Евреи были нѣмцы востока, и теперь протестанты въ германскихъ странахъ (Шотландіи, Америкѣ, Германіи, Голландіи) не что иное, какъ древне-восточные евреи.

—

Ненависть къ евреямъ начинается впервые съ возникновеніемъ романтической школы, съ любовью къ среднимъ вѣкамъ, католицизму, дворянству—любовью, усиленною тевтоманами. (Рюсъ).

—

Еврейская исторія прекрасна; но молодые евреи вредятъ старымъ, которыхъ безъ этого ставили бы гораздо выше грековъ и римлянъ. Я думаю, что если бы евреи вовсе исчезли и сдѣлалось извѣстнымъ, что гдѣ-нибудь существуетъ одинъ экземпляръ этого народа, то многіе ѣздили бы за тысячи верстъ, чтобы его увидѣть и пожать ему руку,— а теперь насъ избѣгаютъ!

—

Исторія новыхъ евреевъ трагична, а попробуй написать объ этомъ трагическомъ, тебя еще осмѣютъ. Въ этомъ высшая степень трагизма.

—

Въ гамбургской еврейской свалкѣ (въ сентябрѣ 1830 г.) характеристично то обстоятельство, что революціонеры сперва окончили свои дневныя дѣла, а потомъ принялись за вечернюю революцію.

Во время этой рѣзни я былъ въ звѣринцѣ фанъ-Акена. Спокойнѣе всѣхъ держалъ себя левъ, полный величаваго негодованія; обезьяны радовались; змѣи извивались кольцами; гіена алчно металась во всѣ стороны; бѣлый медвѣдь комфортно улегся и выжидалъ; хамелеонъ ежеминутно мѣнялъ свои цвѣта, красный, голубой, бѣлый, и сдѣлался наконецъ даже трехцвѣтнымъ. Звѣри смотрѣли и вели себя разумными людьми, въ противоположность людямъ, бѣсновавшимся по-звѣриному.

Одинъ еврей сказалъ другому: «Я былъ слишкомъ слабъ». Эти слова можно рекомендовать какъ эпиграфъ къ исторіи еврейства.

Одна изъ Фринъ, стоявшая у городскихъ воротъ, сказала: «Если сегодня оскорбляютъ евреевъ, то завтра придетъ очередь сената, а наконецъ и наша». О, переулочная Кассандра, какъ скоро исполнились твои слова!

—

Будьте или вполнѣ толерантны, или лишены всякой терпимости, идите или добрымъ путемъ, или злымъ; а стоять въ нерѣшительности на перекресткѣ у нѣсколькихъ дорогъ—на это вы слишкомъ слабы. На такое дѣло и у Геркулеса не хватило силы, и онъ увидѣлъ себя въ необходимости поскорѣе избрать ту или другую дорогу.

—

Когда еврей хорошій человѣкъ, онъ лучше христіанина; когда дурной—хуже.

—

Свидѣтельство о крещеніи служитъ входнымъ билетомъ въ европейскую культуру.

—

. . . . . .

—

Я люблю ихъ (евреевъ) лично.

—

Б. Принадлежи я къ тому племени, изъ котораго вышелъ нашъ Спаситель, я скорѣе гордился бы этимъ, чѣмъ стыдился.

А. Я тоже. Но изъ этого же племени вышло и столько

сволочи, что признавать свое родство съ нимъ—дѣло очень щекотливое.

—

За фарфоръ, который евреи нѣкогда должны были купить въ Саксоніи, тѣ изъ нихъ, у которыхъ онъ сохранился, получатъ теперь въ сто разъ больше денегъ... Въ концѣ концовъ Израиль будетъ вознагражденъ за свои жертвы признаніемъ всего міра, славою и величіемъ.

—

Евреи—этотъ народъ-привидѣніе, сторожившій, не отходя ни на шагъ, свое сокровище, библію! Напрасно было колдовство—германцы разрушили его.

—

Окончена ли миссія евреевъ? Я думаю, она окончится, когда придетъ свѣтскій Мессія — промышленность, работа, радость. Свѣтскій Мессія пріѣдетъ по желѣзной дорогѣ, Михель проложитъ ему путь, розы будутъ разсыпаемы по пути его слѣдованія.

—

. . . . . .

—

. . . . . .

—

Въ Германіи есть богословы, которые стремятся положить конецъ вѣрѣ въ Бога. On n'est jamais trahi que par les siens.

—

. . . . . .

—

. . . . . .

—

. . . . . .

—

Какъ люди науки старались въ средневѣково-христіанскомъ періодѣ открывать научныя истины изъ Библіи, такъ теперь люди религіи стремятся открывать богословскія истины въ наукѣ—въ исторіи, философіи, физикѣ: ученіе о Троицѣ—въ индійской миѳологіи, ученіе о воплощеніи—въ логикѣ, потопъ—въ геологіи, и т. п.

—

. . . . . .

—

У всякой религіи свое утѣшеніе въ несчастіи. У евреевъ

надежда: «Мы въ плѣну; Іегова гнѣвается на насъ, но Онъ пошлетъ избавителя». У магометанъ фатализмъ: «Никто не уходитъ отъ своей судьбы, она написана въ небѣ на каменныхъ скрижаляхъ; будемъ же переносить все предопредѣленное съ покорностью—Аллахъ иль Аллахъ!» У христіанъ спиритуалистическое презрѣніе къ пріятному и къ радости, скорбное стремленіе къ небу, на землѣ искушеніе дьявола, въ томъ мірѣ награда...

—

Величіе міра всегда находится въ соотвѣтствіи съ величіемъ духа, смотрящаго на него. Добрый находитъ здѣсь на землѣ свой рай, злой имѣетъ уже здѣсь свой адъ.

—

Наши нравственныя понятія отнюдь не носятся въ воздухѣ: облагороженіе человѣка, справедливость, безсмертіе—все это имѣетъ свое реальное основаніе въ природѣ. Все, что мы въ идеѣ признаемъ священнымъ, дѣйствительно существуетъ, не призракъ.

—

Такіе святые, какъ стилиты, въ настоящее время невозможны, ибо филантропія сейчасъ же засадила бы ихъ въ домъ умалишенныхъ.

—

Существуетъ ли въ исторіи такая же смѣна дня и ночи, какъ въ природѣ?.. Съ третьимъ столѣтіемъ христіанской эры начинаются сумерки, унылая вечерняя заря неоплатониковъ; средніе вѣка были временемъ густой тьмы; теперь встаетъ утренняя заря—привѣтствую тебя, Фебъ Аполлонъ! Какія грёзы были въ эту ночь, какія привидѣнія, какой уличный шумъ, драки, убійства—объ этомъ разскажу послѣ...

—

Я вижу чудеса прошедшаго вполнѣ ясно. На будущемъ лежитъ покровъ, но розоваго цвѣта, и сквозь него мерцаютъ золотыя колонны и сосуды, и раздаются сладостные звуки.

III. Искусство и литература.

Всякая книга должна имѣть свой естественный ростъ, какъ дитя. Всѣ наскоро, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, написанныя книги возбуждаютъ во мнѣ нѣкоторое предубѣжденіе относительно автора. Честная женщина не рожаетъ своего ребенка до истеченія девяти мѣсяцевъ.

—

У писателя въ то время, когда онъ создаетъ свое произведеніе, на душѣ такъ, какъ будто онъ, согласно Пиѳагорову ученію о переселеніи душъ, велъ предварительную жизнь послѣ странствованія на землѣ подъ различными видами; его вдохновеніе имѣетъ всѣ свойства воспоминанія.

—

Философія исторіи была невозможна въ древности. Только нынѣшнее время имѣетъ матеріалы для этого: Гердеръ, Боссюэтъ и проч. По моему мнѣнію, философамъ придется прождать еще тысячу лѣтъ, прежде чѣмъ они пріобрѣтутъ возможность ясно опредѣлить организмъ исторіи; до тѣхъ поръ, я полагаю, должно ограничиться только слѣдующимъ. Главною сутью я считаю вотъ что: человѣческая натура и условія жизни (почва, климатъ, традиціонное законодательство, война, непредвидимыя потребности), въ своемъ взаимномъ столкновеніи или союзѣ, даютъ исторіи фонъ, но свою сигнатуру они находятъ въ духѣ, и идея, которую они избираютъ своею представительницею, въ свою очередь дѣйствуетъ на нихъ, какъ третій элементъ; это главнымъ образомъ совершается въ наше время, но имѣло мѣсто и въ средніе вѣка. Шекспиръ показываетъ намъ въ исторіи только взаимодѣйствіе человѣческой натуры и внѣшнихъ обстоятельствъ; идея, третій элементъ, никогда не выступаетъ въ его трагедіяхъ; отсюда въ развитіи его дѣйствія гораздо болѣе ясныя изображенія и нѣчто вѣчное, непреходящее, такъ какъ все человѣческое остается однимъ и тѣмъ же во всѣ времена. То же самое у Гомера. Творенія обоихъ этихъ писателей безсмертны. Я думаю, что они не оказались бы такими удачными, если бы имъ пришлось изображать время, въ которое пріобрѣтала значеніе идея, напримѣръ время возникновенія христіанства, время реформаціи, время революціи.

—

У грековъ господствовало тождество жизни и поэзіи. Вотъ отчего они не имѣли такихъ великихъ писателей, какихъ имѣетъ наше время, когда жизнь часто идетъ въ разрѣзъ съ поэзіею. У Шекспира въ большомъ пальцѣ больше поэзіи, чѣмъ у всѣхъ греческихъ поэтовъ вмѣстѣ, за исключеніемъ Аристофана. Греки были великіе художники, но не поэты; художественное чутье было развито въ нихъ сильнѣе, чѣмъ поэзія. Въ пластикѣ они произвели такія замѣчательныя вещи именно потому, что здѣсь имъ приходилось

только копировать дѣйствительность, которая была поэзіей и представляла имъ лучшіе образцы.

—

Въ противоположность грекамъ, изображавшимъ жизнь цвѣтущею и свѣтлою и въ будущемъ показывавшимъ мрачное царство тѣней смерти, эта земная жизнь, по христіанскимъ понятіямъ, мрачна и призрачна, и только послѣ смерти наступаетъ свѣтлое существованіе. Это представленіе приноситъ утѣшеніе въ несчастіи, но для пластическаго поэта оно непригодно. Отъ этого «Иліада» полна такого свѣтлаго ликованія, жизнь берется поэтомъ съ тѣмъ болѣе свѣтлой стороны, чѣмъ ближе наше отхожденіе—напримѣръ Ахиллеса—во второй міръ, міръ тѣней.

—

Греки дали христіанству искусство: искусство слова (догматика и миѳологія) и искусство внѣшнихъ чувствъ (живопись и архитектура). Готика есть не что иное, какъ больное искусство. Когда я вглядѣлся во внутренность собора въ Тулузѣ (С. Серненъ), то увидѣлъ, что центръ переломанъ посрединѣ, и понялъ возникновеніе готической острой арки изъ римской овальной.

—

Художественное произведеніе. Видимое произведеніе гармонически выражаетъ невидимую мысль; вслѣдствіе этого есть гармонія между дѣйствіемъ и нашими мыслями.

Произведеніе искусства *прекрасно,* когда божественное дружески соединяется въ немъ съ человѣческимъ — Діана цѣлуетъ Эндиміона; оно *величественно,* когда человѣческое насильственно возносится къ божественному — Прометей не хочетъ преклониться предъ Юпитеромъ, Агамемнонъ приноситъ въ жертву свое дитя. Представленіе о Христѣ прекрасно и вмѣстѣ величественно.

—

Въ искусствѣ форма составляетъ все, содержаніе—ничего. Штаубъ беретъ за фракъ, сшитый изъ сукна заказчика, столько же, сколько за тотъ, для котораго сукно ставитъ онъ самъ: онъ заставляетъ платить себѣ только за фасонъ, а сукно отдаетъ даромъ.

—

Вопросъ о врожденныхъ идеяхъ могъ бы быть правильно разрѣшенъ слѣдующимъ образомъ. Есть люди, къ которымъ все приходитъ извнѣ, такъ-называемые таланты, напримѣръ Лессингъ, напоминающіе обезьянъ, у которыхъ преобладаетъ

способность внѣшняго подражанія; въ ихъ умѣ нѣтъ ничего, что̀ не было бы воспринято ими посредствомъ внѣшнихъ чувствъ. Но есть и такіе люди, у которыхъ все исходитъ изъ души — геніи, какъ Рафаэль, Моцартъ, Шекспиръ; но для такихъ личностей процессъ рожденія тяжелѣе, чѣмъ для такъ-называемыхъ талантовъ. У этихъ послѣднихъ онъ не что иное, какъ производство безъ жизни, безъ внутренней силы, простое механическое дѣйствіе; у первыхъ—органическое производство.

—

Геній носитъ въ своемъ духѣ отпечатокъ природы и, получая напоминаніе отъ этой послѣдней, рождаетъ этотъ отпечатокъ; талантъ подражаетъ природѣ и творитъ аналитически то, что̀ геній создаетъ синтетически. Но есть характеры, которые составляютъ середину между тѣми и другими.

—

Дагерротипія служитъ опроверженіемъ ошибочнаго мнѣнія, что искусство есть подражаніе природѣ: здѣсь сама природа представляетъ доказательство, какъ мало она понимаетъ въ искусствѣ, какой выходитъ жалкій результатъ, когда она вступаетъ въ союзъ съ искусствомъ.

—

Филаретъ Шаль, въ качествѣ историка литературы, дѣлитъ писателей на разныя категоріи не по внѣшнимъ отличіямъ (національность, время, родъ произведеній — эпосъ, лирика, драма), а по внутреннему духовному принципу, по избирательному сродству. Это точно то же, что классификація Парацельсомъ цвѣтовъ по запаху — насколько остроумнѣе Линнеевской, по тычинкамъ! Развѣ было бы ужъ очень странно, если бы и литераторовъ распредѣляли по ихъ запаху? Напримѣръ на пахнущихъ табакомъ, пахнущихъ лукомъ, и т. п.

—

Легенда о скульпторѣ, которому выкололи глаза для того, чтобы онъ не могъ изваять еще одну такую же статую, имѣетъ то же основаніе, что и обычай разбивать стаканъ, изъ котораго пили за здоровье высокопоставленнаго лица.

—

Скульпторъ, въ одно и то же время ваяющій Наполеона и Веллингтона, представляется мнѣ похожимъ на священника, который хочетъ въ десять часовъ служить въ церкви обѣдню, а въ двѣнадцать — пѣть въ синагогѣ. Что-жъ! Это

возможно! Но тамъ, гдѣ такая вещь случилась бы, народъ скоро бы пересталъ ходить и въ церковь, и въ синагогу.

Поэтамъ еще тяжелѣе говорить двумя языками... Ахъ, большинство ихъ едва можетъ совладать и съ однимъ!

—

Превозносятъ того драматическаго писателя, который умѣетъ извлекать у публики слезы. Этою способностью обладаетъ и самая жалкая луковица; съ нею раздѣляетъ онъ свою славу.

—

Театръ неблагопріятенъ для поэтовъ.

—

Въ искусствѣ наступилъ новый періодъ. Начинаютъ открывать въ природѣ тѣ же законы, которыми управляется и нашъ человѣческій духъ, ихъ очеловѣчиваютъ (Новалисъ), въ человѣческомъ духѣ открываютъ законы природы — магнетизмъ, электричество, притягательные и отталкивающіе полюсы (Генрихъ фонъ-Клейстъ). Гёте показываетъ взаимное отношеніе между природою и человѣкомъ; Шиллеръ вполнѣ спиритуалистъ, онъ отвлекаетъ отъ природы, онъ приверженецъ Кантовской эстетики.

—

Антипатія Гёте къ энтузіазму столько же противна, сколько ребяческая. Подобное сдерживаніе себя есть болѣе или менѣе самоубійство; оно похоже на огонь, который не хочетъ горѣть изъ боязни уничтожиться. Благородное пламя, душа Шиллера, горѣло съ самопожертвованіемъ — всякое пламя приноситъ самого себя въ жертву; чѣмъ прекраснѣе горитъ оно, тѣмъ больше приближается къ уничтоженію, къ угасанію. Я не завидую тѣмъ тихимъ ночнымъ огонькамъ, которые такъ смиренно проводятъ свой вѣкъ.

—

У Шиллера мысль совершаетъ торжественныя оргіи; трезвыя идеи вѣнчаютъ себя виноградными лозами, машутъ тирсами, пляшутъ, какъ вакханки—пьяныя размышленія...

—

Якоби, эта хнычущая, брюзжащая натура, эта прилипчивая душа, этотъ религіозный червь, который грызъ плодъ древа познанія, чтобъ сдѣлать его непріятнымъ для нашего вкуса.

—

Скорбно приниженное время, которому было запрещено все, произносимое громко вслухъ, и которое тоже боялось

всего громкаго, втихомолку чувствовало, думало и шептало— оно находило въ этой сдавленной поэзіи свое сдавленное наслажденіе. Съ грустью смотрѣло оно на развалины старыхъ башенъ и улыбалось, слушая выходившее оттуда меланхолическое трещанье сверчка.

—

Въ древнедатскихъ романсахъ всѣ могилы жертвъ любви— могилы героическія; громадныя скалы навалены на нихъ рукою обезумѣвшаго отъ скорби исполина. Въ стихотвореніяхъ Уланда могилы любви украшены прелестными цвѣтами, иммортелями и вѣнками—украшены будто бы руками чувствительныхъ пасторскихъ дочерей.

Герои тѣхъ романсовъ—норманы; герои Уланда—всегда швабы, и притомъ желтоногіе.

—

Сонетоманія распространилась въ Германіи до такой степени, что слѣдовало бы установить сонетную подать.

—

Клауренъ въ настоящее время пользуется въ Германіи такою славою, что васъ не впустятъ ни въ одинъ публичный домъ, если вы не читали его произведеній.

—

Писателя Ауффенберга я не читалъ; полагаю, что онъ въ родѣ д'Арленкура, котораго я тоже не читалъ.

—

Мы искали физическую Индію—и нашли Америку; теперь мы ищемъ духовную Индію—что же мы найдемъ?

—

Желательно, чтобы изученіемъ санскрита занялся геній; если оно сосредоточится въ рукахъ антикварнаго ученаго, мы получимъ не болѣе, какъ хорошее школьное руководство.

—

Эпическія произведенія индійцевъ суть ихъ исторія; но мы можемъ воспользоваться ими, какъ исторіею только тогда, когда откроемъ законы, по которымъ индійцы превращали фактически-случившееся въ фактически поэтическое. Это не удавалось намъ до сихъ поръ по отношенію къ миѳологіи грековъ, но тутъ дѣло выходитъ труднѣе, потому что греки все, фактически совершившееся, постоянно вырабатывали въ вымыселъ въ пластической формѣ, становившейся все болѣе и болѣе опредѣленною. У индійцевъ, напротивъ того, фантастическая переработка продолжаетъ оставаться символомъ, который означаетъ безконечное и которому фанта-

зія поэта не можетъ придавать пластическимъ способомъ болѣе опредѣленныхъ формъ.

—

«Рамаяны», «Магабараты» и подобные имъ исполинскіе остатки суть кости духовныхъ мамонтовъ, уцѣлѣвшія на вершинѣ Гималайи.

—

Индіецъ могъ создавать только колоссально огромныя поэмы, потому что онъ, какъ вообще человѣкъ нагляднаго созерцанія, не находилъ возможнымъ урѣзать какую-нибудь частицу изъ общаго мірового строя. Для него весь міръ — поэма, въ которой «Магабарата» составляетъ только одну главу. Сравните индійскую мистику съ нашей: эта послѣдняя изощряется на разложеніе и соединеніе матеріи, но не въ состояніи образовать понятіе. Идеи нагляднаго свойства—нѣчто намъ совсѣмъ незнакомое. Индійская муза — забывшаяся въ грёзахъ принцесса сказокъ.

—

Гёте въ началѣ «Фауста» пользуется «Саконталой».

—

Какъ вообще всякій человѣкъ смотритъ на извѣстный предметъ въ чувственномъ мірѣ со своей точки зрѣнія, такъ и въ данной книгѣ каждый человѣкъ усматриваетъ не то, что представляется другому. Вслѣдствіе этого переводчикъ долженъ быть умнымъ и талантливымъ человѣкомъ, такъ какъ ему необходимо отыскивать въ переводимой книгѣ все значительнѣйшее и лучшее, чтобы передать это другимъ. Самую букву подлинника, тѣлесный смыслъ можетъ передать каждый, выучившій грамматику и запасшійся лексикономъ. Но не всякому дано переводить духъ. Пусть имѣетъ это въ виду тотъ сухой, прозаическій переводчикъ Вальтеръ-Скоттовскихъ романовъ, который такъ кичится вѣрностью своего перевода! Что значитъ передавать духъ подлинника—можно лучше всего видѣть изъ Форстеровскаго перевода «Саконталы».

—

Во время романтиковъ цвѣтокъ нравился только своимъ благоуханіемъ; въ наше время мы любимъ въ немъ зарождающійся плодъ. Отъ этого и склонность наша къ практическому, къ прозѣ, къ повседневному.

—

Главная отличительная черта теперешнихъ поэтовъ есть

здоровье—вестфальское, австрійское, даже венгерское здоровье.

—

Полнѣйшій расцвѣтъ нѣмецкаго духа представляютъ философія и пѣсня. Пора этого расцвѣта миновала, для него было необходимо идиллическое спокойствіе; въ настоящее время Германія охвачена движеніемъ, человѣческая мысль перестала быть безкорыстной, въ ея отвлеченный міръ вторгается грубый фактъ, вагонъ желѣзной дороги производитъ въ нашей душѣ тряску, при которой немыслима никакая пѣсня, запахъ угля прогоняетъ пѣвчихъ птицъ, и вонь отъ газоваго освѣщенія отравляетъ благоуханіе лунной ночи.

—

Наша лирика есть продуктъ спиритуализма, несмотря на то, что содержаніе ея сенсуалистическое; это — стремленіе одиночнопоставленнаго духа къ слитію съ міромъ внѣшнихъ явленій, to mingle with nature. Побѣда сенсуализма должна повлечь за собою уничтоженіе этой лирики; возникнетъ стремленіе къ духу: сентиментальность, становящаяся все болѣе и болѣе туманною, нигилистическая жеманность, безсодержательный туманъ фразъ, промежуточная станція между бывшимъ и зачинающимся, тенденціозная поэзія.

—

Безобидный поэтъ, который внезапно становится политическимъ, напоминаетъ мнѣ дитя въ колыбели: «Папа, не ѣшь того, что̀ сварила мама».

—

Одновременно съ установленіемъ дѣйствительнаго господства демократіи должна покончить свое существованіе всякая поэзія. Переходомъ къ этому концу служитъ тенденціозная поэзія. Вотъ почему ей — а не только вслѣдствіе того, что она служитъ демократическимъ цѣлямъ—такъ покровительствуютъ и сочувствуютъ демократы. Они знаютъ, что послѣ Гофмана фонъ-Фаллерслебена или, вѣрнѣе, съ нимъ кончается поэзія.

—

Въ мірѣ поэзіи tiers état не только не полезно, но даже вредно.

—

Господство демократіи влечетъ за собою конецъ литературы: свободу и равенство стиля. Всякому дозволяется писать по своему усмотрѣнію, но при этомъ такъ скверно, какъ ему угодно, и однако, никто другой не имѣетъ права

стать выше его въ стилистическомъ отношеніи и писать лучше его.

—

Демократія ненавидитъ поэзію; Парнасъ слѣдуетъ срыть, сравнять съ землею, макадамизировать, и тамъ, гдѣ нѣкогда взбирался съ пригорка на пригорокъ, прислушиваясь къ пѣнію соловьевъ, досужій поэтъ, тамъ скоро устроится плоская проѣзжая дорога, появятся рельсы, на которыхъ будетъ ржать локомотивъ, проносясь мимо вѣчно занятаго дѣлами общества.

—

Демократія бѣсится на всѣхъ, воспѣвающихъ любовь... Къ чему воспѣвать розу, аристократъ? Воспѣвай демократическій картофель, прокармливающій народъ!

—

Въ такое время, когда преобладаютъ политическіе интересы, рѣдко можетъ появиться чисто художественное произведеніе. Поэтъ въ такое время похожъ на пловца среди бурнаго моря, который видитъ вдали, на береговомъ утесѣ, монастырь; бѣлыя монахини поютъ на немъ, но вой бури заглушаетъ ихъ пѣнье.

—

Прекрасное стихотвореніе создалъ не бѣдный венгерецъ Нимбшъ, или торговый человѣкъ изъ Липпе-Детмольда, а міровой духъ. Только ему принадлежитъ въ этомъ случаѣ слава, и смѣшно, если два вышеупомянутыхъ сколько-нибудь кичатся этимъ, почти такъ же, какъ папа Рашель успѣхами своей дочери: стоитъ старый еврей въ партерѣ Théâtre Français и воображаетъ, что это онъ Ифигенія или Андромаха, что это его декламація волнуетъ всѣ сердца, и когда аплодируютъ, онъ кланяется, краснѣя.

—

Савиньи римлянинъ? Нѣтъ, онъ лакей римскаго духа, un valet du romanisme.

—

Изящество слога Савиньи похоже на клейкое серебристое вещество, оставляемое насѣкомыми тамъ, гдѣ они только-что проползли.

—

Съ сочиненіями Іоанна Миллера повторяется то же, что и съ Клопштокомъ: никто не читаетъ его, всѣ говорятъ о немъ съ большимъ уваженіемъ. Миллеръ — нашъ великій историкъ, какъ Клопштокъ былъ нашъ великій эпическій

поэтъ, котораго мы съ гордостью противопоставляли иностраннымъ знаменитостямъ. Онъ колоссально скученъ—Альпійскія горы, и на нихъ никакой идеи. Мы думали, что имѣемъ эпосъ и историка.

—

Раумеръ—резонирующая кожа, литературный посыльный Брокгаузскаго книжнаго магазина; со временемъ его сдѣлаютъ сторожемъ при лавкѣ.

—

«Исторія литературы» Гервинуса. Задачею автора было—то, что̀ Генрихъ Гейне высказалъ весьма умно въ маленькой книжкѣ, передать безъ всякаго ума въ нѣсколькихъ толстыхъ томахъ. Задача разрѣшена хорошо.

—

Историки, которые хотятъ сами совершать всю исторію, похожи на актеровъ въ Германіи, у которыхъ бѣшеная манія — самимъ писать пьесы. Галлеръ замѣчаетъ, что на сценѣ тѣмъ лучше играютъ, чѣмъ хуже пьеса. Что же: пишутъ они скверно, чтобы выказать себя хорошими актерами, или играютъ скверно, чтобы казаться хорошими писателями? Точно такіе же вопросы можно было бы сдѣлать нашимъ историкамъ.

—

Берегитесь Генгстенберга: онъ только притворяется дурачкомъ. Это Брутъ, который со временемъ сброситъ маску, обнаружитъ себя разумно вѣрующимъ и ниспровергнетъ ваше царство.

—

Руге—филистеръ, который разъ безпристрастно поглядѣлся въ зеркало и сознался, что Аполлонъ Бельведерскій все-таки красивѣе его. — Въ духѣ своемъ онъ уже носитъ свободу, но въ члены его она еще не хочетъ проникнуть, и какъ ни восторженно его сочувствіе къ эллинской наготѣ, онъ все-таки не можетъ рѣшиться снять съ себя варварско новые панталоны, или даже первобытно германское исподнее бѣлье. Граціи съ улыбкой смотрятъ на эту внутреннюю борьбу.

—

Яковъ Венедей. Природа создала тебя чистильщикомъ отхожихъ мѣстъ... Не стыдись этого, нѣмецкій патріотъ! Ты чистишь помойныя ямы твоего нѣмецкаго отечества!

—

Я умолчу о немъ, я не могу пользоваться имъ, какъ ко-

мическою фигурою, подобно тому, какъ дѣлаю это съ Масманомъ. Забавная штука состояла тутъ въ томъ, что Масманъ зналъ по-латыни, Венедей же не знаетъ; въ скукѣ нѣтъ ничего комическаго.

—

Король Людовикъ не принимаетъ Лютера въ свою Валгаллу. За это не слѣдуетъ на него сердиться: онъ чувствуетъ, что если-бъ Лютеръ построилъ Валгаллу, то не принялъ бы его туда, какъ поэта.

—

Принцы Эсте, Медичисы, Гонзаги, Скала знамениты какъ меценаты. Наши нѣмецкіе владѣтели, безъ сомнѣнія, точно такъ же готовы меценатствовать, но имъ недостаетъ образованія для отыскиванія истинныхъ талантовъ и геніевъ, потому что эти послѣдніе не докладываютъ о себѣ черезъ посредство ихъ камердинеровъ. Наши владѣтели покровительствуютъ только тѣмъ, которые стоятъ съ ними на одной ногѣ по образованію, и точно такъ же, какъ итальянскаго государя узнаешь, чуть назовешь людей, пользовавшихся его покровительствомъ, точно такъ же будутъ со временемъ узнавать нашихъ, называя по именамъ лицъ, которыхъ жаловали табакерками, кубками, пенсіонами и орденами. Говорятъ, что со стороны великихъ писателей неблагоразумно воскрешать для потомства имена дюжинныхъ писакъ, хотя бы и посредствомъ сатирическаго изображенія; но мы дѣлаемъ это для того, чтобы стыдить ихъ меценатовъ.

—

Этихъ людей надо бить палками при жизни, потому что послѣ смерти ихъ уже нельзя наказывать, нельзя срамить, позорить, клеймить ихъ имя—по той причинѣ, что они не оставляютъ послѣ себя никакого имени.

—

Вольфгангъ Менцель—остроумнѣйшая голова; для науки будетъ интересно и важно, если его черепъ со временемъ подвергнется френологическимъ изслѣдованіямъ. Я желалъ бы, чтобы тѣ, которые колотятъ его, щадили голову, иначе новыя шишки будутъ приняты френологами за шишки остроумія и поэзіи.

—

И этотъ невѣжественный заяцъ выставляетъ себя рыцаремъ нѣмецкаго народа, народа храбрѣйшаго и ученѣйшаго, народа, доказавшаго свою храбрость на тысячѣ боевыхъ полей и свое глубокомысліе въ сотнѣ тысячъ книгъ, на-

рода, широкая грудь котораго покрыта славными рубцами и на лбу котораго прошли всѣ великія мысли міра, оставивъ послѣ себя самыя почтенныя морщины!

—

Гуцковъ. Природа была очень скромна, когда создавала его, самаго нескромнаго изъ людей.

Онъ хотѣлъ подражать Гейне, но для этого оказалось у него отсутствіе всякой поэзіи, и онъ могъ достигнуть только до подражанія Бёрне. Въ его изображеніи и языкѣ есть нѣчто полицейское. Онъ вѣчно насторожѣ, высматривая современныя слабыя стороны публики, чтобы эксплоатировать ихъ въ своихъ личныхъ интересахъ. Покровительствуя и льстя этимъ слабостямъ, онъ легко можетъ обходиться безъ дарованія, свѣдѣній и характера, и это ему извѣстно. Онъ не даетъ публикѣ никакого толчка отъ себя, но получаетъ его отъ нея; онъ надѣваетъ ливрею идеи, имѣющей ходъ въ данный моментъ, онъ ея лакей, ея канцелярскій служитель, онъ съ низкими поклонами ухаживаетъ за нею и требуетъ за это себѣ на водку.

—

Жиске разсказываетъ въ третьей части своихъ «Мемуаровъ» о полицейскомъ агентѣ, который открылъ вора, укравшаго медали, по тонкости, съ которою совершено было преступленіе: прекрасно свитой веревкѣ, восковой свѣчкѣ въ фонарѣ вмѣсто сальнаго огарка... Точно такъ же я узнаю г. *** въ анонимной статьѣ.

—

Для чего стану я возражать теперь? Черезъ нѣсколько лѣтъ я умру, и тогда поневолѣ долженъ буду переносить всякую ложь обо мнѣ. Господину *** нечего бояться, что послѣ его смерти о немъ будутъ говорить ложь.

—

Трагедія Граббе «Готландъ». По временамъ рядъ страшныхъ и отвратительныхъ мыслей, точно рядъ каторжныхъ, изъ которыхъ каждый заклейменъ... Авторъ ведетъ ихъ на цѣпи въ галеры поэзіи.

—

Фрейлиграть. Сущность новой поэзіи главнымъ образомъ высказывается въ ея параболическомъ характерѣ. Предчувствіе и воспоминаніе составляютъ ея главное содержаніе. Съ этими ощущеніями находится въ связи риѳма, музыкальное значеніе которой особенно важно. Необыкновенныя, чуждо рѣзкія риѳмы можно сравнить съ усложненною ин-

струментовкою, которая имѣетъ цѣлью особенно выдѣлить то или другое чувство композитора изъ простого колыбельнаго мотива, подобно тому, какъ мягкіе звуки рожка вдругъ прерываются громкою трубою. Такъ, напримѣръ, Гёте умѣетъ пользоваться самыми необычайными риѳмами для произведенія рѣзко странныхъ эффектовъ; тоже и Шлегель, и Байронъ; у послѣдняго видимъ уже переходъ въ комическую риѳму. Сравните съ этимъ злоупотребленіе эффектными риѳмами у Фрейлиграта, варварство постоянной янычарской музыки, имѣющее источникомъ заблужденіе фабриканта. Его прекрасныя риѳмы часто костыли для хромыхъ мыслей. Фрейлигратъ поэтъ изъ числа непосвященныхъ въ тайны, онъ не обладаетъ ни однимъ естественнымъ звукомъ, у него выраженіе и мысль не возникаютъ одновременно. Онъ прибѣгаетъ къ помощи молотка и рѣзца и отдѣлываетъ языкъ, какъ камень; мысль—матеріалъ, и не всегда матеріалъ изъ каменоломень собственнаго духа; напримѣръ, плагіатъ Граббе и Гейне. Все можетъ онъ написать, только не *пѣсню;* пѣсня есть критерій первобытнаго творчества. Собственно стихотвореніе (то, что мы обыкновенно такъ называемъ — полуэпическая, полулирическая пьеса) всегда болѣе или менѣе соприкасается съ пѣснью, даже тогда, когда оно принимаетъ самый широкій ритмъ. У Фрейлиграта этого нѣтъ; благозвучіе его стиха имѣетъ бо̀льшею частью риторическій характеръ.

Есть нѣкоторое сходство между Фрейлигратомъ и Платеномъ. Этотъ послѣдній обладаетъ большею чуткостью относительно мелодіи словъ, въ гораздо большей степени избѣгаетъ жесткостей, стихъ его музыкальнѣе, но у него нѣтъ цезуры, у Фрейлиграта она лучше, потому что онъ здоровѣе чувствуетъ. Цезура—біеніе сердца творящаго поэтическаго духа, и ей нельзя подражать, какъ благозвучію.

Фрейлигратъ подражаетъ Виктору Гюго. Онъ жанровый живописецъ, онъ даетъ намъ жанровыя картинки моря, не историческія картины живого океана. Его восточныя жанровыя картинки—турецкая живопись въ голландскомъ вкусѣ.

Характеръ его поэзіи—стремленіе къ востоку и грёзы о югѣ. Но востокъ открылся для него не въ его поэзіи, какъ у другихъ поэтовъ, предъ которыми постоянно носится тотъ баснословный, причудливый востокъ, который мы въ мечтахъ создали себѣ изъ разсказовъ про крестовые походы и изъ «Тысячи одной ночи», въ дѣйствительности ложный, но въ идеѣ вѣрный востокъ, востокъ поэзіи... Нѣтъ, Фрейли-

гратъ точенъ, какъ Бурхартъ и Нибуръ, его стихотворенія—приложеніе къ изданію Котта «Ausland», и эта издательская фирма ставитъ очень высоко его знаніе географіи и этнографіи. Отъ этого такое значеніе его для массы, требующей реалистической пищи; признаніе его ею—опасный признакъ побѣды прозы.

—

Нѣмецкій языкъ самъ по себѣ богатъ, но въ нѣмецкомъ разговорѣ мы пользуемся только десятою частью этого богатства; такимъ образомъ, фактически мы въ области языка бѣдны.

Французскій языкъ самъ по себѣ бѣденъ, но французы умѣютъ въ разговорѣ извлекать изъ него все, что въ немъ заключается, и вслѣдствіе этого они фактически въ области языка богаты.

Только въ литературѣ нѣмцы обнаруживаютъ все свое лингвистическое сокровище, и ослѣпленные этимъ французы представляютъ себѣ Богъ вѣсть какія чудеса о нашемъ домашнемъ обиходѣ въ этомъ отношеніи; они не имѣютъ и понятія о томъ, какъ мало мыслей имѣемъ мы дома. У французовъ какъ разъ наоборотъ: больше мыслей въ обществѣ, чѣмъ въ книгахъ, и самые умные между ними или совсѣмъ не пишутъ, или пишутъ только случайно.

—

Вольтеръ смѣло взлетаетъ вверхъ, это гордый орелъ, прямо смотрящій на солнце. Руссо — благородная звѣзда, смотрящая съ вышины внизъ; онъ любитъ людей сверху внизъ.

—

Вольтеръ преклоняется предъ папою (прочитайте его посвященіе въ «Магометѣ») иронически и добровольно.

—

Руссо нельзя было убѣдить представиться королю — его инстинктъ правильно руководилъ имъ. Онъ былъ энтузіазмъ, который не способенъ ни на какія сдѣлки.

—

Прежніе французскіе писатели имѣли опредѣленную точку зрѣнія: свѣтъ и тѣни у нихъ всегда правильны, по законамъ точки зрѣнія. Новые писатели перескакиваютъ съ одной точки зрѣнія на другую, и въ ихъ изображеніяхъ мы находимъ очень непріятную смѣсь свѣта и тѣней: тутъ мысль, принадлежащая къ воззрѣнію пантеистическому,

здѣсь чувство, исходящее изъ матерьялизма, скептицизмъ и вѣра, скрещиваются другъ съ другомъ... куртка арлекина!

—

Во французской литературѣ настоящаго времени господствуетъ выработанное плагіатство. Здѣсь одинъ умъ запускаетъ руку въ карманъ другого, и это обстоятельство устанавливаетъ между ними извѣстную связь. При существованіи этой способности къ кражѣ мыслей, гдѣ одинъ воруетъ у другого мысль прежде, чѣмъ она окончательно созрѣла, умственная область становится общимъ достояніемъ... Въ république des lettres существуетъ общеніе умственныхъ имуществъ.

—

Новѣйшая французская литература похожа на палерояльскіе рестораны. Если бы вы зашли въ кухню, увидѣли составныя части кушанья и способъ ихъ приготовленія, то потеряли бы аппетитъ. Грязный поваръ надѣваетъ перчатки, когда выкладываетъ на блестящія блюда свою стряпню.

Французскіе писатели нынѣшняго времени похожи на рестораны, гдѣ за два франка можно пообѣдать. Сначала подаваемыя кушанья нравятся, впослѣдствіи открываешь, что они изготовлены изъ матерьяла, полученнаго изъ вторыхъ и третьихъ рукъ, и притомъ уже стараго или въ гниломъ видѣ.

—

Новофранцузскіе романтики — диллетанты христіанства; они съ восторженнымъ сочувствіемъ относятся къ церкви, не становясь послушными приверженцами ея символа; они — catholiques marrons.

—

Неужели правда, что Франція снова желаетъ обратиться къ христіанству? Неужели Франція такъ опасно больна? Вѣдь люди разсказываютъ такія сказки... Неужели она желаетъ покаяться на своемъ смертномъ одрѣ?.. Хочетъ причаститься?.. Непостоянство, твое имя—человѣкъ!

—

Шатобріанъ хочетъ проповѣдывать христіанство для борьбы съ тѣмъ блестящимъ невѣріемъ, которымъ охваченъ весь міръ . . . . . .

—

Шатобріанъ—болтунъ, роялистъ по принципу, республиканецъ по склонности, рыцарь, ломающій копье за дѣвствен-

ность всякой лиліи и носящій на своей головѣ, вмѣсто шлема Мамбрена, красный колпакъ съ бѣлою кокардой.

—

Бюффонъ говоритъ, что стиль—это самъ человѣкъ, Вильменъ представляетъ собою живое опроверженіе этой аксіомы; его стиль красивъ, строенъ и чистоплотенъ.

—

Кто, какъ Шарль Нодье, въ своей молодости подвергался нѣсколько разъ гильотинированію, тотъ естественно остается въ старости совсѣмъ безъ головы.

—

Блазъ де-Бюри разсматриваетъ маленькихъ писателей въ увеличительное стекло, а большихъ — въ уменьшительное.

—

Амори — патронъ писательницъ, онъ помогаетъ нуждающимся, онъ ихъ petit manteau blanc, ихъ духовникъ; его статьи—маленькая исповѣдальня, куда онѣ прокрадываются подъ вуалями; даже мертвыя исповѣдуются ему въ своихъ грѣхахъ; Ева открываетъ передъ нимъ вещи, сказанныя ей змѣемъ и которыя для насъ остаются неизвѣстными, потому что она скрыла ихъ отъ Адама.

Онъ критикъ не для большихъ, а для маленькихъ писателей. Киты не имѣютъ мѣста подъ его лупой, но зато вы найдете тамъ не одну интересную блоху.

—

У Леона Гозлана убиваетъ не буква, а духъ.

—

Мишель Шевалье—консерваторъ и въ то же время прогрессистъ. Одною рукою онъ поддерживаетъ старое зданіе, для того, чтобы оно не рухнуло людямъ на голову, другою чертитъ планъ для новаго, болѣе обширнаго общественнаго зданія будущности.

—

Тьерри можно бы сравнить съ Мерлиномъ: онъ лежитъ, какъ похороненный заживо, тѣло перестало существовать, только голосъ остался... Историкъ всегда Мерлинъ, онъ голосъ похороненнаго времени, его спрашиваютъ, и онъ даетъ отвѣты; это пророкъ, смотрящій назадъ.

—

Французское искусство есть воспроизведеніе реальности. Но вслѣдствіе того, что за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ французы уже столько пережили и перевидѣли, ихъ художественныя произведенія пріобрѣтаютъ возсозданіемъ пережитаго

и видѣннаго гораздо больше значенія, чѣмъ произведенія писателей нѣмецкихъ, которые доходятъ до своихъ представленій только посредствомъ душевныхъ грёзъ.

Только въ архитектурѣ, гдѣ воспроизведеніе природы не можетъ имѣть мѣста, французы отстали отъ другихъ.

Въ музыкѣ они даютъ тотъ тонъ, который имѣетъ ихъ національность: здравый смыслъ и сентиментальность, умъ и грацію; въ драмѣ—страсть. Эклектизмъ въ музыкѣ былъ введенъ Мейерберомъ.

—

Мейерберъ—музыкальный maitre de plaisirs аристократіи.

—

Мейерберъ сдѣлался совсѣмъ евреемъ. Если онъ желаетъ снова стать въ Берлинѣ въ свои прежнія условія, пусть прежде выкрестится.

—

«Отелло» Россини—Везувій, извергающій изъ себя лучезарные цвѣты.

Пезарскій лебедь не могъ долѣе сносить гоготанія гусей.

Когда въ художникѣ уничтожается поэтъ—вѣнецъ летитъ съ его головы.

Его Пастиччіо всегда дѣйствуетъ на меня непріятно, напоминая о св. Іеронимѣ въ испанской галлереѣ, который, уже будучи трупомъ, пишетъ псалмы. Тутъ холодъ пробѣгаетъ по жиламъ, какъ при прикосновеніи къ статуѣ.

—

Всѣ картины Ари Шеффера обнаруживаютъ стремленіе автора изъ здѣшняго міра, при отсутствіи полной вѣры въ міръ загробный... Туманный скептицизмъ.

—

Лессингъ говоритъ: «Если бы Рафаэлю отрѣзали руки, изъ него, все-таки, вышелъ бы живописецъ». Точно такимъ же образомъ могли бы сказать мы: Если бы у г. *** отрѣзать голову, онъ, все-таки, остался бы живописцемъ, онъ продолжалъ бы рисовать безъ головы, и никто бы не замѣчалъ, что онъ безголовый.

—

Шекспиръ получилъ драматическую форму отъ своихъ современниковъ; различіе этой формы отъ французской.

Содержаніе своихъ драмъ онъ всегда заимствовалъ до мелкихъ подробностей; даже грубые очерки, какъ первые удары рѣзца ваятеля, удерживались имъ.

Стало-быть, раздѣленіе труда полезно и въ умственномъ

производствѣ? Высшая степень совершенства достигается только этимъ.

Какъ Гомеръ не создалъ своей «Иліады» одинъ, такъ и Шекспиръ не одинъ писалъ свои трагедіи; онъ давалъ только духъ, оживлявшій предварительныя работы.

У Гёте видимъ то же самое—его плагіаты.

—

Юніусъ — рыцарь свободы, сражавшійся съ опущеннымъ забраломъ.

—

Данте—гласный обвинитель въ области поэзіи.

IV. Государство и общество.

Общество всегда республика: отдѣльныя личности постоянно стремятся выдвинуться впередъ, и масса осаживаетъ ихъ.

—

У древнихъ патріоты постоянно прославляютъ себя; напримѣръ, Цицероны. Новые тоже дѣлаютъ это въ то время, когда господствуетъ самая высшая свобода; напримѣръ, Робеспьеръ, Камилъ Дюмуленъ и др. Если и у насъ наступитъ такое время, то мы тоже будемъ прославлять себя. Непользующіеся славой, конечно, правы, проповѣдывая скромность. Имъ такъ легко практиковать эту добродѣтель, она не стоитъ имъ никакого преодолѣванія себя, и при ихъ дюжинности не замѣчаютъ отсутствія въ нихъ подвиговъ.

—

Нужно знать всю Германію, знаніе только одной части ея опасно. Это исторія дерева, листья и плоды котораго составляютъ взаимное противоядіе.

—

Лютеръ потрясъ Германію — но Францискъ Дрекъ снова успокоилъ ее: онъ далъ намъ картофель.

—

Мѵрро, изливаемое на голову королей, утишаетъ ли производимыя мыслями бури?

—

Нѣмецкаго народа нѣтъ: дворянство, среднее сословіе, крестьяне въ Германіи разнороднѣе, чѣмъ у французовъ до революціи.

—

Прусское дворянство есть нѣчто абстрактное, оно сво-

дится исключительно къ понятію происхожденія, а не собственности. У прусскихъ дворянчиковъ нѣтъ денегъ.

—

Ганноверскіе дворянчики—ослы, говорящіе только о лошадяхъ.

—

Лакеи, временно находящіеся безъ мѣста, отъ этого не становятся свободными людьми: лакейство у нихъ въ душѣ.

—

Нѣмецъ похожъ на раба, повинующагося своему господину безъ помощи веревокъ, кнута, только по его слову, даже взгляду. Рабство въ немъ самомъ, въ его душѣ; хуже матерьяльнаго рабства рабство духовное. Нѣмцевъ надо освободить внутренно, освобожденіе внѣшнее не принесетъ никакой пользы.

—

Собака, на которую надѣваютъ намордникъ, лаетъ своимъ задомъ. Окольный образъ мыслей проявляется еще зловоннѣе—посредствомъ фальши въ выраженіи.

—

Нѣмцы въ настоящее время трудятся надъ выработкою своей національности, но они принялись за дѣло слишкомъ поздно. Когда они окончатъ эту работу, національное начало уже не будетъ существовать на свѣтѣ, и имъ придется поэтому тутъ же и кинуть свою національность, не извлекши изъ нея никакой пользы, какъ сдѣлали это французы или англичане.

—

Я всегда смотрѣлъ на кельнскій соборъ, какъ на игрушку. Я думалъ: такому исполину-ребенку, какъ нѣмецкій народъ, нужна и такая исполинская игрушка, какъ кельнскій соборъ. Но теперь я иного мнѣнія. Теперь я ужъ не думаю, что нѣмецкій народъ великанъ-дитя; во всякомъ случаѣ онъ ужъ не дитя, а взрослый парень, у котораго много природныхъ задатковъ, но изъ котораго не выйдетъ ничего порядочнаго, если онъ не станетъ серьезно пользоваться настоящимъ, а будущее — имѣть въ виду. Намъ уже недосугъ заниматься играми или доканчивать достройку грёзъ прошедшаго времени.

—

Политическіе флюгеры. Они заклинаютъ бури и полагаются на свою подвижность; они забываютъ, что въ этой

одвижности не окажется для нихъ никакого прока, когда раганъ опрокинетъ башню, на которой они стоятъ.

—

. . . . . .

—

Когда я говорю о черни, то исключаю изъ нея: во-первыхъ, всѣхъ тѣхъ, имена которыхъ значатся въ адресъ-календарѣ, во-вторыхъ, тѣхъ, которые тамъ не помѣщены.

—

Новое гражданское общество, въ упоеніи земными наслажденіями, хочетъ какъ можно быстрѣе осушить послѣдній кубокъ, подобно старому дворянскому обществу передъ 1789 годомъ... И оно слышитъ уже въ коридорѣ мраморные шаги новыхъ боговъ, которые войдутъ въ банкетную залу, не постучавшись предварительно, и опрокинутъ столы.

—

Молодой пастухъ свиней хочетъ, въ качествѣ богатаго человѣка, оберегать свое стадо верхомъ... Наши банкиры усѣлись на высокихъ лошадей и все еще продолжаютъ заниматься своимъ старымъ грязнымъ ремесломъ.

—

*** не любитъ евреевъ. На мой вопросъ о причинѣ этого онъ отвѣчалъ: «Они скверны безъ граціи, внушаютъ отвращеніе къ скверности и вредятъ мнѣ больше, чѣмъ приносятъ пользы».

—

Ротшильдъ тоже могъ бы построить Валгаллу—Пантеонъ для всѣхъ государей, которые брали у него деньги взаймы.

—

Главную армію враговъ Ротшильда составляютъ всѣ тѣ, которые не имѣютъ ничего; они всѣ разсуждаютъ: чего не имѣемъ мы, то есть у Ротшильда Къ этому присоединяется масса тѣхъ, которые теряютъ свое состояніе; вмѣсто того, чтобы приписать эту потерю своей собственной глупости, они взваливаютъ вину на коварство тѣхъ, которые умѣютъ сохранять состояніе. Такимъ образомъ всякій, кто разорится, сейчасъ же становится врагомъ Ротшильда.

—

Коммунисту, который хочетъ раздѣлить съ Ротшильдомъ его триста милліоновъ, Ротшильдъ посылаетъ его часть — девять су. «Ну, теперь оставь меня въ покоѣ».

—

Коммунисты относятся съ презрительнымъ отвращеніемъ къ патріотизму, славѣ и войнѣ.

—

За жирными коровами слѣдуютъ тощія, за тощими—отсутствіе мяса.

—

Вотъ мое пророчество: когда-нибудь зимою вы переживете революцію, которая будетъ ужаснѣе всѣхъ прежнихъ. Когда кровь потечетъ въ снѣгъ...

—

Народный потокъ похожъ на взбунтовавшееся море; тучи, проходящія надъ нимъ, даютъ ему только окраску, и начинаютъ ходить бѣлыя волны (Мюллеръ и Брауэръ)—писатели окрашиваютъ словомъ пришедшіе въ броженіе элементы.

—

Ассоціація идей въ смыслѣ ассоціаціи промышленной, напримѣръ, соединеніе философскихъ мыслей съ политико-экономическими, привела бы къ поразительнымъ новымъ результатамъ.

—

Старая сказка о трехъ братьяхъ осуществляется. Одинъ пробѣгаетъ сто миль въ нѣсколько часовъ, другой видитъ за сто миль впередъ, третій стрѣляетъ на такомъ же пространствѣ, четвертый дуновеніемъ уничтожаетъ арміи: желѣзныя дороги, телескопъ, пушки, порохъ или печать.

—

Place de la Concorde. Хотѣлъ бы я знать, если бы посѣять въ этомъ мѣстѣ, взошелъ ли бы хлѣбъ?

—

Массовыя казни на Гревской площади и площади Людовика XV были argumentum ad hominem: всякій можетъ здѣсь видѣть, что дворянская кровь совершенно такая же, какъ у всякого буржуа. Обезумѣвшій буржуа присутствуетъ при всякой казни, какъ при практическомъ опытѣ въ доказательство идеальной теоріи.

—

Видѣніе. Площадь Людовика XVI. Трупъ, подлѣ него голова. Докторъ дѣлаетъ попытку, нельзя ли опять соединить ихъ вмѣстѣ? И, качая головой, произноситъ: «невозможно!» и, вздыхая, уходитъ... Придворные стараются прикрѣпить голову, но она все отпадаетъ. . . . . .

—

Сумасшедшій не хочетъ ходить гулять въ Тюильри; деревья представляются ему тамъ одѣтыми чудесною зеленью, но корни ихъ въ землѣ кровяного цвѣта.

—

Чѣмъ ближе стояли люди къ Наполеону, тѣмъ болѣе удивлялись они ему. Съ другими героями дѣло происходитъ наоборотъ.

—

Наполеонъ былъ не изъ того дерева, изъ котораго дѣлаютъ земныхъ владыкъ; онъ былъ изъ мрамора, въ которомъ высѣкаютъ боговъ.

—

Наполеонъ ненавидитъ лавочниковъ и адвокатовъ, онъ пускаетъ картечью въ однихъ и выгоняетъ изъ храма другихъ. Они покоряются, но ненавидятъ его (они полагаютъ, что совершили революцію для себя, а Наполеонъ пользуется ею для себя и для народа). Реставрація приходится имъ очень по сердцу.

—

Императоръ былъ цѣломудренъ, какъ желѣзо.

Его враги—туманные призраки, которые ночью пляшутъ вокругъ Вандомской колонны и кусаютъ ее.

—

Они ругаютъ его, но, все-таки, съ нѣкоторымъ уваженіемъ, бросая въ него грязью правою рукою, въ лѣвой держатъ снятую шляпу.

—

Составителямъ Code Napoléon пришлось, къ счастью, жить во время революціи, когда они могли сами переживать съ другими страсти и важнѣйшіе вопросы жизни.

—

Нація не можетъ возродиться, когда ея правительство не обнаруживаетъ высокой нравственной силы. Эта сила возрождаетъ. Вотъ почему пятнадцатилѣтнее правленіе Наполеона было необходимо; онъ лѣчилъ больную націю огнемъ и желѣзомъ, его царствованіе было періодъ лѣченія. Онъ былъ Моисеемъ французовъ; какъ тотъ водилъ свой народъ по пустынѣ, чтобъ этимъ излѣчить его, такъ Наполеонъ водилъ французовъ по Европѣ... Противъ этого правительства стоитъ, какъ оппозиція, партія pourris, и къ ней принадлежала г-жа Сталь. Ея кружокъ уменъ, остоуменъ, милъ—но гнилъ. Тутъ Талейранъ, старшина гніенія, Несторъ лжи, le parjure des deux siècles; тутъ Шатобріанъ—мы почи-

таемъ, мы любимъ его, — но онъ le grand inconséquent, безсмертный dupe, поэтъ, пилигримъ со склянкой іорданской воды, ходячая элегія, esprit d'outre tombe—но не человѣкъ. Остальные ея друзья—нѣсколько дворянъ аристократическаго предмѣстья, рыцарскія тѣни, милые люди, но больные, страждущіе, безсильные. Бенжаментъ Констанъ былъ самый лучшій между ними, но и онъ уже на смертномъ одрѣ все продолжалъ брать деньги у Людовика Филиппа!

—

Le style c'est l'homme—c'est aussi la femme! Фальшивость г-жи Сталь: цѣлая цѣпь фальшивыхъ мыслей и цвѣтовъ краснорѣчія, похожихъ на зловредные пары. — Она восхваляетъ Веллингтона, ce héros de cuir aves un cœur de bois et un cerveau de papier maché!

Госпожа Сталь была швейцарка. Швейцарцы надѣлены чувствами, такими же возвышенными, какъ ихъ горы, но ихъ взгляды на общество такъ же узки, какъ ихъ долины.

Ея отношеніе къ Наполеону: она хотѣла отдать кесарю кесарево, но, такъ какъ онъ не захотѣлъ взять этого, то она стала фрондировать его и отдала Богу двойную порцію.

Она была лишена остроумія и имѣла нелѣпость назвать Наполеона Робеспьеромъ на лошади. Робеспьеръ былъ только активный Руссо, какъ г-жа Сталь — пассивный Руссо, и скорѣе ее самоё можно было бы назвать Робеспьеромъ въ юбкѣ.

Всюду толкуетъ она о религіи и нравственности, но нигдѣ не объясняетъ, что понимаетъ подъ ними.

Она разсказываетъ о нашей честности, и о нашей добродѣтели, и о нашемъ умственномъ развитіи; ей не приводилось видѣть наши смирительные дома, наши публичные дома и наши казармы; она не видѣла нашихъ книгопродавцевъ, нашихъ Клауреновъ, нашихъ поручиковъ.

—

Поццо ди Борго и Штейнъ—чистенькіе герои! Одинъ—ренегатъ, который за пару рублей продалъ свое отечество, своихъ друзей и свое собственное сердце, другой—дерущій носъ дворянчикъ, который подъ плащомъ патріотизма скрывалъ гербовый кафтанъ прошедшаго—измѣну и ненависть.

—

Неизвѣстно, почему наши нѣмецкіе государи живутъ такъ долго; они боятся умереть, боятся на томъ свѣтѣ снова встрѣтиться съ Наполеономъ.

—

Какъ герои Гомера обмѣнивались на полѣ битвы вооруженіемъ, такъ современные народы обмѣнялись тамъ кожею: французы натянули на себя нашу медвѣжью, мы—ихъ обезьянью. И вотъ первые двигаются медленно и увѣсисто, а мы живо карабкаемся на деревья. Первые бранятъ насъ волтерьянцами; не безпокойтесь, мы только въ вашей кожѣ, сердце у насъ все то же медвѣжье.

—

Чего только не переживаешь въ наше время всяческихъ чудесъ! Даже Бурбоны дѣлаются завоевателями.

—

Парижскій народъ освободилъ міръ и не взялъ за это ни гроша на водку.

—

Да, Парижъ снова стяжалъ себѣ величайшую славу. Но боги, завидуя величью людей, стараются притѣснить ихъ, унижаютъ—напримѣръ жалкими событіями.

—

Печать похожа на извѣстное баснословное дерево: если вы поѣдите его плодовъ, то заболѣете, а поѣдите листьевъ — выздоровѣете отъ этой болѣзни, и наоборотъ. То же самое можно сказать о чтеніи легитимистическихъ и республиканскихъ газетъ во Франціи.

—

Французскія газеты всѣ имѣютъ совершенно опредѣленный цвѣтъ партіи, онѣ не примутъ ни одной статьи, которая не занимается интересами данной минуты, такъ-называемыми actualités.—Въ Германіи совершенно наоборотъ, и если во мнѣ вызываетъ иногда улыбку то, что нѣмецкія газеты такъ основательно обсуждаютъ множество предметовъ, не имѣющихъ ни малѣйшаго отношенія къ современнымъ интересамъ страны, напр., вопросы китайской или индійской культуры, то я все-таки радуюсь этому космополитизму нѣмецкой печати, которая интересуется самыми разнообразными нуждами и потребностями, существующими на землѣ, и такъ гостепріимно даетъ у себя мѣсто всѣмъ общечеловѣческимъ разсужденіямъ!

—

Лафайетъ. Міръ удивляется, что однажды появился въ немъ честный человѣкъ, и мѣсто остается вакантнымъ.

—

Англичанинъ, ѣздящій всюду по свѣту за ванъ-Амбургомъ, присутствующій на всѣхъ его представленіяхъ, увѣренный,

что левъ въ концѣ концовъ разорветъ его, и непремѣнно желающій дождаться этого зрѣлища, похожъ на историка, который, живя въ Парижѣ, дожидается, когда, наконецъ, французскій народъ разорветъ Людовика Филиппа, а покамѣстъ ежедневно разсматриваетъ этого льва.

—

Если бы для королей была установлена Монтіоновская премія, Людовика Филиппа слѣдовало бы признать первымъ кандидатомъ на нее. Въ его царствованіе господствовали счастье и свобода; онъ былъ roi d'Yvetot свободы.

—

Гизо не англичанинъ, а шотландецъ; онъ пуританинъ, но въ отношеніи къ самому себѣ, потому что такова его натура. Но такъ какъ онъ понимаетъ натуры, до послѣдней степени противоположныя его собственной, то въ немъ живетъ терпимость даже къ поверхностной легкости.

Самое выдающееся свойство его—гордость. Когда онъ отправится на небо, то первымъ дѣломъ его будетъ поблагодарить Бога за то, что Онъ создалъ его такъ хорошо.

—

Желѣзныя дороги производятъ внезапныя перемѣны въ матеріальномъ положеніи. Это во Франціи опаснѣе, чѣмъ въ Германіи. Вотъ почему французское правительство боязливо приступаетъ къ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ.

—

Мнѣ кажется, что если республиканцы мало-по-малу одерживаютъ верхъ, главнымъ образомъ во Франціи, и на нѣкоторое время упрочатъ свое господство, то этимъ они будутъ обязаны не превосходству своего ученія, а вульгарности его и тому обстоятельству, что масса неспособна понять и усвоить болѣе высокую доктрину. Я говорю — на нѣкоторое время, потому что тѣ плебейскія республики, которыя создаютъ себѣ въ своихъ мечтаніяхъ наши радикалы, долго просуществовать не могутъ... Предвидя съ безошибочностью эту кратковременность ихъ существованія, мы утѣшаемся успѣхами республиканства. Оно есть, можетъ-быть, необходимая переходная форма, и мы охотно миримся съ его теперешнимъ непривѣтливымъ состояніемъ бабочки, еще остающейся гусеницею, въ надеждѣ, что тѣмъ красивѣе будетъ бабочка, которая нѣкогда вылетитъ отсюда, тѣмъ богаче красками будутъ расправленныя ея крылья и тѣмъ радостнѣе станетъ она играть подъ ласкающими лучами солнца всѣми цвѣтами жизни! Намъ слѣдовало бы по

настоящему относиться къ вамъ, какъ къ брюзгамъ-отцамъ, которыхъ наглухо застегнутое педантство, правда, неудобно для ихъ веселыхъ сыновей, но все-таки полезно для будущаго житейскаго устройства этихъ послѣднихъ. Поэтому, если ужъ не изъ-за политическихъ соображеній, то по крайней мѣрѣ по чувству сыновняго уваженія намъ бы слѣдовало высказывать нѣсколько сдержаннѣе свои комментаріи насчетъ этихъ мрачныхъ чудаковъ. Мы готовы даже чтить васъ, даже, пожалуй, поддерживать, только не требуйте слишкомъ многаго и не становитесь относительно насъ Брутами, каждый разъ, какъ ваша слишкомъ простая похлебка не придется намъ по вкусу, и будетъ по временамъ являться въ насъ желанье снова отвѣдать кухни Тарквиніевъ.

Странно! Этою гипотезою о кратковременности существованія республиканскаго правленія мы утѣшаемся точно такъ же, какъ тѣ сѣдые приверженцы стараго режима, которые, приходя въ отчаяніе отъ настоящаго, видятъ свое спасеніе только въ побѣдѣ республиканцевъ, и для того, чтобы посадить на престолъ Генриха V, съ презрѣніемъ къ смерти запѣваютъ Марсельезу...

Où allez vous, monsieur l'abbé?
Vous allez vous casser le nez!

—

Въ пользу республики можно бы привести то же самое доказательство, которое Боккачіо приводитъ въ пользу религіи: она держится, несмотря на существованіе своихъ чиновниковъ.

—

Тайная ненависть высшихъ республиканскихъ чиновниковъ противъ республики похожа на тайную ненависть знатныхъ римлянъ, которые въ качествѣ епископовъ и прелатовъ должны были продолжать исполненіе своей прежней власти.

—

На французовъ въ общественныхъ отношеніяхъ можно положиться надежнѣе, чѣмъ на нѣмцевъ, именно потому, что они люди положительные и не витаютъ въ облакахъ; вѣчно грезящій нѣмецъ вдругъ въ одно прекрасное утро скорчитъ вамъ самую сердитую рожу, потому что ему почудилось, что вы оскорбили его, или что вашъ дѣдушка далъ нѣкогда его дѣдушкѣ пинка.

—

Французы такъ чужды всему, что относится къ области

грёзъ, что даже сами никому не снятся; снятся только нѣмцы.

—

Нѣмцы за границею нисколько не лучше привознаго пива.

—

Между живущими здѣсь въ Парижѣ маленькими пророками мало нѣмцевъ; большинство ихъ пріѣзжаетъ во Францію для того, чтобы показать, что они и за границею не пророки.

—

Молодая дѣвушка говоритъ: «Этотъ господинъ вѣроятно очень богатъ, потому что онъ очень уродливъ». Публика судитъ точно такимъ же образомъ: «Этотъ человѣкъ вѣроятно очень ученъ, потому что онъ очень скученъ». Въ этомъ заключается причина успѣха въ Парижѣ многихъ нѣмцевъ.

—

Повидимому, миссія нѣмцевъ въ Парижѣ состоитъ въ томъ, чтобы предохранять меня отъ тоски по родинѣ.

—

Какъ фигуры въ игрѣ китайскихъ тѣней, проходятъ мимо меня проѣзжающіе черезъ Парижъ нѣмцы; ни одинъ не принимаетъ опредѣленнаго образа.

—

Опасные нѣмцы! Не успѣете вы оглянуться—они ужъ вытащили изъ кармана стихотвореніе, или завели разговоръ о философіи.

—

Нѣмецкія и французскія женщины. Нѣмецкія печи согрѣваютъ лучше, чѣмъ французскіе камины, но послѣдніе пріятнѣе, потому что въ нихъ вы видите ярко пылающее пламя; зрѣлище веселое, но въ то же время у васъ по спинѣ пробѣгаетъ ознобъ... Нѣмецкая печь, какъ надежно и безъ наружнаго эффекта согрѣваешь ты!

—

Союзъ между Франціей и Россіей былъ бы, при сродствѣ обѣихъ странъ, совсѣмъ уже не такою неестественною вещью. Въ обѣихъ странахъ господствуетъ духъ ниспроверженія прошедшаго: здѣсь въ республиканскихъ, тамъ въ абсолютическихъ формахъ; здѣсь, имѣя въ виду неограниченную свободу, тамъ—цивилизацію; здѣсь, служа идеальнымъ принципамъ, тамъ—практической необходимости; но и здѣсь и тамъ дѣйствуя противъ прошедшаго, которое и русскіе, и

французы презираютъ, даже ненавидятъ.. . . . . .
Николай былъ противъ Франціи, потому что она своею пропагандой была опасна формѣ его правленія, а не его правительственнымъ принципамъ; въ Людовикѣ Филиппѣ ему не нравилось буржуазно королевское, которое онъ находилъ пародіею на истинное королевское величіе, но это неудовольствіе въ случаяхъ войны уступаетъ предъ необходимостью, которая для него есть высшій законъ—цари всегда подчиняются ей, хотя бы при этомъ имъ приходилось жертвовать своими личными симпатіями. Въ этомъ ихъ мощь, отъ этого они всегда сильны. . . . . .

Справедливо усмотрѣлъ Кюстинъ ихъ равнодушіе къ прошедшему, къ отжившему. Также правильно онъ замѣтилъ черту насмѣшливости у знатныхъ; это существуетъ и въ царѣ, который со своей высоты видитъ контрастъ между мелочными дѣлами и громкими фразами, и въ сознаніи своего колоссальнаго могущества до глубины души ненавидѣлъ всякое фразерство. (Этого маркизъ не понялъ). Какими плачевными должны ему казаться рыцарственные поляки, эти средневѣковые трупы съ фразами новаго времени на устахъ, которыхъ они не понимаютъ. Онъ хочетъ сдѣлать ихъ русскими, чѣмъ-то живымъ; точно такъ же онъ хочетъ оживить муміи евреевъ; да и простой русскій народъ, что̀ они, какъ не двуногое животное, изъ котораго онъ выдѣлываетъ народъ? Его намѣренія благородны, какъ ни круты иногда средства.

—

. . . . . .

—

. . . . . .

—

Со стороны русскихъ было жестоко отнять у польскихъ евреевъ кафтаны—имъ не нужно было подъ этимъ платьемъ носить рубашку и такъ удобно было почесываться... И тоже бороды—самая главная вещь: она вѣдь и его самого закрывала! И пейсы, священныя для нихъ кудри, ихъ единственную гордость!

—

Мы въ настоящее время должны опираться на Россію—ту самую палку, которая нѣкогда поколотила насъ!

V. Женщина, любовь и бракъ.

Гдѣ прекращается женщина, тамъ начинается скверный мужчина.

—

Когда я читаю всемірную исторію и меня поражаетъ какой-нибудь подвигъ или какое-нибудь явленіе, то я склоненъ находить въ нѣкоторыхъ изъ нихъ женщину, какъ тайную пружину (какъ посредственнаго или непосредственнаго агента). Женщины управляютъ міромъ, хотя «Moniteur» записываетъ только мужскія имена; онѣ составляютъ исторію, хотя историкъ знаетъ тоже только мужскія имена... Начало изложенія у Геродота остроумно.

—

При объясненіи любви надо принимать физическій феноменъ или историческій фактъ. Симпатія ли это въ родѣ той, по которой глупый магнитъ притягиваетъ глупое желѣзо? Или надо допустить предварительную исторію, темное сознаніе которой сохранилось въ насъ и выражается въ необъяснимомъ притяженіи и отталкиваніи?

—

Въ молодости любовь бурнѣе, чѣмъ въ позднѣйшихъ лѣтахъ, но не такъ сильна, не такъ всемогуща. Да и въ молодости она менѣе прочна, потому что въ это время любитъ и тѣло, она жаждетъ плотскихъ откровеній въ любви и сообщаетъ душѣ всю неудержимую кипучесть своей крови, чрезмѣрное изобиліе силы своихъ вожделѣній. Впослѣдствіи, когда эта сила ослабѣваетъ, когда кровь медленнѣе течетъ въ жилахъ, когда тѣло уже не влюблено—тогда любитъ одна душа, безсмертная душа, и такъ какъ въ ея распоряженіи вѣчность, и она не такая непрочная, какъ тѣло, то она не торопится и любитъ уже не такъ бурно, но прочнѣе, еще бездоннѣе, еще сверхчеловѣчнѣе.

—

Что мужъ Ксантиппы могъ сдѣлаться такимъ великимъ философомъ, это непостижимо. При такой брани, такихъ крикахъ—еще думать!.. Но ужъ *писать* онъ никакъ не могъ, это было невозможно: Сократъ не оставилъ послѣ себя ни одной книги.

—

Какъ высоко стоитъ женщина у Моисея въ сравненіи съ положеніемъ ея у другихъ восточныхъ народовъ того времени или даже у теперешнихъ магометанъ! Эти послѣдніе

положительно утверждаютъ, что женщина не попадетъ въ рай; Магометъ исключилъ ее оттуда. Не думалъ ли онъ, что рай перестанетъ быть раемъ, если каждый человѣкъ будетъ снова находить тамъ свою жену?

—

Каждый, вступающій въ бракъ, похожъ на дожа, женящагося на Адріатическомъ морѣ: онъ не знаетъ, что̀ тамъ есть—сокровища, жемчугъ, чудовища, невѣдомыя бури?

—

Музыка на свадьбѣ всегда напоминаетъ мнѣ музыку, при звукахъ которой солдаты идутъ на бой.

—

Нѣмецкія женщины опасны своими дневниками, которые мужъ можетъ найти у нихъ.

—

Нѣмецкій бракъ не есть бракъ въ истинномъ смыслѣ. Мужъ имѣетъ не жену, а служанку, и даже въ кругу семейства продолжаетъ умственно жить своею прежнею уединенною холостою жизнью. Этимъ я не хочу сказать, что онъ господинъ въ домѣ; напротивъ, онъ часто слуга своей служанки, и рабское чувство не покидается имъ въ домашней обстановкѣ.

VI. Смѣсь.

Мудрецы изобрѣтаютъ новыя мысли, а глупцы распространяютъ ихъ.

—

Рядомъ съ мыслителемъ прозаическій человѣкъ, спокойно дѣлающій свое дѣло, рядомъ съ яслями, гдѣ выходитъ на свѣтъ искупающая, спасающая міръ идея, стоитъ и спокойно жующій быкъ.

—

Кадмъ приноситъ въ Грецію финикійскую азбуку, искусство письма; это тѣ драконовы зубы, которые онъ посѣялъ; возникшіе изъ нихъ вооруженные люди взаимно уничтожаютъ другъ друга.

—

Есть на свѣтѣ высокіе умы, относящіеся равнодушно ко всякому матеріальному великолѣпію и даже на тронъ смотрящіе, какъ на стулъ, покрытый краснымъ бархатомъ. Есть умы низкіе, которымъ все идеальное представляется незначительнымъ и для которыхъ петля на висѣлицѣ есть не

больше, какъ желѣзный галстукъ. Они не боятся желѣзнаго галстука, если только могутъ этимъ способомъ собирать вокругъ себя публику; на публику же вліяютъ они дерзостью, которую они пріобрѣтаютъ рутиною срама.

—

Время производитъ умиротворяющее вліяніе на нашъ образъ мыслей, вслѣдствіе постояннаго обращенія нашего съ вещами противоположнаго свойства. Муниципальный гвардеецъ, наблюдающій за канканомъ, наконецъ, перестаетъ находить его особенно неприличнымъ и готовъ самъ бы пуститься въ пляску. Протестантъ, послѣ долгой полемики съ католицизмомъ, перестаетъ видѣть въ этомъ послѣднемъ нѣчто ужасающее и, быть-можетъ, не прочь бы прослушать католическую обѣдню.

—

Развалины мы можемъ понимать только тогда, когда сами обратимся въ развалины.

—

De mortuis nil nisi bene, — о живыхъ надо говорить только дурное.

—

. . . . . .

—

Бываютъ люди, полагающіе, что они отлично знаютъ птицу, если видѣли яйцо, изъ котораго она вылупилась.

—

Человѣкъ, изготовляющій ядъ, долженъ при этомъ надѣвать стеклянныя перчатки.

—

Дарованіе мы можемъ узнавать по какому-нибудь единственному проявленію его; для оцѣнки характера потребно много времени и постоянно гласныя дѣйствія его. «До смерти,—говорилъ Солонъ:—ни одинъ человѣкъ не имѣетъ права назвать себя счастливымъ», и точно такъ же мы можемъ сказать: «До смерти нельзя никого признать характеромъ. Господинъ *** еще молодъ, и у него остается еще достаточно времени для будущихъ негодныхъ продѣлокъ; подождите нѣсколько годочковъ—онъ окрестится въ *** церкви, онъ сдѣлается адвокатомъ мошенниковъ»... Впрочемъ, можетъ-быть, онъ уже и теперь воспользовался своимъ досугомъ, и мы только не знаемъ о его подвигахъ, вслѣдствіе его темнаго положенія въ обществѣ.

—

Какая причина тому, что богатство приноситъ обладателю его скорѣе несчастье, чѣмъ счастье, если даже не страшнѣйшую погибель? Древніе миѳы о золотомъ рунѣ и сокровищѣ Нибелунговъ весьма знаменательны. Золото есть талисманъ, гдѣ живутъ демоны, которые исполняютъ всѣ наши желанія, но, тѣмъ не менѣе, злобятся на насъ вслѣдствіе обязанности служить намъ съ рабскою покорностью, и это принужденіе они вливаютъ въ насъ, какъ ядъ, посредствомъ тайнаго коварства, обращая именно исполненіе нашихъ желаній къ нашей же пагубѣ и создавая намъ черезъ это всевозможныя бѣды.

—

Какъ многимъ театрамъ приходится нѣсколько разъ сгорать, прежде чѣмъ они окончательно выйдутъ изъ огня въ совершенно великолѣпномъ видѣ, какъ фениксъ изъ своего пепла, точно такъ же и нѣкоторые банкиры. Въ настоящее время стоитъ на высшей степени своего процвѣтанія, фирма***, послѣ троекратнаго или четырекратнаго банкротства. Послѣ каждаго пожара она выстраивалась великолѣпнѣе, чѣмъ до того—кредиторы не были застрахованы.

—

. . . . . .

—

Какъ умные люди часто бываютъ очень глупы, такъ дураки бываютъ иногда очень умны.

—

Я читалъ скучную книгу, заснулъ надъ нею, во снѣ видѣлъ, что продолжаю читать, проснулся отъ скуки—и это три раза.

—

Дѣвица *** находитъ, что начало въ книгахъ всегда очень скучно; только въ серединѣ она становится занимательной; слѣдовало бы имѣть кого-нибудь для того, чтобы *начинать* за насъ книгу, какъ платятъ вышивальщицамъ за то, что онѣ дѣлаютъ начало въ узорѣ коврика.

—

Молодая красавица *** выходитъ за старика А***. Голодъ принудилъ ее сдѣлать это,—ей приходилось выбирать между А. и смертью, которая еще тоще, еще отвратительнѣе. А***! Гордись тѣмъ, что она отдала предпочтеніе твоему остову!

—

Когда порокъ проявляется въ грандіозной формѣ, онъ менѣе возмутителенъ. Одна англичанка, вообще отворачи-

вавшаяся отъ голыхъ статуй, оказалась менѣе шокированною, увидѣвъ громадной величины Геркулеса. «При такихъ размѣрахъ,—сказала она:—вещь кажется мнѣ уже не столь неприличною».

Въ Гамбургѣ возвысили налогъ съ жителей вслѣдствіе сооруженія укрѣпленій и устройства мѣстъ для общественныхъ гуляній, которыя очень красивы, какъ и вообще Гамбургъ хочетъ придать себѣ красивую наружность и заводитъ мѣста для прогулокъ, для того, чтобы люди, которымъ внутри города уже нечего ѣсть, могли въ обѣденные часы гулять вокругъ города; сюда же относятся скамейки для возможности читать—напримѣръ поваренную книгу—и элегическія плакучія ивы.

—

Филологія въ торговыхъ городахъ. Надо дѣлаться ремесленникомъ или филологомъ; потребность въ брюкахъ будетъ существовать всегда, и всегда будутъ существовать ученики, для которыхъ необходимы спряженія и склоненія.

—

Англичанки танцуютъ такъ, какъ будто ѣдутъ верхомъ на ослѣ.

—

Обезьяны смотрятъ на людей, какъ на извращенье обезьяньей породы, подобно тому, какъ голландцы называютъ нѣмецкій языкъ испорченнымъ голландскимъ.

—

Э*** больше другъ мыслей, чѣмъ людей. Въ немъ есть нѣчто Абелардовское—нашелъ ли онъ свою Элоизу?

—

*** принадлежитъ къ тѣмъ ангеламъ, которыхъ Іаковъ видѣлъ во снѣ и которымъ для нисхожденія съ неба на землю понадобилась лѣстница, ихъ крылья недостаточно сильны для этого.

—

***, прежде чѣмъ обратиться въ мистика, былъ просто разумный человѣкъ.

Какъ Магометъ былъ только погонщикъ верблюдовъ до той поры, когда ангелъ просвѣтилъ его сознаніемъ, что онъ пророкъ, такъ *** былъ, правда, не погонщикомъ верблюдовъ, но самимъ верблюдомъ до появленія къ нему новаго свѣта.

—

Авторъ боязливо держится въ сферѣ церковнаго догмата,

онъ знаетъ, какіе ужасы овладѣваютъ даже самыми сильными умами за предѣлами этой сферы. Онъ похожъ на колдуна, не смѣющаго переступить за черту круга, въ который онъ добровольно заключилъ себя и гдѣ ему не грозитъ никакая опасность.

—

Господина *** называютъ вторымъ Дюпре; скоро станутъ называть Дюпре вторымъ ***—до такой степени скверно началъ онъ пѣть.

—

Была ли она добродѣтельна, я не знаю, но она всегда отличалась безобразіемъ, а уродливость у женщины есть уже половина дороги къ добродѣтели.

—

Въ деревнѣ былъ быкъ, дожившій до такой старости, что наконецъ впалъ въ дѣтство, и когда его убили, мясо его имѣло вкусъ старой телятины.

—

Солнце и луна—скамеечки Юпитера, служащія для согрѣванія его старыхъ ногъ. Небо—его шерстяная куртка, вышитая звѣздами.

—

Monsieur Колумбъ! Откройте намъ еще одинъ Новый Свѣтъ!

Mademoiselle Таиса, сожгите еще одинъ Персеполь.

. . . . . .

—

Опасная мысль. Она явилась мнѣ, когда я сидѣлъ outside of a stage-coach.

—

У меня родилась какъ-то великая мысль, но я забылъ ее. Что̀ бы это могло быть? Мучусь догадками.

—

Брильянтъ могъ бы получить о себѣ довольно высокое мнѣніе, если бы какой-нибудь поэтъ сравнилъ его съ человѣческимъ сердцемъ.

—

Послѣ разсказа о благородномъ подвигѣ восклицаніе: выше пирамидъ, выше Гималайскаго хребта, обширнѣе всѣхъ лѣсовъ и морей человѣческое сердце! Оно великолѣпнѣе солнца, и луны, и всѣхъ звѣздъ, оно лучезарнѣе ихъ, оно безконечно въ своей любви, оно безконечно, какъ божество, оно само божество!

VII. Картинки и наброски красками.

Директоръ кабинета рѣдкостей показываетъ мнѣ свои вещи, напримѣръ первый зубъ Агасфера. Маленькихъ ангеловъ, которые курятъ.

—

Старая арфа лежитъ въ высокой травѣ. Арфистъ умеръ. Даровитыя обезьяны сползаютъ съ деревьевъ и снова карабкаются на нихъ; сова сидитъ и подвергаетъ все сердитой критикѣ; соловей поетъ розѣ свою пѣсню; какъ только совсѣмъ стемнѣетъ, любовь овладѣваетъ имъ, и онъ кидается на розовый кустъ, и тутъ, растерзанный шипами, истекаетъ кровью. Луна восходитъ... ночной вѣтерокъ шевелитъ струнами арфы... Обезьяны думаютъ, что это заигралъ мертвый арфистъ, и убѣгаютъ.

—

Сонъ Меттерниха: Онъ видитъ себя въ гробу съ красною якобинскою шапкою на головѣ.

Сонъ Ротшильда: Онъ видитъ себя раздавшимъ сто тысячъ франковъ бѣднымъ, и заболѣваетъ отъ этого.

—

Картинка. Домашнее хозяйство Іосифа и Маріи. Онъ сидитъ у колыбели ребенка и качаетъ ее, при этомъ поетъ колыбельную пѣсню. Марія сидитъ у окна между цвѣтами и гладитъ своего голубя.

—

Слѣпой шарлатанъ на рынкѣ продаетъ воду, предохраняющую отъ слѣпоты. Онъ самъ прежде не вѣрилъ въ ея силу и ослѣпъ. Трагическое изображеніе слѣпоты.

—

Впечатлѣніе при возвращеніи въ Германію. Сперва бѣлые волосы—съ бѣлымъ цвѣтомъ всегда соединяется представленіе о чемъ-то сказочномъ, призрачномъ, не здѣшнемъ: бѣлыя тѣни, пудра, саванъ.

Корпуленція—толстыя привидѣнія, видъ которыхъ болѣе зловѣщъ, чѣмъ худощавыхъ.

Кладбище, гдѣ могилы дорогихъ людей.

При первомъ: «Кто идетъ?» я отвѣчаю: «Всѣ добродѣтельныя души хвалятъ Господа!»

—

Въ бутылкахъ вижу я ужасы, которые произведетъ ихъ содержимое; мнѣ кажется, что я нахожусь въ анатомиче-

скомъ музеѣ, и передо мной склянки съ уродцами, змѣями и зародышами.

—

Англичанинъ, постоянно гуляющій со своею миссъ на томъ берегу, гдѣ купаются, для того, чтобы созерцаніе голыхъ мужчинъ притупило въ ней чувственныя побужденія.

—

Притча объ актерѣ. Собакѣ, ослу сказано: «Ты будешь лаять, ты будешь ѣсть сѣно!» Бѣдный ***, онъ уже лаетъ!

—

Калмоніусъ. Его погоня за орденами—этотъ грызущій глистъ его души. Въ тѣлѣ его работаетъ менѣе смѣшной глистъ.

—

Когда *** возвратится, гризетки разорвутъ его, какъ фракійскія женщины разорвали его коллегу, Орфея.

—

Фанни Эльслеръ танцовщица обоихъ полушарій.

—

Надежда—прекрасная дѣва съ дѣтскимъ личикомъ, но увядшими грудями, на которыхъ...

—

Я нашелъ въ уединенномъ садикѣ розу, которая будитъ во мнѣ всевозможныя воспоминанія—ея ротикъ en coeur, всю ея граціозность, ея легкомысліе, ея задушевность.

—

Улыбка ея точно лучезарная сѣть: она раскинула ее, и моя душа попала туда, и вотъ уже много лѣтъ бьется въ сладостномъ заточеніи, какъ рыба.

—

Свѣтлые, полные чувства глаза, спокойныя, умныя губы,—прекрасный, улыбающійся цвѣтокъ,—глубокомысленный голосъ.

—

Слащаво расплюснутое, маринованное лицо, съ трусливо узенькими глазами.

—

Улыбающаяся походка.

—

Глупость била изъ него ключомъ.

—

Лицо точно зародышъ въ спиртѣ.

—

Дама, которая уже начала быть немолодой.

—

Она мигала глазами, какъ часовой, которому солнце бьетъ прямо въ лицо.

—

Она писала анонимныя письма, подписывая ихъ «Прекрасная душа».

—

Онъ восхваляетъ себя такъ сильно, что курительныя свѣчки повышаются въ цѣнѣ.

—

Дальше всего онъ пошелъ въ невѣжествѣ.

—

Что касается ***, то говорятъ, что онъ происходитъ отъ *многихъ* евреевъ.

—

Толстый откормленный британецъ.

—

Прекрасно причесанныя, завитыя мысли.

—

Опускается великая ночь съ ея смѣлыми звѣздами.

—

Я видѣлъ волка, который такъ сильно лизалъ одну желтую звѣзду, что у него изъ языка пошла кровь.

—

Луну, свѣтъ которой былъ блѣденъ и мертвенъ, окружала гряда желтоватыхъ облаковъ, подобно тому, какъ подъ глазами, много плакавшими, образуются полукруги свинцоваго цвѣта.

—

Утесы, менѣе твердые, чѣмъ человѣческія сердца, къ которымъ я обращался съ тщетными мольбами, раскрываются, и цѣлительная влага струится оттуда.

РЕЦЕНЗІИ.

„СТРУЭНЗЕ“

Трагедія Михаила Бера.

(1828 г.).

27-го марта въ здѣшнемъ національномъ театрѣ давали «Струэнзе», трагедію въ пяти дѣйствіяхъ Михаила Бера. Прежде, чѣмъ высказать наше сужденіе объ этой пьесѣ, да будетъ намъ позволено бросить бѣглый взглядъ на прежнія драматическія произведенія Бера. Только такимъ образомъ, разсмотрѣвъ до извѣстной степени автора въ его соотношеніи съ самимъ собой и затѣмъ строго опредѣливъ то мѣсто, которое онъ занимаетъ въ драматической литературѣ, мы получимъ твердое мѣрило для похвалы и порицанія, опредѣляющее ихъ относительное значеніе.

Юношески незрѣлой, какъ годы ея автора, была «Клитемнестра»; ея поклонники принадлежали къ тѣмъ избраннымъ, которые восхищаются Грильпарцеровской «Сафо», какъ высочайшимъ образцомъ въ этомъ греческомъ родѣ; противники же ея принадлежали частью къ тѣмъ людямъ, которые порицаютъ только для того, чтобы порицать, а частью были дѣйствительно правы. Нельзя отрицать того, что въ фигурахъ этой трагедіи была лишь внѣшняя, кажущаяся жизнь, и что рѣчи ихъ тоже были не что иное, какъ пустые звуки. Тутъ не было настоящаго чувства, а была только обычная театральная высокопарность, не было ни одного вдохновеннаго слова, а только ходульный, театрально-придворный языкъ, и за исключеніемъ нѣсколькихъ настоящихъ фіалокъ, все остальное было только вырѣзан-

ными изъ бумаги цвѣтами. Единственное, чего нельзя было не признать—драматическій талантъ, который проявляется несомнѣнно, несмотря на всю привитую неестественность и на ложное направленіе, къ сожалѣнію, принятое авторомъ.

Что авторъ самъ чувствовалъ все это, доказала его вторая трагедія «Аррагонскія Невѣсты». Кое-гдѣ въ ней уже пробивается настоящій огонь, кое-гдѣ уже прорывается настоящая страсть; нельзя также отказать ей и въ нѣкоторой поэзіи; но хотя искусственные бумажные цвѣты уже устранены въ ней, и ихъ замѣнили настоящіе, органическіе цвѣты, эти послѣдніе, однако, все еще отзываются той почвой, на которой выросли, а именно театральными подмостками; сейчасъ же видно, что они созрѣли не на вольномъ солнечномъ свѣтѣ, а при тускломъ свѣтѣ рампы, и цвѣтъ и запахъ ихъ сомнительны. Но драматическій талантъ здѣсь еще менѣе подлежитъ сомнѣнію.

Какъ порадовали насъ поэтому дальнѣйшіе успѣхи автора! Было ли это сознаніе собственной ошибки, или безсознательное влеченіе природы, или, можетъ-быть, какая-нибудь внѣшняя всепобѣждающая сила, которая вдругъ поставила автора на самый лучшій и самый вѣрный путь? Появился его «Парія». Въ эту фигуру театральный суфлеръ не вдохнулъ свое жалкое дыханіе. Пламень этой души не былъ обыкновеннымъ канифольнымъ огнемъ, и въ этомъ пламени не шевелились никакія наизусть заученныя страданія. Тутъ были мѣткія слова, затрагивавшія всякое сердце, былъ огонь, воспламенявшій всякое сердце.

Беръ улыбнется, если онъ прочтетъ, что мы готовы приписать выбору сюжета тотъ необычайный пріемъ, который эта трагедія нашла у публики. Мы охотно отдаемъ ему справедливость, что онъ высказалъ въ этой пьесѣ истинную, неоспоримую поэзію, даже болѣе того—что, именно, благодаря этому произведенію, мы рѣшились признать его настоящимъ поэтомъ и не причислять его болѣе къ тѣмъ гомеопатическимъ писателямъ, которые вливаютъ лишь одну десятитысячную долю поэзіи въ свои водянистыя трагедіи; но мы принуждены, все-таки, указать на сюжетъ «Паріи», какъ на главную причину его успѣха. Никогда одна поэзія, взятая сама по себѣ, не доставляетъ произведеніямъ поэта знаменитости. Возьмите хотя бы Гётевскаго «Вертера». Его первые читатели отнюдь не понимали его настоящаго значенія, и массу привлекало или отталкивало только потрясающее, интересное въ самомъ фактѣ. Книгу

читали потому, что въ ней было самоубійство, а Николаиты писали противъ нея тоже потому, что въ ней было самоубійство. Но въ «Вертерѣ» есть еще другой элементъ, заинтересовавшій только меньшинство—это разсказъ о томъ, какъ молодого Вертера вѣжливѣйшимъ манеромъ выпроводили изъ высокороднаго общества. Будь «Вертеръ» написанъ въ наши дни, эта часть книги взволновала бы умы гораздо сильнѣе, чѣмъ всѣ пистолетные эффекты.

Съ развитіемъ общественности, ново европейскаго общества, въ огромномъ большинствѣ людей возникло благородное негодованіе на неравенство сословій, стали смотрѣть съ неудовольствіемъ на всякое преимущество, которымъ оскорблялись цѣлыя сословія людей; отвращеніе возбуждали тѣ предразсудки, которые, подобно безобразнымъ идоламъ, оставшимся со времени грубости и невѣжественности, все еще требуютъ человѣческихъ жертвъ и которымъ до сихъ поръ еще приносится въ жертву много прекрасныхъ и добрыхъ людей. Идея равенства людей составляетъ мечту нашего времени, и поэты, посвятившіе себя, какъ верховные жрецы, этому богоподобному солнцу, могутъ быть увѣрены, что тысячи людей преклоняютъ колѣна вмѣстѣ съ ними, что тысячи вмѣстѣ съ ними плачутъ и ликуютъ.

Поэтому, всѣ тѣ произведенія, гдѣ проглядываетъ эта идея, встрѣчаются громкимъ одобреніемъ. Послѣ Гётевскаго «Вертера», Людвигъ Робертъ былъ первый, выведшій на сцену эту идею и давшій намъ въ «Силѣ Обстоятельствъ» настоящую мѣщанскую трагедію, въ которой онъ опытной рукой сорвалъ холодныя, прозаическія повязки съ жгучихъ сердечныхъ ранъ современнаго человѣчества. Съ тѣмъ же успѣхомъ обрабатывали эту тему—мы готовы почти сказать эту рану—и позднѣйшіе авторы. Та же сила обстоятельствъ потрясаетъ насъ въ «Урикѣ» и въ «Эдуардѣ», въ «Герцогинѣ фонъ-Дурасъ» и въ «Исидорѣ и Ольгѣ» Раупаха. Франція и Германія облекли одну и ту же скорбь, въ одну и ту же одежду, и Делавинь и Беръ оба дали намъ «Парію».

Мы не станемъ разбирать, который изъ двухъ поэтовъ болѣе заслуживаетъ лавровъ; намъ довольно знать, что лавры обоихъ были облиты благороднѣйшими слезами. Мы позволимъ себѣ только замѣтить, что языкъ въ «Паріи» Бера, хотя и проникнутый поэзіей, все-таки, отзывается еще чѣмъ-то театральнымъ и тамъ, и сямъ даетъ чувствовать, что этотъ «Парія» выросъ скорѣе среди деревьевъ

берлинскихъ кулисъ, чѣмъ среди банановъ Индіи, и по прямой линіи находится въ родствѣ съ доброю «Клитемнестрой» и еще лучшими «Аррагонскими невѣстами».

Мы должны были предпослать нашъ взглядъ на прежнія произведенія М. Бера, чтобы имѣть возможность тѣмъ сжатѣе и яснѣе высказаться относительно его новой трагедіи «Струэнзе».

Прежде всего замѣтимъ, что тотъ упрекъ, который мы не могли не сдѣлать только что его «Паріи», отнюдь не коснется «Струэнзе», языкъ котораго льется чистымъ, прозрачнымъ ручьемъ и можетъ служить образцомъ хорошаго стиля. Здѣсь мы должны всей силой нашего дыханія надуть паруса похвалы, здѣсь Михаилъ Беръ является передъ нами наиболѣе выдающимся изъ всей массы нашихъ такъ-называемыхъ театральныхъ авторовъ, этихъ напыщенныхъ декламаторовъ, у которыхъ реторическіе ямбы, какъ гирлянды цвѣтовъ или какъ глисты, обвиваются вокругъ глупыхъ мыслей. Намъ было безконечно отрадно встрѣтить снова среди сухой песчаной пустыни, называемой нѣмецкимъ театромъ, источникъ чистой, свѣжей воды.

Что касается сюжета, то г. Беромъ руководила опять счастливая звѣзда, мы почти готовы сказать—счастливый инстинктъ. Исторія «Струэнзе» слишкомъ недавнее событіе, чтобы намъ нужно было разсказывать ее и прослѣдить, по обыкновенію, развитіе фабулы пьесы. Какъ легко догадаться, содержаніе ея состоитъ частью изъ борьбы министра-мѣщанина съ высокомѣрной аристократіей, а частью изъ любви Струэнзе къ датской королевѣ Каролинѣ Матильдѣ.

Объ этой второй основной темѣ трагедіи Бера мы не станемъ вдаваться въ подробныя разсужденія, хотя самому автору она представлялась настолько важной, что въ четвертомъ и пятомъ дѣйствіи онъ почти забылъ изъ-за нея свою первую основную тему, и хотя эта вторая тема, можетъ-быть, покажется и другимъ людямъ настолько важной, что благодаря ей, постановка на сцену этой трагедіи встрѣтитъ, пожалуй, во многихъ мѣстахъ затрудненія съ высокопоставленной стороны. Достойно ли вообще либеральнаго правительства препятствовать драматическому изображенію доказанныхъ истинъ—это вопросъ, который мы разберемъ въ свое время. Наша народная драма, на упадокъ которой такъ горестно жалуются, погибла бы совсѣмъ безъ той свободы сцены, которая еще болѣе стара, чѣмъ свобода печати и которая существовала въ полной

мѣрѣ всюду, гдѣ процвѣтало драматическое искусство, напримѣръ, въ Аѳинахъ во времена Аристофана, въ Англіи въ царствованіе королевы Елисаветы, позволявшей представлять на сценѣ даже отвратительныя преданія ея собственной семьи, даже страшныя дѣянія ея собственныхъ родителей. Здѣсь, въ Баваріи, гдѣ мы находимъ свободный народъ и, что̀ еще рѣже, свободнаго нѣмецкаго короля, мы встрѣчаемся съ такими же широкими взглядами и потому можемъ ожидать прекрасныхъ плодовъ искусства.

Вернемся къ первой основной темѣ «Струэнзе»—борьбѣ средняго сословія съ аристократіей. Что тема эта родственна съ темой «Паріи», нельзя отрицать. Она должна была естественнымъ путемъ вырости изъ нея, и мы за это тѣмъ выше цѣнимъ внутреннее развитіе автора и его тонкое чутье, которое всегда приводитъ его къ принципу главныхъ спорныхъ вопросовъ нашего времени. Въ «Паріи» мы видѣли порабощеннаго, растоптаннаго человѣка, умирающаго подъ гнетомъ желѣзной пяты поработителя, и надрывающій душу голосъ, проникавшій намъ въ сердце, былъ воплемъ оскорбленнаго человѣчества. Въ «Струэнзе», наоборотъ, мы видимъ нѣкогда порабощеннаго въ борьбѣ со своими поработителями, послѣдніе даже побѣждены, и то, что̀ мы слышимъ, есть полный достоинства протестъ, которымъ человѣческое общество возстановляетъ свои старинныя права и требуетъ гражданскаго уравненія всѣхъ своихъ членовъ. Въ разговорѣ съ графомъ Ранцау, представителемъ аристократіи, Струэнзе въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ говоритъ о тѣхъ привилегированныхъ, тѣхъ каріатидахъ трона, которые желали бы казаться его необходимыми опорами, и мѣтко описываетъ онъ то аристократическое время, когда онъ еще не взялъ въ свои руки кормила правленія:

Надменность, мракъ дѣлили въ государствѣ
Всѣ высшія мѣста между собой;
Предъ ними умъ и честность сторонились...
Продажныхъ слугъ толпѣ подобострастной
Оставленъ былъ служебный низшій трудъ.
Народа кровь сосалъ презрѣнный сводникъ,
Которому позорныя дѣла
Таинственно въ лакейской поручали
И должностью платили за молчанье.
Сынки дворянъ тѣснились на ступеняхъ
Той лѣстницы, что къ почестямъ вела.
Ихъ молодымъ ногамъ нетрудно было
Перескочить всѣ низшія мѣста

Однимъ прыжкомъ. Они взбирались ловко
На узкую вершину государства,
Гдѣ достаетъ пространства для немногихъ
Испытанныхъ... И въ ужасѣ страна
Взирала, какъ толпа мальчишекъ знатныхъ
Всѣхъ лучшихъ гражданъ, всѣхъ людей труда,
Назадъ, во тьму съ презрѣньемъ оттѣсняла!

Ранцау (улыбаясь).

Ну, что-жъ, когда орла могучимъ крыльямъ
Доступнѣе заоблачныя выси,
Чѣмъ низкому полету воробья!

Струензе.

Но эти крылья я подстригъ немножко
И обуздалъ законами отвагу
Птенцовъ... чтобъ колесницей государства
Какой-нибудь новѣйшій Фаэтонъ
Попрежнему не вздумалъ управлять.

Само собой разумѣется, трагедія, въ которой герой декламируетъ такіе стихи, не могла не вызвать разныхъ превратныхъ толкованій; многіе не довольствовались тѣмъ, что преступника, осмѣлившагося держать такую рѣчь, въ концѣ концовъ обезглавливаютъ; негодованіе выражалось даже въ художественныхъ оцѣнкахъ, провозглашались эстетическіе принципы и на основаніи ихъ разбирались недостатки пьесы въ самыхъ мельчайшихъ подробностяхъ. Между прочимъ, поэту ставятъ въ упрекъ то, что въ его трагедіяхъ нѣтъ глубокихъ и богатыхъ мыслей, и что онъ не даетъ ничего, кромѣ дѣйствія и образовъ. Эти критики навѣрно незнакомы съ вышеупомянутыми «Клитемнестрой» и «Аррагонскими Невѣстами», въ которыхъ, право, нѣтъ недостатка въ разсужденіяхъ. Другой упрекъ относился къ выбору сюжета, который, какъ говорили, не совсѣмъ еще перешелъ въ область исторіи и обработка котораго требуетъ появленія на сценѣ живыхъ еще лицъ. Затѣмъ находили также неумѣстнымъ затрагивать интересы самыхъ современныхъ партій, разжигать современныя страсти, въ рамкахъ трагедіи представлять настоящее и притомъ въ такое время, когда это настоящее полно самыхъ опасныхъ и самыхъ бурныхъ треволненій. Но мы другого мнѣнія... Что же касается теоріи полезности, по которой достоинство трагедіи оцѣнивается сообразно съ той пользой, или тѣмъ вредомъ, которые она можетъ принести, то мы, конечно, очень далеки отъ такого взгляда. Но даже и при такой теоріи трагедія Бера заслуживаетъ скорѣе по-

хвалы, чѣмъ порицанія, и если представляетъ намъ картину кастовыхъ привилегій во всей ея жестокой жизненной правдѣ, то въ этомъ, можетъ-быть, больше пользы, чѣмъ думаютъ.

Въ народѣ ходитъ сказаніе о василискѣ, самомъ страшномъ и крѣпкомъ звѣрѣ, котораго нельзя поразить ни огнемъ. ни мечомъ, и единственное средство убить его заключается въ томъ, чтобы кто-нибудь имѣлъ смѣлость подержать передъ нимъ зеркало; увидѣвъ въ немъ самого себя, звѣрь такъ испугается своего собственнаго безобразія, что упадетъ и умретъ. «Струэнзе» такъ же, какъ и «Парія», есть такое же зеркало, которое смѣлый поэтъ держитъ передъ страшнымъ василискомъ нашего времени, и мы благодарны ему за эту услугу.

Мы не станемъ выяснять здѣсь тѣ законы искусства, тѣ эстетическіе плебисциты, которые высказывались толпой по поводу беровской трагедіи. Довольно будетъ сказать, что г. Беръ съ честью вышелъ изъ этого суда. Говоримъ это не въ похвалу; напротивъ, въ этихъ словахъ скрывается скорѣе затаенное порицаніе тому, что авторъ сумѣлъ завоевать массу публики такими средствами, которыя, можетъ-быть, не совсѣмъ достойны поэта. Мы подразумѣваемъ подъ этимъ сценическій пріемъ, заключающійся въ поддержаніи напряженнаго въ высшей степени ожиданія, благодаря чему можно было заставить такой биткомъ набитый театръ, какой мы видѣли на представленіи «Струэнзе», высидѣть почти пять часовъ, при чемъ восторгъ не ослабѣвалъ до конца и прорывался въ дружныхъ аплодисментахъ, а большая часть публики даже по окончаніи еще долго ждала, не появится ли Беръ, котораго она шумно вызывала.

Можетъ-быть, мы были несправедливы къ тѣмъ критикамъ, которые упрекали г. Бера въ недостаткѣ прекрасныхъ разсужденій, можетъ-быть, это было только ироническое порицаніе, за которымъ они хотѣли скрыть самую тонкую похвалу. Если же это говорилось серьезно—всѣ мы слабые люди,—то мы жалѣемъ, что эти критики изъ-за деревьевъ не видѣли лѣса. Они не видѣли, по ихъ словамъ, ничего, кромѣ дѣйствія и образовъ, и не замѣтили, что послѣдніе олицетворяли собой прекраснѣйшія размышленія, что все, вмѣстѣ взятое, было не что иное, какъ одно великое размышленіе. Мы удивляемся драматической мудрости автора и его знанію сцены, благодаря которымъ онъ достигаетъ такихъ крупныхъ результатовъ. Онъ не только точно

мотивировалъ, подготовилъ и выполнилъ всякую сцену, но каждая сцена сама по себѣ вытекаетъ изъ органической необходимости и изъ основной идеи пьесы; такъ, напримѣръ, народная сцена, которою открывается четвертое дѣйствіе и которая близорукому зрителю можетъ показаться лишнимъ придаткомъ, и многимъ дѣйствительно казалась лишней, настолько обуславливаетъ собой всю катастрофу, что безъ нея эта послѣдняя была бы лишь наполовину мотивирована. Мы уже не говоримъ о томъ, что душа зрителя была такъ взволнована страданіями трехъ первыхъ дѣйствій, что для отдыха ей была совершенно необходима комическая сцена. Ея настоящій смыслъ все-таки трагическаго свойства, изъ-за смѣющейся маски комедіи на насъ смотрятъ глубоко страдальческіе глаза Мельпомены, и именно изъ этой сцены мы узнаемъ, что Струэнзе, котораго могла бы уже погубить одна его преступная любовь къ королевѣ, кромѣ того, еще ускорилъ свою гибель тѣмъ, что его новыя учрежденія были тоже антинаціональны, что народъ ненавидѣлъ ихъ, что народъ еще не созрѣлъ для великихъ идей его либеральнаго сердца. Мы позволимъ себѣ привести нѣкоторые отрывки изъ этой народной сцены, въ которой г. Беръ показалъ намъ, что у него есть также талантъ и для комедіи. Крестьяне сидятъ въ кабакѣ и разсуждаютъ о политикѣ.

Школьный учитель. По мнѣ этотъ Струэнзе не стоитъ того, чтобы мы изъ-за него ссорились. На горе всѣмъ намъ явился онъ въ нашу страну. Онъ вноситъ всюду вражду и разладъ. Вздумалъ еще вмѣшиваться въ дѣло благороднаго учительскаго ремесла! Требуетъ, изволите видѣть, теперь отъ патентованныхъ школьныхъ учителей, чтобы они учили тому, что положительно не лѣзетъ въ головы ребятъ! Если дѣло пойдетъ такъ, какъ онъ того желаетъ, то скоро ваши мальчишки и дѣвчонки будутъ умнѣе васъ самихъ. Но до этого не дойдетъ, я позабочусь объ этомъ.

Гооге (крестьянинъ). Да, онъ хочетъ зажигать свѣтъ всюду, гдѣ слѣдовало бы его гасить; теперь всякій можетъ печатать все, что ему угодно! Вы не смѣете теперь, какъ честный школьный учитель, выпить вина, чтобы утолить свою жажду, потому что пономарь можетъ завтра же напечатать: «вчера школьный учитель былъ пьянъ!»

Школьный учитель. Какъ бы онъ это посмѣлъ! Желалъ бы я посмотрѣть.

Гооге. И увидѣли бы и не могли бы этому помѣшать. Вы называете это свободой печати, но право, кто не всегда живетъ по снурку, тотъ можетъ при этомъ попасть въ печать противъ воли.

Бабе (лѣкарь). Живите по снурку, тогда это никому не повредитъ. Но такимъ образомъ вы имѣете право говорить другъ другу свои задушевныя мнѣнія и можете, если вамъ вздумается, высказываться противъ Струэнзе и противъ правительства.

Гооге. Чего тамъ высказываться! Я не хочу высказываться, я буду

держать языкъ за зубами, но пусть и другіе также держатъ свои языки. Пусть всякій заботится о собственныхъ горшкахъ въ своей печи.

Школьный учитель. Не заводите такихъ противозаконныхъ рѣчей, кумъ Бабе! Зачѣмъ же правительство править нами, если мы станемъ высказываться противъ него? Хорошее правительство должно управлять всѣмъ, сердцами, и кошельками, и языками, и перьями. Въ хорошемъ государствѣ главное правило заключается въ томъ, чтобы, какъ выражается Гооге въ своей простотѣ и прямодушіи, всякій держалъ языкъ за зубами, ибо кто говоритъ и печатаетъ, тотъ долженъ подчасъ и думать, а для вѣрныхъ подданныхъ нѣтъ ничего опаснѣе, какъ мыслить.

Бабе. Вы, однако, не можете запретить думать.

Флинсъ (крестьянинъ). Да, этого никто не можетъ запретить, и я думаю о многомъ.

Школьный учитель. Ну-ка, послушаемъ, Флинсушка, о чемъ это вы думаете? (Тихо, къ Свенне). Это самый большой дурень во всей деревнѣ.

Флинсъ. Я думаю, что по мнѣ все ладно, лишь бы не приводили въ исполненіе того плана, который, говорятъ, задумалъ этотъ Струэнзе.

Бабе. А именно?

Флинсъ. Говорятъ, онъ задумалъ въ Даніи и въ герцогствахъ сдѣлать насъ, крестьянъ, свободными людьми. Я не хочу быть свободнымъ и независимымъ. Эка важность, что я долженъ обрабатывать свое поле для дворянина! Зато онъ меня кормитъ и заботится обо мнѣ, а побои, это не въ счетъ. Будь мы свободны, то должны были бы мучиться и хлопотать, были бы сами надъ собой господа и должны были бы платить подати...

Бабе. А ты бы не желалъ похлопотать ради своей собственности, ради того, чтобы имѣть удовольствіе называть своимъ то, чѣмъ ты владѣешь?

Флинсъ. Чего еще! Если другой можетъ хлопотать за меня, то это мнѣ удобнѣе.

Школьный учитель. Это первая разумная мысль, Флинсъ, на которой я тебя ловлю. Вмѣстѣ со свободой явилось бы сейчасъ же и просвѣщеніе, этотъ современный ядъ, который для васъ смерть.

Кромѣ мѣткихъ указаній на то, что свобода печати имѣетъ одинаково ярыхъ противниковъ среди высшихъ классовъ, и что уничтоженіе крѣпостной зависимости болѣе всего ненавистно самимъ крѣпостнымъ, кромѣ такого рода правдивыхъ чертъ, которыми изобилуетъ эта сцена, мы ясно видимъ, въ какомъ трагическомъ одиночествѣ стоялъ Струэнзе на высокихъ изоляторахъ своихъ идей и какъ въ этой борьбѣ одного противъ массы онъ долженъ былъ неминуемо погибнуть. Своимъ тонкимъ чутьемъ нашъ авторъ, однако, почувствовалъ необходимость до нѣкоторой степени смягчить слишкомъ большія страданія героя при такой гибели; онъ заставляетъ его предвидѣть въ своемъ умѣ то время, когда благодѣтели народа и самъ народъ будутъ заодно; умирая,

онъ видитъ утреннюю зарю этого времени, и произноситъ слѣдующія прекрасныя слова:

Ужъ близокъ день... Съ покорностью несу
Я жизнь къ подножью вѣчнаго престола.
Сокрытыя намѣренья теперь
На свѣтъ дневной выходятъ и сіяютъ...
И поблѣднѣть, какъ скорбь, должны дѣла...
Но все же есть награда; и въ странѣ,
Гдѣ я донынѣ дѣйствовалъ, ужъ зрѣютъ
Посѣянныя мною сѣмена.
Я сознаю, что я не даромъ жилъ;
Не ослѣплялъ народъ постыдной ложью,
Какъ думаютъ противники мои.
Она придетъ, пора осуществленья
Моихъ надеждъ, стремленій дорогихъ...
Ужъ, содрогаясь, чуетъ тиранія,
Что близокъ торжества ея конецъ!
Я вижу... Разъяренная толпа,
Порвавъ свои оковы, воздвигаетъ
Повсюду эшафотъ за эшафотомъ...
Нѣтъ никому пощады отъ нея!
И короля влечетъ она на плаху;
Потомъ свои удары на себя
Въ какомъ-то опьянѣньи обращаетъ.
Безъ устали работаетъ палачъ!
Топоръ его гуляетъ на просторѣ
И коситъ жизнь за жизнью каждый мигъ,
Какъ жнецъ усердный спѣлые колосья...
Но чья-то вдругъ желѣзная рука
Безумную обуздываетъ ярость—
И отдохнулъ палачъ. Но сильный мужъ
Пришелъ не съ вѣткой мира... Истребляетъ
И онъ людей воинственнымъ мечомъ...
Но, наконецъ, войны угасло пламя,
Спокойно все, лишь волнъ морскихъ прибой
Шумитъ вокругъ могилы одинокой.
И настаютъ иные дни... Союзъ
Съ монархами народы заключаютъ...
Да, эти дни прійдутъ, должны прійти...
Народъ могучъ и силенъ королями—
Народомъ лишь велики короли!

Высказавъ наше мнѣніе относительно основной идеи, языка и хода дѣйствія въ новой трагедіи Бера, намъ остается еще ближе освѣтить образы, которые дѣйствуютъ въ ней. Но сжатый размѣръ этихъ страницъ не допускаетъ такой критической работы и позволяетъ намъ высказать лишь нѣсколько короткихъ замѣчаній о главныхъ дѣйствующихъ лицахъ. Мы умышленно употребляемъ слово «образы» вмѣсто «характеры», обозначая первымъ выраженіемъ внѣшній, а вторымъ—внутренній обликъ выведеннаго лица. Струэнзе—

да проститъ намъ авторъ строгое порицаніе—вовсе не образъ. Что-то расплывчатое, недосказанное, чрезмѣрно мягкое, замѣчаемое нами въ этомъ лицѣ, можетъ-быть, и должно представлять собой его характеръ, мы даже готовы признать, что эти черты составляютъ характеръ, но онѣ отнимаютъ у него всякую внѣшнюю образность. То же самое относится и къ графу Ранцау, отличающемуся не столько аристократизмомъ, сколько внутреннимъ благородствомъ, и расплывающемуся, подобно Струэнзе, въ сентиментальности, этомъ наслѣдственномъ порокѣ беровскихъ героевъ; только заглянувъ ему въ самое сердце, видимъ мы, что это все-таки характеръ, хотя и слабо начертанный, но все же характеръ. Его ненависть къ королевѣ Юліаніи, съ которой онъ, тѣмъ не менѣе, заключаетъ союзъ противъ Струэнзе, и нѣсколько тому подобныхъ чертъ, придаютъ ему внутреннюю содержательность, индивидуальность, однимъ словомъ, характеръ. Только-что сказанное справедливо до нѣкоторой степени и относительно пастора Струэнзе; это лицо, которое одинъ изъ нашихъ друзей совершенно неосновательно считалъ снимкомъ съ отца въ делавиньевскомъ «Паріи», это лицо получило внѣшній видъ, можетъ-быть, благодаря не столько автору, сколько личности изображавшаго его актера. Высокая фигура Эслера въ этой роли, т. е. въ роли реформатскаго пастора, напоминала намъ собой колоссальный старокатолическій соборъ, передѣланный для протестантскаго богослуженія; на стѣнахъ красивые образа частью поломаны, частью замазаны свѣжей известкой, колонны стоятъ голыя и холодныя, но слова, раздающіяся такъ гулко и сухо со вновь сооруженной каѳедры, все-таки слово Божіе. Такимъ представился намъ Эслеръ, особенно въ той сценѣ, гдѣ пасторъ Струэнзе благословляетъ своего сына чуть не въ литургическомъ тонѣ.

Характеръ королевы Каролины Матильды, само собой разумѣется, есть милая женственность, и если мы не ошибаемся, то передъ взоромъ поэта мелькалъ при этомъ образъ несчастной Маріи Антуанеты, точно такъ же, какъ и сцена осады, въ которой мятежныя войска идутъ приступомъ на королевскій дворецъ, вызвала въ нашей памяти знаменательный штурмъ Тюильри. Фигура королевы получила рельефность также благодаря игравшей ее актрисѣ, дѣвицѣ Гагенъ, которая, въ началѣ второго дѣйствія, сидя на красномъ, окаймленномъ золотомъ креслѣ, смотрѣла точь въ точь такъ же привѣтливо, какъ на картинѣ Штилера, ко-

торою мы недавно такъ любовались на выставкѣ здѣшняго художественнаго кружка.

Мы не обладаемъ талантомъ говорить прекраснымъ дамамъ что-нибудь горькое (развѣ то, что мы ихъ любимъ), и потому воздерживаемся отъ выраженія своего мнѣнія объ игрѣ дѣвицы Гагенъ въ роли королевы Каролины Матильды, тѣмъ болѣе, что по общему отзыву, она играла въ этой роли лучше, чѣмъ когда-либо; и къ тому же наше порицаніе относится вообще ко всей той неестественной школѣ, изъ которой вышло столько выдающихся артистокъ. За исключеніемъ г-жъ Вольфъ, Штихъ, Шредеръ, Пехе, Мюллеръ и еще нѣсколькихъ дамъ, всѣ наши актрисы старались всегда говорить какимъ-то вычурнымъ, пѣвучимъ, фальшивымъ, лицемѣрнымъ тономъ, подобіе котораго можно услышать только на лютеранской каѳедрѣ и который есть пародія на всякое чистое чувство. Самыя натуральныя, неиспорченныя дѣвушки воображаютъ, что чуть только онѣ взошли на подмостки, имъ должно говорить этимъ тономъ, и когда онѣ совершенно усвоятъ себѣ эту традиціонную неестественность, то называютъ себя артистками. Если мы съ этой точки зрѣнія назовемъ нашу королеву Каролину Матильду не совсѣмъ еще законченной артисткой, то это будетъ высшей похвалой, которой она можетъ ожидать отъ насъ. Такъ какъ она еще молода и, надо надѣяться, обращаетъ вниманіе на доброжелательныя замѣчанія, то ей, можетъ-быть, удастся со временемъ освободиться отъ стремленія къ этой фатальной искусственности, за что мы всегда съ удовольствіемъ воздадимъ ей должную хвалу. Но сегодня мы должны присудить вѣнецъ другой, болѣе удовлетворительной королевѣ, и несмотря на нашъ антиаристократическій образъ мыслей, преклоняемся передъ королевой Юліаной Маріей. Вотъ это образъ, вотъ это характеръ; противъ него ничего нельзя возразить ни въ отношеніи рисунка, ни въ отношеніи красокъ; это что-то новое, что-то совершенно самобытное, и здѣсь авторъ проявляетъ свое высшее божественное полномочіе, свое полномочіе создавать людей. Здѣсь г. Беръ обнаруживаетъ нѣчто больше, чѣмъ то, что̀ мы обыкновенно называемъ талантомъ, мы готовы были бы назвать это почти геніальностью, если бы не были такъ скупы на это слишкомъ драгоцѣнное слово.

Старая, вкрадчиво энергическая, сильная и восхитительно страшная королева есть оригинальное созданіе поэта, не поддающееся сравненію ни съ какимъ изъ существующихъ

образовъ. Г-жа Фрисъ сыграла эту роль такъ, какъ она должна быть сыграна; она по справедливости заслужила шумные аплодисменты, выпавшіе на ея долю, и съ этого вечера мы причисляемъ ее къ той маленькой группѣ лучшихъ актрисъ, о которой говорили выше. Ея странныя, безпокойныя движенія рукъ живо напомнили намъ г-жу Жоржъ въ «Семирамидѣ». Ея костюмъ, ея голосъ, ея походка, все ея существо наполняло насъ тайнымъ ужасомъ; особенно въ той сценѣ, гдѣ она даетъ заговорщикамъ приказанія на ночь, намъ стало такъ же жутко, какъ однажды въ дѣтствѣ, когда слѣпая служанка разсказала намъ какъ-то вечеромъ страшную исторію о ночномъ замкѣ, гдѣ заколдованная кошачья королева, причудливо разряженная, сидитъ въ кругу своихъ придворныхъ котовъ и кошекъ и получеловѣческимъ голосомъ, полумяуканьемъ обсуждаетъ злыя козни.

Мы заключаемъ эти замѣчанія сожалѣніемъ, что размѣры этихъ страницъ не позволяютъ намъ подробнѣе поговорить о новой трагедіи г. Бера. Мы сами чувствуемъ, что освѣтили больше всего только одну ея сторону, политическую. Мы думаемъ, что другіе рецензенты по обыкновенію разберутъ исключительно другую ея сторону, романическую, любовную. Въ ожиданіи такого дополненія намъ хочется высказать еще только нашу благодарность автору за то высокое наслажденіе, которое онъ доставилъ намъ. Мы желали бы, чтобы чистосердечная оцѣнка, какую нашло у насъ его произведеніе, показало ему нашъ доброжелательный и свободный отъ всякой зависти взглядъ на вещи и были бы рады, если бы наши слова могли способствовать къ удержанію его еще надолго на томъ прекрасномъ пути, на который онъ выступилъ съ такой славой. Поэты — народъ непостоянный, на нихъ нельзя положиться, и лучшіе изъ нихъ часто мѣняли свои взгляды просто изъ страсти къ перемѣнамъ. Въ этомъ отношеніи философы гораздо надежнѣе, они гораздо болѣе, чѣмъ поэты, любятъ истины, разъ ими высказанныя, они гораздо устойчивѣе борются за нихъ, потому что они сами, съ тяжелыми усиліями, извлекли эти истины изъ глубины мышленія, тогда какъ досужему поэту онѣ даются обыкновенно легко, какъ подарокъ. Пожелаемъ, чтобы будущія трагедіи г. Бера такъ же, какъ «Парія» и «Струэнзе», были глубоко проникнуты вѣяніемъ того бога, который еще болѣе великъ, чѣмъ Аполлонъ и всѣ прочіе упраздненные боги Олимпа; мы говоримъ о богѣ свободы.

I. Стихотворенія Жанъ Батиста Руссо (1823 г.). II. Стихи любви и дружбы. Его же (1822 г.).

Чувства, мысли и воззрѣнія юношескаго возраста составляютъ тему этихъ двухъ книгъ. Вполнѣ ли понялъ авторъ значеніе этого возраста — намъ неизвѣстно; но безспорно, что изображеніе ихъ удалось ему. — Чего хочетъ юноша? Чего хочетъ это удивительное возбужденіе въ его душѣ? Чего хотятъ эти быстро исчезающіе образы, которые сегодня влекутъ его въ шумную толпу, а завтра снова манятъ въ уединеніе? Чего хотятъ тѣ неопредѣленныя желанія, предчувствія и склонности, которыя тянутся въ безконечности, и исчезаютъ, и снова выплываютъ, и подстрекаютъ юношу къ постоянному движенію? Каждый отвѣчаетъ здѣсь по-своему, и такъ какъ мы тоже имѣемъ право выбрать для отвѣта свое собственное выраженіе, то это явленіе мы объясняемъ словами: «Юноша хочетъ имѣть свою исторію». Въ этомъ заключается значеніе нашей жизни въ юности; мы хотимъ что-нибудь пережить, хотимъ получить назиданіе и испытать крушеніе, хотимъ наслажденій и страданій; въ зрѣломъ возрастѣ много изо всего этого испытано, и то шумное влеченіе, которое, быть-можетъ, и есть собственно жизненная сила, уже отчасти сдержано и направлено въ спокойное русло. Но только старикъ, который сидитъ въ кругу своихъ внуковъ подъ насажденнымъ его собственною рукою дубомъ, или среди труповъ своихъ близкихъ, на развалинахъ своего дома—только онъ чувствуетъ, что это тревожное влеченіе, это желаніе имѣть свою исторію, совершенно удовлетворено и погасло въ его сердцѣ.—Послѣ вышесказаннаго мы можемъ достаточно ясно опредѣлить главную идею вышеназванныхъ двухъ книгъ, замѣтивъ, что авторъ

въ первой изобразилъ свое стремленіе имѣть свою исторію, а въ другой—первыя начала этой исторіи. Мы назвали это изображеніе удавшимся, потому что авторъ далъ намъ не размышленія о своихъ чувствахъ, мысляхъ и воззрѣніяхъ, но ихъ самихъ, и это въ естественно вызванной ими внѣшней формѣ. Онъ спокойно допустилъ воздѣйствіе на него всего внѣшняго міра и высказалъ результаты этого воздѣйствія свободно и просто, часто грандіозно искренно и дѣтски наивно, совершенно такъ, какъ этотъ внѣшній міръ отражался въ его взволнованномъ сердцѣ. Авторъ слѣдовалъ здѣсь самому высшему принципу романтической школы, и вмѣсто того, чтобы стремиться къ извѣстной ложной идеальности, изобразилъ въ своихъ стихотвореніяхъ своеобразнѣйшія особенности простой жизни юноши средняго сословія. Но тутъ же обнаруживается въ немъ и поэтъ — обнаруживается тѣмъ, что въ этихъ особенностяхъ выражается и общее, и что даже въ тѣхъ нидерландскихъ картинкахъ, какія иногда рисуетъ намъ авторъ въ своихъ сонетахъ, видимо выступаетъ передъ нами идеальное. По этому выбору и этому сочетанію особенностей вѣдь и познается степень величины таланта; ибо какъ искусство живописца состоитъ въ томъ, что онъ смотритъ на рисуемую вещь своеобразнымъ взглядомъ, и, напримѣръ, самый грязный деревенскій кабакъ схватываетъ и изображаетъ именно съ той стороны, которая представляетъ пріятное чувству красоты и душѣ зрѣлище — такъ истинный поэтъ обладаетъ дарованіемъ смотрѣть на незначительнѣйшія и плачевнѣйшія особенности повседневной жизни и сочетать ихъ такимъ образомъ, что онѣ слагаются въ одно прекрасное, истинное поэтическое стихотвореніе. Потому-то всякое истинное стихотвореніе имѣетъ опредѣленную мѣстную окраску, и въ субъективномъ стихотвореніи мы должны находить обстановку, среди которой поэтъ живетъ. Изъ лежащихъ предъ нами книжекъ вѣетъ духъ рейнскихъ земель, и мы находимъ тутъ всюду слѣды тамошней жизни и дѣятельности, тамошняго народнаго характера со всею его жизнерадостностью, съ его граціозною мягкостью, любовью къ свободѣ, подвижностью и безсознательною глубиною. — Что касается до ихъ сравнительнаго достоинства въ художественномъ отношеніи, то вторую изъ двухъ книгъ мы ставимъ выше первой, несмотря на то, что въ первой больше привлекательнаго и здороваго. Въ первой книгѣ еще преобладаетъ движеніе страсти, именно потому, что въ ней

высказывается тревожное стремленіе имѣть исторію; во второй уже проглядываетъ эпическое спокойствіе, потому что уже образовался нѣкоторый матеріалъ этой исторіи, благодаря которому создались опредѣленныя очертанія. Но всякому извѣстно,—а кому неизвѣстно, пусть узнаетъ теперь,—что страсть творитъ стихи точно такъ же, какъ врожденный поэтическій геній. Оттого мы и видимъ столькихъ нѣмецкихъ юношей, считающихъ себя поэтами вслѣдствіе того, что ихъ не перебродившая страсть, иногда наступленіе физической зрѣлости, или патріотизмъ, или даже просто безуміе породили нѣсколько сносныхъ стиховъ. Оттого также и многіе плачевные эстетики, которымъ, можетъ-быть, случалось встрѣтить разражающихся поэтическими фразами нѣжнаго кучера или разгнѣванную кухарку, пришли къ вздорному заключенію, что поэзія не что иное, какъ языкъ страсти. Очевидно, что нашъ авторъ въ первой книгѣ произвелъ многія стихотворенія посредствомъ рычага страсти; но о стихахъ второй книги можемъ сказать, что отчасти они суть созданія генія. Труднѣе опредѣлить степень силы этой геніальности, и недостатокъ мѣста не позволяетъ здѣсь пуститься въ изслѣдованіе этого вопроса. Поэтому мы переходимъ къ оцѣнкѣ обѣихъ книгъ болѣе съ внѣшней стороны. Первая содержитъ сто отдѣльныхъ и связанныхъ между собою стихотвореній въ различныхъ размѣрахъ и родахъ. Автору нравится употреблять большую часть южныхъ формъ, и это онъ дѣлаетъ съ бо̀льшимъ или меньшимъ успѣхомъ. Но не забыты также изреченія въ простомъ нѣмецкомъ духѣ и народная пѣсня. Вотъ, напримѣръ, изреченіе, которое можно привести здѣсь, благодаря его краткости:

Mir ist zuwider die Kopfhängerei
Der jetzigen deutschen Jugend,
Und ihre, gleich einer Litanei,
Auswendig gelernte Tugend.

Народныя пѣсни выдержаны, правда, въ надлежащемъ народномъ тонѣ, но, по нашему мнѣнію, написаны какъ-то черезчуръ массивно. Задача поэта въ томъ, чтобы схватывать духъ формъ народной пѣсни и, пользуясь знаніемъ этого духа, создавать новыя, приспособленныя къ нашимъ потребностямъ, формы. Лишенными всякаго художественнаго вкуса представляются поэтому такъ-называемыя народныя пѣсни тѣхъ господъ, которые самый современный матеріалъ, почерпнутый изъ жизни образованнаго общества,

облекаютъ въ форму, приходившуюся, можетъ-быть, по сердцу и по вкусу какому-нибудь честному ремесленнику лѣтъ двѣсти тому назадъ. Буква убиваетъ, но духъ даетъ жизнь.—Во второй книгѣ помѣщены только сонеты, первая половина которыхъ, озаглавленная «Храмъ Любви», состоитъ изъ поэтическихъ апологій друзьямъ автора. Между сонетами любовными мы считаемъ самыми удачными 16, 18, 20, 21, 22, 26. Въ «Храмѣ Дружбы» отмѣтимъ сонеты Штраусу, Арниму и Брентано, А. В. фонъ-Шлегелю, Гундесагену, Сметсу, Крейзеру, Рюкерту, Бломбергу, Лебену, Иммерману, Арндту и Гейне; а между этими сонетами наиболѣе понравился намъ написанный І. Крейзеру. Сонетъ А. М. Арндту заслуживаетъ похвалы потому, что авторъ не боится, подобно многимъ робкимъ господамъ, по извѣстнымъ причинамъ открыто говорить объ этомъ почтенномъ человѣкѣ. Въ этомъ сонетѣ намъ непонятенъ второй стихъ: «Вавилонъ лежитъ на Сенѣ». Это противная географическая ошибка 1814 г. Вообще въ этомъ «Храмѣ Дружбы» нѣтъ, повидимому, никакого порицательнаго направленія, и мѣстами стихотворное благоволеніе расточается слишкомъ ужъ щедро. Особенно это сдѣлано въ сонетахъ къ Г. Гейне, къ которому авторъ достаточно обращался уже въ первой книгѣ, и который здѣсь надѣленъ осмью сонетами, тогда какъ другіе удостоены только одного. Голову Гейне эти сонеты украсили такою драгоцѣнною лавровою вѣтвью, что г. Руссо со временемъ надо будетъ сдѣлать себѣ удовольствіе забросать эту, столь прекрасно увѣнчанную имъ голову, хорошенькими пульками изъ грязи; если же таковое не случится, то это будетъ очень жаль и совершенно противно какъ всѣмъ обычаямъ, такъ и сущности обыкновенной человѣческой натуры.

«НѢМЕЦКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ВОЛЬФГАНГА МЕНЦЕЛЯ.
(1828 г.).

«Знай, что всякое произведеніе, которое было достойно появиться на свѣтъ, тотчасъ по появляніи никогда не можетъ найти судей; оно должно сначала воспитать для себя публику и создать для себя судей. Спиноза пролежалъ болѣе столѣтія, прежде чѣмъ о немъ было сказано вѣрное слово; о Лейбницѣ, можетъ-быть, слѣдуетъ еще ждать перваго вѣрнаго слова, о Кантѣ — навѣрно. Если книга при самомъ появленіи находитъ компетентнаго судью, то это несомнѣнное доказательство, что эта книга прекрасно могла бы остаться и ненаписанной».

Это слова Іоганна Готлиба Фихте, и мы ставимъ ихъ эпиграфомъ во главѣ нашей рецензіи о трудѣ Менцеля, отчасти чтобы указать, что мы менѣе всего даемъ здѣсь рецензію, а отчасти также, чтобы утѣшить автора, если собственно о содержаніи его книги не будетъ сказано ничего существеннаго, а будутъ разсмотрѣны только ея отношеніе къ другимъ книгамъ этого рода, ея внѣшнія черты и ея особенно выдающіяся мысли.

Стараясь прежде всего найти, съ какими существующими книгами этого рода можно сопоставить для сравненія настоящее сочиненіе, мы вспоминаемъ почти исключительно лекціи Фридриха Шлегеля о литературѣ. Эта книга тоже не нашла для себя компетентнаго судьи, и хотя въ послѣднее время, изъ мелочно протестантскихъ соображеній, поднималось противъ Фридриха Шлегеля много голосовъ, отрицающихъ его заслуги, однако ни одинъ изъ нихъ не былъ въ состояніи въ критическомъ отношеніи стать выше великаго критика; и хотя мы и должны признать, что въ

смыслѣ критической проницательности его братъ Августъ Вильгельмъ и нѣкоторые новѣйшіе критики, напр., Виллибальдъ Алексисъ, Циммерманъ, Варнгагенъ фонъ-Энзе и Иммерманъ довольно значительно превосходятъ его, но все же всѣ они до сихъ поръ дали намъ только монографіи, тогда какъ Фридрихъ Шлегель величаво охватилъ всю совокупность умственныхъ стремленій, какъ бы снова заключилъ всѣ ихъ проявленія въ то первоначальное творческое слово, изъ котораго они произошли, такъ что книга его походитъ на творческую пѣснь духовъ.

Религіозные частные коньки, которыми изобилуютъ позднѣйшія сочиненія Шлегеля, и ради которыхъ онъ только и писалъ, составляютъ, тѣмъ не менѣе, лишь случайную примѣсь, и особенно въ лекціяхъ о литературѣ идея искусства является все-таки господствующимъ центромъ (можетъ-быть, даже болѣе, чѣмъ онъ самъ думаетъ), отъ котораго, какъ паутина, расходятся золотые лучи, покрывающіе своею сѣтью всю книгу. Идея искусства вѣдь составляетъ въ то же время средоточіе и всего того литературнаго періода, который начался съ появленіемъ Гёте, а оканчивается только теперь, она вѣдь является настоящимъ центромъ въ самомъ Гёте, великомъ представителѣ этого періода, и если Фридрихъ Шлегель въ своей оцѣнкѣ Гёте не признаетъ у него никакого центра, то это заблужденіе коренится, можетъ-быть, въ простительномъ чувствѣ досады. Мы говоримъ «простительномъ», чтобы не употреблять слова «человѣческомъ»; Шлегели, руководимые идеей искусства, признавали объективность высшимъ условіемъ художественнаго произведенія, и такъ какъ они нашли ее въ самой высокой степени у Гёте, то они подняли его на щитъ, новая школа преклонилась передъ нимъ, какъ передъ королемъ; а сдѣлавшись королемъ, онъ отблагодарилъ Шлегелей, какъ обыкновенно благодарятъ сильные міра—оскорбительно отстранивъ ихъ и растоптавъ въ прахъ ихъ школу.

«Нѣмецкая Литература» Менцеля представляетъ достойное дополненіе къ упомянутому сочиненію Фридриха Шлегеля. Та же ширина взгляда, стремленій, силы и заблужденія. Оба сочиненія дадутъ будущимъ литераторамъ матеріалъ для размышленія не только потому, что въ нихъ вложены величайшія сокровища ума, но также и потому, что каждое изъ этихъ двухъ сочиненій вполнѣ характеризуетъ эпоху, въ которую оно написано. Это послѣднее обстоятельство доставляетъ и намъ величайшее удовольствіе при срав-

ненія обоихъ сочиненій. Въ шлегелевскомъ трудѣ мы ясно видимъ всѣ стремленія, потребности, интересы, общее направленіе нѣмецкихъ умовъ въ теченіе предпослѣднихъ десятилѣтій, и идею искусства, какъ средоточіе всего. Но если шлегелевскія лекціи образуютъ такимъ образомъ литературный эпосъ, то сочиненіе Менцеля, напротивъ, представляется намъ оживленной драмой, интересы времени выступаютъ на сцену и произносятъ свои монологи; страхи, желанія, надежды, страхъ и состраданіе высказываются, друзья совѣтуютъ, враги напираютъ, партіи борются между собой, авторъ отдаетъ имъ всѣмъ должное, какъ истый драматургъ, онъ не выказываетъ особаго предпочтенія ни одной изъ борющихся партій, и если намъ недостаетъ здѣсь чего-нибудь, то только хора, который бы спокойно объяснялъ конечное значеніе боя. Но этого хора г. Менцель не могъ намъ дать по той простой причинѣ, что онъ еще не дожилъ до конца этого столѣтія. По этой же причинѣ и намъ опредѣлить настоящее средоточіе было гораздо легче въ книгѣ ранняго періода, у Шлегеля, нежели въ книгѣ, принадлежащей самому близкому настоящему. Одно только для насъ очевидно—средоточіе Менцелевскаго сочиненія уже не идея искусства. Менцель старается скорѣе понять отношеніе жизни къ книгамъ, открыть организмъ въ мірѣ литературныхъ произведеній; иногда намъ казалось, что онъ смотритъ на литературу, какъ на растительность—и вотъ онъ прохаживается съ нами, и ботанизируетъ, и называетъ по именамъ всѣ деревья, пускаетъ остроты насчетъ самыхъ большихъ дубовъ, юмористически нюхаетъ всякую грядку тюльпановъ, цѣлуетъ каждую розу, ласково наклоняется къ нѣкоторымъ хорошо знакомымъ полевымъ цвѣткамъ и при этомъ смотритъ такъ умно, что мы почти готовы подумать, что онъ слышитъ, какъ растетъ трава.

Съ другой стороны, мы замѣчаемъ у Менцеля стремленіе къ научности, составляющее также тенденцію новѣйшаго времени, одну изъ тѣхъ тенденцій, которыми она отличается отъ предыдущаго періода искусства. Мы сдѣлали большія пріобрѣтенія въ области ума, и наука должна упрочить ихъ за нами, какъ нашу собственность. Это значеніе науки признано даже правительствомъ въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ государствахъ, особенно въ Пруссіи, гдѣ въ этомъ отношеніи всего ярче блистаютъ такія имена, какъ г. Гумбольдъ, Гегель, Боппъ, А. В. Шлегель, Шлейермахеръ и т. д. Это же стремленіе перешло, и главнымъ образомъ подъ влія-

ніемъ нѣмецкихъ ученыхъ, и во Францію; и здѣсь тоже признаютъ, что всякое знаніе имѣетъ цѣну само по себѣ, что его слѣдуетъ обрабатывать не ради его пользы въ данную минуту, а для того, чтобы оно заняло свое мѣсто въ томъ царствѣ мысли, которое мы завѣщаемъ послѣдующимъ поколѣніямъ, какъ свое лучшее наслѣдіе.

Г. Менцель скорѣе энциклопедическая, нежели синтетически научная голова. Но такъ какъ его воля влечетъ его къ научности, то мы находимъ въ его книгѣ удивительное соединеніе его природныхъ способностей съ его предвзятымъ стремленіемъ. Поэтому всѣ предметы не вытекаютъ изъ единаго внутренняго принципа, а напротивъ, разбираются каждый въ отдѣльности по остроумному схематизированію, при чемъ, однако, дополняютъ другъ друга такъ, что книга образуетъ одно прекрасное, округленное цѣлое.

Въ этомъ отношеніи книга можетъ быть полезна для массы читателей, для которой этимъ облегчается обзоръ ея содержанія и которая на каждой страницѣ находитъ что-нибудь остроумное, глубоко обдуманное и привлекательное, чего ей не приходится относить сначала къ конечному принципу, а что̀ само по себѣ уже имѣетъ полную цѣнность. Въ остроуміи, котораго мы въ правѣ искать въ продуктахъ Менцелевскаго ума, отнюдь нѣтъ недостатка, оно производитъ тѣмъ болѣе выгодное впечатлѣніе, что не кокетничаетъ съ самимъ собой, а обнаруживается лишь въ интересахъ дѣла—хотя нельзя отрицать и того, что оно часто служитъ г. Менцелю для прикрытія пробѣловъ его знанія. Г. Менцель безспорно одинъ изъ остроумнѣйшихъ писателей Германіи, онъ не можетъ отречься отъ своей натуры, да если бы и захотѣлъ, отбросивъ всякія остроты, читать намъ лекцію въ чопорномъ тонѣ сухого ученаго, то не устоялъ бы по крайней мѣрѣ передъ остроуміемъ идей, и этотъ родъ остроумія, представляющій собой такое сцѣпленіе идей, какое никогда еще не встрѣчалось ни въ одной человѣческой головѣ, дикій союзъ между шуткой и мудростью, преобладаетъ въ сочиненіи Менцеля. Еще разъ воздаемъ хвалу остроумію автора, тѣмъ болѣе, что на свѣтѣ много сухихъ людей, которые желали бы совсѣмъ изгнать остроту: ежедневно слышишь, какъ Панталоне возстаетъ противъ остроумія, этой низшей душевной способности, и какъ добрый гражданинъ и отецъ семейства требуетъ, чтобы полиція запретила его. Пусть остроуміе принадлежитъ къ низшимъ душевнымъ способностямъ — мы все же думаемъ, что оно

имѣетъ свою хорошую сторону. Мы, по крайней мѣрѣ, не желали бы лишиться его. Съ тѣхъ поръ, какъ не принято болѣе носить на боку шпагу, стало совершенно необходимо имѣть остроуміе въ головѣ. И если даже кто-нибудь въ припадкѣ раздраженія употребитъ остроуміе не только какъ необходимое орудіе защиты, а какъ средство для нападенія, то не возмущайтесь этимъ чрезмѣрно, вы, благородные Панталоне нѣмецкаго отечества! Это наступательное остроуміе, которое вы называете сатирой, приноситъ свою долю пользы въ это скверное, никуда негодное время. Никакая религія не въ состояніи болѣе обуздывать аппетиты мелкихъ земныхъ властителей, они безнаказанно смѣются надъ вами, и ихъ кони топчутъ ваши посѣвы, ваши дочери голодаютъ и продаютъ свою красоту грязному выскочкѣ, всѣ розы этого міра становятся добычей вѣтренаго племени биржевыхъ дѣльцовъ и привилегированныхъ лакеевъ, и отъ заносчиваго своеволія богатства и власти вы не найдете защиты ни въ чемъ, кромѣ смерти и сатиры.

«Универсальность—характеръ нашего времени»,—говоритъ г. Менцель во второй части (стр. 63) своего сочиненія, а такъ какъ это послѣднее, какъ мы замѣтили выше, носитъ вполнѣ характеръ нашего времени, то мы находимъ и въ немъ то же стремленіе къ универсальности. Отсюда его распространеніе на всѣ отрасли жизни и знанія, а именно подъ слѣдующими рубриками: «Масса литературы, національность, вліяніе школьной учености, вліяніе иностранныхъ литературъ, литературныя сношенія, религія, философія, исторія, государство, воспитаніе, природа, искусство и критика». Позволительно сомнѣваться, чтобы молодой ученый былъ такъ глубоко посвященъ во всевозможныя области, чтобы мы могли ожидать отъ него основательной критики ихъ современнаго состоянія. Менцель вышелъ изъ затрудненія путемъ догадокъ и построеній. Догадки его часто очень удачны, построенія всегда остроумны. Если его положенія иногда и произвольны и ошибочны, зато онъ не имѣетъ равныхъ въ сопоставленіи однородностей и противоположностей. Онъ идетъ путемъ комбинированія и согласованія. Имѣя въ виду цѣль этихъ страницъ, мы приведемъ, какъ примѣръ Менцелевскаго изложенія, слѣдующее мѣсто изъ рубрики «Государство»:

«Прежде, чѣмъ разсматривать литературу политической практики, бросимъ взглядъ на теорію. Всякая практика исходитъ изъ теорій. Теперь уже не то время, когда между

народами завязывалась преходящая вражда въ силу извѣстной чувственной гордости или случайныхъ мѣстныхъ поводовъ. Теперь, напротивъ, они борются за идеи, и именно поэтому эта борьба всеобщая, она происходитъ въ сердцѣ каждаго отдѣльнаго народа и лишь потолику является борьбой одного народа противъ другого, поколику у одного беретъ перевѣсъ одна, а у другого другая идея. Борьба сдѣлалась исключительно философской, какъ прежде она была религіозной. Не за отечество, не за великаго человѣка спорятъ теперь, а за убѣжденія, которымъ народы должны подчиняться такъ же, какъ и герои. Народы побѣждали идеями, но какъ только они дерзали ставить свое имя на мѣсто идеи, они погибали; герои при помощи идей пріобрѣтали нѣчто въ родѣ всемірнаго господства, но какъ только они отказывались отъ идеи, все ихъ могущество разсыпалось въ прахъ. Люди смѣнялись, одни только идеи остались неизмѣнными. Исторія была только школой принциповъ. Прошлое столѣтіе было богаче спекуляціями, заглядывавшими въ будущее, настоящее богаче ретроспективными взглядами и основанными на опытѣ принципами. Оба заключаютъ въ себѣ рычаги событій, ими объясняется всё, что произошло.

«Существуетъ только два принципа, или два противоположныхъ полюса политическаго міра; на обоихъ концахъ великой оси расположились партіи, и онѣ борются съ возрастающимъ озлобленіемъ. Правда, не всякій значокъ партіи признается каждымъ изъ ея приверженцевъ; правда, многіе врядъ ли даже знаютъ, что принадлежатъ именно къ такой-то опредѣленной партіи; правда, даже и члены одной и той же партіи борются между собой сообразно съ тѣмъ, какіе различные выводы они дѣлаютъ изъ одного и того же принципа; но въ общемъ самый тонкій критикъ, какъ и обыкновенная газетная публика, не можетъ не провести черты между *либерализмомъ* и *сервилизмомъ*. Каковы бы ни были оттѣнки, это clair-obscur и то, доходящее почти до потери всякаго цвѣта смѣшеніе тоновъ, въ которомъ обѣ эти главныя краски переходятъ одна въ другую—сами онѣ нигдѣ не могутъ скрыться; онѣ представляютъ единственную, великую противоположность въ политикѣ и обыкновенно съ перваго же взгляда бросаются въ глаза какъ въ книгахъ, такъ и въ людяхъ. Куда бы мы ни кинули взоръ въ области политики, онъ всюду встрѣтитъ эти краски. Онѣ всецѣло наполняютъ ее, внѣ ихъ пустое пространство.

«Либеральная партія та, которая опредѣляетъ собой по-

литическій характеръ новѣйшаго времени, тогда какъ такъ-называемая сервильная партія въ сущности дѣйствуетъ еще въ духѣ среднихъ вѣковъ. Поэтому либерализмъ идетъ впередъ въ той же мѣрѣ, какъ само время, или же задерживается въ своемъ движеніи настолько, насколько прошедшее еще тяготѣетъ надъ настоящимъ. Онъ соотвѣтствуетъ протестантизму, насколько въ немъ протестъ противъ среднихъ вѣковъ, онъ есть новое развитіе протестантизма въ свѣтскомъ отношеніи, какъ протестантское ученіе было протестантизмомъ въ духовномъ отношеніи. Его партія—образованное среднее сословіе, тогда какъ сервилизмъ набираетъ свою партію въ знати и грубой черни. Въ этомъ среднемъ сословіи постепенно все болѣе растворяются затвердѣлыя кристаллизаціи средневѣковыхъ сословій. Вся новѣйшая культура вытекла изъ либерализма или послужила ему, она была освобожденіемъ отъ традиціонной вѣры въ авторитеты. Вся литература есть торжество либерализма, ибо даже его враги принуждены сражаться его оружіемъ. Всѣ ученые, всѣ поэты оказывали ему содѣйствіе, но своего величайшаго философа онъ нашелъ въ Фихте, а своего величайшаго поэта въ Шиллерѣ».

Подъ рубрикой «Философія» г. Менцель признаетъ себя всецѣло приверженцемъ Шеллинга, а подъ рубрикой «Природа» онъ надлежащимъ образомъ превозноситъ его ученіе. Мы согласны съ тѣмъ, что онъ говоритъ объ этомъ универсальномъ философѣ. Гёрресу и Стеффенсу онъ такъ же отдаетъ справедливость, какъ ученикамъ Шеллинга. Къ первому онъ относится съ предпочтеніемъ и ужъ слишкомъ поэтически расхваливаетъ его мистицизмъ. Но намъ всегда пріятнѣе видѣть достоинство этого высокаго ума скорѣе преувеличеннымъ, нежели умаленнымъ изъ партійнаго духа. Стеффенсъ выставленъ представителемъ піетизма, и если взгляды, которыхъ авторъ держится относительно мистицизма и піетизма, и ошибочны, то все же они всегда глубокомысленны, оригинальны и широки. Мы не ожидаемъ ничего хорошаго отъ піетизма, хотя г. Менцель и тщится предсказывать всякія блага отъ него. Мы раздѣляемъ мнѣніе одного остроумнаго человѣка, смѣло утверждающаго, что изъ ста піетистовъ девяносто девять мошенниковъ и одинъ оселъ. Отъ ханжествующихъ лицемѣровъ нечего ждать спасенія, а ослиное молоко тоже не очень-то подкрѣпитъ наше слабое время. Ужъ скорѣе можно ждать спасенія отъ мистицизма. Въ своемъ теперешнемъ видѣ онъ, можетъ-быть, и противенъ, и опасенъ; но результаты его могутъ

оказаться благими. Мистикъ, погружаясь въ призрачный міръ своего внутренняго созерцанія и полагая въ самомъ себѣ источникъ всякаго познанія, вслѣдствіе этого освобождается отъ верховной власти всякаго внѣшняго авторитета, и самые правовѣрные мистики находили, такимъ образомъ, въ глубинѣ своей души тѣ неправды, которыя стоятъ въ противорѣчіи съ предписаніями положительной вѣры; они отрицали авторитетъ церкви и отстаивали свое мнѣніе не на животъ, а на смерть. Мистикомъ изъ секты ессеевъ былъ тотъ раввинъ, который позналъ въ самомъ себѣ откровеніе Отца и освободилъ міръ отъ слѣпого авторитета каменныхъ законовъ и хитрыхъ жрецовъ; мистикомъ былъ тотъ нѣмецкій монахъ, который чуялъ одинокой душой правду, давно исчезнувшую въ церкви; и мистиками будутъ тѣ, которые вновь освободятъ насъ отъ новѣйшаго служенія слову и вновь установятъ естественную религію, религію, въ которой снова изъ лѣсовъ и камней выростутъ веселые боги, и люди будутъ также радоваться, подобно богамъ. Католическая церковь всегда глубоко чувствовала эту опасность мистицизма; поэтому въ средніе вѣка она болѣе поощряла изученіе Аристотеля, чѣмъ Платона; отсюда же ея борьба съ янсенизмомъ въ прошломъ столѣтіи; и если въ настоящее время она относится очень благосклонно къ такимъ людямъ, какъ Шлегель, Гёрресъ, Галлеръ, Мюллеръ и т. д., то все-таки смотритъ на нихъ только какъ на гверильясовъ, которыми можно воспользоваться въ трудное военное время, когда постоянныя войска вѣрующихъ нѣсколько поубавились, разсчитывая впослѣдствіи, съ наступленіемъ мира, надлежащимъ образомъ поработить ихъ. Мы зашли бы слишкомъ далеко, если бы захотѣли прослѣдить, какъ мистицизмъ и на востокѣ такъ же подрываетъ вѣру въ авторитетъ, какъ, напримѣръ, изъ суфизма въ новѣйшее время возникли секты съ самыми возвышенными религіозными взглядами.

Мы съ величайшей похвалой относимся къ проницательности, съ какою г. Менцель говоритъ о протестантизмѣ и католицизмѣ, признавая въ послѣднемъ принципъ неизмѣняемости, а въ первомъ эволюціи. Въ этомъ отношеніи онъ очень вѣрно замѣчаетъ подъ рубрикой «Религія»:

«Оцѣпенѣнію должно сопротивляться движеніе, смерти жизнь, неизмѣняемому бытію вѣчное развитіе. Въ этомъ одномъ заключается великое всемірно-историческое значеніе протестантизма. Съ юношеской силой, стремящейся къ болѣе высокому развитію, онъ возсталъ противъ старческаго оцѣ-

пенѣнія. Своимъ закономъ онъ призналъ законъ природы, и только имъ однимъ онъ и можетъ побѣдить. Такимъ образомъ тѣ изъ протестантовъ, которые сами застыли въ другого рода неподвижности, отказались отъ того, что собственно составляетъ интересъ борьбы. Они остановились и не имѣютъ поэтому права жаловаться на то, что католики тоже остановились. Добиться чего-нибудь можно только постояннымъ движеніемъ впередъ. Гдѣ бы ни остановились, это безразлично, настолько же безразлично, какъ то, гдѣ остановились часы. Часы существуютъ для того, чтобы идти».

Вопросъ о протестантизмѣ приводитъ насъ къ его достойному защитнику Іоганну Генриху Фоссу, о которомъ г. Менцель при всякомъ удобномъ случаѣ отзывается въ самыхъ жесткихъ выраженіяхъ, дѣлая при этомъ самыя обидныя сопоставленія. За это мы не можемъ достаточно выразить ему наше порицаніе. Когда авторъ называетъ нашего покойнаго Фосса «неуклюжимъ нижне-саксонскимъ мужикомъ», то въ насъ почти зарождается подозрѣніе, что самъ онъ склоняется къ партіи тѣхъ потомковъ рыцарей и того духовенства, противъ которыхъ такъ мужественно боролся Фоссъ. Эта партія слишкомъ могущественна, чтобы противъ нея можно было сражаться тоненькой парадной шпагой, и намъ нуженъ былъ неуклюжій нижне-саксонскій мужикъ, который вытащилъ бы снова старый боевой мечъ временъ крестьянской войны и сталъ бы имъ рубить направо и налѣво. Г. Менцель, можетъ-быть, никогда не чувствовалъ, какъ глубоко можетъ быть уязвлено сердце неуклюжаго нижне-саксонскаго мужика дружескимъ уколомъ тонкой, гладкой, высокоблагородной змѣи, боги, безъ сомнѣнія, хранили Менцеля отъ такихъ ощущеній, иначе онъ находилъ бы жесткость Фоссовскихъ сочиненій не въ словахъ, а только въ фактахъ. Можетъ-быть и правда, что Фоссъ, въ своемъ протестантскомъ рвеніи, зашелъ слишкомъ далеко въ своемъ иконоборствѣ. Но примите въ соображеніе, что наша церковь теперь повсюду союзница аристократіи, а кое-гдѣ даже состоитъ у нея на жалованіи. Наша церковь, нѣкогда знатная дама, передъ которой рыцари преклоняли колѣна и въ честь которой они выѣзжали на турниръ противъ цѣлаго Востока, эта церковь нынѣ ослабѣла и состарѣлась, она готова теперь поступить къ этимъ самимъ рыцарямъ въ услуженіе въ качествѣ няньки и обѣщаетъ своими пѣснями убаюкать народы, чтобы во снѣ ихъ можно было легче связать и остричь, какъ овецъ.

Подъ рубрикой «Искусство» сосредотачивается большая часть нападокъ на Фосса. Эта рубрика обнимаетъ почти всю вторую часть сочиненія Менцеля. Отзывы о нашихъ ближайшихъ современникахъ мы не станемъ разбирать. Высокое сочувствіе, которое авторъ питаетъ къ Жанъ Полю дѣлаетъ честь его сердцу. Точно также и его восхищеніе Шиллеромъ. Мы тоже раздѣляемъ эти чувства; но мы не принадлежимъ къ числу тѣхъ, которые путемъ сравненія Шиллера съ Гёте стараются умалить достоинство послѣдняго. Оба—поэты первоклассные, оба велики, превосходны, выходятъ изъ ряда вонъ, и если мы чувствуемъ нѣкоторое предпочтеніе къ Гёте, то это происходитъ только отъ того маловажнаго обстоятельства, что Гёте, какъ намъ кажется, былъ бы въ состояніи сочинить цѣлаго Фридриха Шиллера со всѣми его Разбойниками, Пикколомини, Луизами, Маріями и Дѣвами, если бы ему понадобилось въ его сочиненіяхъ вывести образъ такого поэта съ относящимися къ дѣлу твореніями его.

Мы не въ силахъ выразить въ достаточной степени нашъ испугъ, вызванный жестокостью и злобой, съ какими г. Менцель говоритъ о Гёте. Онъ высказываетъ много вѣрнаго въ общемъ смыслѣ, но чего никакъ не слѣдовало бы примѣнять къ Гёте. При чтеніи этихъ страницъ, въ которыхъ онъ говоритъ о Гёте, или, лучше сказать, отрицаетъ его, намъ стало вдругъ какъ-то жутко на душѣ, такъ же жутко, какъ однажды прошлымъ лѣтомъ въ Лондонѣ, когда одинъ банкиръ показалъ намъ, какъ любопытную рѣдкость, нѣсколько фальшивыхъ банковыхъ билетовъ; мы поспѣшили поскорѣе возвратить ему эти бумаги, изъ боязни, чтобы какъ-нибудь насъ самихъ не обвинили въ изготовленіи ихъ и не повѣсили безъ дальнѣйшихъ разговоровъ передъ Old Bailey. Лишь послѣ того, какъ мы удовлетворили на страницахъ, посвященныхъ Менцелемъ Гёте, наше боязливое любопытство, проснулось въ насъ негодованіе. Мы отнюдь не имѣемъ въ виду защищать Гёте; мы полагаемъ, что Менцелевская теорія «Гёте не геній, а только талантъ», будетъ принята весьма немногими, и даже эти немногіе все-таки согласятся, что Гёте обладаетъ талантомъ отъ времени до времени дѣлаться геніемъ. Но если бы даже Менцель былъ правъ, ему не подобало бы высказывать съ такой рѣзкостью свой рѣзкій приговоръ. Гёте все-таки царь, и рецензентъ, посягающій своимъ ножомъ на такого царя поэтовъ, долженъ бы быть настолько же вѣжливъ, какъ тотъ англійскій палачъ, который обез-

главилъ Карла I и прежде, чѣмъ совершить эту критическую обязанность, сталъ на колѣни передъ царственнымъ преступникомъ и испросилъ себѣ у него прощенія.

Но откуда берется эта жестокость по отношенію къ Гёте, замѣчаемая нами то тамъ, то сямъ даже у самыхъ выдающихся умовъ? Можетъ-быть, именно потому, что Гёте ни въ чемъ не могъ быть primus inter pares и сдѣлался тираномъ въ республикѣ умовъ, многіе великіе умы и смотрятъ на него съ затаенной враждой. Они даже видѣли въ немъ какого-то Людовика XI, принижающаго высшую умственную аристократію и возвышающаго умственный tiers état, милѣйшую посредственность. Они видятъ, что онъ льститъ корпораціямъ городовъ, посылаетъ милостивыя собственноручныя письма и медали дорогимъ вѣрноподданнымъ и создаетъ бумажную аристократію «превознесенныхъ», мнящихъ себя стоящими гораздо выше тѣхъ истинныхъ вельможъ, которые признаютъ свою знатность такъ же, какъ и король, знатностью милостью Божьей или, говоря языкомъ виговъ, мнѣніемъ народа. Но хотя бы и такъ. Вѣдь еще недавно въ Вестминстерѣ, въ княжескихъ склепахъ, пришлось намъ видѣть, что эти вельможи, при жизни враждовавшіе со своими королями, послѣ смерти все-таки лежатъ рядомъ съ ними; также точно и Гёте будетъ не въ силахъ помѣшать тому, чтобы тѣ великіе умы, которыхъ онъ охотно отстранялъ при жизни, не соединились съ нимъ послѣ смерти и не заняли навѣки мѣста рядомъ съ нимъ въ Вестминстерѣ нѣмецкой литературы.

Броженіе умовъ недовольныхъ вельможъ заразительно, и воздухъ становится удушливъ. Принципъ гётевскаго времени, идея искусства, исчезаетъ, наступаетъ новая эпоха съ новымъ принципомъ, и странно! какъ видно изъ Менцелевой книги, она начинается бунтомъ противъ Гёте. Можетъ-быть, Гёте и самъ чувствуетъ, что тотъ прекрасный объективный міръ, который онъ создалъ словомъ и примѣромъ, въ силу необходимости рушится, равно какъ и идея искусства постепенно теряетъ свое господство, и что новые, свѣжіе умы, гонимые новой идеей новаго времени, врываются, подобно сѣвернымъ варварамъ, въ южныя страны, ниспровергаютъ цивилизованный гётеизмъ и на его мѣстѣ основываютъ царство самой необузданной субъективности. Отсюда стремленіе образовать гётевское земское ополченіе. Всюду гарнизоны и всяческія поощренія сражающимся. Старыхъ романтиковъ янычаръ стараются вы-

курьезная птица, подъ этимъ деревомъ можно хорошо заснуть».

Мы замѣтили выше, что намѣреваемся разбирать настоящую трагедію по правиламъ драматургіи. Но такъ какъ въ этомъ отношеніи даже наши величайшіе эстетики не согласны между собой, а считать наше собственное мнѣніе за единственно справедливое было бы слишкомъ притязательно, и такъ какъ намъ не хотѣлось бы своимъ субъективнымъ взглядомъ безсознательно умалить заслугу автора, то мы никогда не будемъ высказывать безусловнаго сужденія о его произведеніяхъ, не объяснивъ предварительно въ нѣсколькихъ словахъ, изъ какихъ основныхъ эстетическихъ положеній мы исходимъ. Сообразно съ этимъ мы будемъ разбирать настоящую трагедію съ трехъ точекъ зрѣнія: драматической, поэтической и этической.

Лирика—первый и самый древній родъ поэзіи. Какъ у цѣлыхъ народовъ, такъ и у отдѣльныхъ людей первые поэтическіе порывы бываютъ всегда лирическаго характера. При этомъ общепринятыя, условныя метафоры кажутся поэту слишкомъ избитыми и холодными, и онъ ищетъ необыкновенныхъ, болѣе сильныхъ образовъ и сравненій для живого изображенія какъ своихъ субъективныхъ чувствъ, такъ и впечатлѣній, получаемыхъ его субъективностью отъ внѣшнихъ предметовъ. Есть индивидуумы и цѣлые народы, которые въ поэзіи никогда не шли далѣе этого рода творчества. Какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ, это указываетъ на младенческое состояніе ума или на плоскую односторонность. Но какъ только поэтъ достигаетъ извѣстной умственной зрѣлости, какъ только его духовный взоръ начинаетъ глубже проникать во внутренній смыслъ внѣшнихъ предметовъ и событій, какъ только у него вырабатывается общій взглядъ на этотъ внѣшній міръ въ его совокупности, такъ сейчасъ же является у него и новое стремленіе дать поэтически прекрасное изображеніе этихъ внѣшнихъ предметовъ во всей ихъ объективной ясности, безъ примѣси субъективныхъ чувствъ и взглядовъ. Такъ возникаютъ эпическая и драматическая поэзія.

Нѣкоторыя способности требуются, такимъ образомъ, одинаково какъ для того, такъ и для другого рода поэзіи, а именно: общій взглядъ на природу, умѣніе выйти изъ субъективности, вѣрное, жизненное описаніе событій, положеній, страстей, характеровъ и т. д. Мы должны, однако, сдѣлать одно, часто потверждающееся на опытѣ замѣчаніе — что

поэты, являющіеся мастерам
часто не могутъ создать въ
замѣчаніе приводитъ насъ к
эта неудача отъ того, что д
именованныя способности тр
чѣмъ для другого, и что, мо
всѣ эти роды поэзіи такъ и

Если мы станемъ наблюда
тическимъ писателемъ въ к
за ихъ пріемами, то намъ
этотъ вопросъ. Конечно, эпич
душѣ свой матеріалъ въ сам
онъ разсказываетъ просто,
ставляетъ большею частью
но часто также передаетъ нѣ
а нерѣдко забѣгаетъ и впер
Онъ спокойно описываетъ
ихъ героевъ, онъ, правда,
рить, но разсказываетъ при
подчасъ даже блеснетъ луч
души, изъ его субъективност
томъ мѣсто дѣйствія и геро
ективныя молніи, отъ котор
лучшія эпическія поэмы, «
торыя составляютъ, можетъ-
доказываютъ, что въ эпосѣ
отъ субъективности не требу
какъ въ драмѣ. Въ этомъ п
собность должна быть безу
самое главное. Драма предп
является не одно какое-нибу
мировать данное сочиненіе,
произведенія, живые люди,
собой сообразно ихъ духу.
димо только обозначить, чт
ствуютъ. Но горе тому писа
детъ, что эти живые предста
группироваться и дѣлать гри
нію—театральный портной з
декораторъ о красивой обста
высказываемыхъ чувствахъ,
щеніи. Все это совсѣмъ не
писателю и, пробуя свои сил

въ прекрасныхъ описаніяхъ мѣстности, въ обс
рактеровъ и слишкомъ тонкихъ оттѣнкахъ. Нако
не допускаетъ никакой неподвижности, паралл
еще менѣе—забѣганія впередъ, какъ это дѣлает
Стало-быть, основная черта драмы есть живо
живое дѣйствіе, которые по мѣрѣ своего развити
оживляются и все болѣе переплетаются между

Мы здѣсь бѣгло набросали характерныя чер
ности эпоса и драмы, и всякій хорошо пойм
такъ много поэтовъ съ успѣхомъ переходятъ
лирики въ область эпоса; здѣсь имъ не приход
шенно отрекаться отъ своей субъективности, и
силы въ романсѣ, элегіи, романѣ и тому подобн
поэзіи, представляющихъ собой смѣшеніе эпи
мента съ лирическимъ, они могутъ постепенно
къ этому отреченію отъ субъективности, или н
переходъ къ чистому эпосу, тогда какъ въ др
поэзіи не существуетъ никакой такой переходн
требуется сейчасъ же наистрожайшее подавле
ключомъ субъективности. Въ то же время оч
именно привычка постоянно думать объ описаніи
костюмовъ и т. п., дѣлаетъ самаго опытнаго
писателя плохимъ драматургомъ, и что поэтом
желающій выдвинуться на драматическомъ попри
дѣлаетъ, если изъ области лирики сразу пер
область драмы.

Съ удовольствіемъ замѣчаемъ, что послѣднее
димъ у автора настоящей трагедіи, лирическія ст
котораго такъ часто восхищали насъ какъ внѣш
комъ, такъ и живой задушевностью. Но какъ тр
неимовѣрно труденъ переходъ отъ лирики къ
нашъ авторъ испыталъ на самомъ себѣ, такъ ка
вая трагедія, предшествовавшая «Тассо», вышла
неудачною. Однако, честная откровенность, съ
торъ въ предисловіи къ «Тассо» признается
удачѣ, а также неожиданное впечатлѣніе, пр
этой послѣдней трагедіей на того, кто имѣлъ нес
честь первую — все это даетъ намъ право смот
пальцы на многіе недостатки «Тассо», удивлять
шагу впередъ, сдѣланному авторомъ, признать за
нутый имъ талантъ и въ нѣкоторомъ отдаленіи п
вѣнокъ, котораго онъ непремѣнно добьется, идя по

Скромное признаніе въ предисловіи къ «Т

няетъ намъ какъ бы въ обязанность старательно избѣгать всякаго сравненія съ драмой Гёте подъ тѣмъ же заглавіемъ. Однако, мы не можемъ не замѣтить, что нашъ авторъ воспользовался тѣмъ же происшествіемъ, которое вызываетъ катастрофу у Гёте, а именно тѣмъ, что Тассо, опьяненный восторгомъ любви, обнимаетъ Леонору Эсте. Въ историческомъ отношеніи мы должны отвергнуть это происшествіе. Главные біографы Тассо, какъ Серасси, такъ и (если не ошибаемся) Мансо, не признаютъ его. Одинъ только Муратори разсказываетъ намъ эту сказку. Мы даже сомнѣваемся, чтобы когда-нибудь существовала любовь между Тассо и бывшей на десять лѣтъ старше его принцессой. Вообще, мы не можемъ безусловно согласиться также и съ тѣмъ общераспространеннымъ мнѣніемъ, будто герцогъ Альфонсъ заперъ бѣднаго поэта въ домъ умалишенныхъ просто изъ эгоизма, изъ боязни, чтобы не померкла его собственная слава. Точно это ужъ такая неслыханная и непостижимая вещь, чтобы поэтъ сошелъ съ ума? Почему же не объяснить этого помѣшательства просто и естественно? Почему, по крайней мѣрѣ, не принять, что причина заточенія Тассо лежала столько же въ мозгу поэта, сколько въ сердцѣ князя? Впрочемъ, оставимъ лучше всякія историческія сравненія, предположимъ, что фабула пьесы, въ томъ видѣ, какъ она обыкновенно принимается, извѣстна, и посмотримъ, какъ нашъ авторъ обработалъ свой сюжетъ.

Первое, что̀ мы здѣсь видимъ, это то, что авторъ выводитъ на сцену ту Леонору, о которой упоминаетъ Мансо, но которую положительно отрицаетъ Серасси. Благодаря этому удачному пріему, пьеса получаетъ интересную, интригообразную, драматическую завязку. Эта Леонора № 3, по имени Леонора ди-Жизелло, компаньонка графини Леоноры ди-Санвитале. Пьеса начинается разговоромъ этихъ двухъ женщинъ въ дворцовомъ паркѣ въ Феррарѣ.

Леонора ди-Жизелло признается, что любитъ Тассо, и разсказываетъ, что у нея есть доказательство и его любви къ ней. Графиня возражаетъ ей, что это доказательство, заключающееся въ томъ, что въ пѣсняхъ Тассо такъ часто прославляется имя Леоноры, весьма сомнительное, потому что это имя носятъ при дворѣ еще двѣ дамы—она сама и принцесса. Даже болѣе вѣроятно, что воспѣваемая Леонора—именно принцесса. Графиня вспоминаетъ тотъ день, когда Тассо преподнесъ герцогу свою оконченную поэму «Освобожденный Іерусалимъ», а принцесса

Рукой искусною схватила быстро
Вѣнокъ лавровый, украшавшій бюстъ
Виргилія и на чело поэта
Надвинула его, когда предъ ней
Онъ преклонилъ колѣни, чтобъ принять
На голову кудрявую подарокъ
Отъ любящей руки... И сладкій трепетъ
Объялъ его, и какъ ни глубоко
Склонился онъ, а взоры подымались
Къ ея лицу, и видѣла я ясно,
Какой огонь сверкалъ въ ея глазахъ.
То было высшей изъ наградъ, какую
Онъ могъ стяжать, и тысячи вѣнковъ
Капитолійскихъ онъ охотно-бъ отдалъ
За этотъ, данный ею, и съ тѣхъ поръ
Висящій у него надъ изголовьемъ
Святыней драгоцѣнною. Альфонсо
Не нравится все это; видитъ онъ
Здѣсь оскорбленье сана государя...
Какъ угадать, что предстоитъ еще?

Появляется принцесса, она поддразниваетъ графиню тѣмъ, что имя Леонора постоянно воспѣвается поэтомъ. Въ слѣдующемъ затѣмъ монологѣ принцесса высказываетъ свою любовь къ Тассо. Онъ входитъ и говоритъ ей о своей любви къ ней.

Принцесса. О, замолчите, Тассо, замолчите
Ради меня; я знаю это все.
Тассо. Не можете вы знать, какъ я терзаюсь,
Какъ я, чтобы себя не обличить,
Чтобы и васъ не выдать, притворяюсь
Вздыхающимъ, страдающимъ по *тремъ*
И каждой говорю одно и то же.

Онъ погружается въ любовныя мечты и удаляется при приближеніи герцога. Герцогъ дѣлаетъ язвительные намеки на ихъ любовь, принцесса плачетъ, Альфонсъ уходитъ, Тассо возвращается. «Вы плачете, Элеонора?» Въ немъ вспыхиваетъ гордая отвага, онъ импровизируетъ нѣжно-томный сонетъ и въ безумномъ порывѣ любви заключаетъ принцессу въ свои объятія. Герцогъ, появившійся, между тѣмъ, въ глубинѣ сцены въ сопровожденіи графа Тирабо и нѣсколькихъ вельможъ, быстро подходитъ къ Тассо. Конецъ перваго дѣйствія.

Принцесса погружена въ печаль. Графиня приходитъ и разсказываетъ ей, что послѣ сцены въ паркѣ герцогъ позволилъ нашему поэту спокойно удалиться. А вслѣдъ за тѣмъ графъ Тирабо явился къ Тассо и сталъ съ притворнымъ сожалѣніемъ глумиться надъ нимъ. Тассо ударилъ его, но

опомнившись, вызвалъ его на поединокъ и выхватилъ шпагу во дворцѣ Феррары. Графъ оттоворился священной неприкосновенностью мѣста и объявилъ, что будетъ ждать его на валу Ленардо. Тамъ на Тассо нападаютъ братья Тирабо, трое коварныхъ молодцовъ, и онъ храбро защищается, но его, наконецъ, все-таки арестуютъ. Слышатся радостные крики народа по поводу побѣды Тассо. Приходитъ герцогъ, оскорбляетъ сестру новыми колкостями и приказываетъ ей удаляться въ свои комнаты. Въ слѣдующемъ монологѣ онъ выказываетъ себя въ своемъ настоящемъ видѣ:

Она ушла—пускай! Коль я теряю
Ея расположенье, то другихъ
Тѣмъ привлеку къ себѣ. Я здѣсь властитель;
Я господинъ двора, я раздаю
Дары и почести; я собираю
Вокругъ себя искусства, чтобъ предъ всею
Италіей дать дому моему
Торжественность и блескъ. Издалека
Стекаются сюда князья, вельможи,
Дивиться красотѣ феррарскихъ женщинъ,
О коей слухъ гремитъ во всѣхъ странахъ...
И только я—одинъ я незамѣтенъ
При собственномъ дворѣ; послѣдній—я.
Всѣхъ согрѣваетъ здѣсь лучъ яркій сана
Монаршаго, всѣмъ сладко отдыхать
Въ тѣни величья моего—и все же
Взглядъ каждаго слѣдитъ за огонькомъ
Блуждающимъ, и каждый съ тихимъ вздохомъ
Внимаетъ звукамъ эхо.—Это—тотъ
Поэтъ, котораго сюда призвалъ я,
Который здѣсь, средь шумной жизни, праздно
Проводитъ дни, охоту называетъ
Убійствомъ кровожаднымъ и глядитъ
Лишь на луну, совсѣмъ не видя землю,
Гдѣ онъ живетъ. Но берегись! Тебя
Я герцогскимъ плащемъ своимъ укуталъ—
Ты рвешься изъ него—и упадешь
Запутавшись ногою въ шлейфѣ...

Является графъ Тирабо и указываетъ герцогу средство снова блистать одному. Средство это—удаленіе Тассо. Пусть ему возвратятъ свободу, дадутъ ему понять, что принцесса отвернулась отъ него, и онъ самъ уѣдетъ. Тассо освобожденъ и прогуливается по саду. Онъ слышитъ звуки гитары, и какой-то голосъ поетъ нѣжно-страстную пѣсню изъ его «Аминты». Эта пѣвица Жюстина, она хочетъ сладкими звуками заманить добродѣтельнаго поэта въ сѣти чувственности. Тассо пристыжаетъ ее въ строгой рѣчи, говоритъ съ неудержимой горечью и презрѣніемъ о придворной знати и

о самомъ герцогѣ. Тутъ появляются герцогъ и графъ. Такъ какъ Тассо поносилъ герцога и имѣетъ видъ сумасшедшаго, то его хватаютъ и увозятъ въ госпиталь св. Анны. Конецъ второго дѣйствія.

Садъ въ Феррарѣ. Разговоръ между герцогомъ и графомъ. Послѣдній замѣчаетъ, что за Тассо нуженъ строгій присмотръ. Герцогъ желаетъ только сдѣлать его безвреднымъ, именно въ отношеніи его любви къ принцессѣ. Она выходитъ и проситъ брата освободить поэта. Герцогъ готовъ исполнить ея просьбу, если она согласится уѣхать въ Паланто. Она рѣшается на это и поручаетъ графинѣ Санвитале заботиться о Тассо во время своего отсутствія. Глубокая любовная скорбь принцессы. Конецъ третьяго дѣйствія.

Садъ въ госпиталѣ св. Анны. Духовникъ госпиталя и Леонора Жизелло; она одѣта пилигримомъ. Она испрашиваетъ у него разрѣшеніе поговорить съ Тассо, котораго заперли сюда, какъ сумасшедшаго. Мечтательный разговоръ между нимъ и Леонорой; она говоритъ ему, что отправляется ко святымъ мѣстамъ, и даетъ ему ключъ, чтобы онъ бѣжалъ черезъ дверь, ведущую на чердакъ. Тассо думаетъ, что къ нему явился ангелъ. Графъ Тирабо приходитъ къ духовнику и объявляетъ ему, что Тассо долженъ быть освобожденъ. Ночь. Чердакъ надъ комнатой Тассо; невдалекѣ мостъ, ведущій черезъ рѣку. Леонора Жизелло, готовая уже въ путь, опускается на скамью подъ окномъ чердака. Принцесса со своей придворной дамой переходитъ черезъ мостъ, отправляясь въ Паланто. Тассо появляется у окна чердака. Безконечно грустный любовный разговоръ между нимъ и принцессой. Она удаляется со своей придворной дамой. Леонора Жизелло подымается со своей скамьи, слышанный разговоръ придалъ ей новыя силы для ея далекаго странствія, она еще разъ посылаетъ Тассо нѣжный привѣтъ и быстро уходитъ. Тассо кричитъ ей вслѣдъ: «О, погоди, погоди, свѣтлый духъ!»

Цѣпи падаютъ, и Тассо свободенъ!

Онъ протягиваетъ руки къ удаляющейся.

Конецъ четвертаго дѣйствія.

Пріемная въ монастырѣ св. Амброджіо въ Римѣ. Духовникъ и Мансо, другъ дѣтства Тассо (?). Мансо только-что пріѣхалъ въ Римъ и узнаетъ, что на другой день Тассо долженъ быть увѣнчанъ лаврами въ Капитоліи. Онъ хочетъ идти къ нему; духовникъ замѣчаетъ, что Тассо спитъ въ сосѣдней комнатѣ, но что онъ очень боленъ и что его уже

причащали и соборовали. Онъ разсказываетъ, что Тассо самовольно вырвался изъ своего заточенія какъ разъ въ тотъ день, когда герцогъ даровалъ ему свободу, что какой-то пилигримъ тайно передалъ ему необходимый ключъ, что этотъ пилигримъ былъ, вѣроятно, Леонора Жизелло, но что Тассо все еще продолжаетъ считать его ангеломъ, посланнымъ отъ Бога. Онъ описываетъ, въ какомъ состояніи онъ нашелъ Тассо:

Его я видѣлъ въ скудномъ одѣяньѣ,
Бродящимъ по дорогѣ, безъ защиты
Отъ перемѣнъ весеннихъ первыхъ дней:
За градомъ теплый дождь, тамъ снова солнце
Засвѣтитъ ярко, и сейчасъ же вслѣдъ
Морозный вѣтеръ быстро гонитъ тучи.
И шелъ онъ съ непокрытой головой,
Съ развѣянными дико волосами,
А на чело и голову былъ низко
Надвинутъ высохшій вѣнокъ лавровый —
Священный тотъ уборъ, который былъ
Принцессой Леонорой на него
За пѣснь его священную возложенъ.

Тассо должны сегодня же перевезти въ монастырь св. Онуфрія, потому что это мѣсто ближе къ Капитолію. — Тассо появляется, держа въ рукахъ лавровый вѣнокъ принцессы. Онъ говоритъ, какъ человѣкъ просвѣтленный, и съ большою нѣжностью встрѣчаетъ своего Мансо. Настоятель св. Онуфрія и два монаха приходятъ за Тассо. Народъ тѣснится кругомъ; ликованіе и музыка. Вдохновеніе нисходитъ на Тассо, онъ говоритъ о какомъ-то неземномъ вѣнчаніи, подымаетъ вверхъ лавры принцессы:

Меня великимъ сдѣлалъ на землѣ
Ея вѣнокъ. *Тамъ* буду я увѣнчанъ
Прекраснымъ ангеломъ; о славѣ
Моей земной свидѣтельствовать будетъ
Вотъ *этотъ* лавръ!..

Онъ вручаетъ лавровый вѣнокъ духовнику. Ослабѣвшаго и шатающагося поэта торжественно уводятъ подъ звуки громкой музыки.

Колоннада въ академіи св. Онуфрія. Въ серединѣ статуя Аріосто. Въ глубинѣ сцены видъ на Капитолій. Входятъ Константини и кардиналъ Чинтіо. Первый разсказываетъ о смерти принцессы Леоноры:

Глубокою печалью вся Феррара
Охвачена, и пѣсни Тассо тамъ
Ужъ не звучатъ; поэтъ исчезъ, принцесса

Лежитъ въ гробу. Графиня Санвитале
Меня просила поскорѣй Феррару
Оставить и на крыльяхъ въ Римъ спѣшить,
Чтобъ вѣсть про смерть принцессы не успѣла
Дойти до Тассо и еще усилить
Великія страданія его.

Тассо съ тріумфомъ вводятъ въ залу. Такъ какъ онъ чуть не падаетъ отъ слабости, то поддерживающіе его люди сажаютъ его на ступеньки статуи Аріосто. Ликованіе врывающагося въ залу народа. Кардиналы, прелаты, вельможи и офицеры наполняютъ залу. Громъ музыки. Тассо съ усиліемъ встаетъ. Константини кидается къ его ногамъ и привѣтствуетъ своего прославленнаго друга. Тассо съ испугомъ смотритъ на него:

Такъ это правда, это мнѣ не снилось?
Ужъ ранѣе я на моемъ пути
Тебя встрѣчалъ. Была твоя одежда
Обшита чернымъ флеромъ; слышалъ я
Колоколовъ звонъ похоронный и
Уста твои таинственно шепнули:
«Торквато встрѣтитъ Леонору—тамъ!»

Тассо видимо умираетъ, онъ восторженно говоритъ о Богѣ и о духовной любви, падаетъ и лежитъ уже трупомъ на пьедесталѣ статуи своего великаго соперника, Аріосто. Духовникъ беретъ переданный ему вѣнокъ и надѣваетъ его на священную главу усопшаго. Замирающіе звуки музыки. Занавѣсъ опускается.

Согласно съ предпосланными нами этому изложенію поясненіями мы должны теперь сознаться, что въ обработкѣ своего сюжета авторъ выказалъ весьма незначительный драматическій талантъ. Большая часть его дѣйствующихъ лицъ говоритъ въ одномъ и томъ же тонѣ, почти какъ въ маріонеточномъ театрѣ, гдѣ одинъ человѣкъ говоритъ за различныхъ куколъ. Почти всѣ говорятъ однимъ и тѣмъ же лирическимъ языкомъ. И такъ какъ авторъ лирикъ, то мы можемъ утверждать, что ему не удалось вполнѣ отрѣшиться отъ своей субъективности. Лишь кое-гдѣ замѣчается стремленіе къ этому, въ особенности, когда говоритъ герцогъ. Это недостатокъ, котораго не избѣгъ почти ни одинъ лирическій поэтъ въ своихъ первыхъ драматическихъ произведеніяхъ. Зато живой діалогъ очень часто удается автору. Лишь изрѣдка встрѣчаются намъ мѣста, гдѣ все словно заморожено и гдѣ вопросъ и отвѣтъ часто притянуты за голосы другъ къ другу. Первая сцена экспозиціи написана

совсѣмъ въ дурномъ французскомъ вкусѣ, а именно представляетъ разговоръ между наперсницами. Какая разница съ нашимъ великимъ образцомъ, Шекспиромъ, у котораго самая экспозиція представляетъ уже достаточно мотивированное дѣйствіе. *Постояннаго* развитія дѣйствія вовсе нѣтъ. Такое развитіе замѣчается лишь до извѣстныхъ моментовъ. Эти моменты—конецъ перваго и конецъ четвертаго дѣйствія; тутъ авторъ всякій разъ какъ бы дѣлаетъ новый разбѣгъ.

Перейдемъ къ разбору поэтическихъ достоинствъ «Тассо».

Многихъ удивитъ, что мы помѣщаемъ подъ этой рубрикой сценическіе эффекты. Въ послѣднее время, когда большинство молодыхъ поэтовъ стремится къ сценическимъ эффектамъ въ ущербъ драматическому элементу, различіе между первыми и вторымъ обсуждалось довольно часто и выяснено въ достаточной мѣрѣ. Это порочное стремленіе вытекаетъ изъ самой природы вещей. Писатель хочетъ произвести впечатлѣніе на публику, а это впечатлѣніе легче достигается сценическими, нежели драматическими достоинствами пьесы. «Тассо» Гёте проходитъ на сценѣ тихо, беззвучно; а часто самое жалкое произведеніе, въ которомъ и діалогъ и дѣйствіе деревянные, и притомъ изъ самаго плохого дерева, но въ которомъ очень много театральныхъ хлопушекъ, разрывающихся въ надлежащій моментъ, вызываетъ рукоплесканія въ галлереѣ, одобреніе въ партерѣ и самый благосклонный пріемъ въ ложахъ. — Мы не можемъ достаточно часто и достаточно громко повторять молодымъ писателямъ, что чѣмъ болѣе замѣтно въ драмѣ стремленіе къ такимъ хлопушечнымъ эффектамъ, тѣмъ она хуже. Но мы признаемъ, что если театральный эффектъ выведенъ тамъ, гдѣ онъ естественен и необходимъ, то онъ принадлежитъ къ поэтическимъ красотамъ драмы. Это именно мы и находимъ въ разбираемой трагедіи. Театральные эффекты вплетены въ нее весьма скудно, но тамъ, гдѣ они есть, особенно въ концѣ пьесы, они производятъ въ высшей степени поэтическое впечатлѣніе.

Еще болѣе страннымъ покажется то, что мы причисляемъ соблюденіе трехъ драматическихъ единствъ къ поэтическимъ красотамъ пьесы. Единство дѣйствія мы счетаемъ безусловно необходимымъ по самому существу трагедіи. Но, какъ увидимъ ниже, есть одинъ родъ драмы, въ которомъ недостатокъ единства дѣйствія можетъ быть извиненъ. Что же касается единствъ времени и мѣста, то хотя мы настоятельно рекомендуемъ соблюденіе обоихъ этихъ единствъ, но не по-

тому, чтобы они были безусловно необходимы по самому существу драмы, а, потому, что они являются для нея великолѣпнымъ украшеніемъ и какъ бы накладываютъ на нее печать высшаго совершенства. Въ тѣхъ, однако, случаяхъ, когда это украшеніе покупается цѣною болѣе крупныхъ поэтическихъ красотъ, мы готовы лучше отказаться отъ него. Поэтому нѣтъ ничего смѣшнѣе, какъ одностороннее строгое отрицаніе ихъ. Нашъ авторъ не соблюлъ ни одного изъ всѣхъ трехъ единствъ. По вышеизложенному взгляду, мы можемъ привлечь его къ отвѣтственности только за отсутствіе единства дѣйствія. Но и въ этомъ, какъ намъ кажется, мы можемъ найти для него извиненіе.

Мы раздѣляемъ трагедіи на такія, въ которыхъ главная цѣль автора состоитъ въ томъ, чтобы передъ нашими глазами развивалось какое-нибудь замѣчательное событіе; на такія, въ которыхъ онъ хочетъ показать намъ игру какихъ-нибудь опредѣленныхъ страстей; и на такія, въ которыхъ оно стремится изобразить намъ какъ можно нагляднѣе извѣстные характеры. Обѣ первыя цѣли преслѣдовались греческими поэтами. Они заботились большею частью о развитіи дѣйствія и страстей. Они могли свободно обходиться безъ изображенія характеровъ, потому что ихъ героями были большею частью знаменитые герои, боги и тому подобные, твердо установленные характеры. Это вытекало изъ самаго происхожденія ихъ театра. Жрецы и эпическіе поэты давно уже начертали драматургу контуры характеровъ героевъ. Другое дѣло нашъ современный театръ. Изображеніе характеровъ составляетъ его главную задачу. Не лежитъ ли причина этого также въ происхожденіи нашего театра, если принять, что онъ возникъ главнымъ образомъ изъ масляничныхъ фарсовъ? Тутъ главной цѣлью было представить живо, а часто даже рѣзко, извѣстные, опредѣленные характеры, а не развивать какое-нибудь дѣйствіе, или еще менѣе—какую-нибудь страсть. У великаго Вильяма Шекспира мы находимъ впервые тѣ три вышеозначенныя цѣли въ совокупности. Поэтому на него можно смотрѣть, какъ на основателя современнаго театра, и онъ остается и теперь нашимъ великимъ и, разумѣется, недостигаемымъ образцомъ. *Іоганнъ Готгольдъ Эфраимъ Лессингъ, человѣкъ съ самой свѣжей головой и самымъ прекраснымъ сердцемъ*, былъ первымъ въ Германіи, соединявшимъ въ своихъ драмахъ самымъ прекраснымъ равномѣрнымъ образомъ изображеніе дѣйствій, страстей и характеровъ, и слившимъ ихъ

въ одно цѣлое. Такъ продолжалось до новѣйшаго времени, когда многіе писатели начали дѣлать главною цѣлью своихъ трагедій эти три предмета драматическаго изложенія уже не вмѣстѣ, а порознь. Гёте первый подалъ сигналъ къ тому, чтобы изображать только характеры. Онъ даже подалъ сигналъ къ изображенію характеровъ извѣстнаго класса людей, именно художниковъ. За его «Тассо», послѣдовалъ «Корреджіо» Эленшлегера, а за этимъ, въ свою очередь, множество трагедій въ этомъ же родѣ. «Тассо» нашего автора принадлежитъ также въ этому разряду. Поэтому мы можемъ смѣло извинить въ этой трагедіи отсутствіе единства дѣйствія и посмотримъ, хорошо ли и вѣрно ли изображены въ ней характеры, а попутно съ ними и страсти.

Характеръ главнаго героя мы находимъ очень вѣрно выдержаннымъ. Здѣсь автору, повидимому, помогло одно счастливое обстоятельство. Дѣло въ томъ, что Тассо поэтъ, часто поэтъ лирическій, и во всякомъ случаѣ всегда религіозно мечтательный. Здѣсь нашъ авторъ, въ которомъ тоже соединены эти свойства, могъ выступить во всей своей индивидуальности и придать характеру своего героя поразительную вѣрность. Это—самое прекрасное, самое лучшее во всей трагедіи. Нѣсколько менѣе вѣрно нарисованъ характеръ принцессы; онъ слишкомъ мягокъ, слишкомъ восковой, слишкомъ расплывчатъ, ему недостаетъ содержательности. Къ графинѣ Санвитале авторъ отнесся равнодушно; лишь слабыми штрихами намѣчено ея расположеніе къ Тассо. Герцогъ во многихъ сценахъ изображенъ очень правдиво, но онъ часто противорѣчитъ себѣ. Напримѣръ, въ концѣ второго дѣйствія онъ велитъ запереть Тассо, чтобы тотъ не поносилъ болѣе его имя; а въ первой сценѣ третьяго акта онъ говоритъ, что велѣлъ это сдѣлать изъ опасенія, чтобы любовь Тассо къ его сестрѣ не привела къ чему-нибудь худому. Графъ Тирабо не только жалкій человѣкъ, но также, чего авторъ *не* имѣлъ въ виду, непослѣдовательный человѣкъ. Леонора Жизелло—хорошенькій церковный колокольчикъ, который тихо и сладко звучитъ среди этой разноголосицы, постепенно все слабѣетъ и наконецъ замираетъ.

Великолѣпенъ стиль автора. Какъ хорошъ, трогателенъ и увлекателенъ ночной разговоръ принцессы съ Тассо! Эти скорбно мягкіе, томно сладостные звуки неудержимо влекутъ въ сказочный міръ поэзіи, глубоко затаенныя раны нашего сердца сочатся кровью, но въ этомъ есть безконечное сладострастіе, и изъ красныхъ капель вырастаютъ сіяющія розы.

Также прекрасны стихи на стр. 77, равно какъ и стансы на стр. 82, въ которыхъ Тассо обращается къ Леонорѣ Жизелло, пришедшей къ нему подъ видомъ пилигрима...

Стихи эти риѳмованные. Но умѣстна ли вообще риѳма въ трагедіи? Мы рѣшительно противъ нея, находимъ ее терпимой только въ чисто лирическихъ изліяніяхъ, а въ разбираемой трагедіи готовы извинить ее только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ говоритъ самъ Тассо. Въ устахъ поэта, сочинявшаго такъ много риѳмъ въ своей жизни, риѳма по крайней мѣрѣ звучитъ не совсѣмъ неестественно. Плохому поэту риѳма въ трагедіи будетъ всегда служить вспомогательнымъ костылемъ, для хорошаго поэта она является стѣснительными оковами. Съ какой стороны ни посмотрѣть, эти оковы не представляютъ для надѣвшаго ихъ на себя никакой выгоды. Ибо наши актеры, особенно актрисы, все еще руководятся тѣмъ фальшивымъ принципомъ, что риѳмы существуютъ для глазъ и что поэтому надо стараться, чтобы онѣ были какъ можно меньше слышны. Ради чего же мучится бѣдный авторъ?—Какъ ни благозвучны стихи нашего автора, но они все-таки недостаточно ритмичны. Онъ не обладаетъ искусствомъ переносить слово въ слѣдующій стихъ, что̀ такъ безконечно важно въ пятистопномъ ямбѣ, и благодаря чему создается такое метрическое разнообразіе стиха. Иногда у автора прорывается шестистопный стихъ. Намѣренно ли это? Непостижимо для насъ, какъ могъ авторъ позволить себѣ неправильное скандированіе слова «Виргилій», на стр. 7 и 22. А также на стр. 4 и 14. Хотя наши лучшіе старые поэты тоже дѣлали иногда такія ошибки, но молодые все-таки должны были бы стараться избѣгать ихъ.

Теперь перейдемъ къ вопросу: каково достоинство данной трагедіи въ *этическомъ* отношеніи?

Этическое? Этическое?—слышатся намъ вопросы. Ради Бога, ученые господа, не придерживайтесь школьнаго опредѣленія. Слово «этическое» обозначаетъ здѣсь только названіе рубрики, и мы подробно разъяснимъ, что̀ именно мы хотѣли включить въ эту рубрику. Послушайте, не случалось ли вамъ когда-нибудь возвращаться вечеромъ изъ театра недовольнымъ, разстроеннымъ и раздраженнымъ, несмотря на то, что пьеса, только-что видѣнная вами, была очень драматична, сценична, словомъ, полна поэзіи? Въ чемъ же ея недостатокъ? Отвѣтъ: пьеса не вызвала цѣльнаго чувства. Вотъ въ чемъ дѣло. Зачѣмъ добродѣтельный долженъ былъ погибнуть вслѣдствіе хитрости плутовъ? Зачѣмъ доброе на-

мѣреніе должно было привести къ пагубнымъ результатамъ? Зачѣмъ невинность должна была страдать? Вотъ тѣ вопросы, которые мучительно сжимаютъ намъ грудь, когда мы возвращаемся изъ театра послѣ представленія нѣкоторыхъ пьесъ. Греки прекрасно чувствовали необходимость подавить въ трагедіи это мучительное *зачѣмъ*, и придумали *рокъ*. И какъ только изъ сдавленной груди вырывалось тягостное «зачѣмъ», такъ сейчасъ же появлялся серьезный хоръ; онъ подымалъ палецъ вверхъ, указывая на высшій міровой порядокъ, на исконный законъ необходимости, передъ которымъ склоняются даже боги. Такимъ образомъ была удовлетворена въ человѣкѣ жажда духовной цѣлостности и явилось четвертое «единство» — единство чувства. Многіе писатели нашего времени чувствовали то же самое, подражали року, и такъ произошли наши нынѣшнія *трагедіи судьбы*. Удачно ли было это подражаніе, имѣло ли оно вообще сходство съ греческимъ образцомъ, этотъ вопросъ мы оставимъ открытымъ. Довольно сказать, что какъ ни было похвально это стремленіе къ достиженію единства чувства, идея судьбы представляла, тѣмъ не менѣе, весьма плачевный выходъ, безотрадный и вредный суррогатъ. Эта идея судьбы совершенно противорѣчитъ духу и морали нашего времени, которые выработало христіанство. Эта жестокая, слѣпая, неумолимая власть судьбы несовмѣстима съ идеей о небесномъ Отцѣ, полномъ милосердія и любви, заботливо охраняющемъ невинность, и безъ воли котораго ни одинъ воробушекъ не упадетъ съ крыши. Прекраснѣе и дѣйствительнѣе поступали тѣ новѣйшіе писатели, которые выводятъ всѣ событія изъ ихъ естественныхъ причинъ, изъ нравственной свободы самого человѣка, изъ его наклонностей и страстей, и которые въ своихъ драматическихъ произведеніяхъ, какъ только появляется на губахъ это страшное конечное «зачѣмъ», тихонько приподнимаютъ темную завѣсу неба и даютъ намъ заглянуть въ надземный міръ, гдѣ нашимъ взорамъ открывается такой лучезарный блескъ, а вдали мерещится такое блаженство, что среди страданій у насъ вырывается крикъ, ликованье, мы забываемъ эти страданія, или чувствуемъ, что они обращаются для насъ въ радости. Вотъ причина, почему самыя печальныя драмы часто доставляютъ самому чувствительному сердцу безконечное наслажденіе.—На этомъ похвальномъ пути стремился и нашъ авторъ достигнуть единства чувства. Онъ тоже развилъ событія изъ ихъ естественныхъ причинъ. Принцесса говоритъ:

Вѣдь вы, поэты, примѣняться къ людямъ
Не можете и не хотите; то,
Что говорятъ другіе, вы всегда
Иначе понимаете; что-жъ вами
Самими говорится—это вы
Нисколько не обдумали. Вотъ тутъ-то
И черная та нить, что́ сами вы
Вплетаете въ жизнь свѣтлую поэта.

Въ этихъ словахъ мы узнаемъ рокъ, преслѣдовавшій несчастнаго Тассо. И нашъ авторъ тоже сумѣлъ съ большимъ искусствомъ тихонько приподнять передъ нашими взорами небесную завѣсу и показать намъ, какъ душа Тассо уже витаетъ въ царствѣ любви. Всѣ наши муки состраданія разрѣшаются тихою душевною радостью, когда въ пятомъ дѣйствіи блѣдный Тассо медленно входитъ со словами:

Святой елей съ моихъ струится членовъ,
И губы, столько суетныхъ стиховъ
Сложившія о гнустностяхъ въ семъ мірѣ,
Коснулись, недостойныя, теперь
Господня Тѣла...

Разумѣется, мы должны разсматривать съ исторической точки зрѣнія чувства, возбуждаемыя въ нашемъ религіозномъ мечтателѣ священными обрядами римско-католической церкви, которые придуманы людьми, хорошо знавшими человѣческое сердце, его раны и цѣлительное, умиротворяющее дѣйствіе подходящихъ символовъ. Здѣсь мы уже видимъ нашего Тассо въ преддверіи неба. Его возлюбленная Элеонора отошла уже въ тотъ міръ прежде него, и святое предчувствіе дало ему увѣренность, что онъ встрѣтитъ ее тамъ. Этотъ взглядъ, брошенный за небесную черту, облегчаетъ нашу безконечную скорбь, когда вдали передъ нами уже виднѣется Капитолій, а многострадальный поэтъ падаетъ мертвымъ у подножья статуи своего великаго соперника, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ долженъ былъ получить высшую награду. Священникъ, возлагая лавровый вѣнокъ Элеоноры на голову покойнаго, беретъ заключительный аккордъ. Кто не пойметъ здѣсь глубокаго значенія этого лавроваго вѣнка, который составляетъ и радость, и муку Торквато, не покидаетъ его ни въ радости, ни въ мукахъ, часто жжетъ его чело, какъ раскаленные уголья, часто освѣжаетъ, какъ бальзамъ, этотъ бѣдный пылающій лобъ, и, наконецъ, какъ тяжко добытый знакъ побѣды, вѣнчаетъ его голову вѣчной славой!

Можетъ-быть, именно ради этого единства чувства нашъ

авторъ и откинулъ единство дѣйствія? Не представлялось ли его воображенію нѣчто подобное тому, что создавало у древнихъ трилогіи? Мы почти готовы такъ думать и не можемъ не попросить автора слить пять актовъ его трагедіи въ три, изъ которыхъ каждый въ отдѣльности представлялъ бы тогда одинъ членъ трилогіи. Первое и второе дѣйствіе слились бы вмѣстѣ подъ названіемъ: «Жизнь Тассо при дворѣ»; третье и четвертое дѣйствіе были бы также соединены и назывались бы: «Тассо въ заточеніи»; а пятое дѣйствіе, которымъ трилогія заканчивалась бы, было бы озаглавлено: «Смерть Тассо».

Мы указали выше, что единство чувства принадлежитъ къ этическому элементу трагедіи и что нашъ авторъ соблюлъ его въ совершенствѣ и образцово. Но онъ исполнилъ еще и другое этическое требованіе. Именно, его трагедія носитъ характеръ кротости и примиренія.

Подъ этимъ примиреніемъ мы понимаемъ не только *Аристотелевское очищеніе страсти*, но также мудрое соблюденіе границъ чисто человѣческаго. Никто не въ состояніи вывести на сцену болѣе ужасающія страсти и поступки, чѣмъ тѣ, которые создаетъ Шекспиръ, однако, при этомъ нашъ внутренній міръ, наша душа никогда не бываетъ совершенно возмущена. Какая разница съ многими нашими новѣйшими трагедіями, при представленіи которыхъ намъ точно сжимаютъ грудь въ «испанскихъ ботинкахъ», дыханіе спирается въ горлѣ и чувство нестерпимой нравственной тошноты охватываетъ все наше существо. Собственная душа должна быть для поэта вѣрнымъ мѣриломъ того чувства страха, тѣхъ ужасовъ, которые онъ можетъ выводить на сцену.

Холодный разсудокъ не долженъ усердно выискивать всякіе ужасы, сопоставлять ихъ наподобіе мозаики и нагромождать ихъ въ трагедіи. Вѣдь мы отлично знаемъ, что ужасы Мельпомены исчерпаны. Ящикъ Пандоры пустъ, и дно его, на которомъ могло еще прилипнуть какое-нибудь зло, до-чиста выскоблено поэтами, такъ что писатель, желающій понравиться публикѣ, принужденъ въ потѣ лица измышлять новые страшные образы и новыя проявленія зла.

Такимъ образомъ, мы дошли до того, что наша теперешняя театральная публика достаточно освоилась съ братоубійствомъ, отцеубійствомъ, кровосмѣсительствомъ и т. д. Если, въ концѣ концовъ, герой въ болѣе или менѣе здоровомъ умѣ совершаетъ самоубійство, то cela se fait sans

dire. Это нашъ крестъ, это наше горе. Въ самомъ дѣлѣ, если такъ будетъ продолжаться, то поэты двадцатаго столѣтія должны будутъ заимствовать матеріалъ для своихъ драмъ изъ японской исторіи и выводить на сцену для общаго назиданія всѣ тамошніе роды казней и самоубійствъ: прокалываніе, сажаніе на колъ, распарываніе живота и т. п. Право, нельзя не возмущаться, когда видишь, какъ въ нашихъ новѣйшихъ трагедіяхъ настоящій трагизмъ замѣнили всяческія убійства, рѣзня, терзаніе чувствъ; какъ публика сидитъ, дрожа и стуча зубами, какъ ее нравственно колесуютъ, и притомъ снизу вверхъ. Или наши писатели совсѣмъ забыли, какое огромное вліяніе имѣетъ театръ на нравы народа? Забыли, что они должны смягчать, а не ожесточать эти нравы? Забыли, что драма имѣетъ ту же цѣль, какъ поэзія вообще, и должна умиротворять страсти, а не разжигать ихъ, должна дѣлать людей болѣе человѣчными, а не безчеловѣчными? Неужели наши поэты совершенно забыли, что поэзія заключаетъ въ самой себѣ достаточно вспомогательныхъ средствъ, чтобы взволновать и удовлетворить самую притупившуюся публику, не прибѣгая для этого къ отцеубійству и кровосмѣшенію?

Какая жалость, что масса нашей публики такъ мало понимаетъ поэзію—почти такъ же мало, какъ наши поэты!

„РЕЙНСКО-ВЕСТФАЛЬСКІЙ АЛЬМАНАХЪ МУЗЪ на 1821 г.“

издаваемый Фридрихомъ Расманомъ.

(1821 г.).

«Тише ѣдешь, дальше будешь»,—«Спѣшить—людей насмѣшить»,—«Римъ не въ одинъ день построили»,—«Не пріѣдешь сегодня, пріѣдешь завтра»—и еще много сотенъ подобныхъ поговорокъ постоянно на устахъ нѣмцевъ, служатъ имъ послѣдними при всякомъ дѣйствіи и могли бы съ полнымъ основаніемъ служить эпиграфомъ всей нѣмецкой исторіи. Только наши издатели альманаховъ отреклись отъ этихъ печальныхъ поговорокъ, и ихъ поэтическіе букетики цвѣтовъ, которые въ зимнее время должны служить публикѣ суррогатомъ дѣйствительныхъ лѣтнихъ цвѣтовъ, обыкновенно появляются уже въ началѣ осени. Странно поэтому, что лежащій передъ нами поэтическій букетъ вышелъ на свѣтъ такъ поздно, именно въ апрѣлѣ 1821 г. Виноваты въ этомъ поставщики цвѣтовъ, писатели? Или изготовитель букета, редакторъ? Или продавщица цвѣтовъ, издательская фирма? Но надо имѣть въ виду, что это не обыкновенный альманахъ, не стихотворная «карманная книга» или другое изданьице такого же рода въ двѣнадцатую долю, которому предназначено, въ видѣ миленькаго новогодняго подарка, легко скользнуть въ бархатный ридикюль прелестной дамы, или красоваться съ изящной виньеткой и въ золотомъ обрѣзѣ на благоухающемъ туалетѣ, рядомъ съ помадной баночкой.—

Г. Расманъ даетъ намъ *Альманахъ Музъ*. Въ такомъ изданіи должна совершенно отсутствовать *проза* (а если можно, то и все *прозаическое*) — по той простой причинѣ, что музы никогда не говорятъ прозой. Это положеніе, возникшее благодаря историческимъ воспоминаніямъ объ «Альманахахъ Музъ» Фосса, Тика, Шлегеля и др., побудило однажды покойную бабушку пишущаго эти строки утверждать, что собственно никакой поэзіи нѣтъ тамъ, гдѣ не звучатъ риѳмы или не прыгаютъ гекзаметры. Сообразно съ этимъ правиломъ можно смѣло утверждать, что многіе изъ нашихъ знаменитыхъ, многіе изъ нашихъ очень читаемыхъ писателей, напримѣръ, Жанъ Поль, Гофманъ, Клауренъ, Каролина Фуке и др., ничего не смыслятъ въ поэзіи, потому что они никогда или весьма рѣдко сочиняютъ стихи. Но многіе, къ которымъ, однако, принадлежитъ и авторъ настоящей рецензіи, оспариваютъ это правило. Не принадлежитъ ли къ числу ихъ и г. Расманъ? Но къ чему же эта ограниченная прихоть—не допускать на выставкѣ поэтическихъ произведеній (каковою вѣдь и долженъ собственно быть альманахъ музъ) рѣшительно никакой прозы? Однакожъ, оставивъ въ сторонѣ все случайное и относящееся къ внѣшней формѣ, рецензентъ долженъ сознаться, что содержаніе этой книжечки пришлось ему очень по душѣ, что многія изъ стихотвореній трогали его сердце и что при чтеніи «Рейнско-Вестфальскаго Альманаха Музъ» онъ чувствовалъ себя такъ хорошо, какъ у себя дома, такъ привольно, какъ будто бы онъ ѣлъ свое лейбъ-кушанье, сырую вестфальскую ветчину, запивая ее рюмкой рейнвейна. Смыслъ этихъ словъ отнюдь не тотъ, что помѣщенныхъ въ «Альманахѣ» вестфальскихъ поэтовъ надо сравнивать съ вестфальскою ветчиной, а помѣщенныхъ тамъ же рейнскихъ поэтовъ—съ рейнвейномъ. Рецензентъ слишкомъ близко знакомъ съ славною, здорово честною натурою истаго вестфальца, чтобы не знать, что онъ ни въ одной отрасли литературы не уступаетъ своимъ сосѣдямъ, хотя еще не выучился пробивать себѣ путь, стуча литературными кастаньетами, и побивать болтовней хвастливыхъ и крикливыхъ героевъ.—Изъ тридцати семи поэтовъ, выводимыхъ альманахомъ и между которыми насъ привѣтствуетъ также нѣсколько новыхъ именъ, прежде всѣхъ долженъ быть упомянутъ редакторъ. Расманъ по формѣ своихъ произведеній принадлежитъ къ новой школѣ, но его сердце принадлежитъ еще къ старому времени, тому доброму старому времени, когда у всѣхъ поэтовъ Германіи было какъ бы

одно сердце. Уже при бѣгломъ обзорѣ предметовъ литературной дѣятельности Расмана, насъ глубоко трогаетъ его любовь къ чужимъ работамъ и усердное выискиваніе чужихъ заслугъ (чисто древне-франкское качество, давно уже вышедшее изъ моды!). Въ помѣщенныхъ въ альманахѣ стихотвореніяхъ Расмана, особенно въ стихотвореніяхъ «Горшечникъ послѣ свадьбы» и «Бѣдный Генрихъ», вполнѣ обнаруженъ его глубоко честный образъ мыслей, любвеобильная дѣятельность и почти гансъ-саксовская разрисовка. Стихотвореніе Э. М. Арндта «Крѣпость истиннаго стража» задушевно и юношески свѣжо. Въ «Элегіи въ честь герцогини веймарской» В. фонъ-Бломберга встрѣчаются вполнѣ прекрасныя и граціозныя мѣста. Фантазія Буэренса «Вѣдьмы» очень привлекательна; авторъ хорошо понимаетъ, сколь многаго можно достигнуть метрическими пріемами, онъ хорошо чувствуетъ могущество спондеевъ, особенно спондейныхъ риѳмъ; но высшая тонкость, мѣра, которую должны соблюдать въ употребленіи этихъ риѳмъ, ему покамѣстъ еще незнакома. Изъ стихотворенія Ж. Б. Руссо «Утрата» вѣетъ поэтическимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко задушевнымъ и пламеннымъ дуновеніемъ, прелестною мягкостью и таинственно-сладостною тоскою. Стихотвореніе Гейльмана «Духъ Любви» было бы очень хорошо, если бы въ немъ заключалось побольше духа и поменьше любви (этого слова). Сюжетъ поэмы Теобальда «Шельмъ фонъ-Бергенъ» превосходенъ, почти несравненен, но авторъ идетъ ложнымъ путемъ, стараясь подражать народному тону ухабистыми стихами и неуклюжимъ языкомъ. Добросердечный Гебауэръ даетъ намъ здѣсь четыре стихотворенія, весьма сердечныя; вполнѣ прекрасныя. Вильгельмъ Сметсъ далъ тоже рядъ очень хорошихъ стихотвореній, между которыми иныя могутъ быть безспорно названы услаждающими душу. Къ нимъ принадлежатъ сонетъ «Къ Эрнсту Лассо» и стихи «На именины Елисаветы». Стихотворенія Николая Мейерса очень симпатичны, нѣкоторыя совсѣмъ превосходны, и лучше всѣхъ «Тревоги любви». Почетнаго упоминанія заслуживаютъ стихотворенія Адельгейды фонъ-Штоттерфортъ, Софіи Жоржъ и Куровской-Эйхенъ.—Печать въ книжечкѣ очень мила, внѣшній видъ почти слишкомъ скроменъ и простъ. Но золотое содержаніе заставляетъ скоро забывать отсутствіе золотого обрѣза.

Поправка (въ одномъ изъ слѣдующихъ нумеровъ газеты). Вслѣдствіе небрежности при перепискѣ рецензіи стихотво-

Но, такъ какъ я всегда преклонялся передъ к
безностью, то не могу отказать вамъ безусловно
кой просьбѣ и въ доказательство моей доброй во
ренъ другимъ образомъ удовлетворить милое лю
вытекающее изъ теплаго участія къ моей судьбѣ.

Я написалъ нижеслѣдующіе листки съ такимъ к
мѣреніемъ, и тѣ біографическія свѣдѣнія, котор
имѣть для васъ интересъ, вы найдете здѣсь въ
изобиліи. Все важное и характеристичное перед
съ полною искренностью, и взаимодѣйствіе внѣш
бытій и внутреннихъ душевныхъ явленій раскрое
вами все мое существо. Съ души моей сойдетъ
лочка, и ты можешь тогда созерцать ее въ ея п
наготѣ. Пятенъ въ ней нѣтъ, а есть только ран
только тѣ раны, которыя нанесены рукою друзей
говъ.

Ночь нѣма. Снаружи только хлещетъ по крыша
и жалобно воетъ осенній вѣтеръ.

Въ комнатѣ бѣднаго больного въ эту минуту п
дострастно хорошо, и я сижу въ большомъ кресл
щая никакихъ болей.

Тогда, не отворяя дверей, входитъ ко мнѣ т
образъ, и ты располагаешься на подушкѣ у мо
Положи на мои колѣна твою прекрасную голову
не поднимая глазъ.

Я разскажу тебѣ сказку моей жизни.

Если по временамъ на твои локоны будутъ па
ныя капли, то не тревожься этимъ: это не дожд
зывающій крышу. Не плачь и пожми мнѣ тол
руку.

—

. . . . . .

...Какое возвышенное чувство должно проник
прелата, когда онъ взираетъ на кишащую наро
щадь, гдѣ тысячи людей съ обнаженными голо
клонивъ передъ нимъ колѣна, ожидаютъ его бла

Въ описаніи путешествія по Италіи гофрата
прочиталъ однажды изложеніе такой сцены, од
ность которой приходитъ мнѣ также теперь н
Между поселянами, разсказываетъ Морицъ, кото
видѣлъ тамъ колѣнопреклоненными, особое вни
обратилъ на себя одинъ изъ тѣхъ горныхъ прода
токъ, которые изъ какого-то коричневаго дерева

ваютъ прекрасныя четки и продаютъ ихъ во всей Романьѣ тѣмъ дороже, что для нихъ въ вышеупомянутый праздникъ испрашивается предварительное благословеніе самого папы. Съ величайшимъ благоговѣніемъ стоялъ на колѣняхъ этотъ человѣкъ, но широкополую войлочную шляпу, въ которой помѣщался его товаръ—четки, онъ высоко держалъ на воздухѣ, и въ то время, когда папа распростертыми руками благословлялъ толпу, онъ потрясалъ своей шляпой и переворачивалъ въ ней четки, подобно тому, какъ это дѣлаютъ продавцы каштановъ, когда жарятъ ихъ на жаровнѣ; онъ, новидимому, добросовѣстно заботился о томъ, чтобъ часть папскаго благословенія досталась и четкамъ, лежащимъ въ шляпѣ, и чтобы всѣ онѣ были освящены равномѣрно.

Я не могъ не вплести сюда эту трогательную черту благочестивой наивности и принимаюсь вновь за нить моихъ признаній, которыя всѣ имѣютъ отношеніе къ духовному процессу, который мнѣ пришлось пережить впослѣдствіи.

Самые ранніе начатки объясняютъ собою послѣдующія явленія. Несомнѣнно важно, что мнѣ уже на тридцатомъ году моей жизни преподаны были всѣ системы свободныхъ мыслителей, и къ тому же почтеннымъ духовнымъ лицомъ, которое нимало не пренебрегало своими священническими обязанностями, изъ чего я рано увидѣлъ, какъ безъ лицемѣрія религія и скептицизмъ спокойно шли рука объ руку, и это породило во мнѣ не только невѣріе, но и проникнутое величайшею терпимостью равнодушіе.

Время и мѣсто также очень важныя данныя: я родился въ концѣ скептическаго XVIII вѣка и въ городѣ, гдѣ во время моего дѣтства господствовали не только французы, но и французскій духъ.

Французы, съ которыми я познакомился, дали мнѣ прочитать, долженъ сознаться, много грязныхъ книгъ, внушившихъ мнѣ предубѣжденіе противъ всей французской литературы.

Я и впослѣдствіи никогда не любилъ ея такъ, какъ она того заслуживаетъ, и всего несправедливѣе относился къ французской поэзіи, которая была мнѣ противна съ самой моей молодости.

Въ этомъ прежде всего виноватъ проклятый аббатъ Дануа, который въ дюссельдорфскомъ лицеѣ преподавалъ французскій языкъ и непремѣнно хотѣлъ заставить меня писать французскіе стихи. Еще немного, и я по его милости возненавидѣлъ бы не только французскую поэзію, но и поэзію вообще.

Аббатъ Донуа, патеръ эмигрантъ, былъ старичокъ съ весьма подвижными лицевыми мускулами и въ коричневомъ парикѣ, который, когда онъ сердился, принималъ у него весьма косое положеніе.

Онъ написалъ для различныхъ классовъ, въ которыхъ преподавалъ, нѣсколько французскихъ грамматикъ и хрестоматій, содержавшихъ въ себѣ извлеченія для переводовъ изъ нѣмецкихъ и французскихъ классиковъ; для высшаго класса онъ издалъ также «Art oratoire» и «Art poétique»— двѣ книжечки, изъ коихъ первая заключала въ себѣ рецепты краснорѣчія изъ Квинтиліана, примѣненные къ примѣрамъ изъ проповѣдей Флешье, Массильона, Бурдалу и Боссюэта, которые казались мнѣ не особенно скучными.

Но другая книжка, составлявшая приторную копію старой школы Батте и содержавшая опредѣленіе поэзіи «l'art de peindre par les images», равно какъ французскую просодію и вообще всю французскую метрику—что это былъ за ужасный кошмаръ!

Я и теперь не знаю ничего нелѣпѣе метрической системы французской поэзіи, этого, какъ французы опредѣляютъ, «art de peindre par les images», каковое превратное понятіе, быть-можетъ, и способствуетъ тому, что они всегда впадаютъ въ живописующую парафразу.

Метрику имъ навѣрное выдумалъ Прокрустъ; это настоящая смирительная рубашка для мыслей, которыя, при своей кротости, конечно, не нуждаются въ ней. Изъ того же нелѣпаго источника возникъ смѣшной принципъ, что красота стихотворенія заключается въ преодолѣніи метрическихъ трудностей. Французскій гекзаметръ, эта римованная отрыжка, для меня просто отвратителенъ. Французы всегда сами сознавали эту противную неестественность, которая гораздо грѣховнѣе ужасовъ Содома и Гоморры, и хорошимъ ихъ актерамъ внушается рубить стихи такимъ образомъ, чтобы они походили на прозу; но къ чему въ такомъ случаѣ безполезный трудъ версификаціи?

Такъ думаю я теперь, и то же ощущалъ, еще будучи мальчикомъ, и легко представить послѣ этого, что между мною и старымъ коричневымъ парикомъ дѣло дошло до открытой вражды, когда я ему объявилъ, что рѣшительно не могу сочинять французскіе стихи. Онъ отказалъ мнѣ во всякомъ пониманіи поэзіи и назвалъ меня варваромъ изъ Тевтобургскаго лѣса.

Я и теперь еще съ ужасомъ вспоминаю, какъ меня хо-

тѣли заставить перевести изъ хрестоматіи профессора рѣчь Каіафы къ синедріону и передать при этомъ гекзаметры Клопштоковской «Мессіады» французскими александрійскими стихами! Это была утонченная жестокость... Я, да проститъ мнѣ это Богъ, проклиналъ весь міръ и чужеземныхъ угнетателей, навязывавшихъ намъ свою метрику, и едва не сдѣлался французоѣдомъ.

За Францію я готовъ бы былъ умереть; но писать французскіе стихи—никогда!

Ректоръ и моя мать помирили насъ. Матушкѣ вообще не нравилось, что я учился сочинять стихи, хотя бы даже только французскіе. Она въ то время очень боялась, чтобы я не сдѣлался поэтомъ: «хуже этого,—всегда говорила она:—ничего бы не могло со мною случиться».

Въ тѣ времена съ именемъ поэта не связывали особенно хорошаго понятія, и сочинителя представляли себѣ оборваннымъ бѣднякомъ, изготовляющимъ за нѣсколько талеровъ стихотворенія на случай и въ концѣ концовъ умирающимъ въ больницѣ.

Но матушка моя непремѣнно хотѣла сдѣлать изъ меня нѣчто очень великое и высокое, и всѣ ея воспитательные планы клонились къ этой цѣли. Она играла главную роль въ исторіи моего развитія, она составляла программы всѣхъ моихъ уроковъ, и уже съ самаго моего рожденія начались ея воспитательные замыслы. Я покорно исполнялъ выраженныя ею желанія, но сознаюсь, что она виновата въ безплодности большей части попытокъ и стремленій моихъ на гражданскомъ поприщѣ, такъ какъ оно никогда не соотвѣтвѣтствовало природнымъ моимъ наклонностямъ. Это послѣднее обстоятельство гораздо болѣе, чѣмъ міровыя событія, обусловило мою будущность.

Въ насъ самихъ лежатъ звѣзды нашего счастья.

Прежде всего ослѣпило мою матушку великолѣпіе имперіи, и такъ какъ дочь одного фабриканта желѣза въ нашихъ краяхъ, которая была съ нею очень дружна, сдѣлалась герцогинею и разсказала ей однажды, что мужъ ея выигралъ очень много сраженій и скоро сдѣлается королемъ, то матушка и для меня стала мечтать о самыхъ золотыхъ эполетахъ или самыхъ расшитыхъ мундирахъ при дворѣ императора, на служеніе которому она намѣревалась всецѣло посвятить меня.

Вотъ почему я долженъ былъ преимущественно заниматься изученіемъ того, что могло быть полезнымъ для такого по-

прища, и хотя въ лицеѣ достаточно уже заботились о математическихъ наукахъ, и милый профессоръ Бреверъ кормилъ меня до-сыта геометріею, статикою, гидростатикою, гидравликою и т. д., а въ логариѳмахъ и алгебрѣ я просто утопалъ, однако, мнѣ приходилось брать еще частные уроки изъ такихъ предметовъ, изученіе которыхъ могло доставить мнѣ возможность сдѣлаться великимъ стратегомъ, или, въ случаѣ надобности, администраторомъ завоеванныхъ провинцій.

Послѣ паденія имперіи матушка, разумѣется, должна была отказаться отъ придуманной ею для меня великолѣпной карьеры; уроки, которые я бралъ съ этою цѣлью, кончились, и,—странное дѣло!—не оставили ни малѣйшаго слѣда въ умѣ моемъ, до такой степени они были ему чужды. Это было только механическое пріобрѣтеніе, которое я отбросилъ въ сторону, какъ безполезный хламъ.

Матушка стала мечтать тогда о блестящей будущности для меня въ другомъ направленіи.

Домъ Ротшильда, съ главою котораго отецъ мой былъ очень друженъ, въ то время началъ уже доходить до своего баснословнаго процвѣтанія; вблизи насъ стали вырастать изъ земли еще другіе цари банка и промышленности, и матушка утверждала, что теперь пробилъ часъ, когда человѣкъ съ головою можетъ въ торговыхъ дѣлахъ достигнуть самыхъ невѣроятныхъ результатовъ и подняться до апогея свѣтскаго могущества. Она рѣшила поэтому создать изъ меня денежную силу, и я долженъ былъ приняться за изученіе иностранныхъ языковъ, особенно англійскаго, географіи, бухгалтеріи, словомъ — всѣхъ наукъ, относящихся до сухопутной и морской торговли и промышленности.

Чтобы ознакомиться нѣсколько съ вексельнымъ дѣломъ и колоніальною торговлею, мнѣ пришлось ходить въ контору банкира моего отца и въ подвалъ крупнаго бакалейнаго торговца. Посѣщеніе конторы продолжалось не болѣе трехъ недѣль, а посѣщеніе подвала—около четырехъ, но я ознакомился при этомъ случаѣ съ порядкомъ выдачи векселей и узналъ, каковы на видъ мускатные орѣхи.

Знаменитый купецъ, къ которому я хотѣлъ поступить въ качествѣ apprenti milionaire, нашелъ, что у меня нѣтъ таланта наживать деньги, и я признался ему со смѣхомъ, что онъ, пожалуй, правъ.

Такъ какъ вскорѣ затѣмъ произошелъ большой торговый кризисъ, и многіе изъ друзей нашихъ, а въ томъ числѣ и

мой отецъ, лишились состоянія, то мыльный пузырь меркантилизма лопнулъ еще скорѣе жалкимъ образомъ, чѣмъ пузырь имперіализма, и матушкѣ пришлось помышлять о другой для меня карьерѣ.

Теперь она придумала сдѣлать изъ своего сына юриста.

Мысль эта пришла ей въ голову, когда она замѣтила, что сословіе правовѣдовъ сдѣлалось всемогущимъ не только давно уже въ Англіи, но и во Франціи и конституціонной Германіи, при чемъ въ особенности адвокаты, вслѣдствіе привычки говорить при публикѣ, играютъ главныя роли болтуновъ и тѣмъ достигаютъ высшихъ государственныхъ должностей. Наблюденіе моей матери было совершенно правильное.

Такъ какъ въ это время только-что былъ учрежденъ новый университетъ въ Боннѣ, гдѣ юридическій факультетъ имѣлъ своими представителями знаменитѣйшихъ профессоровъ, то матушка немедленно отправила меня въ Боннъ, гдѣ я вскорѣ усѣлся у ногъ Макельдея и Велькера и сталъ питаться манною ихъ знаній.

Изъ семи лѣтъ, проведенныхъ мною въ нѣмецкихъ университетахъ, я три прекрасныхъ цвѣтущихъ года моей жизни даромъ потратилъ на изученіе римской казуистики, юриспруденціи, этой антилиберальнѣйшей науки.

Какая ужасная книга—Corpus Juris, эта библія эгоизма!

Мнѣ всегда были ненавистны какъ сами римляне, такъ и ихъ юридическій кодексъ. Эти разбойники хотѣли обезпечить за собою то, что было ими награблено, и пытались охранить законами завоеванное ихъ мечомъ; вотъ почему римлянинъ былъ въ одно и то же время и воиномъ, и адвокатомъ, и образовалась смѣсь отвратительнѣйшаго свойства. Да, этимъ римскимъ ворамъ обязаны мы теоріею собственности, существовавшей до тѣхъ поръ только какъ фактъ, и разработка этого ученія въ его гнуснѣйшихъ выводахъ есть именно то римское хваленое право, которое лежитъ въ основѣ всѣхъ нашихъ нынѣшнихъ законодательствъ, даже всѣхъ государственныхъ учрежденій новаго времени, хотя находится въ самомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ религіею, нравственностью, гуманностью и разумомъ.

Я докончилъ курсъ этихъ проклятыхъ наукъ, но никогда не могъ рѣшиться пользоваться такимъ пріобрѣтеніемъ и повѣсилъ на гвоздь мою докторскую шляпу — быть-можетъ, и подъ вліяніемъ убѣжденія, что другіе легко превзойдутъ меня въ адвокатскихъ словоизверженіяхъ и крючкотворствѣ.

Матушка состроила тогда еще болѣе серьезную мину, чѣмъ обыкновенно. Но я былъ уже взрослый человѣкъ, достигшій тѣхъ лѣтъ, когда можно обходиться безъ материнскаго надзора.

Добрая женщина сама состарѣлась и, отказавшись послѣ столькихъ фіаско отъ верховнаго руководительства моею жизнью, стала, какъ мы видѣли выше, сожалѣть, что не посвятила меня духовному званію.

Теперь она уже восьмидесятисемилѣтняя матрона, но умъ ея отъ старости нисколько не пострадалъ. Господствовать надъ моимъ образомъ мыслей она никогда не посягала и всегда была относительно меня олицетворенною терпимостью и любовью.

Вѣрою ея былъ строгій деизмъ, вполнѣ отвѣчавшій преобладающему направленію ея ума. Она была ученицею Руссо, читала его «Эмиля», сама кормила своихъ дѣтей, и воспитаніе было ея конькомъ. Сама она получила научное образованіе и училась вмѣстѣ со своимъ братомъ, который сдѣлался отличнымъ врачомъ, но рано умеръ. Совсѣмъ молодою дѣвушкою, она должна была читать своему отцу латинскія диссертаціи и другія ученыя сочиненія, при чемъ нерѣдко приводила старика въ удивленіе своими вопросами.

Умъ и чувство ея были одинаково здравы, и не отъ нея унаслѣдовалъ я склонность къ фантастическому и къ романтизму. Она, какъ я уже говорилъ, боялась поэзіи, отнимала у меня всякій романъ, который попадался мнѣ въ руки, запрещала мнѣ ходить въ театръ, не дозволяла никакого участія въ народныхъ играхъ, слѣдила за моими знакомствами, бранила служанокъ, разсказывавшихъ при мнѣ исторіи о привидѣніяхъ, словомъ, дѣлала все возможное для отстраненія отъ меня суевѣрія и поэзіи.

Она была бережлива, но только относительно самой себя; чтобы доставить удовольствіе другимъ, ей случалось быть расточительною, и такъ какъ она деньги не любила, а только цѣнила, то дарила весьма охотно, и часто приводила меня въ изумленіе своею благотворительностью и щедростью.

Какое самопожертвованіе выказала она въ отношеніи къ своему сыну, для котораго въ трудныя времена не только составила программу занятій, но и изыскала средства, необходимыя для ея осуществленія! Когда я началъ посѣщать университетъ, дѣла моего отца находились въ весьма печальномъ положеніи, и матушка продала свой дорогой уборъ, ожерелье и очень цѣнныя серьги, чтобы я могъ прожить на вырученныя деньги въ первые четыре студенческихъ года.

Я, впрочемъ, не первый въ моемъ семействѣ ѣлъ въ университетѣ драгоцѣнные каменья и глоталъ жемчугъ. Отецъ моей матушки, какъ она сама мнѣ разсказывала, дѣлалъ тотъ же самый фокусъ. Каменья, украшавшіе молитвенникъ его покойной матери, покрыли расходы на пребываніе его въ университетѣ, когда отецъ его, старый Лазарь де-Гельдернъ, вслѣдствіе процесса изъ-за наслѣдства съ замужнею сестрою, впалъ въ большую бѣдность послѣ того, какъ наслѣдовалъ отъ своего отца состояніе, о размѣрахъ котораго старая бабушка разсказывала мнѣ чудеса.

Мальчику всегда казалось, что онъ слышалъ сказку изъ «Тысячи и одной ночи», когда старушка повѣствовала о большихъ дворцахъ, персидскихъ коврахъ и массивной золотой и серебряной посудѣ, которыхъ столь печальнымъ образомъ лишился человѣкъ, пользовавшійся такими почестями при дворѣ курфюрста и его супруги. Онъ владѣлъ большимъ домомъ на Рейнштрассе; ему же принадлежала нынѣшняя больница въ Нейштедтѣ и замокъ близъ Гравенберга, а къ концу жизни онъ не зналъ, куда и голову приклонить.

Приведу въ pendant къ этому исторію, имѣющую цѣлью возстановить въ общественномъ мнѣніи честь матери одного изъ моихъ товарищей, которая была напрасно опозорена. Въ біографіи бѣднаго Дитриха Граббе мнѣ привелось читать, что страстью къ крѣпкимъ напиткамъ, которая его погубила, онъ обязанъ съ молодыхъ лѣтъ своей родной матери, научившей его пить водку, когда онъ былъ мальчикомъ, чуть не ребенкомъ. Это обвиненіе, почерпнутое издателемъ біографіи изъ устъ враждебно настроенныхъ родственниковъ покойнаго, оказывается лишеннымъ всякаго основанія, когда я припоминаю неоднократные отзывы покойнаго Граббе объ его матушкѣ, постоянно предостерегавшей его отъ пьянства въ самыхъ убѣдительныхъ выраженіяхъ.

Это была необразованная женщина, жена тюремщика, и, быть-можетъ, иногда царапала своего волченка Дитриха, когда ласкала его лапами волчицы. Но у нея было истинно материнское сердце, и она проявила его на дѣлѣ, когда сынъ ея поѣхалъ въ Берлинъ для слушанія лекцій въ университетѣ. На прощаніе, какъ разсказывалъ мнѣ Граббе, она сунула ему въ руку свертокъ, въ которомъ оказались завернутыя въ хлопчатую бумагу полдюжины серебряныхъ ложекъ съ шестью dito маленькими кофейными и большая

dito суповая ложка, составлявшія семейное сокровище, съ которымъ простолюдинки никогда не разстаются безъ острой сердечной боли, потому что эти серебряныя украшенія какъ бы отдѣляютъ ихъ отъ обыкновенной оловянной черни. Когда я познакомился съ Граббе, суповая ложка, Голіаѳъ, какъ онъ ее называлъ, была уже имъ съѣдена. На вопросы мои, каковы его дѣла, онъ всегда лаконически и съ омраченнымъ челомъ отвѣчалъ мнѣ: «я принялся за третью ложку», или «я теперь на четвертой ложкѣ». «Большія, — сказалъ онъ мнѣ однажды со вздохомъ: — уходятъ мало-по-малу, и мнѣ придется порядкомъ голодать, когда очередь дойдетъ до маленькихъ; а если и ихъ не станетъ, то мнѣ совсѣмъ уже будетъ нечего ѣсть».

Къ сожалѣнію, онъ былъ правъ, и чѣмъ менѣе онъ могъ ѣсть, тѣмъ больше принимался пить, и сдѣлался пьяницею. Сперва бѣдность, а потомъ домашнее горе побудили несчастнаго искать веселья или забвенія въ винѣ, а подъ конецъ онъ, вѣроятно, взялся за питье, какъ другіе берутся за пистолетъ, чтобы положить конецъ своему горестному положенію. «Вѣрьте,—сказалъ мнѣ однажды одинъ наивный вестфальскій землякъ Граббе:—онъ многое могъ вынести и не умеръ бы отъ того, что пилъ; онъ пилъ потому, что хотѣлъ умереть; онъ умеръ отъ самоопоенія».

Возстановленіе чести матери никогда, конечно, не можетъ быть неумѣстно; я до сихъ поръ не говорилъ объ этомъ предметѣ, потому что хотѣлъ коснуться его въ характеристикѣ Граббе; но она такъ и не была написана, да и въ книгѣ моей «De l'Allemagne» я могъ упомянуть о Граббе только вскользь.

Вышеприведенная замѣтка обращена не столько къ нѣмецкому, сколько къ французскому читателю, и для свѣдѣнія послѣдняго прибавлю здѣсь только, что означенный поэтъ Граббе былъ однимъ изъ величайшихъ германскихъ поэтовъ, и изъ всѣхъ нашихъ драматическихъ писателей можетъ быть признанъ состоящимъ въ наибольшемъ родствѣ съ Шекспиромъ. На лирѣ его, быть-можетъ, менѣе струнъ, чѣмъ у другихъ, которые тѣмъ и имѣютъ передъ нимъ преимущество; но тѣ струны, на которыхъ онъ игралъ, звучатъ такъ, какъ мы это находимъ только у великаго англичанина. У него тѣ же неожиданности, тѣ же естественныя ноты, которыми насъ устрашаетъ, приводитъ въ содроганіе, восхищаетъ Шекспиръ.

Но всѣ его качества омрачаются безвкусіемъ, цинизмомъ

и необузданностью, которыя превосходятъ все, что человѣческій мозгъ когда-либо придумывалъ самаго безумнаго и самаго отвратительнаго. Это было, однако, порожденіемъ не болѣзни, въ родѣ лихорадки или идіотизма, а умственной интоксикаціи генія. Подобно тому, какъ Платонъ очень мѣтко называлъ Діогена помѣшаннымъ Сократомъ, нашего Граббе можно было бы назвать, къ сожалѣнію, вдвое съ бо́льшимъ правомъ, опьянѣвшимъ Шекспиромъ.

Въ печатныхъ его драмахъ чудовищности эти значительно смягчены, но онѣ съ ужасающею рѣзкостью выступили въ рукописи его трагедіи «Готландъ», которую онъ, когда я его еще совсѣмъ не зналъ, передалъ мнѣ, или, вѣрнѣе, бросилъ мнѣ подъ ноги со словами: «Мнѣ хотѣлось знать, есть ли у меня дарованіе, и я снесъ эту рукопись профессору Губицу, который, прочитавъ ее, покачалъ головою и, чтобы отдѣлаться отъ меня, направилъ меня къ вамъ, такъ какъ и въ вашей головѣ бродятъ такія же сумасбродныя мысли, какъ и въ моей, а потому вы меня гораздо лучше поймете. Вотъ вамъ мое писаніе».

Послѣ этихъ словъ чудакъ ушелъ, не дожидаясь отвѣта, а такъ какъ я шелъ какъ разъ въ это время къ г-жѣ фонъ-Варнгагенъ, то взялъ рукопись съ собою, чтобы поднести ей первое произведеніе поэта, ибо изъ немногихъ мѣстъ, мною прочитанныхъ, я тотчасъ увидѣлъ, что имѣю дѣло съ поэтомъ.

Поэтическую дичь мы узнаемъ уже по запаху. Но на этотъ разъ запахъ оказался слишкомъ сильнымъ для женскихъ нервовъ, и поздно вечеромъ, около полуночи, г-жа Варнгагенъ пригласила меня къ себѣ и просила ради Бога унести назадъ ужасную рукопись, такъ какъ она не будетъ въ состояніи спать до тѣхъ поръ, пока рукопись будетъ въ ея домѣ. Такое впечатлѣніе производили творенія Граббе въ ихъ первобытномъ видѣ.

Охраненіе чести матери всегда бываетъ умѣстно, и читатель, одаренный чувствомъ, не сочтетъ празднымъ отступленіемъ съ моей стороны вышеприведенные отзывы Граббе о бѣдной женщинѣ, которая произвела его на свѣтъ.

Теперь же, исполнивъ долгъ благочестія по отношенію къ несчастному поэту, возвращусь снова къ моей собственной матери и ея роднѣ, чтобы продолжать о томъ вліяніи, которое было оказано на мое умственное образованіе съ этой стороны. Сдѣланное мною отступленіе должно быть оправдано самимъ предметомъ его.

Послѣ моей матери, этимъ воспитаніемъ особенно занялся дядя мой, Симонъ де-Гельдернъ. Онъ умеръ уже двадцать лѣтъ назадъ. Это былъ чудакъ невзрачной, даже комической наружности. Фигурка маленькая и толстенькая, лицо блѣдноватое и строгое, а носъ, хотя гречески прямолинейный, но конечно на цѣлую треть длиннѣе тѣхъ носовъ, которыми обыкновенно обладали греки.

Говорятъ, что въ молодости носъ этотъ былъ обыкновенной величины и что дядя черезчуръ вытянулъ его только вслѣдствіе дурной привычки постоянно его подергивать. Когда мы, дѣти, спрашивали дядю, правда ли это, онъ очень сердился и бранилъ насъ за такія непочтительныя рѣчи, а потомъ тотчасъ снова принимался дергать себя за носъ.

Онъ одѣвался совсѣмъ по-старофранкски, носилъ короткія брюки, бѣлые шелковые чулки, башмаки съ пряжками и по старой модѣ довольно длинную косу, которая, когда человѣчекъ сѣменилъ по улицамъ, болталась у него съ плеча на плечо, выдѣлывала всевозможные кабріоли и какъ будто насмѣхалась надъ своимъ господиномъ за его спиною.

Часто, когда добрый дядюшка сидѣлъ, задумавшись, или читалъ газету, я не могъ удержаться отъ преступнаго желанія украдкой дернуть его за косичку, точно это былъ звонокъ у дверей, на что дядюшка также очень сердился, воздымая руки къ небу и жалуясь, что молодое поколѣніе ни къ чему уже болѣе не питаетъ уваженія, перестало бояться и божескихъ, и человѣческихъ законовъ и, наконецъ, станетъ ругаться и надъ святынею.

Но если наружность этого человѣка не могла вселять къ нему уваженія, то тѣмъ почтеннѣе были внутреннія его качества, его сердце, и то было прекраснѣйшее, благороднѣйшее сердце, какое я только зналъ на свѣтѣ. Честность его напоминала ригоризмъ чести въ старыхъ испанскихъ драмахъ; а въ отношеніи вѣрности походилъ онъ на героевъ ихъ. Онъ никогда не имѣлъ случая сдѣлаться «врачомъ своей чести», но былъ «стойкимъ принцемъ», съ такимъ же рыцарскимъ величіемъ, хотя не декламировалъ четырехстопныхъ трохеевъ, вовсе не жаждалъ умереть со славою и вмѣсто блестящаго рыцарскаго плаща носилъ невзрачный сюртучокъ съ загнутыми назадъ полами, въ родѣ хвоста трясогузки.

Онъ отнюдь не принадлежалъ къ враждебнымъ чувственности аскетамъ, любилъ ярмарочные праздники и кабачокъ

трактирщика Разіа, гдѣ ему были особенно по вкусу дрозды съ можевеловымъ вареньемъ; но всякими дроздами здѣшняго свѣта и всякими его удовольствіями онъ всегда готовъ былъ пожертвовать съ гордою рѣшимостью, когда дѣло шло объ идеѣ, которую онъ признавалъ вѣрною и справедливою. И онъ дѣлалъ это такъ безпритязательно, даже стыдливо, что никто и не замѣчалъ въ немъ тайнаго мученика, скрывавшагося за этою комическою оболочкою.

По свѣтскимъ понятіямъ, жизнь его была жизнь неудачника. Симонъ де-Гельдернъ окончилъ въ іезуитской коллегіи курсъ такъ-называемыхъ гуманистическихъ наукъ, humaniora; но когда, по смерти своихъ родителей, онъ былъ поставленъ въ полную возможность выбирать себѣ карьеру по своему усмотрѣнію, то не выбралъ никакой, отказался отъ поступленія въ какой-нибудь иностранный университетъ, чтобы научиться тамъ чему-нибудь ради пріобрѣтенія куска насущнаго хлѣба, и предпочелъ остаться у себя дома, въ Дюссельдорфѣ, въ «Ноевомъ ковчегѣ», какъ онъ прозвалъ домикъ, который перешелъ къ нему отъ отца и надъ дверьми котораго красовалось прекрасно высѣченное и пестро раскрашенное изображеніе Ноева ковчега.

Отличаясь неутомимымъ прилежаніемъ, онъ предавался тамъ всѣмъ своимъ любимымъ занятіямъ и забавамъ, своей библіоманіи и особенно страсти къ сочинительству, которой онъ удовлетворялъ главнымъ образомъ въ разныхъ политическихъ газетахъ и темныхъ періодическихъ изданіяхъ.

Замѣчу кстати, что ему стоило величайшихъ усилій не только писать, но и думать.

Не происходила ли эта страсть къ писательству отъ настойчиваго желанія приносить пользу обществу? Онъ интересовался всѣми вопросами дня и чтеніе газетъ и брошюръ доводилъ до маніи. Сосѣди называли его докторомъ, но собственно не столько за его ученость, сколько потому, что отецъ и братъ его были докторами медицины. А у старухъ нельзя было выбить изъ головы, что сынъ стараго доктора, который такъ часто ихъ лѣчилъ, не унаслѣдовалъ отъ отца и его цѣлебныя средства, и когда онѣ заболѣвали, то прибѣгали къ нему со склянками своей мочи и слезными мольбами изслѣдовать ее, сказать имъ, чѣмъ именно онѣ больны. Когда бѣдному дядюшкѣ мѣшали такимъ образомъ заниматься, онъ сердился не на шутку и прогонялъ старыхъ бабъ съ ихъ склянками ко всѣмъ чертямъ.

Вотъ этотъ-то дядюшка и имѣлъ большое вліяніе на мое

умственное образованіе, и ему я въ этомъ отношеніи безконечно многимъ обязанъ. Какъ ни расходились мы съ нимъ во взглядахъ и какъ ни мелки были его литературныя стремленія, они все-таки, быть-можетъ, возбудили во мнѣ охоту къ литературнымъ попыткамъ.

Дядюшка писалъ старымъ, дубоватымъ канцелярскимъ слогомъ, какому учатъ въ іезуитскихъ школахъ, гдѣ главный предметъ—латынь, и нелегко свыкался съ моимъ способомъ выраженія, представлявшимся ему слишкомъ легковѣснымъ, слишкомъ игривымъ, слишкомъ непочтительнымъ. Но усердіе, съ какимъ онъ доставлялъ мнѣ средства къ умственному развитію, принесло мнѣ величайшую пользу.

Когда я еще былъ мальчикомъ, онъ дарилъ мнѣ самыя лучшія и самыя дорогія сочиненія; онъ отдалъ въ мое распоряженіе свою собственную библіотеку, весьма богатую классическими книгами и важными брошюрами, и позволилъ мнѣ даже рыться на чердакѣ Ноева ковчега въ ящикахъ, въ которыхъ сложены были старыя книги и рукописи покойнаго дѣдушки.

Какое таинственное блаженство ликовало въ сердцѣ мальчика, когда онъ проводилъ цѣлые дни на этомъ чердакѣ! Помѣщеніе это, однако, было не очень красивое, и единственная его обитательница, толстая ангорская кошка, не особенно дорожила чистотою и изрѣдка только сметала хвостомъ своимъ со скопившагося тамъ стараго хлама пыль и паутину.

Но сердце мое было такъ цвѣтуще юно, и солнце такъ свѣтло глядѣло въ круглое окошечко, что все озарялось въ моихъ глазахъ какимъ-то фантастическимъ свѣтомъ, и даже старая кошка представлялась мнѣ заколдованною принцессою, которая когда-нибудь, конечно, снова освободится внезапно отъ своего звѣринаго образа и явится въ прежней красотѣ и великолѣпіи, между тѣмъ какъ чердакъ превратится въ великолѣпный дворецъ, какъ это водится во всѣхъ волшебныхъ сказкахъ.

Но добрыя старыя времена сказокъ миновали, кошки такъ и остаются кошками, и чердакъ Ноева ковчега остался пыльнымъ чуланомъ, больницею для неизлѣчимаго домашняго скарба, «Salpetrière» для старой мебели, дошедшей до послѣдней степени ветхости, но которую, по сентиментальной привязанности и въ виду связанныхъ съ нею благочестивыхъ воспоминаній, все-таки не рѣшались выбросить на улицу.

Стояла тамъ полусгнившая развалившаяся люлька, въ которой когда-то качали мою мать; теперь тутъ лежалъ служебный парикъ моего дѣдушки, совсѣмъ покрывшійся плесенью и какъ будто впавшій въ дѣтство отъ старости.

На стѣнѣ висѣли заржавѣвшая парадная шпага дѣдушки, сломанные щипцы и всякая другая инвалидная желѣзная рухлядь. Рядомъ, на покачивавшейся доскѣ, стояло чучело попугая покойной бабушки, которое теперь было совершенно ощипано и уже не зеленаго, а пепельно-сѣраго цвѣта, и съ однимъ только уцѣлѣвшимъ у него стеклянным глазомъ, придававшимъ ему очень зловѣщее выраженіе.

Тутъ же находился и большой зеленый мопсъ изъ фарфора, выдолбленный внутри; часть его задней стороны была отбита, и кошка относилась, повидимому, къ этому произведенію китайскаго или японскаго искусства съ особеннымъ уваженіемъ; она благоговѣйно кувыркалась передъ мопсомъ, принимая его, быть-можетъ, за божество; кошки вѣдь такъ суевѣрны.

Въ одномъ углу лежала старая флейта, принадлежавшая нѣкогда моей матушкѣ; она играла на этомъ инструментѣ, когда была еще молодою дѣвушкою, и выбирала своею концертною залою именно этотъ чердакъ, для того, чтобы старикъ отецъ ея не отвлекался музыкою отъ работы и не сердился на то, что дочь его занимается такою сентиментальною тратою времени. Теперь кошка обратила эту флейту въ свою самую любимую игрушку, катая ее по полу за прикрѣпленную къ ней, полинявшую розовую ленту.

Въ числѣ древностей на чердакѣ находились и глобусы, причудливѣйшія изображенія планетъ, колбы и реторты, напоминавшія занятія астрологіею и алхиміею.

Въ ящикахъ, между дѣдушкиными книгами, было также много сочиненій, относящихся къ этимъ таинственнымъ наукамъ. Большинство старыхъ книгъ было, конечно, медицинскаго содержанія. Въ философскихъ не было недостатка, но на ряду съ архиразумнымъ Картезіемъ красовались и такіе фантазеры, какъ Парацельзъ, ванъ-Гельмонтъ и даже Агриппа фонъ-Неттесгеймъ, сочиненіе котораго «Philosophia occulta» здѣсь впервые попалось мнѣ на глаза. Меня уже мальчикомъ забавляли посвященіе этой книги аббату Тритему и напечатанный тутъ же отвѣтъ послѣдняго, заключающій въ себѣ отплату съ процентами за высокопарные комплименты, которыми одинъ шарлатанъ осыпалъ другого.

Лучшею и драгоцѣннѣйшею находкою, которую я сдѣлалъ

въ одномъ изъ запыленныхъ ящиковъ, оказалась, однако, записная книжка брата моего дѣдушки, прозваннаго *шевалье* или «восточникомъ», и о которомъ старыя мои тетушки всегда находили что̀ пѣть и разсказывать.

Этотъ дѣдушка, котораго также звали Симономъ де-Гельдерномъ, былъ, какъ по всему видно, большой оригиналъ. Прозвище восточника дано ему было за то, что онъ совершилъ большія путешествія на востокъ и по возвращеніи своемъ постоянно носилъ восточную одежду.

Всего дольше пробылъ онъ, повидимому, въ прибрежныхъ городахъ сѣверной Африки, особенно въ марокскихъ владѣніяхъ, гдѣ научился у одного португальца ремеслу оружейника и занялся имъ весьма успѣшно.

Онъ совершилъ паломничество въ Іерусалимъ, гдѣ во время молитвы на горѣ Моріа его осѣнило видѣніе. Какое? Этого онъ никогда никому не открылъ.

Одно независимое племя бедуиновъ, исповѣдывавшее не исламъ, а нѣчто въ родѣ моисеизма, и сдѣлавшее какъ бы своею временною квартирой одинъ изъ невѣдомыхъ оазисовъ въ сѣверо-африканской песчаной пустынѣ, выбрало его въ свои предводители или шейхи. Этотъ воинственный народецъ враждовалъ со всѣми сосѣдними племенами и нагонялъ страхъ на караваны. Говоря европейскимъ языкомъ, мой покойный двоюродный дѣдушка, благочестивый ясновидецъ на святой горѣ Моріа, былъ просто атаманомъ разбойниковъ. Въ этой прекрасной мѣстности онъ пріобрѣлъ и тѣ познанія въ лошадяхъ и научился тѣмъ кавалерійскимъ фокусамъ, которыми повергалъ всѣхъ въ изумленіе, по возвращеніи своемъ на западъ.

При различныхъ дворахъ, посѣщеніе которыхъ заняло у него много времени, онъ блисталъ своею красотою и статностью, равно какъ и великолѣпіемъ восточной одежды, оказывавшей волшебное дѣйствіе въ особенности на женщинъ. Всего болѣе импонировалъ онъ, конечно, мнимымъ своимъ чародѣйствомъ, и никто не рѣшался ронять всемогущаго некроманта въ глазахъ высокихъ его покровителей. Духъ интриги боялся духовъ кабалы.

Погубить его могла только его собственная самонадѣянность, и старыя тетушки съ странною таинственностью покачивали сѣдыми головками, когда разсказывали о любовной связи «восточника» съ одною весьма высокопоставленною дамою, отношенія къ которой вскорѣ перестали быть тайною, что̀ и заставило его оставить какъ можно скорѣе

и дворъ, и страну. Только бѣгствомъ, съ оставленіемъ на произволъ судьбы всего своего имущества, избѣжалъ онъ вѣрной смерти, и именно своему искусству верховой ѣзды былъ онъ обязанъ своимъ спасеніемъ.

Послѣ этого приключенія онъ, повидимому, нашелъ себѣ въ Англіи вѣрное, но жалкое убѣжище. Я заключаю о томъ изъ напечатанной въ Лондонѣ брошюры этого дѣдушки, которую я случайно нашелъ однажды въ дюссельдорфской библіотекѣ, когда поднялся по лѣстницѣ до одной изъ самыхъ высокихъ полокъ. Эта была французская ораторія въ стихахъ, подъ названіемъ «Моисей на Хоривѣ», она, быть-можетъ, относилась къ вышеупомянутому видѣнію, но предисловіе къ ней было написано по-англійски и помѣчено Лондономъ; стихи, какъ вообще всѣ французскіе стихи, были риѳмованная тепленькая водица, но англійская проза предисловія свидѣтельствовала о неудовольствіи гордаго человѣка, впавшаго въ бѣдность.

Изъ записной книжки дѣдушки я немного могъ узнать достовѣрнаго; она, быть-можетъ, ради осторожности была написана большею частью арабскими, сирійскими и коптскими буквами, и тутъ же, какъ это ни странно, встрѣчались цитаты на всѣхъ языкахъ. Напримѣръ, мнѣ очень часто попадался французскій стихъ:

Où l'innocence périt, c'est un crime de vivre.

Поразили меня еще другія, также французскія выраженія; какъ видно, писавшій всего болѣе привыкъ изъясняться на французскомъ языкѣ.

Дѣдушка этотъ былъ загадочное, трудно объяснимое явленіе. Онъ велъ одно изъ тѣхъ странныхъ существованій, которыя были возможны только въ началѣ и въ срединѣ восемнадцатаго столѣтія; это былъ наполовину мечтатель, пропагандировавшій космополитическія утопіи, клонящіяся къ осчастливленію міра, наполовину искатель приключеній, ниспровергающій, вслѣдствіе сознанія своей индивидуальной силы, гнилыя преграды, которыя ставитъ ему гнилое общество, или перескакивающій черезъ нихъ. Во всякомъ случаѣ, онъ былъ вполнѣ человѣкъ.

Шарлатанство его, котораго мы не оспариваемъ, не принадлежало къ низкопробнымъ. Онъ не былъ обыкновеннымъ шарлатаномъ, вырывающимъ на ярмаркахъ у крестьянъ зубы, а мужественно проникалъ во дворцы сильныхъ міра сего и вырывалъ у того или другого изъ нихъ

самый крѣпкій коренной зубъ, какъ сдѣлалъ это нѣкогда рыцарь Гюонъ изъ Бордо съ султаномъ вавилонскимъ. «Безъ стука и шума нѣтъ ремесла», говоритъ пословица, а жизнь—такое же ремесло, какъ всякое другое.

И какой выдающійся человѣкъ не бываетъ немножко шарлатанъ? Шарлатаны скромности, быть-можетъ, самые скверные, съ ихъ высокомѣріемъ, выдающимъ себя за смиреніе! Тотъ, кто хочетъ дѣйствовать на толпу, нуждается въ шарлатанской приправѣ.

Цѣль оправдываетъ средства. . . . . .

. . . . . .

публикѣ фокусъ изъ области физики внушалъ больше удивленія, чѣмъ всѣ чудеса предвѣчной мысли.

Какъ бы то ни было, этотъ двоюродный дѣдушка чрезвычайно занималъ воображеніе мальчика. Все, что̀ разсказывали про него, производило на мой молодой умъ неизгладимое впечатлѣніе, и меня до того поглощали его странствованія и приключенія, что нерѣдко среди бѣлаго дня мною овладѣвало тяжелое чувство, и мнѣ представлялось, будто я самъ не кто иной, какъ покойный дѣдушка, и моя жизнь только продолженіе жизни давно уже умершаго человѣка!

По ночамъ все это отражалось ретроспективно въ моихъ сновидѣніяхъ. Жизнь моя походила въ то время на большую газету, въ которой верхній отдѣлъ былъ занятъ настоящимъ нынѣшнимъ днемъ съ его извѣстіями и спорами, а нижній фантастически воспроизводилъ поэтическое прошедшее въ непрерывномъ рядѣ сновъ, подобно фельетонамъ, гдѣ послѣдовательно печатается тотъ или другой романъ.

Въ этихъ снахъ я совсѣмъ отождествлялся съ моимъ дѣдушкой и вмѣстѣ съ тѣмъ съ ужасомъ чувствовалъ, что я не онъ, а другой человѣкъ, и живу въ иныя времена. Тутъ являлись мѣстности, которыхъ я никогда прежде не видѣлъ, условія жизни, о которыхъ до тѣхъ поръ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, а между тѣмъ, я ходилъ между ними твердо и увѣренно.

Мнѣ встрѣчались люди въ жгуче пестрой, странной одеждѣ и съ причудливо дикими лицами, которымъ я, однако, пожималъ руки, какъ старымъ знакомымъ; ихъ чужой, никогда не слыханный языкъ былъ мнѣ понятенъ, къ моему удивленію я отвѣчалъ имъ на томъ же языкѣ, жестикулируя при этомъ съ никогда несвойственною мнѣ живостью и высказывая даже такія вещи, которыя предста-

вляли непріятную для меня противоположность съ обычнымъ моимъ образомъ мыслей.

Это странное состояніе продолжалось около года, и хотя я вполнѣ вернулся потомъ къ единству самосознанія, но въ душѣ моей, все-таки, остались тайные слѣды. Много идіосинкразій, много фатальныхъ симпатій и антипатій, противорѣчившихъ дѣйствительному моему характеру, многіе поступки, идущіе въ разрѣзъ съ моимъ взглядомъ на вещи, я объясняю себѣ только какъ отраженія того времени грёзъ, когда я былъ моимъ собственнымъ дѣдушкой.

Когда мнѣ случается дѣлать ошибки, происхожденіе которыхъ для меня необъяснимо, я охотно ставлю ихъ на счетъ моего восточнаго двойника. Однажды, когда я высказалъ отцу моему такую гипотезу, чтобы скрасить тѣмъ одну небольшую провинность, онъ шутливо отвѣчалъ мнѣ, что надѣется, что мой дѣдушка не подписалъ никакихъ векселей, по которымъ мнѣ придется когда-нибудь платить.

Такихъ восточныхъ векселей мнѣ предъявлено не было, и у меня было достаточно хлопотъ съ моими собственными западными векселями.

Но предки возлагаютъ на насъ погашеніе долговъ гораздо похуже денежныхъ. Каждое поколѣніе есть продолженіе предыдущаго и отвѣчаетъ за его дѣянія. Въ Писаніи сказано, что отцы ѣли зеленый виноградъ, а внуки черезъ это страдаютъ оскоминой.

Между поколѣніями, слѣдующими одно за другимъ, существуетъ солидарная связь; даже народы, выступающіе на арену одинъ за другимъ, принимаютъ на себя эту солидарность, и въ концѣ концовъ все человѣчество будетъ ликвидировать великое наслѣдіе прошедшаго. Большая долговая книга будетъ уничтожена въ Іосафатовой долинѣ, а можетъ-быть, и раньше, вслѣдствіе всемірнаго банкротства.

Законодатель евреевъ глубоко сознавалъ эту солидарность и выразилъ это особенно въ своихъ законахъ о правахъ наслѣдства; онъ, быть-можетъ, не допускалъ посмертной жизни для отдѣльнаго человѣка и вѣрилъ только въ безсмертіе рода; всѣ имущества были родовою собственностью, и никто не могъ отчуждать ихъ въ такой мѣрѣ, чтобы они, по прошествіи извѣстнаго времени, не могли снова переходить къ членамъ семьи.

Рѣзкій контрастъ съ этою гуманною идеею Моисеева закона представляетъ римскій, свидѣтельствующій и въ наслѣдственномъ правѣ объ эгоизмѣ римскаго характера.

Я не хочу пускаться здѣсь ни въ какія изслѣдованія и, возвращаясь къ моей личной исповѣди, воспользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы показать еще одинъ примѣръ того, какъ мои враги пользовались нерѣдко самыми безобидными фактами для самыхъ злобныхъ инсинуацій. Именно, ими якобы сдѣлано открытіе, будто я въ моихъ біографическихъ сообщеніяхъ очень много говорю о роднѣ моей со стороны матери, но совсѣмъ не упоминаю объ отцовской, и въ этомъ усматривали преднамѣренное выставленіе и умалчиваніе и обвиняли меня въ той же тщеславной задней мысли, которая ставилась въ упрекъ моему покойному коллегѣ Гёте.

Въ запискахъ своихъ онъ, правда, весьма часто и съ особеннымъ удовольствіемъ говоритъ о своемъ дѣдушкѣ по отцѣ, предсѣдательствовавшемъ въ качествѣ старшаго судьи во франкфуртскомъ Ремерѣ, тогда какъ о дѣдушкѣ по матери, который былъ скромнымъ портнымъ и, сидя на столѣ въ квартиркѣ своей на Бокенгеймской улицѣ, чинилъ старыя брюки республики, не упоминаетъ ни единымъ словомъ.

Защищать Гёте отъ упрековъ за такое игнорированіе не мое дѣло; но что до меня, то я на всѣ эти злостные и часто эксплоатировавшіеся толки и намеки отвѣчу только, что не моя вина, если въ сочиненіяхъ моихъ никогда не говорилось о дѣдушкѣ съ отцовской стороны. Причина очень простая: я самъ мало зналъ о немъ. Мой покойный отецъ пріѣхалъ въ родной городъ мой Дюссельдорфъ изъ чужбины и не имѣлъ въ немъ никакихъ родственниковъ, никакихъ старыхъ тетушекъ и сестрицъ, этихъ бардовъ женскаго пола, безпрерывно съ эпическимъ однообразіемъ распѣвающихъ передъ молодымъ поколѣніемъ старыя семейныя легенды, при чемъ обязательный у шотландскихъ бардовъ аккомпаниментъ волынки онѣ замѣняютъ сопѣніемъ своихъ носовъ. Только о великихъ бойцахъ материнскаго клана молодой умъ мой могъ воспринимать раннія впечатлѣнія, и я благочестиво прислушивался къ разсказамъ какой-нибудь старой Брайнле или Брунгильды.

Мой отецъ былъ человѣкъ весьма несловоохотливый, и въ ту пору, когда я будни проводилъ въ скучной монастырской школѣ францисканцевъ, воскресенья же дома, воспользовался я здѣсь представившимся мнѣ случаемъ, чтобы спросить моего отца, кто былъ мой дѣдушка. На этотъ вопросъ онъ отвѣтилъ, полусмѣясь, полусердито: «Дѣ-

душка твой былъ маленькій жидъ, у котораго была большая борода».

На другой день, когда я вошелъ въ школьную залу, гдѣ собрались уже мои маленькіе товарищи, я поспѣшилъ передать имъ важную новость, что дѣдушка мой былъ маленькій жидъ съ длинною бородою.

Едва успѣлъ я сдѣлать это сообщеніе, какъ оно стало перелетать изъ устъ въ уста, и мальчики принялись повторять его на всѣ лады, съ аккомпаниментомъ голосовъ разныхъ животныхъ. Мальчишки начали прыгать черезъ столы и скамейки, срывать со стѣнъ большія черныя доски, разбрасывать ихъ по полу вмѣстѣ съ чернильницами, сопровождая все это смѣхомъ, блеяніемъ, хрюканьемъ, лаемъ, карканьемъ—истинно адская возня, въ которой припѣвомъ постоянно служилъ мой дѣдушка—который былъ маленькій жидъ съ большою бородою.

Учитель, приставленный къ классу, услышавъ гамъ, вошелъ въ залу, весь красный отъ гнѣва, и тотчасъ спросилъ, кто виновникъ такого безчинства. Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, каждый старался малодушно оправдываться, и въ концѣ разслѣдованія оказалось, что я, бѣдняга, былъ обвиненъ въ томъ, что весь шумъ произвелъ я разсказомъ о моемъ дѣдушкѣ, и свою вину я искупилъ полученіемъ значительнаго количества побоевъ.

Это были первые побои, которымъ я подвергся на этой землѣ, и они навели меня на философское размышленіе, что тотъ, кто наноситъ ихъ своему ближнему, слава Богу, рано или поздно устаетъ, такъ какъ иначе побои могли бы, наконецъ, сдѣлаться нестерпимыми.

Меня побили тростью желтаго цвѣта, но полосы, оставленныя ею на моей спинѣ, были темно-синія. Я ихъ не забылъ.

Не забылъ я также и имени учителя, который меня такъ немилосердно поколотилъ: это былъ патеръ Диккершейтъ; его вскорѣ затѣмъ удалили изъ училища по причинамъ, которыхъ я тоже не забылъ, но оглашать здѣсь не хочу.

Либерализмъ часто взводилъ несправедливыя обвиненія на духовное сословіе, и къ этому послѣднему можно теперь относиться нѣсколько снисходительнѣе, когда какой-нибудь недостойный членъ его совершаетъ проступки, которые въ сущности слѣдуетъ приписывать только человѣческой натурѣ или, вѣрнѣе, извращенію ея.

Подобно имени человѣка, нанесшаго мнѣ первые побои, у меня сохранился въ памяти и поводъ къ нимъ, именно мое несчастное генеалогическое сообщеніе, и слѣды этихъ раннихъ дѣтскихъ впечатлѣній остались столь глубоки, что всякій разъ, когда заходила при мнѣ рѣчь о маленькихъ жидахъ съ большими бородами, у меня по спинѣ пробѣгало, точно мурашки, воспоминаніе о прошломъ. «Кто обжегся на молокѣ, дуетъ и на воду», говоритъ пословица, и всякій легко пойметъ, что я съ тѣхъ поръ не ощущалъ большого желанія собирать болѣе подробныя свѣдѣнія о вышеупомянутомъ опасномъ дѣдушкѣ и его родословномъ древѣ, а тѣмъ менѣе сообщать ихъ взрослой публикѣ, какъ нѣкогда сообщилъ маленькой.

Не могу, однако, не упомянуть о бабушкѣ моей съ отцовской стороны, о которой также знаю очень немного. Она была необыкновенно красивая женщина и единственная дочь гамбургскаго банкира, далеко прославившагося своимъ богатствомъ. Обстоятельства эти заставляютъ меня предполагать, что маленькій жидъ, женившійся на этой красавицѣ и увезшій ее изъ богатаго родительскаго дома къ себѣ въ Ганноверъ, обладалъ, кромѣ своей большой бороды, еще другими очень похвальными качествами и былъ, какъ по всему видно, человѣкъ весьма почтенный.

Онъ умеръ рано, оставивъ молодую вдову съ шестью дѣтьми, все мальчиками, въ самомъ нѣжномъ возрастѣ. Она вернулась въ Гамбургъ и скончалась тамъ, также не въ очень преклонныхъ лѣтахъ.

Въ спальнѣ дяди моего, Саломона Гейне, въ Гамбургѣ, я видѣлъ разъ портретъ бабушки. Живописецъ, старавшійся по рембрандтовской манерѣ производить эффекты свѣта и тѣней, изобразилъ ее въ черномъ монастырскомъ головномъ уборѣ и почти такомъ же строгомъ темномъ платьѣ, на совершенно темномъ фонѣ, такъ что полное лицо съ двойнымъ подбородкомъ было похоже на луну, выглядывающую изъ-за тучъ.

Черты ея носили еще слѣды большой красоты; онѣ были въ одно и то же время и кротки и серьезны. Болѣзненная блѣдность, и особенно morbidezza цвѣта кожи придавала всему лицу выраженіе какой-то своеобразной аристократичности; если бы живописецъ украсилъ грудь этой женщины большимъ брильянтовымъ крестомъ, то можно было бы подумать, что это портретъ какой-нибудь знатной игуменьи протестантскаго монастырскаго заведенія для благородныхъ дѣвицъ.

Изъ дѣтей моей бабушки, сколько мнѣ извѣстно, только двое наслѣдовали ея необычайную красоту, а именно мой отецъ и мой дядя Саломонъ Гейне, покойный глава банкирскаго дома этой фирмы въ Гамбургѣ.

Красота моего отца имѣла въ себѣ нѣчто черезчуръ мягкое, безхарактерное, почти женское. Братъ же его отличался больше мужественною красотою и былъ вообще человѣкомъ, сила характера котораго проглядывала подавляющимъ, даже иногда смущающимъ образомъ въ благородно-пропорціональныхъ, правильныхъ чертахъ его лица.

Дѣти его, всѣ безъ исключенія, были восхитительно красивы, но смерть похитила ихъ въ цвѣтѣ лѣтъ, и изъ этого прекраснаго человѣческаго букета остались теперь въ живыхъ только двое: нынѣшній глава банкирскаго дома и сестра его, рѣдкое явленіе съ.....

Я очень любилъ всѣхъ этихъ дѣтей, и любилъ также ихъ мать, которая была такъ красива и умерла такъ рано, и всѣ они стоили мнѣ многихъ слезъ. Въ настоящую минуту я право ощущаю потребность потрясти моимъ дурацкимъ колпакомъ для того, чтобы звонъ его погремушекъ заглушилъ во мнѣ слезливыя мысли.

Выше я сказалъ, что въ красотѣ моего отца было нѣчто женское. Я этимъ отнюдь не хочу указать на отсутствіе въ немъ мужчинства; это послѣднее онъ часто доказывалъ на дѣлѣ въ своей молодости, и я самъ вѣдь этому живое доказательство. Въ этихъ словахъ не было никакого неприличнаго заявленія; я имѣлъ въ виду только внѣшнія формы его тѣла, которыя не отличались крѣпостью и упругостью, а скорѣе были мягко и нѣжно округлены. Контурамъ чертъ его лица недоставало рѣзкости штриховъ, и они расплывались въ неопредѣленномъ выраженіи. Въ позднѣйшіе годы онъ былъ тученъ, да и въ молодости впрочемъ, кажется, не отличался худощавостью.

Въ этомъ предположеніи укрѣпляетъ меня портретъ, который потомъ сгорѣлъ во время пожара въ квартирѣ моей матери и на которомъ отецъ мой изображенъ молодымъ человѣкомъ лѣтъ восемнадцати или девятнадцати, въ красномъ мундирѣ, съ пудреною головою и съ собранными сзади въ кошелькѣ волосами.

Этотъ портретъ, къ его выгодѣ, написанъ пастелью. Я говорю—къ выгодѣ, потому что этотъ родъ письма гораздо лучше, чѣмъ масляныя краски съ ихъ глянцовитымъ лакомъ, можетъ передать ту цвѣточную пыль, которая замѣ-

чается на лицахъ людей, носящихъ пудру, и удачно сглаживаетъ неопредѣленность чертъ. Тѣмъ, что живописецъ на означенномъ портретѣ окружилъ розоватое лицо рамкою изъ бѣлыхъ напудренныхъ волосъ и такого же бѣлаго галстука, онъ придалъ ему посредствомъ контраста болѣе сильный колоритъ, и оно выступаетъ болѣе рельефно.

И пунцовый цвѣтъ кафтана, такъ непріятно рѣжущій глазъ на картинахъ, писанныхъ масляными красками, здѣсь, напротивъ, производитъ хорошій эффектъ, потому что этимъ пріятно смягчается розовый цвѣтъ лица.

Типъ красоты, сказывавшійся въ чертахъ этого лица, не напоминалъ ни строго цѣломудренной идеальности греческихъ художественныхъ произведеній, ни спиритуалистически мечтательнаго, но пропитаннаго языческимъ здоровьемъ, стиля Возрожденія; нѣтъ, этотъ портретъ, напротивъ, вполнѣ носилъ на себѣ характеръ эпохи, которая сама не имѣла никакого характера, которая любила меньше красоту, чѣмъ все хорошенькое, миловидное, кокетливо граціозное; эпохи, возводившей приторность до поэзіи; той слащавой, вычурной эпохи рококо, которая называлась также «эпохою волосныхъ кошельковъ» и дѣйствительно носила, въ видѣ своего характеристическаго признака, волосные кошельки, только не на лбу, а на затылкѣ. Если бы изображеніе моего отца на вышеупомянутомъ портретѣ было нѣсколько болѣе въ миніатюрѣ, то можно было бы подумать, что нарисовалъ его чудесный Ватто для того, чтобы онъ красовался на вѣерѣ маркизы Помпадуръ, окруженный фантастическими арабесками изъ пестрыхъ драгоцѣнныхъ каменьевъ и золотой мишуры.

Заслуживаетъ вниманія, быть-можетъ, то обстоятельство, что отецъ мой и въ позднѣйшіе годы оставался вѣренъ старинной модѣ и пудрился до самой своей кончины, хотя волосы у него были самые прекрасные, какіе только можно себѣ представить. Они были бѣлокураго, почти золотого цвѣта и отличались мягкостью, какую я находилъ только въ китайскомъ шелкѣ-сырцѣ. Волосной кошелекъ онъ, конечно, также охотно бы сохранилъ, но прогрессивный духъ времени былъ неумолимъ. Изъ такого затруднительнаго положенія батюшка придумалъ для себя успокоительный выходъ. Онъ пожертвовалъ только формою—чернымъ мѣшочкомъ, кошелькомъ; длинные же локоны изъ собственныхъ волосъ заплетались въ широкій шиньонъ, прикрѣпленный къ головѣ маленькою гребенкою. Этотъ шиньонъ, при мяг-

кости волосъ и пудрѣ, почти вовсе не былъ замѣтенъ, и потому батюшка въ сущности все-таки не былъ отщепенцемъ отъ старыхъ волосныхъ кошельковъ и только внѣшнимъ образомъ, какъ многіе криптоортодоксы, покорялся жестокому духу времени.

Красный мундиръ, въ которомъ его сняли на вышеупомянутомъ портретѣ, указываетъ на службу его въ Ганноверѣ. Въ началѣ французской революціи онъ состоялъ въ свитѣ принца Эрнста Кумберлэндскаго и участвовалъ въ походѣ во Фландрію и Брабантъ въ должности провіантмейстера или комиссара—officier de bouche, какъ называютъ французы; въ Пруссіи для этой должности названіе «мучной червякъ». Собственно же служба его въ самой ранней молодости состояла въ томъ, что онъ былъ фаворитомъ принца, au petit pied Бруммелемъ, и безъ туго накрахмаленнаго галстука, да въ концѣ концовъ онъ раздѣлилъ и участь такого рода игрушекъ милости высокихъ особъ. Мой отецъ, правда, всю жизнь свою былъ убѣжденъ, что принцъ, сдѣлавшійся потомъ королемъ ганноверскимъ, никогда о немъ не забывалъ, но все-таки онъ никакъ не могъ объяснить себѣ, почему принцъ никогда за нимъ не посылалъ, никогда о немъ не справлялся, хотя онъ вѣдь не могъ знать, въ какомъ положеніи находится бывшій его любимецъ, не нуждается ли онъ, быть-можетъ, въ матеріальной помощи.

Къ временамъ этой кампаніи относятся разныя опасныя «страстишки» моего отца, отъ которыхъ матушка могла отучить его только мало-по-малу. Такъ, напримѣръ, онъ пріохотился къ высокой игрѣ, покровительствовалъ драматическому искусству, или вѣрнѣе—жрицамъ его, и пристрастился даже къ лошадямъ и собакамъ. Когда онъ пріѣхалъ въ Дюссельдорфъ, гдѣ изъ любви къ моей матери завелъ купеческую контору, то привезъ съ собою двѣнадцать прекраснѣйшихъ лошадей, но онъ продалъ ихъ по настоятельному желанію своей молодой жены, которая убѣдила его, что этотъ четвероногій капиталъ съѣдаетъ слишкомъ много овса и не даетъ никакого дохода.

Труднѣе было моей матери удалить и шталмейстера, коренастаго олуха, который постоянно игралъ въ карты въ конюшнѣ съ первымъ встрѣчнымъ бродягою. Онъ ушелъ, наконецъ, самъ, въ сопровожденіи золотыхъ часовъ съ репетиціею, принадлежавшихъ моему отцу, и нѣсколькихъ другихъ цѣнныхъ вещей.

Отдѣлавшись отъ этого негодяя, матушка уволила въ от-

ставку и охотничьихъ собакъ моего отца, за исключеніемъ одной, которую звали Жоли, но которая была архибезобразна. Матушка смилостивилась надъ этою собакою потому, что она совсѣмъ не походила на охотничью и могла обратиться въ бюргерски вѣрную и добродѣтельную дворовую собаку. Ее помѣстили въ пустой конюшнѣ, въ старой батюшкиной коляскѣ, и когда онъ тамъ съ нею встрѣчался, то оба обмѣнивались многозначительными взглядами. «Такъ-то, Жоли»,— говорилъ со вздохомъ отецъ, а Жоли въ отвѣтъ на это уныло помахивалъ хвостомъ.

Я думаю, что собака эта была лицемѣрна, и однажды, когда батюшка былъ не въ духѣ, онъ, услышавъ черезчуръ жалобный визгъ своего любимца, получившаго отъ кого-то ударъ ногою, самъ сознался, что каналья притворяется. Въ концѣ концовъ Жоли очень опаршивѣлъ, и такъ какъ онъ обратился въ передвижную казарму блохъ, то его пришлось утопить, чему батюшка нисколько не воспротивился. Люди жертвуютъ своими четвероногими любимцами съ такимъ же равнодушіемъ, какъ высокопоставленныя особы двуногими.

Походною жизнью моего отца объясняется, конечно, и его безпредѣльная любовь ко всему военному, или вѣрнѣе— къ игрѣ въ солдаты, расположеніе къ веселому, праздному образу жизни, при которомъ мишура и пунцовыя тряпки прикрываютъ внутреннюю пустоту, и упоенное тщеславіе имѣетъ возможность принимать видъ мужества.

Въ окружавшей его средѣ дворянчиковъ не было ни серьезнаго интереса къ военному дѣлу, ни дѣйствительнаго славолюбія; о геройствѣ и рѣчи быть не могло. Главное дѣло составляли для него парады, бряцаніе саблями, плотно прилегающій къ тѣлу мундиръ, который всегда бываетъ къ лицу красивымъ мужчинамъ.

Какъ счастливъ былъ поэтому мой отецъ, когда въ Дюссельдорфѣ учредили гражданскую гвардію, и онъ, въ качествѣ офицера ея, могъ надѣть прекрасный темно-синій мундиръ съ небесно-голубыми бархатными отворотами и во главѣ своихъ колоннъ маршировать мимо нашего дома! Матушкѣ, которая, съ румянцемъ на лицѣ, стояла у окна, онъ салютовалъ съ прелестнѣйшею любезностью; султанъ на его треугольной шляпѣ гордо развѣвался, и при солнечномъ свѣтѣ радостно сверкали эполеты.

Еще счастливѣе былъ мой отецъ въ тѣхъ случаяхъ, когда до него доходила очередь расположиться, въ качествѣ командующаго офицера, на гауптвахтѣ и заботиться о без-

опасности города. Въ такіе дни рюдесгеймеры и асмансгейзеры самыхъ лучшихъ сборовъ лились потоками, и все на счетъ командующаго офицера, щедростью котораго его гвардейцы, его Крети и Плети, не могли достаточно нахвалиться. Потому-то отецъ мой пользовался между ними популярностью, равнявшеюся развѣ тому одушевленію, съ какимъ старая гвардія привѣтствовала Наполеона. Этотъ послѣдній, правда, умѣлъ приводить солдатъ своихъ въ упоеніе инымъ способомъ. У гвардейцевъ моего батюшки не было недостатка въ извѣстнаго рода храбрости, особенно, когда дѣло шло о взятіи штурмомъ батареи бутылокъ съ дулами величайшаго калибра. Но геройство ихъ все-таки было иного сорта, чѣмъ то, которое мы видѣли въ старой императорской гвардіи. Та умирала, но не сдавалась, между тѣмъ какъ гвардейцы моего отца всегда оставались въ живыхъ и часто сдавались.

Что касается до безопасности города Дюссельдорфа въ тѣ ночи, когда отецъ мой командовалъ на гауптвахтѣ, то она находилась, вѣроятно, въ очень плачевномъ состояніи. Онъ заботился, правда, о разсылкѣ патрулей, которые съ пѣніемъ и музыкою расхаживали по городу въ различныхъ направленіяхъ. Однажды два такихъ патруля встрѣтились, и въ темнотѣ каждый изъ нихъ принялъ другой за сборище пьяницъ и буяновъ, хотѣлъ арестовать его. Къ счастью, земляки мои народецъ безобидно веселый; они во хмелю дородушны. Ils ont le vin bon, и бѣды тутъ не приключилось, оба патруля сдались другъ другу.

Главною чертою характера моего отца была безпредѣльная жизнерадостность; онъ былъ пристрастенъ ко всякаго рода удовольствіямъ и веселью, всегда въ розовомъ настроеніи. На душѣ у него постоянно былъ праздникъ, и если иногда музыка не играла особенно шумно, то скрипки постоянно настраивались. Всегда безоблачная, какъ голубое небо, веселость и трубные звуки легкомыслія. Беззаботность, забывавшая о вчерашнемъ днѣ и не хотѣвшая думать о завтрашнемъ.

Этотъ характеръ шелъ самымъ страннымъ образомъ въ разрѣзъ съ важностью, лежавшею на его строго спокойномъ лицѣ и проявлявшеюся въ осанкѣ и каждомъ движеніи тѣла. Тотъ, кто его не зналъ и въ первый разъ въ жизни видѣлъ эту серьезную, напудренную фигуру и эту важную мину, навѣрно могъ бы подумать, что имѣетъ передъ собою одного изъ семи мудрецовъ Греціи. Но при ближайшемъ знаком-

ствѣ всѣ замѣчали, что онъ не Фалесъ и не Лампсакъ, обдумывающій космогоническія проблемы. Важность эта была, правда, не напускная, но все-таки напоминала тѣ античные барельефы, на которыхъ веселый ребенокъ держитъ передъ лицомъ большую трагическую маску.

Онъ былъ дѣйствительно большой ребенокъ съ дѣтскою наивностью, которую плоскіе виртуозы разсудка весьма легко могли принять за ограниченность, но которая временами свидѣтельствовала тѣмъ или другимъ глубокомысленнымъ изреченіемъ о значительной способности правильно смотрѣть на вещи (интуиція).

Своими умственными щупальцами онъ осязалъ то, до чего умные доходили только медленно, путемъ размышленія. Онъ думалъ не столько головою, сколько сердцемъ, а сердце у него было такое милое, какое только можно себѣ представить. Улыбка, игравшая на его губахъ и представлявшая комически граціозный контрастъ съ вышеупомянутою серьезностью, была прелестнымъ отраженіемъ его душевной доброты.

И голосъ его, хотя мужественно звучный, имѣлъ въ себѣ нѣчто дѣтское, я готовъ почти сказать—нѣчто, напоминающее звуки ряполова; когда онъ говорилъ, то голосъ его такъ прямо доходилъ до сердца слушателя, какъ будто вовсе и не нуждался совершить свой путь черезъ уши.

Онъ говорилъ на нарѣчіи Ганновера, гдѣ, какъ и въ южномъ сосѣдствѣ съ этимъ городомъ, всего лучше произносятъ по-нѣмецки. Для меня было великою выгодою, что у меня такимъ образомъ уже съ дѣтства, черезъ посредство моего отца, ухо привыкло къ хорошему нѣмецкому произношенію, тогда какъ въ нашемъ городѣ говорятъ на томъ дурномъ нижне-рейнскомъ жаргонѣ, который въ Дюссельдорфѣ еще сколько-нибудь сносенъ, въ сосѣднемъ же Кельнѣ истинно отвратителенъ. Кельнъ—Тоскана классически дурного нѣмецкаго произношенія, и Коббесъ съ Марицбиль изъясняются на такомъ нарѣчіи, которое напоминаетъ по звуку, и чуть не по запаху, гнилыя яйца.

Въ языкѣ дюссельдорфцевъ замѣтенъ уже переходъ къ лягушечьему кваканію въ голландскихъ болотахъ. Я отнюдь не намѣренъ оспаривать у голландскаго языка его своеобразныя красоты, но сознаюсь, что онѣ моему уху недоступны. Можетъ-быть, даже и справедливо, что нашъ собственный нѣмецкій языкъ, какъ утверждали патріоты-лингвисты въ Нидерландахъ, больше ничего, какъ испорченный голландскій. Это возможно.

Это напоминаетъ мнѣ утвержденіе одного космополита зоолога, провозглашающаго обезьяну родоначальницею человѣческаго рода; люди, по его мнѣнію, только образованныя, даже черезчуръ образованныя обезьяны. Если бы обезьяны могли говорить, то, вѣроятно, стали бы утверждать, что люди— только выродившіяся обезьяны, что человѣчество — испорченный обезьяній родъ, точно такъ же, какъ по мнѣнію голландцевъ, нѣмецкій языкъ—испорченный голландскій.

Я говорю—если бы обезьяны могли говорить, хотя въ неспособности ихъ къ тому нисколько не убѣжденъ. Негры на Сенегалѣ положительно увѣряютъ, что обезьяны совершенно такіе же люди, какъ мы, но умнѣе, потому что воздерживаются отъ рѣчей для того, чтобы ихъ не принимали за людей и не принуждали къ работѣ; что ихъ интересныя обезьяньи шутки не что иное, какъ хитрость, съ тою цѣлью, чтобы властелины міра сего не сочли ихъ годными для эксплоатированія, какому они подвергаютъ нашего брата.

Такое отреченіе отъ всякаго тщеславія дало бы мнѣ весьма высокое понятіе объ этихъ людяхъ, соблюдающихъ нѣмецкое инкогнито и, быть-можетъ, насмѣхающихся надъ нашимъ недоуміемъ. Они живутъ себѣ на свободѣ по своимъ лѣсамъ, никогда не отказываясь отъ первобытнаго состоянія. Они дѣйствительно могли бы съ полнымъ правомъ утверждать, что человѣкъ есть выродившаяся обезьяна.

Быть-можетъ, наши предки еще въ восемнадцатомъ вѣкѣ подозрѣвали нѣчто подобное и инстинктивно чувствуя, что наша гладкая ультрацивилизація болѣе ничего, какъ покрытая лакомъ гнилость, и что человѣку необходимо возвратиться въ природѣ, старались снова приблизиться къ нашему коренному типу, природному обезьянству. Они сдѣлали все возможное, и когда, наконецъ, имъ, чтобы обратиться совершенно въ обезьяну, недостало только хвоста, они замѣнили этотъ недостатокъ косою. Такимъ образомъ, мода на косы—знаменательный симптомъ серьезной потребности, а не игра прихоти. Но я тщетно пытаюсь потряхиваніемъ моего колпака заглушить грустное чувство, овладѣвающее мною всякій разъ, когда мнѣ приходитъ на мысль мой покойный отецъ.

Изъ всѣхъ людей я никого такъ не любилъ на этой землѣ, какъ его. Онъ умеръ тому назадъ уже болѣе двадцати пяти лѣтъ. Я никогда не думалъ, что когда-нибудь лишусь его, и даже теперь едва могу вѣрить, что дѣйствительно его лишился. Вѣдь такъ трудно убѣждать себя въ смерти доро-

гихъ людей. Но они и не умираютъ, а продолжаютъ жить въ насъ и обитаютъ въ нашей душѣ. Съ тѣхъ поръ не проходило ни одной ночи, когда бы я не думалъ поневолѣ о моемъ покойномъ отцѣ, и когда я утромъ просыпаюсь, мнѣ часто слышится еще звукъ его голоса, какъ отголосокъ сна. Въ такихъ случаяхъ мнѣ кажется, что я долженъ одѣться какъ можно скорѣе и поспѣшить, какъ я дѣлалъ это мальчикомъ, въ большую комнату къ моему отцу.

Батюшка имѣлъ обыкновеніе вставать всегда очень рано и тотчасъ приниматься за дѣло, какъ зимою, такъ и лѣтомъ, и обыкновенно я заставалъ его уже за письменнымъ столомъ, при чемъ онъ, не поднимая глазъ, давалъ цѣловать свою руку. Это была прекрасная, тонко выточенная, аристократическая рука, которую онъ всегда мылъ миндальнымъ мыломъ. Я и теперь вижу ее передъ собою, вижу каждую голубую жилку, испещрявшую эту ослѣпительно бѣлую мраморную руку. Мнѣ представляется, какъ будто запахъ миндаля производитъ щекотаніе въ моемъ носу, и глаза мои покрываются влагою.

Иногда дѣло не ограничивалось цѣлованіемъ руки, и отецъ сажалъ меня на колѣни и цѣловалъ въ лобъ. Въ одно утро онъ обнялъ меня съ совершенно необычною нѣжностью и сказалъ: «Я прошлую ночь видѣлъ о тебѣ во снѣ нѣчто прекрасное и очень доволенъ тобою, мой милый Гарри». Въ то время, какъ онъ произносилъ эти наивныя слова, на его губахъ играла улыбка, которая какъ будто говорила: «Пусть Гарри на самомъ дѣлѣ и большой шалунъ, я все-таки, чтобы безпрепятственно любить его, всегда буду видѣть о немъ во снѣ одно только прекрасное».

Гарри у англичанъ—фамильярное прозвище тѣхъ, которые носятъ имя Генри, и оно вполнѣ соотвѣтствуетъ моему нѣмецкому имени Генрихъ. Фамильярныя прозвища этого послѣдняго на діалектѣ моей родины крайне неблагозвучны и даже почти вульгарны, какъ, напримѣръ, Гейнцъ, Гейнцхенъ, Гинцъ. Гейнцхенъ также часто называютъ маленькихъ домовыхъ, а Гинце—кота въ сапогахъ въ кукольной пьесѣ и вообще кота въ народной сказкѣ.

Но мое имя отецъ мой англизировалъ не съ цѣлью избѣжать такого неблагозвучія, а въ честь одного изъ лучшихъ своихъ пріятелей въ Англіи. Мистеръ Гарри былъ корреспондентомъ его въ Ливерпулѣ; онъ хорошо зналъ тамъ лучшія фабрики для изготовленія вельветина—товара, которымъ батюшка очень интересовался больше изъ честолю-

бія, чѣмъ изъ-за барышей, и хотя онъ увѣрялъ, будто наживаетъ на вельветинѣ много денегъ, но это оставалось проблематическимъ, и онъ, можетъ-быть, приплачивалъ бы свои деньги, если бы нужно было продавать вельветинъ въ бо́льшемъ количествѣ и лучшаго качества, чѣмъ это дѣлали его конкуренты. Вообще, отецъ мой, хотя и сводилъ постоянно какіе-то счеты, но не отличался расчетливымъ купеческимъ духомъ; и торговля была для него скорѣе игрою, какъ дѣти играютъ въ солдатики или кухню.

Дѣятельность его была собственно непрерывная суетливость. Конькомъ его былъ вельветинъ, и онъ бывалъ счастливъ всякій разъ, когда разгружались большія фуры съ этимъ товаромъ и уже въ это время дворъ наполнялся всѣми европейскими торговцами сосѣднихъ мѣстностей; ибо они были лучшіе кліенты моего отца и не только раскупали его вельветинъ въ огромномъ количествѣ, но и оказывали ему почетъ.

Такъ какъ ты, любезный читатель, можетъ-быть, не знаешь, что такое «вельветинъ», то я позволю себѣ объяснить тебѣ, что это — англійское слово, означающее бархатовидный, и такъ называютъ родъ бумажнаго бархата, плисъ, изъ котораго шьютъ прекрасные брюки, жилеты, даже камзолы. Эта матерія носитъ такъ же названіе «манчестеръ», по городу того же имени, гдѣ его впервые начали фабриковать.

И вотъ потому, что пріятель моего отца, отличный знатокъ въ покупкѣ, носилъ имя Гарри, получилъ и я это имя, и Гарри называли меня и въ семействѣ, и у сосѣдей, и у близкихъ знакомыхъ.

Я и теперь очень люблю, когда меня зовутъ Гарри, хотя имя это причинило мнѣ и много непріятностей, одна изъ которыхъ въ дѣтствѣ моемъ была для меня особенно чувствительна. Въ настоящее время только, когда я пересталъ жить въ обществѣ живыхъ, и слѣдовательно въ душѣ моей погасло всякаго рода тщеславіе, я могу говорить объ этомъ предметѣ безъ смущенія.

Здѣсь во Франціи, тотчасъ послѣ моего пріѣзда въ Парижъ, нѣмецкое имя «Heinrich» перевели въ «Henri», и я долженъ былъ этому покориться и, наконецъ, самъ поневолѣ началъ звать себя такимъ образомъ, потому что французскому уху не нравилось слово «Heinrich», да и вообще французы любятъ, чтобы все складывалось вокругъ нихъ такъ, какъ имъ удобнѣе. Именъ «Henri Heine» они тоже никогда не умѣли выговорить правильно, и большею частью меня зовутъ m-r Enri Enn; многіе стягиваютъ эти два слова

въ одно — Enrienne, а нѣкоторые называли меня m-r Un rien.

Въ литературномъ отношеніи это мнѣ часто вредитъ, но съ другой стороны доставляетъ и нѣкоторые выгоды. Такъ, напримѣръ, изъ моихъ благородныхъ соотечественниковъ, пріѣзжающихъ въ Парижъ, многіе весьма желали бы на меня позлословить, но такъ какъ они всегда произносятъ мою фамилію по-нѣмецки, то французамъ и въ голову не приходитъ, что злодѣй и отравитель колодцевъ невинности, котораго такъ ужасно бранятъ, не кто иной, какъ пріятель ихъ monsieur Enrienne, и тѣ благородныя души тщетно старались распускать поводья у своего добродѣтельнаго рвенія. Французы не знаютъ, что рѣчь идетъ обо мнѣ, и зарейнская добродѣтель напрасно раскрывала всѣ шлюзы клеветы.

Но дурное произношеніе именъ, какъ я уже замѣтилъ, имѣетъ свои непріятныя стороны. Встрѣчаются люди, весьма обидчивые въ этомъ отношеніи. Я для шутки спросилъ однажды старика Керубини, правда ли, что императоръ Наполеонъ всегда выговаривалъ его фамилію: Шерюбини, а не Керубини, хотя съ итальянскимъ языкомъ былъ достаточно знакомъ, чтобы знать въ какихъ случаяхъ итальянское ch произносится, какъ que или к. Вопросъ этотъ привелъ стараго маэстро въ высшей степени комическую ярость.

Я ничего подобнаго никогда не ощущалъ.

Heinrich, Harry, Henri — всѣ эти имена благозвучны, когда вылетаютъ изъ прекрасныхъ устъ. Всего красивѣе, конечно, звучитъ signor Enrico. Такъ звали меня въ свѣтло-голубыя, съ вышивкою изъ большихъ серебряныхъ звѣздъ, лѣтнія ночи той благородной и несчастной страны, которая есть родина красоты и произвела Рафаэля Санціо изъ Урбино, Джоакимо Россини и принцессу Христину Бельджойозо.

Такъ какъ мое физическое состояніе отнимаетъ у меня всякую надежду когда-нибудь снова жить въ обществѣ, и оно дѣйствительно для меня уже болѣе не существуетъ, то я сбросилъ съ себя и оковы того личнаго тщеславія, которыми надѣленъ всякій, принужденный толкаться между людьми, въ такъ-называемомъ свѣтѣ.

Я могу поэтому теперь безпристрастно говорить о злосчастіи, которое было связано съ моимъ именемъ Harry и отравило мнѣ лучшіе весенніе годы моей жизни.

Вотъ въ чемъ дѣло. Въ родномъ моемъ городѣ прожи-

валъ человѣкъ, котораго звали «Dreckmichel», потому что онъ каждое утро разъѣзжалъ по улицамъ съ телѣгой, въ которую былъ запряженъ оселъ, и останавливался передъ каждымъ домомъ для нагрузки этой телѣги соромъ, собраннымъ горничными въ красивыя кучки, послѣ чего все увозилось за городъ, на навозное поле. Наружность этого человѣка подходила къ его ремеслу, и оселъ, съ своей стороны похожій на своего господина, останавливался передъ домами или пускался рысью, смотря по интонаціи, какую Михель придавалъ восклицанію «Haarüh!», съ которымъ онъ къ нему обращался.

Было ли это дѣйствительное имя осла, или только его прозвище? Не знаю; несомнѣнно только, что вслѣдствіе сходства между этимъ словомъ и моимъ именемъ Harry мнѣ приходилось чрезвычайно много терпѣть отъ моихъ школьныхъ товарищей и сосѣдскихъ дѣтей. Чтобы дразнить меня, они выговаривали это имя совершенно такъ, какъ Dreckmichel звалъ своего осла, и когда я на это злился, плутишки дѣлали самую невинную мину, и просили меня, во избѣжаніе всякихъ перевираній, научить ихъ, какъ слѣдуетъ произносить мое имя и имя осла; но притворялись при этомъ очень непонятливыми и говорили, что Михель обыкновенно растягиваетъ первый слогъ и весьма быстро спускаетъ второй; иногда же это дѣлается у него наоборотъ, и тогда зовъ совершенно равнозвученъ моему имени. Перепутывая нелѣпѣйшимъ образомъ и смѣшивая попеременно то меня съ осломъ, то осла со мною, мальчишки производили этимъ самые дурацкіе coq-à-l'âne, надъ которыми всѣ другіе смѣялись, но самъ я плакалъ.

Когда я пожаловался на это матушкѣ, она посовѣтовала мнѣ только получше учиться и поумнѣть, и тогда никто не станетъ принимать меня за осла.

Но мое одноименство съ грязнымъ длинноухимъ оставалось моимъ кошмаромъ. Большіе мальчики, проходя мимо, привѣтствовали меня восклицаніемъ «Haarüh!», а маленькіе посылали мнѣ тотъ же привѣтъ, только на нѣкоторомъ разстояніи. Въ школѣ та же тема разрабатывалась съ утонченною жестокостью; какъ скоро рѣчь заходила объ ослѣ вообще, всѣ косились въ мою сторону, при чемъ я всегда краснѣлъ, и невѣроятно, какъ школьники умѣютъ придираться ко всякому удобному случаю, или изобрѣтать ихъ.

Такъ, напримѣръ, одинъ спрашивалъ другого: «Чѣмъ

отличается зебръ отъ ослицы Валаама, сына Боерова?» На это слѣдовалъ отвѣтъ: «Первый говоритъ по-зебрейски, а вторая говорила по-еврейски». Затѣмъ слѣдовалъ вопросъ: «Какое различіе между осломъ Дрекмихеля и его тезкой?» и дерзкій отвѣтъ: «Мы этого различія не знаемъ». Когда я въ такихъ случаяхъ готовился ударить моего оскорбителя, то другіе пытались меня успокоить, а пріятель мой Дитрихъ, умѣвшій рисовать удивительно красивые образки и впослѣдствіи дѣйствительно сдѣлавшійся знаменитымъ живописцемъ, утѣшилъ меня однажды обѣщаніемъ подарить мнѣ картину. Онъ нарисовалъ для меня св. Михаила—но злодѣй позорно насмѣялся надо мною. Архангелу онъ придалъ черты Дрекмихеля, конь его былъ совершенно похожъ на осла мусорщика, а копье прокалывало, вмѣсто дракона, издохшую кошку.

Даже бѣлокурый, кроткій, дѣвушкообразный Францъ, котораго я такъ любилъ, поступилъ разъ со мною предательски: онъ заключилъ меня въ свои объятія, нѣжно приложилъ свою щеку къ моей, долго лежалъ сентиментально на моей груди—и вдругъ со смѣхомъ закричалъ мнѣ въ ухо «Haarüh!»—кинувшись затѣмъ бѣжать, повторяя это слово на всѣ лады, такъ что звукъ его долго еще перекатывался въ коридорахъ монастыря.

Еще грубѣе обращались со мною нѣкоторыя сосѣдскія дѣти, тѣ уличные мальчишки изъ низшаго класса, которыхъ мы звали въ Дюссельдорфѣ «галютами»—слово, которое охотники до этимологіи навѣрно произвели бы отъ спартанскихъ «илотовъ».

Такимъ галютомъ былъ маленькій Юппъ, т. е. Іосифъ, котораго я буду называть по фамиліи—Фладеромъ, чтобъ его отнюдь не смѣшивали съ Юппомъ Ершемъ, очень милымъ мальчикомъ, и который, какъ я случайно узналъ, живетъ теперь почтовымъ чиновникомъ въ Боннѣ. Юппъ Фладеръ всегда носилъ при себѣ длинную рыбачью палку, которою ударялъ меня при каждой встрѣчѣ. Любилъ онъ также кидать въ меня «лошадиными яблоками», которыя поднималъ съ улицы совсѣмъ теплыми, какими они выходили изъ устроенной для нихъ природою печки. Но при этомъ онъ постоянно выкрикивалъ фатальное «Haarüh!»—придавая ему самыя разнообразныя модуляціи.

Злой мальчишка былъ внукъ старухи Фладеръ, принадлежавшей къ кліенткамъ моего отца. Насколько онъ былъ злобенъ, настолько добродушна была бѣдная бабушка,

олицетвореніе нищеты, но не отвратительной, а только раздирающей душу. Ей было, конечно, болѣе восьмидесяти лѣтъ, и она представляла изъ себя длинную, сухощавую фигуру съ блѣднымъ кожанымъ лицомъ, тусклыми тоскливыми глазами и мягкимъ, хриплымъ, дребезжащимъ голосомъ; милостыню просила она безъ всякихъ фразъ, что всегда страшно слышать.

Батюшка всякій разъ подавалъ ей стулъ, когда она приходила за своимъ ежемѣсячнымъ подаяніемъ въ тѣ дни, когда онъ, въ качествѣ члена общества попеченія о бѣдныхъ, принималъ нуждающихся.

Изъ этихъ засѣданій его памятны мнѣ только тѣ, которыя происходили зимою, рано утромъ, когда было еще темно. Батюшка сидѣлъ за большимъ столомъ, покрытымъ всякой величины мѣшочками съ деньгами; вмѣсто серебряныхъ подсвѣчниковъ съ восковыми свѣчами, которыя онъ обыкновенно употреблялъ и которыми онъ, со свойственнымъ его сердцу большимъ тактомъ не хотѣлъ чваниться передъ бѣдностью, на столѣ его стояли въ такихъ случаяхъ два мѣдныхъ подсвѣчника съ сальными свѣчами, которыя краснымъ огнемъ толстыхъ, нагорѣвшихъ фитилей печально освѣщали присутствовавшее общество.

Это были бѣдняки всякаго возраста, длинная вереница которыхъ тянулась отъ передней до залы. Всѣ они, одинъ за другимъ, приходили за своими мѣшочками, и нѣкоторымъ доставалось два; большой мѣшочекъ содержалъ въ себѣ подаяніе моего отца, а маленькій—деньги изъ кассы для бѣдныхъ.

Я сидѣлъ на высокомъ стулѣ, рядомъ съ батюшкою, и передавалъ ему мѣшочки. Батюшка хотѣлъ, чтобы я научился, какъ слѣдуетъ подавать милостыню, и въ этой области у моего отца дѣйствительно многому хорошему можно было научиться.

У многихъ людей сердце находится на надлежащемъ мѣстѣ, но они не умѣютъ благотворить, воля ихъ сердца долго прокладываетъ себѣ дорогу къ ихъ карману; между добрымъ намѣреніемъ и его исполненіемъ время тащится такъ же медленно, какъ почтовый дилижансъ. Между сердцемъ моего отца и его карманомъ была уже какъ бы выстроена желѣзная дорога. Что акціями такой дороги онъ обогатиться не могъ, это разумѣется само собою. Акціи дорогъ сѣверной или ліонской, несомнѣнно, дали своимъ владѣльцамъ больше барышей.

Большинство кліентовъ моего отца состояло изъ женщинъ, и притомъ старыхъ, и также въ позднѣйшія времена, даже когда обстоятельства его начали дѣлаться весьма неблестящими, онъ продолжалъ производить небольшія пенсіи нѣсколькимъ старухамъ. Онѣ подкарауливали его вездѣ, гдѣ бы онъ ни проходилъ, и такимъ образомъ онъ имѣлъ какъ бы тайную лейбъ-охрану изъ старухъ, какъ нѣкогда покойный Робеспьеръ.

Въ рядахъ этой сѣдой лейбъ-гвардіи было много старыхъ шлюхъ, которыя бѣгали за нимъ не изъ нужды, а только для того, чтобы полюбоваться его особой, его привѣтливымъ, неизмѣнно милымъ съ ними обращеніемъ.

Да, онъ былъ олицетворенною учтивостью по отношенію не только къ молодымъ, но и къ пожилымъ женщинамъ, а старухи, которыя бываютъ всегда такъ жестоки, когда ихъ оскорбляютъ, являются самымъ благодарнымъ народомъ на свѣтѣ, когда имъ оказываютъ нѣкоторое вниманіе и предупредительность, и тотъ, кто любитъ, чтобы ему платили лестью, всегда найдетъ въ нихъ людей, нисколько на нее не скупящихся, между тѣмъ какъ молоденькія задорныя дѣвчонки за всю нашу любезность едва удостаиваютъ кивкомъ головы.

А такъ какъ для красивыхъ мужчинъ, спеціальность которыхъ въ томъ заключается, что они красивые мужчины, лесть составляетъ большую потребность, и имъ при этомъ все равно, выходитъ ли ѳиміамъ изъ розовыхъ или уже поблекшихъ устъ, лишь бы только онъ сильно пахнулъ и расточался въ изобиліи—то дорогой мой батюшка, въ сношеніяхъ своихъ со старыми дамами, всегда оставался въ барышѣ, хотя собственно на это не спекулировалъ.

Обкуривали онѣ его ѳиміамомъ зачастую въ непостижимо громадномъ количествѣ, и непостижимо также, какъ хорошо онъ могъ переносить самую большую порцію его. Причиною тому былъ его счастливый темпераментъ, а отнюдь не ограниченность. Онъ очень хорошо зналъ, что ему льстятъ, но зналъ и то, что лесть всегда сладка, какъ сахаръ, и онъ былъ похожъ на ребенка, говорящаго своей матери: «польсти мнѣ немножко, даже немножко много, милая мама».

Отношенія моего отца къ этимъ женщинамъ имѣли, кромѣ того, и болѣе серьезное основаніе. Онъ былъ ихъ совѣтчикомъ, и замѣчательно, что этотъ человѣкъ, который былъ такъ непрактиченъ въ своихъ собственныхъ дѣлахъ, являлся

воплощеніемъ житейской мудрости, когда ему приходилось другимъ давать хорошіе совѣты при затруднительныхъ обстоятельствахъ. Онъ тотчасъ же уяснялъ себѣ тогда положеніе дѣла, и когда опечаленная кліентка объясняла ему, что дѣла ея идутъ съ каждымъ днемъ все хуже и хуже, онъ оканчивалъ разговоръ изреченіемъ, которое я часто слышалъ изъ его устъ, когда все шло очень плохо: «надо почать въ такомъ случаѣ другой боченокъ». Этимъ онъ хотѣлъ сказать, что на проигранномъ дѣлѣ не слѣдуетъ упорно настаивать, а лучше взяться за что-нибудь иное, пойти инымъ путемъ, лучше сейчасъ же выбить дно у старой бочки, изъ которой еле-каплетъ кислое вино, и «почать новый боченокъ». Но вмѣсто этого лѣниво ложатся съ открытымъ ртомъ подъ краномъ, изъ котораго ничего уже болѣе не льется, и надѣются, что вино потечетъ слаще и изобильнѣе.

Когда старая Ганна пожаловалась моему отцу, что у нея практика уменьшилась и что ей нечего больше желать и— что̀ для нея еще чувствительнѣе—нечего глотать, онъ далъ ей сперва талеръ, а потомъ принялся раздумывать, какъ бы ей помочь. Старая Ганна была прежде одною изъ лучшихъ повивальныхъ бабокъ, но подъ старость стала нѣсколько предаваться пьянству и особенно нюханью табаку, и такъ какъ въ ея носу была всегда влага и капанье изъ него пачкало бѣлыя простыни родильницъ, то ей вездѣ и стали отказывать.

Послѣ зрѣлаго размышленія, батюшка сказалъ наконецъ: «Необходимо почать новый боченокъ, и на этотъ разъ—боченокъ съ водкою; совѣтую вамъ завести въ порядочной улицѣ, въ гавани, гдѣ бываютъ матросы, небольшой кабачокъ».

Бывшая повивальная бабка послѣдовала этому совѣту; она принялась торговать въ гавани водкою, дѣла ея пошли хорошо, и она даже навѣрно нажила бы себѣ состояніе, если бы, къ несчастью, сама не была лучшею своею покупательницею. Она продавала и табакъ, и я часто видѣлъ ее стоящею передъ входомъ въ свое заведеніе, съ краснымъ, распухшимъ отъ нюхательнаго табаку носомъ, какъ живая реклама, привлекавшая многихъ чувствительныхъ моряковъ.

Къ прекраснымъ качествамъ моего отца принадлежала главнымъ образомъ изысканная вѣжливость, съ которою онъ, какъ истинно знатный человѣкъ, относился одинаково

и къ бѣднымъ, и богатымъ. Я замѣчалъ это особенно во время вышеупомянутыхъ засѣданій, когда онъ, передавая бѣднякамъ мѣшочки, неизмѣнно говорилъ имъ нѣсколько любезныхъ словъ.

Здѣсь я могъ кое-чему научиться, и не одинъ знаменитый благотворитель, который бросалъ деньги бѣднымъ людямъ въ голову, такъ что каждый талеръ пробивалъ и дыру въ головѣ, тоже могъ кое-чему научиться у моего превосходнаго отца. Онъ разспрашивалъ бо́льшую часть бѣдныхъ женщинъ объ ихъ здоровьѣ и такъ привыкъ говорить: «имѣю честь», что прибѣгалъ къ этому обороту рѣчи даже и тогда, когда приходилось указывать дверь иной черезчуръ требовательной и назойливой сволочи.

Особенно учтивъ былъ онъ со старухою Фладеръ, и всегда предлагалъ ей стулъ. Она дѣйствительно очень плохо стояла на ногахъ и съ трудомъ ковыляла, опираясь на костыль.

Когда она въ послѣдній разъ пришла къ батюшкѣ за своею порціею, то была уже такъ дряхла, что внукъ ея, Юппъ, долженъ былъ вести ее. Онъ бросилъ на меня какой-то странный взглядъ, когда увидѣлъ, что я сижу за столомъ, рядомъ съ моимъ отцомъ. Старуха, кромѣ маленькаго мѣшочка, получила еще отъ батюшки другой, гораздо побольше, и разлилась въ благословеніяхъ и слезахъ.

Страшно смотрѣть на старую женщину, когда она такъ сильно плачетъ. Я и самъ чуть не заплакалъ, и старуха это замѣтила. Она стала восхвалять мою красоту и сказала, что попроситъ Божью Матерь позаботиться, чтобы мнѣ никогда въ жизни не пришлось голодать и просить милостыни.

Батюшка на эти слова немного разсердился, но старуха говорила отъ добраго сердца; во взорѣ ея было выраженіе какъ бы не отъ міра сего, но вмѣстѣ съ тѣмъ благочестивое и полное любви; и наконецъ она сказала своему внуку: «Юппъ, поди, поцѣлуй ручку милому мальчику», Юппъ сдѣлалъ кислую гримасу, но исполнилъ приказаніе бабушки; поцѣлуй его горячихъ губъ произвелъ на меня такое впечатлѣніе, какъ будто меня ужалила въ руку змѣя. Самъ не знаю почему, я вынулъ изъ кармана всѣ мои мѣдныя монеты и отдалъ Юппу, который съ грубо идіотскимъ выраженіемъ лица пересчиталъ ихъ при мнѣ, штука за штукой, и затѣмъ совершенно спокойно положилъ ихъ въ карманъ своей куртки.

Старуха Фладеръ вскорѣ потомъ умерла, а Юппъ навѣрно еще живъ, если только его съ тѣхъ поръ не повѣ-

сили. Злой мальчикъ нимало не перемѣнился. Я увидѣлъ его на улицѣ на другой день послѣ вышеупомянутой встрѣчи нашей у батюшки. Онъ держалъ въ рукѣ свою длинную рыбачью палку. Онъ снова ударилъ меня ею, а потомъ снова принялся кидать въ меня «лошадиными яблоками» и кричать фатальное «Harrüh», и притомъ такъ громко и такъ вѣрно подражалъ голосу Дрекмихеля, что оселъ его, случайно очутившійся въ сосѣднемъ переулкѣ, подумалъ, что слышитъ зовъ своего господина, и радостно закричалъ.

Какъ я уже сказалъ, бабушка Юппа скоро послѣ того умерла—и съ репутаціею колдуньи, но очевидно безъ всякаго основанія, хотя наша Циппель и упорно утверждала противное.

Циппель звали одну, не очень старую еще женщину, имя которой собственно было Сивила; она была моею первою нянькою и потомъ осталась въ нашемъ домѣ. Случайно она присутствовала при разсказанной выше сценѣ, когда старуха Фладеръ расточала мнѣ столько восхваленій и дивилась моей красотѣ. Когда Циппель услышала эти слова, въ ней проснулось старое народное суевѣріе, что такія похвалы вредны для ребенка, что ихъ отъ этого постигаетъ болѣзнь или какое-нибудь другое бѣдствіе—и чтобы отвратить зло, которое, по ея убѣжденію, отнынѣ грозило мнѣ, она прибѣгнула къ самому вѣрному по народнымъ повѣріямъ средству, которое состоитъ въ томъ, что на расхваленнаго ребенка надо плюнуть. Быстро подскочила она ко мнѣ и поспѣшно плюнула три раза на мою голову.

Но это были только временные плевки, такъ какъ, по мнѣнію знающихъ людей, въ тѣхъ случаяхъ, когда опасныя похвалы исходили изъ устъ колдуньи, злыя чары могутъ быть разсѣяны только такою женщиною, которая сама колдунья; и потому Циппель въ тотъ же день отправилась къ женщинѣ, извѣстной ей за ворожею, и неоднократно, какъ я узналъ впослѣдствіи, оказывавшей своимъ таинственнымъ и запрещеннымъ искусствомъ много услугъ ей самой. Эта колдунья, омочивъ большой палецъ слюною, провела имъ вдоль моего черепа, при чемъ отрѣзала у меня на головѣ нѣсколько волосъ; точно также погладила она меня и по другимъ мѣстамъ, бормоча при этомъ всяческую безсмысленную абракадабру, и такимъ образомъ я, быть-можетъ, съ малолѣтства уже былъ обреченъ на служеніе дьяволу.

Во всякомъ случаѣ, эта женщина, съ которою я поддер-

живалъ съ тѣхъ поръ знакомство, впослѣдствіи, когда я сдѣлался уже взрослымъ человѣкомъ, посвятила меня въ тайны ея искусства.

Я самъ, правда, не сдѣлался колдуномъ, но знаю, какъ колдуютъ, и особенно хорошо знаю то, что̀ не есть колдовство.

Женщину эту звали мастершею, а также гохенкой, потому что она была уроженкою города Гоха, гдѣ ея покойный мужъ занимался гнуснымъ ремесломъ палача, и откуда его приглашали въ далекія и близкія мѣста для совершенія казней. Ходила молва, что онъ оставилъ своей вдовѣ много тайныхъ средствъ, и она умѣла извлекать выгоду для себя изъ этихъ слуховъ.

Ея лучшую практику составляли содержатели пивныхъ лавокъ, которымъ она продавала пальцы отъ труповъ, увѣряя, что это оставлено ей мужемъ въ наслѣдство. Они выдавались за пальцы повѣшенныхъ воровъ и служили къ тому, чтобы придавать хорошій вкусъ пиву въ бочкѣ. Именно, если палецъ повѣшеннаго, особенно повѣшеннаго невинно, опустить на бечёвкѣ въ бочку съ пивомъ, то не только пиво сдѣлается отъ этого вкуснѣе, но и количество его удвоится, даже учетверится сравнительно съ другою бочкой такой же величины. Просвѣщенные содержатели пивныхъ лавокъ прибѣгаютъ обыкновенно для увеличенія количества пива къ болѣе раціональному средству, но оно отнимаетъ у пива часть его крѣпости.

Посѣщали также колдунью молодые люди съ нѣжными сердцами, и она снабжала ихъ любовными напитками, которые она въ своей шарлатанской латиноманіи, побуждавшей ее дѣлать латинскія слова еще болѣе латинскими, называла philtrarium; мужчина, подносившій такой напитокъ своей возлюбленной, носилъ у нея названіе philtrarius, а даму она называла philtrariata. Случалось иногда, что philtrarium не оказывалъ никакого дѣйствія, или производилъ дѣйствіе противоположное. Такъ, напримѣръ, одинъ нелюбимый парень, уговорившій красотку, въ которую онъ былъ влюбленъ и которая пренебрегла имъ, распить съ нимъ бутылку вина, нечаянно налилъ ей въ стаканъ philtrarium и вскорѣ замѣтилъ въ обращеніи съ нимъ его philtrariata странную перемѣну, какое-то смущеніе, которое онъ принялъ за взрывъ любовной страсти, и вообразилъ, что великая минута наступила для него. Но—увы!—въ то мгновеніе, какъ онъ пылко заключилъ въ объятья зарумянившуюся

дѣвушку, ему въ носъ ударилъ запахъ, не принадлежащій къ благоуханіямъ Амура; онъ замѣтилъ, что philtrarium дѣйствуетъ скорѣе, какъ laxarium, и страсть его получила весьма противное охлажденіе. Колдунья спасла репутацію своего искусства увѣреніемъ, что она не поняла, чего именно хотѣлъ отъ нея несчастный philtrarius, и думала, что онъ желалъ излѣчиться отъ своей любви.

Лучше любовныхъ напитковъ колдуньи были совѣты, которыми она тутъ же надѣляла своихъ фильтраріевъ; именно, она совѣтовала имъ класть въ карманъ нѣсколько золотыхъ монетъ, такъ какъ золото очень здорово и особенно приноситъ счастье влюбленнымъ. Какъ не припомнить при этомъ совѣта, который честный Яго даетъ въ «Отелло» влюбленному Родригу: «Take money in your pocket!» «Положи-ка, братъ, побольше денегъ въ карманъ».

Съ этою-то великою мастерицею наша Циппель была очень дружна и хотя не покупала у нея больше любовныхъ напитковъ для себя самой, но обращалась къ искусству гохенки въ тѣхъ случаяхъ, когда надо было отомстить счастливой соперницѣ, вышедшей за одного изъ ея бывшихъ любовниковъ, каковое мщеніе состояло въ томъ, что колдунья вышедшей замужъ женщинѣ, прививала безплодіе, а невѣрнаго любовника дѣлала импотентнымъ...

. . . . . .

Я иногда ходилъ къ гохенкѣ. Мнѣ было около шестнадцати лѣтъ отъ роду, когда меня стали притягивать туда чары посильнѣе всѣхъ ея philtraria. Дѣло въ томъ, что у нея была племянница тоже шестнадцати лѣтъ, но вдругъ разомъ развившаяся настолько, что она казалась на видъ гораздо старше. Слишкомъ быстрый ростъ былъ причиною и необыкновенной худобы ея. Талія у нея была очень тоненькая, какъ у квартеронокъ въ Вестъ-Индіи, и такъ какъ она не носила ни корсета, ни дюжины юбокъ, то платье, плотно прилегавшее къ ея тѣлу, походило на влажную одежду статуи. Никакая мраморная статуя не могла, однако, соперничать съ нею въ красотѣ, такъ какъ она была сама жизнь, а каждое ея движеніе явно свидѣтельствовало о гармоніи всѣхъ частей ея тѣла, можно даже сказать—выражало собою музыку ея души. Ни у одной изъ дочерей Ніобеи не было лица съ болѣе благороднымъ очертаніемъ; цвѣтъ его, какъ и цвѣтъ ея кожи вообще, былъ нѣсколько мѣняющейся бѣлизны. Ея большіе, глубоко темные глаза какъ будто спокойно выжидали разрѣшенія за-

данной ими загадки, между тѣмъ какъ ротъ съ тонкими, приподнятыми губами и бѣлыми, какъ мѣлъ, нѣсколько длинноватыми зубами, какъ будто говорили: «нѣтъ, ты слишкомъ глупъ и никакъ не отгадаешь».

Волосы у нея были рыжіе, совсѣмъ кроваво-красные, и спадали длинными прядями на плечи, такъ что она могла завязывать ихъ ниже подбородка. Но это придавало ей такой видъ, какъ будто ей перерѣзали шею, и изъ этого мѣста красными струями вытекаетъ кровь.

Голосъ Іозефы, или рыженькой Зефхенъ, какъ называли хорошенькую племянницу гохенки, былъ не особенно благозвученъ и иногда становился глухимъ до беззвучности; но вдругъ, при взрывахъ страсти, изъ горла ея вылетали богатѣйшіе металлическіе звуки, особенно поражавшіе меня тѣмъ, что голосъ Іозефы имѣлъ такое большое сходство съ моимъ.

Когда она говорила, я иногда пугался, и мнѣ казалось, что я слышу самого себя, да и пѣніе ея напоминало мнѣ тѣ сны, въ которыхъ мнѣ чудилось, что и я пою совершенно такъ же.

Она знала много старыхъ народныхъ пѣсенъ и, быть-можетъ, заставила меня полюбить этого рода поэзію, какъ и вообще она безспорно имѣла самое сильное вліяніе на пробуждавшагося поэта, вслѣдствіе чего первыя мои стихотворенія, «Сновидѣнія», написанныя мною вскорѣ затѣмъ, имѣютъ мрачный и суровый колоритъ, такой же, какой легъ на эпизодъ, въ то время бросившій кровавыя тѣни на мою молодую жизнь и на мои мысли.

Въ числѣ пѣсенъ, которыя пѣла Іозефа, находилась одна народная пѣсня, которой научила ее старая Циппель, не разъ напѣвавшая эту пѣсню и мнѣ, когда я былъ еще ребенкомъ, такъ что я запомнилъ изъ нея двѣ строфы, приводимыя мною здѣсь тѣмъ охотнѣе, что я не встрѣчалъ этого стихотворенія ни въ одномъ изъ существующихъ сборниковъ народныхъ пѣсенъ. Начинается она словами злого Трагига:

Не послѣдней, Отилія, милый другъ мой,
Вѣроятно, ты будешь; скажи же, какой
Предпочтешь ты удѣлъ: высоко ли висѣть
Межъ деревъ, или плыть по волнамъ голубымъ,
Или хочешь ты мечъ обнаженный лобзать,
Мечъ, ниспосланный Господомъ Богомъ самимъ?

Отилія отвѣчаетъ:

Межъ высокихъ деревъ не хочу я висѣть,
Не хочу я и плыть по волнамъ голубымъ,
Нѣтъ, хочу я лишь мечъ обнаженный лобзать,
Мечъ, ниспосланный Господомъ Богомъ самимъ.

Однажды, когда Зефхенъ дошла до конца этой строфы, и я подмѣтилъ овладѣвшее ею волненіе, меня такъ потрясло ея пѣніе, что я вдругъ заплакалъ, и мы оба съ рыданіемъ бросились другъ другу въ объятія, не говорили ни слова почти часъ, и слезы до того застилали намъ глаза, что мы смотрѣли другъ на друга, какъ бы сквозь завѣсу.

Я попросилъ Зефхенъ написать мнѣ эти строфы, и она это сдѣлала, но написала ихъ не чернилами, а своею кровью; красный автографъ впослѣдствіи пропалъ у меня, но строфы неизгладимо врѣзались въ мою память.

Мужъ гохенки приходился братомъ отцу Зефхенъ, который также былъ палачомъ, но такъ какъ онъ рано умеръ, то тетка взяла ребенка къ себѣ. Когда же вскорѣ затѣмъ скончался и ея мужъ, и она поселилась въ Дюссельдорфѣ, то передала дѣвочку дѣду, который тоже былъ палачомъ и проживалъ въ Вестфаліи.

Здѣсь, въ «свободномъ домѣ», какъ называли обиталище палачей, Зефхенъ пробыла до четырнадцатилѣтняго возраста, когда умеръ ея дѣдъ, послѣ чего тетка снова приняла къ себѣ круглую сиротку.

Вслѣдствіе того, что происхожденіе ея считалось позорнымъ, Зефхенъ съ дѣтства до дѣвическихъ лѣтъ вела уединенную жизнь и даже въ свободномъ домѣ была совсѣмъ отдѣлена отъ всякихъ общественныхъ сношеній. Этимъ объясняются ея боязнь людей, содроганіе, въ которое приводила ее, какъ цвѣтокъ «не тронь меня», всякое прикосновеніе чужой руки, таинственная мечтательность, связанная съ самымъ несговорчивымъ упрямствомъ, съ величайшею строптивостью и дикостью.

Странно! даже во снѣ, какъ она однажды мнѣ призналась, она жила не съ людьми, а ей снились только звѣри.

При одинокости въ домѣ палача, она могла заниматься только старыми книгами дѣда, который, хотя самъ училъ ее грамотѣ, но былъ крайне скупъ на слова.

Иногда онъ со своими слугами уѣзжалъ на нѣсколько дней, и дѣвочка оставалась одна въ домѣ, который былъ выстроенъ въ очень уединенной лѣсистой мѣстности, близъ зданія уголовнаго суда. Все ея общество составляли три старухи съ сѣдыми трясущимися головами, которыя цѣлый

день сидѣли за прялками, кашляли, ссорились между собою и пили много водки.

Особенно въ зимнія ночи, когда вѣтеръ качалъ старые дубы и въ большомъ пылавшемъ каминѣ слышался странный вой, бѣдной Зефхенъ становилось очень жутко въ одинокомъ домѣ, потому что въ эту пору боялись посѣщенія воровъ, только не живыхъ, а умершихъ, повѣшенныхъ, которые, сорвавшись съ висѣлицы, стучались въ низкія окна и требовали, чтобы ихъ впустили и дали имъ немного погрѣться. Они дѣлаютъ при этомъ такія жалкія замерзшія гримасы. Прогнать ихъ можно только тогда, когда изъ желѣзной комнаты вынесешь мечъ палача и погрозишь имъ этимъ орудіемъ; тутъ они, какъ вихорь, уносятся прочь.

Иногда заманиваетъ ихъ не только пламя камина, но и желаніе вновь завладѣть пальцами, которые укралъ у нихъ палачъ. Если дверь не плотно затворена, то ихъ и послѣ смерти не оставляютъ старыя воровскія привычки, и они воруютъ простыни изъ шкаповъ и съ кроватей. Одна изъ старухъ, во-время замѣтивъ, однажды, такую покражу, побѣжала вслѣдъ за мертвымъ воромъ, въ рукѣ котораго простыня развѣвалась по вѣтру, и схвативъ ее за одинъ конецъ, успѣла отнять похищенную вещь въ ту самую минуту, когда онъ добѣжалъ до висѣлицы и хотѣлъ уже взобраться на ея перекладину.

Только въ тѣ дни, когда дѣдушка готовился къ казни важнаго преступника, къ нему пріѣзжали изъ окрестностей коллеги, и тогда въ домѣ принимались варить, жарить, пировать, пить, но говорили мало, и совсѣмъ не пѣли. Пили изъ серебряныхъ кубковъ, тогда какъ въ трактирахъ палачу и даже его слугамъ, въ отличіе отъ другихъ посѣтителей, пьющихъ изъ кружекъ съ оловянными крышками, подаютъ кружки съ крышками деревянными. Во многихъ мѣстностяхъ разбиваютъ стаканъ, изъ котораго пилъ палачъ, никто не говоритъ съ нимъ, и всѣ избѣгаютъ малѣйшаго съ нимъ соприкосновенія. Этотъ позоръ лежитъ на всей его роднѣ, а потому семьи палачей роднятся между собою.

Когда Зефхенъ, какъ она мнѣ разсказывала, было уже восемь лѣтъ, въ домъ дѣдушки, въ одинъ прекрасный осенній день, въ который, впрочемъ, не предстояло совершить казнь или исполнить какую-либо другую тяжелую служебную обязанность, съѣхалось необычное число гостей. Собралось болѣе дюжины, все почти очень старые люди съ сѣдыми или лысыми головами, въ самой праздничной, по

совсѣмъ старофранкской одеждѣ и съ мечами подъ длинными красными плащами. Они собрались, по ихъ словамъ, «на съѣздъ», и имъ подали за обѣдомъ все, что было самаго дорогого въ кухнѣ и погребѣ.

Это были старѣйшіе палачи изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстностей, они давно не видались другъ съ другомъ, безпрестанно пожимали одинъ другому руки, говорили мало, и часто съ помощью таинственныхъ знаковъ, и веселились по-своему—«moult tristement», какъ выразился Фруассаръ про англичанъ, пировавшихъ послѣ битвы при Пуатье.

Съ наступленіемъ ночи хозяинъ выслалъ изъ дома слугъ, приказалъ старой ключницѣ взять изъ погреба три дюжины бутылокъ лучшаго рейнвейна и поставить ихъ на каменный столъ передъ большими, образовавшими на дворѣ полукругъ, дубами; на томъ же столѣ поставлены были по его приказанію желѣзные подсвѣчники для смоляныхъ факеловъ, послѣ чего и старуха, вмѣстѣ съ другими двумя вѣдьмами, также была выслана изъ дому подъ какимъ-то предлогомъ. Даже отверстіе въ собачьей канурѣ дѣдушка заткнулъ лошадиной попоною, а дворовую собаку велѣлъ посадить на цѣпь.

Рыжую Зефхенъ дѣдъ оставилъ дома, онъ поручилъ ей выполоскать до-чиста большой серебряный бокалъ, на которомъ были изображены морскіе боги съ ихъ дельфинами и трубами изъ раковинъ, и поставить его на вышеупомянутый каменный столъ, но потомъ,—прибавилъ онъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ,—немедленно уйти къ себѣ въ спальню и лечь въ постель.

Нептуновъ бокалъ рыжая Зефхенъ, какъ вполнѣ послушная дѣвочка, хорошенько вымыла и поставила на каменный столъ, рядомъ съ бутылками, но въ постель не легла, а подъ вліяніемъ любопытства спряталась въ кустахъ близъ дубовъ, откуда, правда, не многое могла разслышать, но имѣла полную возможность видѣть все, что произойдетъ.

Чужіе люди, съ дѣдушкою во главѣ, торжественно вошли попарно и полукругомъ усѣлись на высокихъ деревянныхъ скамьяхъ, за каменнымъ столомъ, на которомъ зажжены были смоляные факелы, бросавшіе какой-то страшный свѣтъ на ихъ серьезныя, жесткія, какъ камень, лица.

Долго сидѣли они молча, или, вѣрнѣе, бормоча что-то, быть-можетъ, молитвы. Потомъ дѣдушка наполнилъ виномъ большой бокалъ, который сталъ передаваться отъ одного гостя къ другому, въ круговую; каждый, выпивъ, крѣпко пожималъ руку сосѣду.

Въ заключеніе дѣдушка произнесъ рѣчь, изъ которой Зефхенъ немного могла разслышать и ничего не поняла, но которая, повидимому, касалась весьма грустныхъ предметовъ, потому что изъ глазъ старика катились крупныя слезы, и другіе старцы также горько плакали, что̀ представляло ужасное зрѣлище, такъ какъ люди эти имѣли обыкновенно суровый видъ, напоминавшій сѣрыя каменныя фигуры передъ церковною папертью, а теперь изъ выпученныхъ окаменѣлыхъ глазъ лились слезы, и они рыдали, какъ дѣти.

Луна при этомъ такъ меланхолически выглядывала изъ-за своей облачной завѣсы на беззвѣздномъ небѣ, что сердце подсматривавшей дѣвушки готово было разорваться отъ состраданія. Особенно тронула ее скорбь маленькаго старичка, рыдавшаго сильнѣе другихъ и вопившаго такъ громко, что она могла явственно разслышать нѣкоторыя слова. Онъ безпрестанно восклицалъ: «О, Господи! о, Господи! Слишкомъ долго уже длится несчастье; человѣческая душа не можетъ этого дольше вытерпѣть! О, Господи! Ты несправедливъ, несправедливъ!» Товарищи, повидимому, только съ большимъ трудомъ успѣли его успокоить.

Наконецъ, всѣ встали съ своихъ мѣстъ, сбросили съ себя красные плащи и попарно, съ мечами подъ мышками, направились къ дереву, позади котораго лежалъ желѣзный заступъ, послѣ чего одинъ изъ нихъ въ нѣсколько минутъ вырылъ въ землѣ глубокую яму. Тутъ къ ней подошелъ дѣдушка Зефхенъ, не снявшій своего краснаго плаща, какъ другіе, и вынулъ изъ-подъ него бѣлый свертокъ, весьма узкій, но въ брабантскій аршинъ слишкомъ длиною и завернутый въ простыню; свертокъ этотъ онъ тщательно уложилъ въ яму и съ большою поспѣшностью зарылъ ее.

Бѣдная Зефхенъ не могла долѣе выдержать въ своей засадѣ; при видѣ таинственнаго погребенія, волосы у нея встали дыбомъ и бѣдное дитя въ страхѣ убѣжало въ свою спальню, закрылось одѣяломъ и уснуло.

На другое утро Зефхенъ все это казалось сновидѣніемъ, но когда она увидѣла, что земля за знакомымъ деревомъ разрыта, то убѣдилась, что это была дѣйствительность. Долго она размышляла надъ тѣмъ, что̀ могло быть тамъ погребено: ребенокъ? звѣрь? кладъ? Но никому ни слова не сказала она о ночномъ происшествіи, а съ годами оно отодвинулось въ ея памяти на задній планъ.

Только пять лѣтъ спустя, когда дѣдушка умеръ и гохенка

пріѣхала за дѣвушкою, чтобы увезти ее въ Дюссельдорфъ, она рѣшилась раскрыть свое сердце передъ теткою. Но ту эта странная исторія не испугала и не удивила; она, напротивъ, сильно обрадовалась и сказала, что въ землѣ зарыто не дитя, и не кошка, и не сокровище, а старый дѣдушкинъ мечъ, которымъ онъ у ста бѣдныхъ грѣшниковъ отрубилъ головы. У палачей, какъ она объяснила, вошло въ обычай не держать у себя меча, которымъ совершена была смертная казнь сто разъ, а тѣмъ менѣе пользоваться имъ долѣе, потому что такой мечъ не похожъ на другіе, а пріобрѣтаетъ съ теченіемъ времени тайное самосознаніе, и въ такой же мѣрѣ, какъ человѣкъ, нуждается, наконецъ, въ успокоеніи въ могилѣ. Притомъ, по мнѣнію многихъ, такіе мечи становятся, наконецъ, отъ усиленнаго кровопролитія жестокими и жаждутъ крови, и около полуночи ясно можно разслышать иногда, какъ они возятся и тревожно стучатъ въ шкапѣ, гдѣ ихъ повѣсили; нѣкоторые дѣлаются даже злыми и коварными, совершенно какъ нашъ братъ человѣкъ, и до такой степени отуманиваютъ несчастнаго, который держитъ такой мечъ въ рукахъ, что онъ наноситъ раны своему лучшему другу. Такъ даже въ семьѣ самой гохенки одинъ братъ закололъ такимъ мечомъ другого.

Гохенка призналась, однако, что съ помощью такого меча, казнившаго сто человѣкъ, можно совершать величайшія волшебства, и въ ту же ночь поспѣшила вырыть похороненный за деревомъ мечъ, который и хранила потомъ въ своей кладовой вмѣстѣ съ разными другими колдовскими принадлежностями.

Разъ, когда ея не было дома, я попросилъ Зефхенъ показать мнѣ эту достопримѣчательность. Она не заставила себя упрашивать, пошла въ кладовую и тотчасъ же вернулась оттуда съ громаднымъ мечомъ, которымъ, несмотря на худобу своихъ рукъ, принялась махать очень сильно, напѣвая при этомъ съ плутовски угрожающимъ видомъ:

«Хочешь ты мечъ обнаженный лобзать,
Мечъ, ниспосланный Богомъ самимъ?»

Я отвѣтилъ на тотъ же мотивъ: «Не хочу я цѣловать обнаженный мечъ—хочу цѣловать рыжую Зефхенъ», и такъ какъ она, изъ боязни ранить меня страшною сталью, не могла сопротивляться, то допустила меня крѣпко обхватить ея тонкій станъ и поцѣловать въ строптивыя губы. Да, несмотря на мечъ палача, которымъ была обезглавлена уже сотня горемыкъ, и вопреки безчестію, которому подвергаетъ

всякаго прикосновеніе къ членамъ позорнаго рода палачей, я поцѣловалъ прекрасную дочь палача.

Я поцѣловалъ ее не только по нѣжному влеченію, но и изъ презрѣнія къ старому обществу и всѣмъ его мрачнымъ предразсудкамъ, и въ эту минуту загорѣлось во мнѣ первое пламя тѣхъ двухъ страстей, которымъ была посвящена вся моя послѣдующая жизнь: любовь къ прекраснымъ женщинамъ и любовь къ французской революціи, къ тому furor francese новаго времени, которымъ былъ охваченъ и я въ борьбѣ съ средневѣковыми ландскнехтами.

Не стану описывать подробнѣе мою любовь къ Іозефѣ. Сознаюсь, однако, въ томъ, что она была только прелюдіей, предшествовавшей великимъ трагедіямъ болѣе зрѣлаго періода моей жизни. Такъ Ромео прежде, чѣмъ встрѣтить свою Юлію, влюбленъ въ Розалинду.

Въ любви тоже существуетъ, какъ въ римско-католической религіи, временное чистилище, въ которомъ, прежде чѣмъ войти въ дѣйствительный вѣчный адъ, надо пріучить себя къ поджариванію.

Адъ? Позволительно ли упоминать о любви на ряду съ этимъ безобразіемъ? Ну, коли хотите, я сравню ее и съ небомъ. Къ сожалѣнію, въ любви никогда не разберешь, гдѣ начинается ея самое близкое сходство съ раемъ или адомъ, точно такъ же, какъ не знаешь, съ кѣмъ ты тутъ или тамъ встрѣтился—съ чортомъ ли, который замаскировался ангеломъ, или съ ангеломъ, который замаскировался чортомъ.

Откровенно сказать, какая страшная болѣзнь—любовь къ женщинѣ! Тутъ, какъ, къ сожалѣнію, мы видѣли, не помогаетъ никакая прививка болѣзни.

Очень свѣдущіе и опытные врачи совѣтуютъ въ этомъ случаѣ перемѣнить мѣсто жительства и думаютъ, что съ удаленіемъ отъ чаровницы разрушаются и чары. Принципъ гомеопатіи, по которому отъ женщины излѣчиваетъ насъ женщина, можетъ-быть, самый доказанный опытомъ.

Во всякомъ случаѣ, дорогой читатель, ты замѣтилъ, что прививка любви, которую моя мать попыталась сдѣлать въ дѣтствѣ, не увѣнчалась успѣхомъ. Было предопредѣлено, что великимъ недугомъ—оспою сердца, я буду страдать сильнѣе, чѣмъ всѣ другіе смертные, и въ моемъ сердцѣ такое множество дурно залѣченныхъ слѣдовъ, что оно похоже на гипсовую маску Мирабо, или на фасадъ Palais Mazarin послѣ славныхъ іюльскихъ дней, или даже на репутацію величайшей трагической актрисы.

Но неужели нѣтъ никакихъ лѣкарствъ отъ ужасной болѣзни? Недавно одинъ психологъ высказалъ мнѣніе, что ее можно одолѣть, если при самомъ началѣ возникновенія употребить нѣсколько надлежащихъ средствъ. Но этотъ рецептъ напоминаетъ одинъ старый нѣмецкій молитвенникъ, въ которомъ напечатаны молитвы на всѣ несчастные случаи, какіе могутъ угрожать человѣку, и между прочимъ, длинная, въ нѣсколько страницъ, молитва, которую долженъ прочитать кровельщикъ, какъ только онъ ощутитъ головокруженіе и увидитъ себя въ опасности немедленно слетѣть съ крыши.

Точно такъ же смѣшно совѣтовать заболѣвшему любовью бѣжать отъ своей красавицы и искать себѣ выздоровленія въ одиночествѣ, на груди природы. Ахъ, на этой зеленой груди онъ найдетъ только скуку, и мы совѣтовали бы ему, напротивъ, если въ немъ не погасла всякая энергія, искать на совсѣмъ иной и очень бѣлой груди если не спокойствія, то цѣлительнаго безпокойства, ибо самое дѣйствительное противоядіе противъ женщинъ—женщины; правда, это значило бы изгонять Сатану Вельзевуломъ, да кромѣ того, въ такихъ случаяхъ лѣкарство еще пагубнѣе болѣзни. Но это все-таки шансъ на выздоровленіе, и въ печальныхъ любовныхъ неудачахъ перемѣна возлюбленной есть, конечно, лучшее, что можно посовѣтовать, и мой отецъ могъ бы и здѣсь съ полнымъ основаніемъ сказать: теперь надо почать новый боченокъ.

Да, возвратимся къ моему милому отцу, которому, конечно, сострадательная бабья душа донесла о моихъ учащенныхъ визитахъ къ гохенкѣ и моей склонности къ рыжей Зефхенъ. Но эти доносы имѣли только тотъ результатъ, что дали моему отцу поводъ проявить свою прелестную вѣжливость. Скоро послѣ того Зефхенъ разсказала мнѣ, что на прогулкѣ встрѣтился съ нею одинъ очень важный и напудренный господинъ, въ сопровожденіи другого, и когда этотъ послѣдній шепнулъ ему нѣсколько словъ, тотъ ласково посмотрѣлъ на нее и, проходя мимо нея, снялъ шляпу и поклонился.

Когда она болѣе подробно описала поклонившагося господина, я узналъ въ немъ моего милаго, добраго отца.

Не съ такимъ же снисхожденіемъ отнесся онъ ко мнѣ, когда ему сообщили о нѣкоторыхъ моихъ насмѣшкахъ надъ религіею. Меня обвинили въ отрицаніи Бога, и по этому случаю мой отецъ обратился ко мнѣ съ рѣчью, конечно, самою длинною, какую онъ когда-либо произносилъ и ко-

торая гласила такъ: «Любезный сынъ! Твоя мать посылаетъ тебя къ ректору Шальмейеру слушать лекціи философіи. Это ея дѣло. Я съ своей стороны не люблю философіи, ибо она не что иное, какъ суевѣріе, а я купецъ, и моя голова нужна мнѣ для моихъ дѣлъ. Ты можешь быть философомъ, сколько тебѣ угодно, но, пожалуйста, не высказывай твоихъ мыслей публично, ибо ты повредилъ бы моимъ дѣламъ, если бы мои кліенты узнали, что у меня есть сынъ, который не вѣритъ въ Бога; особенно евреи перестали бы покупать у меня вельветинъ, а они честные люди, платятъ исправно и тоже имѣютъ основаніе держаться своей религіи. Я твой отецъ, и такимъ образомъ старше тебя, а слѣдовательно и опытнѣе; поэтому ты долженъ мнѣ вѣрить на слово, когда я позволяю себѣ сказать тебѣ, что атеизмъ большой грѣхъ».

Примѣчанія

къ 4-му тому.

Къ стр. 3. Серію статей, которыя въ 1832 г. появились отдѣльною книгой подъ заглавіемъ «Французскія Дѣла» (Französische Zustände), составляютъ корресподенціи, посылавшіяся Гейне изъ Парижа въ аугсбургскую газету «Allgemeine Zeitung» отъ декабря 1831 г. до сентября 1832 г.

Къ стр. 13. *Никогда не продѣлывалъ гимнастическихъ упражненій на Заячьемъ полѣ.* Заячье поле (Hasenheide)—мѣстность около Берлина, на которой въ 1811 г. извѣстный «нѣмечникъ» Янъ (Vater Jahn) открылъ съ патріотическою цѣлью первое гимнастическое учрежденіе, такъ какъ гимнастика входила въ число упражненій, долженствовавшихъ развивать въ нѣмцахъ старый германскій патріотизмъ. — *Возлюбленный внукъ* императора Франца — герцогъ рейхштадтскій, умершій въ іюлѣ 1832 г.

Къ стр. 16. Фонъ-Раумеръ — извѣстный историкъ и профессоръ берлинскаго университета, державшійся умѣренно либеральнаго образа мыслей. — Главное положеніе философіи Гегеля — все существующее разумно; въ рукахъ нѣмецкихъ реакціонеровъ оно сдѣлалось опаснымъ оружіемъ.— Шлейермахеръ—знаменитый богословъ и профессоръ берлинскаго университета, внесшій въ науку богословія новыя, чисто философскія начала. Но прусская государственная система имѣла въ немъ ревностнаго защитника.—Арндтъ—одинъ изъ самыхъ выдающихся поэтовъ времени «войнъ за освобожденіе», пѣсни котораго распѣвались всею патріотическою Германіею.—«Паршивая книжонка», о которой здѣсь упоминается—«Вопросъ о Нидерландахъ»; она появилась въ 1831 г. — Штегеманъ — поэтъ того же времени и въ томъ же направленіи. — Ранке — знаменитый историкъ.

Къ стр. 17. «Messager»—либеральная французская газета.—Союзный актъ, о которомъ здѣсь говорится — дѣло Меттерниха; оттого Гейне называетъ его «вѣнскимъ».

Къ стр. 19. «Прекрасная царевна» — старшая дочь Фридриха-Вильгельма III и супруга императора Николая I (Александра Федоровна).

Къ стр. 21. *Поютъ свыше чѣмъ на 20 листовъ.* Подъ «птицами» здѣсь подразумѣваются книги свыше 20 печатныхъ листовъ, которыя подлежали не предварительной, а карательной цензурѣ. —

Подъ «старымъ Симургомъ» подразумѣвается Меттернихъ (см. стр 20 II т.).

Къ **стр. 22.** Ярке — профессоръ въ Боннѣ, отличавшійся въ религіозномъ и политическомъ отношеніи ультраконсерватизмомъ; (о немъ упоминается и въ «Луккскихъ Водахъ», т. I настоящаго изданія).

Къ **стр. 24.** «Last speeches» значитъ «послѣдніе спичи». Іюльская монархія хотѣла сохранить институтъ наслѣдственнаго перства, введенный Людовикомъ XVIII; но палаты допустили только пожизненное перство.—Казимиръ Перье былъ въ это время министръ-президентъ.— «Ліонскія смуты»—сильное возстаніе ліонскихъ рабочихъ вслѣдствіе безработицы и голода. — Петіонъ — одинъ изъ самыхъ выдающихся членовъ Національнаго Собранія и Конвента во время первой революціи.

Къ **стр. 29.** «Красный человѣчекъ» — таинственная фигура, которая, какъ увѣрялъ Наполеонъ, являлась ему предъ всякимъ важнымъ событіемъ.

Къ **стр. 30.** Ле-Нотръ—знаменитый садовникъ, устроившій сады въ Тюильри, Версали, С.-Клу и Фонтенебло.

Къ **стр. 32.** Менотти—глава заговора въ Моденѣ противъ папы. — Генералъ Торрихосъ — организаторъ возстанія въ Испаніи противъ существующаго правительства.

Къ **стр. 33.** «Programme de l'Hôtel de ville». Въ Hôtel de ville (городская ратуша) Людовикъ Филиппъ былъ поставленъ на царство, благодаря преимущественно содѣйствію Лафайета, который составилъ и «программу» будущаго управленія государствомъ.

Къ **стр. 35.** Вери и Вефуръ—содержатели лучшихъ ресторановъ.— Каремъ и Ватель — знаменитые повара; о Вателѣ, поварѣ принца Ковде при Людовикѣ XIV, разсказываютъ, что онъ лишилъ себя жизни вслѣдствіе того, что на одномъ банкетѣ въ честь короля одно блюдо оказалось неудачно изготовленнымъ. — О философѣ и писателѣ А. В. Шлегелѣ см. въ «Романтической Школѣ» (III т. настоящаго изданія).

Къ **стр. 36.** Марра (Marrast) — редакторъ газеты «Tribune», главнаго органа республиканской партіи.

Къ **стр. 37.** О «вѣрномъ Эккартѣ» см. въ статьѣ «Стихійные духи», III т. нашего изданія.

Къ **стр. 41.** Messager — должность, учрежденная на время первой революціи «совѣтомъ пятисотъ» для разсылки своихъ сообщеній (messages) членамъ Директоріи. — Могенъ (Mauguin) — выдающійся членъ палаты въ тридцатыхъ годахъ, вожакъ крайней лѣвой.

Къ **стр. 42.** «Одна очень знаменитая дама»—госпожа Сталь.

Къ **стр. 43.** Въ началѣ 1832 г. вдругъ загорѣлась одна изъ башенъ церкви Notre Dame, колокола ея зазвонили набатъ, и въ народъ было пущено множество республиканскихъ прокламацій. — Въ знаменитомъ романѣ Рабле (XV в.) «Гаргантюа» находится, между прочимъ, эпизодъ снятія этимъ гигантомъ колоколовъ съ Notre Dame.— Слова «Si l'on m'accusait» и т. д. значатъ—«если бы меня обвинили въ томъ, что я укралъ колокола Notre Dame, я пустился бы въ бѣгство».

Къ **стр. 44.** *Сажаетъ въ песокъ срѣзанныя завядшія лиліи.* Лиліи (три числомъ) находились въ гербѣ Бурбоновъ. — Герцогъ Фицъ-Джемсъ — вѣрный приверженецъ Карла X и послѣ его паденія, несмотря на принесеніе присяги Людовику Филиппу.

Къ стр. 45. Бланки — соціалистъ-демагогъ (игравшій выдающуюся роль и въ Коммунѣ 1871 г.).

Къ стр. 47. «Чудо-ребенокъ» — сынъ герцога Беррійскаго, внукъ Карла X, графъ Шамборъ (ум. въ 1883 г.).

Къ стр. 50. Баронъ Луи—тогдашній министръ финансовъ.

Къ стр. 51. Донъ Педро — бразильскій императоръ Педро I, котораго въ 1831 г. заставили отречься отъ престола и который затѣмъ пріѣхалъ во Францію, послѣ чего велъ два года войну со своимъ братомъ за португальскій престолъ.

Къ стр. 52. Гефестъ — греческое названіе бога Вулкана. О его борьбѣ съ богомъ войны, Марсомъ—въ «Одиссеѣ» Гомера.—О знаменитомъ средневѣковомъ колдунѣ Мерлинѣ разсказывается въ одной изъ легендъ, что его возлюбленная, которой онъ выдалъ тайну своего чародѣйства, превратила его въ терновый кустъ, изъ каковаго состоянія онъ не могъ уже выйти.

Къ стр. 53. «*Дополненія*» *къ* «*Путевымъ Картинамъ*», это—напечатанныя въ I т. настоящаго изданія «Отрывочныя замѣтки объ Англіи», первоначально появившіяся подъ вышеупомянутымъ заглавіемъ. — «Письма умершаго» — сочиненіе кн. Пюклеръ-Мюскау (см. посвященіе ему «Лютеціи» во II томѣ); полное заглавіе — «Отрывочный дневникъ путешествія по Англіи, Уэльсу, Ирландіи и Франціи, писанный въ 1828 и 1829 г.». О нихъ Гейне упоминаетъ и въ другомъ мѣстѣ; оттого слова «укажу еще разъ».

Къ стр. 54. Боркъ (Бёркъ—Burke)—знаменитый государственный мужъ Англіи (ум. въ 1797 г.), заклятый противникъ французской революціи. Къ приведеннымъ здѣсь словамъ: «Боркъ, старавшійся» и т. д. Гейне, во французскомъ переводѣ этихъ писемъ сдѣлалъ примѣчаніе: «Намекъ на того другого Бёрка, который нѣсколько лѣтъ назадъ убивалъ людей для снабженія трупами анатомическихъ театровъ, вслѣдствіе чего вся Англія страшно боялась быть «бёркованною» (burkée); это былъ тогда ходячій терминъ».

Къ стр. 55. 10-го августа 1792 г. революціонеры взяли Тюильри и уничтожили монархическую власть.

Къ стр. 57. Полководецъ Св. Союза—лордъ Веллингтонъ.—*Въ другомъ мѣстѣ я доказалъ*... Именно, въ «Отрывочныхъ замѣткахъ объ Англіи», глава «Новое Министерство» (I т. настоящаго изданія).—Cock-pit—мѣсто, гдѣ происходятъ бои пѣтуховъ, одно изъ любимыхъ увеселеній англичанъ.

Къ стр. 58. Беллерофонъ — названіе корабля, на которомъ Наполеонъ сдался англичанамъ.

Къ стр. 60. Лихтенбергъ—нѣмецкій сатирикъ XVIII ст.

Къ стр. 61. Въ 1806 г. Себастіани былъ посланникомъ въ Константинополѣ. Въ 1812 г. онъ предводительствовалъ авангардомъ арміи на пути въ Россію и обратно во Францію.

Къ стр. 62. *Прометей навыворотъ*, *крадетъ* и т. д. Казимиръ Перье, сперва принадлежавшій къ лѣвой сторонѣ либеральной партіи, перешелъ въ совершенно противоположный лагерь, сдѣлавшись министромъ-президентомъ.

Къ стр. 66. *Стяжало себѣ похвальные лавры... въ Ліонѣ и въ Греноблѣ*. О Ліонѣ см. примѣч. къ стр. 24; — въ Греноблѣ возстаніе противъ правительства произошло въ мартѣ 1832 г.

Къ стр. 67. «Vive Henry V!» Генрихомъ V называли графа Шамбора (см. примѣч. къ стр. 47) его приверженцы, въ увѣренности, что онъ рано или поздно взойдетъ на престолъ. — Въ словахъ «Алина,

царица Голконды» и т. д.—намекъ на появившуюся въ 1808 г. подъ этимъ заглавіемъ оперу Боэльдьо. — Филиппъ Эгалитэ (Равенство) — отецъ Людовика Филиппа, герцогъ Орлеанскій; прозвище «гражданина» Эгалитэ онъ принялъ во время французской революціи; казненъ въ 1793 г. — Дочь герцога Пентьевръ—мать Людовика-Филиппа, женщина высокой нравственности.

Къ **стр. 68.** Mardi gras—вторникъ на масляной.

Къ **стр. 70.** Boeuf gras — быкъ, котораго въ убранствѣ и съ процессіею водятъ по улицамъ на масляной. — Въ Palais Bourbon происходили засѣданія палаты депутатовъ; въ Люксамбургѣ — засѣданія палаты перовъ; въ Тюильри жилъ Людовикъ Филиппъ со своимъ дворомъ.

Къ **стр. 72.** 21-го января былъ казненъ Людовикъ XVI. — *Пожизненные господа Люксамбурга* — члены палаты перовъ, засѣдавшей въ Люксамбургѣ. — Предложенный депутатомъ Бриквилемъ законъ состоялъ въ томъ, чтобы изгнать всѣхъ членовъ низложенной фамиліи и конфисковать ихъ имущества.

Къ **стр. 74.** «Fils d'Egalité» — см. примѣч. къ стр. 67. — Parisienne—пѣсня поэта Казимира Делавиня, написанная въ честь іюльской революціи; музыка Обера.—Послѣ казни Людовика XVI Людовикъ Филиппъ бѣжалъ въ Швейцарію и для добыванія себѣ средствъ къ жизни былъ съ 1793—1794 г. въ Рейхенау школьнымъ учителемъ.

Къ **стр. 75.** «Юный Генрихъ»—графъ Шамборъ (см. выше).

Къ **стр. 77.** Сенъ-жерменское предмѣстье (Faubourg St. Germain) — самая аристократическая часть Парижа. Тутъ жили легитимисты, поддерживавшіе деньгами республиканцевъ. — «Чудесный отрокъ»—см. примѣч. къ стр. 47.—«Сынъ великаго человѣка»—герцогъ Рейхштадтскій.

Къ **стр. 79.** Молодой герцогъ Орлеанскій — старшій сынъ Людовика Филиппа.

Къ **стр. 82.** Г-жа Роланъ—знаменитая дѣятельница партій жирондистовъ (ум. въ 1793 г.).

Къ **стр. 87.** Chahut—то же, что канканъ.

Къ **стр. 89.** Крикъ «à la lanterne!» (на фонарь!) былъ крикъ, съ которымъ во время первой революціи толпа тащила къ уличнымъ фонарнымъ столбамъ и вѣшала на нихъ всѣхъ тѣхъ, кого она подозрѣвала въ «аристократическомъ» образѣ мыслей. — Brevet du lis — грамота, дававшаяся бурбонскою династіей и на которой изображалась лилія (lis), какъ символъ этого дома.

Къ **стр. 93.** Де-Келенъ—парижскій архіепископъ въ то время.

Къ **стр. 97.** 18-го брюмера (9-го ноября) 1799 г. Бонапарте низвергнулъ Директорію.—Слова «Конституція!...» и т. д. были сказаны имъ въ этотъ день «совѣту пятисотъ», требовавшему, чтобы онъ присягнулъ конституціи 1795 г.

Къ **стр. 100.** Салмазіусъ (латинская форма настоящаго имени — Сомезъ)—ученый филологъ XVII ст., написалъ для Карла II англійскаго сочиненіе въ защиту неограниченнаго абсолютизма. — О Ярке см. примѣч. къ стр. 22.

Къ **стр. 102.** Энгеррандъ де-Мириньи — министръ финансовъ при Филиппѣ IV, казненный его сыномъ Людовикомъ X, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими приближенными покойнаго государя. — Барте — министръ юстиціи. Луи—министръ финансовъ.

Къ **стр. 104.** Сбиры—полицейскіе чиновники въ Италіи.

Къ **стр. 106.** Шамполіонъ—знаменитый египтологъ.—Кювье—знаменитый естествоиспытатель.

Къ стр. 109. Бенжаменъ Констанъ—политическій писатель и государственный дѣятель либеральнаго направленія; умеръ въ 1830 году.

Къ стр. 112. Альгавры—жители самой южной части Португаліи.—«Каледонскій бардъ»—Вальтеръ Скоттъ, написавшій «Жизнь Наполеона Бонапарте». (Рецензія Гейне на эту книгу напечатана въ I томѣ).

Къ стр. 113. Ли Гентъ (Leigh Hunt)—писатель, родственникъ и одно время близкій другъ Байрона, выдающійся членъ радикальной лѣвой въ партіи виговъ. — Rotten boroughs—забытыя, ненаселенныя мѣстности (см. I т. настоящаго изданія, стр. 482).

Къ стр. 114. *Дни Вилькса* и т. д. Джонъ Вильксъ (1727—1797)—публицистъ, за ожесточенныя нападки на короля Георга III и его министровъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, газета его предавалась сожженію, въ парламентъ его не допускали и т. п. Но онъ пользовался въ лондонской публикѣ огромною популярностью, одно время былъ даже лордъ-мэромъ.

Къ стр. 115. Ордонансы (ordonnances) появились 26-го іюля 1830 г.; это были распоряженія о временномъ уничтоженіи свободы печати, о распущеніи палатъ и новомъ порядкѣ выборовъ, объ измѣненіи выборнаго закона и т. п.—«Нѣмецкая женщина»—жена короля Вильгельма.

Къ стр. 121. Газета «Нѣмецкая Трибуна» издавалась въ строго демократическомъ духѣ; редакторъ ея былъ докторъ Виртъ, игравшій одну изъ самыхъ видныхъ ролей на Гамбахскомъ празднествѣ (см. объ этомъ празднествѣ въ сочиненіи Гейне «Людвигъ Бёрне», I т. настоящаго изданія).

Къ стр. 123. Зибенпфейферъ—радикальный публицистъ.—Фейнъ—демократическій агитаторъ.—Шюлеръ—выдающійся дѣятель либеральной партіи, былъ принужденъ нѣсколько разъ бѣжать изъ отечества, чтобы не быть арестованнымъ.—Савуа, натурализованный французъ, профессоръ въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній Парижа.

Къ стр. 124. «Lucus a non lucendo»—латинская поговорка (изъ Квинтиліана) для насмѣшки надъ неправильными и произвольными этимологическими производствами и т. п. грамматическими вольностями; образчикъ—производство слова lucus (роща) отъ non lucendo (отсутствіе свѣта).—Іосифъ Герресъ—впослѣдствіи глава церковной реакціи; упоминающійся здѣсь журналъ «Меркурій» (собственно «Рейнскій Меркурій») имѣлъ нѣмечнически патріотическій характеръ.

Къ стр. 126. Видокъ—знаменитый полицейскій сыщикъ.

Къ стр. 128. О событіяхъ 5-го и 6-го іюня говорится ниже, стр. 150—153.

Къ стр. 131. *«Круглый столъ» Л. Филиппа.* Имѣется въ виду средневѣковое собраніе двѣнадцати рыцарей короля Артура (или Артуса), носившее названіе «Круглаго стола».

Къ стр. 136. Предисловіе къ «Письмамъ Кальдорфа» напечатано въ IV т. настоящаго изданія.

Къ стр. 140. Томасъ Мюнцеръ — глава крестьянскаго возстанія; казненный въ 1525 г.

Къ стр. 142. 14-е іюня 1789 г. поставлено у Гейне неправильно, Бастилія была разрушена 14-го іюля.

Къ стр. 144. Гобель—парижскій архіепископъ во время революціи.

Къ стр. 145. Альфьери—итальянскій поэтъ (ум. 1803 г.).—Гара—писатель и государственный дѣятель первой революціи, онъ написалъ «Mémoires sur la révolution».—Шамфоръ—писатель.

Къ стр. 146. Панталоне—комическое лицо итальянской народной комедіи, то же, что нашъ «Петрушка».

Къ **стр. 147.** Бурьеннъ—другъ молодости Наполеона и впослѣдствіи его секретарь; написалъ не отличающіеся особенною достовѣрностью «Мемуары». — Аріель и Калибанъ — дѣйствующія лица въ трагедіи Шекспира «Буря»; первый—представитель поэтическаго и благороднаго въ физическомъ и нравственномъ отношеніи; второй—полная противоположность ему въ обоихъ отношеніяхъ.

Къ **стр. 148.** «Allez dire à votre maître» и т. д. — слова Мирабо 23-го іюня 1789 г. въ отвѣтъ на требованіе короля распустить Національное Собраніе.

Къ **стр. 163.** Саррю—редакторъ «Biographie des hommes du jour».—Арманъ Каррель—редакторъ «National» (вмѣстѣ съ Минье и Тьеромъ).—Костъ—отвѣтственный редакторъ «Temps».

Къ **стр. 167.** Съ *какимъ веселымъ смѣхомъ* и т. д. Осадное положеніе было объявлено именно по иниціативѣ Монталиве, бывшаго въ то время министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Къ **стр. 174.** Страною «Ос» называлась въ старинное время южная Франція, гдѣ вмѣсто «oui» (да) говорили «ос», въ противоположность ей, сѣверная Франція называлась страною «Oui».—Сынъ герцогини Беррійской, жены Карла X—графъ Шамборъ (см. выше).

Къ **стр. 181.** Fabliaux—маленькіе анекдотическіе разсказы средневѣковыхъ французскихъ труверовъ.

Къ **стр. 184.** *Феодальные романы одного знаменитаго поэта...* Это—Фуке, авторъ «Ундины».

Къ **стр. 188.** Кребильонъ (младшій) — авторъ многихъ романовъ, изображающихъ испорченность тогдашняго высшаго сословія.—Лакло—авторъ извѣстнаго романа «Les liaisons dangereuses», имѣющаго тотъ же характеръ.—Лувe—авторъ знаменитаго романа «Les amours du chevalier de Faublas».

Къ **стр. 189.** Подъ рубрикой «Добавленія къ сочиненіямъ въ прозѣ» помѣщены статьи, которыя, согласно плану настоящаго изданія, не вошли во всѣ предыдущія рубрики, установленныя самимъ Гейне.

Къ **стр. 191.** *Сатирическія выходки Карфункелей и Соларисовъ.* Статья Гейне «Романтика» была написана по поводу статьи Бломберга подъ заглавіемъ «Объясненіе напечатанной въ Heidelberger Taschenbuch драмы-сонета, озаглавленной: «Многомудраго небеснаго вѣстника Фосфоруса Конфункулуса Солариса послѣдняя комедія, имъ самимъ рожденная, представленная и которой онъ самъ былъ зрителемъ». Фамилію Конфункулуса Гейне перемѣнилъ въ Карфункеля.

Къ **стр. 194.** Эпиграфъ къ «Письмамъ изъ Берлина», взятый изъ драмы Клейста «Принцъ Гомбургскій», значитъ: «Странно! будь я тунисскимъ деемъ, я бы надѣлалъ шуму при такомъ двусмысленномъ происшествіи». Эти слова говоритъ курфюрстъ при появленіи въ Берлинѣ, вопреки его приказанію, коттвицкихъ драгунъ. Трудно понять, какое отношеніе этотъ эпиграфъ имѣетъ къ «Письмамъ».

Къ **стр. 196.** *Мы въ Лустгартенѣ, но гдѣ же садъ?* Слово «Лустгартенъ» значитъ увеселительный садъ.—Старый дессауэръ—прозвище принца Леопольда дессаускаго.

Къ **стр. 197.** *«Здѣсь выкармливаются снигири».* Тутъ непереводимая игра словъ: Dompfaffen значитъ соборные священники (Dom—соборъ, pfaffe—священникъ), и снигири.

Къ **стр. 199.** Сыны Германа и Туснельды—германцы.

Къ **стр. 202.** Англійскіе стихи (Мильтона) значатъ: «Грація во

всѣхъ ея шагахъ, небо въ ея глазахъ, въ каждомъ движеніи достоинство и любовь».

Къ стр. 203. Цитата изъ m-me Сталь значитъ: «Берлинъ, этотъ совсѣмъ новый городъ, какъ онъ ни красивъ, не производитъ достаточно серьезнаго впечатлѣнія; тутъ не замѣчаешь отпечатка ни исторіи страны, ни характера жителей, и эти новопостроенныя жилища кажутся назначенными только для удобныхъ сборищъ удовольствій и промышленности».

Къ стр. 204. «Петръ Шлемиль»—знаменитый романъ Шамиссо, разсказывающій исторію человѣка, потерявшаго свою тѣнь.—Вольфъ—знаменитый изслѣдователь Гомера, доказывавшій, что «Иліада» и «Одиссея» въ ихъ теперешней редакціи—не сочиненія *одного* поэта, а произведенія, составленныя изъ пѣсенъ отдѣльныхъ рапсодовъ. — «Милые внуки Тевта» — германцы (тевтонцы). Тевтъ (или Туиско) — миѳическое лицо, богъ германцевъ.

Къ стр. 207. *Берлинъ—большой Кревинкель.* Кревинкель—въ одной комедіи Коцебу названіе мѣстечка, жители котораго отличаются крайнею провинціальною ограниченностью, страстью къ сплетнямъ и т. п.

Къ стр. 213. Многоточіе въ подлинникѣ—вслѣдствіе цензурныхъ вымарокъ.

Къ стр. 216. «I-а»—ослиный крикъ, «б-э-э»—овечье блеянье.

Къ стр. 226. Котурнъ—древнегреческая обувь, на сценѣ подвязывавшаяся къ пяткамъ для увеличенія роста.

Къ стр. 228. «Si tu me connais, ma belle, tu n'es pas grande chose»—«Если ты меня знаешь, то ты порядочная дрянь».

Къ стр. 229. «Tu es beau!» и т. д.—«Ты прекрасна, ты очаровательна! Ты предметъ моей страсти! Я обожаю тебя, моя красавица!»

Къ стр. 231. *Мы... болтали о новой литургіи.* Рѣчь идетъ о происходившемъ въ то время въ Пруссіи спорѣ по поводу желанія измѣнить нѣкоторыя формы протестантскаго богослуженія.

Къ стр. 232. Стихи «Eine feste Burg» и т. д. — юмористическая передѣлка гимна Лютера. Здѣсь «твердымъ оплотомъ» (eine feste Burg) сдѣлана крѣпость Шпандау, куда сажали политическихъ преступниковъ.

Къ стр. 236. Теодоръ Кернеръ — одинъ изъ самыхъ выдающихся «патріотическихъ» нѣмецкихъ поэтовъ во время войнъ съ Наполеономъ, авторъ множества такъ-называемыхъ «освободительныхъ пѣсенъ» (Befreiungslieder).

Къ стр. 238. *Размѣръ сафической оды.* Это размѣръ, изобрѣтенный знаменитою древне-греческою поэтессою Сафо и затѣмъ вошедшій въ общее употребленіе.

Къ стр. 240. «Великій Мендельсонъ»—знаменитый философъ, другъ Лессинга.

Къ стр. 243. *«Въ шутку называетъ Wollhabende».* Каламбуръ, основанный на сходствѣ словъ Wolle—шерсть и Wohl—благо, благосостояніе. Habende — имѣющіе. — «Falsche Wanderjahren» («Фальшивые годы странствованія») — неудачная пародія Пусткухена на сочиненіе Гёте «Годы: странствованія Вильгельма Мейстера».

Къ стр. 252. Многоточіе въ подлинникѣ.

Къ стр. 253. *Городъ Бредфордъ въ «Векфильдскомъ Стрѣлкѣ» Шекспира.* Это не шекспировская, а псевдо-шекспировская пьеса «Георгъ Гринъ или Векфильдскій Стрѣлокъ», которую Тикъ перевелъ и напечаталъ въ своемъ изданіи «Старый англійскій театръ или добавленія къ Шекспиру».

Къ стр. 254. «Sum rex populorum» и т. д. значитъ: «Я король народовъ, но не совѣстей».

Къ стр. 256. Лютеція—римское названіе Парижа.

Къ стр. 258. «Энциклопедія»—знаменитое изданіе (въ концѣ 18-го в.) Дидро и д'Аламбера, въ сотрудничествѣ другихъ свободныхъ мыслителей того времени, въ томъ числѣ и Вольтера.

Къ стр. 259. Баронъ Гольбахъ—одинъ изъ свободныхъ мыслителей, упомянутыхъ въ предыдущемъ примѣчаніи, крайній матеріалистъ. — Многоточіе въ подлинникѣ.

Къ стр. 260. Advocatus diaboli—названіе лица, роль котораго при католической канонизаціи, т. е. причисленіи умершаго къ лику святыхъ, состояла въ томъ, чтобы поддерживать сомнѣнія въ дѣйствительности совершенныхъ умершимъ чудесъ; ему долженъ былъ возражать въ пользу канонизаціи advocatus Dei (т. е. адвокатъ Божій).

Къ стр. 264. Карно—(ум. въ 1823 г.) французскій государственный дѣятель и писатель, занимавшійся также математическими работами.

Къ стр. 274. Ст. «Альбертъ Метфессель» впервые напечатана въ посмертныхъ сочиненіяхъ анти-каталаніевскаго Швенке. Швенке, дирижеръ оркестра въ Гамбургѣ, былъ противникомъ знаменитой пѣвицы Каталани.

Къ стр. 277. Точки послѣ слова «этотъ»—въ подлинникѣ.

Къ стр. 284. *Пережили у себя дома ужасное бѣдствіе.* Страшное крушеніе на парижско-версальской желѣзной дорогѣ 8-го мая 1842 г.

Къ стр. 286. Статья «Іоганнъ Витъ фонъ-Дерингъ» напечатана Штродтманомъ уже въ 1878 г. Іоганнъ Витъ былъ политическій искатель приключеній, нѣсколько разъ сидѣлъ въ тюрьмѣ по политическимъ дѣламъ, но либеральная партія подозрѣвала въ немъ шпіона и agent provocateur. Гейне самъ говорилъ, что если бы онъ могъ, то повѣсилъ бы этого человѣка; но, тѣмъ не менѣе, поддерживалъ съ нимъ связи, какъ съ очень умнымъ человѣкомъ, и имѣлъ его сотрудникомъ въ газетѣ «Politische Annalen», которую онъ редактировалъ въ Мюнхенѣ.

Къ стр. 287. Мортимеръ и Лейчестеръ—см. трагедію Шиллера «Марія Стюартъ».

Къ стр. 291. Авторъ книги «Кальдорфъ о дворянствѣ»—малоизвѣстный писатель Вессельгефтъ.

Къ стр. 293. Сцены великой недѣли—т. е. іюльской революціи.

Къ стр. 293—294. Лукіанъ—знаменитый римскій сатирикъ (125 г. по Р. Х.).—Неккеръ—министръ финансовъ во время первой революціи.—Сіейесъ—выдающійся либеральный публицистъ, членъ Національнаго Собранія и Конвента, потомъ сотрудникъ Наполеона.

Къ стр. 297. Ultim*a* ratio regis—значитъ по-латыни «послѣдній доводъ государей»; говорятъ, что такъ назвалъ Людовикъ XIV пушки. Ultim*i* ratio regis—съ измѣненіемъ падежа перваго прилагательнаго выходитъ «послѣдняго государя».

Къ стр. 298. *По поводу либеральныхъ тріумфовъ Шеридана въ Св. Стефанѣ.* Шериданъ—знаменитый англійскій писатель и парламентскій дѣятель. Часовня Св. Стефана—мѣсто, гдѣ собирался нижній парламентъ.

Къ стр. 300. *Ампутировать зараженную Ирландію.* Рѣчь идетъ объ извѣстной дѣятельности О'Коннеля.—*Штаберле... хорошо знаетъ, что его зонтики...* и т. д. Штаберле—главное дѣйствующее лицо во многихъ пьесахъ вѣнскаго народнаго драматурга Байерле. На сценѣ онъ всегда появлялся съ зонтикомъ.

Къ **стр. 302.** *«Лира и Мечъ»*—заглавіе сборника стихотвореній Юстина Кернера, воина-поэта, игравшаго главную роль въ политической поэзіи временъ войнъ «за освобожденіе».—Герресъ, глава церковной реакціи, издавалъ въ 1814 г. газету «Рейнскій Меркурій» въ узко патріотическомъ духѣ.—Король донъ Мигуэль—братъ императора бразильскаго донъ Педро I, незаконно завладѣвшій Португаліей и съ которымъ донъ Педро два года велъ войну.

Къ **стр. 303—305.** Сначала до словъ «переодѣтый цырюльникъ»—все это мѣсто заимствовано изъ отдѣла «Городъ Лукка» въ «Путевыхъ Картинахъ» (см. I т. нашего изданія).

Къ **стр. 308.** *Ложь того льстиваго сибарита.* Рѣчь идетъ о поэтѣ Гораціи, который, какъ извѣстно, бѣжалъ съ поля битвы при Филиппахъ, а въ одномъ изъ своихъ «Посланій» говорилъ объ антипатіи поэта къ военной службѣ.

Къ **стр. 310.** *Какъ и въ государствѣ Карла V*... Собственно должно быть «въ государствѣ Филиппа II» («Донъ-Карлосъ» Шиллера).

Къ **стр. 317.** *Въ рыцарѣ фонъ-Вальдзе и его Каспарѣ Ларифари.* Это—дѣйствующія лица въ пользовавшейся когда-то большимъ успѣхомъ романтически-комической народной сказкѣ съ пѣніемъ «Das Donauweibchen».

Къ **стр. 321.** *Послѣсловіе къ второй части «Книги Пѣсенъ».* Второю частью «Кн. II.» Гейне хотѣлъ сперва назвать то, что̀ потомъ явилось подъ заглавіемъ «Новыя Стихотворенія».

Къ **стр. 323.** *Король Артусъ... абсолютное Монсальважъ.* Артусъ (или Артуръ) — миѳическій король бриттовъ, средоточіе многихъ средневѣковыхъ эпическихъ сказаній западной Европы. Монсальважъ въ нѣкоторыхъ изъ этихъ сказаній—гора, гдѣ находился Св. Граль—сосудъ съ кровью I. Христа.

Къ **стр. 324.** *Карлъ Майеръ... Carolus Magnus.* Игра словъ на фамиліи «Майеръ». Major по-латыни значитъ «больше»; magnus—«великій»; такимъ образомъ сопоставляется Карлъ *Майеръ* и Карлъ *Magnus* (Великій).

Къ **стр. 325.** *Какъ меня увѣряютъ, господинъ* ***. Рѣчь идетъ о поэтѣ Мёрике. Гейне почему-то замѣнилъ его фамилію звѣздочками.—О Ленау см. ниже и примѣч. къ стр. 405.

Къ **стр. 326.** О Фоссѣ см. подробно въ сочиненіи «Романтическая школа» (III т. нашего изданія).—Статья «О доносчикѣ»—предисловіе къ третьей части «Салона» (въ III т. стр. 118).—*Бомбы, пущенныя Людовикомъ Бёрне и Давидомъ Страусомъ.* Статья Бёрне—«Менцель французоѣдъ». Статья Штрауса о Менцелѣ въ его изданіи «Полемическія сочиненія въ защиту моей книги о жизни Іисуса».

Къ **стр. 328.** *Нѣкогда въ Вейнсбергѣ носили на спинѣ своихъ мужей.* Есть легенда, что когда непріятель осадилъ городъ Вейнсбергъ и разрѣшилъ тамошнимъ женщинамъ удалиться оттуда, онѣ попросили позволенія унести съ собою то, что было имъ дороже всего, и, получивъ это позволеніе, понесли на спинахъ своихъ мужей. — *Мой другъ Семилассо*—кн. Пюклеръ-Мюскау; см. посвященіе въ «Лютеціи» (Т. II нашего изданія, стр. 14 и примѣч. къ стр. 53).

Къ **стр. 329.** *Пахнетъ больше Шубартовской «могилой».* Рѣчь идетъ о стихотвореніи Шубарта «Могила государей» (Fürstengruft).

Къ **стр. 334.** Двѣ корреспонденціи изъ Парижа были написаны для газеты «Allgemeine Zeitung», слѣдовательно, принадлежали къ тѣмъ письмамъ, которыя собраны во «Французскихъ Дѣлахъ» (IV т. на-

шего изданія), но почему-то не были помѣщены. Въ печати появились онѣ уже въ 1884 г. съ рукописи.

Къ стр. 334. *Не обращая вниманія на Корменена.* Кормененъ публицистъ, авторъ многихъ брошюръ, направленныхъ противъ іюльской монархіи и короля, какъ очень богатаго человѣка.

Къ стр. 335. Mademoiselle Аделаида—принцеса Орлеанская, младшая сестра Людовика Филиппа.

Къ стр. 338. О Луи Бланѣ и Ламнэ неоднократно въ предыдущихъ сочиненіяхъ.

Къ стр. 340. Мы считаемъ лишнимъ переводить приведенную здѣсь французскую цитату, вслѣдствіе ея безсмыслицы. — «Père Duchêne» бѣшено-революціонный журналъ, издававшійся однимъ изъ самыхъ выдающихся террористовъ первой революціи, Геберомъ.

Къ стр. 341. Торквемада—знаменитый испанскій инквизиторъ 15-го ст.

Къ стр. 343—344. *Зеленый Эринъ.* Эринъ — старинное названіе Ирландіи.—Фитцджеральдъ—глава заговора съ цѣлью отдѣленія Ирландіи отъ Англіи; умеръ въ тюрьмѣ въ 1798 г.—Томасъ Муръ—извѣстный поэтъ, другъ Байрона.

Къ стр. 345. *Томаса Литля... за его крошечную фигурку.* Little значитъ маленькій.

Къ стр. 349. Іеомены—добровольцы.

Къ стр. 352. Педди—насмѣшливое прозвище ирландцевъ у англичанъ.

Къ стр. 353. Отрывокъ «Ватерлоо», первоначально долженъ былъ войти въ «Признанія» (см. II томъ), но потомъ Гейне исключилъ его, и онъ появился въ печати уже въ посмертныхъ сочиненіяхъ поэта. При жизни онъ хотѣлъ-было напечатать его отдѣльно, но потомъ отказался отъ этого намѣренія и оставилъ статью въ портфелѣ «по убѣжденію, — говоритъ нѣмецкій издатель:—его издателя Кампе, который боялся, что эти страницы значительно подорвутъ популярность Гейне».

Къ стр. 356. *«Добрые люди и скверные музыканты».* См. I т. нашего изданія, стр. 236 и примѣч.

Къ стр. 357. Богуславскій—знаменитый карликъ.

Къ стр. 358. Круглый Столъ — двѣнадцать рыцарей миѳическаго короля Артуса.

Къ стр. 362. Въ ст. «Февральская революція» первая корреспонденція (3-го марта) появилась въ посмертныхъ сочиненіяхъ Гейне, изданныхъ Штродтманомъ въ 1869 г.; но издатель Эльстеръ отыскалъ впослѣдствіи эту же корреспонденцію въ «Allgemeine Zeitung».—Вторая, третья и четвертая напечатаны уже въ 1887 г. съ рукописи, Карломъ Францозомъ, въ его изданіи «Deutsche Dichtung».

Къ стр. 366. Корибанты—древне-греческіе жрецы богини Цибелы, совершавшіе свое богослуженіе съ музыкой и плясками.—Менады—жрицы бога Бахуса. — Evoe!—кликъ ликованія на празднествахъ въ честь Бахуса.

Къ стр. 367. *Пискаряхъ Marais.* Marais называлась умѣренная партія въ Конвентѣ 1793 г.; слово marais значитъ болото; оттого тутъ и «пискари».

Къ стр 368. *Разыгралась извѣстная сцена.* Палата депутатовъ хотѣла уже провозгласить регентство герцогини Орлеанской, когда народъ ворвался въ залу и воспрепятствовалъ этому намѣренію.

Къ стр. 370—371. *Одно сѣверное нѣмецкое правительство... отправляетъ людей путешествовать.* Рѣчь идетъ о командировкѣ прусскимъ правительствомъ въ Италію извѣстнаго историка Ранке.

Къ стр. 371. *Восторженныхъ поборниковъ этого воззрѣнія.* Между ними, на первомъ планѣ,—самъ Гейне, Бёрне, юристъ Гансъ и др.

Къ стр. 372. «Le pain...» и т. д.—«хлѣбъ есть право народа» (см. т. III, стр. 533 и прим.).

Къ стр. 373. «Письма о Германіи» остались отрывкомъ, который впервые появился въ посмертныхъ сочиненіяхъ. Отчасти авторъ воспользовался имъ въ «Признаніяхъ». — Точки, которыми начинается первое письмо—въ подлинникѣ.—Авторъ «Коринны» — г-жа Сталь.— Точки послѣ словъ «посвящаю вамъ»—въ подлинникѣ.

Къ стр. 374. «Elle a quatre hommes» и т. д.—«у нея четверо людей, которые очень рады исполнять ея приказанія».

Къ стр. 375. Точки послѣ словъ «къ своему сочиненію»—въ подлинникѣ.

Къ стр. 377. Фейербахъ (Людвигъ)—философъ рѣзко радикальнаго направленія.

Къ стр. 378. *Я стоялъ позади маэстро.* Это—Гегель. Объ упоминаемомъ ниже Генрихѣ Берѣ и его отношеніяхъ къ Гегелю, см. II т. стр. 347—348.

Къ стр. 381. *Чтеніе книги* «Soirées de St.-Pétersbourg». Это—сочиненіе Жозефа де-Месдтра, французскаго писателя, долго жившаго въ Петербургѣ (ум. 1821 г.); оно написано въ ультра-консервативномъ духѣ. Оттого Гейне остритъ (нѣсколькими строками ниже)—вмѣсто «бюрократіи» пишетъ «буррократіи» (bourreau—палачъ).

Къ стр. 384. Ст. «Леве-Веймарсъ» напечатана впервые въ посмертныхъ сочиненіяхъ.

Къ стр. 385. *Въ старомъ товарищѣ покойнаго.* Это извѣстный фельетонистъ Жюль Жаненъ, писавшій въ «Journal des Débats». Упоминающійся ниже «Мертвый Оселъ»—заглавіе одного изъ его романовъ.

Къ стр. 386. Гозье—французскій генеологъ.—*Стальныя граматы, вышедшія изъ архива Лепажа.* Лепажъ—оружейникъ, бывшій въ большой славѣ.

Къ стр. 388. Точки послѣ словъ «по жантильомски»—въ подлинникѣ.

Къ стр. 389. Отдѣлъ «Мысли и Замѣтки» найденъ въ бумагахъ Гейне и напечатанъ Штродтманомъ послѣ его смерти въ числѣ другихъ «посмертныхъ» произведеній поэта.

Къ стр. 390. *Если бы Монталамберъ* и т. д. Касательно перехода Гейне въ христіанство см. въ I томѣ его біографію. — Слова «Paris vaut bien une messe»—извѣстное изреченіе Генриха IV («Парижъ стоитъ обѣдни», т. е. изъ-за того, чтобы получить Парижъ, можно изъ католика сдѣлаться протестантомъ).

Къ стр. 394. Рюсъ—профессоръ въ Берлинѣ.

Къ стр. 396. *Ученіе о воплощеніи—въ логикѣ.* Собственно въ философіи Гегеля и Шеллинга, въ ученіи ихъ школы о реализаціи идеи.

Къ стр. 397. *Стилиты*—то же, что «столпники», христіанскіе отшельники, запиравшіеся въ середину столба (Симеонъ Столпникъ).

Къ стр. 401. *Ихъ очеловѣчиваютъ (Новалисъ).* Новалисъ—одинъ изъ главныхъ писателей романтической школы. Болѣе подробное развитіе этой мысли см. въ III т. нашего изданія.—*(Генрихъ Клейстъ).* Эту мысль Клейстъ высказываетъ въ своихъ пьесахъ «Катенька изъ Гейльбронна» и «Принцъ Гомбургскій». — *Якоби, эта хнычущая, брюзжащая натура.* О Якоби, мистикѣ-философѣ, говорилось неоднократно въ предыдущихъ томахъ.

Къ стр. 402. *Швабы, и притомъ желтоногіе.* «Желтоногіе»—насмѣшливое прозвище швабовъ (Gelbfüssler), данное имъ по народной сказкѣ о семи швабахъ. — Клауренъ. См. т. I, стр. 163 и въ др. мѣстахъ.—Д'Арленкуръ—французскій писатель (ум. въ 1856 г.).

Къ стр. 403. *Гёте... пользуется «Саконталой».* «Прологъ на театрѣ» въ 1-й ч. «Фауста» есть подражаніе одному мѣсту въ индійской драмѣ поэта Калидасы «Саконтала».

Къ стр. 405. *Бѣдный венгерецъ Нимбшъ* — извѣстный поэтъ Ленау, настоящее имя котораго Нимбшъ фонъ-Стреленау.—*Торговый человѣкъ изъ Липпе-Детмольда*—извѣстный поэтъ Фрейлигратъ, одно время бывшій купцомъ въ Детмольдѣ.—*Савиньи*—знаменитый профессоръ римскаго права.—Іоганнъ Миллеръ—извѣстный историкъ.

Къ стр. 406. О Раумерѣ см. т. I, стр. 565 и прим.—*Берегитесь Генистенберга.* См. III т., 403 стр. и примѣч. — Руге — см. III т., 6 стр. и примѣч.—Венедей—см. I т., 582 стр. и примѣч.

Къ стр. 407. О Масманѣ—см. I т., 586 стр. и примѣч.—О Менцелѣ см. т. I, стр. 600 и слѣд., а также въ предыдущихъ томахъ неоднократно и въ III томѣ—предисловіе къ 3-й ч. «Салона» и разборъ его соч. «Нѣмецкая литература» (IV т.).

Къ стр. 408. Съ начала тридцатыхъ годовъ Гейне разошелся съ Гуцковымъ (бывшимъ до того въ числѣ его друзей) по личнымъ и литературнымъ причинамъ.—Жиске—парижскій префектъ полиціи въ началѣ тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія.

Къ стр. 408. О Граббе см. III т., стр. 430 и прим., а такъ же въ «Мемуарахъ» въ настоящемъ томѣ.—Фрейлигратъ—извѣстный поэтъ, современникъ Гейне, прославившійся особенно своими политическими стихотвореніями революціоннаго характера. См. выше, прим. къ стр. 405.

Къ стр. 410. Бурхартъ—извѣстный путешественникъ, подробно описавшій свои странствованія. — Нибуръ—знаменитый историкъ; также авторъ превосходнаго описанія своего путешествія по Аравіи.

Къ стр. 411. Catholiques marrons—одичавшіе католики.

Къ стр. 411—412. *Дѣвственность всякой лиліи... шлема Мамбрена.* Лилія находилась въ гербѣ Бурбоновъ. Мамбренъ — саррацинскій король, шлемъ котораго, по народному сказанію, дѣлалъ невредимымъ носившаго его.

Къ стр. 412. *Красный колпакъ съ бѣлою кокардой*, т. е. революціонный головной уборъ съ монархической (бурбонской) кокардой.—*Кто, какъ Шарль Нодье... гильотинированію.* Шарль Нодье—извѣстный французскій писатель тридцатыхъ годовъ; о какомъ тутъ «гильотинированіи» идетъ рѣчь, неизвѣстно.—Блазъ де-Бюри—извѣстный французскій критикъ и переводчикъ «Фауста».—*Амори—патронъ писательницъ.* Кто этотъ Амори—не знаемъ.—Леонъ Гозланъ—извѣстный французскій романистъ. — Мишель Шевалье — политико-экономъ, долго былъ сенъ-симонистомъ, потомъ выступилъ защитникомъ свободной торговли.—Тьерри—знаменитый историкъ.—О Мерлинѣ см. прим. къ стр. 52.—*Пророкъ, смотрящій назадъ.* Это слова Фр. Шлегеля; собственно онъ сказалъ: «пророкъ навыворотъ» (umgekehrte Prophet); см. т. III, стр. 307.

Къ стр. 413. *Пезарскій лебедь*—Россини, род. въ Пезаро.

Къ стр. 414. *Юніусъ, рыцарь свободы.* Подъ псевдонимомъ «Юніусъ» (настоящее имя автора Филиппъ Френсисъ) появились въ концѣ 18 ст. въ Англіи письма, представлявшія безпощадную сатиру на государственные порядки этой страны.

Къ стр. 417. Place de la Concorde. На этой площади во время французской революціи производились казни.

Къ стр. 418. *Партія pourris.*, т. е. «гнилыхъ»; первоначально это было насмѣшливое прозвище приверженцевъ Дантона во время французской революціи.—Le parjure des deux siècles—клятвопреступникъ въ двухъ столѣтіяхъ; мнѣніе Гейне о Тайлеранѣ, къ которому относятся здѣсь эти слова, см. въ предыдущихъ томахъ.—*Шатобріанъ... но не человѣкъ.* О Шатобріанѣ см. въ предыдущихъ томахъ; упоминаніе о «склянкѣ іорданской воды» относится къ путешествію Шатобріана въ Іерусалимъ.

Къ стр. 419. О Бенжаменѣ Констанѣ см. въ сочиненіи «Французскія Дѣла», т. IV, стр. 109 и др.—Le style c'est l'homme—c'est aussi la femme—т. е. стиль человѣка—это самъ человѣкъ, но и сама женщина. Первая половина фразы принадлежитъ знаменитому естествоиспытателю Бюффону; вторую сочинилъ Гейне.—«Ce héros» и т. д. значитъ: этотъ кожаный герой съ деревяннымъ сердцемъ и съ мозгомъ изъ папьемаше.—*Нашихъ Клауреновъ.* О Клауренѣ см. т. I, прим. къ стр. 163.—Поццо ди-Борго—родомъ корсиканецъ, смертельный врагъ Наполеона, съ 1803 г. въ русской службѣ, былъ русскимъ посланникомъ въ Парижѣ и Лондонѣ, держался самой реакціонной политики и всегда дѣйствовалъ противъ Франціи; въ 1825 г. получилъ русское графское достоинство.—Штейнъ—знаменитый государственный дѣятель, реформаторъ всего государственнаго строя Пруссіи; заклятый врагъ Франціи.

Къ стр. 420. *Даже Бурбоны дѣлаются завоевателями.* Рѣчь идетъ о завоеваніи Франціею Алжира.—Ванъ-Амбургъ—знаменитый укротитель звѣрей.

Къ стр. 421. Монтіоновская премія — см. выше. — Roi d'Yvetot — король Ивето. Ивето—маленькій французскій городъ; въ прежнее время составлялъ особый независимый округъ съ титуломъ «королевство». «Король Ивето»—народное прозвище для обозначенія мелкаго владѣтеля, желающаго жить въ свое удовольствіе. Ср. знаменитую пѣсню Беранже.

Къ стр. 422. Французскіе стихи значатъ: «Куда вы идете, г. аббатъ? Смотрите, сломите себѣ носъ».

Къ стр. 424. Кюстинъ — французскій писатель, авторъ сочиненія «La Russie», въ которомъ о Россіи много лжи и вздора, но есть и правда.

Къ стр. 425. Геродотъ первою причиною войнъ между персами и греками выставляетъ красивыхъ женщинъ.

Къ стр. 427. De mortuis nil nisi bene (или aut bene, aut nihil) — латинское изреченіе, означающее «о мертвыхъ надо говоритъ хорошо, или ничего не говоритъ».

Къ стр. 430. Дюпре—знаменитый теноръ.—*Mademoiselle Таиса* и т. д. Сказаніе говоритъ, что Александръ Македонскій сжегъ Персеполисъ по настоянію танцовщицы Таисы.—*Когда я сидѣлъ out side of a stage-coach*—англійскія слова, значатъ: «въ наружныхъ мѣстахъ почтоваго дилижанса».

Къ стр. 432. Калмоніусъ — еврей, придворный маклеръ Фридриха Великаго. Почему ему приданъ здѣсь эпитетъ «исцѣлителя отъ глистовъ» (Bandwurmdoctor)—неизвѣстно.

Къ стр. 434. Свой разборъ «Струэнзе» Гейне называлъ однимъ изъ тѣхъ дрянныхъ поступковъ, которые онъ долженъ былъ совершать въ этой жизни. Одному изъ своихъ друзей онъ писалъ по этому поводу: «Прости меня за эту статью—я долженъ былъ написать ее. Кампо-

(его издатель) виною того, что я ради поддержанія существованія долженъ писать рецензіи на сочиненія Бера». Это заявленіе мы не совсѣмъ понимаемъ: «Струэнзе» совсѣмъ не плохая трагедія, ради похвалы которой можно краснѣть. (На русскій языкъ она переведена А. Н. Плещеевымъ).

Къ стр. 436. *Николаиты писали противъ нея.* Николаиты—послѣдователи Николаи (писатель и книгопродавецъ), написавшаго очень плохую пародію на «Вертера» Гёте.

Къ стр. 439. Всѣ стихотворныя цитаты изъ «Струэнзе» приведены въ переводѣ А. Н. Плещеева. — *Какой-нибудь новѣйшій Фаэтонъ.* Фаэтонъ (въ греческой миѳологіи) — сынъ Геліоса (Солнце), получивъ позволеніе отъ своего отца управлять его колесницей, направилъ ее такъ неправильно, что зажегъ небо и землю, за что былъ наказанъ Зевсомъ.

Къ стр. 447. Ж. Б. Руссо—второстепенный нѣмецкій поэтъ, другъ молодости Гейне.

Къ стр. 450. *Хорошенькими пульками изъ грязи.* Такъ оно и случилось впослѣдствіи: Руссо написалъ самую рѣзкую рецензію на соч. Гейне «Романтическая Школа».

Къ стр. 451. О Менцелѣ см. неоднократно въ разныхъ мѣстахъ сочиненій Гейне. Настоящая статья написана за нѣсколько лѣтъ до разрыва Гейне съ Менцелемъ.

Къ стр. 457. Стеффенсъ — ревностный послѣдователь Шеллинга, представитель романтическо-реакціоннаго направленія того времени.

Къ стр. 458. *Борьба съ янсенизмомъ.* Янсенизмъ — ученіе католической церкви (отъ Янсена), противоположное іезуитизму, который велъ съ нимъ ожесточенную войну; оно заключалось въ томъ, что человѣческая натура до послѣдней степени испорчена и что господствующіе нравы требуютъ самаго радикальнаго исправленія. — Галлеръ — крайній реакціонеръ и клерикалъ. — Мюллеръ — дипломатъ и писатель реакціоннаго направленія.—Суфизмъ—созерцательно пантеистическій мистицизмъ набожнаго магометанства.

Къ стр. 459. *Достойному защитнику I. Г. Фоссу.* См. выше прим. къ стр. 326.

Къ стр. 462. *Въ состояніи ли будутъ «Искусство и Древность»...* Подъ заглавіемъ «Искусство и Древность» Гёте издавалъ съ 1816—32 г. журналъ.

Къ стр. 463. Авторъ трагедіи «Смерть Тассо»—Сметсъ, былъ другъ Гейне и посредственный писатель.

Къ стр. 476. *Неправильное екандированіе* и т. д. Приводимые въ нѣмецкомъ подлинникѣ примѣры мы здѣсь не повторяемъ, ибо они въ переводѣ не имѣютъ смысла.

Къ стр. 479. *Аристотельское очищеніе страсти.* Аристотель въ своей «Поэтикѣ» ставилъ «очищеніе страстей» главнымъ закономъ трагедіи.—*«Испанскія ботинки»*—одно изъ орудій инквизиціонной пытки.—Ящикъ *Пандоры.* См. т. II, стр. 517 и примѣч.

Къ стр. 487. Исторію «Мемуаровъ» см. въ біографіи.—*Я, дорогая дама...* Одни думаютъ, что эта дама—знаменитая «Мушка» (см. біографію); другіе—что принцесса Бельджойозо; о которой неоднократно упоминается въ сочиненіяхъ Гейне.

Къ стр. 488. Начало собственно «Мемуаровъ», обозначенное здѣсь точками, уничтожено братомъ Гейне, Максимиліаномъ.

Къ стр. 489. *Почтеннымъ духовнымъ лицомъ.* Это ректоръ Шальмейеръ, о которомъ говорится въ «Путевыхъ Картинахъ» (Книга Ле-Гранъ).

Къ стр. 490. L'art de peindre par les images—искусство рисовать образами. — Батте—знаменитый въ свое время французскій эстетикъ.— О Прокрустѣ см. т. II, стр. 15 и примѣч.

Къ стр. 493. Макельдей—профессоръ римскаго права.—Велькоръ—извѣстный юристъ.—Corpus Juris—сводъ римскихъ законовъ.

Къ стр. 494. *Какъ мы видѣли выше.* Мѣсто, о которомъ идетъ рѣчь въ этихъ словахъ, уничтожено Максиміліаномъ Гейне.

Къ стр. 496. Dito—латинскій терминъ, значитъ—то же самое, уже сказанное.

Къ стр. 498. *Не имѣлъ случая сдѣлаться «врачомъ своей чести», но былъ «стойкимъ принцемъ».* Поставленныя въ кавычкахъ слова—заглавія двухъ знаменитыхъ драмъ Кальдерона.

Къ стр. 500. Salpetrière — названіе большого женскаго госпиталя въ Парижѣ.

Къ стр. 501. Картезій—имя, подъ которымъ извѣстенъ знаменитый философъ Декартъ.—О Парацельсѣ см. т. III, ст. «Къ исторіи религіи и философіи въ Германіи».—Ванъ-Гельмонтъ—врачъ, послѣдователь Парацельса.—Агриппа фонъ-Неттесгеймъ—философъ въ такомъ же родѣ и чернокнижникъ. — Тритемъ (собственно Триттеймъ) — гуманистъ 16 в.

Къ стр. 503. Où l'innocence périt—и т. д. значитъ: когда невинность погибла, оставаться жить—преступленье.

Къ стр. 506. *Въ запискахъ своихъ... ни единымъ словомъ.* Эта ссылка на Гёте—неправильная. Напротивъ того, онъ въ своей автобіографіи говоритъ о дѣдѣ съ *материнской* стороны—судьѣ Текстерѣ; своего же дѣда по отцѣ—сперва портного, потомъ содержателя гостиницы, онъ не зналъ.

Къ стр. 508. Morbidezza—итальянское слово, значитъ почти болѣзненная мягкость, нѣжность.

Къ стр. 509. *Рѣдкое явленіе съ . . . . .* Мѣсто, обозначенное здѣсь точками, уничтожено Максиміліаномъ Гейне.

Къ стр. 511. *Криптоортодоксы*—(греч.) тайные правовѣрные.—*Au petit pied Бруммелемъ.* Au petit pied значитъ—въ небольшомъ размѣрѣ.—Бруммель—знаменитый англійскій щеголь и законодатель модъ.

Къ стр. 513. *Крети и Плети.* См. т. II, стр. 110 и примѣч.—Фалесъ — знаменитый греческій философъ, одинъ изъ «семи мудрецовъ».—Что касается до Лампсака, то такого философа не было; Гейне поставилъ его имя по ошибкѣ (былъ городъ Лампсакъ).

Къ стр. 514. *Кельнъ—Тоскана классически дурного нѣмецкаго произношенія.* Въ Тосканѣ говорятъ самымъ чистымъ итальянскимъ языкомъ. — *Коббесъ съ Марцибилъ.* Это — дѣйствующія лица въ кельнскомъ театрѣ маріонетокъ.

Къ стр. 517. *Звали «Dreckmichel», потому что...* Dreck — нечистоты. Michel—имя (Михаилъ).

Къ стр. 529. Laxarium—рвотное.

Къ стр. 531. «Moult tristement» — очень печально.—Фруассаръ—французскій историкъ (собственно хроникеръ) 15 ст.

Къ стр. 534. *Тутъ, какъ къ сожалѣнію, мы видѣли.* Мѣсто, гдѣ объ этомъ говорилось, уничтожено Максиміліаномъ Гейне, вслѣдствіе чего и непонятно, о какой «прививкѣ любви» говорится черезъ нѣсколько строкъ.—*На репутацію величайшей трагической актрисы.* Рѣчь идетъ о знаменитой Рашель.

Оглавленіе

IV ТОМА

стр.

Французскія дѣла. Переводъ *О. А. Рохмановой* 3

Добавленія къ сочиненіямъ въ прозѣ.

Романтика. Переводъ *Н. Н. Мазуренко* 191

Письма изъ Берлина. Переводъ *Н. А. Брянскаго* . . . 194

О Польшѣ. Переводъ *А. Н. Майкова* 249

Альбертъ Метфессель. Переводъ *П. И. Вейнберга* . . 274

Тѣлесное наказаніе въ Англіи. Переводъ *П. И. Вейнберга.* 276

Предисловіе къ книгѣ А. Вейля «Картинки нравовъ изъ эльзасской жизни». Переводъ *О. А. Рохмановой* . . 278

«Гугеноты» Мейербера. Переводъ *О. А. Рохмановой*. . 281

Гамбургъ. Переводъ *П. И. Вейнберга* 284

Іоганнъ Витъ фонъ-Дерингъ. Переводъ *П. И. Вейнберга* 286

Чай. Переводъ *П. И. Вейнберга* 288

Введеніе къ книгѣ «Кальдорфъ о дворянствѣ—въ письмахъ къ графу М. Мольтке». Переводъ *П. И. Вейнберга* . 291

Введеніе къ «Донъ Кихоту». Переводъ *В. Лицкаго* . . 303

Швабское зеркало. Переводъ *П. И. Вейнберга* 321

Изъ Парижа. Переводъ *П. И. Вейнберга* 334

Томасъ Рейнольдсъ. Переводъ *О. А. Рохмановой* . . . 342

Ватерлоо. Переводъ *П. И. Вейнберга* 353

Февральская революція. Переводъ *П. И. Вейнберга* . . 362

О различномъ пониманіи исторіи. Переводъ *П. И. Вейнберга* 307

Письма о Германіи. Переводъ *П. И. Вейнберга* . . . 373

Вступительныя строки къ переводу одного лапландскаго стихотворенія. Переводъ *Н. И. Вейнберга* 381

Леве-Веймарсъ. Переводъ *П. И. Вейнберга* 384

Мысли и замѣтки. Переводъ *П. И. Вейнберга.*
I. Личное 389
II. Религія и философія 390
III. Искусство и литература 397
IV. Государство и общество 314
V. Женщины, любовь и бракъ 425
VI. Смѣсь. 426
VII. Картинки и наброски красками 431
Рецензіи.
«Струэнзе». Трагедія М. Бера. Переводъ *О. А. Рохмановой* 434
Стихотворенія Ж. Б. Руссо. Переводъ *П. И. Вейнберга* 447
«Нѣмецкая литература» Вольфганга Менцеля. Переводъ *О. А. Рохмановой* 451
«Смерть Тассо». Трагедія В. Сметса. Переводъ *О. А. Рохмановой* 463
«Рейнско-Вестфальскій Альманахъ Музъ на 1821 г.», издаваемый Ф. Расманомъ. Переводъ *П. И. Вейнберга* 481
Мемуары. Переводъ *П. И. Вейнберга* 485
Примѣчанія къ IV тому. 537

M304440

THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY